

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
И ПИСЕМ

4

СОЧИНЕНИЯ

А. Н. Островский

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

В ВОСЕМНАДЦАТИ ТОМАХ

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ВОСЕМНАДЦАТИ ТОМАХ

Кострома
Костромаиздат
2021

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

ТОМ ЧЕТВЁРТЫЙ

СОЧИНЕНИЯ

1861—1865

Кострома
Костромаиздат
2021

УДК 821.161.1.0
ББК 84(2=411.2)52
О-77

Редакционная коллегия:

И. А. Овчинина (главный редактор), В. В. Тихомиров (зам. главного редактора),
Ю. В. Лебедев, Н. Г. Михновец, Л. В. Чернец

Тексты подготовили и комментарии написали:

Е. Н. Белякова, А. А. Виноградов, И. А. Овчинина, А. С. Перникова

Редактор тома

И. А. Овчинина

Островский, Александр Николаевич.

О-77 Полное собрание сочинений и писем : в 18 т. / А. Н. Островский ;
редкол.: И. А. Овчинина (гл. ред.) [и др.]. — Кострома : Кострома-
издат, 2018—

ISBN 978-5-98295-100-7

Т. 4: Сочинения, 1861—1865. — 2021. — 704 с. : ил.

ISBN 978-5-98295-119-9

В четвёртом томе данного издания представлены исторические пьесы «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» и «Воевода (Сон на Волге)». В разделе «Приложения. Другие редакции и варианты» печатаются вторые редакции этих пьес и сохранившийся фрагмент драмы, посвящённой Ксении Годуновой.

Издание адресовано научным работникам, деятелям культуры, а также широкому кругу читателей, интересующихся творчеством А. Н. Островского.

Historical plays “Kozma Zakhar'yich Minin-Sukhoruk” and “Voyevoda (A Dream on the Volga-river)” are represented in the fourth volume of the mentioned edition. The second versions of these plays as well as a preserved fragment of the drama devoted to Ksenia Godunova are included in the division of the volume entitled “Supplement. Other Editions and Variants”.

The edition is addressed to scholars, art workers, as well as to all the people who are interested in A.N. Ostrovsky's creative work.

УДК 821.161.1.0

ББК 84(2=411.2)52

ISBN 978-5-98295-119-9 (т. 4) © Овчинина И. А., составление, статья, 2021

ISBN 978-5-98295-100-7 © Коллектив авторов, подготовка текстов, комментарии, 2021

© Оформление. ООО «Костромаиздат», 2021

СОЧИНЕНИЯ

(1861—1865)

КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧ МИНИН, СУХОРУК

<Первая редакция>

**Драматическая хроника в пяти действиях, с эпилогом, в стихах
(1611—1612)**

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

(25 августа 1611 года)

ЛИЦА

КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧ МИНИН, СУХОРУК, земский староста Нижнего посада.
ИВАН ИВАНОВИЧ БИРКИН, стряпчий, присланный в Нижний Ляпуновым для совету.

ВАСИЛИЙ СЕМЁНОВ, дьяк, старый человек.

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ПОСПЕЛОВ, боярский сын.

ПЁТР АКСЁНОВ, старик, богатый торговый человек.

БАИМ КОЛЗАКОВ, стрелецкий сотник.

РОМАН ПАХОМОВ, боярский сын } гонцы из Москвы.

РОДИОН МОСЕЕВ, посадский }

ВАСИЛИЙ ЛЫТКИН (лет пятидесяти) }

ПАВЕЛ ТЁМКИН (лет тридцати пяти) }

СЕМЁН ГУБАНИН (около двадцати) }

торговые люди.

ГРИША, юродивый мальчик.

ПАВЛИК (писчик), писарь Биркина.

МАРФА БОРИСОВНА, богатая вдова.

ВСЯКИЕ ЛЮДИ НИЖЕГОРОДСКИЕ ОБОЕГО ПОЛА.

Часть Нижнего посада, близ Кремля; направо и налево — деревянные лавки, на заднем плане — деревянный Гостиный двор, за ним видна гора и стены Кремля; налево, в заднем углу, на пригорке, башня и ворота в Кремль. Направо продолжение Нижнего посада. Вдоль лавок деревянные мостки с навесом для пешеходов, у растворов скамьи и раздвижные стулья.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

В Гостином дворе торговцы в лавках и у лавок; проходит народ, некоторые останавливаются и покупают разные вещи. Слышны голоса: «Здесь рукавицы, шапки, кушаки! Гляди, зипун! Из Решмы, с оторочкой». Пётр Аксёнов сидит на скамье у своей лавки (крайней справа). Василий Лыткин входит, отпирает крайнюю лавку с противоположной стороны; заставляет её скамьёй и подходит к Аксёнову.

Аксёнов

Здорово ль, кум?

Лыткин

Здорово, Пётр Аксёныч.

Тебя как милует Господь?

Аксёнов

Спасибо!

Живём-таки. Что Господа гневить!

Откуда, Вася?

Л ы т к и н
С низу, из Казани;
Да позамешкался в дороге малость.
Домашние здоровы ль?

А к с ё н о в
Все здоровы.

Л ы т к и н
Не слышно ль из Москвы каких вестей?

А к с ё н о в
Хорошего немного!

Л ы т к и н
Да уж где нам!
Не до хорошего теперь, Аксёныч!
Поменьше бы худого, так и ладно.

А к с ё н о в
Толкуют много. Может, что и есть
Новее, только хуже уж навряд ли.

Л ы т к и н
А что?

А к с ё н о в
Да якобы, грех наших ради,
Святого патриарха Ермогена
Михайло Салтыков да вор Андронов
С его вселенского престола свергли
И в тесном заточении томят.

(Тихо.)

Толкуют, что Михайло Салтыков
Ножом на патриарха замахнулся,
И проклят им отныне и до века.
Собака!

Л ы т к и н
Ой! Ужли? Ах, грех какой!

А к с ё н о в
Как терпит праведный Господь злодеям!

Л ы т к и н
Беда нам, Пётр Аксёныч, всем беда!
Вот до чего дожить нам привелось!
Я вот боюсь, у нас-то всё ли тихо?

А к с ё н о в

Здесь тишь да гладь да божья благодать.
Как за стеной живём за воеводой
Алябьевым. Дай Бог ему здоровья!
Да и в народе смуты не слышать;
Мордва да черемиса задурила,
Да присмирела.

Л ы т к и н

Что Кузьма Захарьич?

А к с ё н о в

Душой болезнует, скорбит. Сам знаешь,
Не радуется ничто. О земском деле
Печалится один за всех.

Л ы т к и н

Здоров ли?

А к с ё н о в

Бог милует. Кузьма Захарьич дорог
Нижегородцам. За его здоровье
Все молимся. Он твёрдо, неослабно
За веру православную стоит;
По площадям да по базарам ходит;
Разумными речами утверждает
В народе крепость!

Л ы т к и н

Что и говорить!

Радетель!

А к с ё н о в

Диво это, брат Василий,
Как умудрил его Господь речами!
Нас, стариков, к себе собирает на дом,
Да и беседуем до поздней ночи:
Ты, как дурак, сидишь, разиня рот,
Вот так тебя слеза и прошибает,
Всё слушал бы, кажись, и не ушёл бы,
Вот какова его беседа!

Л ы т к и н

Что же

Он говорит такое?

А к с ё н о в

Эх, брат Вася,
Зачем тебе чужое дело знать!
Чай, своего довольно!

Л ы т к и н

Не чужие
Ни ты, ни он; свои, чуть не родные.

А к с ё н о в

Свои-то мы свои, да вот что, друг:
Уж очень это дело-то велико,
А у тебя язык некстати долог.
А, веришь ли, так душу и мутит,
Когда святое дело осрамляют
Речами праздными. Зело противно!
Как если пёс какой нечистым рылом
Нанюхает на трапезе хлеб-соль,
Так всё одно и это.

Л ы т к и н

Я, Аксёныч,
Вот видит Бог, ни слова!

А к с ё н о в

Не божись!
Ну, слушай; да язык-то за зубами
Подерживай! Затеи-то велики,
А что даст Бог, увидим. Сам ты знаешь,
Что вера гибнет, что ругатель-враг
Нас одолел, что православным тесно,
Что стон и плач сирот и горьких вдов,
Как дымный столб, на небеса восходит.
Вот, глупый человек, мы и толкуем,
Что легче смерть от острия меча,
Чем видеть, как ругаются святыней;
Вот и толкуем, как бы ополчиться
Да либо помереть уж, либо Русь
От иноземцев и воров очистить,
От всякой погани.

Л ы т к и н

Аксёныч, страшно!
В разор нас разорят и животишки

Пограбят все; куда с детьми деваться!
Не трогают, так и сидеть бы смирно.
Куда уж лезть!

А к с ё н о в

Да ты крещён аль нет?

Аль животы тебе дороже веры?
А братия? А слёзные писанья
Из-под Москвы? И это ничего!
Пусть умирают, нам тепло да сыто?

Л ы т к и н

Не обижай! Я от миру не прочь.
Уж коли все, и я.

А к с ё н о в

Смотри, Василий!

Рцы слово твёрдо и назад не пяться.

Подходят Тёмкин и Губанин.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Тёмкин и Губанин.

Т ё м к и н

(Лыткину)

А, живая душа! Воротился? За барышами ездил, с татарами торговал?

Г у б а н и н

Как ему не торговать!

Т ё м к и н

Хорошо ли съездил? Чай, мошну-то туго наколотил?

Л ы т к и н

Да, наколотил, как же! Ты спроси, свои-то целы ли. Нажил добра!
На харчи не хватило.

Г у б а н и н

И как это тебе только не стыдно людей морочить! Вестимо, даром не поедешь! Что, мы тебя ограбим, что ли?

Л ы т к и н

Не к тому, друг, что ограбишь. Где ограбить! А вот, право тебе, как перед Истинным...

Т ё м к и н

А я вот что скажу: доводись мне, я бы тебя ограбил.

Лыткин

Что ты, что ты! В своём ли ты разуме?

Тёмкин

Да уж ограбил бы: верно говорю. За то за самое, что денег у тебя больше всех, а ты всё сиротой притворяешься.

Лыткин

Нечего в чужой мошне считать, ты считай в своей!

Губанин

(увидав Пospelова, который выходит из Кремля)

Вон Алексей Михайлович идёт.

Тёмкин

Вот душа-человек! Нужды нет, что из боярских детей, а много прощя нашего брата будет.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Пospelов.

Аксёнов

Куда гулять изволишь, Алексей Михайлович?

Пospelов

Пришёл тебя проведать.

Аксёнов

Спасибо! Ты отколь?

Пospelов

Я из собора.

Вестей несу; да только не взыщите,
Не много радости. Роман Пахомыч
Да Родион Мосеич прибежали
Из-под Москвы, отписки привезли.

Аксёнов

Ты видел их?

Пospelов

Нет, не видал; Кузьма
Захарыч сказывал. К нему и стали.
Сряжаются на воеводский двор
Несть грамоту от патриарха.

А к с ё н о в

Чудо

Великое творится. Божьи люди
Между врагов бестрепетно проходят
К святому патриарху и разносят
По всей земле его благословенья
И грамоты.

Ну, Алексей Михайлыч,
Уж худо ль, хорошо ли, — не томи,
Рассказывай, какие слышал вести.

П о с п е л о в

Прокоп Петрович Ляпунов убит
Казачками.

А к с ё н о в

Да что же за напасти
Такие!

Г у б а н и н

Вот беда-то, вот поруха
Для дела земского!

А к с ё н о в

Кабы не ты
Рассказывал, ни в жизнь бы не поверил.

Л ы т к и н

Теперь такое время, Пётр Аксёныч, —
Хорошему не верь, а что дурное
Услышишь, это, брат, уж верно, правда.

Т ё м к и н

Так подошло, хоть не живи на свете!

А к с ё н о в

Бедам конца не видно. Знать, Господь
Нам прегрешений наших не отпустит
И до конца нас хочет погубить.

П о с п е л о в

Да, Пётр Аксёныч, времена плохие!
Москва разорена, в народе шатость
Да рознь, за что стоять, не знают;
Целуют крест неведомо кому!

А к с ё н о в

Еретикам, латинцам да ворам,
Кому попало.

П о с п е л о в

Новгород Великий

Из Швеции царевича зовёт;
А сын Жигмонтов, Владислав-царевич,
В Москву идёт; во Пскове новый вор,
Такой, что и сказать-то непригоже;
Маринкин сын, Ивашко, тоже царь.

А к с ё н о в

А что же рать, что под Москвою в сборе?
Что воеводы?

П о с п е л о в

Розно разошлись —

Которые домой, другие грабить.
Что воры не успели, то они
У православных христиан растащат.

А к с ё н о в

Ужли ж совсем оставили Москву?

П о с п е л о в

Остались под Москвой два воеводы:
Князь Трубецкой да атаман Заруцкий.

А к с ё н о в

А что ж они?

П о с п е л о в

Они-то? Целовали

Псковскому ведомому вору крест.
Все пошатнулись.

А к с ё н о в

Наше место свято!

Вбегает юродивый.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Те же и юродивый.

А к с ё н о в

Откуда, Гриша?

Юродивый
Ась?

Аксёнов
Откуда, мол?

Юродивый
В монастыре обеденку стоял,
И панихиду пели, поминали...

Аксёнов
Кого?

Юродивый
Раба Прокофья.

Аксёнов
Упокой,
Господь, в святых Твоих селеньях душу
Раба Прокофья!

Все
Упокой, Господь!

Юродивый
Он, говорят, был добрый. Я поплакал
И помянул. Подайте на дорогу!

Поспелов
Прими!
(Подает и уходит в лавку с Аксёновым.)

Лыткин
Аль ты куда собрался, Гриша?

Юродивый
Далёко. Длинная дорога; встанет —
Так до неба достанет. Всё песками
Сыпучими да тёмными лесами
Дремучими.

Лыткин
Куда ж дорога, Гриша?

Юродивый
К честным обителям.

Лыткин
Один пойдёшь?

Ю р о д и в ы й
Нет, много, много.

Л ы т к и н
Что он говорит?
Сулит дорогу, а куда? Известно,
Одна дорога; значит, все помрём;
И надо полагать, что это вскоре.

Г у б а н и н
Нет, надо быть, что о другой дороге
Он говорит.

Т ё м к и н
Его не разберёшь;
Убогой он у нас и малоумный.

Ю р о д и в ы й
(со слезами)
Нет! Вот что: храмы там без богомольцев,
Без пения. Подайте на дорогу!
(Бежит по сцене.)

Все расходятся по лавкам. Входят Биркин и Семёнов.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Семёнов и Биркин.

С е м ё н о в
Ну вот, Иван Иванович, твоего
Отца и благодетеля не стало.
Всем горе, а тебе, чай, вдвое.

Б и р к и н
Что ж!
Все под Богом. Слезами не поможешь.
Всех мёртвых не оплачешь.

С е м ё н о в
Это так;
А всё-таки тебе он благодетель,
Понеже в люди вывел, дал дорогу.

Б и р к и н
Сам виноват, гордыня обуяла,
Да и к тому ж с казаками не ладил.

Семёнов

И по Писанию, блажен тот муж,
Кто к нечестивым на совет не ходит.
С ворами как же ладить! Не бери
Греха на совесть! Лихом поминать
Не след тебе такого воеводу.
Его ж убили, он же виноват!
Не говори! Гресишь, Иван Иванович!

Биркин

Кого ж винить? Бояр?

Семёнов

(со вздохом)

И не бояр.

Нам осуждать бояр не подобает,
Мы молоды с тобой и худородны.
А виноват во всём злохитрый враг,
Злокозненный диавол, ненавистник
Спасенья нашего. Он искони
Враждует, искони злоумышляет
Расхитить Божье стадо и украсть
И погубить вконец. Его-то действием
Междоусобие и рознь меж нами,
Вражда и ложь и дьявольская прелесть.
И в прелести смятется вся земля.

Биркин

(оглядываясь)

А в Нижнем шатости не замечаешь?

Семёнов

Нет, Бог хранит пока.

Биркин

А знаешь что?

Ведь Нижний — ключ всей Волги; за него бы
Король Жигмонт иль Владислав-царевич
Нам дорожную цену заплатили,
Кабы привести к присяге. Воеводой
Быть можно. А тебя в Москву, в дьяки,
В любой приказ.

Семёнов

Ты шутишь аль смеёшься?

Биркин
Как хочешь понимай!

Семёнов
Как понимать!
Изменником я не был и не буду,
И с дьяволом быть в доле не хочу.
Зане отступникам страшна кончина!
Идут во ад, и во святых церквах
Поминовенья о таких не будет,
И приношенья неприятны Богу,
И будет им мученье без конца.

Биркин
Я пошутил с тобой.

Семёнов
Иван Иванович,
Шути с кем помоложе. Этих шуток
Я не люблю, они подвалом пахнут.

Биркин
Ну, не сердись! Не любишь, так не стану
Шутить с тобой; нам ссориться не след:
Неладно в Нижнем.

Семёнов
Полно, что пугаешь,
Иван Иванович; как тебе не грех!

Биркин
И знаешь, кто у нас заводит смуту?

Семёнов
Кому же заводить?

Биркин
Кузьма Захарьев.

Семёнов
Не верю, быть не может.

Биркин
Погоди,
Дай срок, увидишь сам. Всегда толпою
За ним народ валит, всё шепчут что-то
И по ночам собираются к нему.

Семёнов

Нет.

Биркин

Ты не спорь со мной; разведай лучше!

Семёнов

Да нет же, говорю.

Биркин

Не ошибись!

Семёнов

Не ошибусь я в этом человеке.

Кузьму я знаю вдоль и поперёк:

Он боек на язык, упрям и дерзок,

В дела мешается, за всех заступник;

А всё-таки души он не продаст;

Сгрубить — сгрубит, а смуты не затеет.

Биркин

От грубости до мятежа далёко ль?

Я не люблю, кто бойко говорит.

Семёнов

Да у меня ведь горлом не возьмёшь!

Я не ему чета, молчать заставляю.

Биркин

На то мы власти, чтобы нас боялись;

Мы чёрный люд, как стадо, бережём,

Как стадо, должен он повиноваться.

Семёнов

Я при царе Иване начал службу,

В дьяках состарился и поседел.

Уж мы с Кузьмой не первый год воюем;

Ты слово, а он десять, да зуб за зуб.

Биркин

Наскочит на меня, так будет помнить.

Семёнов

Ну, и тебя таки честит изрядно,

И за глаза всё Тушиным корит,

А тушинцам у нас почёту мало;

На Волге их не любят.

Б и р к и н

Не беда!

Насильно мил не будешь! Уж народец
У нас на Волге! Нечего сказать!
Новгородским духом так и пахнет.
Некстати говорливы! Вот ты здешний,
Не тушинский а тоже говорят,
Что ты берёшь посулы, что с живого
И с мёртвого дерёшь, не разбираешь.

С е м ё н о в

Да кто же говорит?

Б и р к и н

А всё Кузьма.

С е м ё н о в

Не верь, Иван Иванович! Всё напрасно;
Посулов не беру. Он злым поклёпом
Меня обносит. Да ты сам ли слышал?

Б и р к и н

Сам слышал.

С е м ё н о в

Не снесу такой обиды.

Пойду челом ударю воеводе.

Б и р к и н

Я говорю тебе, что он мятежник, —
С народом шепчет, а властей ругает;
Небось, без умыслу? Да кто ж поверит!

С е м ё н о в

Его теперь и знать я не хочу,
Ругателя. Не вымолвлю ни слова,
Хоть вешайте.

Б и р к и н

А ты пока молчи,

Умей скрывать обиду; дожидайся
Поры да времени. Он не уйдёт
От наших рук, запомни это слово.
Я сторожа к нему приставил, знаешь,
Павлушку; он хоть зайца соследит;
Волк травленный, от петли увернулся.

Он из дьячков из беглых, был в подъячих,
Проворовался в чём-то; присудили
Его повесить, он и задал тягу.
Теперь верёвки как огня боится.

С е м ё н о в

Да может быть, и не своей виной
В беду попался?

Б и р к и н

Мне какое дело!

Хоть висельник, да только бы служил.
Ну, и писать горазд, мне то и нужно.
Да мы ещё с тобою потолкуем.
Куда пойдёшь отсюда?

С е м ё н о в

На Оку,

Стерлядок искупить недорогих бы.

Б и р к и н

Так вместе и пойдём! И я туда же.

Уходят. Из Кремля выходит Минин, за ним несколько посадских.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Минин.

Г о л о с а

Кузьма Захарыч идёт! — Кузьма Захарыч идёт!

Аксёнов, Пospelов, Лыткин и несколько торговцев выходят из лавок.

М и н и н

(Лыткину)

А, милый человек! Как поживаешь?

Л ы т к и н

Нешто-таки, живём; а всё тоска,
Кузьма Захарыч. Веришь ли ты, руки
От дела отымаются, и хлеб
На ум нейдёт!

М и н и н

Да, годы испытанья

Наслал Господь.

Лыткин

Всё боязно, Кузьма
Захарьевич. Не знаю, что и делать,
Да как и быть!

Минин

Надеяться на Бога
Да денежку на чёрный день пасти!

Аксёнов

Скажи нам что-нибудь, Кузьма Захарыч!

Минин

Дурные вести из Москвы.

Аксёнов

Мы знаем.

Минин

Мне Бог гостей послал. Роман Пахомыч
Да Родион Мосеич, по старинной
Любви и дружбе, стали у меня.
Рассказами всю душу истерзали.
В Москве неладно; надо так сказать,
Что хуже не бывает. Владиславу
Одни последствуют, другие вовсе
Передались Жигмонту. Хоть и мало
Таких отступников, да страхом сильны.
И те, которые за патриарха,
Стоят не явственно, беды боятся.
А на него-то наша вся надежда,
Он наше утверждение и столп,
Он твёрдый адамант в шатанье общем,
Он Златоуст второй, громит бесстрашно
Предателей. От нашей стороны
Он ждёт спасенья русскому народу,
И из темницы умоляет нас
Стоять за веру крепко, неподвижно.
Пахомову не раз он говорил:
«Спасенье русское придёт от Волги.
Хороший, говорит, и чистый край!
Снеси ты им моё благословенье!»
Не обессудьте, что сказал вам мало!
У самого-то в голове неладно;

Прокоп Петрович из ума нейдёт.
Пойдём-ко потолкуем, Пётр Аксёныч!
(Кланяется на все стороны.)

Все расходятся по лавкам. Минин и Аксёнов всходят на мостки и садятся на скамью подле лавки Аксёнова. Пospelов стоит у лавки. С Нижнего посада выходят Колзаков и трое стрельцов.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же, Колзаков и стрельцы.

Колзаков и стрельцы
(поют)

Нам на Волге жить,
Всё ворами слыть;
На Яик идти,
Переход велик;
Под Казань идти,
Грозен царь стоит.

Колзаков
(увидя Минина)

А! Бог тебя люби, Кузьма Захарыч!

Минин

Ступай своей дорогой!

Колзаков

Аз есмь бражник!

Минин

Я вижу.

Колзаков

Видишь, а не осуждай!

Я старый человек.

Минин

Тебе же хуже!

Колзаков

Нельзя не пить; такое время! Вот что!

Ты думаешь, я с радости; я с горя.

Расстройство! Не возьмёшь ничем! А помнишь,

Как помоложе был, так дело делал;

Царю Ивану царства покоряли.

А что теперь! Ходили с воеводой

И бились тоже, крови не жалели;

А с чем пришли? В глаза-то людям стыдно
Глядеть. Какой я воин, братец! Срам!
И что мы за люди! Прощенья просим!
(Отходит со стрельцами на другую сторону.)

Стрельцы
(поют)

Нам идти ль, не идти ль
На Иртыш на реку,
На Иртыш на реку,
Под Tobол-городок.

*Скрываются. Выходит Марфа Борисовна, за ней две женщины
одевают деньгами нищих. Минин идёт к ней навстречу.*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Марфа Борисовна.

Марфа Борисовна
А я тебя ищу, Кузьма Захарьич!
Ты у обедни был?

Минин
Привёл Господь.
Пока есть силы, каждый день бываю,
Не пропускаю.

Марфа Борисовна
Панихиду слушал?

Минин
Я панихиду сам и заказал.

Марфа Борисовна
Уж ты прости меня! Сама не знаю,
Что говорю. Уж кто же, как не ты!
Вот горе-то на нас, Кузьма Захарьич!
(Плачет.)

Ведь я не знала.

Минин
Ночью весть пришла.

Марфа Борисовна
Как услыхала в церкви, обмерла;
Стою, себя не помню; позабыла,
Что помянуть-то надо. Прихожу
Домой к себе, сижу да разливаюсь;

Как будто только мне и дела; точно
Я не хозяйка в доме. Да уж после
Хватилась. Разогнала всех людей
По бедным, оделить хоть понемногу
Да звать обедать. Приказала стряпкам
Для нищей братии обед готовить.
Зайди, Кузьма Захарьич, да зови,
Кого увидишь; вместе помянули б
Чем Бог послал.

М и н и н

Благодарю за ласку.

А уж не знаю, как тебе сказать!
Есть дело земское: от патриарха
Гонцы сегодня прибежали ночью;
Так надо бы на воеводский двор
Идти. Чай, позовут.

М а р ф а Б о р и с о в н а

Так ты попозже!

Уж очень скучно; хоть поговорить бы;
А то изныло сердце.

М и н и н

Всё от думы,

Дела не радуют. Я и пришёл бы,
Да у меня у самого-то гости:
Из Решмы мужичок, из Балахны
Да из Москвы. Гостей таки довольно.

М а р ф а Б о р и с о в н а

Покорно просим и с гостями!

М и н и н

Ладно!

М а р ф а Б о р и с о в н а

Я очень рада буду, буду ждать.
Пока прощай!

М и н и н

Прощенья просим, Марфа
Борисовна! Благодарю за память!

*Марфа Борисовна уходит. Аксёнов и Поспелов выходят к Минину.
Павлик пробирается в лавку к Лыткину.*

П о с п е л о в
Об чём это, Кузьма Захарыч, Марфа
Борисовна с тобою говорила?

М и н и н
К себе звала.

П о с п е л о в
Пойдёшь?
М и н и н
Нельзя нейти.
Её грешно обидеть! Приходите
И вы!

А к с ё н о в
Святая женщина. Не много
Таких на белом свете наберётся.
Вся жизнь её есть Господу хвала.
Во младости цветущей овдовела,
И с той поры, что день, то новый подвиг.
Спроси сирот, спроси убогих, нищих,
Чьей милостью и сыты и одеты,
Чья ласка красит горькие их дни!
Да ещё плачет, что не всем доходит
Её копейка.

П о с п е л о в
Кто ж её не знает!

А к с ё н о в
На вольном свете много лет я маюсь;
А, что грешить, не приводилось видеть
Такого дива. Баба молодая,
Живёт в миру, без мужа, без опоры,
Без старших; а чернице не уступит
Смирением, пощеньем и молитвой.
И весела всегда; печальным видом
Мирских людей обидеть не желает.
Другой ханжа, так всем нарочно кажет
Свой тощий облик, я-де вот пощусь.
Вот иногда сберутся наши бабы, —
Ну, праздничное дело, уж известно,
Не все-то трезвы — к ней-то и пристанут:

«Да выпей с нами!» — «Рада б, говорит,
Да я вчера, признаться, согрешила:
С подругой всё сидела, да тянула
Я мёд, такой-то сладкий показался,
Не утерпела. Нынче не просите!»
Она, чтоб не обидеть их, а те
Смеются сдуру, весело им, видишь;
Их полку прибыло. А ей до мёду ль!
Какой тут мёд! И мяса-то не ест.
Гляди, всю ночь молилась со слезами,
Во власянице, в тереме своём,
С бессчётными поклонами земными.
А утром весела, на пир идёт.
Они смеются, а она, голубка,
И рада, что её не очень хвалят.
Сама не пьёт, а любит угостить:
Я бражничал у ней таки довольно.
Ступайте, братцы! Что ж, коли зовёт,
Уважить надо.

М и н и н
Мы пойдём. А ты?

А к с ё н о в
Недужится, уж стар. Был помоложе,
Так по гостям ходил; теперь и дома
Так только впору. Может, и приду,
Коль удосужусь да не разнедужусь.
(Уходит в лавку.)

П о с п е л о в
Кузьма Захарыч! Я к тебе с поклоном, —
Заместо батюшки родного будь!
Мне жизнь не в жизнь: с утра до поздней ночи
И с вечера до утренней зари
Всё об одном я думаю-гадаю,
Одно мне сна-покою не даёт.
Ты наведи меня на ум на разум,
Прямую путь-дорогу покажи!

М и н и н
О чём тоскуешь?

П о с п е л о в

Как бы это молвить?

Такое дело, и сказать-то стыдно,
И утаить-то грех перед тобой.
Иль бес мутит, иль уж судьба такая,
Такой предел на долю вышел. Марфа
Борисовна всё из ума нейдёт.
Поверишь ли, всё я об ней жалею.
Мне жаль её, что сиротой живёт,
Одна как перст, никто не приласкает,
Печаль-заботу не с кем поделить.
Ну, кто её, сиротку, приголубит
И по-родному крепко обоймёт?
Она о бедных плачет, слёзы прячет,
А я об ней. Гляжу, да всё боюсь,
Чтоб на неё и ветер не повеял,
Осенний дождь не канул на лицо,
Чтоб не озябла, ног не замочила.

М и н и н

Так любят да жалеют только жён;
А то грешно. Ты ей самой сказал ли?

П о с п е л о в

Не раз, не два мы с нею говорили,
Отказом не обидела меня.
Не обещает, да и прочь не гонит.

М и н и н

Такое ль время, Алексей Михайлыч!

П о с п е л о в

Да что мне время! Жить и умирать
Уж лучше вместе. Годы подошли,
Кузьма Захарьич, мне нужна хозяйка.
Ей двадцать лет, а мне уж скоро тридцать;
Она богата, да и я не беден;
Мы ровни по годам и по всему.
Поговори ты ей! Заставь меня
Навечно Богу за тебя молиться!
Честна вдова, а мужняя жена
Ещё честней в дому благочестивом.

М и н и н
Придётся к слову, я поговорю.
(Уходит в лавку Аксёнова.)

Павлик и Лыткин выходят из лавки; к ним постепенно подходят из других лавок и проходящие.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Павлик и Лыткин.

П а в л и к
Ох, дела, дела! Как сажа бела!

Л ы т к и н
Так ты верно знаешь, что королевич скоро будет в Москве?

П а в л и к
Кабы не верно, я бы, друг любезный, и не говорил. Нам ли с Иван Иванычем не знать! Мы люди чиновные, грамотные; а вы что! Чернеть!

Л ы т к и н
Что ж потом с нами будет, как королевич придёт в Москву?

П а в л и к
А то и будет, что спросит: «Кто мне слуги верные?» Ему скажут, а он будет их жаловать. «А кто, спросит, нам супротивники?» Скажут на нас, ну, и пошлёт королевич рать-силу великую, без числа, и не оставят камня на камне.

Один из толпы
Вяземский подходил, да много ли взял!

П а в л и к
Что ты знаешь! С огненным боем придут, как тут устоять!

Л ы т к и н
Разор, братцы.

П а в л и к
Всё может быть, всё может быть. Так не лучше ли нам заблаговременно...

(Увидав Минина, который с Пospelовым вышел из лавки, говорит что-то шёпотом.)

М и н и н
Постой! Что за народ? О чём толкует?
Того и жди, что смута заведётся.
Из воровских полков с подсылком много

Народу набегает; не усмотришь,
Проезжий город. А, да это наш,
Из биркинских людей, Павлушко-писчик.
Негодный человечешко, за ним
Глядеть да и глядеть! Что за охота
Держать такую дрянь, не знаю, право!
Послушаем-ко, что он там толкует.

Подходят к толпе.

Г о л о с а и з т о л п ы
Ну, что ж ты замолчал? — Что язык-то прикусил?

П а в л и к
Я живу с краю, ничего не знаю, моё дело сторона.
(Убегает.)

М и н и н
Что он молот?

Г о л о с а и з т о л п ы
Да много говорил. —
Про королевича. — Да разореньем
Всё нам грозит.

Л ы т к и н
Такие страсти
Наговорил, не знаешь, что и делать.

М и н и н
Как только вам не грех воришек слушать,
Бездельных, шлющихся! Развесьте уши,
Им на руку, они тому и рады.
Их много изрыгнул на Русь святую
Огнедыхательный диавол, поядатель
Душ человеческих, злохитрый змей.

Г о л о с а и з т о л п ы
Да кто ж ему поверит! — Зря болтает! —
Учи нас, вразумляй, Кузьма Захарьич!

М и н и н
Одно вы помните и зарубите,
Что мы клялись креста не целовать
Ни Владиславу, ни кому другому
Из иноземцев; ждать, кого на царство

Пошлёт Господь и выберет земля.
Нам государь — великий патриарх,
Другого нет у нас. Что скажет — свято.

Н а р о д

Что нам прикажет, то и будем делать.

М и н и н

Сегодня от него пришли гонцы.
Мы грамоту прочтём и вам объявим
Его приказ и земское решение.

Вбегают несколько человек.

О д и н и з н и х

Отписки из Москвы! Гонцы с вестями!

Г о л о с а и з л а в о к

Куда идут?

О д и н и з в н о в ь п р и ш е д ш и х

На воеводский двор.

Д р у г о й

Письмо от патриарха Ермогена.

Площадь наполняется. Входят Роман Пахомов и Родион Мосеев.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

<Те же,> Роман Пахомов и Родион Мосеев.

Р о д и о н М о с е е в

Честным нижегородцам из Москвы
От разорённых и пленённых братий
Поклон мы правим низкий, до земли.
(Кланяется.)

Все кланяются.

Р о м а н П а х о м о в

Честному духовенству, воеводам
И всем, и старшим и младшим людям
Благословение от патриарха.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА I

ЛИЦА

БИРКИН.
СЕМЁНОВ.
МИНИН.
АКСЁНОВ.
ТЁМКИН.
ГУБАНИН.
НАРОД.

Место в Кремле близ воеводского дома.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

*Тёмкин и Губанин и несколько народа стоят возле дома.
Аксёнов выходит из дома.*

Т ё м к и н

Что, Пётр Аксёныч, об чём читали?

А к с ё н о в

Великий господин наш патриарх пишет, чтобы паньина Маринкина сына, Ивашку, на царство нам отнюдь не хотеть, и чтобы были мы в любви и в соединении и промышляли бы, как души свои положить за веру. Да и на словах про то же приказывал Роману Пахомычу да Родиону Мосеичу.

Т ё м к и н

Что ж вы так долго?

А к с ё н о в

Много разговору было. Кузьма на одном стоял, что грех нам сложа руки сидеть; а надо, как ни есть, промышлять на супостата.

Т ё м к и н

Что ж воеводы?

А к с ё н о в

Не давали ему путём слова вымолвить. А пуще Биркин да Семёнов, — оборвали, обругали. А за что? Диви бы он о своём деле радел! Вот какова злоба-то в человецех!

Т ё м к и н

Доведись мне, я бы с ними поговорил. Я бы их отчитал; так бы и вцепился.

Г у б а н и н

Как им не грех! Как это они Бога-то не боятся! Ах, страм какой! Как это у людей стыда нет в глазах!

Выходят из дому Биркин, Семёнов и Минин.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Биркин, Семёнов и Минин.

С е м ё н о в

Наслушались мы вдоволь разговору
Сегодня. Сыт ли ты, Иван Иванович?

Б и р к и н

По горло сыт. От ваших разговоров
Завяли уши.

С е м ё н о в

Ну, Кузьма Захарьев,
Спасибо за науку! Угостил
Нас, дураков, разумными речами;
Так и сидели все, развеса уши,
Да слушали.

Б и р к и н

Ну, как его не слушать!
Он всех умней! Ишь, краснобай какой!

М и н и н

Не помню я, что говорил; быть может,
Кого обидел словом. Не вините;
Не сам я говорил, кровь говорила.

С е м ё н о в

Обидеть не обидел, грех сказать;
А наставлял довольно, не уложишь
В большой мешок.

Б и р к и н

Да кто же виноват?
Мы сами дали волю, так и слушай!
А он и рад.

М и н и н

Да кто же запретит
Мне говорить?

С е м ё н о в

Да всякий, кто постарше.

М и н и н

За веру православную стою,
Не за дурное что. Молчать нельзя мне.

С е м ё н о в

Ведь ты ещё не воевода! Скажут,
Чтоб говорил — так говори что хочешь;
А скажут: замолчи! — так замолчишь.

М и н и н

Не замолчу. На то мне дан язык,
Чтоб говорить. И говорить я буду
По улицам, на площади, в избе,
И пробуждать, как колокол воскресный,
Уснувшие сердца. Вы подождите,
Я зазвоню не так. Не хочешь слушать,
Я не неволю: не любо — не слушай,
А замолчать меня заставить трудно.
Я не свои вам речи говорил:
Великий господин наш, патриарх,
Того же просит. Пусть нас Бог рассудит,
Кто прав, кто виноват. Вы не хотели
Поверить мне; смотрите, не пришлось бы
Вам каяться.

С е м ё н о в

Тебе поверить? Ишь ты,
Чего ты захотел! Ты будь доволен,
Что слушали, молчать не заставляли.

Б и р к и н

Да из избы не выгнали тебя.

Уходят, и за ними все, исключая Минина и Аксёнова.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Минин и Аксёнов.

М и н и н

Знать, им не жаль ни крови христианской,
Ни душ своих. Какая им корысть!
Самим тепло, а братию меньшую

Пусть враг сечёт и рубит, да и души
Насильным крестным целованьем губит.
Просил я их со многими слезами,
Какую ни на есть придумать помощь, —
И слышать не хотят. Не их, вишь, дело.
Так чьё же?

А к с ё н о в
Не надеетесь на князи!
(Уходит.)

М и н и н
И вправду. Нам теперь одна надежда
На Бога. Помощи откуда ждать!
Кто на Руси за правду ополчится?
Кто чист пред Богом? Только чистый может
Святое дело честно совершить.
Народ страдает, кровь отмищенья просит,
На небо вопиет. А кто подымет,
Кто поведёт народ? Он без вождя,
Как стадо робкое, рассеян розно.
Вождя, печальника о нас, убили
Изменой адской. Где искать другого?
Нет помощи земной, попросим чуда;
И сотворит Господь по нашей вере.
Молиться надо! В старину бывало,
Что в годы тяжкие народных бедствий
Бог воздвигал вождей и из народа.
Не за свои грехи, а за чужие
Он переносит тягостную кару.
Избит, ограблен! Нынче сыт с семьёй,
А завтра отняли сухую корку,
Последнюю, что берегли ребятам;
Сегодня дома, завтра в лес беги,
Бросай добро, лишь о душе заботься,
Да из кустов подглядывай, что зверь,
Как жгут и грабят по́том нажитое.
Поймают — силой приведут к присяге,
Кривить душой, крест вору целовать.
Да и не счесть всех дьявольских насилий,
И мук непереносных не исчислить!
И всё безропотно и терпеливо

Народ несёт, как будто ждёт чего.
Возможно ли, что попустил погибнуть
Такому царству праведный Господь!
Вон огоньки зажглись по берегам.
Бурлаки, труд тяжёлый забывая,
Убогую себе готовят пищу.
Вон песню затянули. Нет, не радость
Сложила эту песню, а неволя,
Неволя тяжкая и труд безмерный,
Разгром войны, пожары деревень,
Житьё без кровли, ночи без ночлега.
О, пойте! Громче пойте! Соберите
Все слёзы с матушки широкой Руси,
Новгородские, псковские слёзы,
С Оки и с Клязьмы, с Дона и с Москвы,
От Волхова и до широкой Камы.
Пусть все они в одну сольются песню
И рвут мне сердце, душу жгут огнём
И слабый дух на подвиг утверждают.
О Господи! Благослови меня!
Я чувствую неведомые силы,
Готов один поднять всю Русь на плечи,
Готов орлом лететь на супостата,
Забрать под крылья угнетённых братий
И грудью в бой кровавый и последний.
Час близок! Смерть злодеям! Трепещите!
Из дальнего Кремля грозит вам Минин.
А если Бог отступит от меня
И за гордыню покарать захочет,
Успеха гордым замыслам не даст,
Чтоб я не мнил, что я его избранник, —
Тогда я к вам приду, бурлаки-братья,
И с вами запою по Волге песню,
Печальную и длинную затянем.
И зашумят ракитовы кусты,
По берегам песчаным нагибаясь;
И позабудет бросить сеть рыбак,
И в тихом плёсе на челне заплачет;
И девка с вёдрами на коромысле,
Идя домой извилистой тропинкой,

Оглянется с горы и станет слушать,
И, рукавами слёзы утирая,
Широкие измочит рукава;
Бурлаки запоят её под лямкой
И балахонцы за своей работой
Над новою расшивой с топорами.
И понесётся песня, и прольётся
Из века в век, пока стоит земля.
О Господи! Грешу я; мал я духом,
Смел усомниться в благодати твоей!
Нет, прочь сомненья! Перст твой вижу ясно.
Со всех сторон мне шепчут голоса:
«Восстань за Русь, на то есть воля Божья!»
(Уходит.)

СЦЕНА II

ЛИЦА

МАРФА БОРИСОВНА.

ДОМНА, *старуха*.

МИНИН.

АКСЁНОВ.

ПОСПЕЛОВ.

ИВАН КУВШИННИКОВ, *сотник из Балахны* } *предводители восстания*
ГРИГОРИЙ ЛАПША, *крестьянин из Решмы* } *на Волге.*

ЮРОДИВЫЙ.

ДЕВУШКИ.

Просторная бревенчатая светлица. В правой стене два маленьких окна; на левой стороне перегородка с решётчатым расписным верхом; в конце перегородки узенькая дверь; за дверью резной и расписной столб, в котором утверждён верхний брус перегородки; прямо за столбом и до самого угла изразцовая печь; в задней стене выходная дверь; по задней и по правой стене лавки; с правой стороны большой дубовый стол; у перегородки небольшая приставная скамья; у задней стены несколько пьалцев. Лавки, полки, косяки с резьбой.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входят Домна, юродивый, девушки и потом Марфа Борисовна.

Домна

Ну, девушки, примайтесь за работу!

Девушки садятся за пьалцы.

Дониме 1^ю

Список:

Козьма Захарыч Минин, Сухорук, ^{Семин} (Сухорук и Минин) ^{Семин}

Иванов, Писарев - Голосов.

Кашин Семин - Шест

Басин Витольд - Голосов

~~Басин Витольд~~ - Голосов

Кашин Семин - Голосов

Григорьев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев

Кашин Семин

Писарев

Список

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

Писарев - Голосов

«Козьма Захарыч Минин, Сухорук»
«Первая редакция»

Страница авторской рукописи

А ты, убогонький, у нас ночуешь —
Что по дворам проситься, на ночь глядя!
Пойдёшь к заутрени и нас разбудишь.

Юродивый садится к печке. Марфа Борисовна выходит в задумчивости из-за перегородки и садится на скамью с левой стороны. Домна садится у ног её на низенькой скамейке.

Д о м н а

А ты бы нам сказала что-нибудь.
Ишь, память-то какая золотая!
А у меня так словно решето;
Что ни услышу, тут же и забуду.
Ты давеча не досказала утром
Нам про царевича, как открывали;
Вот, благо время, доскажи теперь!

Марфа Борисовна

Да, девушки, произволением Божиим,
И в наше время чудо совершилось.
И говорят, всё цело: ожерелье
Жемчужное, шириночка в руке
Тафтяная, вся золотом расшита
И серебром, кафтанчик на хребтах
На беличьих и сапожки; всё цело...
Да горсть орешков; как его убили,
В руках держал орехи; обагрились
Орешки кровью; так и положили
С ним вместе. Вот какое чудо было!
Перенесли из Углича в Москву,
Там и стоит, и многих исцеляет.

Молчание.

Д о м н а

Замолкли. Тихий ангел пролетел.

Марфа Борисовна

Чем молча-то сидеть, так лучше спойте
Нам «О пустыне» стих душеполезный,
Любимый мой.

Д о м н а

Благое дело — славить
На всякий день и час Господне имя,

Да и работа, говорят, спорится
За пением благочестивым. Пойте!

Д е в у ш к и
(поют)

Пустыня прекрасная!
Меня многогрешную,
Как чадо своё, приими,
Любимая мать моя,
В пристанище тихое,
В безмолвные недра свои!
Чертоги высокие
И ризы богатые
Меня от грехов не спасут.
Богатства и почести
Все тленны и суетны,
Не станут со мною на суд.
Луга твои тихие,
Цветы испещрённые,
И красен, и дивен твой сад!
Деревья кудрявые
И листья зелёное
В пустыне без ветра шумят.

Останавливаются. Все прислушиваются.

Д о м н а
Стучится некто.

Марфа Борисовна
Отопри поди!

Девушки собирают работу. Д о м н а уходит и скоро возвращается.

Д о м н а
Гостей веду. Идёт Кузьма Захарьич.

Марфа Борисовна
Один или ведёт кого-нибудь?

Д о м н а
Какие-то незнанные люди.

Марфа Борисовна
Подите, девушки!

Девушки уходят. Входят Минин, Кувшинников и Лапша.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

*Марфа Борисовна, Домна, Минин, Кувшинников,
Лапша и юродивый.*

Марфа Борисовна
Покорно просим.
(Домне.)

А ты поди да принеси медку!

Домна уходит.

Минин
С гостями; уж не осуди!

Марфа Борисовна
И, что ты!

Минин
Иван Кувшинников, из Балахны,
Начальный человек; а это Гриша
Лапша, из Решмы, тоже воевода.
Взял мужичков, кой-чем вооружились
Да с Богом и пошли на супостата.
И Бог помог, себя не осрамили.

Марфа Борисовна
Ну, вот спасибо за таких гостей!
Прошу садиться!

Кувшинников
Ты, Кузьма Захарьич,
Садись вперёд.

Минин
Вы гости, я здесь свой.

Кувшинников
Лапша, садись.

Лапша
Нет, мне не подобает.
Садись, я за тобой.

Садятся.

Минин
Ну, вот и ладно.
(Садится.)

А! Да и Гриша здесь!

Марфа Борисовна
Ступай-ко в кухню,
Да и ложись на печку; там теплее.

Юродивый
Прощайте!

(Уходит.)

Минин

Божий человек. Лет с восемь
Тому, к нам в город он ещё ребёнком
Пришёл и сел на паперти церковной.
Откуда, кто такой — никто не знает,
Должно быть, сирота бездомный. Мало
И говорит, и только церковь любит.
Ест, что дадут, спит, где укажут. Разум
Не хитрый у него, а богомолен:
Пристанет к богомольцам да и бродит
По всем обителям. В Москву ходил,
И в Киев, и к ростовским чудотворцам.
Прослышал он про разоренье наше,
И слабый ум в нём больше помутился;
Ещё он тише стал, ещё святее,
И всё сбирается куда-то, денег
Всё на дорогу просит. И за мной
Он следом ходит и в глаза мне смотрит,
Как будто он прочесть в них хочет что-то
Иль ждёт чего. А спросишь, так молчит.
Неразговорчив он; вот разве вспомнит
Про красоту обителей святых,
Тогда разговорится и представит,
Как вочию, и красоту лесов,
И гор, и рек широких. Всё бы слушал!
И умный не расскажет так, как он.

*Домна приносит мёд в жбане и стопку на оловянной тарелке.
Марфа Борисовна берёт стопку. Домна наливает.*

Марфа Борисовна
(поднося Кувшинникову)
Медку пожалуйста, честные гости!
Кувшинников
У нас так всё с хозяйки начинают.

Марфа Борисовна
Нет, батюшко, уволь! Пила довольно.

Кувшинников
Неволишь не могу, я не указчик
В чужом дому.
(Кланяется, пьёт и хочет поставить стопку.)

Марфа Борисовна
Уж просим обо всей!

Кувшинников допивает. Домна наливает, Марфа Борисовна подносит Лапше.

Григорий... Как по отчеству, не знаю...

Лапша

Петрович был.

Марфа Борисовна
Покорнейше прошу!

Лапша

Уж мне-то пить ли?

Минин
Пей!

Лапша

Оно как будто

Не складно мужику-то?

Минин
Не осудим.

Лапша
(берёт и кланяется)

Желаю здравствовать на многи лета!
(Пьёт.)

Домна наливает.

Марфа Борисовна
(поднося Минину)

Кузьма Захарыч!

Минин
(отпив немного, ставит стопку)
Больше не просите!

Марфа Борисовна
Ну, как угодно.

Входят Аксёнов и Пospelов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, Аксёнов и Пospelов.

Минин
Вот и наши идут.

Аксёнов
Здорова ли ты здесь?

Марфа Борисовна
Кажись, здорова.
(Подносит им мёду и молча приглашает садиться.)

Пospelов
(Аксёнову)
Тебе вперёд.

Аксёнов
Не местом, человеком.

Садятся. Марфа Борисовна подвигает скамейку и садится. Молчание.

Марфа Борисовна
Послушать бы теперь, Кузьма Захарыч,
Твоих речей. Сладка твоя беседа.

Минин
Да речь-то у меня одна всё, Марфа
Борисовна.

Марфа Борисовна
Её-то нам и нужно.

Минин
Ну, так начнём! Москва разорена?

Аксёнов
Разорена.

Минин
Так ей и оставаться?
Кувшинников
Как можно!

Лапша
Что ты!
Марфа Борисовна
Сохрани Господь!

Минин
Москва нам корень, прочим городам?

А к с ё н о в

Известно, корень. Что и говорить!

М и н и н

А если корнем основанье крепко,
Тогда стоит и древо неподвижно;
А корени не будет — прилепиться
К чему?

Л а п ш а

Ну, что уж!

М а р ф а Б о р и с о в н а

Господи, помилуй!

М и н и н

Москва кормилица, Москва нам мать!

К у в ш и н н и к о в

Кормилица и мать.

Л а п ш а

Родная мать.

М и н и н

А разве дети могут мать покинуть
В беде и горе?

П о с п е л о в

Мы не покидали.

Ты сам ходил с Алябьевым по Волге
И по Оке, и воры вас боялись.
Мы с Репниным ходили и к Москве,
Да воротились оттого, что ладу
Бог не дал воеводам. Грех на них!
Им отвечать, а мы не виноваты.
Мы головы свои несли и души
За веру православную сложить —
Господь не принял.

А к с ё н о в

Не было стратигов.

М и н и н

Тогда Пожарский с Ляпуновым были
Вожди искусные. Спроси, о ком
Народ молебны пел? О Ляпунове
Да о Пожарском князе. Знать, молитвам
Не внял Господь за прегрешенья наши.

А к с ё н о в

Пожарский ранен, Ляпунов убит.

М и н и н

Осиротела Русь! Ни воеводы,
Печальника о нас, сиротах бедных,
Ни патриарха, ни царя. Как стадо
Без пастыря, мы бродим, злому волку-
Губителю добыча.

П о с п е л о в

Бить волков!

К у в ш и н н и к о в

Известно, бить! Уж будет, потерпели!

Л а п ш а

Мы топоры и косы отточили,
Которые об них же притупили.

П о с п е л о в

Душа кипит, давно простору просит,
И руки чешутся.

М а р ф а Б о р и с о в н а

Зачем же дело

Откладывать? Благословясь, да с Богом,
Не мешкая!

А к с ё н о в

Отложишь поневоле.

Что скоро, то не споро, говорят.

М и н и н

Друзья, поверьте мне, такие речи
И слушать весело, и слёзы льются
От радости; а всё-таки Аксёныч
Нам правду молвил. Не такое дело,
Чтоб торопиться.

А к с ё н о в

Надо рассудить

Да поразмыслить.

П о с п е л о в

Думать ваше дело.

М и н и н

Что есть у нас? Ни войска, ни казны,
Ни воеводы. Прежде нужны деньги;
Сберём казну, и люди соберутся,
Стрельцы, казаки. Всякого народу
По свету белому довольно бродит
Без дела и без хлеба; рады будут
Трудом себе копейку заработать.
Не всё же грабить! Хоть не все, а помнят,
Что есть Бог на небе, что Он судья
Всех дел и тайных помышлений наших.
А воеводу миром изберём.

А к с ё н о в

Кого излюбим, тот у нас и будет.

М и н и н

Казна всего нужнее!

А к с ё н о в

Верно слово.

М и н и н

Где взять казны?

П о с п е л о в

Собрать, Кузьма Захарьич.

М и н и н

Да много ли сберёшь! На разговоры
Все тороваты, а коснись до дела,
Так и попрячутся. Не то что денег,
И тех, что посулили, не найдёшь.

П о с п е л о в

А ты не обижай, Кузьма Захарьич!

А к с ё н о в

Не обижает, дело говорит.

М а р ф а Б о р и с о в н а

Вот всё, что есть, возьмите, коли нужно.

М и н и н

Душа святая! О тебе нет речи!
Твои достатки и тебя мы знаем.
Ты всё отдашь, и я отдам, и он, —

Всё будет мало. С чем тут приниматься!
И только что обидим мы без пользы
Самих себя, а делу не поможем.

Марфа Борисовна
Хоть и немного соберём, всё помощь.

Минин
Какая ж помощь?

Марфа Борисовна
Мы к Москве пошлём.

Минин
Кому? Заруцкому да Трубецкому?
Возьмут, да и спасибо нам не скажут.
Нет, надо погодить собирать казну.
Я говорил сегодня воеводам,
Просил их порадеть о земском деле,
Да не хотели слушать. Дьяк Семёнов
Да Биркин чуть не выгнали меня.
Как на врага какого ополчились,
Обидели меня и обругали.
Не ведаю, за что напасть такая!
Когда уж власти не хотели слушать,
Кто нас послушает! В бедах и в горе
Сердца окаменели. О себе
Печётся каждый, ближних забывая.

Марфа Борисовна
Так что же делать нам, Кузьма Захарыч?

Минин
Самих себя сначала приготовить
Должны мы: помыслы постом очистить,
Говеньем волю утвердить на подвиг
И скорому помощнику молиться;
Он даст нам разум, даст нам силу слова,
Сухим очам пошлёт источник слёз;
Тогда пойдём будить уснувших братьий
И Божьим словом зажигать сердца.

Встаёт и все за ним.

А к с ё н о в

На проповедь выходят, как на битву,
Во всеоружии. Не всем под силу
Высокая апостольская доля!

М и н и н

Молись да жди, пока Господь сподобит
Тебя такую веру ощутить
В душе твоей, что ты не усумнишься
С горами речь вести и приказать
Горам сползти с широких оснований
И двинуться к тебе, и будешь верить,
Что двинутся; тогда покинь свой дом,
Себя забудь и дел своих не делай!
На улицу, на площадь, на базары,
Где есть народ, туда и ты иди!
Тогда пошлём по дальним городам;
А по окольным разойдёмся сами,
И наших уст смиренные глаголы
Польются в души, и сердца в народе
Затеплятся, как свечи пред иконой.
Давайте руки! Кто за Божье дело?

В с е

Мы все идём!

М а р ф а Б о р и с о в н а

Благослови вас Бог!

М и н и н

Мы будем знаменья просить у Бога,
Когда начать. Он сам покажет время.
Тогда собирать казну на помощь ратным!
Сбирать людей на выручку Москвы!
И пусть тогда, кто носит крест на теле,
Приносит в сбор все животы свои,
Душа твоя нужна, — отдай и душу!

А к с ё н о в

Помолимся! Благословенно буди
Господне имя ныне и до века!
Прощай, хозяйюшка.

Марфа Борисовна
Прощенья просим.

Кувшинников
За угощенье!

Марфа Борисовна
Ну, уж не взыщите!
Чем Бог послал.

Лапша
За ласковое слово.

Марфа Борисовна
Напредки не забудьте!

Минин
Ваши гости!

Уходят, кроме Пospelова.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Марфа Борисовна, Пospelов, Домна и потом девушки.

Марфа Борисовна
Покличь-ка девок, Домнушка, сюда,
Да и сама приди!

Домна
Как раз, я духом.
(Уходит.)
Молчание.

Марфа Борисовна
Ты, Алексей Михайлыч, на дорожку
Медку не хочешь ли?

Пospelов
Пожалуй, выпью.
Да не об мёде речь! Мне слаще мёда
Твой разговор.

Марфа Борисовна
Какой проказник! Право!
(Подносит мёд.)
Пospelов пьёт.

Пospelов
Поверь, не до проказ. Меня ты знаешь;
С покойником твоим мы дружно жили,

Росли мы вместе, вместе воевали,
Одна душа у нас, один обычай.

Молчание.

Родных, что было, примерли давно;
Я круглым сиротой остался, Марфа
Борисовна. Сладка ли жизнь такая!
Ты мне роднее всех. Чем я не люб,
Скажи?

Марфа Борисовна
И, что ты! Что ты! Бог с тобой!
С чего ты взял? Нет, ты не обижай!
Кто говорит тебе, что ты не люб мне!

Входят Домна и девушки, молча садятся за работу.

Поспелов
Ну, люб, так ладно. Вот спасибо, Марфа
Борисовна! Сказал бы я словечко
Ещё тебе; боюсь — не прогневить бы.

Марфа Борисовна
Как не грешно тебе! Да чем же можешь
Ты прогневить меня!

Поспелов
Своей любовью.

Марфа Борисовна
Ах!.. Нет... я, право... Что тебе смотреть
На гнев мой! Что же, разве что дурное
Ты говоришь мне! Ты не виноват,
Что с добрым сердцем ты на свет родился.
Какая же в любви обида! Мне
Тебя благодарить за это надо.

Поспелов
Давно уж я собираюсь с духом, Марфа
Борисовна, хочу тебе сказать:
Будь мне женою; с честными венцами
На головах и с радостью на лицах,
По соболям войдём в мой дом просторный
Жить-поживать и в холенье, и в неге,
И за любовь до гробовой доски
Делить и радость пополам, и горс.

Другой бы я сказал, не побоялся,
А пред тобой, как точно перед грозным
Царём стою, жду милости иль казни;
Боюсь, что словом, ровно как злодею,
Ты снимешь голову с могучих плеч.

Марфа Борисовна
Нет, ты меня не бойся... Пожалей
Ты слабость женскую! Медовой речью
Вдове мирского счастья не сули!
Ты не мутй мой тихий сон мечтою
И вдовьих слёз моих не отнимай!
Послушай, мой желанный! Я по правде
Скажу тебе: ты люб мне, я другого
Хозяина себе и не желаю.
Ты, Алексей Михайлыч, муж такой,
Какого не найдёшь... Да только вот что:
То нездоровится, то дела много
По дому, знаешь. Как-то всё не время...
Поверишь ли, с ног сбилась от заботы.
Мы лучше уж немного подождём.
Ты не печалься, Алексей Михайлыч!
Ещё ведь наше время не ушло.

Молчание.

Я, может, и не так что рассудила,
Ты не взыщи! Таков наш бабий разум.
Тебя мне жаль, вот видит Бог, что жаль.
Да что же делать, неудобно время.

Поспелов
Голубушка! Зачем себя ты губишь?
В твоей поре тебе бы только ласку!
От ласки женский пол ещё цветней!
Что сохнуть-то тебе одной, как в келье,
И день и ночь с ворчливою старухой
Всё об одном и том же толковать!
Тебя бы целовать, да миловать,
Да крепко к сердцу прижимать!

Марфа Борисовна

Ну, будет!

Мы после как-нибудь поговорим.

Не до того мне, Алексей Михайлыч!
Так голова с чего-то разболелась,
Уж и не знаю. Лучше не тревожь
Меня теперь! Найдём такое время
Свободное.

П о с п е л о в
Изволь, моя родная!
Ждал долго, можно подождать ещё.
Прощенья просим!

Марфа Борисовна
И меня прости.
Господь с тобой!

П о с п е л о в
Бог даст, коль живы будем,
Увидимся.

Марфа Борисовна
Ну, как не увидаться!

Поспелов уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, без Поспелова.

Марфа Борисовна
Какие речи! Господи, помилуй!
Не слушать бы! А как же их не слушать!
В миру живёшь, с людьми; по-мирски
И надо жить — всё видеть и всё слышать.
Куда бежать от суеты мирской!
Как от соблазна чистой уберечься!
Зияет бездна, каждый час шумит
Житейское волнуемое море.
Ушла бы я, на крыльях улетела
В святую келью, в тихий уголок;
И в трепетном сиянии лампы,
В благоуханной тишине святыни
Земное небо, рай свой, увидала:
Боюсь внести в святую тишину
Горячую, бунтующую юность.
О юность, юность, скоро ль ты пройдёшь!
Мне с миром легче, чем с тобой, бороться.

Куда нейду, соблазн за мною следом;
Напрасно я фатой широкой крою
И блеск очей, и белое лицо:
Подует ветер, так ли распахнётся,
И мигом грех в чужой душе посеешь.
И видишь юношу, стоит он нем,
Другого взгляду ловит, сам готовит
В своём уме лукавые приветы.
Вот по следам идёт и шепчет в уши,
Завешенные жемчугом, и жемчуг
Не охраняет; весь соблазн, весь яд
Мне прямо в сердце, в кровь мою проходит,
И слабый ум всё более слабеет,
И сладок грех является тебе;
И слушаешь, боишься оглянуться,
Как точно двое за тобой идут:
Один лицо приветливое кажет
И ненаглядную красу, и юность
И молча улыбается. Другой же
Темнее ночи, и глаза, как угли,
Горят во лбу, и длинный хвост тащится.
Идёт и шепчет лстивым языком
Соблазн и грех. О Господи, помилуй!
О юность, юность, молодое время!
Куда бежать мне! Господи, помилуй!

(Закрывает лицо руками.)

Д о м н а

Вы видите, сгрустнулась, поминает
Об юности. Вы спойте ей про юность!

Д е в у ш к и

(поют)

Юность, моя юность — молодое время!
Юность, возбудися, в себе ощути!
Юность возбудилась, в себе ощутилась,
В разум приходила, слёзно говорила:
Кто добра не ищет, кто худа желает!
Я была бы рада — сила моя мала!
Сижу на коне я, и тот не обуздан,
Смирить коня нечем — крепких вожжей нету.
Вижу я погибель, страхом вся объята;
Не знаю, как быти, чем коня смирить!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

(Октябрь 1611 года)

СЦЕНА I

ЛИЦА

БИРКИН.

СЕМЁНОВ.

МИНИН.

ПОСПЕЛОВ.

АКСЁНОВ.

ТЁМКИН.

ГУБАНИН.

ЛЫТКИН.

НЕФЁД, сын Минина.

ПАВЛИК.

МАРФА БОРИСОВНА.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА, жена Минина.

ВСЯКИЕ ЛЮДИ НИЖНЕГО НОВГОРОДА.

Небольшая площадь в Кремле, недалеко от собора. К концу, в седьмом явлении, начинается смеркаться.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входят Лыткин и Павлик.

Лыткин

Да что ты уж очень печалишься?

Павлик

Будешь печалиться! Разве ты нашего Ивана Иваныча не знаешь? Взглянет только, и то мороз по коже подирает. А ведь я в какую беду-то влез. О, горе мне грешнику! Язык мой — враг мой!

Лыткин

В чём же ты провинился?

Павлик

В чём? Велико моё окаянство! Страшно и вымолвить! Посылал он меня к одному приятелю своему с письмом; куда посылал, уж это не твоего ума дело; проездил я безо дня две недели и вернулся вчера утром. Только хмелён был очень, домой-то идти побоялся. Встрелся я с приятелем, со стрельцом; тут ещё подошли человек с пяток, тоже стрельцы; зашли мы во царёв кабак, купили винца, пошёл у нас шум, разговоры. Вот я, с пьяных-то глаз, и проболтнись. Придёт, говорю,

королевич на царство, Ивана Иваныча сделает воеводой в Нижнем, а меня дьяком; потому, говорю, что мы ему слуги верные. Откуда ни возьмись, Минин, хвать меня за ворот, я в ноги; валялся, валялся я в ногах-то, отпустил, только не велел навстречу попадаться. Вот какое дело-то! Ну, как он скажет Ивану Иванычу, либо уж сказал! Что тогда! Повесить не повесит, а кнута отвдаешь. Уж это лучше и к бабушке не ходи! Никак он идёт! Ой, схоронимся.

Уходят. Входит Биркин.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Биркин

(один)

Здесь в Нижнем что-то зреет. По всему
Заметно, что народ затеял нечто.
Всё замолчало, как постом Великим;
На всём какое-то говенье видно;
Бледнеют лица, а глаза сияют.
Но что же может сделать этот люд?
Пойти к Москве нестройною оравой
И умирать иль разбегаться розно
От польских латников. Пускай идут,
Попробуют; а нам просторней будет.
Не знаю, что мне делать! Не найдёшь
Товарищей; никто не хочет слушать.
С Семёновым приятели большие,
А как до дела — затыкает уши.
Он стар да глуп, упрям да бестолков,
С ним пива не сварить. Нет, здесь не тяга!
Махнуть в Казань: там есть благоприятель,
Тому не в первый, — он вертел хвостом
Ещё при Шуйском. Человек он сильный,
Живёт себе не тужит, только брюхо
Растит да гладит бороду свою.
Да что ж он держит моего холопа,
Павлушку!

Павлик входит.

Вот он! Как же ты посмел,
Не показавшись, по городу шляться?

Всё пьянствуешь, анафема! Смотри!
Кнута попробуешь! Когда приехал?

П а в л и к

Сегодня утром.

Б и р к и н

Что ж ты не явился?

Об двух ты, что ли, головах, бездельник!
Ну, мы сочтёмся дома. Говори,
Что видел и что слышал.

П а в л и к

Есть письмо.

(Достаёт письмо.)

Б и р к и н

Давай сюда! Проворней!

(Берёт и читает.)

А словами

Приказывал аль нет? В письме не пишет
Всего, и дельно: писано пером,
Не вырубишь и топором. Он пишет:
«А про моё здоровье Павел скажет».
Ну, рассказывай!

П а в л и к

Бог милует, здоров,

И кланяться велел тебе, и молвил,
Что он своим умом живёт, что в мутной
Воде он ловит рыбу втихомолку,
И что своя рубашка к телу ближе,
Что смелым Бог владеет. Вот и всё.
Какой приказ твой, государь, мне будет?

Б и р к и н

Ступай теперь в народе потолкайся!
И, что услышишь, приходи сказать!

Павлик уходит. Входит Семёнов. Народ проходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Биркин и Семёнов.

Б и р к и н

Что тяжко воздыхаешь?

Семёнов

О грехах.

К земле гнетут и тянут, словно ноша.
Что ж у вечерни-то, Иван Иванович,
Ты не был? Аль проспал?

Биркин

И то проспал.

Лёг после хлеба-соли малым делом
Соснуть, да и проспал. Хожу, гуляю,
Пусть ветром пообдует после сна.

Семёнов

Гуляй, гуляй! Вы люди молодые,
Ещё замолите; а нам так жутко
Приходит, старикам. Не нынче-завтра
Бог по душу пошлёт; тогда уж поздно
Грехи замаливать; ступай к ответу!
Судья предстанет, свиток развернут,
Что злые мурины¹ всю жизнь строчили
На всяком месте и во всякий час.
Что сделал худо, чёрный мурын пишет;
Помыслил — не пропустит и того.
Чего-чего в том свитке не найдётся!
А добрых дел вот списочек, такой
Коротенький, представит со слезами
Хранитель-ангел и отыдет прочь.

Биркин

Ты что-то рано умирать задумал!
А выдет, что и нас переживёшь.

Семёнов

«Не весте, сказано, ни дня, ни часа».

Биркин

Да что ты приуныл, как посмотрю я?
И все вы, точно мухи в сентябре,
Чуть бродите.

Семёнов

Да что ж тебе за диво!

Не радует ничто — и приуныли.
Тебе что весело?

¹ То же, что «нечистый». — Примеч. А. Н. Островского.

Биркин
Унынье — грех!

Семёнов
Да и плясать, когда другие плачут,
Не спасенье!

Биркин
Ведь это человеком:
Один слезлив, другому обухом
Слезы не вышибешь. Пойдём! Есть дело
Мне до тебя. Попьём да потолкуем.

Семёнов
Что ж, праздничное дело, я не прочь.

Биркин
У нас так праздник каждый день, Василий
Семёнович. Где бражник, там и праздник.

Уходят. Выходят Марфа Борисовна и Пospelов.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Марфа Борисовна и Пospelов.

Марфа Борисовна
Давненько не видались.

Пospelов
Шесть недель.

Марфа Борисовна
Как время-то идёт!

Пospelов
А что?

Марфа Борисовна
Да скоро.

Пospelов
Не больно-то!
Мне эти шесть недель
Не за год, не солгу, а за полгода,
Никак не меньше, показались.

Марфа Борисовна
Что так?

Поспелов
Да разве ты не знаешь?
Марфа Борисовна
Ах, голубчик!
Я думала, что ты уж и забыл!

Поспелов
А ты б и рада?
Марфа Борисовна
Да не то что рада,
А всё не время, некогда подумать.

Поспелов
Об чём тут думать, голову ломать!
Марфа Борисовна
Кто ж за меня подумает?

Поспелов
Всё я же,
И за себя, и за тебя.

Марфа Борисовна
Какой ты
Догадливый! Спасибо, что избавил
Меня от тяжкой думы, от заботы!
Позволь спросить, по-твоему-то как же
Выходит?

Поспелов
Помолясь, да по рукам.
Сиротским делом сходим на могилку
Родителям почившим поклониться,
А там, как водится, честным пирком
Да и за свадебку.

Марфа Борисовна
Недолго думал,
А хорошо сказал.

Поспелов
А нешто худо?
Марфа Борисовна
Ты лучше знаешь.

Поспелов

Значит, так и быть,

По-моему?

Марфа Борисовна

Да ну, уж ладно, ладно.

Поспелов

Утешила меня ты. Точно камень

Лежал на сердце, отлегло теперь.

А то, бывало, сердце, ровно голубь,

Так и колотится без перемолку.

Марфа Борисовна

Ты помолчи пока, мой друг сердечный!

Поспелов

Зачем молчать? Кого же мы боимся!

Марфа Борисовна

Что прежде времени молву пускать!

Не к спеху дело, погодим немного.

Поспелов

Чего ещё? Ты развяжи меня!

Марфа Борисовна

Ну что на улице за разговоры!

Немало дней у Бога; потолкуем

И после, без помехи, на досуге.

Ступай себе! Вон, видишь, из собора

Татьяна Юрьевна выходит. Плачет

Об муже, бедная. Прощай, голубчик!

Пойду я к ней, разговорю немного.

Поспелов уходит. Выходят Татьяна Юрьевна и две женщины.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Марфа Борисовна, Татьяна Юрьевна и две женщины.

1 - я женщина

Поверь, что с глазу, больше ни с чего.

2 - я женщина

А то испортил кто-нибудь. По ветру

Болезнь пускают злые люди часто.

Обе проходят.

Марфа Борисовна
Татьяна Юрьевна, оставь кручину!
Напрасным страхом сердца не томи!
Пройдёт невзгодье, мирно Бог устроит
И миром оградит святую Русь,
Тогда Кузьма Захарыч перестанет
Печалиться, здоров и весел будет.
Не плачь, греха на душу не бери!

Татьяна Юрьевна
Как мне не плакать! Ты бы поглядела,
Что случилось с ним. Как яркий воск он тает,
От сна, от пищи, от всего отстал
И буйную головушку повесил.
И всё молчит. Вот иногда и спросишь:
«О чём ты, мил-сердечный друг, тоскуешь?»
Не скажет, нет, не скажет, промолчит,
Махнёт рукой; а иногда заплачет,
Так и уйдёт. Посмотришь вслед ему,
Да и зальёшься горячими слезами.

Марфа Борисовна
Молись, Татьяна Юрьевна, молись!
Да меньше плачь! Господь ему поможет.

Татьяна Юрьевна
Да что же он молчит-то! Я жена,
А не чужая.

Марфа Борисовна
Что же будет проку
Тебе сказать-то! Посуди сама:
Короток женский ум, от нас совету
Не ждать им; ну, а праздно толковать
О деле важном — тоже не годится!

Татьяна Юрьевна
Головушка кручинная моя!
(Качает головой и задумывается.)
Ты видела, стоял он у вечерни.
На что похож! Ведь краше в гроб кладут.
Глаза горят, лицо как саван белый,
Засохшие не шевелятся губы;
Как вкопанный, он не сводил с иконы

Очей; крестом сложенные персты
До ясного чела не подымались;
И только слёзы, как ручьи весною,
Бежали по щекам, по бороде
И капали. Убогонькой Гришутко
Стал рядом с ним, как лист дрожит и плачет,
То на него, то на икону взглянет.
К добру ли это? Говорят, за кем
Убогий ходит, тот на белом свете
Уж не жилец. А Гриша, как нарочно,
Не отстаёт ни шагу от него.

Марфа Борисовна
И, полно ты! Кого убогий любит,
Тот человек угоден, значит, Богу.

Татьяна Юрьевна
Кто Господу угоден, тех Господь
К себе берёт.

Марфа Борисовна
Отчаянье — грех смертный!

Татьяна Юрьевна
О! Загляни ты в грудь, что там творится!
Тогда и осуждай!

Молчание.

Сегодня ночью
На малый час он не уснул, и только
В соборный ранний благовест забылся;
Как звоны отошли, он вдруг проснулся,
Вскочил с постели, разбудил весь дом,
Велел зажечь все свечи, все лампы
И до свету молился со слезами.
И мы молились. «Чудо! Чудо Божье!»
Он всё твердил, а не сказал какое.

Марфа Борисовна
На вас нисходит благодать Господня,
Ваш дом он избрал для чудес своих.
Ты радуйся, не плачь! Молебны пойте!
Из всех церквей иконы поднимите!
И крестным ходом город весь пойдёт

С хвалебным пением и со свечами
На место свято.

Татьяна Юрьевна
Проводи меня!

Марфа Борисовна
А где же муж?

Татьяна Юрьевна
В соборе с протопопом
Остановился, говорят о чём-то.

Марфа Борисовна
Пойдём, Татьяна Юрьевна, пойдём!

*Уходят. Входят Аксёнов, Тёмкин, Губанин, Лыткин и разные
торговые и посадские люди.*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Аксёнов, Тёмкин, Губанин, Лыткин, народ.

Аксёнов

Ну, так как же, ребяташки, а? Ну вот теперь нас много сошлось,
давайте поговорим толком!

Лыткин

И то надо толком. А то что это! Господи Боже мой! Тот говорит:
«давай денег!», другой говорит: «давай денег!» А для чего — никто
толком не скажет.

Тёмкин

Тебе только всё разговаривать, лясы точить; а дела-то делать, вид-
но, ты не любишь! Мало ещё, что ли, разговору-то было! Сорок дней
со днём сходимся да толкуем.

Губанин

Уж и не говори! Срам! То есть, кажется, не глядел бы людям в глаза
от стыда, особенно Кузьме Захарьичу. Он о земском деле печалится,
а мы... Ах, стыдобушка!

Аксёнов

Значит, ребята, как в последний раз говорили, так и быть: третью
деньгу.

Голоса

Третью деньгу. — Что ж, мы не прочь! — Так тому и быть! — Что
сказано, то свято!

Губанин

Все, дедушко, согласны, все. (*К народу.*) Не стыдите, братцы! (*Аксёнову.*) Дедушко! Спорщиков нет.

Аксёнов

Постой ты, погоди! От трёх денег — деньгу; от рубля — десять алтын, от трёх рублей — рубль.

Голоса

Ладно! Ладно! (*Разговор в толпе.*) С десяти рублёв выходит — три рубля да десять алтын. — А от сорока? Долго ль счесть! — С пятидесяти рублёв — пятнадцать рублёв. — Не пятнадцать, а шестнадцать рублёв двадцать два алтына. — Ишь ты, счётчик! — Да уж ладно, ладно!

Тёмкин

Стойте! Как же это! Значит, всё одно, что семейный, что одинокий?

Губанин

Как тебе не грех рот-то разевать? Ужли один против всех пойдёшь?

Аксёнов

Тебе что за дело до одиноких! Одинокий-то, может, всё отдаст, да и сам своей головой пойдёт.

Тёмкин

Ах ты, жила! Прости, Господи!

Лыткин

Да что жила! Кому ж своего не жаль!

Губанин

На земское-то дело? Экой срам! Ну уж...

Аксёнов

Стало быть, и делу конец. Отслужить молебен, да и собирать.

Губанин

У нас в рукавичном ряду уж и деньги готовы.

Голоса

В железном хотят собирать. — Толкуют и в хлебном. — И в горшечном. — И в мясном. — И рыбаки.

Лыткин

А как же теперь товар?

Тёмкин

Прикинем.

Голоса

Известно, прикинем, что чего стоит. — Долго ль прикинуть. — В цену поставим.

Лыткин

А кто приценивать будет?

Тёмкин

Всё мы же.

Голоса

Промеж себя выберем. — Всякий в своём ряду. — Свой суд короче.

Лыткин

Да как же я поверю чужому человеку своё добро ценить!

Аксёнов

Мы не без креста ходим.

Тёмкин

Самому тебе не счесть, как мы сочтём.

Голос из толпы

Мы, торговые люди, друг у дружки каждую деньгу насквозь видим.

Лыткин

Что ж такое! Лучше ложись да умирай!

Тёмкин

Ну и умирай! Ну, умирай!

Аксёнов

Ты для себя для одного, что ли, жить хочешь? Так ступай в лес, да и живи себе. С людьми живёшь, так и слушай, что мир говорит. Больше миру не будешь! Мир никто не судит, один Бог. Велит мир, так и всё отнимут.

Тёмкин

Да и отнимем, силой отнимем.

Лыткин

Да ведь это разор!

Тёмкин

Ну, да что на него смотреть, Пётр Аксёныч! Как сказано, так и будет. На том все и станем.

Голоса

Все! — Все!

Тёмкин

Есть тут кто-нибудь из немцев?

Немец

Я.

Тёмкин

Ты согласен?

Немец

Да!

Тёмкин

Вот видишь ты, Василий! Ну, скажи ты мне теперь, есть в тебе душа али нет?

Губанин

Брось ты его!

Тёмкин

Зреть не могу таких людей; вся душа во мне поворачивается.

Голоса

Кузьма Захарыч идёт! — Кузьма Захарыч!

Входит Минин. Все кланяются.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Минин.

Аксёнов

Что ты не весел, голову повесил?
Аль что неладно? Али прихворнул?
Какие вести есть?

Минин

Вестей довольно.

Аксёнов

Что пишут?

Минин

Всё одно и то же, точно
Как сговорились. Все хотят быть с нами
В любви, в совете и в соединенье,
На разорителей хрянской веры
Единомышленно идти готовы.
Теперь лететь бы к матушке Москве!
Подняться нечем, спутала нужда,
Узлом орлиные связала крылья.
Видна добыча, а тяжёлых крыльев
Не отдерёшь, и бейся оземь грудью
И алую точи по капле кровь!

(Задумывается.)

А к с ё н о в

Мы положили третью деньгу брать
От денег, от товару тоже.

М и н и н

Мало.

А к с ё н о в

И те с трудом, а больше не сберёшь.

М и н и н

Я знаю.

А к с ё н о в

Тяжело одним. Помогут
Другие города.

М и н и н

Плохая помощь!

Все обнищали. Рады бы помочь,
Да нечем.

А к с ё н о в

Так и быть. На нет — суда нет.
Что есть, с тем и пойдём. Наймём подмогу,
Стрельцов бродячих да казаков конных.

М и н и н

Ждать нечего, пойдёмте умирать
За Русь святую! Сходим к воеводе,
Челом ударим, чтобы вёл к Москве;
А не пойдёт, так выберем другого.
Мне ждать нельзя. Мне Бог велел идти.
Смотрите на меня! Теперь не свой я,
А Божий. Не пойдёт никто — один
Пойду. На перепутьях буду кликать
Товарищей. В себе не волен я.
Послушайте!

Все обступают его.

Сегодня поздней ночью,
Уж к утру близко, сном я позабылся,
Да и не помню хорошенько, спал я
Или не спал. Вдруг вижу: образница
Вся облилася светом; в изголовье

Перед иконами явился муж
В одежде схимника, весь в херувимах,
Благословляющую поднял руку
И рек: «Кузьма! Иди спасать Москву!
Буди уснувших!» Я вскочил от ложа,
Виденья дивного как не бывало;
Соборный благовест волной несётся,
Ночная темь колыхнется от звона,
Оконницы чуть слышно дребезжат,
Лампадки, догорая, чуть трепещут
Неясным блеском, и святые лики
То озарялися, то померкали,
И только разливалось по покоям
Благоуханье.

А к с ё н о в

Слава в вышних Богу!

Но кто же старец? Рассмотрел ли ты?

Угодников ты подлинники знаешь.

Входит Нефёд.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Нефёд.

Не ф ё д

Где батюшко?

М и н и н

Что надо? Что случилось?

Не ф ё д

Гонцы от Троицы Живоначальной,

От Сергия-угодника пришли.

М и н и н

От Сергия-угодника? И старец,

Явившийся мне, грешному, был Сергей.

Г о л о с а

Перст Божий! — Божья воля! — Чудеса!

Ещё от нас Господь не отступился.

Не ф ё д

У них письмо отца архимандрита

И келаря.

М и н и н

На воеводский двор

Ступай, Аксёныч, прямо к воеводе!
Оповести его! А вы собирайте
Дворян, детей боярских, и голов,
И сотников стрелецких и казацких,
И земских старост, и гостей, и всяких
Людей служилых к воеводе в дом.
Не соберутся, так в набат ударим.
А ты, Нефёд, домой! Веди гонцов!
Как есть с дороги, так пускай и идут.
Теперь в последний раз, друзья, пойду я
Боярам, воеводам поклониться.
Молитесь Богу, чтоб смягчил он сердце
Властителей, смирил гордыню их,
Чтобы помог мне двинуть кротким словом
На дело Божье сильных на земле.

Г о л о с а

Господь поможет. — Он тебе поможет. —
Молиться будем! Господа умолим.

Все уходят.

СЦЕНА II

ЛИЦА

ВОЕВОДА, АНДРЕЙ СЕМЁНОВИЧ АЛЯБЬЕВ.

БИРКИН.

СЕМЁНОВ.

МИНИН.

АКСЁНОВ.

ПОСПЕЛОВ.

КОЛЗАКОВ.

РОМАН ПАХОМОВ.

ДВОРЯНЕ, ДЕТИ БОЯРСКИЕ, ГОЛОВЫ, СТАРОСТЫ, БОГАТЫЕ

ПОСАДСКИЕ ЛЮДИ.

Большая богатая изба в воеводском доме.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

В избу входят постепенно р а з н ы е л и ц а, всё более пожилые и зажиточные, потом А к с ё н о в. Вновь пришедшие кланяются молча с теми, которые пришли прежде. Говорят вполголоса.

Г о л о с а

Зачем нас собирают? Аль беда какая? — Нет, грамоту из Сергиева монастыря привезли. — Верно нелегко, коли грамоты пишут? — Какая лёгость! Видимая смерть! Наша рать разошлась, а к врагу на подмогу сила подходит. — Что же в грамоте пишут? — Подожди малость, всё узнаем.

Входит А к с ё н о в.

Кто привёз грамоту?

А к с ё н о в

Роман Пахомыч. Кому же больше!

О д и н г о л о с

Эка голова!

А к с ё н о в

Сам великий господин патриарх называет их, его да Родиона Моисеича, бесстрашными людьми. Так и пишет: «А пришлите мне тех бесстрашных людей!»

О д и н и з т о л п ы

Говорят, Пахомов от всякой напасти заговорён.

А к с ё н о в

Толкуй тут! Известно, Божьим произволением. К патриарху ходит, благословение принимает; а ты: «заговорён»! Нешто такие заговорённые-то бывают?

Другой из толпы

Заговорённый-то который — и креста не носит; а не то что к благословению идти.

Аксёнов

Да ещё к кому? К самому патриарху!

Входят Минин, Поспелов и Роман Пахомов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Минин, Поспелов и Роман Пахомов.

Голоса

Роман Пахомыч, здравствуй! — Здравствуй! — Как тебя Бог милует? — Здорово ли доехал? — Чай, устал?

Роман Пахомов

Немного есть. Последние две ночи не ночевал, всё ехал.

Аксёнов

Где ехал?

Роман Пахомов

От Троицы на Суздаль, оттуда на Балахну.

Аксёнов

Чиста дорога?

Роман Пахомов

Ничего, Бог миловал.

Голоса

Что в Москве? — Что в Москве, Роман Пахомыч?

Роман Пахомов

Плохо.

Голоса

А что? — Что такое?

Роман Пахомов

Пожжёно, разорёно, хлеба мало.

Голос

Ужли и хлеба мало?

Роман Пахомов

Мало. Я стоял у одного посадского, у Яузских ворот, — бедствует.

Голоса

Ах, сердечные! — Эка беда! — Эка причина!

Аксёнов

Скажи ты мне на милость, пуще мне всего: к патриарху ходу нет?

Роман Пахомов

Теперь нет, крепко держут.

Аксёнов

И всё вор Андронов?

Роман Пахомов

Все хороши.

Голоса

А что Трубецкой? — Что Заруцкий с войском?

Роман Пахомов

Какое это войско! Вор на воре! Содом!

Входят воевода, Биркин, Семёнов, Колзаков и несколько народу.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, Алябьев, Биркин, Семёнов, Колзаков и другие.

Воевода садится за стол; некоторые садятся; некоторые стоят.

Роман Пахомов подаёт грамоту воеводе.

Воевода

Здорово ли доехал?

Роман Пахомов

Ничего.

Воевода

Ну, молодец же ты, Роман Пахомов!

Хвала и честь тебе! Чай, отдохнуть

С дороги-то захочешь?

Роман Пахомов

Да когда уж!

Велели к вам заехать, да в Казань.

Уж отдохну, вернувшись из Казани.

(Отходит.)

Воевода

Все собрались?

Голоса

Все.

Воевода
(отдаёт грамоту Семёнову)
Читай, Василий!

Семёнов
Сначала тут, как водится, все власти
Казанские и весь народ помянут:
Татары, черемиса, вотяки
И прочие.

(Читает.)

«Не раз мы вам писали
О нашей гибели и разоренье;
И снова молим вас: не позабудьте,
Что вы родились в православной вере,
Святым крещением знаменовались.
Сего-то ради положите подвиг
Страдания вашего за ваших братьев!
Молите всем народом христианским
Людей служилых быть в соединенье
И заодно стоять против врагов
И всех предателей хрестьянской веры.
Вы сами видите, что всем близка
От тех врагов конечная погибель.
В которых городех они владели,
Какое разоренье учинили!
Где Божьи образы и где святыня?
Не всё ли разорили до конца
И обругали наглым поруганьем!
Где множество бесчисленное в градех?
Не все ли люто горькими смертями
Скончались! Где в сёлах наши чада,
Работные? Не все ли пострадали
И в плен разведены! Не пощадили
И престаревших возрастом. Седин
Не усрамились старцев многолетних
И душ незлобивых младенцев. Все
Испили чашу праведного гнева.
Попомните и смилуйтесь над нами,
Над общей гибелью, чтоб вас самих
Та лютая погибель не постигла!
Не мешкая, идите в сход к Москве!

Вы сами знаете, всему есть время,
Без времени бездельно начинанье
И суетно. А если есть меж вас
Какое недовольство, отложите!
Соединитесь все, забыв обиды,
И положите подвиг пострадать
Для избавленья православной веры!
Незакосненно сотворите дело,
Казною и людьми помогите!
Чтоб скудостью и гладным утеснением
Боярам, воеводам и всем людям
Порухи никакой не учинилось.
О том вас молим много со слезами
И от всего народа бьём челом!»

В о е в о д а

Вели списать ты список слово в слово,
А грамоту отдай свезти в Казань.

М и н и н

А что ответим?

С е м ё н о в

Знают воеводы

Про то, а наше дело будет — слушать.

М и н и н

Послушаем.

В о е в о д а

Мы рады бы идти,

Да нас походы разорили вовсе.

Давно ль ходил князь Александр Андреич,

И я ходил; без дела не сидели!

Казны да войска просят. Где ж нам взять?

А к с ё н о в

Поищем, так найдём.

С е м ё н о в

А где найдёшь ты?

А к с ё н о в

Промеж себя найдём; сберём, что можем.

С е м ё н о в

Да много ль денег?

Минин

Сколько ни на есть!

Уж это наше дело.

Воевода

Доброй воли

Я не снимаю с вас. Сбирайте с Богом!

Семёнов

Ну, может быть, кой-что и соберёте;

Что ж делать будете?

Аксёнов

Тебя не спросим.

Минин

Наймём людей служилых да стрельцов,

Да и пошлём к Москве.

Семёнов

Без воеводы?

Минин

Как преж того водил Андрей Семёныч,

Так и теперь ему челом ударим.

Воевода

Я не пойду, устал.

Минин

Андрей Семёныч!

Ты вздумай, если нашим нерадёньем

Московскому крещёному народу

Конечная погибель учинится,

Иссякнет корень христианской веры,

И благолепие церквей Господних

В Московском государстве упразднится,

Какой ответ дадим мы в оный день,

В день страшного суда?

Воевода

А кто порукой,

Что наше войско враг не одолеет,

Что врозь оно не разбежится, прежде

Чем мы Москву перед собой увидим.

Не хуже нас ходили воеводы!

Со всех концов бесчисленное войско

Шло под Москву громовой чёрной тучей.
Рязанцы шли с Прокопом Ляпуновым,
Из Муром с окольных Масальским,
Из Суздаля с Андреем Просовецким,
Из городов поморских шёл Нащокин,
С Романова, с татарами-мурзами
И с русскими шли Пронский да Козловский,
С Коломны и с Зарайска князь Пожарский,
Пётр Мансуров вёл галицких людей,
Из Костромы пошли с Волконским князем,
Из Нижнего князь Александр Андреич.
Да не дал Бог; все розно разошлись.
Так как же хочешь ты, чтоб с горстью войска
Я шёл к Москве? Мне с Господом не спорить!

М и н и н

Мы всё на Бога. Сами виноваты,
А говорим: «Бог не дал». Да за что
Ему и дать-то нам! Такое дело
Великое как делалось, сам знаешь.
Когда-то соберутся да пойдут,
Как точно через пень-колоду велят.
А соберутся, — споры да раздоры:
Да не о том, кто первый помереть
За Русь святую хочет, — разбирают,
Кто старший, набольший, кто чином больше,
Кто стольник, видишь ты, а кто боярин.
Другой боярин-то, гляди, в Калуге
Боярство-то от вора получил.
Поспорят, покричат, дойдёт до драки;
До смертного убивства доходило!
Потом и разойдутся нас же грабить,
Врагу на радость, царству на погибель.
Да ты не осердись, Андрей Семёныч!

В о е в о д а

За что сердиться! Правду говоришь.

М и н и н

А там и говорят, что не дал Бог.
Что за корысть великим воеводам
За нас, за маленьких людей, сражаться,

За дело земское стоять до смерти!
Им хочется пожить да погулять!
Им хорошо везде. С царём повздорил,
Так в Тушино, — там чин дадут боярский;
Повздорил там, опять к царю с повинной:
Царь милостив, простит; а то так в Польшу.
Да и целуют крест кому попало,
Не разбирая; на году раз пять
Господне имя всеу призывают.
И все они, прости меня Господь,
Для временные сладости забыли
О муке вечной. Им ли нас спасать!
Таковыми ли руками Русь очистить
И в ней Господне царство обновить!

Г о л о с а

Что правда — правда. — Что греха таить!

В о е в о д а

Кому ж стоять теперь за Русь святую,
Кузьма Захарьев?

М и н и н

Тем, кто больше терпит,
Кто перед Богом не кривил душой.
Когда народ за Русь святую встанет,
И даст Господь победу над врагом.
Нам дороги родные пепелища,
Мы их не променяем ни на что.
Нам вера православная да церковь
Дороже всех сокровищ на земле.
Мы волею креста не целовали
Губителям. А где и огрешились,
С верёвкою на шее присягали,
Да и не знают, как и замолить.
Вон Кинешма, и Лух, и Балахна,
И Юрьевец омылись в крови,
Свою вину сторицей искупили.
Сам рассуди: по деревням, по сёлам
Что терпят! Враг внезапно набегает,
Дома разграбит, да сожжёт и церковь,
Что обыдёнкой сложена всем миром

За избавленье Божие от мора
Иль от другой напасти. Что тогда?
Куда податься? Лучше умереть
В честном бою, всем разом, с глазу на глаз
С врагом, чем гибнуть всем поодиночке,
В плетнях да в рощах зверем укрываясь.

В о е в о д а

За умножение грехов Господь
Нас наказал. Мы знаем всё и терпим.
Так не грешно ли против Божьей воли
Нам восставать? Не лучше ли смириться?
Подумай! Тяжело бороться с Богом!

М и н и н

Господь не век враждует против нас
И грешнику погибели не хочет.
Придёт пора, молитвой и слезами
Святителей и праведных людей
Разящий гнев Господень утолится
И нам, смиренным, снидет благодать.
Господь смиряет и Господь возносит,
Введёт в беду и изведёт из бед.
Враг одолел, творя Его веленье,
Смирились мы, и нам Господь пошлёт
Победу на врага и одоление!

В о е в о д а

Мне следу нет идти, пускай другие.

М и н и н

Ты не пойдёшь, мы без тебя пойдём.
Позволь мне завтра кликнуть клич к народу;
Что соберём, с тем и пойдём к Москве.
По деньгам глядя, принимаём казаков.

Б и р к и н

Не знаю, что Андрей Семёныч скажет,
А я б тебе и думать не позволил
Сбивать казаков своевольных в город.
В Казани их пускают понемногу,
Так человек десятка два, не больше,
Бояся смуты. Да и хорошо.
В тебя не влезешь. Говорят, чужая

Душа потёмки. Может, ты затеял
Какую смуту аль измену всчать!
Твой замысел лукав, Кузьма! Ты хочешь
Опутать красным словом чёрный люд
И властвовать.

М и н и н

Постой, Иван Иванович!

Чего не знаешь, ты б не говорил.
Я вот и знаю, да молчу. Ты лучше
Смотрел бы на себя, а не корил
Поклёпом злым людей, себя честнее.
Тебя с собой я не зову к Москве;
Тебе и в Тушине тепло бывало.
Живи себе да бражничай здесь, в Нижнем!
Я не мешаю, не мешай и ты!
Я про тебя скажу такое слово,
Что ты язык прикусишь.

С е м ё н о в

При тебе,

Андрей Семёнович, такие речи
Он говорит. Возможно ли терпеть!

М и н и н

(показывая на Биркина)

Ты видишь, терпит.

В о е в о д а

Замолчи, Кузьма!

М и н и н

Я замолчу, да уж и он не скажет
Ни слова больше, головой отвечу.

С е м ё н о в

Так я скажу. Я замысел твой вижу.
Не смуту, нет, ты смуты не затеешь,
Ты от казны попользоваться хочешь,
Чужой копейкой пожить, вот что!
Вы все барышники!

М и н и н

Очнись, Василий

Семёнович! Ты старый человек!

По дурости ты это говоришь
Или по злобе на меня, не знаю.
Нет, я души своей не продавал
И не продам. Душа дороже денег,
Мы знаем твёрдо, ты не позабыл ли?
Мы тем живём, что Бог в торгу пошлёт;
К поборам да к посулам не привыкли;
Добро чужое честно бережём,
А истеряем, так своим заплатим.
Ты будь покоен, я и не возьмуся
Ни собирать, ни соблюдать казну.
Мы старикам дадим на сбережение,
Уж только не тебе, ты не взыщи!
Вот Пётр Аксёныч, человек бывалый!
Найдутся и другие послужить
Для дела земского.

Аксёнов

Бог даст, послужим.

Не в тягость служба, коли дело Божье
Да земское.

Воевода

А много ли собрать

Мекаете? Вам это дело ближе,
Виднее.

Минин

Прикажи нам кликнуть клич,
Тогда увидим.

Семёнов

Много не сберёте.

Аксёнов

Что Бог пошлёт, и тем довольны будем.
Ты прикажи, Андрей Семёныч, кликнуть!

Воевода

Все просите?

Голоса

Все, все, Андрей Семёныч!

Воевода

Ну, кличьте, с Богом!

Семёнов

(Минину)

Соберёшь алтын

За гордость за свою.

Минин

Не ошибись!

Аксёнов

Благодарим тебя, Андрей Семёныч,
Что ты позволил нам к народу кликнуть
И собирать казну на Божье дело!
За что бы, кажется, благодарить!
Свои мы деньги соберём, положим
Свои труды; да ведь другой, пожалуй,
И помешал бы нам, а ты велишь.
Так уж тебе спасибо и за это!

Минин

Князья, и воеводы, и бояре,
И все честные люди, посудите
Своим умом и разумом великим
Мою простую речь! Не обессудьте,
Что я помимо старших затеваю
Такое дело! Не своя гордыня
Ведёт меня. Гордыня — вражье дело;
А я слуга, я раб велений Божьих.
Сегодня ночью преподобный Сергей
Мне, грешному, явился, и велел он
Будить народ и поспешать к Москве.
Когда я близким стал про это чудо
Рассказывать, в тот самый час гонцы
Явились с грамотой архимандрита.
И мнится мне, что сам угодник Сергей
Её прислал. Бояре, воеводы!
Я чудо Божье утаить не смел
И вам поведал всё как перед Богом.
И слушать и не слушать ваша воля;
А мне одно: служить я буду Богу.
Я раб, пославшего творю веленья,
Пока исполнится завет Господень,
Пока кремлёвские увижу стены.

Г о л о с а

Иди, иди к Москве, Кузьма Захарьич!
Тебя Господь поддержит, укрепит...

В о е в о д а

И мы по силе, по мочи поможем.

Г о л о с а

Поможем все тебе! — Поможем все!

В о е в о д а

А грамоту снесите к протопопу,
Чтоб завтра за обедней прочитал.
Велите в колокол большой ударить,
Чтобы народу собралось побольше.

С е м ё н о в

А где свинцу да пороху возьмёте?
Без огненного бою как соваться!

М и н и н

Займём в Казани, там в остатке много.

С е м ё н о в

А не сберёшь ты войска, что тогда?

М и н и н

Один пойду.

С е м ё н о в

Один — не ратник в поле.

П о с п е л о в

Ты не один пойдёшь, и мы пойдём.
Посадские, торговые помогут
Вам деньгами, а мы все головами.

Д е т и б о я р с к и е

Мы все идём с тобой, Кузьма Захарьич!

П о с п е л о в

Никто меня здесь в Нижнем не удержит!
Служилые, воинские мы люди,
Мы по приказу шли и умирали,
Велят — иди и голову клади;
Теперь без зова я иду, охотой!
Уж умирать, так за святое дело!

Колзаков

Тебя Господь своим сподобил чудом;
Иди же смело в бой, избранник Божий!
И нас возьми! Авось вернётся время,
Когда царям мы царства покоряли,
В неизвестные страны заходили,
Край видели земли, перед глазами
Земля морским потоком завершалась
И был сердито море-окиян.
Довольно бражничать! Теперь есть дело —
Точить оружие, в поход собираться!

Воевода

И с Богом! Только жаль, что вас не много.

Минин

Да разве враг нас одолел числом?
Он одолел нас Божьим попусьнем.
Не силой силен враг, а Божьим гневом,
Да нашей слабостью, да нашими грехами.

Аксёнов

Не войска нужно нам, а благодати.

Минин

Велик Господь, Владыко херувимский!
Прибежище и сила наша в Нём!
Его рука дала врагам победу,
Его рука притупит их мечи.

Аксёнов

Давид и мал, да сильного свергает.

Поспелов

Не много храбрых вывел Гедеон.

Минин

Самсон всё войско костью побивает.

Аксёнов

От гласа труб валится Ерихон.

Колзаков

С большой ордой побить врага не диво.

Минин

Во мнозе Бог! И в мале Бог!

Аксёнов

Аминь!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

ЛИЦА

ВОЕВОДА АЛЯБЬЕВ.

БИРКИН.

СЕМЁНОВ.

ПОСПЕЛОВ.

КОЛЗАКОВ.

МИНИН.

АКСЁНОВ.

ТЁМКИН.

ГУБАНИН.

ЛЫТКИН.

НЕФЁД МИНИН.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

МАРФА БОРИСОВНА.

ВСЯКИЕ ЛЮДИ НИЖНЕГО НОВГОРОДА ОБОЕГО ПОЛА.

СЛЕПЫЕ.

Площадь в Кремле недалеко от собора. Начинает рассветать.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Часть народа толпится на паперти у собора, между ними Губанин.

Вбегает Лыткин.

Лыткин

Ах, отцы мои, вот страсти-то! *(Увидав Губанина.)* Сёма! Сёма!
Родимый ты мой, что за напасть такая?

Губанин

Какая напасть?

Лыткин

Да как же, Сёма! Зачем в большой колокол-то били? Слышу я, за-
чали в колокол бить, народ бросился в город, так я и обмер. Ну, думаю,
всполох от воровских людей.

Губанин

Какой всполох? Что ты!

Лыткин

Так зачем же в большой-то? Ноне праздника нету.

Губанин

Затем и в большой, чтоб больше народу набралось. Грамоту из Сер-
гиева монастыря читать будут.

Лыткин

Ишь ты! А ведь мне сдуру-то втемяшилось, что всполох. Велел домашним всю рухлядь, что есть, волоочь в город наспех. Тут у ворот под горой и складывают.

Губанин

Кто о душе, а ты всё о рухляди. Как тебе не стыдно!

Лыткин

Молод ещё ты учить-то! Я уж страсти-то видывал. Как тогда князь Вяземский подходил, натерпелись тоже немало. Оно точно, Бог сохранил, а добра-то что распропало.

Губанин

На Москве больше нашего распропало.

Лыткин

Такое определение. Значит, терпи! Ну, а нам, пока Бог милует, своё добро беречь надо. Отошла обедня-то?

В народе

Грамоту читают! — Грамоту читают! *(Подвигаются к собору.)*

Губанин

Уж как хочется послушать! Кажись, ничего бы не пожалел.

Лыткин

Уж и я бы послушал. Протеснимся как-нибудь. Посторонитесь, почтенные!

Проходят. Народ мало-помалу протесняется в собор. У паперти открывается кучка слепых, которые были скрыты народом.

Слепые

(запевают)

Живал себе славен на вольном свету,
Пивал, едал сладко, носил хорошо,
Золотые одёжи богат надевал,
Про милость про Божью богат не давал,
Про нищую братью богат забывал,
А был у богатого убогий братец:
Восползет убогий к богатому на двор,
Закричит убогий громким голосом.

Заря занимается. Народ выходит из собора. Все утирают слёзы. Слышны голоса: «Подайте слепому, убогому! Сотворите святую милостыню!»

Мальчики уводят слепых на паперть.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Проходят двое.

1 - й

Экой плач! Эко рыдание во всём соборе!

2 - й

Да и было отчего. Всё тебе, как на ладонке, видно, как Москва гибнет, как веру православную попирают. Как же тут не заплакать! Что мы, каменные, что ли!

Проходят. Старик и женщина.

Старик

Гибнет, говорит, всё наше государство! Гибнет вера православная! Легко сказать — гибнет вера православная! Каково это слово! Скажи ты мне, каково слышать?

Женщина

Тяжко-то оно слышать, тяжело, а хорошо, кабы почаще нам эти слова напоминать! А то живём тут, беды большой над собой не видим, никакой муки не терпим; этак не то что своих ближних, и Бога-то забудешь.

Проходят. Проходят четверо.

1 - й

Мы за веру православную должны до смерти стоять! Слышите, до смерти!

2 - й

А кто же прочь? Да хоть сейчас умирать!

3 - й

Потому, коли ты за веру пострадал, небесное царствие наследуешь.

4 - й

Беспреречно.

Проходят. Две женщины.

1 - я

Ни в жизнь столько слёз не видала! Ни на одних похоронах того не бывает.

2 - я

Уж и не говори! Так рекой и разливались. Ангелы-то с небеси, чай, смотрят да радуются.

Проходят. Выходит народ и становится стенами, образуя улицы для выходящих из собора. Выходят воевода, Биркин и Семёнов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

<Те же,> воевода, Биркин, Семёнов.

Воевода

(утирая слёзы)

Вы видели, как плакал весь народ,
Вы слышали тяжёлые рыдания!
Какие слёзы! Боже! Прав Кузьма:
С таким народом можно дело делать
Великое. Он кроток, как дитя,
Он плачет. Но, взгляните, эти слёзы —
Не хныканье старух и стариков;
В них сила страшная; омывшись ими,
Он чист и твёрд, как камень самоцветный;
Он сбросил тяжесть помыслов житейских,
И суеты, и будничных забот,
И вышел непорочен: хоть на битву
Веди его, хоть в монастырь честной,
Хоть на небо.

Семёнов

(со слезами)

Великую ты правду,
Андрей Семёныч, говоришь. Я стар,
Заматерел в грехах; а Божье слово,
В час утренней молитвы, возвышает
Мне душу грешную, и рвутся цепи,
К земле гнетущие; хочу подняться,
Как утопающий, ищу спасенья;
Цветущий берег райский вижу ясно;
И плыть готов, и силу обретаю.

Воевода

Страдал народ; теперь конец страданью,
Заметно по всему. И страшно будет
Отмщение за пролитую кровь.

Биркин

Потерпит и ещё.

Воевода

Вот ты увидишь,
Что этот день начало избавленья

От всех напастей, обстоящих нас.
Народ проснулся. Даром так не плачут.
Поверь ты мне: заря освобожденья
Здесь, в Нижнем, занялась на всю Россию,
Взойдёт и солнце.

Семёнов

Кабы нам твоими

Устами мёд пить.

Воевода

Даст ли Бог дожить?

А доживём, увидим. Эко чудо!

Всё из ума нейдёт. Какие слёзы!

Все плакали, от мала до велика.

(Уходит.)

*Входят Аксёнов, Пospelов, Тёмкин, Губанин, Лыткин
и несколько народу.*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

*Биркин, Семёнов, Аксёнов, Пospelов, Тёмкин, Губанин,
Лыткин и народ.*

Пospelов

Выходишь от обедни, помолясь

С усердием и досыта поплавав,

И так тебе легко на сердце станет;

И под ногами ты земли не чуешь,

И ног не слышишь; и заря-то ярче

Горит на небе, точно сладкий мёд,

Пьёшь воздух утренний. Такое диво!

Какая лёгость для души молитва!

Взялся бы с места, да и полетел!

А день придёт — забота за заботой

Навалятся, опять отяжелеешь.

Аксёнов

Вестимо, утром человек помягче,

Пока не заболтался в суете;

И разум крепче, да и воля твёрже,

И особенно — помолясь усердно.

Сейчас наказывал Кузьма Захарьич

Сказать народу, чтоб не расходился.
Пожалуй, после всех и не сберёшь,
Да и сердца-то огрубеть успеют.
Теперь в соборе заказал молебен
Он ангелу-хранителю Косьме
Бессребренику. Вы поговорите
С народом-то, пока молебен кончат.

*Тёмкин и Губанин подходят к народу — один в одну сторону,
другой в другую.*

Т ё м к и н

Почтенные! Маленько подождите:
Кузьма Захарьич хочет говорить.

Г у б а н и н

Коли не в труд, повремените малость:
Кузьма Захарьич приказал просить.

Минин выходит из собора.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Минин.

М и н и н

(с лобного места)

Друзья и братья! Русь святая гибнет!
Друзья и братья! Православной вере,
В которой мы родились и крестились,
Конечная погибель предстоит.
Святители, молитвенники наши,
О помощи взывают, молят слёзно.
Вы слышали их слёзное прошение!
Поможем, братья, родине святой!
Что ж! Разве в нас сердца окаменели!
Не все ль мы дети матери одной?
Не все ль мы братья от одной купели?

Г о л о с а

Мы все, Кузьма Захарьич, все хотим
Помочь Москве и вере православной.

М и н и н

И аще, братья, похотим помочь,
Не пожалеем наших достояний!

Не пощадим казны и животов!
Мы продадим дворы свои и дома!
А будет мало: жён, детей заложим!

Г о л о с а

Заложим жён! — Детей своих заложим!

М и н и н

Что мешкать даром, время нас не ждёт!
Нет дела ратного без воеводы:
Изыщем, братия, честного мужа,
Которому то дело за обычай,
Вести к Москве и земским делом править.
Кто воеводой будет?

Г о л о с а

Князь Дмитрий

Михайлович Пожарский! — Князь Пожарский!
Другого нам не надо!

М и н и н

Воля Божья!

Пожарского избрали мы всем миром,
Ему и править нами. Глас народа —
Глас Божий. Выборных людей пошлём
Просить и кланяться, чтоб шёл к нам наспех.
Теперь, друзья, несите, кто что может,
На дело земское, на помощь ратным.
Я — Господи благослови начало! —
Свои, коплёные и трудовые,
Все, до последнего рубля кладу.

Н е с к о л ь к о г о л о с о в

И мы, и мы все за тобой готовы
Отдать свою копейку трудовую!

Д р у г и е г о л о с а

Что деньги! Деньги дело наживное;
Как живы будем, наживём опять.

М и н и н

Да из собора я послал Нефёда,
Чтоб из дому несли, что подороже:
Жены Татьяны подноси и серьги,
Весь жемчуг, перстни, ферязи цветные,

Камку и бархат, соболь и лисицу;
Да взяли б у святых икон взаймы,
На время только, ризы золотые.
Пошлёт Господь, оправим их опять.

Г о л о с а

Всё отдадим! — Теперь не до нарядов!
В нарядах суета мирская ходит!

Начинаются приношения.

М и н и н

Ты, Пётр Аксёныч, стань, блюди казну!
Ты, дедушко, не знаю, как назвать-то,
Постой у денег! Принимайте вместе!

Аксёнов и старик входят на лобное место и принимают приношения.

Минин сходит.

Б и р к и н

Нет, в Нижнем принялись за дело крепко.
Здесь делать нечего; а подобру
Да поздорову лучше убираться.

С е м ё н о в

(подходит к Минину)

Обидел я тебя, Кузьма Захарыч,
Прости меня!

М и н и н

Господь тебя простит.

С е м ё н о в

Я мнил, смущаем дьявольским прельщеньем,
Что грубый ты и гордый человек,
Что ради славы суетной ты ищешь
Владычества над равными тебе
И временной корысти. Просвещает
Господь мне очи ныне. Зрю в тебе
Поборника по вере православной,
Ясносиятельной и непорочной,
И кланяюсь тебе, прости меня!
Я стар, душе моей пришло время
Сводить расчёт дел правых и неправых.
И так грехов довольно на душе;

Ты отпусти мне этот грех последний,
Всё легче будет хоть одним грехом.

М и н и н

Не у меня, у Господа прощенья
Проси! А я обид твоих не помню.

С е м ё н о в

Ну, и спаси тебя Господь за это!
Не откажите малый вклад принять
От многогрешного раба Василья.

*Отходят с Мининым. Народ более и более теснится у лобного места.
Начинают приносить даже вещи, что и продолжается до конца действия.*

Г у б а н и н

(Тёмкину)

Пойти домой, принесть своё хоботье!
Оставлю чашку щей да хлеба на день,
С меня и будет.

Т ё м к и н

Погоди, успеешь!

Мы первые пошли на это дело,
Не спятимся. Что, Лыткин замолчал?

Г у б а н и н

Ты знаешь, Лыткина именье близко:
Он в город перенёс, боясь всполоху;
Как давеча к обедне зазвонили
В большое било, он и испугался.

Т ё м к и н

Ну, ладно ж! Погоди, Василий Лыткин!

(Лыткину.)

Ай, Вася! Вот хвалю! Так, брат, и надо!

Л ы т к и н

А что?

Т ё м к и н

Да как же! Ты свои пожитки
Все приволок. Чего-нибудь да стоит.

Л ы т к и н

Да нешто я про вас?

Т ё м к и н

А про кого же?

Л ы т к и н
Я для сохранности принёс.

Т ё м к и н
Ну, полно
Шутить-то с нами!

Л ы т к и н
Да какие шутки!
А вот возьму, да и пошлю домой.

Т ё м к и н
Покойников с погосту в дом не носят.

Л ы т к и н
Так что же вы хотите?

Т ё м к и н
Вот покличем
Мы молодцов, перетаскают мигом.
А из мирской казны не отдадут.

Г у б а н и н
Да и просить-то стыдно.

Л ы т к и н
Что ж вы, грабить
Меня хотите?

Т ё м к и н
Как же быть с тобой?
Неволя заставляет, сам доводишь!

Г у б а н и н
Ты скупостью своей и нас позоришь!
Паршивая овца всё стадо портит.

Л ы т к и н
Уж вы меня пустите!

Т ё м к и н
Нет, уйдёшь!

Л ы т к и н
Не погубите!

Т ё м к и н
Вот что, брат Василий!
Дай деньгами! Пожитков мы не тронем.

Г у б а н и н
Ведь деньги все с тобой. Боясь всполоху,
Все до копейки из дому унёс.

Л ы т к и н
А много ль?

Т ё м к и н
Всё отдай!

Г у б а н и н
Ну, половину!

Л ы т к и н
Ой, много!

Т ё м к и н
А заспоришь, хуже будет.

Г у б а н и н
Ну, третью деньгу дай!

Т ё м к и н
С лихой собаки
Хоть шерсти клок.

Г у б а н и н
Как на миру решили!

Т ё м к и н
Развязывай кошель-то, сосчитаем!

Все трое садятся на землю и считают деньги.

Три доли ровно, видишь. Две тебе,
Сбирай в мошну, завязывай потуже!
А третью часть сыпь в шапку, да и с Богом!
Пойдём все вместе, отдадим с поклоном.

Подходят к Аксёнову.

Примай-ко, Пётр Аксёныч!

Лыткин подаёт шапку.

А к с ё н о в
(высыпает деньги и возвращает шапку)

Вот спасибо!
Не ожидал я от тебя, Василий.

Лыткин

Я на мирскую нужду не жалею.

(Отходит.)

Уж только знает грудь да подоплёка,

Как мне легко. Убраться поскорее!

(Уходит.)

Входит Колзаков.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Колзаков.

Колзаков

(Минину)

А я что дам? До нитки домотался!

А надо бы беречь на чёрный день.

И у меня добра довольно было,

Да сплыло всё. Теперь людям завидно.

Не то завидно, милый человек,

Что хорошо живут да чисто ходят;

А то завидно, что добро несут,

А мне вот нечего. И одежонка

Вся тут. Да! погоди! Тельник на шее,

Серебряный, большой. Ну, слава Богу!

Нашлось-таки, что Господу отдать.

(Снимает.)

Возьми! Возьми! Пускай хоть раз-то в жизни

Пойдёт на дело и моя копейка.

Входят Татьяна Юрьевна и Нефёд. За ними несут сундуки и ларцы.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же, Татьяна Юрьевна и Нефёд.

Нефёд

Как, батюшко, изволил приказать,

Так точно мы, по твоему приказу,

И сделали — всё принесли сюда.

Минин

Вон, видишь, Пётр Аксёныч собирает!

Кладите в кучу, после разберут.

Татьяна Юрьевна
Вот, государь ты мой, Кузьма Захарыч,
Ты приказал жене твоей, Татьяне,
Прислать тебе жемчуг и ожерелья,
И с камешками перстеньки, и всю
Забаву нашу бабью. Я не знаю,
На что тебе! Я всё в ларец поклала,
Не думавши, взяла и принесла.
Ты дума крепкая, Кузьма Захарыч,
Ты слово твёрдое, так что нам думать.

Минин

Сама Петру Аксёнычу отдай!

Татьяна Юрьевна

Всё, государь, исполню, что прикажешь.

(Отдаёт.)

Входит Марфа Борисовна; за ней несут сундуки и ларцы.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Марфа Борисовна.

Марфа Борисовна

Богатое наследство мне осталось
От мужа моего и господина.
Отцы и деды прежде накопили,
А он, своим умом и счастьем, много
К отцовскому наследию прибавил
И умер в ранних летах; не судил
Ему Господь плоды трудов увидеть,
Покрасоваться нажитым добром.
Благословенья не было от Бога
Мне на детей, — одним-одна осталась
Хозяйкою несчётного добра,
Добра чужого, — я с собою мало
В дом принесла. Искала я родных;
Родни его ни близкой не осталось,
Ни дальней. Вздумала я — догадалась
Раздать казну за упокой души,
И весело мне стало, что заботу
Такую дорогую Бог послал.

И вот, благословясь, я раздавала
По храмам Божьим на помин души,
И нищей братье по рукам, в раздачу,
Убогим, и слепым, и прокажённным,
Сиротам и в убогие дома,
Колодникам и в тюрьмах заключённым,
В обители: и в Киев, и в Ростов,
В Москву и Углич, в Суздаль и Владимир,
На Бело-озеро, и в Галич, и в Поморье,
И в Грецию, и на Святую Гору,
И не могла раздать. Всё прибавлялось —
То долг несут, то кортому с угодий,
И, не внуши вам Бог такого дела,
Ни в жизнь бы мне не рассчитаться с долгом.
Тут много тысяч! Сыпьте, не считайте!
На добрые дела, на обиход
Ещё немного у меня осталось.
Коли нужда вам будет, так возьмёте.
А мне на что! С меня и так довольно —
Одних угодий хватит на прожиток.

(Отходит к стороне.)

П о с п е л о в

Ты мне теперь ещё дороже стала,
Жена моя любезная!

М а р ф а Б о р и с о в н а

Ах, что ты!

Я не жена ещё!

П о с п е л о в

Не всё ль равно!

Не рано — поздно будешь же женою.
Да долго ль ждать-то? Скоро пост начнётся;
Сама ты знаешь, свадьбы не венчают.

М а р ф а Б о р и с о в н а

Какой ты скорый! Разве мало дела?
Всё не управлюся.

П о с п е л о в

Вот вы какие!

Вам только мучить человека! Знаю
Я ваш обычай. Что же за порядок!

Тут пост, а там к Москве пора идти;
Нам и пожить-то вместе не удастся.

Марфа Борисовна
Ах, милый мой, так ты к Москве пойдёшь?

Поспелов
Ещё бы не пойти! Само собою.

Марфа Борисовна
Ах, мой сердечный! Экой ты хороший!
Бог даст, вернёшься!

Поспелов
Как же, дождайся!
Скорее голову свою положишь.

Марфа Борисовна
А голову положишь, нешто худо!
Что мученик, что на войне убитый,
Ведь всё равно. Куда ты угодишь,
Пойми! Нам не бывать там, где ты будешь.

Поспелов
Да я не прочь и голову сложить,
А всё-таки, пока живёшь здесь, в Нижнем,
Жениться бы.

Марфа Борисовна
Об деле меньше будешь
Женатый думать. Вот что, друг любезный!
Ты знаешь ли: женатый о жене,
А холостой о Боге.

Поспелов
Наше дело,
А не твоё. Про то мы сами знаем.
Ты обещала, так назад не пятаться!

Марфа Борисовна
Зачем мне пятиться! Какая стать!
Ну, чем ты не жених? Собою красавец,
И развесёлый, и такой удалый!
Других таких не сыщешь. Из-под ручки
На женихов таких невесты смотрят.

Поспелов
Да, только смотрят.

Марфа Борисовна
А тебе всё мало.

Поспелов
Всё шутики у тебя. Мне не до шуток!
Тебе забава — мне кручина злая.
Я, точно подкошённая трава,
Без ветра-вихоря, без солнца вяну.
Ложись да умирай!

Марфа Борисовна
Дай Бог пожить!
Повеселиться да детей понынчить!
Ты не кручинься! Бог даст, будем живы,
Ещё успеем и намиловаться,
И надоесть друг другу.

Поспелов
Бог с тобой!
Хотел браниться, что не держишь слова,
Язык не слушает. Махнуть рукой
Приходится да ждать себе решенья.
Хоть милуй, хоть казни меня — я твой!
И приказать, и отказать вольна ты;
Прикажешь — ладно; нет — так Бог накажет.
(Отходит.)

Татьяна Юрьевна
Ты не зайдёшь ли к нам отсюда, Марфа
Борисовна, на пирожок?

Марфа Борисовна
Не знаю,
Как и сказать тебе! Не обмануть бы!
Вот видишь ты: моё желанье было —
Снести казну, избавиться заботы,
Да в монастырь, на тихое житьё,
Пройти отсюда прямо, уж домой
Не заходить; да после рассудила,
Что надо будет Богу послужить
Ещё в миру пока. Сберётся войско,
Постои да кормы им нужны будут;
Дом у меня большой, народу много
Поставить можно. Надо приглядеть

Да присмотреть самой. Свой глаз всё лучше;
Заглазно — беспокойно.

Татьяна Юрьевна

Ну, ещё бы!

Марфа Борисовна

Вот, рассудивши так-то, я отсюда
И думала пробраться в Воскресенский,
Себе хотелось келью присмотреть.

Татьяна Юрьевна

Вот уж не думала. Да что ты, Марфа
Борисовна! Ушам своим не верю.
Такая ты весёлая, всё шутишь,
Смеёшься с нами, парней молодых
Не обгаешь...

Марфа Борисовна

Что же их бояться?

Подумают, горда. Греха-то больше!
А пусть болтают да смеются вдоволь,
От ихних слов меня ведь не убудет:
Побалагурим, да и разойдёмся.

Татьяна Юрьевна

Да как же это? Алексей Михайлыч
Мне сказывал, что он тебя засватал,
И ты не прочь, и будто по рукам
Ударили. Он ждёт и не дождётся.

Марфа Борисовна

Не говори ему, пускай он ждёт.

Татьяна Юрьевна

Обманывать грешно!

Марфа Борисовна

Да что же делать!

Ты рассуди сама: идти мне замуж
Уж не приходится: я обещала
Вдовой остаться, Божьей сиротой.
А Алексей Михайлыч ласков очень,
Меня он любит; откажи ему —
Рассердишь. Кроток он теперь и смирен;
Пожалуй, в гнев его введёшь и в злобу,

И будет только грех один. Уж лучше
Хоть обману, да в мире проживём.
Пусть думает, что я его невеста.
Теперь к Москве собираться скоро будет,
Дорога дальняя — меня забудет.
Не до любви, там горе ждёт его,
А я молиться буду за него.

Уходят. Народу всё больше прибывает на площадь.

Один из толпы
Вот шесть алтын, две деньги!

Другой
Зипунишко!

Подают. К лобному месту подходят толпами.

Голоса
Вот наши деньги из квасного ряду! —
Из рукавичного! — От ярославцев! —
Костромичи собрали — принимайте! —
Стрельцы Колзакова Баима сотни.

Поспелов
Вот праздник так уж праздник! Ну, веселье!

Минин
И я смотрю; душа во мне растёт.
Не явно ли благословенье Божье!
Теперь у нас и войско, и казна,
И полководец. Недалёко время,
Когда, вооружась и окрылатев,
Как непоборные орлы, помчимся
И грянем на врагов. Пусть лютый враг,
Как лев, зияет, бесом вооружаем;
Не страшен нам злохитрый ков его!
За нас молитвы целого народа,
Детей, и жён, и старцев многолетних,
И пенье иноков, и клир церковный,
Елей лампад, курение кадил!
За нас угодники и чудотворцы,
И легионы грозных сил небесных,
Полк ангелов и Божья благодать!

Вбегает юродивый.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и юродивый.

Г о л о с а

Бежит убогий! — Гриша! — Пропустите!

Ю р о д и в ы й

(на лобном месте)

Вот денежки! Копеечки! Возьмите!

Их много, много!

(Высыпает деньги.)

Г о л о с а

Вот он собирал

Всё на дорогу-то! — Выходит, правда. —

Уж эти деньги, братцы, всех дороже.

Ю р о д и в ы й

Темно! Темно! Не вижу ничего!

Где люди? Где земля? Всё вниз уходит.

Повыше бы подняться! Выше! Выше!

Его поднимают.

Я вижу, вижу!..

Г о л о с а

Что ты видишь, Гриша?

Всем сказывай! — Всем говори, что видишь!

Ю р о д и в ы й

Обители, соборы, много храмов,

Стена высокая, дворцы, палаты,

Кругом стены посады протянулись,

Далёко в поле слободы легли,

Всё по горам сады, на церквах главы

Всё золотые. Вот одна всех выше

На солнышке играет голова,

Река, как лента, вьётся... Кремль!.. Москва!..

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЛИЦА

МИНИН.
ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.
НЕФЁД.
АКСЁНОВ.
ПОСПЕЛОВ.
СЕМЁНОВ.
ПЛОЩАДНОЙ ПОДЪЯЧИЙ.
ВЫБОРНЫЕ.
НАРОД.

Горница в доме Минина. Налево дверь в другой покой, прямо — в сени.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Татьяна Юрьевна сидит у стола пригорюнясь. Нефёд стоит у притолоки. Входит Аксёнов.

Аксёнов

Мир дому и живущим в нём! Здорово ль
Вы здесь живёте?

Татьяна Юрьевна

Чьи-нибудь молитвы

Доходят к Богу: живы и здоровы!

Аксёнов

(сидясь)

Так что ж вы приуныли, осовели?

Нефёд

Да батюшко...

Аксёнов

Ну, что ж?

Нефёд

Тоскует очень.

Татьяна Юрьевна

И не глядит на свет, сидит горюет.

Аксёнов

Что за беда такая! Отчего бы?

Нефёд

Кто ж знает!

Татьяна Юрьевна

Нешто скажет!

Аксёнов

Вы б спросили!

Нефёд

Не смеем.

Аксёнов

Ну, так я поговорю.

Татьяна Юрьевна

Поговори-ко, Пётр Аксёныч, толком!

Авось уймётся.

Нефёд

Батюшко идёт.

*Татьяна Юрьевна и Нефёд уходят в среднюю дверь;
Минин выходит из боковой.*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Аксёнов и Минин.

Аксёнов

Здорово, друг Кузьма Захарыч!

Минин

Здравствуй!

(Садится на лавку и молча смотрит в окно.)

Аксёнов

Опомнись! Что ты! Как тебе не грех!

Минин

Тоска меня загрызла; иссосала

Мне сердце, как змея.

Аксёнов

О чём скорбишь?

Ты мне скажи, на сердце легче будет.

Минин

Ты не поможешь. Горько мне до смерти!

Скорбь лютая! Душа захолонула,

Упало сердце ретивое, кровь

По жилам холодеет!

А к с ё н о в

Ты в уме ли?

Не ты бы говорил, не я бы слушал!
Какое время, вспомни, греховодник!
Какое дело на плечах твоих!
Будь твёрд, как камень! Суетному горю
И малодушеству не предавайся!
Грехом уныния грешишь пред Богом!
Противна Богу суетная скорбь.

М и н и н

Нет суеты во мне. Коришь напрасно.
Земные страсти надо мной не властны.
Рассыпья дом и погребь семью,
Возьмись пожар и разнеси по ветру
Всё нажитое, до последней нитки, —
Я буду твёрд; хвалить и славить Бога
Не перестану; проронить слезу
Сочту грехом. Я наг на свет родился
И наг в могилу лягу. Страшно молвить!
Аксёныч, страшно молвить! Наше дело,
Великое святое начинанье,
Как сельный цвет в сухое лето, вянет.
Выводим стены, крышу крыть хотим,
А храмина не крытая валится.
Вот отчего лицо моё мертвеет,
И зимним холодом ведёт по телу,
И дыбом подбирает волоса.
Народ волна — прихлынет и отхлынет.
Давно ль тот день, когда бежал толпами
Народ на площадь, отдавал копейки
Последние и медные кресты?
А что теперь! Хоть плачь, хоть распинайся —
И денежки не вымолишь; забыли,
Что жён, детей хотели заложить.
Все приуныли. Только бедняки
И веселы; а те, что побогаче,
Как туча чёрная, все почернели.
Расстаться жаль с добром. Они не видят,
Что дьявол их тенетами опутал
И в бездну тащит золотым арканом.

А много ль мы собрали, Пётр Аксёныч?
С чем начинать? Подумай, посуди!
А разве ты не видишь тайной злобы
Ко мне? Не все, я не хочу грешить,
А есть такие, разорвать бы рады
Меня на части. Точно о себе
Радею я, а не о земском деле.
Да ты послушай, что ещё скажу!
Послали выборных, просить велели
На воеводство князя. Князь Дмитрий
Михайлович их спросит: «Кто блюсти
И ратным раздавать казну приставлен?» —
Меня не назовут, гляди, другого
Кого-нибудь. Всё прахом и пойдёт!

А к с ё н о в

Не гордость ли, Кузьма?

М и н и н

Нет, Пётр Аксёныч!

Да разве гордость — не жалея силы
И день и ночь, не покладая рук,
Без устали, без отдыха работать!
Один для всех слуга я поминутный;
Да и вперёд вам послужить хочу.
Ведь я не почести прошу, а службы.
Горячее-то время подойдёт,
Тут только поспевай, ведь с ног собьёшься;
И не доевши вскочишь из обеда,
И ночи не доспишь, да не придётся
И лба себе перекрестить порядком.
Вот я чего хочу. Пускай другие
За дело примутся, тогда увидишь,
Что заварится! Брань да перекоры,
Бездельные, пустые разговоры;
Казны собрать алтына не сумеют;
А что собрали, растрясут, развеют.
А делу-то поруха! Нам бесчестье!
И перед Богом грех незамолимый!

А к с ё н о в

Не дай Бог слышать, а не то что видеть
Греха такого!

М и н и н
Чай, тебе случалось
Видать не раз, как тонет человек;
А может, сам тонул?

А к с ё н о в
Всего бывало.

М и н и н
Перекрестясь, да с берега крутого
Ты бросишься, на силу-то надеясь;
Плывёшь так весело; на полдороге
Вдруг страшно станет; ищешь ты глазами,
Где ближе берег. Смотришь ты вперёд,
Там столько же, как с берега казалась
И вся река; назад — там вдвое шире.
Кричать нет пользы, берега пустые,
Ответа не дадут; а кто услышит,
Так скоро ль добежит да сыщет лодку!
Вдруг смертная тоска одолевает;
Глазами водишь: мать сыра земля
Цветёт по-прежнему, проходит стадо
Вдали, чуть видно; пролетели чайки
С зловещим криком; облачко нашло
На солнышко, и плёсо зарябилось,
И потемнел тальник по берегам;
И, сотворив молитву, тонешь, бедный,
Без помощи. Вот так и я тону.
Да не один я, все мы, все мы тонем.
(Задумывается.)

А к с ё н о в
Ты был у князя?

М и н и н
Одному тебе
Покаюсь, был.

А к с ё н о в
На чём же порешили?

М и н и н
Князь — добрый человек. Меня он слушал
Приветливо и долго; обласкал

И сам расспрашивал про всё по ряду:
«Да что? Да как? Да правду ль говоришь?»
Сам понимаешь, княжеское дело.
«Скажи-ко, говорю, ты мне, князь Дмитрий
Михайлович, кто больше сработает —
Голодный али сытый? Подневольный
Аль за деньги нанятой? Скажи-ко,
Не оттого ли нашим воеводам
И дело ратное не удавалось,
Что только силу ратную считали,
А про кормы да про казну забыли?
Без корму да без денег что за ратник!
Ни силы нет, ни духу! Ты возьми
От человека до скота — всё то же!
Ведь сытый конь побольше и сvezёт,
И в гору вытянет; на чахлом много ль
Наездишь? Самого тянуть придётся».
Да так вот всё ему, как на ладони,
И выложил. Подумал князь, подумал
И говорит: «Ты прав, Кузьма Захарьев!
С такой оравой в дальнюю дорогу
Мне без тебя сряжаться — что без рук.
Давай уж вместе Господу послужим!»
Поцеловались. С тем и отпустил.

А к с ё н о в

Так ты чего ж боишься, маловерный?

М и н и н

Да разве князь не может передумать!
Наскажут на меня, а он поверит:
Ты знаешь сам, как я богатым солон!
А их-то и послали с челобитьем.
Душа из тела рвётся, полетел бы
Одним глазком взглянуть, что там творится.

А к с ё н о в

А вот приедет Алексей Михайлыч —
Расскажет всё. Сегодня надо ждать.

Поспелов входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Поспелов.

А к с ё н о в

А он и тут. Легок же на помине.
Здорово ль съездили?

П о с п е л о в

Благополучно.

Дорога гладкая, морозец лёгкий!
По первопутью, ровно как по маслу,
Шутя доехали. Да и назад
Вернулись подобру да поздорову.

М и н и н

Садись! В ногах нет правды! Говори!
Душа не терпит, сердце не на месте.

А к с ё н о в

Всё рассказывай, как было, по порядку!

П о с п е л о в

Вот, перво-наперво, мы духовенство
Пустили в горницу, а там, честь честью,
Вошли и мы; кто старше, впереди.
Все помолились, низко поклонились.
Князь подошёл к благословенью, отдал
Нам всем поклон и начал говорить,
Что рад гостям и что желает слышать,
Какую нужду до него имеют.
Тут все заговорили. Дьяк Василий
Большую речь держал хитро и складно
И приводил слова святых писаний.
Князь слёзно плакал. Видно, что по сердцу
Ему пришёл наш земский приговор.
«Ступайте в Нижний, говорит, скажите,
Что я за веру пострадать готов
До самой смерти. Только подобает
Между собою из людей посадских
Вам выбрать мужа, чтобы вместе быть
Нам у великого такого дела,
Казну собирать и ратных оделять
И все дела нам делать заедино».

И стали наши князю говорить:
«Не знаем мы такого человека!»

М и н и н

Они не знают! Слышишь, Пётр Аксёныч?
Меня от службы земской оттирают,
Иду в холопы к ним — не принимают.

А к с ё н о в

Постой! Возьми терпенье! Дай дослушать!

П о с п е л о в

А князь им говорит: «У вас Кузьма
Захарьев, Сухорук, то дело знает;
Он человек бывалый и служилый,
Ему такое дело за обычай!
Его просите! Буде согласится,
И я, не мешкая, собираться буду».
Нас накормили, брагой напоили
И с миром отпустили. Вот и всё.

А к с ё н о в

Где ж выборные?

П о с п е л о в

Всех оповещают

На площади. И копится народ,
И сходится со всех сторон толпами;
Хотят всем миром двинуться к тебе
Просить и кланяться, Кузьма Захарыч.

М и н и н

Они придут. О Господи, дай силы!
Дай твёрдости! Окамени мне сердце!
О! Загради мой слух! Да не смущаюсь
Коварными и льстивыми словами!
Печатью огражденья запечатай
Уста мои! Да не отдамся весь
В чужую волю скорыми речами!
Они придут!

(Решительно.)

Ну что ж! Пускай! Мы примем.

А к с ё н о в

Крепись, Кузьма!

М и н и н

Да будет воля Божья!

Входит Н е ф ё д.

Н е ф ё д

К нам гости, батюшко!

М и н и н

Встречай с поклоном!

Широко распахните ворота!

Все двери отворите и зовите!

П о с п е л о в

Теперь я лишнее бревно в избе.

(Уходит в боковую дверь.)

Входят Семёнов, выборные и народ.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Минин, Аксёнов, Семёнов, выборные и народ.

С е м ё н о в

Кузьма Захарьич! Ведомо тебе,

Что мы всем миром посылали к князю

Димитрию Михайловичу в Пурех

Нижегородцев, выборных людей

Из всех чинов, с великим челобитьем.

Да будет ведомо тебе, что стольник

Князь Дмитрий наше челобитье принял

И приказал сказать всему народу

Нижегородскому своё решение:

Что ради веры пострадать готов

И собирается к нам, в Нижний, наспех.

У сбора же казны и у раздачи

На жалованье ратным людям денег

Князь приказал приставить человека

Бывалого, из лучших из посадских.

Да будет ведомо, Кузьма Захарьич,

Что мы, поговорив между собою,

С посадскими и всякими людьми,

Приговорили кланяться тебе

И звать к мирскому делу неотступно.

Один из выборных
Уж не впервой тебе, Кузьма Захарьич,
За дело земское руками браться.
Мы много милостью твоей довольны.
И в этом разе ты нас не покинь.

Все кланяются.

Другой выборный
Кузьма Захарьич! Мы к тебе с поклоном,
С великим челобитьем прибегаем.
Ты нашей просьбы не оставь! Всем миром
Тебя мы просим: послужи ты нам!

Все кланяются.

Голоса
Кузьма Захарьич, послужи! — Кому же,
Опричь тебя и некому у нас! —
Все просим: послужи, Кузьма Захарьич!

*Кланяются. Татьяна Юрьевна, Нефёд и Пospelов смотрят
из боковой двери.*

Минин
Благодарю, что вспомнили меня,
И низко кланяюсь. За честь спасибо!
(Кланяется.)

Есть поумней меня и побогаче,
Да и постарше, прежде тех просите!

Голоса
Нам никого не надо. — Не хотим
Другого! — Ты нам люб. — Тебя мы просим!

Минин
Не бегал я от службы никогда,
Для дела земского бросал заботы
Свои домашние, семью, торговлю,
Радел, чтоб застоять да не обидеть
Молодых братьев...

Голоса
Мы тобой довольны,
Кузьма Захарьич, ты об нас радел.

М и н и н

Вот и недавно подняли мы дело
И малое начало положили
Великому. Жалел ли я себя?
И деньги, и добро принёс я первый.
По-моему-то, всем так подобает;
А может, кто жалеет. Как тут быть!
Как тут орудовать! Один и душу
Рад заложить; другому жаль копейку.
Стань принуждать, его обидишь кровно.
И только грех, да брань, да урекanye!
Послужишь Богу, так людей обидишь!
Людам служить, так Богу согрешить!
Кому служить-то: людам или правде?

Г о л о с а

Ты правде послужи, Кузьма Захарыч!

М и н и н

Служил бы правде, силы не хватает,
Последнюю на службе истерял.
Работал много, наработал мало!
Хлопот по горло, дела на алтын!
Любовью начали, свели на ссору!
Хотели волей собирать подмогу,
Теперь хоть силой отымай, так впору.
Что ж, мне стоять с ножом у горла, что ли?
Что было силы, послужил народу.
Уж не взыщите, утрудился больно.

(Кланяется.)

З а д н и е

(передним)

Просите! Кланяйтесь! Что так стоите!

П е р е д н и е

(кланяются)

Кузьма Захарыч! Пожалей ты нас,
Мы без тебя — без рук. Всё дело прахом
Рассыплется. — Не совладать другому,
Напортит только. Где другому сделать!

М и н и н

И не просите лучше, не могу.

В ы б о р н ы й

Кузьма Захарыч, может, ты серчаешь
На нас за что? Так гнева не держи!
Вину и виноватого поведай!
В чём проступились, в том и повинимся.

М и н и н

Другому кланяйтесь, я не слуга вам!
Последнее вам слово говорю.
(Садится к столу и закрывает лицо руками.)

Г о л о с а

Татьяна Юрьевна, ты, Пётр Аксёныч,
Поклоняйтесь да попросите с нами!

Т а т ь я н а Ю р ь е в н а

(с поклоном)

Не наше дело, батюшки; не смеем.

А к с ё н о в

Не всё ж ему плясать по вашей дудке!
Раз кланялись, поклонитесь в другой!
Не в час пришли, так лучше воротиться,
Да сызнова прийти, да поклониться.

Все кланяются.

Т а т ь я н а Ю р ь е в н а

Прощенья просим!

Г о л о с а

С Богом оставаться!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

*Минин, Аксёнов, Поспелов и Нефёд (смотрят в окно),
Татьяна Юрьевна (у боковой двери).*

М и н и н

Ушли! Ну, слава Богу! Легче стало!
Душа моя открыта перед Богом,
Я рад служить, рад душу положить!
Я к делу земскому рождён. Я вырос
На площади, между народных сходов.
Я рано плакал о народном горе,

И, не по летам, тяжесть земской службы
Я на плечах носил своей охотой.
Соблазну власти я не поддавался;
И как насадка бережёт цыплят,
Так я берёг от властных и богатых
Молодшую, обидимую братью.
Теперь зовут меня, а я нейду;
Я не пойду служить, пока весь Нижний
В моих руках не будет поголовно
Со всем народом и со всем добром.

Н е ф ё д

Вернулись, батюшко.

М и н и н

Заприте двери!

Заткните окна!

А к с ё н о в

Что ты! Бог с тобой!

Пусти меня, я расскажу им толком,

Чтоб написали земский приговор.

Идёт к двери, дверь растворяется. Видна толпа.

Г о л о с а

Кузьма Захарьич, мы опять к тебе.

М и н и н

Сказал, что не пойду, — чего ж хотите?

Я и в другой раз то же говорю,

Придёте в третий, в третий то же будет.

А к с ё н о в уходит и затворяет дверь.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, без Аксёнова.

П о с п е л о в

(у окна)

Идут, нейдут, едва переступают,

Как словно что забыли. Меж собою

Всё шепчут что-то, плачут. Погляди!

Вот как ты дорог им, Кузьма Захарьич!

М и н и н

Что ж, плачут! Я и сам заплачу с ними;
Да делу-то какая польза будет!
Довольно слёз, теперь нужна нам твёрдость!
Чем плакать, написали б приговор.
А и напишут, я сейчас же к князю
Пошлю его. Нефёд, седлай коней!
И сам собирайся наскоро в дорогу!
Ты, Алексей Михайлыч, с ним поедешь.
Везите, пуще глазу берегите,
И прямо к князю в руки передайте!
А дома-то держать боюсь, отымут,
Назад возьмут, коль в чём не угодишь.

Н е ф ё д

Я мигом, батюшко!

(Уходит.)

П о с п е л о в

Да не напрасно ль

Ты опасаешься, Кузьма Захарьич?

М и н и н

Да разве ты не видишь, как мне горько
Хитрить с народом, кабалить его?
Кабы не Божье дело, приговора
Я не просил бы. Я в огонь и в воду
По воле земской брошусь без оглядки.
И головой начальным, и слугою
Готов служить по первому их слову.
Мириться, ссориться не привыкать-стать,
И поругаемся, и помиримся,
Друг на друге обиды не считаем.
Брань не страшна, на вороту не виснет.
То наше дело, дело поправное.
А это дело Божье, за оплошку
За каждую ответишь перед Богом.
Привёл Господь начать благое дело,
И надо честно совершить его.
Я не своё хотенье исполняю,
А волю, заповеданную свыше.
Мне больше дал Господь и больше спросит.

Поспелов

Идут опять, и Пётр Аксёныч с ними,
Подьячего ведут со всем припасом.

Входят Аксёнов, подьячий, выборные и народ.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же, Аксёнов, подьячий, выборные и народ.

Один из выборных
Вели писать, а мы вперёд согласны
На всякий твой приказ, Кузьма Захарыч.

Минин
(подьячему)

Садись, пиши!

Подьячий садится.

Всех помяни вначале!
Дворян, детей боярских и голов,
Всех по порядку напиши, как знаешь.
(Помолчав.)

Пиши, что выбрали меня всем миром
У сбора денег ратным людям быти.
(Помолчав.)

Пиши! И быти нам Кузьме послушным
И не противиться ему ни в чём!
На жалование ратным людям деньги
Имать у нас у всех беспрекословно!
А неостанет денег — животы,
А животов не станет — жён с детьми
Имать у нас и отдавать в заклад.
(Помолчав.)

Готово?

Подьячий
Написал.

Минин
(народу)

Ну, ладно ль будет?

Голоса
Пусть будет так! Прикладывайте руки!

Прикладывают руки.

М и н и н

Не премину радеть о земском деле,
А за любовь за вашу бью челом.

(Кланяется.)

Теперь у Господа молить я буду,
Чтоб даровал мне силу мышц, и мудрость
Змеиную, и кротость голубину.

Не ф ё д входит.

О д и н из в ы б о р н ы х

Готово. Принимай, Кузьма Захарьич!

(Подает приговор.)

Минин передает Нефёду и Поспелову; они уходят.

М и н и н

О Господи! Благодарю тебя!

(Падает на колени.)

А к с ё н о в

Давно стоит земля, а не бывало

Такого дела на святой Руси.

И небывалую ты служишь службу.

Прими ж такое звание от нас,

Какого деда наши не слыхали

И внуки не услышат, и зовись

Ты выборным всей Русскою землею!

Г о л о с а

Ты выборный от всей земли великой!

ЭПИЛОГ

(Выход ополчения из Нижнего Новгорода)
(1612 г. Март)

ЛИЦА

КНЯЗЬ ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ ПОЖАРСКИЙ, воевода.

МИНИН, выборный от всей земли Русской.

АКСЁНОВ.

ПОСПЕЛОВ.

МАРФА БОРИСОВНА.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

ЛАПША.

ЮРОДИВЫЙ.

ВЕСЬ НАРОД НИЖЕГОРОДСКИЙ И МНОГИХ ДРУГИХ ГОРОДОВ.

ВОЙСКО.

Часть Нижнего посада та же, что в первом действии.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Посадские: впереди Аксёнов, за ним двое держат хлеб-соль. Подле них Лапша. Толпы народа. Некоторые проходят в Кремль и из Кремля.

Голоса

Напутственный молебен поют. — Отпели, ратных людей благословляют да кропят. — Ишь ты, наши нижнепосадские хотят с хлебом-солью проводить. — Уж это как и водится. На Нижнем посаде всё и дело-то началось, с Гостиного двора пошло. Здесь кашу-то заварили, а гляди, что вышло.

Аксёнов

(Лапше)

Честь честью, мы проводим с хлебом с солью
И доброго пути им пожелаем.

Лапша

Я слышал, что по нашей стороне,
Нагорным берегом пойдут по Волге,
На Балахну, на Юрьевец, на Решму.

Аксёнов

Ну да, на Ярославль прямой дорогой.
И любо, братец, будет посмотреть!
Как есть, река польётся. Ваши сёла
И города, что мелкие ручьи,
Воды прикопят, взбухнет, пополнеет,

И вдруг широким половодьем хлынет
На супостатов веры православной,
Снесёт и смоем их с лица земли.

Л а п ш а

Я с решемскими тоже потянуся.
Хоть кучка малая, а всё помога.
Хлопот-то вам куда, чай, много было
Собрать такую силу?

А к с ё н о в

Ну, нельзя же!

Вот перво-наперво пришли смоляне,
Потом из Доргобужа да из Вязьмы.
Бродили бедные; везде их гнали:
Как дома-то у них поразорили,
И в Ярополч, и в Арзамас садились;
Вот к нам пришли и с нами заедино
Хотят идти отмстить за кровь свою.
Потом коломенцы пришли, рязанцы,
За ними ополчение из Украйны,
Казачи и стрельцы, что при Василье
В Москве сидели. И своих довольно.
Охотой шли, никак не остановишь!
И чудо, брат, откуда что бралось!
Так и плывёт, так и плывёт богатство;
Со всех сторон казна, лишь принимай!
Кузьма кормы и жалованье ратным
Сам раздавал. И, Божьей благодатью,
Так и спорилось всё в его руках.
Другие нищие пришли, босые,
Без одежки; посмотри теперь!
Разбогатели, раскормились живо,
Все молодцами смотрят — загляденье!
Поверишь ли, коня сегодня купит,
Дня через три его и не узнаешь;
Хозяин не узнает, хоть божись,
Так раздобреет. Смотрим да дивимся.
Уж истинно, что Бог избрал Кузьму!
Умён и счастлив, да при всём при этом
Благословенье Божье помогает.

Голос из толпы
Никак коней ведут воеводам.

Другой голос
Здесь не сядут, пеши пойдут.

*Из ворот выходит Марфа Борисовна, за ней бежит Поспелов.
Останавливаются поодаль от народа, у лавки Лыткина.*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Марфа Борисовна, Поспелов.

Марфа Борисовна
Москву увидишь, Алексей Михайлыч,
И от меня ей земно поклонись!
Дай Бог счастливо! Отправляйся с Богом!
Об нас не забывай!

Поспелов

О чём же помнить!

Мне больше не о ком, как о тебе!
Припомню всё, как я тебя увидел,
Как полюбил, спознал тоску-злодейку!
Как за тобой по улицам широким,
По мелким переулочкам ходил,
Чтоб только в очи заглянуть украдкой!
Припомню, как сидели, говорили!
Как в липовом покойчике твоём
Светло и чисто, как в раю небесном.
Припомню, как сулила, обещала
Любить меня и быть моей женой,
Как только время даром протянула,
Как провела меня — и обманула!
Припомню всё! Суди тебя Господь!

Марфа Борисовна
Вернёшься ты, и вся твоя невзгода
Пройдёт, как сон! И не о чем жалеть!
Настанет время тишины и мира,
И мы с тобой любовно заживём.

Поспелов

Как знать, что будет! Лучше и не думать!
Прощай! Увидимся ль на этом свете?
А не придётся, свидимся на том!

Целуются.

Марфа Борисовна

Прощай, мой милый! Зла на мне не помни!
Я не женою, матерью родной
Хотела б проводить тебя в дорогу
Святым напутствием, благословеньем.
Поди ко мне, тебя я поцелую
В последний раз. Храни тебя Господь!

Целуются. Поспелов убегает. Подходит Татьяна Юрьевна.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Татьяна Юрьевна.

Татьяна Юрьевна

Кузьма Захарыч только до Оки,
До переправы, воевод проводит,
Потом домой зайдёт, проститься с нами.
У нас и стол накрыт. Зайди и ты!

Марфа Борисовна

Уж я простилась. Только бы взглянуть
Теперь на Божьих воинов. Из дома
Сегодня вышла я в последний раз.
Вот постою с народом и глазами
Своими посмотрю, как избавленье
Пойдёт на Русь святую; прошепчу
Молитву, да и в келью, прочь от мира.

Татьяна Юрьевна

Я стану заходить к тебе. Без мужа
Ведь скучно будет, стану навещать.
(Уходит.)

Голоса

Идут! — Воеводы идут!

Выходят князь Пожарский, Минин и за ними войско.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Те же, Пожарский, Минин и войско.

А к с ё н о в

Нижегородцы Нижнего посада
Тебя, наш воевода, князь Димитрий
Михайлович, и с выборным с Кузьмою
Захарьичем, в дорогу с хлебом с солью
Желаем проводить.

(Подает хлеб-соль.)

П о ж а р с к и й

Спасибо вам!

А к с ё н о в

Челом вам бьём, не брезгайте, примите!

Пожарский принимает хлеб-соль и передаёт Минину, Минин передаёт войску.

П о ж а р с к и й

Нижегородцы! Мы за вас идём
С врагами биться, жизни не жалея;
А вы всещедрого молитесь Богу,
Чтобы Московское нам государство
В соединенье видеть, как и прежде,
Как при великих государях было;
Кровопролитье б в людях перестало;
А видеть бы покой и тишину,
Как и доселе было в государстве.

М и н и н

Друзья нижегородцы! Ваше войско
Пошло к Москве! Его вы снарядили
И проводили. Буде Бог пошлёт,
И нашим подвигом мы Русь избавим,
Великую от Бога примем милость
За избавленье христианских душ;
И во вся роды, в будущие веки,
К навечной похвале нам учинится,
На славу нам и на помин душ наших.

П о ж а р с к и й

Пойдёмте с Богом!

Войско трогается.

Н а р о д

Прощайте, Божьи воины! — Помогите вам Господь! — Вы за нас
страдальцы; а мы за вас богомольцы!

Выбегает юродивый вооружённый.

Ю р о д и в ы й

(кланяясь на все стороны)

Прощайте! Прощайте!

*Трубы, колокольный звон; войско, отряд за отрядом,
из Кремля проходит через сцену.*

ВОЕВОДА
(СОН НА ВОЛГЕ)
<Первая редакция>

Комедия в пяти действиях, с прологом, в стихах

ПРОЛОГ

ЛИЦА

НЕЧАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ШАЛЫГИН, воевода.

ОБЛЕЗЛОВ, подьячий, товарищ воеводы.

СЕМЁН БАСТРЮКОВ, богатый дворянин, бывший губной староста.

СТЕПАН БАСТРЮКОВ, его сын.

НЕУСТРОЙКО, ключник воеводы.

БЕССУДНЫЙ, шут воеводы.

НЕЖДАН, земский староста.

РОМАН ДУБРОВИН, беглый посадский.

ВЛАС ДЮЖОЙ, богатый посадский.

НАСТАСЬЯ, жена его.

СМИРНОЙ }
ДРУЖИНА } посадские из лучших людей.

НЕСМЕЯНОВ, старик.

БРУСЕНИН }
ЦАПЛИН } посадские из средних людей.
ТЫРА }

БАИМ, стрелецкий сотник.

ГРИШКА ЖИЛКА, отставной подьячий.

РЕЗВЫЙ, слуга Бастрюкова.

БИРЮЧ.

ДВОРЯНЕ, ДЕТИ БОЯРСКИЕ, ПОСАДСКИЕ, СТРЕЛЬЦЫ, СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ, ВОЕВОДСКИЕ СЛУГИ И ВСЯКИЙ НАРОД, СЛУГИ БАСТРЮКОВА.

Площадь в городе. Налево ворота воеводского двора, несколько узких домов,

в углу проезд в городские ворота, на заднем плане гостиный двор с лавками;

за ним городская стена, которая постепенно понижается к правому углу.

Через стену видна Волга и её берег, направо, на первом плане, приказная изба, под ней лавки, далее, на небольшом возвышении, низкая каменная ограда и ворота с тремя каменными ступенями; далее спуск и видны крыши домов.

Действие происходит в большом городе на Волге, в половине XVII столетия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Несмеянов, Брусенин, Цаплин и Тыра стоят против воеводских ворот. Посадские и народ в глубине. Выходят из ворот с посада земский староста, Смирной и Дружина и становятся у приказной избы, ближе к авансцене; все им кланяются. Из приказной избы выходит бирюч, надевает шапку на длинную палку и поднимает её вверх; ребята и шки окружают его и смотрят ему в глаза, разиня рот.

Голоса

Бирюч идёт, бирюч! — Снимайте шапки!

Бирюч

Слушайте, послушайте, государевы люди, старшие и меньшие, и всякого чина люд, от мала и до велика! По великого государя наказу, ведомо вам буди, чтобы вы, посадские и уездных всяких чинов люди, и сотские, и пятидесятские, и десятские, разбойников, и татей, и смертных убойцев, и ведунов, и всяких воровских людей у себя не таили и не держали и, имая их, приводили к воеводе. А буде ж вы, посадские и уездных всяких чинов люди, и сотские, и пятидесятские, и десятские, забыв страх Божий и не помня душ своих, учнёте разбойников, и татей, и убойцев, и ведунов, и всяких воровских людей у себя держать и таить, и понаровки им чинить; а после того те воры и ведуны в сыску будут мимо вас, и учнут на вас говорить, что вы их знали и воровство за ними ведали, и, ведая то их воровство, таили и их укрывали, и про них не объявляли, и тем людям, кто таких воров учнёт укрывать и у себя держать, и воровство их таить, от великого государя быть в смертной казни, безо всякого милосердия, а дворы и животы взяты будут на великого государя бесповоротно и розданы в исцовы иски. *(Идёт к посаду, дети за ним.)*

Тыра

Проваливай подале, мы слышали!

Брусенин

Не первый раз, не новая новинка!

Цаплин

Мы думали, что свежи, ан всё те же.

Земский староста

Разбойников, и татей, и убойцев

В посаде нет, разбойничья приезде

Не держим мы; так непочто и кликать.

Смирной

Да кличь не кличь, немного проку будет,

Коль не ловить. По сёлам, по деревням

Разбойники и днём и ночью грабят,

По пустошам становятся станами,

Имать бы их!

Дружина

Твоими бы устами

Да мёду пить! А кто имать-то будет?

Стрельцов у нас, людей служилых, мало,

Шалыгину и на посаде дела
Довольно есть.

Староста
Ему бы и искать-то.

Смирной
Не до воров ему, поминки любит...
И сысканных-то в люди распускает,
Берёт на них и сто рублёв, и больше.

Дружина
А я скажу, что воевода — сыщик
Лихой у нас. Он девок на посаде
Да по клетям добро как раз разыщет,
Не утаишь.

Смирной
Потянет, так без сыску
И сам отдашь, пустил бы только душу
Покаяться. Терпенья нам не стало!
Чему не быть, а надоть челобитье
Царю писать.

Дружина
Храни Господь, помилуй!
От рук его никто не упасётся:
Воров берёт из тюрем, научает
Поклёпом нас, посадских, обносить.
Ты ничего не ведаешь, не знаешь,
А он по воровской язычной молке
Берёт тебя без сыску и пытается
Без царского указа, — мукой мучит,
Огнём палит.

Смирной
Да с пыток-то поминки
Берёт на нас, на выкуп выпускает,
Испродаёт напрасно.

Дружина
Обижает
Два года нас. Довольно потерпели,
Пора писать и челобитье.

Староста

Слышу

Давно уж я, что надо челобитье
Царю послать, да только разговоры,
А дела нет.

Смирной

Москва нам дорогá,
Доймёт тебя московской волокитой.

Староста

Ну, брат, ау! Коль завязалась драка,
Так не желей волос. Во что б ни стало,
Уж только бы избыть его от нас:
Московские убытки разверстаем.

Дружина

Пойдём в избу: всем миром потолкуем.
Сберём голов, таможенных, кабацких.

Староста

Он солон им своим примётом, лезет
Во все дела.

Смирной

Да выборных обрать,
Кого в Москву отправить с челобитьем.

Дружина

А кто ж писать?

Староста

Дьячок напишет земский.
Опять бы нам губных.

Смирной

Не Бастрюкова ль?

Староста

Он нам родной, мы сами выбирали,
А воевод невесть откуда шлют.

Дружина

Да мало ль что: мы жили за губными,
Чего бы нам, и умирать не надо;
Так ссорились да воевод просили.

Староста

Теперь и близко локоть — не укусишь.
Ты подожди, ещё губных мы вспомним
И всплачемся об них, да поздно будет.

*Уходят на посад. Отворяются воеводские ворота, выходят ключник
Неустройко с палкой и слуги с метлами.*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

*Несмеянов, Брусенин, Цаплин, Тыра, Неустройко,
слуги и народ.*

Неустройко

Живей, живей! Сейчас пойдёт боярин
В собор с гостями. Чтоб у меня кипело!
Зевать не дам; расправа недалёко!
(Грозит палкой.)

Примусь учить, так небу жарко будет.
Ворочайся, да живо! Мнётся, словно
Медведь учёный.

Один из слуг

Как ещё работать!

Гуляем, что ль? А ты возьми-ка метлу,
Да помети, чем лаять занапрасно.

Неустройко

Разинул пасть-то! Цыц! Не в дармоедах,
Не то что вы, живу у государя:
Я день-деньской, как отымалка, мычусь,
На части рвусь, куска не доедаю.
А вам одна забота: завалиться
Подальше где, что днём с огнём не сыщешь,
И спать весь день, пока опухнут бельма;
Мол, всё равно, работай не работай,
Накормят даром.

Тот же слуга

Даром и побьют.

Тыра

Ну, видно, их не больно жирно кормят:
У нас в посаде только и воруют,
Что воеводские.

Н е с м е я н о в
Коль брюхо сыто,
В чужую клеть за ёжей не полезешь!

Б р у с е н и н
Какие воры, страсть! Концов не сыщешь,
И ни суда, ни правды нет на них.

Т ы р а
Какой те суд! Вестимо, воевода
Своих людей оправит. Сам не кормит,
Харчей-то жаль, так воровским и сыты:
Чужой-то хлеб дешевле своего.

Н е у с т р о й к о
Ты, смерд, молчи!

Ц а п л и н
А ты что за помещик?
Шут выбегает из ворот, держась за голову.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

*Неустройко, слуги, Тыра, Цаплин, Брусенин, Несмеянов,
шут и народ.*

Ш у т
Ой, ой, убил, убил, прошиб до мозгу,
Проклятый пёс, паршивая собака!
Издохнуть бы тебе, как басурману!
И чтоб ни дна тебе и ни покрывки,
Поганому. У! Волк тебя заешь!

Н е у с т р о й к о
Что взлаялся, аль подзатыльник дали?

Ш у т
Тебе-то что, холопья образина!
И он туда ж:

(передразнивает)
«Аль подзатыльник дали?»
Ай, батюшки! Убил, убил по темю.
Костыль сломал, собака!

Н е у с т р о й к о
Пожалеет.

Ш у т
Меня-то, что ль?
Не у строй ко
Нет, костыля-то.
Ш у т
Дьявол!
(Воет.)
Т ы р а
По лысине вот этак ошарашит
И до смерти уходит.
Ц а п л и н
Длинные руки
Поотрастил! Держал бы покороче;
Уж больно смел.
Б р у с е н и н
Кого ему бояться:
Немало он народу изувечил,
Да терпят всё, дают ему повадку,
Не жалуются в Москву.
Н е с м е я н о в
Не испугаешь:
На трёх дубах сидит, четвёртым подперт.
Не у строй ко
(шуту)
Что воешь-то? Какой детёныш малой!
Не всё ль равно тебе, как псу издохнуть
Под палкой ли, иль пьяному под тыном!
Ш у т
Не приставай! Всего изъём зубами.
Слуги смеются.
А вам-то что смешно, холопье стадо?
Самих дерут, как сидорову козу,
У вас самих увечья не проходят.
Т ы р а
Влетело, брат!
Ц а п л и н
Влилось!

Б р у с е н и н

Попало ловко!

Т ы р а

Не привыкать!

Ц а п л и н

Не в первый раз!

Б р у с е н и н

Ещё бы!

Т ы р а

Ты к носу три.

Ц а п л и н

До свадьбы заживёт!

Ш у т

Ну, подвернись который, изувечу!

Коль в волосы иль в бороду вцеплюсь,

Не выпущу; так вся в руках и будет,

Ни волоска живого не оставлю.

Т ы р а

Ну, полно ты! Мы шутим. Ты подумал,

Взаправду, что ль?

Ц а п л и н

Нам что!

Б р у с е н и н

Господь с тобой!

Т ы р а

Обиды нет тебе.

Ц а п л и н

Вестимо, в шутку

Язык чесать.

Б р у с е н и н

Не трожь его, робята!

Т ы р а

А ты скажи нам, милый человек,

За что про что обиду терпишь?

Ш у т

Даром.

Жениться, чёрт, задумал...

Ты ра

Так. Ну что же?

Ш у т

Дюжова дочь облюбовал.

Ц а п л и н

Ну, знаем.

Ш у т

Я сдуру-то сболтни ему неладно,
Мол, старому жениться ненадолго,
Да часто, мол, и не себе, а людям.
И я-то глуп, шутить связался.

Ты ра

Верно!

Ты с тем шути, кто любит. Ну, и что же?

Ш у т

Как вскочит он, затрёсся, ровно Каин,
Как волк стучит зубами, словно угли
Глаза зажглись, седая грива дыбом...
Видал ли ты, как окаянных пишут
На папертях? Точь-в-точь.

Ц а п л и н

Какой бедовой!

Не у с т р о й к о

А вот пойти да скарёдные речи
Боярину явить; так не пришлось бы
Свести тебя попарить, чтоб до свежих
Не забывал. У нас недолго!

Ты ра

Полно!

Доказчиком не будь. Доказчик первый
Под кнут идёт.

Не у с т р о й к о

Бросай работу! Будет!

Боярин вышел.

Ш у т

Братцы, схороните!

Ты ра
Беги скорей, покуда не схватили,
Валяй во все лопатки, не догонят!

Шут убегает.

Цаплин
Стрелой летит. Держи его, робята!
Хохот.

Брусенин
На лошади, да разве на хорошей,
А на плохой низáчто не догонишь.

Ты ра
Как шкуру-то, робята, соблюдает,
Диви бы бобр сибирской али соболю!

Цаплин
Ему своя-то, надо быть, дороже.

*Входят воевода, Облезлов, несколько дворян и боярских
детей, сотник стрелецкий, несколько стрельцов и слуг.*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

*Воевода, Облезлов, Баим, дворяне, дети боярские, стрельцы,
слуги и те же, и потом Гришка Жилка.*

Воевода
(Облезлову)
Ты говоришь, что местом вышло. Верно.
Воистину.

(Кланяется народу.)

Здорово! Ты послушай!
Поехали мы зверя погонять,
Гляжу: лиса катит из мелкошья
По вырубке в сосняк, вот так и стелет,
Как жёлтый лист по ветру. Вижу, дело
Выходит дрянь: уйдёт, сплутует. Надо
Заворотить, наперерез ударить.
Хлестнул коня по бёдрам.

(Баиму.)

Что за парень
Особняком стоит? Коль наш — не трогай,
А кто чужой, так опроси построже.

Баим отходит.

(Обратясь к Облезлову, продолжает.)

Проехал я шагов не больше с сотню,
И вдруг мой конь, как вкопанный, ни с места.
Как в землю врос. Уж я его и плетью,
И лаской, нет, — дрожит, трясётся, уши
Насторожил. Я вижу, дело плохо.

Сотник возвращается.

Какой такой?

Сотник
Из наших, из рыбацкой!

Воевода

Ну ладно.

(Облезлову.)

Вот я слез, перекрестился.
Обшёл вокруг три раза, зачурался,
И ничего, — мой конь пошёл как надо.
Так вот и знай, что значит место.

Облезлов

Диво ль!

В большом лесу, где всяка нечисть бродит.
В своём саду я летось заблудился
Средь бела дня! Немало мы дивились:
Брожу кругом, а выходу не вижу.
Такая страсть, что Господи помилуй —
Не доведи вперёд, умрёшь со страху.
Уж и кричал, кричал, сошлись людишки
Да вывели.

Входит Жилка и кланяется воеводе в ноги.

Воевода
Всего бывает! Что ты?

Жилка
И бьёт челом, боярин, и являет
Твой сирота, бывлой подьячий Жилка.

Воевода
О чём ещё, анафема?

Жилка
О бое
И грабеже денном и об увече!

Воевода

Который раз тебя увечат! Скоро ль
Совсем убьют? Пора бы! Кто же грабил
И бил тебя?

Жилка

Семёна Бастрюкова

Дворовые и скоморохи: Резвый
С товарищи; они ж, боярин, воры,
И картами и зернью промышляют,
И табаком, и воровское держат
И продают, и беглых укрывают,
И на посад насильством в харях ходят
С потехами, и с песнями, и с зурны,
И с домрами, и скаредные песни,
И срамные поют, и действия деют.
Тебя ж обносят скаредною ласей
И неудобь-сказаемою бранью...
В том жалоба моя тебе и явка.

Воевода

А грабежу?

Жилка

Колпак да зипунишко.

Воевода

За что про что?

Жилка

Да якобы с тобою

Я ставаясь составным челобитьем,
Испродаю посадских и убытчу,
Поклёпный иск взвожу, корысти ради,
По твоему приказу.

Воевода

Бастрюкова

Унять давно пора. Зазнался больно,
На шею сел ко мне. Плутам заступник,
Оберегатель земской. Двум медведям
Не жить в одной берлоге. Челобитье
В избе подай мне завтра. Мы посмотрим,
Велим сыскать и, буде виноваты

Доподлинно, людишек Бастрюкова
Не пощадим.

Ж и л к а
(кланяется)

Ты смилуйся, пожалуй!
И сироту твою не дай обидеть!

Воевода идёт на ступени к собору.

Г о л о с а
(из задних рядов)

Алтынник, пёс! Посульщик, кровопивец! —
А крест на нём, робята, есть аль нету? —
Навряд ли уж. Другой татарин лучше.

В о е в о д а
(на ступенях)

Кричат, а что, никак не разберу я.
Да вам чего? Вы говорите прямо,
Поди сюда вперёд и говори!
Из-за людей не слышно. Что ж вы стали?
Ай молодцы! Вы смелые робята!
Из-за людей облает и присядет,
Разинет пасть и тягу. Кукиш кажет
Из рукава, чтоб люди не видали.
Чего же вам? Строптив, сердит я, что ли?
Не милостив? Всё это правда ваша,
Я не святой. А знаете ли, дети,
Писание нас учит покоряться
Властителю и доброму и злему.
Строптивного послушать перед Богом
Угоднее. Иль мнится вам, что власти
Людским хотеньем созданы? Что можно
Без власти жить? Что мы равны? Так знайте.
Звезда с звездою разнствует во славе,
Так на небе, и на земле всё так же:
И старшие, и младшие, и слуги,
И господа, и князи, и бояре,
И Господом венчанные на царство
Великие цари и государи.
За чином чин по лестнице восходит
От нас к царю и от царя до Бога.

И всяка власть от Бога. Власть не судят
Подвластные, а только царь, ему же
(снимает шапку)

Господь вручил нас всех на попечение.
Из-за чего нам ссориться! Вы дети,
Я вам отец! Не лучше ль нам любовью
И миром жить! Ходите по закону —
И вам целей, и мне милей! За что же
Браниться-то? Нехорошо. Неладно.
(Кивает головой Баиму.)

Пошарь-ко там с своими молодцами,
Не сыщешь ли кого из крикунов.
Да не зевай! Того, Баим, не бойся,
Что в виноватых правый попадётся:
Не виноват — укажет виноватых.
Переловить, связать и запереть
Всех накрепко в сторожню, там рассудим.

*Уходят воевода, товарищ и вся свита, кроме стрельцов.
Баим и стрельцы ходят в народе.*

Г о л о с а

Чего тебе? Ты тише, не толкайся! —
Что за напасть! Да что ж вы, драться, что ли? —
Робята, наших быют! Кричите шибче!

Несколько голосов вместе
Сюда, сюда, робята, наших быют!

*С посаду бежит народ. Бастрюков Семён, Бастрюков Степан
выезжают верхом на лошадях; за ними пешие слуги: Резвый и другие.*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Бастрюков Семён, Бастрюков Степан, слуги и прежние.

Бастрюков Семён
О чём шумят? Что делают?
Бастрюков Степан
На посадских
Баим напал. Не уступай, робята!

Г о л о с а
Застой за нас! — Безвинно быют и мучат.

Бастрюков Семён
Оставь, Баим!

Баим
А ты что за указчик?
Велел сыскать ослушных воевода,
И сыщем их. Пока найдём да свяжем,
Не отступлю.

Бастрюков Семён
А как всполох ударим
На весь посад, и ног не унесёте!
Как примутся за колья, так держитесь.
Не мятежи чинить, а для наряду
На городу посажен воевода.
Сбирай стрельцов!

(Посадским.)

Робята, расходитесь!

Расходятся.

Не тронет вас никто.

Баим
Не ты в ответе,
А я, с меня и спросят.

Бастрюков Семён
Ты не бойся,
Я сам скажу в соборе воеводе.
Пусть на меня и сердится, как хочет.
Иди со мной в собор.

Баим
(стрельцам)

За мной, робята!

*Уходят Бастрюковы, Баим, стрельцы; прислуга уводит лошадей;
посадские идут к городским воротам; навстречу им Влас Дюжой
и Настасья.*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Влас и Настасья и прежние посадские.

Настасья
Вы, смерды, прочь! Не видишь, я иду?

Ты р а
Как не видать.
В л а с
Иди, как люди ходят.
Н а с т а с ь я
Я кто теперь? Фу! Прочь поди!
В л а с
Настасья!
Уймёшься ты аль нет?
Н а с т а с ь я
Фу! Смерды!
Ц а п л и н
Шире,
Народ, навоз плывёт.
Н а с т а с ь я
Да как ты смеешь?
Ты страдник, смерд!
(Мужу.)
Доправь на нём бесчестье!
Ты знаешь, смерд, я тёща воеводе.
Б р у с е н и н
Ну как не знать!
В л а с
Иди добром, Настасья,
Не постыжусь, при всём честном народе
Учить примусь.
Н а с т а с ь я
Толкуй! Ты сам не знаешь,
Какая честь на нас.
Ты р а
От воеводы
Пристала к вам?
В л а с
Иди! Народ смеётся.
Ишь срам какой! Вот с дурой-то свяжися,
Так, Господи, и жизни-то не рад.

Настасья
Фу! Смерды! Прочь!
Несмеянов
Иди своей дорогой,
А мы своей; просторно, разойдёмся.
Влас и Настасья уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Несмеянов, Тыра, Цаплин, Брусенин и потом Дубровин.

Тыра
Ишь, дура-то, за воеводу дочку
Просватала и думает, что тоже
Боярыня; идёт и ног не слышит.
Несмеянов
На радость ли? Заплакать не пришлось бы!
Старик живёт, а жёны молодые
Всё мрут да мрут. Диковина и только!
Тех жён обех защекотал до смерти —
От ревности; вот что холопы бают.
Не миновать и третьей.

Цаплин
Защекочет,
Так не дадут четвёртой, заговейся:
Закону нет, и поп венчать не станет.

Тыра
Да ну его!

Несмеянов
Робята, не слыхали ль,
Что Худояр на Волге появился
И станом стал недалеке?

Цаплин
Так что же!
Тебе-то что ж?

Несмеянов
Разбойник лютей, бают.

Ты ра

За что ж его разбойником-то лаешь,
Не знаючи? Какой же он разбойник?
Кого разбил? Тебя?

Несмеянов

Меня не трогал,
Мне грех сказать; не грабил так не грабил.

Цаплин

Так покажи других!

Несмеянов

Чего не знаю —
Не говорю. Казну ограбил, бают.

Ты ра

Ты бай не бай — не наше это дело.
Казну разбил, казна про то и сыщет;
А ты не лай разбойником напрасно,
А называй удалым молодцом.

Несмеянов

А говорят, что в Нижнем был пойман,
Сидел в тюрьме, достал из печки уголь
И написал он лодку середь полу
Углём и сел, забрал с собой сидельцев,
Плеснул воды да в Волгу и уехал.

Дубровин входит и осматривается.

Цаплин

(увидя Дубровина)

Никак чужой? Чего он ищет?

Ты ра

(подходя к Дубровину)

Парень,

Ты из какой Литвы, с какой орды?
От дела ты лытаешь или дела
Пытаешь?

Цаплин

Сват! Ты ближний али дальний?

Ты ра

Каких родов, из коих городов?

Н е с м е я н о в

Не беглой ли? А может, он, робята,
Коня украл аль мужика убил.
Связать его!

Д у б р о в и н

Эх, дедушка, за что же?

Ты пожалей меня! Связать недолго;
Вязать вяжи, да после не тужи.
Я сам даюсь; один — не ратник в поле,
И дерево одно — не тёмный лес.
Меня в тюрьму; а сколько нас на воле
Останется, ты всех не перевяжешь;
А у тебя домишко на посаде, —
Чай, бережёшь от красных петухов, —
Со всех углов подпустят — плохо дело.

Н е с м е я н о в

Ну, полно ты! К чему ты привязался!
Я пошутил, а ты и вправду.

Д у б р о в и н

Полно,

Шутил ли ты? Да ну, я зла не помню:
Я знаю, ты меня не свяжешь.

Б р у с е н и н

Братцы!

Я признаю его!

Ц а п л и н

И мне знакомо

Обличье-то, а как назвать — не знаю.

Д у б р о в и н

Я не боюсь и не таюсь: я беглый,
Посадский ваш, Роман Дубровин.

Т ы р а

Братцы,

И то ведь он. Два года не видались!
Ты где гулял?

Д у б р о в и н

На белом свете много

Привольных мест — и Дон, и Волга-мать.

Где я гулял — там нет меня; теперь
Домой пришёл.

Ты ра
Ты хочешь объявиться?

Дубровин
Ну, нет, зачем! С женой бы повидаться.
Не знаешь, где жена?

Ты ра
У воеводы.

Дубровин
(хватается за голову)
Ужель к нему попала?

Ты ра
Взял насильем,
В тюрьму сажал, а из тюрьмы да на дом
Красавицу твою Олёну.

Дубровин
Дьявол!
Ну, помни ж ты! А что, жива, здорова?

Ты ра
Да говорят, всё воет.

Дубровин
Эко, братцы,
Житьё моё! А выходу ей нету?

Цаплин
Назаперти.

Дубровин
Ну, только мне и надо.
Спасибо вам на добром слове, братцы.
Увидите жену, так поклонитесь!
Мол, жив ещё и помнит. Воеводе
Скажи хоть ты,

(Несмеянову)
что собираюсь в гости,
Чтоб припасал, чем потчевать. Прощайте!

Несмеянов
Никак ушёл? Поотлегло от сердца, —
Перепугал, проклятый. Что ж, робята,
Явить аль нет?

Ты ра
А нам какое дело?
Как хочешь ты, а мы и знать не знаем.
Поди являй, а в послухи не ставь —
Во всём запруть.

Цаплин

И я.

Брусенин

Мы не видали.

Ты ра

Вот так-то, брат! Ты совок, да неловок!
Помалчивай, так сам целее будешь.

*Выходят из собора воевода, Облезлов, Бастрюковы, дворяне,
дети боярские, Баим, стрельцы, слуги. Посадские и народ
уходят в глубину площади.*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

*Воевода, Облезлов, Бастрюковы, дворяне, дети боярские,
Баим, стрельцы, слуги и прежние посадские.*

Воевода

(остановясь, не доходя ворот)

Два раза глуп бывает человек:
С младенчества сперва, потом под старость;
Состареешь и поглупеешь, разум
Отымется. Недаром люди стали
Учить меня. Ты думаешь, что дельно
Прикажешь что, а говорят — неладно.
Плохая жизнь. И вижу сам, что плохо;
Да как же быть? Одно и остаётся:
Коль стар и глуп, так умных больше слушай.
Вот я велел переловить Баиму
Ругателей, а Бастрюков наехал,
Прогнал его, — что мы не дело, видишь,
Затеяли, мятеж заводим, буйство.
Челом ему за то, что надоумил
Нас, дураков. Вперёд умнее будем.

Бастрюков Семён

Да что ж, и впрямь затеяли не дело.

Воевода

(смеётся)

Ты погоди, дай кончить! Я спасибо
Сказал тебе, чего ж ещё! Не в ноги ж...
Другую речь я поведу. Вот, видя,
Что глуп-то я и стар, большое дело
Без вашего, друзья мои, совету
Начать не смел. Что вы приговорите,
Тому и быть.

Облезлов

Нечай Григорьич, полно

Пытать-то нас. Какие мы советы
Дадим тебе! Ты сам умнее всех.

Бастрюков Степан

Не дураки и мы.

Бастрюков Семён

Что смыслим, скажем.

В чём дело-то?

Воевода

Не знаю, как сказать!

Попутал грех. И молодых и старых

(снимает шапку и кланяется)

Простить меня прошу. Отцы и братья,

Не осудите! Старому, седому

И стыдно бы, да человек я слабый,

Летами стар, зато душою молод.

Облезлов

Какой старик, ты лучше молодых, —

И стар, да дюж.

Воевода

Без бабы не живётся;

Греха боюсь, — так вздумал ожениться.

Облезлов

И в добрый час.

Воевода

И не о том бы думать,

Молиться бы, да слабость наша.

Бастрюков Семён

Что же

Жениться-то об эту пору! Сколько
Тебе и жить-то! Было две жены,
Чего ж тебе! И третьей век загубишь,
Коль женишься. Не дело так не дело:
Тебе-то блажь, а молодёжь-то сохнет
За стариками.

Воевода

Вот что значит ум-то!

Не нам чета. И слушать-то отрада.
От умной головы совету много
Хорошего. А вас про что ни спросишь,
Ответа нет, а только друг за друга
Хоронитесь; а у него как раз
Умён ответ и скор. Развесьте уши
И слушайте Семёна Бастрюкова!
Уж если он, такой разумной, скажет,
Что не женись, Нечай Григорьич, значит,
Что надобно жениться беспрерывно.

Бастрюков Семён

Ты на смех, что ль?

Воевода

Как хочешь, так и думай;

За что почтёшь, не буду спорить.

Бастрюков Семён

Ладно ж!

Припомни ты! Я сорок лет на службе,
Я сорок лет доспеха боевого
Не скидывал, изранен весь, я земским,
Губным служил по выбору, не ползал,
Не кланялся подьячим по приказам,
Не плакался: пустите покормиться!
Своим кормлюсь всю жизнь. Моя обида
Откликнется тебе; держись, да крепче!
В Москве бывал, туда дорогу знаю.
Не усидишь.

Воевода
Не страшно. Не грози!
Москва Москвой; готовься сам к ответу.
В поместье ты, как в омуте, уселся
И думаешь, ты царь, тебе суда нет.
Мы выведем на свежую водицу.

Бастрюков Семён
Меня?

Воевода
Тебя.

Бастрюков Семён
Нет, руки коротки.

Воевода
Длинней твоих. Ты беглых укрываешь,
И зернщиков, и воровское держишь,
И полон двор нагнали скоморохов.

Бастрюков Степан
Что ж, батюшка, ты смотришь! Что ж он лает!
Царю челом ударим о бесчестье.

Воевода
Молчи, щенок!

Бастрюков Степан
(бросается на воеводу)
Ах, старая собака!

Его удерживают.

Бастрюков Семён
Царю челом ударим, а покуда
Ты бородой ответишь. Без остатку
Всю выдеру.
(Бросается на воеводу.)

Воевода
Держите их, держите!
Его загораживают.

Облезлов
Семён, уймись! Безлепичное дело
Затеял ты. Ругаться непригоже
На площади.

Бастрюков Семён
Не я, а он затеял!
Не уступлю, я сам его не хуже.

Воевода
(в воротах)

Ко мне, друзья! Запѣмте рукобитье!
(Бастрюковым.)
И вас бы звал к себе, да не взыщите,
Попотчевать вас нечем, не запаслив.
(Уходит.)

*Облезлов и вся свита за ним. Ворота затворяются; посадские
подходят, с ними староста.*

Бастрюков Семён
И чёрт с тобой! Ты думаешь, мне надо?
Подавишься твоим куском.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

*Бастрюков Семён, Бастрюков Степан, земский староста
и посадские.*

Бастрюков Семён
(посадским)

Робята!
С чего он взял, что я ворам потатчик
И зернщикам?

Ты ра

Про то являл сегодня
На площади и подал челобитье
Былой дьячок, прозваньем Гришка Жилка,
И сказывал на вас грабёж и бой.

Бастрюков Семён
Сыскать его! Эй, люди! По посаду,
По кружечным дворам и постоялым,
По всем рядам, и шалашам, и лавкам,
По кабакам, по всем щелям и норам
Искать дьячка и привести сюда!

Староста
(тихо)

Боярин, мы желаем челобитье
В Москву свезти на воеводу.

Бастрюков Семён

Ладно,

Хвалю за то.

Староста

Да написать не знаем;

А земской наш дьячок писать не хочет,

Боясь того, что, вишь, у воеводы

Сильна рука в Москве.

Бастрюков Семён

Напишет Жилка.

Староста

Заставишь ли?

Бастрюков Семён

А батоги на что?

На самого себя напишет. Руки

Прикладывать путём. Отцов духовных

Просите всех. Мирское челобитье

И выборных я сам свезу к Москве.

Да поскорей!

Староста

Да хоть сейчас пойдём

Ко мне во двор; как только Жилку сыщут,

Чтоб к нам вели.

Бастрюков Семён

(громко)

Я к старосте поеду.

Бастрюков Степан

А я домой! Айда!

Подают коня.

Бастрюков Семён

За мной, айда!

Подают коня.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА I

ЛИЦА

ВЛАС ДЮЖОЙ.

НАСТАСЬЯ.

ПРАСКОВЬЯ } дочери их.

МАРЬЯ

НЕДВИГА, мамка.

ВОЕВОДА.

ШУТ.

СТЕПАН БАСТРЮКОВ.

РЕЗВЫЙ

КУБАС } слуги Бастрюкова.

ШИШИГА

СЛУГИ ДЮЖОВА И ВОЕВОДЫ; СЕННЫЕ ДЕВУШКИ.

Густой сад. Налево терем с выходом и крыльцом. Направо баня; в глубине стоячий тын, из которого несколько надолб вынуто; за тыном, когда он разобран, виден берег Волги.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Резвый, Степан Бастрюков в кустах, Кубас и Шишига у разобранного тына.

Резвый

Пожалуй, осударь Степан Семёныч!

Иди смелей! В саду души не видно.

Бастрюков

Ишь, заросло как часто, не пролезешь.

Резвый

Дубьё, вязьё рощёное.

Бастрюков

Да где ты?

Резвый

Ты на голос иди! Здесь чисто!

Бастрюков

Вышел!

Резвый

Кубас, Шишига, забирайте тын,

Да разом в лодку, и лежи как мёртвый!

На спрос: что за люди? — Мол, ждём с базара
Крестьянишек, замешкались в кружалах.
Откуда? — Мол, из Красного села,
Рыбачим, мол! А больше не болтайте!
Да не дремать! По свисту подымайся;
А по второму ты, Кубас, за вёсла;
А ты, Шишига, здесь у лазу будь!

Б а с т р ю к о в

Да поживей!

К у б а с

Ты свистни, а мы смыслим.

Перед тобой, как лист перед травой!

Загораживают тын.

Б а с т р ю к о в

Спасибо вам, робята! Услужили!

Р е з в ы й

Кому ж служить, как не тебе, боярин!
Аль ты нас платьем цветным изобидел,
Аль холодно и голодно живём?
И жалуешь, да и живём прохладно —
Что день, то пир да новые затеи
У нас идут. Гульба, а не работа
Нам за тобой!

Б а с т р ю к о в

В гульбе короче время.

Р е з в ы й

Одно и дело — веселить да тешить
Тебя, Степан Семёныч.

Б а с т р ю к о в

Да ещё бы!

Потоль и тешиться, пока живётся.
Ведь одна живём на свете белом.
Не в чернецы ж идти!

Р е з в ы й

В твои-то лета!

Что говорить! Лишь дал бы Бог здоровья,
Пей да гуляй! А дело не медведь,
В лес не уйдёт.

Б а с т р ю к о в
Безделье так безделье,
А дело делом. Позовут на службу,
За нами дело никогда не станет.

Р е з в ы й
И на войну пойдём, как на потеху,
Не спрячемся за печку.

Б а с т р ю к о в
Там что будет,
Тому и быть. А у меня покуда
Одно в уме; одно и сплю и вижу,
Как Марью Власьевну достать.

Р е з в ы й
А мы-то!
Да нас и хлебом не за что кормить,
Коль мы тебе забаву не доставим.
В твоём дому боярском полны сени
Нас, скоморохов, слуг да челядинцев.
Да будь она за тридевять замками,
За тридесять морями — мы достанем.
Вчера всю ночь работали, пилили
Сосновый тын, шесть игол вынимали
С великим бережением и страхом,
Да и опять поставили, как было.
И разберём, и заберём в минуту
Широкий лаз, хоть тройкой поезжай.

Б а с т р ю к о в
А крепко Влас живёт.

Р е з в ы й
На всём посаде
Ни у кого нет выше городьбы:
Казну блюдёт.

Б а с т р ю к о в
Ну, мы казны не тронем.

Р е з в ы й
А дочерей — уж не взыщи. Боярин,
Никак идут. Схоронимся до время.

Бастрюков
Куда ж?

Резвый
Вот баня старая!

Бастрюков
Ну, ладно!

Уходят в баню. За сценой песня девушек.

На море утушка купалася.
На синем серая полоскалася.

*Входят Прасковья Власьева, Марья Власьева, Недвига;
сенные девки вносят ковры, подушки и разное шитьё.*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

*Недвига, Прасковья и Марья Власьевны,
сенные девушки.*

Марья Власьева
Нам в терему и тесно, да и душно,
Жара, как в бане, а тебе и любо,
Коль у тебя в Петровки стынет кровь.
Ты старая: тебя не манит лето
На волюшку, на шёлковы луга,
В тенистый бор, где белым днём потёмки,
В зелёный сад, где алый цвет цветёт,
Где вишенье, орешенье назрело,
И налилось, и ждёт девичьих рук.
Мы не старухи, нам без печки жарко,
Не больно мил нам нов-высок терём.

Недвига
Ну, в сад так в сад; мне всё равно, старухе.

Сенные девушки
(допевают)

Купавшись, утушка вострепенулася,
Вострепенувшись, серая воскрякнула:
«Как-то мне с синя моря подыматься будет,
Как-то мне с жёлтым песком расставаться будет?»

Марья Власьева
Что терем, что тюрьма — одно и то же.

Недвиг а

Ну, будь по-вашему. Вот здесь и сядем.

Садятся.

Недвиг а

Ты, Марья Власьевна, прости старуху,
Велика выросла, хоть замуж впору,
А всё ещё, как посмотрю, глупа.
Ты знай одно: что в тереме, что в церкви,
Ты всегда спасённой человек;
Там образа, закрещены все двери.
А что в саду? Тут вольная земля,
Ну, значит, он, оборони Создатель,
Свободно ходит; долго ль до греха!
На всякой час блюдись!

Одна из девушек

А зачураться,

Не подойдёт.

Все

Чур! Наше место свято!

Другая из девушек

И поминать-то бы его не к месту.
Не в час сболтнёшь, он к слову-то привязчив
И на помине-то легок бывает.

Недвиг а

Что правда, правда. Пусто будь ему!

Молчат.

Ох, не люблю, когда молчат! В молчанки
Мы, что ль, играть сошлись! Нуте, девки,
Повеличайте молодую княжну.

Прасковья Власьевна

Всё величать! Довольно! Надоели.

Недвиг а

Сказать аль нет? Вестимо, что не дело
Холопское о господах судачить,
И промолчать нельзя.

Марья Власьевна

Ну, что такое?

Недвиг а

Да всё про то же, всё про жениха-то.
Что у кого, а у меня забота
Одна.

Марья Власьева

Тебе-то что, коль ей по сердцу?

Прасковья Власьева

По сердцу не по сердцу, а пойду
И ох не молвлю!

Недвиг а

Думали, гадали

Родимые, да вот и догадались.
Ну ровня ли! Седой как лунь, согнутый,
Глядит медведем, так и хочет съесть.
Одно и лестно, что большой боярин.
Так не с боярством жить, а с человеком.
Как месяц ни свети, а всё не солнце!

Марья Власьева

Ей что ни поп, то батька: всё равно;
Ей лишь бы замуж, разбирать не станет.

Прасковья Власьева

Само собой. Да разве наша воля
Себе мужьёв по сердцу выбирать!
Прикажут, и конец; а мил ли, нет ли —
Тебя не спросят.

Марья Власьева

Лучше утопиться.

Прасковья Власьева

Не мы одни, всем девкам та же доля,
А всем топиться — Волгу запрудишь.

Марья Власьева

Другая б плакала, а ты так рада.

Прасковья Власьева

О чём, о ком я буду горевать-то?
Боярыней живи да величайся,
Ешь сладкое, медов сычёных вволю,
Гора горой пуховики лебязьи

В опочивальне; хочешь спать, так спи,
А нет — лежи: пусть тонет бело тело
И нежится. Да вот сама увидишь,
Так раздобрею в год, что не узнают.
Работы нет, заботы не бывало!
Сиди как пава, а кругом рабыни
Кроят, и шьют, и строчат во сто рук.
Такая жизнь, что умирать не надо!
Чего жалеть-то? Девичью красу
Да косу русую? Об ней поплачу,
Как расплетут, да по уши повяжут
Волосником, да бабью кику взденут.

Недвиг

Тебе с ним жить, ну и живи как знаешь,
Не наше дело, кончен разговор!
Что ж мы начнём? Все песни перепели,
Переиграли игры, разве сказку
Договорить, что даве начинали.
Да с уговором: не́ любо — не слушай,
Лгать не мешай!

Прасковья Власьева

Досказывай хоть сказку.

Марья Власьева

Ты думаешь, нам очень любы сказки?
От скуки слушаем, одна забота,
Как время скоротать. А вот ты мелешь,
Мы слушаем; так время и проходит.

Прасковья Власьева

Досказывай Никиту Кожемяку!

Недвиг

Ну, долго ль, коротко ли, в сказке скоро,
На деле-то не вдруг. Ну вот в ту пору
Сидит себе Никита, кожи мнёт.
И держит он, красавицы мои,
В руках двенадцать кож; вдруг царь в кожевню,
Взглянул Никита, — так вот и затрёсся;
Со страху ходнем руки заходили,
И разорвал он те двенадцать кож.

Марья Власьева
Ну, ври ещё!

Недвига
Известно, сказка складка,
А песня быль; не мимо говорится.

Марья Власьева
Не всякая. Сама же ты певала,
Что воля красным девушкам гулять;
Молодкам миновалася гульба.
Мы девки вот, а всё живём в неволе.

Недвига
Досказывать аль нет?

Прасковья Власьева
Ну брось, не надо.
Уж надоело про змеёв-то слушать!

Недвига
Чего же вам?

Марья Власьева
Любовную скажи!
Прасковья Власьева
Ты Расскажи, как в тереме высоком
Сидит красавица; замком булатным
Дверь заперта дубовая, и стража
И день и ночь крут терема стоит.
И солнцем не печёт, и буйный ветер
Пахнуть не смеет на неё.

Недвига
А дальше?

Прасковья Власьева
А дальше я не знаю; я не стала б
Просить тебя, сама бы рассказала.
Ты знаешь всю, тебе и книги в руки.

Марья Власьева
Как добрый молодец прокрался в терем...
Да ты нам всё рассказывай, как было.

Недвига
А мать услышит, кто в ответе будет?

Марья Власьева
Пойдём в малину! Не найдут до завтра.

Недвиг
Ну, быть по-вашему! Срамницы, право!
Вас хлебом не корми, а дай послушать
Соромских сказок. Да и то сказать —
Всё взаперти: чужих людей не видим,
Гулять нет воли, миловаться не с кем,
А у живого на уме живое.

Все уходят. Резвый и Степан Бастрюков показываются из бани.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Бастрюков и Резвый.

Резвый
Рассыпались в кустах. Не поманить ли?
Пойдёт на манку?

Бастрюков
Помани легонько!

Резвый
(запевает)

Боялися девки да серого волка,
Да не того волка, что по полю рыщет,
А того ли волка, что по лесу свищет,
Что по лесу свищет, красных девок ищет.

Марья Власьева подходит к тыну, осматривается; Резвый скрывается, Бастрюков выступает.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Бастрюков и Марья Власьева.

Марья Власьева
Вот диво-то! Не с неба ли свалился?
Как занесло?

Бастрюков
По моему прошенью,
По шучьему веленью. Надоело
Через забор вести переговоры.
И видит глаз, да зуб неймёт. Поближе
Хотелось быть; лицом к лицу, бок о бок

Речь тайную, любовную держать
И миловаться, как душе угодно.
Мы разобрали тын.

Марья Власьевна
Ты, парень, ловок.

Б а с т р ю к о в
Ведь рано ль, поздно ль, надо ж будет, Маша,
Тебе покинуть свой терём высокой,
Чужую сторону узнать, так лучше
С милым дружкой, тишком, лужком уехать!
Кто знает думу батюшки-отца
Иль матушки твоей башку пустую?
Загубят век, спихнут за старика
Постылого на горе да на слёзы.
Чего же ждать? Что думать? Свистнуть, что ли?
У нас готово, люди в лодке, только
Сесть да поехать.

Марья Власьевна
Как же, дожидайся,
Так и поеду! Нет, ошибся, парень.
Ты поглупей ищи!

Б а с т р ю к о в
Так вот как, Маша!
Что ж, не люб стал?

Марья Власьевна
За что тебя любить-то?
Обманщик ты! Охаживать горазд
Кругом да около. Тебе поверить —
Трёх дней не проживёшь. О святках, помнишь,
У нас в дому плясали скоморохи,
Ты мехоношей был, ты что мне баял?
Что ты купецкой сын, Иван Ковригин.
Зима прошла, весна-красна настала,
На дереве у моего окна
Ты по ночам сидел, и коротали
Тайком с тобой весенние мы ночи.
Ты нянек, мамок деньгами осыпал;
Не раз, не два я спрашивать пытала

Об имени и отчестве твоём:
Иван Ковригин — только и ответу.
Ну как тебе не грех? Я всё узнала:
Ты не купецкой, а боярской сын
Степан Семёныч, Бастрюковых роду.
И скоморохи-то твои все слуги,
И сам ты скоморох.

Б а с т р ю к о в

Тебе же лучше.

Боярской сын — тебе почёту больше,
Со скоморохом веселее жить.

М а р ь я В л а с ь е в н а

Ну нет, старуха надвое сказала.
Купецкой сын-то женится честь честью,
А у тебя, я знаю, во дворе-то
Всё краденые девки да молодки;
И я в таких же буду. Нет, зачем же?
А надоем, к отцу прогонишь! Лучше
Я дома посижу, изъяну меньше!
Один изъян, что новый тын попорчен,
Так батюшке скажу, поправят завтра.
А ты женись, как следует, порядком,
Тогда вези куда душе угодно.

Б а с т р ю к о в

Да я бы рад, да вишь, Нечай Шалыгин
Берёт сестру твою Прасковью замуж,
Он враг заклятый и отцу, и мне;
Не то что сватать, мне нельзя и носу
К вам показать.

М а р ь я В л а с ь е в н а

Ну, станем дожидаться;

Мне лет немного; я не перестарок.

Б а с т р ю к о в

Толкуй с тобой! А замуж отдадут?

М а р ь я В л а с ь е в н а

Своей охотой не пойду; а силой
Неволить станут — ну, тогда, не знаю,
Быть может, парень, выйдет на твоё;

Тогда ломайте тын, готовьте лодку,
Бери в охапку и тащи домой.

Б а с т р ю к о в

Голубушка!

(Обнимает.)

М а р ь я В л а с ь е в н а

Ты волю-то не очень

Давай рукам, повремени до срока!

Придёт пора, ни слова не скажу,

Твоя же буду.

Б а с т р ю к о в

Жизнь моя, лебёдка!

Пройди весь свет от края и до края,

По всем землям, по всем ордам немирным,

Ищи другого парня, не найдёшь,

Чтоб так любил, как я. Да вот что, Маша,

По-нашему любить, так вот как: видишь

Булатный нож?

(Вынимает нож из-за пояса.)

М а р ь я В л а с ь е в н а

Да что ты! Бог с тобой!

Б а с т р ю к о в

Нет, погоди! Промолви только слово —

И глазом не моргну, по рукоятку

В грудь опущу. Вели!

М а р ь я В л а с ь е в н а

Да верю, верю.

Б а с т р ю к о в

Убей меня Господь на этом месте!

М а р ь я В л а с ь е в н а

Да лжёшь ли, нет ли: сам ответишь Богу,

А слушать сладко.

Б а с т р ю к о в

Значит, по рукам?

(Подает руку.)

М а р ь я В л а с ь е в н а

Да что уж говорить! Тебя полюбишь,

Так не разлюбишь скоро. Поведёшься

С тобой, так на других потом не взглянешь.
Ишь ты, какой пригожий уродился!

Б а с т р ю к о в
И поцелуемся?

М а р ь я В л а с ь е в н а
Изволь, голубчик.
Греха тут нет. Целуемся со всеми;
Чужих целую, а тебя подавно.

Целуются.

Д е в к и
(поют в кустах)
В тереме девушка умывалася,
В высоком красная белилася...

М а р ь я В л а с ь е в н а
Домой пошли. Пора. Прощай!
(Идёт.)

Навстречу ей входит ш у т.

Ай, ай!
(Прячется в кустах.)

Б а с т р ю к о в
Чего она?

Р е з в ы й
Шутило воеводин.
Прячутся в баню.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Ш у т, потом воевода, В л а с с Н а с т а с ь е й и д е в к и.

Ш у т
Авось-то он смирнее у невесты.
А всё боюсь, душа уходит в пятки.
Бродил кой-где, с неделю укрывался,
А надобно ж когда-нибудь явиться.
Велит сыскать, так не проси пощады.
Ух! Идол! Змей Горыныч! Чудо-юдо!

Входит воевода, заним В л а с и Н а с т а с ь я; д е в к и несут жбаны, чары и ковриги.

Ш у т

(из-за кустов)

Есть виноватому прощенье?

В о е в о д а

Есть.

Ш у т

(падая на колени)

Помилуй, дяденька! Вперёд не буду.

В о е в о д а

Вставай, собака. С одного вола

Две шкуры не дерут. Да только помни,

Шутить с оглядкой, как бы не заплакать!

Ш у т

Всем закажу, и недругу, и другу,

Шутить с тобой! А то накладно, дядя, —

Я языком шучу, а ты дубинкой!

В л а с

Покрой ковром беседку-то, Настасья!

Пожалуй, осударь Нечай Григорьич,

Изволь присесть, не нудь боярских ног.

В о е в о д а

(садится)

Мы здесь свои, и вы садитесь рядом.

Вы наречённые мне тесть и тёща.

В л а с

Не подобает нам, с женишкой Настькой,

Перед тобой, высоким воеводой,

Перед твоими светлыми очами

Сидеть да барствовать. Нам, тёмным людям,

Холопами твоими быть за счастье;

Родня родней, честь честью, осударь!

Ты погости у нас, а мы послужим.

Н а с т а с ь я

Да ну-ко ты! Служи один, я сяду.

Я экой чести сроду не видала,

Во сне не грезилось; что я за дура —

Привёл Господь сесть рядом с воеводой,

А я не сяду! На-ко, дожидайся!

Сажает сам! Хоть малость посижу-то,
А сколько чести у меня прибудет!

В л а с

Не осуди! Прискорбна головой,
Сызмальства скудоумна, Бог обидел.
Робячий смысл, нелепое творит.

В о е в о д а

Не тронь, сидит.

Ш у т

Я, дядя, тоже сяду.

Понаберись-ко разума, ума
От нас с Настасьей. Хитрое ли дело
Судить, рядить да речи разводить
С боярами да с думными дяками!
Поговори-ко с нами, дураками!

В л а с

(потчует мёдом)

Откушай, не побрезгай! Чем богаты,
Тем мы и рады.

В о е в о д а

Покажи дорогу!

Допреж хозяина и поп не пьёт;
Клади начин и подноси по ряду!

В л а с

Желаю здравствовать на многи лета!
Храни тебя Господь да царь люби!
Не осуди, что речи не умильны,
Что мы, по простоте своей, не знаем,
Как чествовать и величать тебя.

(Пьёт и наливает.)

В о е в о д а

Спасибо, Влас! Проси теперь хозяйку.

В л а с

(кланяясь)

Хозяюшка!

Н а с т а с ь я

Уж пить ли мне-то, право?

В л а с

Да не дури! Я кланяться не стану —
Примай да бей челом.

Н а с т а с ь я

(берёт чару)

Короток разум

У бабы-то; сказала б, да не знаю,
Грехом обмолвишься, неладно выйдет.
Ну, будь здоров!

Целуются.

В о е в о д а

Спасибо и на этом.

В л а с

Теперь сама проси.

Н а с т а с ь я

Покорно просим.

В о е в о д а

В гостях — в неволе. Отказать не смею.
Я выпью!

(Пьёт.)

Знатный мёд, стоялый, крепкий,
Хороший мёд! Ты, Влас, живёшь исправно.

В л а с

Да есть-таки запас про всякой случай:
Для праздников, вот дочери невесты —
Так для родни да для попов пасём
Попотчевать послаще. Всё ж не ровня
Твоим медам боярским; нам далёко
С тобой тягаться, мы живём черно,
Да и сварить-то путно не умеем.
Ты наше малое поставь в большое.

В о е в о д а

Не диво пиво, дорога любовь.

(Отдаёт чару Настасье.)

Н а с т а с ь я

Что смотрите! Примаите, девки дуры!

Воевода
Недаром говорят: не будь запаслив,
Будь гостю рад.

Шут
Я не обсевок в поле,
Такой же гость, а ты меня обносишь!
Пирог с крупой, и мы с рукой, да, видно,
Кого блинками, а меня пинками.

Воевода
Не по губам тебе, язык проглотишь.

Шут
Ну, зелена винца!

Влас
Вот есть в сулейке.

Настасья
Сулеечку подайте, девки дуры.

Шут
Покланяйся, а я ломаться стану.

Влас
Ты сам себя попотчуй, сколько влезет,
Бери совсем. Своя рука владыка.

Воевода
Ты, волчья сыть, медвежья дрань, дорвался!
Смотри не задужи!

Шут
Я помаленьку.

Влас
Пей помаленьку, только выпей всё.

Шут отходит.

Воевода
Закону нет глядеть невест до свадьбы,
А мне охота; хоть глазком взглянуть бы.

Влас
Да ты глядел.

Воевода
Не сыто наше око:
Посмотришь раз, манит тебя в другой.

Н а с т а с ь я

Вот женишься, так нагладишься вдоволь:
Неказанному золоту цены нет;
Показано, так всякой цену знает.

В о е в о д а

Здорова? Не скучает?

В л а с

Да с чего ей!

Об чём скучать? Растёт, толстеет, всходит,
Как на дрожжах опара.

Н а с т а с ь я

Ты, боярин,

Не обижай! В любви держи да в холе,
Чтоб нам не плакаться.

В л а с

Молчи ты, дура!

Н а с т а с ь я

Да что ты! Что молчать! Я не чужая,
Я мать родная. Ты меня послушай,
Родимый зятюшка, Нечай Григорьич!
Уж чтоб и мне, старухе, был почёт,
Чтоб все таки, от мала до велика,
Мне кланялись, а я чтоб величалась.
Вот я иду, примером, хоть к обедне,
Народ без шапок, с кем заговорила —
Чтоб на колени падал.

В л а с

Ты очнись;

Коль захмелела, так поди проспись,
Ты голову с меня снимаешь!

Н а с т а с ь я

На-ко!

Я тёща воеводская! Кому же
И величаться, как не мне? Вестимо,
Я в городе большая, больше всех.

В о е в о д а

С тобой начни, до завтра протолкуешь.
А мне пора. Бессудный, собирайся!
Чужа изба засидчива. Прощайте!

Ш у т
(в кустах)

На след попал, по красному по зверю.
Ты обожди, я погоню на вас.

В л а с
Переложил хмельного, брешет спьяну.

Ш у т
Вот зверь так зверь: не соболев, не куница,
А красная девица. Эй! Ловите!
Перенимайте на дороге!

Выбегает Марья Власьева.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Воевода, Влас, Настасья, шут и Марья Власьева.

В л а с
Марья!
Ты как зашла?

Марья Власьева
С сестрой гуляли, с няней
Мы даве здесь; они домой пошли,
А я замешкалась; бегу за ними,
Вдруг он навстречу, я в кусты с испугу
И схоронилась, там и просидела.

Н а с т а сья
Вот я тебя! Беги домой, срамница!
Бесстыдница!

В о е в о д а
(берёт за руку Марью Власьевну)
Постой! Какие очи!
Нельзя налюбоваться, наглядеться!
Я много видел на своём веку,
Таких очей не приводилось видеть.
Красавица, ты из какой земли?
Кто породил тебя, кто возлелеял?

В л а с
Меньшая дочка, Марья.

Воевода

Вы обманом,

Холопы, смерды, обошли меня:

Похуже сбыть товар — так воеводе,

Получше — дома приберечь. Я знаю

Купецкую замашку. Ты мне враг,

Ты плутовством живёшь, обманным делом!

Влас

Помилуй, осударь, мы без обману,

По старшинству Прасковью выдавали,

Таков у нас обычай.

Воевода

Я Прасковью

И видеть не желаю, врозь всё дело!

И Марью я не выпущу из рук!

Отдайте мне её! Её отдайте!

Её хочу, её беру, отдайте!

Я вас озолочу.

Влас

Твоя есть воля.

Бери хоть эту, коль пришлась по нраву.

Настасья

Да что ты! Что ты! Где ж такой порядок?

Да нешто водится?

Воевода

Уйми жену!

Влас

Да как унять, что делать с ней, боярин?

Бью походя, околотил все руки.

Настасья, слушай! Мил тебе аль нет

Свет белый, вольный? Молви только слово

Противное, убью тебя до смерти!

Молчи да в ноги кланяйся за милость!

Благодарим за честь!

Кланяются.

Воевода

Так рукобитье?

В л а с

Приказывай; велишь — сейчас ударим.

В о е в о д а

Пойдём в хоромы, там и порешим.

(Настасье.)

Веди невесту, при огне посмотрим,

Здесь тёмно стало. Девица-краса,

Ты не слези свои соколы очи,

Ты не труди свою лебяжью грудь!

Не на́ горе ко мне пойдёшь, на радость.

Все уходят, кроме шута, который остаётся на крыльце.

Выходят Бастрюков и Резвый.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Бастрюков, Резвый и шут.

Б а с т р ю к о в

Ах, старый пёс! Ты слышал, Резвый?

Р е з в ы й

Слышал.

Б а с т р ю к о в

Ведь дело дрянь.

Р е з в ы й

Беда ума прикупит.

Ты не кручинься, как-нибудь поправим.

Б а с т р ю к о в

Поправить нечем, надобно украсть.

Р е з в ы й

И я про то же. Лишь бы показалась —

Уж только здесь и видели её.

Б а с т р ю к о в

Да выдет ли?

Р е з в ы й

Да сердце не утерпит.

Урвётся как-нибудь на малой час

Хоть на прощанье вскользь словечко бросить.

Ш у т

Ай, молодцы! Весёлые ребята!

Ну, как теперь: явить ли воеводе,

Да и накрыть удалых молодцов?
Иль зло сорвать — продать его, собаку,
Да послужить робятам удалым?
Нет, лучше к дяде. Он за эту службу
Не пожалеет горсти серебра.
(Уходит.)

Б а с т р ю к о в
Зевать не надо! Ты гляди, да в оба!
Всю ночь прождать, да только б не с пустыми
Руками нам домой вернуться. Лучше
Не жить на свете, вовсе не родиться!
А уступить нельзя: не мой обычай.

Р е з в ы й
Никак идёт.

Б а с т р ю к о в
Свисти!

Резвый свищет. Марья Власьева на крыльце.

Ты ль это, Маша?

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Бастрюков, Резвый и Марья Власьева.

Марья Власьева
Я, мой родной! Иду и ног не чую!
Спаси меня, спаси! Мне всё постыло,
Мне лучше в омут, чем назад в хоромы:
Отец родной и матушка родима
И продали, и пропили меня.

Б а с т р ю к о в
Да где ты?

Марья Власьева
Здесь! Боюсь идти в потёмках.

Б а с т р ю к о в
Свисти в другой!

Резвый свищет.

Чего со мной бояться?
Душа моя, голубка, polegоньку

Мы на руках тебя снесём до лодки,

Тын разбирается.

Да и прощай, и поминай как звали.

Входят воевода, Влас, Настасья, шут и слуги с фонарями.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Бастрюков Степан, Марья Власьевна, Резвый, воевода, шут, Влас, Настасья, слуги.

Ш у т

Держите!.. Воры!

Р е з в ы й

Осударь, спасайся!

Б а с т р ю к о в

Авось пробьёмся. Мне свою голубку

Неужто бросить!

В о е в о д а

Бросишь поневоле.

И рад бы взять, да руки не достанут.

Вяжите их!

Р е з в ы й

(вынимает саблю)

Поди-ко, сунься кто!

Все отступают. Бастрюков и Резвый отходят к тыну.

Б а с т р ю к о в

Прощай, касатка, не моя — чужая!

М а р ь я В л а с ь е в н а

Ну да, чужая. Пусть владеет силой,

Ни ласки он, ни слова не дождётся.

Мне что сказать, мне чем тебя утешить?

Ему не я, а красота нужна.

Так пусть же силой нас и обвенчают,

Пусть что хотят, то делают; я буду

Как мёртвая.

В о е в о д а

Так вот, Степан Семёныч,

Ты по каким делам пошёл?

Б а с т р ю к о в

Ошибся,

Ты не узнал, я не Степан Семёныч.

Бастрюков и слуги входят в лодку.

В о е в о д а

Эй, люди! В лодки, да в погоню живо!

О д и н и з с л у г

Что было лодок, все поотвязали

И по воде пустили. Не в чем ехать.

Р е з в ы й

Поедем тихо, и пешком догонишь.

В о е в о д а

Смотри, куда поедут — вверх по Волге

Иль вниз?

С л у г а

Ни вверх, ни вниз, даются в реку;

Не видно стало, обняли потёмки.

Н а с т а с ь я

Вот видели, как девок-то воруют!

Вот погляди! А как за ней усмотришь!

В о е в о д а

Украсть хитро, как сторожей поставлю!

Н а с т а с ь я

Да просто так, возьмут да и украдут.

Не надивлюсь, когда они спознались.

В л а с

А вот пойдём, притянем всех к допросу,

Всех нянек, мамок, спросим и её.

Эй, заберите тын, да подоприте

Его путём! Всю ночь ходить дозором!

В о е в о д а

Ну, мы её побережём покрепче.

Ко мне, в мой дом её перевезите,

Что на посаде: он пустой стоит;

Там не украдут; пусть живёт до свадьбы.

Настасья
Как хочешь сам, а мне не уберечь.
Оно и лучше — от беды подальше.
Иди домой! Ах, батюшки, нейдёт!
(Толкает, та понемногу подвигается.)

Воевода
Упрямится. Дай время — обойдётся.
Уходят.

СЦЕНА II

ЛИЦА

СТЕПАН БАСТРЮКОВ.
РОМАН ДУБРОВИН.
РЕЗВЫЙ.
КУБАС.
ШИШИГА.
БУРЫЙ.
ЗОРЯ.

Сени в доме Бастрюкова.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бурый и Зоря (настраивает гусли).

Зоря
Давно у нас старый боярин в Москву уехал?
Бурый
За неделю русальной, да поста неделя, вот и считай.
Зоря
А надолго?

Бурый
А кто его знает. Челобитную повёз в Москву на воеводу, так, вестимо, скоро не выпустят; да он масла на всякий случай с собой повёз.

Зоря
Зачем?

Бурый
Экой ты какой! В Москве даром дела не делают. Подьячих маслить. С порожними руками с судьёй не сговоришь; судиться — не Богу молиться, поклоном не отделаешься. Подьячим, брат, житьё лучше

нашего скоморошьего. С правым делом боярин-то поехал, а подьячим-то приданого на трёх возах повезли; а воевода от себя на четырёх поминки шлёт, чтоб не забыли. Сам, дескать, кормлюсь, да и вас покармливаю.

З о р я

И много же на воеводу челобитчиков!

Б у р ы й

Да, почитай, весь город.

З о р я

Круто ему будет.

Б у р ы й

Баба ворожила, да надвое положила. Чья мошна туже, та и перетянет.

З о р я

Что Степан Семёныч долго не едет; а я уж гусли наладил. Садись да играй.

Б у р ы й

Да с кем он поехал?

З о р я

Резвый с ним, да ещё Кубас с Шишигой.

Б у р ы й

Ну, так приедут, да не скоро. Они теперь рыщут, черна бобра ищут. Привезут ли, нет ли, соболя в сафьянных чоботах, кунку в шубке.

З о р я

А мы и повеселим, чтоб на новом месте не скучно было. (*Поёт.*)

Уж и что же вы, робята, приуныли?

Аль у вас, робята, денег нету?

Входят Бастрюков, Резвый, Кубас и Шишига.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Бастрюков, Резвый, Кубас и Шишига.

Б а с т р ю к о в

(*садится*)

Душа горит, на части сердце рвётся

Ретивое. Куда ты подевалась,

Моя удача, мой талант да счастье?

Аль приугасла, али закатилась

Звезда моя несчастная?

Резвый

Боярин,

Степан Семёныч! Выпей хоть маленько,
Облей ты, окати своё сердечко,
Повеселее будет.

Бастрюков

На роду ли

Мне так написано, аль доля вышла
Спознаться с горем. Ветру не развеять
Тоски-кручины. Ройте мне могилу,
Дубовую колоду приготовьте,
Желтым песком засыпьте!

Резвый

Нас живыми

Зарыть в могилу надо, что доводим
Тебя до этакой кручины.

Бастрюков

(встаёт)

Слуги

И челядинцы верные мои!
Я вас кормил, и жаловал, и тешил,
С плеча дарил своё цветное платье —
Хоть в жизни раз и вы меня потешьте!
Я в ноги вам ударю, доставайте
Мне Марью Власьевну!

Резвый

Робята, надоть

Хоть умирать, а доставать. Потешим
Боярина. Вели, Степан Семёныч,
Мне слово молвить.

Бастрюков

Молви.

Резвый

(кланяется в ноги)

Головы

Повинной не секут, не рубят. Прежде
Ты выслушай, потом казни, как знаешь.
Хоронится у нас от воеводы
Роман Дубровин.

Б а с т р ю к о в

Ведомого вора

Во двор пустили. Воровской притон
Здесь завели. А ну, как вдруг нагрянут
Да вора вымут на моём дворе!
В ответе я. По грамоте царёвой,
И головой, и животом отвечу,
Поместья отберут на государя
За ваше воровство!

Р е з в ы й

Степан Семёныч,

Не вор Дубровин. Тем и провинился,
Что жил богато да жена красива;
Да так красива, что другой на свете
И не найдётся. В те поры напрасно
Его томил в остроге воевода —
Всё денег вымогал. Сбежал Дубровин,
Так он в тюрьму его хозяйку вкинул;
И ночи там она не ночевала,
К себе в опочивальню перевёл.
В бегах был с год Дубровин, вот вернулся,
Сгрустнулось, повидаться захотелось
С женою.

Б а с т р ю к о в

Где ж она?

Р е з в ы й

У воеводы.

Б а с т р ю к о в

Так вы его пустили?

Р е з в ы й

Да боится

К чужим пристать. Да что ж, Степан Семёныч,
Пускай живёт; у нас его не сыщут;
А взыщутся, так мы тогда спровадим,
И след простыл; а нас хоть жги огнями:
И знать не знаем, слыхом не слыхали.
А уж куда на выдумки гораздой!
Вели позвать. Ум хорошо, два лучше.

Потолковать бы с ним о нашем деле,
Худого не придумает.

Б а с т р ю к о в
Зови!

Р е з в ы й
Кубас, беги! Да ты найдёшь?

К у б а с
Пошарю,
Авось найду. Ещё бы не найти!
Я свой, не сыщик.

Уходит.

Р е з в ы й
Горе-то убило
Теперь его, а уж куда затейник —
Что слово скажет, то рублём дарит.

Б а с т р ю к о в
Послушаем. Крестами поменяюсь,
Коли беду мою бобами разведёт,
Печаль-тоску на радость поворотит.

Р е з в ы й
Кромя его и некому.

Б а с т р ю к о в
Посмотрим.

Входит Дубровин.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Дубровин.

Д у б р о в и н
Здорово, осударь Степан Семёныч!

Б а с т р ю к о в
Живёшь давно, а глаз своих не кажешь
Хозяину. У нас таких порядков
Не водится меж добрыми людьми.

Д у б р о в и н
Да по́што я тебе? Живу я смирно,
Тебя не трогаю. И ты не трогай!

Пришёл не в гости, ни с добром, ни с худом,
Пришёл потиху и уйду потиху,
А за постой скажу тебе спасибо!
Зачем покликал?

Б а с т р ю к о в

Дело есть, Дубровин.

Тебе не боязно?

Д у б р о в и н

Чего бояться?

Б а с т р ю к о в

Велю связать, да к воеводе.

Д у б р о в и н

Шутишь!

Я пуганный, меня не испугаешь.

Б а с т р ю к о в

И то шучу. И волосом не тронут,
Пока ты здесь. Вот Бог тебе порука!

Д у б р о в и н

Да я тебе и без божбы поверю.

Б а с т р ю к о в

Нужна послуга.

Д у б р о в и н

Будет ли под силу?

Б а с т р ю к о в

А есть охота?

Д у б р о в и н

Твой слуга, боярин.

Б а с т р ю к о в

Не ждал беды, сама беда сыскалась,
Тужить не думал, довелось тужить.

Д у б р о в и н

За что про что сыр-бор горит?

Б а с т р ю к о в

За девку!

В руках была, да отняли из рук.

Д у б р о в и н

Здесь девушки по денежке.

Б а с т р ю к о в
Не купишь
И тысячей. Слыхал ли ты про Власа
Дюжова?

Д у б р о в и н
Кто ж его не знает, плута,
Лисицу старую!

Б а с т р ю к о в
А дочек видел?

Д у б р о в и н
Чтоб не солгать, раз с десять доводилось.
Молва идёт: не знаю, правда ль, нет ли?
Прасковью Власьевну за воеводу
Просватали. Ужель, Степан Семёныч,
Я молвлю не в укор, её жалеешь?
Похаять нечего, с лица красива,
Собой статна, а всё же кус не твой;
Пухла, ленива, слова не дождёшься.
Я не тебе чета, а не польщуся.
Вот Марья Власьевна совсем другая,
Как не родные точно.

Б а с т р ю к о в
Про неё-то
И говорю, её-то и жалею;
Мы по любви сошлись и сталкивались.

Д у б р о в и н
Чего ж жалеть-то? Сватайся порядком,
Не отдадут, возьми без позволения.

Б а с т р ю к о в
Так и задумал.

Д у б р о в и н
Ну!

Б а с т р ю к о в
Да помешали.
Я за руку, а за другую...

Д у б р о в и н
Кто же?

Б а с т р ю к о в
Всё он же, воевода.

Д у б р о в и н
Не татарин:
Не женится на двух.

Б а с т р ю к о в
Да он раздумал
Прасковью взять. Как увидел меньшую,
Так подавай её, а ту не надо.
Во двор берёт беречь, чтоб не украли.

Д у б р о в и н
А надо бы украсть. Ужли уступишь?

Б а с т р ю к о в
Что уступить, что заживо в могилу!
Мне жизнь не в жизнь! Бесчестье-то бесчестьем,
Да каково, слюбившись, расставаться;
Любовь-то не пожар, а загорится,
Так не потушишь.

Д у б р о в и н
Не сложить же руки,
Не плакать стать; слезами не поможешь.
Подумать, да за дело.

Р е з в ы й
В добрый час!

Д у б р о в и н
(оглядываясь)
Повыстудить бы избу. Лишних за дверь.
Останься, Резвый, ты не помешаешь.

Б а с т р ю к о в
(слугам)
В сенях постойте, подождите зову.

Д у б р о в и н
Боярин, я пришёл недаром. Тоже
Должишко есть; повыправить хочу.
В займы жену, без спросу, люди взяли:
Просить по чести — самого засадят,
Что век не вылезешь. Одно осталось —

Своё добро у вора воровать.
Давай уж вместе! Первым делом надо,
Чтоб воевода выехал дня на два,
Хоть за охотой, хоть на богомолье.

Б а с т р ю к о в

Как выживешь его?

Д у б р о в и н

Уж наше дело.

Мизгирь для нас уладит.

Р е з в ы й

Воевода

Без Мизгиря ни шагу. Уж давно бы
Его казнить пора за чародейство,
А он в тюрьме томит; да днём ли, ночью ль,
Во всякий час к себе в покои водит,
По книгам смотрят, в Шестокрыл и в Рафли.
Мизгирь что скажет, то и свято.

Д у б р о в и н

Завтра

Пошли в тюрьму колодникам на хлеб,
А Мизгирю особо. От Романа,
Мол, прислано.

Б а с т р ю к о в

Чем свет пошлю Кубаса.

Р е з в ы й

Я сам схожу.

Д у б р о в и н

Нам только большака-то

Долой бы с глаз, а челядь наша будет.

Б а с т р ю к о в

Ну ладно. Делай! Денег ли, людей ли —
Бери, что нужно.

Р е з в ы й

Ты, Степан Семёныч,

Опочивай, ложись! Не думай; утро
Помудренее вечера бывает.

Б а с т р ю к о в
Не к смерти грех. Вели-ко дать медку!
Мне не впервой гулять до бела света.

Резвый уходит.

Ты где бродил?

Д у б р о в и н
Не клином свет сошёлся.

Б а с т р ю к о в
Гулял по Волге?

Д у б р о в и н
Волей и неволей,
В бурлаках...

Б а с т р ю к о в
И в уда́лых молодцах?
Д у б р о в и н
Всего бывало.

Б а с т р ю к о в
И большой дорогой
В ночь тёмную?
Д у б р о в и н
Придёт пора, покаюсь.
Ни ты чернец, ни мне конец, боярин.

Б а с т р ю к о в
Здесь слух прошёл про Худояра. Слышал?
Д у б р о в и н
Слыхать слыхал.

Б а с т р ю к о в
А может, и видал?
Так правда ли, что он народ не грабит
И рук не кровянит; а на богатых
Кладёт оброк, служилых да подьячих
Не жалует и нас, дворян поместных,
Пугает крепко?

Д у б р о в и н
Ты его боишься?

Б а с т р ю к о в
Мне что бояться, я живу по правде.

Д у б р о в и н
Так что ж тебе?

Б а с т р ю к о в
Да поглядеть охота.

Д у б р о в и н
Зачем, боярин?

Б а с т р ю к о в
Удаль заставляет.

Д у б р о в и н
Не спятишься?

Б а с т р ю к о в
Не пятился ни разу.
Я сам удал и молодцов люблю.

Д у б р о в и н
Поедем завтра.

Б а с т р ю к о в
Ладно. Резвый, живо!

Входят Резвый, Кубас, Шишига, Зоря, Бурый и слуги.

Вина давайте, мёду! Песни пойте!
Дым коромыслом! С горя загуляли,
А с радости опохмеляться будем.

З о р я и с л у г и
(поют)

Уж и полно нам, робята, чужо пиво пити,
Не пора ли нам, робята, своё затирати?
Солод молод на овине, а хмель на тычине.
Уж и что же вы, робята, приуныли!
Аль у вас, робята, денег нету?

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА I

ЛИЦА

ВОЕВОДА.
НЕУСТРОЙКО.
НАСТАСЬЯ.
МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.
ВДОВА УЛЬЯНА.
МИЗГИРЬ, *колдун*.
ОЛЁНА, *жена Дубровина*.
ГРИШКА ЖИЛКА.
ШУТ.
ПРИСЛУГА И СТРАЖА.
ЖЕНЩИНЫ И ДЕВКИ.

Светлица в воеводском доме.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Воевода и Неустройко входят; за ними один слуга.

Воевода
(*садится*)

Согнать ко мне всю дворню!

Слуга уходит.

Все покои

Прибрать! Постлать ковры! Завесы к окнам
Тафтяные повесить с кружевами!
Чтоб был полавочник на каждой лавке!
Стол� сукном завесить! Жениховы
Мои подарки в тереме поставить:
Ларцы и зеркала, белила, перстни,
И мыла всякие, и все покупки,
И рухлядь всю расставить и развесить
Лицом на погляденье!

Неустройко

Всё готово

Для дорогих гостей, всего запасно.
Посадим с честью и накормим сыто.

Воевода

Не на день гости к нам.

Не устро́й ко

Да хоть бы на год!

Входят прислужники обоего пола и кланяются; меж ними Олёна.

Воевода

Я жалую вас милостью боярской:
Не красен дом, не весел господину,
И слугам сиротливо без хозяйки
Боярыни. Благословеньем Божьим
И нашим счастьем мы нашли девицу
Себе по мысли, и понять желаем
Себе в жену, вам в мать и госпожу.

Не устро́й ко

Час добрый! Кланяйтесь, благодарите
Боярина.

Кланяются в ноги.

Воевода

Теперь пока до свадьбы
Я этот дом со всем добром и с вами
Невесте отдаю.

Не устро́й ко

Опять ударьте
Челом ему на милости боярской
И слушайте наказ.

Воевода

Наказ короткой:

Служить боярыне, как мне, со страхом
И вежеством, в грозе и береженье,
Не красть, не лгать, от всякого бесчинства
И пьяного питья блюстись всемерно!
Всё это присказка, а вот и сказка!

(Встаёт.)

Чтоб день и ночь ворота на запоре!
Чтоб день и ночь круг дома сторожа!
Чтоб ни к кому приходу, ни подсылу!
Чтоб санным девкам из ворот ни шагу!
На портомой водить за караулом
Не часто! Слово каждое и дело
Чтоб было мне доподлинно известно!

Не только вести в дом или из дому
Не проносить; а птица прилетела
С чужих хором, чтоб мне про это ведать!
Я батогов для вас не пожалею
За малую оплошку; за большую
Казнённым быть нещадно скорой казнью.

Не у строй ко
Челом боярину и вон ступайте.

Кланяются и уходят, кроме Олёны.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Воевода, Неустройко и Олёна.

Воевода

Олёна!

Олёна останавливается.

Ты всё волком к лесу смотришь,
Змеёй шипишь. Пора бы уходитьсь,
Забуть про вора-мужа.

О лё н а

Не забуду,

Пока жива.

Воевода

Кто на тебя посмотрит
Со стороны, так скажет, что зарезать
Меня ты хочешь. Грозными очами
Глядишь на нас, а на душе, кто знает,
Что у тебя.

О лё н а

Да что кому за дело,
Как я гляжу? Я лучше не умею.
Живу покорно, голову поклонно
Держу перед тобой; что ни заставишь,
Я делаю, не выхожу из воли.
Чего ж тебе?

Воевода

(Неустройке)

Стеречь её покрепче,
Чтоб не сбежала как с двора.

Кто? Я-то?

Куда сбежать? Подумай! Много ль места
Ты мне оставил? Дом стоит покинут
И разорён по милости твоей,
И двор зарос. А где Роман гуляет,
Где буйною головушкой качает,
Печёт ли солнце, дождик ли сечёт
Ясного сокола, в живых ли, нет ли,
И я не знаю, да и ты не знаешь.
Куда ж бежать? Уж разве на погосте —
Над матушкой повыла б, что на горе,
На муку зародила, да взглянула,
Хоть издали, на дом пустой — да в Волгу;
Да грех велик. Уж я у вас останусь
Рабой твоей до гробовой доски.
Да буду ждать, чем нас Господь рассудит
С тобой.

(Уходит.)

Не у строй ко
Нет зверя злой жены лютее.
Боярин, Мизгиря пригнали.

Воевода

Кликни.

Не у строй ко

(в двери)

Ведите!

Стража вводит Мизгиря.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Воевода, Мизгирь, Неустройко и стража.

Воевода
Расковать!

Расковывают.

За дверью станьте!

Стража и Неустройко уходят.

Поди сюда.

Мизгирь

Что хочешь, господине?

Почто извлёк из смрадных темницы?

Почто труждаешь?

Воевода

Адово исчадьё!

Слуга ты дьявольский! Не в труд, а в милость

Себе поставь боярскую послугу:

Потоль ты жив, пока в тебе нужда есть.

Мигну — и духу твоего не будет

Поганого, и вороны не сыщут

Костей. Пошлю к Москве, там суд короток —

Не волоча, сожгут тебя живого

За волховство.

Мизгирь

Несть власти надо мною

В твоих руках. Написана мне в книгах

Другая смерть. Суда не испугаюсь!

На гадине я еду, погоняю

Ужом, сам дюж, судей своих объеду.

Суд по суду, век по веку ведётся.

Посею мак, разыдутся все судьи.

Лишь те сидят, что на меня глядят,

Меня едят, да не съедят — не смогут;

Медвежий рот имею, волчьи губы,

Свиные зубы.

Молчание.

От меня не скроешь

Своей души. Зачем позвал, я знаю,

Не сказывай. Бес падок на седины,

А старый глаз завистлив. Что увидел,

То и подай. Ох, трудно дело, трудно!

Ты к ней лицом, она к тебе затылком!

Ха-ха-ха-ха! Не знаю, как осилю,

Попробую. Вели вина и мёду

Подать сюда!

Воевода свистит. Входит Неустройко.

Воевода
Подай вина и мёду!

Мизгирь
(развёртывает книгу)

В отъезд тебе из городу, дня на два,
А не уедешь, ничего не будет.
Вся сила в том. Пускай она тоскует
И сохнет по тебе. Как мёду выпьет,
Сейчас тоска её обмыет, станет
Всех спрашивать: да скоро ль он приедет,
Мой мил-сердечный друг?

Воевода
Куда ж бы ехать?

Мизгирь
Сходи пешком в Лесную пустынь, на бор.

Воевода
Ин ладно. Там и зверя погоняем
Денёк-другой.

Неустройко вносит вино и мёд.

Мизгирь
Давай вино, я выпью.
(Пьёт.)

А мёд поставь на стол.

Воевода
А сам ступай
За двери.

Неустройко уходит.

Мизгирь
(приговаривает над мёдом)

На море, на океяне,
На каменном на острове Буяне
Лежит доска, на той доске тоска
И корчится, и ёжится, и бьётся,
С доски да в воду, из воды в огонь,
А из огня выходит чёрт и вопит:
Беги скорей, пава Романя,
Ты дуй тоску рабе Марии в кости,

И в тело белое, и в чёрну печень,
И в сердце ретивое! Шалда, калда!

Воевода

Ступай и жди награды по заслуге.
Не жаль мне денег, только бы сбылось!
(Свищет.)

Входят Неустройко и стража.

Сковать и свесть в тюрьму!

Мизгиря уводят.

Неустройко

К тебе, боярин,

По твоему посылу и приказу,
Вдова Ульяница.

Воевода

Зови скорее!

Неустройко

Поди, не бойся.

Входит Ульяна.

Стань вот так!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Воевода, Ульяна и Неустройко.

Воевода

Ульяна!

Ты слушай в оба! Не по чести место
Тебе даю. Боярские хоромы
Велика честь для вас, людишек малых, —
Ты это чувствуй. Ты сиротским делом
День за день бьёшься. У меня в почёте
И в холе будешь. Вся твоя забота —
Беречь боярышню, от ней ни шагу
Не отходить. Какие будут речи
Меж вами, рассказывай! А баб и девок
Не допускай к боярышне с речами,
Блюди за ними крепко. Всё, что нужно,
Через тебя чтоб шло, никак не мимо.
Послужишь честно, честно и отпустим

С большим наделом деньгами и платьем,
И замуж выдам.

У л ь я н а

Не трудна работа
И много милости. Продли Бог веку
Тебе на белом свете. Сиротинку
Не забываешь.

В о е в о д а

Дело-то, я знаю,
Тебе по сердцу. Нравом ты свирепа,
Глядишь медведем, ни грозой, ни лаской —
Ничем не взять. Пили тебя на части —
Ты всё своё. Ежовою щетиной
Ты обросла кругом. Не надо беса,
Когда ты здесь. Мне того и нужно.
Ступай!

(Неустройке.)

Отдай ей мёд.

Неустройко подаёт.

Когда попросит
Испить боярышня, ты дай ей мёду,
Что в этой чарке, да проси о всей.
Ульяна и Неустройко уходят. Входит Жилка.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Воевода и Жилка.

В о е в о д а

Откуда ты?

Ж и л к а

Из погреба.

В о е в о д а

Треклятый,
Как чёрт занёс на погреб?

Ж и л к а

Посадили.
В гостях гостил у Бастрюковых.

Воевода

То-то

И не видать тебя.

Жилка

Голодной смертью

Околевал-сидел, и кнутом били,

А на тебя, боярин, челобитье

Написано и услао к Москве.

Воевода

А кто писал?

Жилка

Дая.

Воевода

С ума ты спятил!

Или об двух ты головах?

Жилка

Напишешь

И на себя, как по бокам с плетями

С ордынскими стоят.

Воевода

А кто поехал?

Жилка

По выбору послали. С Бастрюковым

Поехали. И он в Москву.

Воевода

Ну с Богом!

Широкий путь.

Жилка

Роман Дубровин близко.

Воевода

И знаешь где?

Жилка

У Бастрюковых.

Воевода

Точно?

Жилка

Хоть умереть, на месте провалиться!

Воевода
А вот, дай срок, схожу на богомолье,
Нагрянем к ним.

Жилка
Про Худояра вести.

Воевода
Хорошие?

Жилка
Остановился станом
За пустыню. Осиновик-починок
Слышал когда?

Воевода
Ну вот и кстати будет,
А я иду туда на богомолье.
Беги скорей, вели собрать Баиму
Стрельцов своих и всех служилых. Мигом
Лети к нему: чтоб нынче и в поход.

Жилка кланяется в ноги и уходит. Входит Неустройко.

Неустройко
Боярин, гости к нам.

Воевода
Беги навстречу!
Чего ж стоишь как пень!

Неустройко
(у двери)
Прощенья просим,
Что у ворот не встрел, позагляделся.
(Кланяется.)

Входят Настасья, Марья Власьевна, Неустройко, потом шут, Ульяна и женщины.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Воевода, Настасья, Марья Власьевна, Неустройко, потом шут, Ульяна и женщины.

Воевода
Про ласковую тещу только вспомни,
Она и здесь. Как спали-ночевали?

Целуются.

Н а с т а с ь я

Зятёк поклонистый, живём, покуда
Господь хранит.

В о е в о д а

Садись в передний угол!

Хозяйкой будь.

Н а с т а с ь я

Хозяйка не садится,

Садись ты, гость.

В о е в о д а

Не гость и не хозяин.

Хозяйка вот. Весь дом со всем запасом

Её теперь, а я сюда до свадьбы

Не загляну. Живите как хотите.

Для береженья, для услуги много

Дворовых баб и девок. Был женатый,

Входит Ульяна и несколько женщин.

Так нужны были, а вдовцом остался —

Куда их деть? Хотел уж по осинам

Развешать их, ан вот и пригодились.

Вот и Ульяна, ей наместо мамки.

Н а с т а с ь я

На всём спасибо! Только ты послушай,

Какое дело! Словно кто испортил

Её у нас. Бывало, день настанет —

Одну её и слышишь: без умолку

Трещит, болтает, прыгает да скачет;

Теперь ни слова, точно как немая,

И уст не открывает, и ни шагу

Не сделает сама, толкнёшь — идёт.

Аль сглазил кто?

В о е в о д а

От глаза и от порчи

Мы слово знаем. Молодо — стыдливо.

Глазам-то стыдно, а душой-то рада.

Девичий стыд до мужнина порога,

Лиха беда порог переступить.

Н а с т а с ь я
Не то что стыд, а норовом такая:
Упрямится.

У л ь я н а
Устанет — перестанет.

Н а с т а с ь я
Тоскует, что ли? Спрашивать пытали,
Не молвит ничего.

В о е в о д а
Тоску прогоним
Шут входит.

Забавами, да играми, да пляской,
Да песнями. Бессудного покличем.

Ш у т
Здесь, дяденька.

В о е в о д а
Тебя-то нам и надо.
Шути, хвостом верти, хоть бесом корчись,
Да только тешь! А я домой поеду.
Хочу пешком сходить на богомолье,
Благословиться. Крепче дело будет.
Да говорят, круг города удалых
Поразвелось, так надо попугать их.
Дня два проходим да честным пирком
За свадебку. Прощай, моя зазноба!
Не надолго прощаемся с тобой,
Немного дней пройдёт до нашей свадьбы,
Но каждый день протянется мне годом:
Я ночью буду утра дожидаться,
Я утром буду вечер торопить.

Н а с т а с ь я
Убить бы день, а ночи не увидишь.

В о е в о д а
Не крой лица, не прячь своих очей
И ненаглядной красоты девичьей,
Дай наглядеться, дай на расставанье
Налюбоваться вдоволь про запас.
(Открывает покрывало и смотрит на неё; она закрывается.)
Прощай-ко, тещенька.

Н а с т а с ь я

Прощай, зятёк.

Все кланяются.

Ж е н щ и н ы

В святой бы час, в архангельской.

В о е в о д а

Спасибо!

Уходит с Неустройкой.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Настасья, Марья Власьевна, Ульяна, шут и женщины.

Ш у т

(прыгает)

Ишь скачет как! Пыль-курево стоит.

Прощай, боярин! С Богом, по морозцу!

Уехал дядя! Запили лохмотья,

И загуляли лоскутки. Не страшно!

Хоть пой, хоть плачь! Никто не сымет воли.

(Поёт.)

Ах ты, бедный ёж,

Горемычный ёж,

Ты куда ползёшь,

Куда ёжишься?

Я ползу, ползу

Ко боярскому двору,

Ко высокому терему,

К Марье Власьевне.

(Ёжится и жмётся к Марье Власьевне, она его толкает ногой.)

Спесива ты, дерёшься! А не знаешь,

Как бедного ежа встречают? Слушай:

Как взяли ежа

Во высокий терем,

Как стали ежа

Целовать, миловать,

Оглаживать,

Охорашивать.

У л ь я н а

Пойдём-ка в терем, погляди подарки

Боярские.

Н а с т а с ь я
Пойти. Чай, то-то диво!

Уходят все, кроме шута и Марьи Власьевны.

М а р ь я В л а с ь е в н а
(открывает покрывало и сердито смотрит на шута)

Кабы не ты, гуляла б я на воле.
Постылый пёс, тебе бы беса тешить!
Ножа-то нет, зарезала б тебя.

Входит Ульяна; она опять закрывается, её уведят.

Ш у т
Гляди-кось. Вот так пыль! Чуть жив со страху!
С ковшом на брагу налетели, дядя!
Убил бобра! Нашла коса на камень!

Уходит.

СЦЕНА II

ЛИЦА

ДУБРОВИН.
БАСТРЮКОВ СТЕПАН.
РЕЗВЫЙ.
ПУСТЫННИК.
ЩЕРБАК, есаул.
КАУРЫЙ, ЗАЯЦ, ВОТРЯ, КАЛГА, ЕРГОЛЬ, разбойники.
ВОЕВОДА.
НЕУСТРОЙКО.
СВИТА ВОЕВОДЫ.
ПРОХОЖИЕ. НИЩИЕ И УБОГИЕ. КРЕСТЬЯНИН.

Лесистое ущелье; налево гора, в ней пещера; за горой овраг и речка, которая поворачивает в глубину сцены; за речкой гора, на ней сквозь лес видны стены монастыря; через реку мост; с правой стороны лесистая гора, по ней идёт дорога к мосту и потом подымается к монастырю; под горой кусты и шалаши.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Нищие на мосту. Пустынный идёт с ведром с речки. Прохожие богомольцы идут по мосту к монастырю.

Н и щ и е
(поют на мосту)
Отчего начался у нас белый свет?
Отчего началось солнце красное?

Отчего начался млад-светел месяц?
Отчего начались звёзды частые?
Отчего начались зори светлые,
Зори утренние и вечерние?

Пустынник

(ставит ведро подле пещеры)

Года бегут; что день, слабеют силы;
А немочи час от часу сильней.
Настанет день, зайдёт к моей пещере
Убогий брат, — на оклик нет ответа.
Отворит дверь, и тлеющие кости
Отшельника увидит пред собой.
Сойдут с горы, потупившись смиренно,
В немом молчанье, брат за братом, старцы
И с пенем понесут меня в обитель,
И честно похоронят, и напишут
В синодик имя Божьего раба
На память вечную. И у престола,
Что день, помин по мне твориться будет;
Но всё, что видел я, что сам содеял,
Что я любил, что я покинул в мире, —
Со мной в могиле быльем порастёт.

(Молчание. Уходит в пещеру.)

*Дубровин, Бастрюков и Резвый подъезжают на лодке под мост
и пристают к берегу.*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дубровин, Бастрюков, Резвый и Пустынник.

Дубровин

Тавань! Я вылезу, а вы плывите,
Да в тальнике и схоронитесь с лодкой.
На клик иди.

Бастрюков

Ну, ладно. Поплывём.

Уплывают. Дубровин идёт. Пустынник выходит.

Пустынник

Ты здесь опять? Гуляешь на свободе?
И не страшит тебя святое место,

И не уймут тебя земные власти?
Не закуют и на цепь не посадят?

Д у б р о в и н

Не столько ловят, сколько нас гуляет.

П у с т ы н н и к

Ты жив ещё? Земля сырая терпит
Твои грехи?

Д у б р о в и н

Ты видишь, жив покуда.

Приветь меня, отец, хорошим словом,
Благослови, а не кляни! Не сделал
Тебе дурного я.

П у с т ы н н и к

Не мной ты создан,

Не мной и суд свершится над тобой.

Я не клян, а лишь молюсь и плачу

Да Божьему дивлюсь долготерпенью.

Мне жаль тебя! Мы оба беглецы.

Ты злом за зло, обидой за обиду

Греховному и суетному миру

Воздать желасшь; я молюсь о нём.

Не обнажай меча! Мечом погибнет

Извлекавший меч. Живи со мной в пещере;

Ко мне и зверь бестрепетно приходит,

А от тебя и человек со страхом

Отходит прочь.

Д у б р о в и н

Отец, ты в мире не жил,

Мирской заботы-тяготы не знаешь.

Я Богу грешен, виноват царю,

Велик мой грех, велико окаянство,

И рад бы каяться, да не готова

Душа: в миру есть счёты да приманки,

Да зло на человека мыслю, душит

Меня вражда, клещами горло давит.

У сердца моего кусок оторван.

Ты дай мне срок, возьму моё родное,

Не погонюсь и за обидой, брошу,

Отдам ему обиду. Пусть, собака,

Живёт да беды на голову копит
До Божьего и царского суда.
Тогда покину вольную потеху
И самохотную расправу. Слушай!
Вот видит Бог, тебе обет кладу:
Построю монастырь; в своём приходе,
Коль приведёт Господь свой дом увидеть
И сызнава по-старому зажить,
Украшу храм стенным писаньем новым.
Ни денежкой, неправо нажитою,
Не покорыствуюсь. Пришло неправдой —
Пойдёт на дело.

Пустынник

Смерть не за горами,
А за плечами. Легче не родиться,
Чем умереть, не помирившись с Богом.
А вдруг помрёшь?

Дубровин

Туда мне и дорога!
Своя вина, так поделом и мука.
В чём Бог застанет, в том меня и судит.
Не всё же зло, и доброго немало
Случалось делать; сколько ни потянет,
Во что ни постановят, всё же легче.
Уж мне давно шатанье надоело,
Давно хочу покинуть нож булатный;
И грех большой, и впереди-то пытка
Да кнут, что по заказу гнут. Не сладко.
Душа просила, и в уме бродило
Не смертное убийство, не разбой;
Мой норов крут, душа моя не терпит,
Когда большой молодшего обидит,
Подвластного гнетёт да давит властный.

Пустынник

У властных власть идёт от Бога. Кто же
Тебе дозволил стать над властью?

Дубровин

Сердце

Ретивое, что бьётся — не уймётся.

Неправый суд царит на белом свете,
В овечьем стаде волки пастухами;
Кто ж застоит за бедных, беззащитных?
Не мы, так кто ж? Нет власти — есть охота.
Затем-то я тюремное сиденье
Сменял на бор сырой. Про это горе
Я в тёмну ночь над Волгой думу думал
И с соловьями речи говорил.
Да не нашёл я по сердцу удалых,
Всё голь кабацкая, убойцы, воры,
Вином и кровью пьяные. По локоть
В крови их руки, головы похмельны,
Я им неровня; я затем и с низу
Привольного поближе к дому приплыл,
Чтоб бросить их и сесть опять в посаде,
Лишь, дал бы Бог, сменился воевода.
Ты не дивись, на белом свете много
К своим дворам, на царское тягло,
Приходит нашей братьи. Поживают
И в ус себе не дуют: кто торгует
На воровские деньги, кто припрятал.
Другой, гляди, не два, не три убойства
На плечах носит, да живут покойно,
Никто не трогает. Меня подавно
Посадские не выдадут, подъячих
Купить не дорого. А там годочек,
Другой пройдёт, доводчиков не бойся.
Живёшь потиху, так в разбое старом
Судить заказано, опричь убойства.
А я не лгу: я рук не кровянил.

Пустынник

Ну, Бог тебя благослови! Смотри же.
Я буду ждать!

Дубровин

Приду, отец, и скоро.

Пустынник уходит. Дубровин подходит к шалашу. Выходит Щербак.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дубровин и Щербак.

Дубровин

Где наши?

Щербак

Все в лесу разбродом бродят.

Велишь скричать?

Дубровин

Не надо.

Щербак

Бережёмся.

Поразошлись: кто с кузовом на плечах
Грибов да ягод ищет по опушке,
Другой к слепым уселся на мост с чашкой,
Кто в чаще, кто на острове на Волге
При лодках, при запасе. Воевода
Идёт большой дорогой, целой ратью,
Близ ста голов, со всяким ратным боем;
Как на войну собрался, сбил народу,
Затинщиков, стрельцов и пушкарей;
Пищали, бердыши несут, ослопы,
Рогатины, луки и самопалы
Звериные и весь запас воинской.
Уж не за нами ли?

Дубровин

Похоже дело.

Щербак

Отвесь бы в сторону. Мы мужичонка
Заворотили в лес с дрянным возишком,
С мешком муки; так наказал я на мост
Идти ему да плакать, воеводе
Челом ударить: вот, мол, животишки
Пограбили сегодня утром воры
И поскакали дальше по дороге.
Коль скажешь так, и воз назад воротим,
А нет, — и самому не быть живому.
Да я вперёд по деревням вёрст на семь
Послал молву пустить, что утром были,

А спросят, мол: куда ушли? Кажите,
От города всё дальше.

Дубровин

Ты с опаской

Живёшь, Щербак. Да тут не то что с сотней —
В таком лесу хоть тысячу народу
Сгони — и то не сыщут.

Щербак

С береженьем

Здоровее. Теперь в версте, не дальше,
Идёт походом воевода, смотрят
С деревьев наши; чуть вдали завидят,
Придут сказать. Да что ж ты нас покинул?
Работы нет, давно без дела бродим,
Тоска взяла. Тебя не видим.

Дубровин

Вовсе

Бежал бы я от вас.

Щербак

Да ты что больно

Спесивишься?

Дубровин

Мне в городе есть дело

Дня на два, на три. Если я не буду
К вам на четвёртый, и не ждите больше —
Считайте так, что нет меня на свете.
И жив я, нет ли, — будь ты атаманом.
Казну дувань; бери мой лук бухарской,
Камки и бархаты, цветное платье;
Сбирай людей, плывите без оглядки
На низ.

Щербак

К казакам, там целее будем;
Туда и след, там что-то заварилось.
Да и тебе бы с нами.

Дубровин

Не узнаешь

Своей судьбы. Вернусь ни с чем, так с вами ж,

Ни с кем другим, опять за ту ж работу.
Некраденый кусок приестся скоро;
Не стать к другой работе привыкать.

Щ е р б а к

А где казна твоя?

Д у б р о в и н

В яру зарыта.

Примета есть: иди ручьём с дороги
Всё на полдень, увидишь две берёзы,
Сверни направо, на пенёк сосновый,
Да тут и рой.

Щ е р б а к

А на свою-то долю

Ты взял ли что? Бывает, откупиться
Нужда придёт, так было б чем.

Д у б р о в и н

Припрятал

По малости. А там себе иль людям
Достанется — вперёд не угадать.
Была бы голова, а деньги будут.

Щ е р б а к

Да что за дело у тебя? Не баба ль?
Так лучше брось. Кто с ними поведётся,
Сам бабой будет. Бабий волос долог,
Язык длинней.

Д у б р о в и н

Зачем иду, я знаю,

А будет то, что будет. Кто поближе
Из наших тут?

Щ е р б а к

Каурой, Заяц, Вотря,

Калга, Ерголь.

Д у б р о в и н

Сбери их поскорее,

Приказ отдать. Как кликать будешь?

И отклик тоже, лихо наловчились.

(Кличет.)

*Выходят Кауры й, Заяц, Вотря, Калга, Ерголь,
с другой стороны — Бастрюков.*

(Хватается за нож.)

Чужой!

Дубровин

Не тронь. Я прибрал из посадских,

Пригоден будет на мою работу.

(Бастрюкову.)

Вот Худояр перед тобою — весь тут!

Гляди глазами и ушами слушай,

Язык держи на привязи.

(Разбойникам.)

Ну, братцы,

Товарищи, не первый год гуляем

По Волге-матушке. Добра чужого

Награблено, накрадено довольно.

Погуляно, поедено, попито

По горлышко. И век гулял бы с вами —

Не расставался, да такое дело,

Что не ордой, а надоть одному

Пролезть и вылезть, где ползком, где боком,

Кругом болотца, в задние воротца.

Уж рад не рад, а вас покинуть надо

Ненáдолго. Щербак за атамана

Послужит вам, тák и другим скажите.

Вернусь — так ваш уж вплоть до самой петли,

А не вернусь — не поминайте лихом.

Кауры й

Ты не бросай совсем-то!

Заяц

Что ж такое

Ты затеваешь? Это не порядок.

Вотря

Так нешто водится?

К а л г а

Да он виниться

Не хочет ли, дьякам в ногах валяться?

Так не помилуют.

Е р г о л ь

Ты не в монахи ль?

Д у б р о в и н

Галдеть! Душа не терпит! Рассердиться

Недолго мне, да как-то вы уймёте!

Со мной не спорь. Что сказано, то свято:

Тому и быть.

К а у р ы й

Да без тебя-то горе:

Ты голова, мы руки.

З а я ц

Ну, как часом

Попутает нелёгкая, случится,

В тюрьму влетишь?

Д у б р о в и н

Доводу, что ль, боитесь?

На вора вор доказчиком не будет.

Пытай, хоть жги, хоть режь, а вас не выдам.

Прибегают разбойники.

Р а з б о й н и к и

Идут близёхонько!

Д у б р о в и н

По норам, живо!

Все прячутся в чащу; Дубровин и Бастрюков за дерево. Щербак достаёт из-за пазухи лапоть, садится на пенё и начинает ковырять.

Щ е р б а к

(поёт)

Я на камушке сажу,

Я топор в руках держу.

Ай ли, ай люли,

Огород горожу!

Огород горожу,

Всё капустку сажу.

Ай ли, ай люли,
Всё кочаненькую!
У кого нету капусты,
Просим к нам в огород.
Ай ли, ай люли,
Во девичий хоровод!

Н и щ и е
(на мосту поют)

Сходилася правда со кривдою,
Кривда правду переспорила.
Пошла правда по поднебесью,
Пошла кривда по сырой земле,
По народу православному:
Оттого суды неправые.

*Всходят на мост воевода, за ним стрельцы; Неустройко, с мешком,
одевает нищих. Крестьянин кланяется воеводе.*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

*Воевода, Неустройко, стрельцы, крестьянин, Дубровин,
Бастрюков и Щербак.*

Крестьянин
Челом тебе, боярин, воевода!

Воевода
(поднимая его)
Не кланяйся! Земное поклоненье
Клади святым; мы грешные.

Крестьянин
Боярин,
Ограбили, убили, животишки
Все отняли, стрелами постреляли.

Воевода
Кто бил тебя?

Крестьянин
Неведомые люди.

Воевода
На конях или пеши?

Крестьянин
Все на конях.

Воевода
Куда поехали?
Крестьянин
Всё по дороге,
Всё на полдень.

Воевода
Теперь отыди с миром
В свой дом. А я иду молиться Богу
И не хочу смущать мирской заботой
Своей души. Дела мирские завтра.
Приди и жди конца церковной службы,
Свою беду скажи, а мы рассудим.
Я сам пойду в погоню за ворами.
А вот тебе на убылое место.
(Дает из мешка.)

Прими!

Крестьянин
Пошли тебе Господь здоровье
За наше умоление, осударь.

В монастыре звон. Все снимают шапки и переходят мост.

Дубровин
Теперь на лодку, в город и за дело!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.
ВДОВА УЛЬЯНА.
НЕДВИГА.
ОЛЁНА.
ДОМОВОЙ.
ДЕВУШКИ.

Терем в доме воеводы.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входят Недвига и девушки.

Недвиг а

Что за напасть! Не хочет слова молвить!
А вы-то дуры! Нет у вас умения
Повеселить.

Одна из девушек

Коль ты умна, попробуй!

А мы-то уж и пели, и плясали,
На головах вот разве не ходили —
Да не суметь, а то бы попытались.

Недвиг а

Толкуй с тобой! Тебе чужая, видно,
А мне своя. Ну как не распотешить!
Охоты нет! Была царёва дочка
На выданье, царевна Несмеяна;
Сидит — не улыбнётся, говорит ли —
Не усмехнётся. Не-в-котором царстве
Нашёлся парень, рассмешил-таки.

Другая девушка

Так парень, а не мы! Чудная, право!

Первая девушка

И ваша бы, пожалуй, рассмеялась,
Как привести ей парня по душе.
Да где же взять?

Недвиг а

Ты по себе не меряй!

Что у самой глаза-то завидущи —
Так не у всех такие.

Первая девушка
Говорить-то
Не хочется. До брани недалёко,
Как свяжешься.

Недвиг а
Знать, нечего?

Первая девушка
Навряд ли!

Недвиг а
Ну, говори!

Первая девушка
С чего она тоскует?
Я слышала. Она сбежать собиралась,
Да не дали.

Недвиг а
Так что ж?

Первая девушка
Слюбилась с парнем.

Недвиг а
А вот и врешь. Когда ей с ним слюбиться?
Она его в глаза-то не видала.

Первая девушка
Ты говоришь, а кто тебе поверит?
Ну как сбежать, не зная с кем?

Недвиг а

Да так же:

Пришёл да взял, не станешь упираться,
А взял — повёл! У бабы волос долог,
А ум короток. Их куда ведут —
Они идут.

Первая девушка
А может, и взаправду.

Недвиг а
Вот то-то же! Ты не мели пустого!
Молоть пустое — жернова сотрёшь.

Входят Ульяна и Марья Власьева. Девушки уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Недвига, Ульяна и Марья Власьева.

Недвига

Ждала ль меня? А я шугай надела
Да в гости к вам. Ну, всё ли поздорову?
Господь с тобой! С чего ты загрустила,
Красавица, забавница моя?

Ульяна

И сладу нет. Совсем от рук отбилась;
Хоть молода, а норов стар.

Недвига

Да ты бы
Не всё грозой, а иногда и лаской,
И дути гнут не вдруг, а прежде парят.

Ульяна

Да парь не парь, а надо будет гнуться,
Не гнуться — сломишься. Она упряма,
А я упрямее.

Недвига

Мне что за дело,
Какая ты! Твоё перед тобою.
Вот память-то! Совсем было забыла
(кланяется)
Поклон отдать родительской. Велели
Здоровой быть тебе, да заказали
Кручиниться, да вот меня, старуху,
Прислали. Пошто, и сама не знаю.
Куда гожусь, туда и деньте. Видишь,
Поваднее тебе со мной, старухой!
Люба — оставь, а нет — домой пусти.
Велишь остаться?

Марья Власьева кивает головой.

И на том спасибо!

Ульяна

Пойду-ко я да челядь попытаю
Проклятую, не спят ли, дармоеды,
Да заперты ль ворота. Ну, людишки!
Беда, и только! Хуже окаянных:

За ними глаз да глаз, да кнут ременный
В руках держи, а то не поворотишь!

(Уходит.)

Недвиг а

Ах, волк те съешь и с потрохом! Откуда
Такое зелье взяли? На лес взглянет —
Так лес завянет. Невеличка птичка,
А ноготок востёр. Пустили волка
Овец стеречь, небось не отказался,
А говорит: «Что делать! Так и быть,
Уж как не как, а надо послужить».

Олёна входит, робко оглядываясь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Марья Власьева, Олёна и Недвига.

Олёна

(падая к ногам Марьи Власьевны)

Государыня боярышня,
Есть за мной вина немалая:
На реке платно мыла,
Громко колотила...

(Оглядывается.)

Недвига уходит.

Боярышня, есть весточка.

Марья Власьева
Откуда?

Олёна

Степан Семёныч шлёт.

Марья Власьева
Не лжёшь, так правда.

Олёна

На что мне лгать! На Волге платье мыла
Я на плоту; неведомая жёнка
Рядком пристала, вглядываться стала,
Взглянула раз и два, заговорила:
«Лицо твоё мне, милая, знакомо,
А как назвать, не знаю». Так и так, мол.
«Ну, говорит, тебя-то мы и ищем.

Придѣшь домой, боярышне тихонько
Шепни, когда улучишь час...»

Марья Власьева

Скорее!

Ну говори ж! Придут да помешают.

Олёна

Чтоб завтра в сад, как только солнце сядет,
Ты выходила. Сторожей не бойся!
Всех напоят. На даровое падки,
Весь дом напьётся к ночи. Я нарочно
Фату твою из рук пустила в воду,
Чтоб допустили: будто повиниться
Пришла к тебе.

Марья Власьева

(целует её)

Спасибо!

Олёна

Ты Ульяну

Уговори, чтоб погулять пустила.
Пусть и сама идёт; из рук не вырвет,
Как молодцы подхватят.

Марья Власьева

Да не пустит

Из терема.

Олёна

Ты подари, попробуй.

Чай, есть что!

Марья Власьева

Мало ль дряни. Тише! Идут!

Входят Ульяна и Недвига; останавливаются и смотрят.

Олёна

(на коленях)

Государыня боярышня,
Есть за мной вина немалая:
На реке платно мыла,
Громко колотила,
Фату твою белую
В воду уронила.

(Кланяется в ноги.)

Марья Власьева

(с сердцем)

Ну нет! Простить нельзя беду такую.
Какая ты работница! Работать,
Так не зевать по сторонам! Не надо
Твоей работы! Не нуждаюсь. Много
И без тебя народу. За провинность
Не заставляй её работать. В терем
К себе беру. Пусть на меня и служит,
Чтоб от меня не отходила шагу.

О л ё н а

Во белых руках было,
Да ушло, уплыло.
Хоть казнишь, хоть милуешь —
Я не утаила.

Марья Власьева

И вместе спать со мной! Да накормите
С боярского стола её. Ступай!

Не д в и г а

Вот поглядишь, господское-то дело —
Не разберёшь у них, что гнев, что милость.

Недвиг а и О л ё н а уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Ульяна и Марья Власьева.

У л ь я н а

Заговорила? Аль опять надулась?
Житьё моё! Уж нечего сказать!
Вот дитятко на шею навязалось!
Ходи за ней! И не было печали,
Да черти накачали. Ты хоть лопни,
Она молчит и знать тебя не хочет,
Стоит как пень, ничем не поворишь.

Марья Власьева уходит.

Сама пошла. Диковина! Посмотрим,
Что будет от неё.

Марья Власьева входит и подаёт с поклоном тафтяную рубашку.

Ну вот спасибо!

Как поглядеть, так ты из умных, девка.
Не вдруг тебя и распознаешь! Право!
Не осердись, что я тебя бранила.
По глупости. Словечка не услышишь
Противного. Ни в чём не поперечу:
Ты добрая. А чай, грешки ведутся
И за тобой. Ох, девки молодые,
Проказницы! Вы при людях тихони:
По лавочкам, как соловьи по гнёздам,
Смирнёхонько сидите, глазки в землю
Опущены. А дай-ко вам потачку,
Недогляди, — откуда прыть возьмётся —
Бойчее баб. Погудки, смех да грохот,
А разговор послушать, уши вянут,
Стыдом сгоришь. Да что кому за дело,
Чем тешатся, не плакали бы только.
Не то беда, что игры да потехи
На разуме у девок! Ну пускай бы
Промеж себя и тешились, так мало —
Утехи нет одним, без парней скучно.
Неправда, что ль? Ну и отыщут парня,
А тот и рад. Глядишь, и свёл украдкой
Из-под носу. Не скажет и спасибо,
Что берегли. Ну оттого и веры
Вам нет нигде. Сама чудила в девках,
Так знаю вас, меня не проведёте.
И ты, как все, не лучше и не хуже,
Да хитрости в тебе уж больно много.

Марья Власьева уходит.

Опять ушла. Ещё не принесёт ли?
А ладно бы! У ней добра-то много,
А мне-то где взять?

Входит Марья Власьева с летником и подаёт с поклоном.

Что ты! Бог с тобою!
Не надо, нет! Куда мне! Совесть зазрит.

Марья Власьева кланяется.

Уж разве взять? Подарок-то хорош.

Непрошенный подарок-то дороже.
И то, возьму. Благодарю покорно!
Да вот беда! Отдаривать придётся.
Я брать беру, а отдарить-то нечем.
Поноровлю за это; что захочешь,
Отказу нет, oprичь того, что в терем
Чужих водить — и затевать не думай!
Да не пушу и самоё из дому.
А в терему что хочешь, то и делай,
Ты госпожа, мы слуги, что прикажешь —
Тому и быть. Чем хочешь, забавляйся.

Марья Власьева уходит.

Куда ты? Стой! Довольно! Эй, довольно!
Послушай-ко! Не надо, не возьму я!
Ахти, грехи! Кто падок на подарки,
Добра не быть. Кому придёт охота
Бросать добро на ветер? Видно, хочет
Купить меня. Не след бы мне и брать-то,
Да как не взять, когда в глаза мне тычет.
Ох, смерть моя! Такой уж скверный нор —
И соблазнюсь, как соблазнюсь! Подарком
Меня и взять, глаза-то завидуши.
Продам тебя, боярин, сердце чует.
Не утерплю, продам. Глядеть не стану,
Зажмурюсь, чтобы не было соблазну.

(Зажмуривается.)

Входят Марья Власьева с телогреей в руках и Олёна.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Марья Власьева, Олёна и Ульяна.

О лёна

Гляди-ко ты, какая телогрея,
И с выпушкой!

У льяна

(открыв глаза)

Вот чудо так уж чудо!

Неужто мне?

Марья Власьева кланяется.

О л ё н а
Кому же?
У л ь я н а
Дорогая!

Не нам носить.

О л ё н а
Наденешь, так износишь.

У л ь я н а
Ох, каравай-то не по рылу. Где нам!
Уж как тебя благодарить, не знаю
И не умею. Вся твоя. Хоть воду
Вози на мне. Сулил мне воевода,
Да жди-пожди, а он, гляди, обманет,
А ты добрей, ты прежде догадалась.

О л ё н а
Да у тебя и летник — вошвы бархат
На золоте. Тафтяная рубашка
С запястьями.

У л ь я н а
Уж разве нарядиться?

О л ё н а
Ты нарядись, а мы посмотрим.

У л ь я н а

Что ты!

И впрямь пойти.

О л ё н а
Чай, то-то загляденье!

У л ь я н а
Пойдём со мной, ты мне пособишь.

О л ё н а

Можно.

Ульяна и Олёна уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Марья Власьевна
(одна)

Молчать-то я молчу, да больно скучно
Становится. Немного натолкуешь

Сама с собой. Сложу от скуки песню.
Сама спою, сама и слушать буду.
Тихонечко спою, чтоб не слышали.

(Поёт.)

Я по терему хожу,
Я по миленьком тужу,
Тужу, хожу
Да потуживаю.
Уж я сяду, посижу,
В окошечко погляжу,
В окошечко
Во косящатое.

Милый весточку даёт,
Молодого гонца шлёт,
Гонца, гонца
Да молоденького.

Что не быть, да не бывать,
С милым розно не живать,
Мне жить, не жить
Со милым со дружкой.

Поскачу да попляшу
Во высоком терему,
Вот так, вот так,
Вот и так, вот и так!

(Слышит шорох, садится и молчит.)

Входят Ульяна и Олёна.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Марья Власьева, Ульяна и Олёна.

О лёна

Куда красно! И посмотреть, так любо.
Красавица, как есть.

У льяна

Чему дивишься!

И пень хорош в уборе!

О лёна

Не похаять

Тебя и без убора. Всем пригожа,
Собой статна, лицом бела, румяна,
Глаза как вишни, брови колесом.

По красоте твоей за дворянина
Тебе идти. Ты баба молодая,
Чего ж сидеть!

У л ь я н а

Дворяне по дворянам,
А не по нас. А наши-то дворяне
Не родились.

О л ё н а

Как знать, чего не знаешь.

У л ь я н а

Да нечего и знать-то! По одежке
Протягивай и ножки. А дворяне
Хороший кус, да не для наших уст.
Достатков нет, какая я невеста!
С голодным брюхом, да по добрым людям
Похаживай. Чужой-то хлеб не сладок,
Подавишься. Кормить не станут даром;
И угождай на всякого, как знаешь.
Хоть бы вот здесь, смотри за целым домом —
Беда бедой! Будь смирен — так проглотят,
Сердит — проклясть готовы. Вот и казись!
Уж только, девушка, у вас людишки!
Здесь не люди, а черти! Как шальные,
Проклятые! Кто спит, кто пьяный бродит,
Шатается. Сама за всем и смотришь,
За всякой малостью. А понадейся,
Так пропадёшь, не рада жизни будешь.
Дай только срок боярину приехать,
Всё выведу наружу, а куда
Помучиться. И ночь-то не придётся
Часок уснуть. Чужим глазам не верю,
Свой глаз милее, а чужой обманет.
Сама запру все выходы, все двери,
Да поперёк порога здесь и лягу.
Один глазок усни, другой пусть смотрит.

Марья Власьевна даёт ей перстень.

Раздобрилась, и не уймёшь. А правду
Сказать тебе, так мне тебя и жалко.

О л ё н а

(вздохнув)

А у нас в саду
Соловей поёт,
Выговорочки
Выговаривает.

У л ь я н а

Послушаем; послушать, что ли, хочешь?

О л ё н а

Сходить бы завтра.

У л ь я н а

Что ж такое! Сходим

В сумеречки. Большой беды не вижу;
В своём саду, а не в чужом. Боярин
И не велел, да мало ль что! Наказы
Легко давать! Не всяко лыко в строку.
Наказ-то знай, а делай как придётся.

Марья Власьевна целует её.

Ну в сад так в сад! Давно бы ты сказала.
Гуляй себе, когда придёт охота;
Хоть днём гуляй, хоть ночьюю.

О л ё н а

Вот и ладно.

У л ь я н а

Гуляй, гуляй! Авось повеселеешь,
Хоть улыбнись на нас с Олёной!

Марья Власьевна улыбается.

Ишь ты!

Пошло на лад.

О л ё н а

Дай срок, не то увидишь.

Входит Недвига.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Недвига.

Н е д в и г а

Пора и спать. Чего сидеть в потёмках!
Поужинай, чем Бог послал, да на бок

И завались. Без ужина ложиться
Нехорошо бывает, плохо спится,
Да много грезится. А то как знаешь:
Сиди себе. А уж огня не стану
Вздувать теперь.

У л ь я н а

Кто летом зажигает!

Чай, дворня спит?

Н е д в и г а

И куры, и собаки —

Все спят.

О л ё н а

И я, боярышня, прилягу.

Уходит.

Н е д в и г а

Ну что ж нейдёшь? Аль спать-то неохота?
Не то что я. Все ноги отходила,
Все кости, все суставы заболели,
Измаялась. Не рассказать ли сказку
Да присказку? Авось тогда задремлешь.

(Садится на скамейку.)

Сумерничать давайте. Мы любили
В сумеречках сидеть с тобой тихонько
И побасёнки баять тихомолком,
А круг тебя как точно кто мурлычет...
Ах, батюшки! Вот так меня и клонит,
Так и валюсь, и тычусь носом. Часом
Совсем усну, так ты меня толкни.
Начинается сказка, начинается сказка.

За тридевять земель,
В тридесятом царстве,
(дремлет)

Жили два брата,
Да мать брюхата,
Да отец на днях...

Постой! Не так. Я что загородила!

Не сплю, а бредится. Начну сначала:

Жили да были два брата родные,
У одного брата всего богато,
А другой убогий, а детей у него много.

Говорит богатый бедному брату:
«Сам ты убогий, а детей у тебя много.
Дай ты мне сына, вот тебе жита осьмина,
Вот тебе осьмина, а жене твоей холстина,
А дочери коза, лубяные глаза...»
Да что я, что я вру-то! Сбилась! Тьфу ты!
Пропась тебе! Не то всё! Задремала.
Вот дальше-то забыла, что там было.
Не вспомню ли? Замстилось! Помню только,
Что попросил у брата лошадь бедный,
А волк и съел, оставил хвост да гриву.
И повели дружка к судье Шемяке.
Сидит судья Шемяка, судом судит,
Бороду закусит, да ус разлощит,
Ус разлощит, глаза вытаращит...
Тьфу! Пропась! Не налажу, да и только.
То про Фому начну, то про Ерёму.

Из двери выходит д о м о в о й с фонарём. Недвига в полусне машет руками.

Аминь, аминь, рассыпья! Чур меня!

(Засыпает.)

Д о м о в о й

Что вечерняя красная зорюшка
Догорает, чуть краешком теплится,
Загораются частые звёздочки,
Рассаждаются по небу чистому.
Докачались головки, домаялись
До пуховых цветных изголовьицев,
Ходит сон по сениям, по новым дрёма.
Ты поди, сон-дрёма, в головах постой.

По хоромам старым

Я давно брожу;

В тереме чужая,

Дай-ко погляжу.

(Смотрит.)

Новая новинка

К худу иль к добру?

Нет, такая гостья

Нам не ко двору.

Ты на счастье, на радость рожеюна,
Не про старого мужа рощёная,
Старику-то чернеть да горбы растить,

А тебе-то алеть спелой ягодкой.
Я поглажу тебя лапой бархатной
На богатство, на радость с милым дружком.
Тихой сон-угомон ясным глазынькам,
В изголовье тебе грёзы девичьи.

За сердечным другом
То ли не житьё,
А у нас по дому
Горе да вытьё.
Скрасишь скучный терем
На короткий час,
Да и пуст покинешь
И бежишь от нас.

Запустеет терем, принаклонится,
Заметёт по углам пылью-плесенью,
Понесёт по сениям бранью, руганью,
Сип да воп по клетям с перекорами.
Не слышать-то мне смеху весёлого,
Молодого, девичьего, звонкого.
Не слышать по ночам бреду жаркого,
(вздыхает)

Только старым старухам шлыки сшибать.
(Сшибает шлык с Недвиги и уходит.)

Недвиг а
(впросонках)

Аминь, аминь, рассыпся!

Марья Власьевна

Ах, как сладко

Уснула я!

Недвиг а

Аминь, аминь, рассыпся!
(Встаёт.)

Не разберу: во сне ли, наяву ли,
А сбили шлык. Не ты ли пошутила?
Пойдём-ка ужинать да спать ложиться.
Вот день прошёл, до нас дошёл.
(Зевает.)

Ахти мне! Грехи мои!
(Зевает.)

И-ах... великие!

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

ЛИЦА

ВОЕВОДА.

НЕУСТРОЙКО.

СТАРУХА, крестьянка, хозяйка постоялого двора.

ИВАН, её сын.

ГАВРИЛО И КЛИМ, бортники из Нижнего.

СИДОР, лесной промышленник из Унжи.

КУРЧАЙ И КУЛИК, целовальники с казённой рыбой и солью.

СЛУГИ ВОЕВОДЫ.

СОН ВОЕВОДЫ

ЛИЦА

БОЛЬШОЙ БОЯРИН, старик.

СЕМЁН БАСТРЮКОВ.

ДУМНЫЙ ДВОРЯНИН И ДЬЯК, из приказа Костромской четверти.

НЕСЫТОВ И ПОДЖАРЫЙ, дворяне.

ДВОРЯНЕ И РАЗНЫЕ ДВОРЦОВЫЕ ЧИНЫ.

СТЕПАН БАСТРЮКОВ.

РОМАН ДУБРОВИН.

РЕЗВЫЙ И СЛУГИ.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Деревенская изба, направо печь, перед печью люлька с ребёнком, налево стол.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

*Старуха (за люлькой), Гаврило, Клим (за столом ужинают),
потом Иван, Курчай, Кулик и Сидор.*

Гаврило

Вы, тётка, чьи?

Старуха

Поместные крестьяне.

Гаврило

За кем живёте?

Старуха

За мурзой крещёным.

Клим

Хорош до вас?

Старуха
Татарин как татарин.
Где бабе знать! Толкуйте с мужиками.
Вот сын придёт.

Гаврило
Ты внучка, что ли, нянчишь?
А где ж сноха?

Старуха
С ребятами в чулане.
Там четверо у ней, вот пятый в люльке.

Входит Иван.

Иван
Струга пришли, к ночлегу подвалили.
Слышь, матушка? А с лесу воевода
Валит со всем народом; хочет станом
На берегу остановиться на ночь.

Старуха
Чай, лют?

Иван
Вестимо, лют: на то боярин.
Ты ждёшь купцов, а тут, гляди, нагрянут
Боярские голодные холопья.
Один разор! От них, что от пожару,
Что есть в земле зарыто, то и цело,
А под руку попало, то пропало.
Ахти, беда!

Старуха
Да что у нас и взять-то?

Иван
У нищего суму, и ту отнимут.
Входят Курчай, Кулик и Сидор.

С стругов?

Сидор
С стругов.

Иван
Отколь?

Сидор

Из Унжи будем.

Иван

С лубьём?

Сидор

Нештó!

Иван

А вы, робя?

Курчай

Мы с низу.

Мы в целовальниках идём в насадах,
С казной.

Иван

С какой?

Курчай

С оброчной рыбой.

Иван

В бочках?

Курчай

И с бочешной, и с солью.

Иван

А стерлядок?

Курчай

Не водим мы. А как по верхним плёсам,
Каков улов?

Иван

Нештó-таки.

Курчай

А мерны?

Иван

Да всякие — и в стрелу есть, и больше.

Кулик

Вы держите аль нет?

Иван

Чего?

Кулик

Вестимо...

Иван

Вина-то, что ль? Нет, парень, не бывало,
У нас корчмы никто не держит.

Кулик

Будто?

Иван

Да боязно, велик ответ.

Кулик

Не бойся,
Не выведем, не сыщики.

Иван

Ну, право.

Курчай

Поди пошарь. Авось найдёшь.

Иван

Пошарю.

Кажись, что есть; себе берёг на праздник.

(Уходит.)

Курчай

(Гавриле и Климу)

Хлеб-соль!

Гаврило

Спасибо.

Курчай

Здравствуйте. Откуда?

Гаврило

Из Нижнего гужом идём в обозе.

Курчай

Далёко ли?

Гаврило

До Ярославля, с мёдом,
Мы бортники.

Сидор

(подсаживаясь)

Плесни, хозяйка, щец-то!
Да не пустых.

Старуха
Варила со снетками.

Курчай
А снет какой — речной или озёрной?

Старуха
К нам галицкой идёт, не белозёрской.

Курчай
(садится к столу)
Ты на троих давай.

Старуха
Про всех достанет.
Гаврило и Клим встают.

Гаврило
(старухе)
Благодарствуйте. Мы лошадей посмотрим,
Да на печь к вам. Гляди, и полночь скоро.
Часок-другой соснём, да и в дорогу.

Уходят.

Старуха
Большая печь, просторно, полезайте.
Входит Иван с вином в кувшине.

Иван
Полкружки есть. По чарке будет. Пейте.

Кулик
Простое?

Иван
С махом. Люди пьют да хвалят.

Кулик
(пьёт)
Не похулим и мы. Нельзя не выпить,
Всё на воде.

Иван
На доброе здоровье!
Едят. Гаврило и Клим входят и лезут на печь.

Старуха
Прибрал в клетки?

И в а н
В подполицу припрятал.
Стук.

Ст а р у х а
Поди, стучат.

И в а н
Пушай идут к соседям,
Кого несёт!..

Ст а р у х а
Не вдруг пускай. Окликни.

И в а н уходит.

К у р ч а й
Ишь, крик какой! Не лучше ль убираться
С добра ума. Сбирай-ко щи, хозяйка;
А кашу даром. Завтра разочтёмся.

Встают. Старуха собирает со стола.

Подальше от греха, здоровей будешь.
Пойдёмте спать в струги. За угощенье!

Уходят Курчай, Кулик и Сидор. Иван входит.

И в а н
Хоть в гроб ложись! Боярин к нам постоем,
Опричь хором, со всем двором валится.
Ишь, холодно в палатке, так холопы
По избам рыщут, где теплей да чище.
Уж я молил немало.

Ст а р у х а
Воля Божья!
Придёт беда, так отворяй ворота.

Входят Неустройко и слуги.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Иван, старуха, Неустройко и слуги.

Не у с т р о й к о
Давай огня!

Старуха подаёт лучину, зажигает восковую свечку.

Сдвигайте стол в тот угол!
Ковры, меха стелите, в изголовье
Седло клади!

И в а н
(кланяясь в ноги)

Яви такую милость,
Ослободи! Поди к соседям!

Не у с т р о й к о
Смерды,
Ступайте в хлев! Старуху вон, и с зыбкой.

Слуги подходят к люльке.

С т а р у х а
Разбойники! Младенца-то не троньте!
Кому помеха ангельская душка!

Входят воевода и слуги.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Воевода, Неустройко, Иван, старуха и слуги.

С т а р у х а
Уйми холопей, закажи им трогать
Младенца!

В о е в о д а
Вон ступайте! Ты, старуха,
Останься здесь с ребёнком. Ближе к детям,
И ангел ближе, место благодатней.
Он не блажит у вас?

Уходят Иван и слуги.

С т а р у х а
В кого родится
Благой у нас, давно мы присмирели,
С царя Бориса.

В о е в о д а
Вспомнила Егорья?

С т а р у х а
Ужли ж забыть! И правнуки, и внуки
Праправнуков Егорья помнить будут.

Воевода
Раздень меня!

Неустройко снимает с него дорожную сулейку; воевода пьёт чарку, потом снимает складень, целует и ставит в изголовье, потом снимает оружие.

Неустройко
Опочивай покойно!
Я в сени спать; понадобится, так близко.
(Уходит.)

Воевода ложится и скоро засыпает.

Старуха
(качает зыбку и поёт)
Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянской сын!
Допреж деда не видали беды,
Беда пришла да беду привела
С напастями да с пропастями,
С правежами беда, всё с побоями.
Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянской сын!
Нас Бог забыл, царь не милует,
Люди бросили, людям отдали,
Нам во людях жить, на людей служить,
На людей людям приноравливать.
Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянской сын!
Беду нажили, как изжить будет?
Изживём беду за работушкой,
За немиллой, чужой, непокладною,
Вековечною, злою-страдною.
Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянской сын!
Ты спи, поколь изживём беду,
Изживём беду, пронесёт грозу,
Пронесёт грозу, горе минется,
Поколь Бог простит, царь сжалится.
(Засыпает над люлькой.)

Воевода
(во сне)
Сдавил всю грудь, проклятый! Душит, душит,
Вздохнуть не даст ни разу, зачураться!

Ох, смерть моя приходит! Чур меня!
Полегчило немного. Ох, тоскует
Душа моя! Отстаньте, отступите,
Мучители! Закройте ваши лица,
Измученные пыткой, испытые,
Как саван белые. И слёзы, слёзы
Сиротские, напрасные, как реки
Бегут кругом, и стон стоит до неба.
Кровавые потоки, муки, пытки!
Довольно мук, и палачей гоните!
Вы видите, мы по колено бродим
В чужой крови! Мы вымучили много
Добра себе чужого. Посмотрите,
Ещё несут и сыплют: всё копейки
И денежки серебряные. Жгутся,
Проклятые; они не деньги, угли
Из кузницы, из горну. Вот с мехами
Подходят дьяволы и раздувают,
И пышет жаром, так и пышет жаром;
Вся кровь горит, огонь бежит по жилам
И сердце жжёт.

(Просыпается.)

О Господи, помилуй!

(Садится.)

И сон тяжёл, и сонный бред замучил.
С молитвой лёг. Не знаю, что за притча!
И рад не спать, да сон одолевает,
Сомкну глаза, так одолеют грёзы...

Старуха

(впросонках)

Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянской сын!
Белым тельцем лежишь в люлечке,
Твоя душенька в небесах летит,
Твой тихой сон сам Господь хранит,
По бокам стоят светлы ангелы.

Воевода

О Господи, и нас помилуй, грешных!

(Ложится.)

Старуха

Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянской сын!
С тобой сидит бабка старая,
До зари с зари прибаюкивает,
Тихой сон очам наговаривает
Да качку-качалку покачивает.

(Засыпает.)

Воевода

(во сне)

К суду зовут. От судьев откупиться
Я знаю как. Не первый раз. Не страшен
Боярский суд, московской. Где я?

*В углу открывается часть кремлёвского дворца, боярская площадка,
постельное крыльцо. На площадке думный дворянин, дьяк, Несытов,
Поджарый; разные дворцовые чины стоят на лестнице и на площадке.
Из дворца выходит большой боярин.*

Как я

Попал в Москву? Вот царские палаты,
Постельное крыльцо; дворяне ходят
По лестнице, бояре на площадке.
И я ходил проситься на кормление,
Поклонялся немало, с год толкался,
Ступени тёр, без шапки. Что за люди?
Всё новые. А вот и Бастрюкова
Я вижу там. Пойти и мне с поклоном.
Никак не встать, как скованный, и ноги
Как вкопаны. А вот большой боярин.

На крыльце.

Большой боярин

Несут молву, что якобы Шалыгин
Задуровал на воеводстве. Правда ль?
Аль, может, врут?

Думный дворянин

Посадским утеснение

Великое, убытки и налоги
Напрасные чинит.

Воевода

(на постели)

Не верь, боярин!

Думный дворянин
Продажей и убойством изобидел.

Большой боярин
А челобитья есть?

Дьяк
Без челобитья
На городах живут ли воеводы!
Другой путём усесться не успеет,
Глядишь — уж шлют. Давно сидит Шалыгин,
Так как не быть! Нельзя без челобитьев.
Святой и тот на всех не угодит.

Большой боярин
За воевод дьяки всегда заступа,
Горой стоят. Как надо, христиане:
Не платят злом за добрые поминки;
И правды не узнать от них. Собака
Собаку знает, не укусит.

Думный дворянин
Много
Обижено Шалыгиным напрасно.
На днях в приказ прислали челобитье,
Коль правда всё, не ждать ему пощады.

Большой боярин
А челобитчик кто?

Думный дворянин
Да всем посадом
От старосты, во всех посадских место.

Большой боярин
И старостам нельзя во всём поверить.
Поссорятся, сейчас и челобитье;
А помирятся, так его же просят
На воеводство. Их не разберёшь.
А недоборы?

Думный дворянин
Есть и недоборы.
Здесь Бастрюков Семён, в Москву приехал
Из города. Спроси его, он знает
Про все дела.

Большой боярин
Ну, кликни Бастрюкова.

Думный дворянин подводит Бастрюкова; тот кланяется.

Не скажешь ли чего про воеводу
Шалыгина?

Бастрюков
Да что сказать, боярин!

Коль правду говорить, житья не стало
Ни меньшим, ни большим. Посадских мучит,
А жён себе берёт.

Воевода
(на постели)

Не верь, боярин!
Поклёпом злым обносит, мстя, по злобе.
Он сам воров таит и укрывает.

Бастрюков
С подьячими стакнувшись, научает
Воров в тюрьме поклёпом и молвою
Язычною посадских обносить,
Своей корысти ради ненасытной.
В тюрьме блюдёт себе для волховства
Волхва. Дела позапустил. Посадских
Поразогнал: дворишки запустили,
От тесноты и не стерпя мученья —
Все врозь бегут.

Воевода
(на постели)

Он ворог мой! Пустите,
Я задушу его! Пустите руки!
Кто держит их! Зачем меня связали?
Его связать!

Большой боярин
Кого б послать для сыску?

Думный дворянин
Охотники найдутся. Да уж разом
Сыскать велеть и сесть на воеводство.
Вот двое тут: Несытов да Поджарый.

Несытов и Поджарый подходят и кланяются.

Большой боярин
Вот и нашлись.

Несытов и Поджарый
(вместе)

Пустите покориться!

Большой боярин
У нас ещё и кошка не умылась,
А гости к нам на двор.

Думный дворянин
Давно уж просят.

Большой боярин
Где мёд, там мух нальнёт. Болото было б,
А черти будут.

Думный дворянин
Отпустить Левонтья
Поджарова. Он прохарчился больно
И отощал, как жердь. А Бастрюкова
Пускай опять в губные выбирают.

Большой боярин
Пиши наказ, да пусть и едут с Богом,
Я доложу назавтра государю.

Видение исчезает.

Воевода
(просыпается)

И страшен сон, да милостив Господь.
Недаром шлю из года в год поминки
Приятелю-дьяку и доброхотам.
Ужли ж они меня не пожалеют,
Греха не побоятся? Грех великий
Поминки брать задаром. Что поминки!
Всё прах и тлен. Душа своя дороже.
Оброк плачу, так можно спать спокойно,
Не выдадут. Не всякий сон да в руку.
Сосну ещё — и в город. Да приняться
За Бастрюковых. Насолили оба.
Отец мутит, а сын ворует девок.
Недогляди немного, и увёз бы
Жемчужину такую, что и в царских

Не сыщется палатах. Да ему ли,
Беспутному, сокровище такое!
Ему бы пить, а красоты девичьей
Не разберёт он, бражник; та ль, другая ль —
Ему одно. Уж он, гляди, за пьянством
И позабыл о ней. А если помнит?
А если врёт Мизгирь, и ворожбою
Он обманул меня, чтоб только выжить
Из города, чтоб не был я помехой
Их плутовству! Людишки все продажны,
За денежку любого купишь. Каждый
И пьяница, и вор. Зачем заехал
Я в эту глушь? На самых добрых конях
Весь день скакать, до ночи не доскачешь.
А там, гляди, гульба, потеха, пьянство
Во всём дворе. А в терему у Марьи
Чужой сидит хозяином, целует,
Глядит ей в очи, к сердцу жмёт её,
Как у себя, как дома. Либо вовсе
Сманил её и был таков. Немало
Светлиц и повалуш у Бастрюкова,
Зачем ему в чужие красться вором,
Исподтишка, с оглядкой миловаться,
Чтоб люди не видали. То ли дело,
Привёз домой, она не поперечит,
Гуляй душа, никто не помешает.
О, дьяволы! Грызи зубами руки
Да плачь теперь; свою башку седую
Разбей об печку. Дураком родился
И дураком умрёшь. Вот близко локоть,
Да не укусишь. Ты кому поверил?
Кого оставил дом стеречь? Бабёнку!
Она, родясь, алтына не видала:
Достать мошну да позвенеть ей к рылу,
Себя продаст, не только что чужую.
А слуги? Те назло, не из корысти,
Готовы дом поджечь со всех углов.

(Молчание.)

Скачи, Нечай, скачи, приедешь в пору.
Там пир идёт, весь мир гуляет, пляшут,

Здоровье пьют, Нечая поминают:
«Берёт Нечай, да людям. У Нечая
И по губам текло, да не попало».
Да скоро ль утро? Ехать бы, да тёмно
И бездорожье, ноги изломаешь!
Дрожи как лист осиноый, Иудой
Трясись теперь; сиди да утра жди!
Хоть бы колдун какой! Поворожить бы.

(Подходит к старухе.)

Ты ворожишь, старуха?

Старуха

Нам, боярин,
И ворожить-то не о чем. Мы Бога
И так прогневали. А вам, боярин,
Без ворожбы сполагоря живётся.
Ты отойди, здесь ангельское место.

Баю-баю, мил внучоночек!

Ты спи-усни, крестьянской сын!

Воевода

(садится на постель)

Вы, черти полуночные, собирайтесь —
Иль рвите врозь меня, иль помогите!
А сон опять морит. Прилягу малость.
Забрезжит свет — на коней и в дорогу.

(Засыпает.)

Старуха

С тобой сидит бабка старая,
До зари с зари прибаюкивает,
Тихий сон очам наговаривает,
Да качку-качалку покачивает.

(Засыпает.)

*Часть сеней в доме Бастрюковых. Бастрюков Степан с чарой мёду,
Дубровин, Резвый, Зоря, Кубас, Шишига и слуги одеты гребцами.*

Воевода

Да вот они. Роман Дубровин, Стёпка,
Вы оба тут. Ну, вас-то мне и надо.
Попался, брат Степан! Иди к ответу!
Не я сужу, закон, не обижайся,
Что не по шерсти гладят. Ты умеешь
Воров скрывать, умей ответ держать.

Степан Бастрюков
Повеселей бы что-нибудь, робята!

Резвый

Да вот игра: садись, робята, на пол
Да запоём: «По матушке по Волге!»

Степан Бастрюков
Любимая моя игра. Хмельному
Простору нет в избе, гулять охота.
Вот сядем все, да и поедем. Любо!
Я — атаман, Дубровин — ясаулом.
Я — на корму, он — на нос.
(Резвому.)

Ты с братиной

В серёдку сядь и потчуй всех: направо,
Налево, мне, Дубровину, себе...

Садятся.

Поехали!

Воевода

Далёко не уедешь!

Гребцы

(поют)

Раз первой! Раз другой! Ухнем да ухнем!

Воевода

Ты на пол сел и думаешь, что в лодку!
Дурак, дурак! Вяжите их покрепче!
Накрыли вас, дружков. Да где же люди?
В железа всех! И не проси пощады!
Я зол, как зверь, как волк запольный! Живо
В застенки их, пытать поочерёдно!

Гребцы

Раз первой! Раз другой! Ещё маленький разок!

Сени исчезают. Середина Волги, вдали берега. Является лодка, все приободряются, надевают шапки, берут вёсла. Бастрюков и Дубровин встают на ноги.

Воевода

Уехали! Держите их, держите!

Б а с т р ю к о в

Кормилица ты наша, мать родная!
Ты нас поишь, и кормишь, и лелеешь!
Челом тебе! Катись до синя-моря
Крутым ярам да красным бережочкам
На утешенье, нам на погулянье!
Недаром слава про тебя ведётся,
Немало песен на Руси поётся,
А всех милей: «По матушке по Волге!»

Г р е б ц ы

(поют)

Вниз по матушке по Волге,
По широкой, славной, долгой,
Взбушевлася погодка
Немалая, волновая.

Б а с т р ю к о в

Ты, ясаул, гляди, что впереди!
Что видишь?

Д у б р о в и н

Чёрни.

Б а с т р ю к о в

Чёрни не помеха,

В воде-то черти, в берегу-то черви,
В лесах коренья, пенья да сучки,
По городам подъячие крючки.
Хотят словить, да врут: мы погуляем,
По Волге силу-удаль попытаем.

Г р е б ц ы

(поют)

Ничего в волнах не видно,
Только видно одну лодку,
Лёгку лодочку косную,
Макарьевску, разъездную.

Б а с т р ю к о в

Верней гляди, что впереди?

Д у б р о в и н

Колода.

Б а с т р ю к о в
Что мне колода! Сам я воевода.
А ты гляди по Волге, нет ли встречных
И поперечных?

Д у б р о в и н
Есть. Струги гребные.

Б а с т р ю к о в
Какие, с чем?

Д у б р о в и н
Купецкие с товаром,
А царские с казной.

Б а с т р ю к о в
На них казаки-воры,
А на купецких-то бурлаки хворы.
Сарынь на кичку! Стой! Не надо, мимо!
Мы не за тем.

В о е в о д а
Зачем ты едешь, знаю.
Воруй себе, да только не у нас.

Б а с т р ю к о в
Гляди верней! Что видишь?

Д у б р о в и н
Вижу терем
Расписанный.

Б а с т р ю к о в
Пригряньте-ко, робята!

Г р е б ц ы
Вы приваливай, робята,
Ко крутому бережочку,
Да ко жёлтому песочку,
Ко боярскому подворью.

Показывается терем.

В о е в о д а
Не мой терем, не мой. К чужому едут,
Мой в городе, на лодке не подъедешь;
Я дома сам, чего же мне бояться?
Ловите их, держите! Воры, воры
Наехали. Да что ж вы, спите, что ли?

Гребцы
Ко Нечаеву подворью,
Да ко Марьину здоровью.

Марья Власьева сходит с берега.

А Марьюшка выходила.
Гребцам мёду выносила.
Не прогневайся, хозяин,
Что наехали не званы.

Воевода
Зачем ты здесь? Домой, вернись домой!
Не дам уйти. Шалишь! Не доставайся
Ты никому. Где нож? А вот он, вот он!
Возьмёт ли, нет ли, только не живую.

Гребцы
Вы берите красну девку
Во макарьевскую лодку,
Вы сажайте-ко, робята,
К атаману на колени.

Марья Власьева садится на колени к Бастрюкову. Видение исчезает.

Воевода
(во сне)
В глазах увёз. Меня столкнули в Волгу.
Тону, тону! Спасите! Заливает
Меня всего, под шею подступает.
Ко дну иду. Без покаянья страшно
Мне умирать. Спасите, дайте время
Покаяться, раздать именье нищим,
Посхимиться. Никто не шевельнётся,
На берегу стоят да смотрят. Любо,
Что я тону, как ключ. Вот дно, вот камни
Зелёные, зелёная трава,
Песок зелёный! Братцы, помогите!

Входят Неустройко и двое слуг. В окне утренний свет.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Старуха, воевода, Неустройко и двое слуг.

Неустройко
Будить аль нет?

С л у г а

Не трожь, пусть сам проснётся.

В о е в о д а

(во сне)

Тону! Спасите! Господи, помилуй

Раба Нечая! Умираю!

(Просыпается.)

Где я?

(Встаёт.)

Н е у с т р о й к о

Господь с тобой! Мы здесь, в избе.

(Берёт сулейку, складень и оружие воеводы.)

Слуги собирают постель.

В о е в о д а

Проворней!

Коней, коней!

Н е у с т р о й к о

Осёдланы, боярин.

В о е в о д а

Домой живей, чтоб к ночи быть.

(Одевается.)

Н е у с т р о й к о

Поспеем.

Уходят. Г а в р и л о слезает с печи, умывается и выходит за дверь помолиться.

К л и м слезает, умывается. Г а в р и л о возвращается. К л и м уходит.

Г а в р и л о

Слава тебе, Господи, до бела света проспали.

К л и м

(возвращается)

Рассвело бело, хоть хлеб ешь.

С т а р у х а

Рушай да кушай на здоровье.

Г а в р и л о

(берёт хлеб на столе и режет)

Господи, благослови!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЛИЦА

ВОЕВОДА.
БАСТРЮКОВ СЕМЁН.
БАСТРЮКОВ СТЕПАН.
ОБЛЕЗЛОВ.
ПОДЖАРЫЙ, *новый воевода.*
ДУБРОВИН.
ШУТ.
МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.
УЛЬЯНА.
ОЛЁНА.
СТОРОЖ.
НЕУСТРОЙКО.
ЗЕМСКИЙ СТАРОСТА.
СМИРНОЙ.
ДРУЖИНА.
ВЛАС.
НЕСМЕЯНОВ.
ПОСАДСКИЕ.
РЕЗВЫЙ.
СЛУГИ БАСТРЮКОВА.
СЛУГИ ВОЕВОДЫ.
СТРЕЛЬЦЫ.
НАРОД.

Сад; направо на подклети горница, прямо против зрителей терем, тоже на подклети, с открытым переходом вокруг; с переходу дверь в сени, соединяющие терем с горницей; под сенями проезд. Из сеней лестница в несколько колен с площадками на столбах; во всю длину лестницы крыша на точёных столбиках. За теремом, в глубине, надворные строения, налево забор и задние ворота.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сторож с дубиною и Дубровин входят.

Сторож

Спасибо, брат! Употчевал на славу,
Таких и надо нам. Вся дворня лоском
Теперь лежит.

Дубровин

А мы с тобой не пьяны, —

И молодцы-робята.

Садятся на скамьях.

Сторож
Ты, выходит,
На службу к нам задаться хочешь, парень,
За нашего боярина?

Дубровин
Нешто!
Своим домком не жить, достатков нету.
Неволя, брат, куда не занесёт,
Я сирота.

Сторож
За много ль?
Дубровин
Полчетверта
Рубля прошу, а не дадут, так за три.
Возьму, пропью, а там навек кабальный.
Давай попьем.

(Достаёт сулейку и жестяную чарку.)

Сторож
И то гораздо пьяны.
Дубровин
Ну вот беда! Проспишься, а назавтра
Опохмелю.

Пьют.

Сторож
Да спать-то не придётся.
Терёнька спит как мёртвый, не разбудишь
Ничем его. Один я на стороже.

Дубровин
Да что стеречь в пустом саду? Диви бы
Поспело что! Вот яблоки поспеют,
Тогда беда.

Сторож
Да нешто мы как люди!
Велят тебе беречь пустое место —
И береги. А что украсть-то, парень!
Каб было что, свои б давно украли.
Ну право, так!

Дубровин

Давай свою дубину!

Ты ляг, усни, а я стучать примусь,

Послушают и скажут, что исправны.

Да что не пьёшь? Допей, остатки сладки.

Сторож

Осилить ли? Тут много.

Дубровин

Поневолься.

Не каждый день вино у вас.

Сторож

Вестимо.

Вон люди в праздник пьют, а мы не так:

У нас когда вино, тогда и праздник.

(Допивает.)

Дубровин

А задние ворота запирают

Замком у вас?

Сторож

Замком, а прикалиток

Гвоздём забит. Ну, парень, забирает

Меня дюжю. Пьяней вина я, парень.

Дубровин

Размок язык, так спи.

(Толкает, тот падает и хочет подняться.)

Небось не встанешь!

Другой медведь того не выпьет, сколько

Сегодня ты. Ай, сторожа!

(Замахивается дубиной.)

Ну! Смерти

Аль живота?

Сторож

(в полусне)

Робятушки, он вор!

Робятушки!

Дубровин

Немного набормочешь.

Сторож засыпает. Дубровин идёт к воротам и отмыкает калитку.

Ты, Резвой, здесь?

Резвой входит в калитку.

Резвый
Мы тут с Кубасом бродим;
У лошадей Шишига.

Дубровин
А боярин?

Резвый
Недалеко гуляет.

Дубровин
Ну, смотри же,
Не выдавай! Мы их вдвоём осилим;
А те пусть ждут у коней. Да потише,
Не полошить народ! За вас заступа,
Вам нечего бояться: Бастрюковы
Не выдадут своих покорных слуг;
А мне попасть, так с головой проститься.

Резвый
Да тут всё глушь, всё задворки выходят,
Собаки нет живой; с лица так людно.
В лопушнике присядем, кто увидит!
Так я пойду?

Дубровин
Иди!

Резвый уходит.

Заныло сердце
Ретивое, душа захолонула.
Олёнушка! Два года не видались,
Вот Бог привёл, да каково-то встретит
Она меня? Я чай, совсем забыла
И бросила Романа своего.
А как мы с ней любовно поживали,
Весь день с утра и до ночи всё смехи
Да радости у нас, налюбоваться
Не можем друг на друга всласть да в сытость,
И таково нам весело; и люди
Дивуются и говорят, бывало:
«Такой-то смех весёлый у Олёны,
Что слушаешь и сам смеёшься с ней».
Уйдёшь с двора поутру, в лавку сядешь,

А всё с ума нейдёт Олёнин голос,
А всё в ушах весёлый смех звенит.
А тут сама бежит ко мне, подсядет,
Прижмётся вся, полой её закрою
По самую по шею, только щёки
Алеются, да чёрные соколы
Глаза глядят из-под бровей соболевых,
Огнём горят, как звёзды, искры сыплют.
Идут купцы, идут бояре, смотрят,
Дивуются на нас, глядеть им любо,
Как ладно с ней сидим мы и торгуем.
Куда теперь? Куда с тобой я денусь?
Неужто мне угла на белом свете
Не сыщется? Ужли опять по-волчьи
В лесу бродить! Повыточу вострее
Булатный нож да первую её
Из рук своих зарежу, чтоб не знала,
Не ведала ни нашей вольной воли,
Ни нашей злой и неминучей доли.
Ужли же мне её, мою голубку,
К нечистым псам вести? За что ж ей, веку
Не доживя, кипеть в аду крошечном,
Гребёж, делёж, питьё, литьё хмельное,
Да хриплый крик, да пьяный воп, да драку,
Зуб за зуб брань, ножовые тычки,
Божбу, клятьё, святыни обруганье, —
С чего у нас-то, окаянных, волос
Вздывает дыбом, леденеет кровь, —
Ей заживо увидеть и услышать!
Гульба гульбой, а впереди-то пытка.
Всему пора да время. Сколько вору
Ни воровать, кнута не миновать.
Обрушит чёрт, наткнёшься на разьезды:
Убьют тебя — так счастье, а как свяжут,
Перекуют попарно да к расспросу
Потянут всех, и ей идти с ворами,
Терпеть безвинно воровскую кару...

О л ё н а и д ё т и з т е р е м а , з а н е й ш у т .

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дубровин, Олёна и шут (в кустах).

Дубровин

Идут.

Олёна

Роман!

(Отвернувшись, плачет.)

Дубровин

С чего же ты, Олёна,

Заплакала? От радости иль с горя?

Олёна

Да Господи! Да как же! Не во сне ли?

Взгляни сюда! Роман и есть! Голубчик!

(Припадает к нему на грудь.)

Ну где ж ты был?

Дубровин

В лесах бродил.

Олёна

Да как же

Без крова-то? Весна да осень — дождь,

Зима-то — снег; в лесу-то зверь рыскачий.

На чём прилечь в ночи, а в непогоду

Обсохнуть где?

Дубровин

Да видишь, цел вернулся,

Так что ж тебе? Что было, то прошло.

Олёна

Кто мыл, кто шил тебе? Чужие руки

Такие ли, как женины? Кажи-ка

Сорочку-то!

(Плачет.)

Суровая какая.

Такие ли я шила! Ишь ты, ворот

Не вышитый. А я, бывало, шёлком

И рукава, и ворот изошью.

Какой кафтан-то смурый! На бурлаках

Такие-то.

(Плачет.)

Дубровин
А ты молись-ко Богу,
Что сам-то цел!

Олёна
Романушко, по-Божьи,
Скажи ты мне всю правду. Не видались
Два года мы. Ужли ты женской ласки
Не видывал, так сиротой и жил?
Ни девушки, ни бабы не любили,
Молодчика, тебя? Скажи, мой милый,
Не осержусь.

Дубровин
Всю правду говорить?

Олёна
Ну, говори!

Дубровин
В сиротской нашей доле
До ласки ли, Олёна? А взгрустнётся,
Бывало, мне, — присядешь, горько всплакнешь,
Придёт ко мне, бывало, пожалеет,
Приластится, лицо и руки лижет
Мой верный пёс, лохматая собака,
Кобель борзой. В глаза ко мне глядит
И плачет сам, как будто он прочуял,
Что на уме моём.

Олёна
(бросается к нему на шею)
Роман, сердечный!
(Плачет.)

Так прогони ж свою собаку, злую
Разлучницу. Возьми меня. Собакой
Служить тебе я буду, злое горе
С тобой делить; в глаза глядеть, и плакать,
И ластиться.

Дубровин
(утирая слезу)
Уж без тебя не выду
Отсюда я. Не для того нас доля
Свела опять, чтоб снова расставаться.

О л ё н а

Не надоем тебе, не надокучу.
Прикажешь мне — я подойду, погонишь —
Я прочь пойду, и слова не услышишь.

Д у б р о в и н

А у тебя и не спрошу, Олёна,
Как ты жила, чтоб сердца ретивого
Не натрудить. И так уж всё изныло.
Я знаю, ты меня не променяешь
Ни на кого охотой, про насилие
Не сказывай! Себя не пожалею,
Да и тебя. Таков уж мой обычай;
Как словно что внутри-то захочет,
В глазах туман кровавый да ножи
Мерещатся. Молчи, Олёна, лучше!

О л ё н а

Романушко, не думай! Воевода
И плакал-то, и пыткой-то страдал,
Я напрямик ему сказала: руки,
Мол, наложу, отстань. Три дня не ела,
Голодной смертью помереть хотела, —
И унялся. На чёрную работу
Послал меня; а я тому и рада.
Боярышню привёл, так взяли в терем,
По нраву ей пришлась.

Д у б р о в и н

Веди скорее

Боярышню. Мы задние ворота
Отворим вам.

О л ё н а

Ступай же, дожидайся,
За ворота. Мы крикнем, ты отворишь.
А здесь не стой! С боярышней Ульяна,
Сердитая такая: как увидит
Тебя в саду, весь дом поднимет криком.
Прощай пока.

Д у б р о в и н

Ну, с Богом.

О л ё н а

Дожидайтесь.

Уходят Дубровин за ворота, а Олёна в терем.

Ш у т

Ну, дядюшка, простись с своей невестой!
Женили нас с тобой! Ты где гуляешь,
Своей беды не знаешь? Что ж мне делать?
Будить народ начать? А ну, услышит
Олёнин муж, да выдадут людишки
Меня ему? Начнёт меня он резать,
Пороть ножом на части по суставам.
Ой, батюшки, не буду! Вот что лучше:
Направлю я стопы свои подальше,
Покуда цел.

Воевода входит и осматривает терем.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Шут и воевода.

Ш у т

Эй, дядя, дядя, тише!

В о е в о д а

Бессудный, ты?

Ш у т

Я, дяденька. Потихе,
Не разбуди! Ты видишь, все заснули.
(Показывая на сторожа.)

Ты как прошёл?

В о е в о д а

В ворота.

Ш у т

Кто же отпер?

В о е в о д а

Два сторожа сидят.

Ш у т

Исправно. Двери
Одни запрём, другие настезь. Слушай:
Все сторожа пьянёхоньки, Дубровин

И Бастрюков на задворках гуляют,
Сейчас придёт боярышня; ворота,
Вот видишь, — те не заперты. Промедли
Ты час ещё — и поминай как звали.
Ты здесь один?

Воевода

На улице оставил
Людей, стрельцов и с ними Неустройко,
А сам один двором прошёл тихонько
И сказывать не приказал.

Шут

Пошли-ко
В обход стрельцов на задворки. Без шуму
Пускай идут, и посмотри, что будет.

Воевода

Ступай, веди стрельцов, я здесь останусь.

Шут

А по тебя два раза присылали:
Наехали с Москвы, в избе приказной
Сидят да ждут какие-то бояре.

Воевода

Убить тебя с боярами-то вместе!
Пошлют — иди! А разговоры после.

Шут уходит.

Недаром сон, и хорошо, что в пору
Приехал я! Теперь мои злодеи
В моих руках, поймаю их с поличным.

Выходят из терема Ульяна, Марья Власьевна, Олёна; воевода прячется.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Воевода в кустах, Ульяна, Марья Власьевна, Олёна, потом Дубровин и люди.

Ульяна

Пришла ж тебе охота! Не слыхала,
Как соловей поёт. Велико диво!
У вас в саду, чай, много.

О л ё н а
Всё же люблю
Послушать их весенней-то порой.

У л ь я н а
А лучше б спать!

О л ё н а
Мы выспаться успеем.
Мы круглый год всё спим. Ночей-то много,
А соловьи поют до Петровá дня,
Перестают потом.

У л ь я н а
И вам не страшно
Ночной порой в саду?

О л ё н а
Чего ж бояться?
Вот говорят, что будто бука ходит,
Да врут, поди.

У л ь я н а
Ты уморишь со страху!
Не говори уж лучше!

Марья Власьева
Бука! Бука!

Ульяна бежит к терему, Марья Власьева и Олёна в ворота.

Воевода
Держите их!

У л ь я н а
Боярин!

Воевода
Стой, ни с места!

Вбегает Марья Власьева.

(Берёт её за руку.)

Красавица, куда бежишь! Постой,
Не торопись! Держи её, Ульяна!

Ульяна берёт её за другую руку.

За что же ты хлеб-соль мою и ласку
Совсем забыть хотела? И спасибо

Мне за любовь-заботу не сказала,
Задумала покинуть, людям на смех
И голове седой на поруганье,
Мой нов терем. Аль ты не знаешь, Марья,
Что у меня жене прощенья нет
За грех её. И мал ли он, велик ли,
А ей не жить. Прощайся с белым светом!
Ты не жена, так всё равно невеста.
Я не хочу, чтоб мне в глаза смеялись.
Мне жаль тебя: такая молодая,
А умирать придётся. Ты хотела
Повеселей пожить. Смеяться любишь!
(Ласкаясь.)

И у меня ты вдоволь насмеёшься,
И умирать тебе весёлой смертью,
Красавица моя!

Не устро́й ко
(за сценой)

Он здесь. Держите!

Связать его!

Дубро́вин
(за сценой)

Живой не дамся в руки.
(Вбегает.)

Так вот где ты, мой враг, разоритель!
Не ты ль меня пустил по-волчьи рыскать?
Гнездо моё расхитил? Уж не ты ли
И выгучил меня ножи точить,
В оврагах жить, по Волге грабить, резать
Живых людей? Ты вспомни-ко, не ты ли?

*Люди, Неустройко и шут входят; на шум выбегают из терема Недвига,
сенные девушки и женщины и останавливаются на крыльце.*

Кажись, что ты! Так сам теперь отведай,
(вынимает нож)

Востёр ли нож, чиста ль моя работа.

Люди схватывают его сзади.

Воевода

(с хохотом)

Я выучил тебя, да, видно, плохо,
Не доучил, начать придётся снова!
Сковать его! А люди Бастрюкова?

Неустройко

Побрали всех.

Шут

И всех перевязали

Одним концом. Как жемчуг, нанизали
На ниточку.

Вводят связанных Олёну, Резвого, Кубаса и Шишигу.

Воевода

А Бастрюков Степан?

Неустройко

Он на конь сел да в город.

Воевода

Ну и с Богом!

Держите их. Пойдём-ка в терем, Марья,
Поговорим с тобой. Веди, Ульяна.

Олёна

(Дубровину)

Убей меня!

Дубровин

И рад бы я, да связан.

Ульяна, воевода, Марья Власьева уходят в терем.

Недвига

Ах, батюшки! Ой, смерть моя приходит!
Убьёт её, до смерти защекочет.
Защекотал двух жён, разбойник! Хочет
Дитя моё родное загубить,
Красавицу, забавницу. На то ли
Лелеяли, растили, вскормили
Мы яблочко наливчато своё!
Беда моей головушке! Пустите!
(Её держат.)

Марья Власьевна
(с хохотом выбегает из терема, воевода за ней)
Ох, смерть моя!

Воевода
Не убежишь, поймаю!

Марья Власьевна
Не стало сил моих, не служат ноги!
(Бежит по переходам.)

Воевода
Побегаешь, устанешь.

Марья Власьевна
Ох, спасите!
(Ломая руки.)
Куда б уйти!

Воевода
Уж сколько ты ни бегай,
А рук моих тебе не миновать.

Марья Власьевна убегает в сени, воевода за ней.

*Входят Поджарый, Бастрюков Семён, Бастрюков Степан,
Облезлов, посадские и народ.*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

*Воевода, Марья Власьевна, Недвига, Олёна, Дубровин,
Неустройко, Поджарый, Бастрюков Семён и Бастрюков
Степан, Облезлов, посадские, стрельцы, слуги и народ.*

Марья Власьевна
(на лестнице)
Куда бежать — не знаю! Няньки, мамки
И девушки сенные, схороните!

Недвига
Беги ко мне!

Воевода
Старуху подержите!

*Марья Власьевна сходит с лестницы и бросается к Степану
Бастрюкову.*

Что за люди?

Семён Бастряков
По царскому указу,
Тебе, Нечай Шалыгин, воеводство
Отказано. А про твои неправды,
Для сыску, к нам Левон Поджарый прислан,
И быть ему у нас на воеводстве.

Воевода
А есть приказ мою невесту силой
Из дому взять?

Степан Бастряков
Ты сам её насильно
Увёз к себе. Она моя невеста.

Поджарый
В наказе нет об девке. Опечатать
Добро твоё приказано до сыску,
За тем к тебе с посадскими людьми
Пришли теперь. А чья она невеста —
Мне как узнать? Отца и мать мы спросим.

Степан Бастряков
Спроси у ней.

Поджарый
Да нешто девка знает,
Кто ей жених? Её ли это дело?
К кому пойдёшь?

Марья Власьева
К Степану Бастрякову.

Поджарый
А всё отца и мать спросить.

Степан Бастряков
Мы спросим
Опосле их; а я возьму покуда
К себе её. Пойдёшь?

Марья Власьева
Пойду.

Степан Бастряков
Вот видишь,
Сама идёт, так разговор короток.

Вели пустить людей моих на волю.
Меня суди, они не виноваты.
Они рабы, по моему приказу
За ней пришли, а их перевязали.
В ответе я, коль в чём и провинились.

Поджарый
Пустите их!

Воевода
А ведомого вора,
Дубровина Ромашку, тожепустишь?
Ножом меня хотел зарезать. Ночью
Ворвался в дом.

Поджарый
(Дубровину)
Ты пошто к воеводе
С ножом пришёл?

Дубровин
Жену мою Олёну
Два года он в своих хоромах держит,
Насильством взял, тюрьмой стращал и пыткой.

Воевода
А ты где был? В бегах!

Дубровин
Всё от тебя же.
Пытал меня и жёг, корысти ради.
Вымучивал последние копейки,
Меня в тюрьме томил, чтоб без помехи
Жену отнять.

Поджарый
Нечай Шалыгин, правду
Он говорит аль нет?

Воевода
Ты воевода,
Так и суди.

Поджарый
Изволь, судить я буду,
Да на меня ты после не пеняй!
Посадские! Кого Дубровин грабил?

Староста
Не грабил нас.

Смирной
Не знаем.

Поджарый
А убойства?

Староста
Не ведаем, и слыхом не слыхали.

Поджарый
А воровства с поличным?

Дружина
Не видали.

Смирной
На воровстве не пойман.

Поджарый
Воевода
В тюрьме держал его?

Староста
Держал напрасно.

Смирной
Пытал его безвинно.

Поджарый
Воевода
Жену его насильством брал в хоромы?

Дружина
Да как не брать! Известно, брал Олёну.
Спроси у ней, она живая — скажет.

Поджарый
(Дубровину)
Ты был в бегах?

Дубровин
Я бегать — бегал точно,
Не буду лгать.

Поджарый
Так слушай же, Дубровин!
Указано царём нам, воеводам,
Вас сыскивать и на посад сажать,

Устраивать строеньем, буде надо,
И отдавать за крепкие поруки,
Чтоб вам, живя в посаде, не сбежать,
И подати платить царёвы вместе
С посадскими, и быть во всякой службе
С посадскими ж, в ином чину не стать,
И ни за кем бы вам не заложиться.
А нет порук, и тех сажать в посады
И льготы им давать. Кто на поруки
Дубровина берёт?

П о с а д с к и е

Мы, всем посадом,

Берём его.

П о д ж а р ы й

Ну вот, Шалыгин, видишь,

Я рассудил. По нраву ли пришёлся
Мой суд тебе?

В о е в о д а

Есть суд и над тобою,

В Москве найдём. А ты суди как хочешь,
Пускай воров на волю.

П о д ж а р ы й

(слугам)

Развяжите

Дубровина.

(Старосте.)

Подайте завтра запись

Поручную по нём. А за убытки,
Коль сыщутся, своим добром заплатит
Дубровину Шалыгин воевода.

В о е в о д а

Да что же ты в чужом дому воюешь?
Вы с чем пришли? Что за люди? Да может,
Обманщик ты, не царский воевода,
И надо гнать тебя с двора по шее!
Есть грамота у вас?

П о д ж а р ы й

Читай, Облезлов!

«Воеводе Нечаю Шалыгину! В прошлом таком-то году, по нашему государеву указу, велено быть на нашей государеве службе в таком-то городе воеводою тебе, Нечаю Шалыгину; а в нашем государеве наказе написано: “Будучи тебе воеводою, нам, великому государю, во всём искати прибыли, а посадским и всяких чинов людям налогов никаких не чинити и напрасно ни к кому не примётываться”. И ныне нам, великому государю, бил челом земской староста Нежданко и во всех посадских людей место, а сказали, что ты, Нечай Шалыгин, торговых и промышленных людей напрасно, по оговору и язычной молке, без сыску и без расспросу сажаешь в тюрьму и пытаешь и от того емлешь тюремную теснотою и всяким мучением, деньгами рублей по тридцати и по сороку и больше. И которых служилых и посадских людей остаются в домах жёны, а они в то время дома не бывают, и ты, Нечай, сведав их пожитки, жён их емлешь в застенок ночью и пытаешь и спрашиваешь денег и теми приметы и мучением их до конца разоряешь. А иных жён и от мужей берёшь себе в хоромы. Да ты же, Нечай, призываешь к себе на двор шлющих людей и тюремных сидельцев и с ними на посадских людей умышляешь всякие затейные беды и теми самыми затейными налогами их разоряешь. И не стерпя тесноты и мученья, многие посадские люди, оставя свои дворы, бегут розно и нашего государева тягла не платят. А нам, великому государю, и мимо того Нежданка челобитья, многие твои неправды и насильства ведомы учинились. И то ты делаешь негораздо, своею дуростью и плутовством. И ныне указали мы, великий государь, те твои плутости сыскивати и быть на место твоё на нашей государевой службе воеводою дворянину Левонтию Поджарому. И буде про твоё воровство допряма сыщется, и которые были на тебя челобитчики и то велели на тебе взять вдвое, да тебе же от нас быти в великой опале. И как к тебе ся грамота придёт, а Левонтий Поджарый приедет, и ты бы отдал ему, Левонтию, в съезжей избе нашу, великого государя, городовую печать, и городовые ключи, и наряд, и в нашей государевой казне деньги, и свинец, и пушечные и хлебные запасы, и мягкую и всякую рухлядь, и приходные и расходные деньгам, и хлебу, и всякому запасу книги и наши, великого государя, всякие дела, и во всём тебя, Нечая, счесть, и что нашей казны на тебя взочтено будет, и то велено ему, Левонтию, на тебе взять сполна. И как с ним, Левонтьем, распишешься, ехать тебе к нам, великому государю, к Москве и, приехав, явиться в костромском приказе нашему боярину с товарищи».

Семён Бастрюков
Мне Бог с тобой, свою бы я обиду
Тебе простил; а ты весь мир обидел.
Ты, знать, забыл, что с миром не поспоришь,
Что мир вздохнёт, так до царя дойдёт.

Посадские
Отозвались тебе мирские слёзы!

Шут
Эх, дяденька! Меня-то на кого же
Покинешь ты? Пропали мы с тобой!
Я малые, а ты большие шутки
Пошучивал, да вот и дошутились!

Поджарый
Теперь узнал ты нас, и кто, и по́што,
Обманом ли, иль вправду мы пришли?
Веди нас в дом описывать добро.

*Поджарый, Облезлов, Бастрюков Семён и воевода уходят;
входит Влас.*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

*Степан Бастрюков, Дубровин, Марья Власьевна, Олёна,
земский староста, посадские, слуги воеводы и Влас.*

Влас
Где дочь моя?

Марья Власьевна прячется за Бастрюкова Степана.

Бастрюков Степан
Не бойся, не отнимут.
Отдай-повыдай замуж за меня.

Влас
Да Бог с тобой! Коли пришлась по нраву,
Бери себе, да только чтобы честно
Венчаться с ней; а то, тебя я знаю,
Ты увезёшь и так, а чин по чину
Пойдём ко мне да по рукам ударим.

Бастрюков Степан
На всё готов, пойдём! За мной, робята!
Ты приходи на свадьбу к нам, Дубровин.

Дубровин
Не промину.

Марья Власьевна
Приди и ты, Олёна.

Дубровин
С женой придём.

Бастрюков, Марья Власьевна и слуги уходят.

Несмеянов
Ну, как теперь, Дубровин?
Не убежишь от нас?

Дубровин
А там как Бог даст.
Коли хорош да смирен воевода,
Не потеснит, так с вами жить останусь
И торговать начну, а коль обидит —
Опять сбегу, вы так про то и знайте!
Пойдём домой, Олёна!

Олёна
В разорённый
Охота ли идти!

Дубровин
Небось. Поправим.
Найду чем жить. Не поклонюся людям.

Уходят.

Староста
Посадские, готовьте-ко поминки
Да на поклон несите воеводе.
Почествовать его с приездом надо.

Старые посадские
Ну, старый плох, каков-то новый будет.

Молодые посадские
Да, надо быть, такой же, коль не хуже.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НЕ ОПУБЛИКОВАННЫЕ ПРИ ЖИЗНИ А. Н. ОСТРОВСКОГО

ПЬЕСЫ

КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧ МИНИН, СУХОРУК

<Вторая редакция>

Драматическая хроника в пяти действиях, в стихах

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

(25 августа 1611 г.)

ЛИЦА

КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧ МИНИН, СУХОРУК, *земский староста Нижнего посада.*
ИВАН ИВАНОВИЧ БИРКИН, *стряпчий, присланный в Нижний Ляпуновым для совету.*

ВАСИЛИЙ СЕМЁНОВ, *дьяк, старый человек.*

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ПОСПЕЛОВ, *боярский сын.*

ПЁТР АКСЁНОВ, *старик, богатый торговый человек.*

БАИМ КОЛЗАКОВ, *стрелецкий сотник.*

РОМАН ПАХОМОВ, *боярский сын* } *гонцы из Москвы.*

РОДИОН МОСЕЕВ, *посадский* }

ВАСИЛИЙ ЛЫТКИН (*лет пятидесяти*), *богатый вдовый купец.*

ПАВЕЛ ТЁМКИН (*лет тридцати пяти*) } *торговые люди.*

СЕМЁН ГУБАНИН (*около двадцати*) }

НЕФЁД, *сын Минина.*

ГРИША, *юродивый мальчик.*

ПАВЛИК (*писчик*), *писарь Биркина.*

МАРФА БОРИСОВНА, *богатая вдова.*

ВСЯКИЕ ЛЮДИ НИЖЕГОРОДСКИЕ ОБОЕГО ПОЛА.

Часть Нижнего посада, близ Кремля; направо и налево — деревянные лавки, на заднем плане — деревянный Гостиный двор, за ним видна гора и стены Кремля; налево, в заднем углу, на пригорке, башня и ворота в Кремль. Направо продолжение Нижнего посада. Вдоль лавок деревянные мостки с навесом для пешеходов, у растворов скамьи и раздвижные стулья.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

В Гостином дворе торг ов ц ы в лавках и у лавок; проходит н а р о д, некоторые останавливаются и покупают разные вещи. Слышны голоса: «Здесь рукавицы, шапки, кушаки! Гляди, зипун! Из Решмы, с оторочкой!» Пётр Аксёнов сидит на скамье у своей лавки (крайней справа). В а с и л и й Лытк ин входит, отпирает крайнюю лавку с противоположной стороны; заставляя её скамьей и подходит к Аксёнову.

Аксёнов

Здорово ль, кум?

Лытк ин

Здорово, Пётр Аксёныч.

Тебя как милует Господь?

Аксёнов

Спасибо!

Живём-таки. Что Господа гневить!

Откуда, Вася?

Лытк ин

С низу, из Казани;

Да позамешкался в дороге малость.

Домашние здоровы ль?

Аксёнов

Все здоровы.

Лытк ин

А что Кузьма Захарыч?

Аксёнов

Земским делом

Печалится один за всех.

Лытк ин

Здоров ли?

Аксёнов

Бог милует. За здоровье его

Все молимся. Он твёрдо, неослабно

За веру православную стоит;

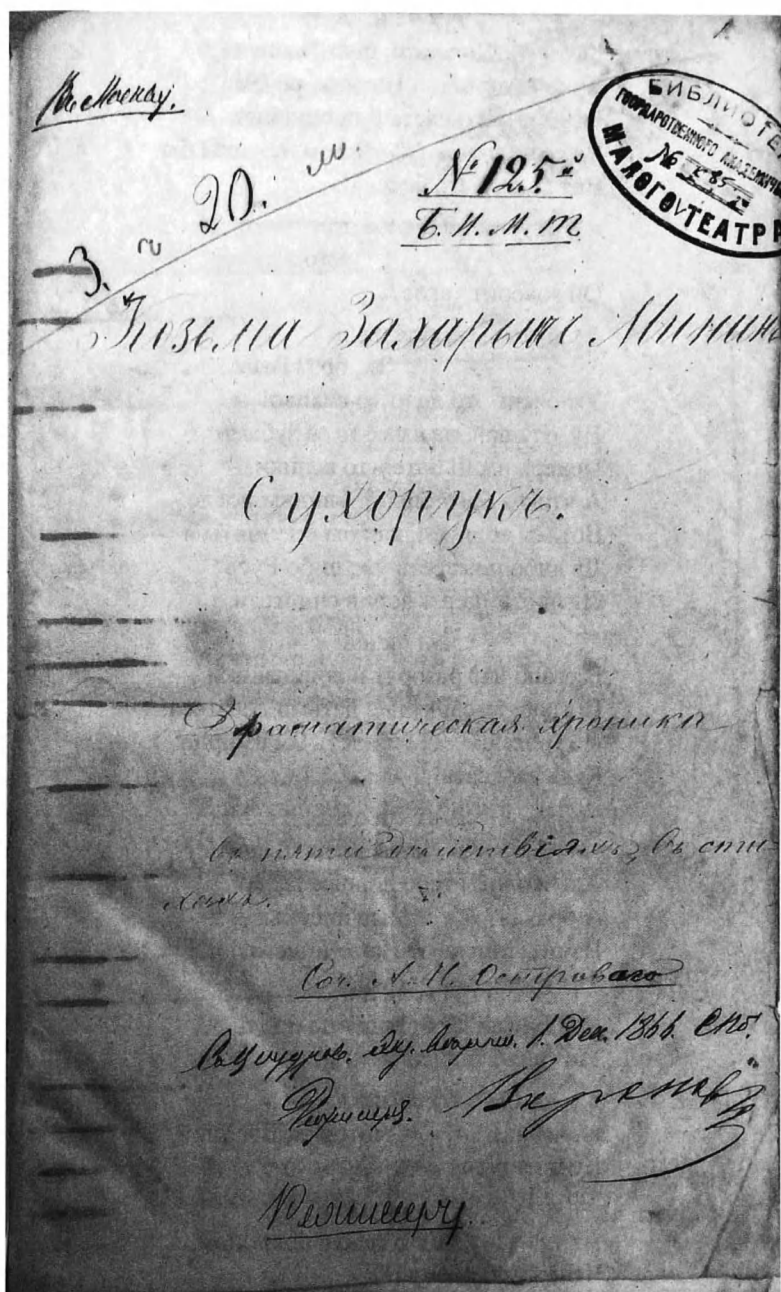
Разумными речами утверждает

В народе крепость!

Лытк ин

Что и говорить!

Радетель!

«Козьма Захарыч Минин, Сухорук»

«Вторая редакция»

Страница авторизованной писарской копии

А к с ё н о в

Диво это, брат Василий,
Как умудрил его Господь речами!
Вот так тебя слеза и прошибает,
Всё слушал бы, кажись, и не ушёл бы.
Вот какова его беседа!

Л ы т к и н

Что же

Он говорит такое?

А к с ё н о в

Эх, брат Вася,

Уж очень это дело-то велико!
Ну, слушай, да язык-то за зубами
Поддерживай! Затеи-то велики,
А что-то Бог пошлёт, увидим после.
Вот мы толкуем, как бы ополчиться
Да либо помереть уж, либо Русь
От иноземцев и воров очистить.

Л ы т к и н

В разор нас разорят и животишки
Пограбят все; куда с детьми деваться!
Не трогают, так и сидеть бы смирно.
Куда уж лезть!

А к с ё н о в

Да ты крещён аль нет?

Аль животы тебе дороже веры?
А братия? А слёзные писанья
Из-под Москвы? И это ничего!

Л ы т к и н

Не обижай! Я от миру не прочь.
Уж коли все, и я.

А к с ё н о в

Смотри ж, Василий,

Не пятиться!

Л ы т к и н

А я к тебе с поклоном,
Челом тебе!

А к с ё н о в

Я слушаю. Что надо?

Лыткин

Ты знаешь сам, семья моя велика,
Детей больших и малых целый дом,
А я один, четвёртый год вдовою.
Хозяйки нет. Не откажись посватать.

Аксёнов

Не откажусь. Тебе немолодую
Уж надобно?

Лыткин

Нет, я и помоложе
Не откажусь.

Аксёнов

Найду тебе из бедных.

Лыткин

Богатую бы мне.

Аксёнов

За старика-то
За вдового, да с кучею детей,
Какая же нужда идти богатой!

Лыткин

Ты Марфу мне Борисовну посватай.

Аксёнов

Да не пойдёт, — она богата очень
И молода, красавица собою,
Её и князь любой возьмёт с охотой,
Не то что ты.

Лыткин

И я богат, Аксёныч.

Аксёнов

Давно ли ты разбогател?

Лыткин

Давненько.
Да время-то, Аксёныч, нынче смутно,
Так я и жмусь.

Аксёнов

Ты правду говори!
Посватаю, изволь. Ну, много ль денег
Ты накопил?

Л ы т к и н
Да тысяча найдётся.

А к с ё н о в
Да верно ли?

Л ы т к и н
Я лгать тебе не стану.

А к с ё н о в
Так первое: ты от миру не прочь,
Второе дело: тысяча найдётся.
Не отопрись, смотри.

Л ы т к и н
Не отопрись.

А к с ё н о в
Ну хорошо. Посватаю.

Л ы т к и н
Спасибо.
Пойду-ко я да с лавкой разберусь.
(Отходит.)

К нему подходят Тёмкин и Губанин.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Тёмкин и Губанин.

Т ё м к и н
(Лыткину)

Здорово, друг! Счастливо ль воротился?
Поторговал, наколотил мошну?

Л ы т к и н
Наколотил! Спроси; свои-то целы ль?
Один разор, в убыток торговал.

Г у б а н и н
Кривишь душой. Не бойся, не ограбим.

Т ё м к и н
Его ограбить и греха не будет.
Богаче всех, а сиротой глядит.

Л ы т к и н
Да тише ты, как раз беду накличешь!
Подслушают, тут всякого народу

Довольно есть. Свою казну считай,
А до чужой тебе нет дела вовсе.
(Уходит в лавку.)

Входит юродивый, его окружает толпа.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, юродивый и толпа.

Аксёнов

Откуда, Гриша?

Юродивый
Ась?

Аксёнов

Откуда, мол?

Юродивый
В монастыре обеденку стоял,
И панихиду пели, поминали
Раба Прокофья.

Аксёнов

Упокой, Господь!

Какой Прокофей, ты не знаешь, Гриша?

Юродивый
Он, говорят, был добрый. Я поплакал
И помянул. Подайте на дорогу!

Лыткин
А ты куда идти собрался, Гриша?

Юродивый
Далёко. Длинная дорога; встанет —
Так до неба достанет. Всё песками
Сыпучими да тёмными лесами
Дремучими.

Лыткин

Куда ж дорога, Гриша?

Юродивый
К честным обителям.

Лыткин

Один пойдёшь?

Юродивый
Нет, много, много.

Лыткин

Что он говорит?

Сулит дорогу, а куда? Известно,
Одна дорога: значит, все помрём;
И надо полагать, что это вскоре.

Губанин

Нет, надо быть, что о другой дороге
Он говорит.

Тёмкин

Его не разберёшь,
Убогой он у нас и малоумный.

Юродивый

(со слезами)

Нет, вот что: храмы там без богомольцев,
Без пения. Подайте на дорогу!

(Бежит по сцене.)

Все расходятся по лавкам. Входят Биркин и Семёнов.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Биркин и Семёнов.

Биркин

(оглядываясь)

Ты в Нижнем шатости не замечаешь?

Семёнов

Господь хранит пока.

Биркин

А знаешь что?

Ведь Нижний — ключ всей Волги; за него бы
Король Жигмонт иль Владислав-царевич
Нам дорогую цену заплатили,
Кабы привести к присяге. Мне боярство
Иль в думные; тебя в Москву, в дьяки,
В любой приказ.

Семёнов

Ты шутишь аль смеёшься?

Биркин

Как хочешь понимай!

Семёнов

Как понимать!

Изменником я не был и не буду,
И с дьяволом быть в доле не хочу.

Биркин

Я пошутил с тобой.

Семёнов

Иван Иванович,

Шути с кем помоложе. Этих шуток
Я не люблю, они подвалом пахнут.

Биркин

Ну, не сердись! Не любишь, так не стану
Шутить с тобой; нам ссориться не след:
Неладно в Нижнем.

Семёнов

Полно, что пугаешь,

Иван Иванович, как тебе не грех!

Биркин

И знаешь, кто у нас заводит смуту?

Семёнов

Кому же заводить?

Биркин

Кузьма Захарьев.

Семёнов

Не верю, быть не может.

Биркин

Погоди,

Дай срок, увидишь сам. Всегда толпою
За ним народ валит, всё шепчут что-то
И по ночам собираются к нему.

Семёнов

Не верю.

Биркин

Ты не спорь со мной; разведай.

Семёнов

Да нет же, говорю.

Биркин

Не ошибись!

С е м ё н о в

Не ошибусь я в этом человеке.
Кузьму я знаю вдоль и поперёк:
Он боек на язык, упрям и дерзок,
В дела мешается, за всех заступник;
А всё-таки души он не продаст;
Сгрубить — сгрубит, а смуты не затеет.

Б и р к и н

От грубости до мятежа далёко ль!
Я не люблю, кто бойко говорит!

С е м ё н о в

Да у меня ведь горлом не возьмёшь!
Я не ему чета, молчать заставляю.
Я при царе Иване начал службу,
В дьяках состарился и поседел.
Уж мы с Кузьмой не первый год воюем.

Б и р к и н

Наскочит на меня, так будет помнить.

С е м ё н о в

Ну, и тебя таки честит изрядно,
И за глаза всё Тушиным корит,
А тушинцам у нас почёту мало;
На Волге их не любят.

Б и р к и н

Не беда!

Насильно мил не будешь! Уж народец
У вас на Волге! Нечего сказать!
Некстати говорливы! Вот ты здешний,
Не тушинский; а тоже говорят,
Что ты берёшь посулы, что с живого
И с мёртвого дерёшь, не разбираешь.

С е м ё н о в

Да кто же говорит?

Б и р к и н

А всё Кузьма.

С е м ё н о в

Не верь, Иван Иванович! Всё напрасно;
Посулов не беру. Да сам ли слышал?

Б и р к и н

Сам слышал.

Семёнов
Не снесу такой обиды,
Пойду челом ударю воеводе.

Биркин
Я говорю тебе, что он мятежник;
С народом шепчет, а властей ругает;
Небось, без умыслу? Да кто ж поверит!

Семёнов
Его теперь и знать я не хочу,
Ругателя.

Биркин
А ты пока молчи,
Умей скрывать обиду; дождайся.
Он не уйдёт никак от наших рук.
Я сторожа к нему приставил, знаешь,
Павлушку; он хоть зайца соследит;
Волк травленный, от петли увернулся.
Он из дьячков из беглых, был в подъячих,
Проворовался в чём-то; присудили
Его повесить, он и задал тягу.
Теперь верёвки как огня боится.
Хоть висельник, да только бы служил.
Ну, и писать горазд, мне то и нужно.
Да мы ещё с тобою потолкуем.
Куда пойдёшь отсюда?

Семёнов
На Оку,
Стерлядок искупить недорогих бы.

Биркин
Так вместе и пойдём! И я туда же!

*Уходят. Выходят Аксёнов, Нефёд Минин, за ним Поспелов
и несколько посадских.*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

<Аксёнов и Нефёд.>

Аксёнов
(Нефёду)

А где отец?

Нефёд
За мной идёт сюда.

Из-под Москвы сегодня прибежали

Бесстрашные гонцы: Роман Пахомыч
Да Родион Мосейч. Отдохнувши,
Пойдут с отцом на воеводский двор.
Украдкою у патриарха были
И привезли нам грамоты его.
Из шапок достают, защиты были.

*Входит Минин, <Поспелов,> за ним несколько человек народа
и Павлик. Все окружают его.*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

*Те же, Минин, <Поспелов,> несколько человек народа
и Павлик.*

А к с ё н о в

Какую весть несёшь?

М и н и н

Дурные вести.

Прокоп Петрович Ляпунов убит
Казаками.

А к с ё н о в

Бедам конца не видно.

Г о л о с а

Убит! Убит! О Господи, помилуй!

П о с п е л о в

Ведь под Москвой ещё два воеводы:
Князь Трубецкой да атаман Заруцкий.
Ну, что ж они?

М и н и н

Они-то? Целовали

Псковскому вedomому вору крест.

П а в л и к

(Лыткину)

Не одобровать и Нижнему теперь.

А к с ё н о в

Что ж делать нам?

М и н и н

Пойдёмте к воеводе,
В приказную избу, пусть он рассудит.
Пусть грамоту прочтёт от патриарха,
Он из темницы пишет.

Г о л о с а

Из темницы?

М и н и н

Его цепями, голодом томят,
А он предателей Москвы бесстрашно,
Как божий гром, проклятием громит.
Теперь лететь бы к матушке Москве!
Подняться нечем. Спросим воеводу,
Подумаем с ним вместе, а покуда
Сберёмтесь всем Нижним, панихиду
Соборную отслужим, будем плакать,
Молиться будем, плакать и молиться.

С Нижнего посада выходят Колзаков и трое стрельцов.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

<Те же, Колзаков и трое стрельцов.>

Колзаков и стрельцы

(поют)

Нам на Волге жить —
Всё ворами слыть;
На Яик идти —
Переход велик;
Под Казань идти —
Грозен царь стоит.

Колзаков

(увидя Минина)

А! Бог тебя люби! Кузьма Захарыч!

М и н и н

Ступай своей дорогой!

Колзаков

Аз есмь бражник!

М и н и н

Я вижу.

Колзаков

Видишь, а не осуждай!

Я старый человек!

М и н и н

Тебе же хуже!

Колзаков

Нельзя не пить; такое время! Вот что!
Ты думаешь, я с радости; я с горя!
Как помоложе был, так дело делал;
Царю Ивану царства покоряли.
А что теперь! В глаза-то людям стыдно
Глядеть. Какой я воин, братец! Срам!
(Отходит со стрельцами на другую сторону.)

Стрельцы

(поют)

Нам идти ль, не идти ль
На Иртыш на реку,
На Иртыш на реку,
Под Тобол-городок.

*Скрываются. Выходит Марфа Борисовна, за ней две женщины
одевают деньгами нищих. Минин идёт к ней навстречу.*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

<Те же и Марфа Борисовна.>

Марфа Борисовна
А я тебя ищу, Кузьма Захарьич!
Вот горе-то на нас! Прокоп Петрович
Казачками убит! А что-то скучно
Всё было мне, сижу да заливаюсь
Горючими, а вот к беде и вышло.
Я всех людей из дому разослала
По бедным, оделить хоть понемногу
За упокой да звать обедать завтра.
Для нищей братии обед готовлю.
Зайди, Кузьма Захарьич, да зови,
Кого увидишь; вместе помянули б
Чем Бог послал.

Минин

Благодарю за ласку.
А уж не знаю, как тебе сказать.
Есть дело земское.

Марфа Борисовна

Так ты попозже!
Уж очень скучно; хоть поговорить бы.

Минин
Да у меня у самого-то гости.

Марфа Борисовна
Покорно просим и с гостями.

Минин

Ладно!

Марфа Борисовна
Я очень рада. Буду, буду ждать,
Пока прощай!

Минин

Прощенья просим, Марфа Борисовна!
Благодарю за память!

Марфа Борисовна уходит. Аксёнов и Поспелов выходят к Минину.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

<Минин, Поспелов, Аксёнов.>

Поспелов
Об чём это, Кузьма Захарьич, Марфа
Борисовна с тобою говорила?

Минин
К себе звала. Спаси её Господь!
Задумала на весь народ поминки
Прокофию Петровичу.

Поспелов
Пойдёшь?

Минин
Её грешно обидеть! Приходите
И вы, друзья!

Аксёнов
Я, может, и приду,
Коль удосужусь да не разнедужусь.
Недужится, уж стар я становлюсь.
(Уходит в лавку.)

Поспелов
Кузьма Захарьич! Я к тебе с поклоном,
Заместо батюшки родного будь!
Мне жизнь не в жизнь: с утра до поздней ночи
И с вечера до утренней зари

Всё об одном я думаю-гадаю,
Одно мне сна-покою не даёт.
Ты наведи меня на ум на разум,
Прямую путь-дорогу покажи!

М и н и н

О чём тоскуешь?

П о с п е л о в

Как бы это молвить?

Такое дело — и сказать-то стыдно,
И утаить-то грех перед тобой.
Иль бес мутит, иль уж судьба такая,
Такой предел на долю вышел. Марфа
Борисовна всё из ума нейдёт.

М и н и н

Такое ль время, Алексей Михайлыч!

П о с п е л о в

Да что мне время! Жить и умирать
Уж лучше вместе. Годы подошли,
Кузьма Захарыч, мне нужна хозяйка.
Мы ровни по годам и по всему.
Поговори ты ей! Заставь меня
Навечно Богу за тебя молиться!
Честна вдова, а мужняя жена
Ещё честней в дому благочестивом.

М и н и н

Придётся к слову — я поговорю.

*Уходят. П а в л и к, видя, что Минин ушёл, выходит из лавки с Л ы т к и н ы м;
к ним постепенно подходят из других лавок и п р о х о д я щ и е.*

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

<Павлик, Лыткин, народ.>

П а в л и к

Вы слушайте, что вам Кузьма толкует,
Он вас в беду такую заведёт,
Что плакать вам кровавыми слезами.
Дела, дела!

Л ы т к и н

Да верно ли ты знаешь,
Что Владислава скоро ждут в Москву?

П а в л и к

Чего не знаю, говорить не стану.
Я грамотный, не то что ваш Кузьма.

Л ы т к и н

А что же будет, если королевич
В Москву придёт?

П а в л и к

Не больно хорошо.
Великую пошлёт он рать и силу
И камня здесь на камне не оставит.

Г о л о с и з т о л п ы

И Вяземский под Нижний приходил,
Да много ль взял?

П а в л и к

Придут с большим нарядом,
Не с голыми руками.

Л ы т к и н

Братцы, смерть!
Разор, разор!

П а в л и к

Москва зовёт на царство
И ждёт к себе из Польши Владислава,
А мужики кричат у нас по Волге:
«Мы не хотим на царство иноземцев
И выбранных казаками царей».

Подходят к толпе Минин и Поспелов. Павлик что-то шепчет Лыткину.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

<Те же, Минин и Поспелов.>

М и н и н

Послушаем, о чём народ толкует?
Того и жди, что смута заведётся,
Из воровских полков с подсылom много
Народу набегает; не усмотришь,
Проезжий город. А, да это наш,
Из биркинских людей, Павлушко-писчик.
Негодный человечешко, за ним

Глядеть да и глядеть! Что за охота
Держать такую дрянь, не знаю, право!

Г о л о с и з т о л п ы
Ну, что ж молчишь? Язык-то прикусил?

П а в л и к
Я живу с краю, ничего не знаю.
(Убегает.)

М и н и н
Что он молот?

Г о л о с а и з т о л п ы
Да много говорил. —
Про королевича. — Да разореньем
Всё нам грозит.

Л ы т к и н
Такие страсти
Наговорил, не знаешь, что и делать.

М и н и н
Как только вам не грех воришек слушать,
Бездельных, шлюющихся! Развесьте уши,
Им наруку, они тому и рады.

Г о л о с а и з т о л п ы
Да кто ж ему поверит! — Зря болтает! —
Учи нас, вразумляй, Кузьма Захарыч!

М и н и н
Одно вы помните и зарубите,
Что мы клялись креста не целовать
Ни Владиславу, ни кому другому
Из иноземцев, — ждать, кого на царство
Пошлёт Господь и выберет земля.
Нам государь — великий патриарх,
Другого нет у нас. Что скажет — свято.
Сегодня от него пришли гонцы.
Мы грамоту прочтём и вам объявим
Его приказ и земское решение.

Вбегают несколько человек.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

<Те же и вновь пришедшие.>

Один из них
Отписки из Москвы! Гонцы с вестями!
Голоса из лавок
Куда идут?
Один из вновь пришедших
На воеводский двор.
Другой
Письмо от патриарха Ермогена.

Площадь наполняется. Входят Роман Пахомов и Родион Мосеев.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

<Те же, Роман Пахомов и Родион Мосеев.>

Родион Мосеев
Честным нижегородцам из Москвы
От разорённых и пленённых братьей
Поклон мы правим низкий, до земли.
(Кланяется.)

Все кланяются.

Роман Пахомов
Честному духовенству, воеводам
И всем, и старшим, и молодым людям
Благословение от патриарха.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА I

ЛИЦА

МАРФА БОРИСОВНА.

ДОМНА, *старуха*.

МИНИН.

АКСЁНОВ.

ПОСПЕЛОВ.

ИВАН КУВШИННИКОВ, *сотник из Балахны* } *предводители восстания на Волге.*
ГРИГОРИЙ ЛАПША, *крестьянин из Решмы* }

Просторная бревенчатая светлица.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Марфа Борисовна сидит на скамье.

Домна на низенькой скамейке у ног её.

Марфа Борисовна

(поёт)

Пустыня прекрасная!

Меня, многогрешную,

Как чадо своё прими,

Любимая мать моя,

В пристанище тихое,

В безмолвные недра свои!

Домна

Стучится некто.

Марфа Борисовна

Отопри поди!

Домна уходит и скоро возвращается с Аксёновым.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

<Те же и Аксёнов.>

Аксёнов

Здорова ли ты здесь?

Марфа Борисовна

Кажись, здорова.

Аксёнов

Я прежде всех, и ладно; мы покуда

Поговорим с тобой да потолкуем.

Об чём бы нам? Давай о женихах.

Марфа Борисовна
Поговорим. Спасибо за заботу.

Аксёнов
Пришёл к тебе я сватом.

Марфа Борисовна
От кого же?

Аксёнов
От Лыткина, у нас в ряду торгует,
Он пожилой и четверо ребят.

Марфа Борисовна
Ну, хорошо, мне пожилой-то лучше.

Аксёнов
(смеётся)
Да полно, так ли?

Марфа Борисовна
Только, Пётр Аксёныч,
Ты попроси, чтоб он пообождал,
А отказать, не откажи.

Аксёнов
Ну, ладно.
(Смеётся.)

Марфа Борисовна
Да чему же ты смеёшься, Пётр Аксёныч?

Аксёнов
Я больно рад, что ты не отказала
Совсем ему; он человек нам нужный.
Вот видишь ли: деньжонки у него
В запасе есть, а на мирскую нужду
Он больно скуп; теперь в надежде будет,
Что за тобой приданое большое,
Так и для миру будет тороватей.

Марфа Борисовна
Какой шутник ты, Пётр Аксёныч! Право!

Аксёнов
Ты шутишь-то! Ну, разве ты пойдёшь
За Лыткина?

Марфа Борисовна
Кому судьба какая.
Как знать вперёд, что будет.

Аксёнов

А другого

Не хочешь ли? Велел Кузьма Захарьич
Поговорить с тобой о человеке,
Приятеле своём.

Марфа Борисовна

Кузьма Захарьич?

Ахти, беда!

Аксёнов

Чего ты испугалась?

Марфа Борисовна

А кто таков?

Аксёнов

Поспелов.

Марфа Борисовна

Эко горе!

Аксёнов

Ни горя я не вижу, ни беды.

Марфа Борисовна

Покаяться уж разве, Пётр Аксёныч!
Вот видишь ты: моё желанье было
Раздать казну, избавиться заботы
По мужниной душе — его добро,
Пусть за него и молятся сироты —
Да в келейку, на тихое житьё.

Аксёнов

Не думал я, ушам своим не верю.
Такая ты весёлая, всё шутишь,
Смеёшься с нами, парней молодых
Не обгаешь...

Марфа Борисовна

Что же их бояться?

Подумают — горда. Греха-то больше;
А пусть болтают да смеются вдоволь,
Побалагурим, да и разойдёмся,
Вот и беда и горе: обещала
Вдовой остаться, Божьей сиротой.
А отказать боюсь: Кузьма Захарьич
Рассердится, и Алексей Михайлыч

Во гнев взойдѣт и будет злобу мыслить,
И выйдет только грех один. Уж лучше
Скажи ему, что я душевно рада,
Пусть думает, что я его невеста,
Хоть обману, да в мире проживѣм.

А к с ѣ н о в

А Лыткину?

Марфа Борисовна

Я не хочу обидеть

И Лыткина. Скажи, чтоб подождал,
Обману нет, вперѣд нельзя ручаться.

Домна входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

<Те же и Домна.>

Домна

Гостей веду. Идѣт Кузьма Захарыч.

Марфа Борисовна

Один или ведѣт кого-нибудь?

Домна

Какие-то незнаемые люди.

Входят Минин, Кувшинников, Лапша и Пospelов.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВѢРТОЕ

<Те же, Минин, Кувшинников, Лапша и Пospelов.>

Марфа Борисовна

Покорно просим, гости дорогие.

(Домне.)

А ты поди да принеси медку!

Домна уходит.

Минин

С гостями, уж не осуди!

Марфа Борисовна

И, что ты!

Минин

Иван Кувшинников, из Балахны,
Начальный человек; а это Гриша
Лапша, из Решмы, тоже воевода.

Марфа Борисовна
Ну, вот спасибо за таких гостей!
Прошу садиться!

Кувшинников
Ты, Кузьма Захарыч,
Садись вперёд.

Минин
Вы гости, я здесь свой.
Лапша, садись.

Лапша
Нет, мне не подходит.
Садись, я за тобой.

Садятся.

Минин
Ну, вот и ладно.

Поспелов
Тебе вперёд.

Минин
Не местом, человеком.

*Домна приносит мёд в жбане и стопку на оловянной тарелке,
Марфа Борисовна берёт стопку. Домна наливает.*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

<Те же и Домна.>

Марфа Борисовна
(поднося Кувшинникову)
Медку пожалуйста, честные гости!

Кувшинников
У нас так всё с хозяйки начинают.

Марфа Борисовна
Нет, батюшко, уволь! Пила довольно.

Кувшинников
Неволить не могу, я не указчик
В чужом дому.
(Кланяется, пьёт и хочет поставить стопку.)

Марфа Борисовна
Уж просим обо всей!
Кувшинников допивает. Домна наливает. Марфа Борисовна подносит Лапше.
Григорий... как по отчеству, не знаю...

Ла п ша
Петрович был.
Мар фа Бори сов на
Покорнейше прошу!
Ла п ша
Уж мне-то пить ли?
Ми ни н
Пей!
Ла п ша
Оно как будто
Нескладно мужику-то?
Ми ни н
Не осудим!
Ла п ша
(берёт и кланяется)
Желаю здравствовать на многи лета!
(Пьёт.)
Домна наливает.

Мар фа Бори сов на
(поднося Минину)
Кузьма Захарьич!
Ми ни н
(отпив немного, ставит стопку)
Больше не просите!
Мар фа Бори сов на
Ну, как угодно.
(Поднося Аксёнову.)
Кушай, Пётр Аксёныч.
Аксёнов пьёт.
К тебе с поклоном, Алексей Михайлыч!
Пос пел ов
Не откажусь, до сладкого охоч.
(Пьёт.)

Все садятся. Марфа Борисовна ставит жбан на стол, подвигает скамеечку и садится.

Мар фа Бори сов на
Послушать бы теперь, Кузьма Захарьич,
Твоих речей. Сладка твоя беседа.

Минин

Да речь-то у меня одна всё, Марфа
Борисовна!

Марфа Борисовна
Её-то нам и нужно.

Минин

Ну, так начнём! Москва разорена?

Аксёнов

Разорена.

Минин

Так ей и оставаться?

Кувшинников

Как можно!

Лапша

Что ты!

Марфа Борисовна
Сохрани Господь!

Минин

Москва нам корень, прочим городам?

Аксёнов

Известно, корень. Что и говорить!

Минин

А если корнем основанье крепко,
Тогда стоит и древо недвижно;
А корени не будет — прилепиться
К чему?

Лапша

Ну, что уж!

Марфа Борисовна
Господи, помилуй!

Минин

Москва кормилица, Москва нам мать!

Кувшинников

Кормилица и мать!

Лапша

Родная мать!

Минин

А разве дети могут мать покинуть
В беде и горе?

П о с п е л о в

Мы не покидали,
Ты сам ходил с Алябьевым по Волге
И по Оке, и воры вас боялись,
Мы с Репниным ходили и к Москве,
Да воротились, оттого что ладу
Бог не дал воеводам! Грех на них!

А к с ё н о в

А вот теперь и воевод-то нету:
Пожарский ранен, Ляпунов убит,

М и н и н

Осиротела Русь! Ни воеводы,
Печальника о нас, сиротах бедных,
Ни патриарха, ни царя. Как стадо
Без пастыря, мы бродим, злому волку-
Губителю добыча.

П о с п е л о в

Бить волков!

К у в ш и н н и к о в

Известно, бить! Уж будет, потерпели!

Л а п ш а

Мы топоры и косы отточили,
Которые об них же притупили.

К у в ш и н н и к о в

Душа кипит, давно простору просит,
И руки чешутся.

М а р ф а Б о р и с о в н а

Зачем же дело

Откладывать? Благословясь, да с Богом,
Не мешкая!

А к с ё н о в

Отложишь поневоле.

Что скоро — то не споро, говорят.

М и н и н

Ты правду молвил. Не такое дело,
Чтоб торопиться.

А к с ё н о в

Надо рассудить

Да поразмыслить.

П о с п е л о в

Думать — ваше дело.

М и н и н

Что есть у нас? Ни войска, ни казны,
Ни воеводы! Прежде нужны деньги;
Сберём казну, и люди соберутся,
Стрельцы, казаки. Всякого народу
По свету белому довольно бродит
Без дела и без хлеба; рады будут
Трудом себе копейку заработать.
Не всё же грабить! Надо душу вспомнить!
А воеводу миром изберём.

А к с ё н о в

Кого излюбим, тот у нас и будет.

М и н и н

Казна всего нужнее.

А к с ё н о в

Верно слово.

М и н и н

Где взять казны?

П о с п е л о в

Собрать, Кузьма Захарьич.

М и н и н

Да много ли сберёшь! На разговоры
Все тороваты, а коснись до дела,
Так и попрячутся. Не то что денег,
А и самих хозяев не найдёшь.

П о с п е л о в

А ты не обижай, Кузьма Захарьич!

А к с ё н о в

Не обижает, дело говорит.

М а р ф а Б о р и с о в н а

Вот всё, что есть, возьмите, коли нужно.

М и н и н

Душа святая! О тебе нет речи!
Твои достатки и тебя мы знаем.
Ты всё отдашь, и я отдам, и он —
Всё будет мало. С чем тут приниматься!
И только что обидим мы без пользы

Самих себя, а делу не поможем.
Кто нас послушает! В бедах и в горе
Сердца окаменели. О себе
Печётся каждый, ближних забывая.

Марфа Борисовна
Так что же делать нам, Кузьма Захарыч?

Минин
(встаёт)

Себя забудь и дел своих не делай!
Проси у Бога разума и слова,
Сухим очам проси источник слёз!
На улицу, на площадь, на базары,
Где есть народ, туда и ты иди!
Высокая апостольская доля —
Будить от сна своих уснувших братий
И Божьим словом зажигать сердца!
Когда увидишь, что сердца в народе
Затеплятся, как свечи пред иконой,
Тогда собирать казну на помощь ратным!
Сбирать людей на выручку Москвы!

Марфа Борисовна
Пошли, Господь, в моём дому начаться
Великому и праведному делу.

Минин
Хозяюшка, прощай! Пойдём, Аксёныч!
Пора идти на воеводский двор,
Собирают нас и выборных и старост
О грамоте подумать патриарха
И рассудить, что делать, что начать.

Аксёнов
Ступай вперёд, я мигом за тобою.

Минин
Хозяюшка, прости.

Марфа Борисовна
Прощенья просим.

Кувшинников
За угощение!

Марфа Борисовна
Ну, уж не взыщите!
Чем Бог послал.

Лапша
За ласковое слово!
Марфа Борисовна
Напредки не забудьте!
Минин
Ваши гости!

Уходят, кроме Аксёнова и Поспелова.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Марфа Борисовна, Аксёнов и Поспелов.

Марфа Борисовна
Ты, Алексей Михайлыч, на дорожку
Медку не хочешь ли?

Поспелов
Пожалуй, выпью.
Да не об мёде речь! Мне слаще мёда
Твой разговор.

Марфа Борисовна
Какой проказник! Право!
(*Подносит мёд.*)

Поспелов пьёт.

Аксёнов
Я говорил.
Поспелов
Ну, что ж она сказала?

Аксёнов
Сказала-то? Она сказала: люб.

Поспелов
Ну, люб, так ладно! Вот спасибо, Марфа
Борисовна! Сказал бы я словечко
Ещё тебе; боюсь — не прогневить бы.

Марфа Борисовна
Как не грешно тебе! Да чем же можешь
Ты прогневить меня!

Поспелов
Своей любовью.

Марфа Борисовна
Ах!.. Нет... Я, право... Что тебе смотреть
На гнев мой! Что же, разве что дурное

Ты говоришь! В любви обиды нет!
Благодарить тебя за это надо.

Поспелов

А по рукам когда?

Марфа Борисовна

Да вот что, милый:

То нездоровится, то дела много
По дому, знаешь. Как-то всё не время...
Поверишь ли, с ног сбилась от заботы.
Мы лучше уж немного подождём.
Ты не печалься, Алексей Михайлыч!

Поспелов

Голубушка! Зачем себя ты губишь!
В твоей поре тебе бы только ласку!
Тебя бы целовать, да миловать,
Да крепко к сердцу прижимать!

Марфа Борисовна

Ну, будет!

Мы после как-нибудь поговорим.
Не до того мне, Алексей Михайлыч!
Так голова с чего-то разболелась,
Уж и не знаю. Лучше не тревожь.

Аксёнов

Прощенья просим!

Марфа Борисовна

И меня простите.

Аксёнов

Господь с тобой!

Поспелов

Бог даст, коль живы будем,

Увидимся.

Марфа Борисовна

Ну, как не увидаться!

Поспелов и Аксёнов уходят.

<ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ>

Марфа Борисовна

<(одна)>

Какие речи! Господи, помилуй!
Не слушать бы! А как же их не слушать!

В миру живёшь, с людьми; по-мирски
И надо жить — всё видеть и всё слышать.
Куда бежать от суеты мирской?
О юность, юность, молодое время!
Куда бежать мне! Господи, помилуй!
(Уходит.)

СЦЕНА II

ЛИЦА

БИРКИН.

СЕМЁНОВ.

МИНИН.

АКСЁНОВ.

НЕСКОЛЬКО ДВОРЯН, БОЯРСКИХ ДЕТЕЙ И ПОСАДСКИХ.

Место в Кремле, близ воеводского дома. Аксёнов, несколько дворян, боярских детей и посадских выходят из воеводского дома.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

<Аксёнов, дворяне, боярские дети и посадские.>

Аксёнов

Вот грамоту прочли от патриарха,
А толку что! О деле позабыли,
Про земскую беду помину нет,
И что у них на Минина за злоба!
Кузьме и рта разинуть не дают.
Рутательски рутали. Дьяк Семёнов
Озлобился и не уймёшь, а Биркин,
Кажись, его зубами бы загрыз.
Наместо дела ссоры да отписки:
Пошлём в Казань, казанцы к пермичам.
Гонцы гоняют, дело не спорится.

Из воеводского дома выходят Биркин, Семёнов и Минин.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

<Те же, Биркин, Семёнов и Минин.>

Семёнов

Наслушались мы вдоволь разговору
Сегодня. Сыт ли ты, Иван Иванович?

Б и р к и н
По горло сыт. От ваших разговоров
Завяли уши.

С е м ё н о в
Ну, Кузьма Захарьев,
Спасибо за науку! Угостил
Нас, дураков, разумными речами;
Так и сидели все, развеся уши,
Да слушали.

Б и р к и н
Ну, как его не слушать,
Он всех умней! Ишь, краснобай какой!

М и н и н
Не помню я, что говорил; быть может,
Кого обидел словом. Не вините:
Не сам я говорил, кровь говорила.

С е м ё н о в
Обидеть не обидел, грех сказать;
А наказал довольно, не уложишь
В большой мешок.

Б и р к и н
Да кто же виноват?
Мы сами дали волю, так и слушай!
А он и рад.

М и н и н
Да кто же запретит
Мне говорить?

С е м ё н о в
Да всякий, кто постарше.

М и н и н
За веру православную стою,
Не за дурное что. Молчать нельзя мне.

С е м ё н о в
Ведь ты ещё не воевода! Скажут,
Чтоб говорил, так говори что хочешь;
А скажут: замолчи! — так замолчишь.

М и н и н
Не замолчу. На то мне дан язык,
Чтоб говорить. И говорить я буду

По улицам, на площади, в избе,
И пробуждать, как колокол воскресный,
Уснувшие сердца. Вы подождите,
Я зазвоню не так. Не хочешь слушать,
Я не неволю: не любо — не слушай;
А замолчать меня заставить трудно.
Я не свои вам речи говорил:
Великий господин наш, патриарх,
Велит нам быть в любви, соединенье
И промыслять, как душу положить
За веру. Нас с тобой Господь рассудит,
Кто прав, кто виноват. Вы не хотели
Послушаться; смотрите, не пришлось бы
Вам каяться.

Семёнов

Послушаться тебя!

Чего ты захотел! Ты будь доволен,
Что слушали, молчать не заставляли.

Биркин

Да из избы не выгнали тебя!

Уходят, и за ними все, исключая Минина и Аксёнова.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Минин и Аксёнов.

Минин

Знать, им не жаль ни крови христианской,
Ни душ своих. Какая им корысть!
Самим тепло, а братию меньшую
Пусть враг сечёт и рубит, да и души
Насильным крестным целованьем губит.
Просил я их со многими слезами
Какую ни на есть придумать помощь, —
И слышать не хотят. Не их, вишь, дело!
Так чьё же?

Аксёнов

Не надейтесь на князи!

(Уходит.)

Минин

И вправду. Нам теперь одна надежда —
На Бога. Помощи откуда ждать!

Кто на Руси за правду ополчится?
Кто чист пред Богом? Только чистый может
Святое дело честно совершить.
Народ страдает, кровь отмищенья просит,
На небо вопиет. А кто подымет,
Кто поведёт народ? Он без вождя,
Как стадо робкое, рассеян розно.
Нет помощи земной — попросим чуда;
И сотворит Господь по нашей вере.
Молиться надо! В старину бывало,
Что в годы тяжкие народных бедствий
Бог воздвигал вождей и из народа.
Возможно ли, чтоб попустил погибнуть
Такому царству праведный Господь!
Вон огоньки зажглись по берегам.
Бурлаки, труд тяжёлый забывая,
Убогую себе готовят пищу.
Вон песню затянули. Нет, не радость
Сложила эту песню, а неволя,
Неволя тяжкая и труд безмерный,
Разгром войны, пожары деревень,
Житьё без кровли, ночи без ночлега.
О, пойте! Громче пойте! Соберите
Все слёзы с матушки широкой Руси,
Новгородские, псковские слёзы,
С Оки и с Клязьмы, с Дона и с Москвы,
От Волхова и до широкой Камы.
Пусть все они в одну сольются песню
И рвут мне сердце, душу жгут огнём
И слабый дух на подвиг утверждают.
О Господи! Благослови меня!
Я чувствую неведомые силы,
Готов один поднять всю Русь на плечи,
Готов орлом лететь на супостата,
Забрать под крылья угнетённых братьев
И грудью в бой кровавый и последний.
Час близок! Смерть злодеям! Трепещите!
Из дальнего Кремля грозит вам Минин.
А если Бог отступит от меня
И за гордыню покарать захочет,
Успеха гордым замыслам не даст,

Чтоб я не мнил, что я его избранник,
Тогда я к вам приду, бурлаки-братья,
И с вами запою по Волге песню,
Печальную и длинную затянем;
И зашумят ракитовы кусты,
По берегам песчаным нагибаясь;
И позабудет бросить сеть рыбак
И в тихом плёсе на челне заплачет;
И девка с вёдрами на коромысле,
Идя домой извилистой тропинкой,
Оглянется с горы и станет слушать,
И, рукавами слёзы утирая,
Широкие измочит рукава;
Бурлаки запоют её под лямкой
И балахонцы, за своей работой
Над новою расшивой, с топорами.
И понесётся песня и прольётся
Из века в век, пока стоит земля.
О Господи! Грешу я; мал я духом,
Смел усумниться в благости твоей!
Нет, прочь сомненья! Перст твой вижу ясно.
Со всех сторон мне шепчут голоса:
«Восстань за Русь, на то есть воля Божья!»
(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

(Октябрь 1611 г.)

СЦЕНА I

ЛИЦА

МИНИН.
ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.
БИРКИН.
СЕМЁНОВ.
ПОСПЕЛОВ.
АКСЁНОВ.
ТЁМКИН.
ГУБАНИН.
ЛЫТКИН.
НЕФЁД, сын Минина.
ПАВЛИК.
МАРФА БОРИСОВНА.
НЕМЕЦ.
ВСЯКИЕ ЛЮДИ НИЖНЕГО НОВГОРОДА.

Небольшая площадь в Кремле, недалеко от собора. К концу, в пятом явлении, начинается смеркаться. Выходит Лыткин; Павлик крадётся к нему из-за угла.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

<Павлик и Лыткин.>

П а в л и к

Спаси меня! Я влез в беду такую,
Того и жди в застенки поведут.
Ты не бывал, так страсти-то не знаешь,
Я раз висел на дыбе под кнутом
И с той поры застенки обегал.
Не дай Господь и недругу, и другу.

Л ы т к и н

За что ж висел?

П а в л и к

За добрые дела.
Ты приюти меня к себе до ночи,
А ночью я за Волгу убогу.
О, горе мне! Велико окаянство
Беспутного Павлушки!

Лыткин

Провинился

Ты в чём же, друг?

Павлик

И вымолвить боюсь.

Послал меня Иван Иванович наспех,
Куда, к кому, тебе не надо знать.
Проездил я без мала три недели
И с грамоткой вернулся нынче утром,
Да хмелен был, идти к нему боялся.
На грех стрелец-приятель подвернулся,
В царёв кабак мы с ним и завернули,
Винца купили, разговор пошёл.
Я хвастать-то горазд, язык мой — враг мой.
Болтаю я, что в голову придёт,
И грамотку кажу — мол, вот где сила!
Откуда ни возьмись, Кузьма Захарьич,
Хвать за ворот и грамотку из рук.
Ударюсь я бежать, давай Бог ноги.
Хоть в грамотке не писано, откуда,
К кому и от кого, да сам расскажешь,
Как приведут на исповедь в застенок.

Входит Биркин.

Никак Иван Иванович? Схорониться!

(Прячется за Лыткина.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Биркин.

Биркин

(один)

Заметно мне, здесь в Нижнем что-то зреет.
Всё замолчало, как постом Великим;
На всём какое-то говенье видно,
Бледнеют лица, а глаза сияют.
Но что же может сделать этот люд?
Пойти к Москве нестройною оравой
И умирать иль разбежаться розно
От польских латников. Пускай идут,
Попробуют, а нам просторней будет.
А если здесь не тяга, я в Казань:

Там Никанор Шульгин, большой приятель.
Да что ж он держит моего холопа,
Павлушку?

(Заметив Павлика.)

Вот он! Как же ты посмел,
Не показавшись, по городу шляться?
Всё пьянствуешь! Когда домой вернулся?

П а в л и к

Сегодня утром.

Б и р к и н

Что ж ты не явился?
Об двух ты, что ли, головах, бездельник!
Ну, мы сочтёмся дома. Подавай
Мне грамоту скорей.

П а в л и к

Она пропала.

Б и р к и н

Не может быть!

П а в л и к

Кузьма Захарыч отнял.

Б и р к и н

Повешу я тебя без разговору

Лыткин уходит.

За воровство твоё. Скрывайся лучше!
Хоть Никанор и пишет осторожно,
Без имени, а приведут на пытку,
Расскажешь всё, к кому и от кого.
Беги скорей, покуда не схватили,
Исчезни ты и с потрохом, бездельник!
Замешкаешь, так прикажу холопам
Поймать тебя и в Волге утопить.
Не побоюсь: своя рубашка ближе.
Тебя убить греха большого нет.

*Павлик убегает. Биркин уходит. Из собора проходит народ.
Марфа Борисовна и Поспелов.*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

<Марфа Борисовна и Пospelов.>

Марфа Борисовна
Давненько не видались.

Пospelов
Шесть недель.

Марфа Борисовна
Как время-то идёт.

Пospelов
А что?

Марфа Борисовна
Да скоро.

Пospelов
Не больно-то! Мне эти шесть недель
Не за год, не солгу, а за полгода,
Никак не меньше, показались.

Марфа Борисовна
Что так?

Пospelов
Да разве ты не знаешь?

Марфа Борисовна
Ах, голубчик!
Я думала, что ты уж позабыл!

Пospelов
А ты б и рада?

Марфа Борисовна
Да не то что рада,
А всё не время, некогда подумать.

Пospelов
Об чём тут думать, голову ломать!

Марфа Борисовна
Кто ж за меня подумает?

Пospelов
Всё я же,
И за себя, и за тебя.

Марфа Борисовна
Какой ты
Догадливый! Спасибо, что избавил
Меня от тяжкой думы, от заботы!

Поспелов

Сиротским делом сходим на могилку
Родителям почившим поклониться,
А там, как водится, честным пирком
За свадебку.

Марфа Борисовна

Ну, ты недолго думал,
А хорошо сказал.

Поспелов

А нешто худо?

Марфа Борисовна

Ты лучше знаешь.

Поспелов

Значит, так и быть,
По-моему?

Марфа Борисовна

Да ну уж, ладно, ладно.
Ты помолчи пока, мой друг сердечный!

Поспелов

Зачем молчать? Кого же мы боимся!

Марфа Борисовна

Что прежде времени молву пускать!
Не к спеху дело, погодим немного.

Поспелов

Да я боюсь, ты спятишься назад.

Марфа Борисовна

Зачем мне пятиться! Какая стать!
Ну, чем ты не жених? Собою красавец,
И развесёлый, и такой удалый!
Других таких не сыщешь. Из-под ручки
На женихов таких невесты смотрят.

Поспелов

Всё шутки у тебя. Мне не до шуток!
Тебе забава — мне кручина злая.
Я, точно подкошенная трава,
Без ветра-вихоря, без солнца вяну.

Марфа Борисовна

Ну что на улице за разговоры!
Немало дней у Бога; потолкуем

И после, без помехи, на досуге.
Ступай себе! Вон, видишь, из собора
Татьяна Юрьевна идёт. Прощай!
(Уходит.)

*Выходят Аксёнов, Тёмкин, Губанин, Лыткин и разные
торговые и посадские люди.*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

<Аксёнов, Тёмкин, Губанин, Лыткин, народ.>

Аксёнов

Ну, так как же, ребяташки, а? Ну вот теперь нас много сошлось, давайте поговорим толком!

Лыткин

И то надо толком. А то что это! Господи Боже мой! Тот говорит: «Давай денег!» Другой говорит: «Давай денег!» А для чего — никто толком не скажет.

Тёмкин

Тебе только всё разговаривать, ласы точить, а дела-то делать, видно, ты не любишь! Мало ещё, что ли, разговору-то было! Сорок дней со днём сходимся да толкуем.

Губанин

Уж и не говори! Срам! То есть, кажется, не глядел бы людям в глаза от стыда, особливо Кузьме Захарьичу. Он о земском деле печалится, а мы... Ах, стыдобушка!

Аксёнов

Значит, ребята, как в последний раз говорили, так и быть: третью деньгу.

Голоса

Третью деньгу. — Что ж, мы не прочь! — Так тому и быть! — Что сказано, то свято!

Губанин

Все, дедушко, согласны, все. (*К народу.*) Не стыдите, братцы! (*Аксёнову.*) Дедушко! Спорщиков нет.

Аксёнов

Постой ты, погоди! От трёх денег — деньгу; от рубля — десять алтын, от трёх рублей — рубль.

Голоса

Ладно! Ладно! (*Разговор в толпе.*) С десяти рублёв выходит — три рубля да десять алтын. А от сорока? — Долго ль счесть! — С пятидесяти руб-

лёв — пятнадцать рублёв. — Не пятнадцать, а шестнадцать рублёв двадцать два алтына. — Ишь ты, счётчик! — Да уж ладно, ладно!

Лыткин

Стойте! Как же это? Значит, всё одно, что семейный, что одинокий?

Губанин

Как тебе не грех рот-то разевать! Ужли один против всех пойдёшь?

Аксёнов

Тебе что за дело до одиноких! Одинокий-то, может, всё отдаст, да и сам своей головой пойдёт.

Тёмкин

Ах ты, жила! Прости, Господи!

Лыткин

Да что жила! Кому ж своего не жаль!

Губанин

На земское-то дело? Экой срам! Ну уж...

Аксёнов

Стало быть, и делу конец. Отслужить молебен, да и собирать.

Губанин

У нас в рукавичном ряду уж и деньги готовы.

Голоса

В железном хотят собирать. — Толкуют и в хлебном. — И в горшечном. — И в мясном. — И рыбаки.

Лыткин

А как же теперь товар?

Тёмкин

Прикинем.

Голоса

Известно, прикинем, что чего стоит. — Долго ль прикинуть. — В цену поставим.

Лыткин

А кто приценивать будет?

Тёмкин

Всё мы же.

Голоса

Промеж себя выберем. — Всякий в своём ряду. — Свой суд короче.

Лыткин

Да как же я поверю чужому человеку своё добро ценить!

Аксёнов

Мы не без креста ходим.

Тёмкин

Самому тебе не счесть, как мы сочтём.

Голос из толпы

Мы торговые люди, друг у дружки каждую деньгу насквозь видим.

Лыткин

Что ж такое! Лучше ложись да умирай!

Тёмкин

Ну и умирай! Ну, умирай!

Аксёнов

Ты для себя для одного, что ли, жить хочешь? Так ступай в лес, да и живи себе. С людьми живёшь, так и слушай, что мир говорит. Больше миру не будешь! Велит мир, так и всё отнимут.

Тёмкин

Да и отнимем, силой отнимем.

Лыткин

Да ведь это разор!

Тёмкин

Ну, да что на него смотреть, Пётр Аксёныч! Как сказано, так и будет. На том все и станем.

Голоса

Все! — Все!

Тёмкин

Есть тут кто-нибудь из немцев?

Немец

Я.

Тёмкин

Ты согласен?

Немец

Да!

Тёмкин

Вот видишь ты, Василий! Ну, скажи ты мне теперь, есть в тебе душа али нет?

Губанин

Брось ты его!

Тёмкин

Зреть не могу таких людей; вся душа во мне поворачивается.

А к с ё н о в
(*Лыткину тихо*)

Что тебе жалеть-то? Какое ты приданое возьмёшь! У ней, говорят, тысяч до двенадцати. Некуда будет тебе и деньги-то девать.

Л ы т к и н

Да верно ли?

А к с ё н о в

Вчера мы с ней о тебе говорили. Лучше, говорит, мне жениха и не надо.

Л ы т к и н

Ну, хорошо, я согласен из своих. Только чтобы из жениных не трогать.

Г о л о с а

Кузьма Захарьич идёт! — Кузьма Захарьич!

Входит Минин. Все кланяются.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

<Те же и Минин.>

А к с ё н о в

Мы положили третью деньгу брать
От денег, и с товару тоже.

М и н и н

Мало.

А к с ё н о в

И те с трудом, а больше не сберёшь.

М и н и н

Я знаю.

А к с ё н о в

Тяжело одним. Помогут
Другие города.

М и н и н

Плохая помощь!

Мне ждать нельзя. Мне Бог велел идти.
Смотрите на меня! Теперь не свой я,
А Божий. Не пойдёт никто, один
Пойду. На перепутьях буду кликать
Товарищей. В себе не волен я.
Послушайте!

Все обступают его.

Сегодня поздней ночью,
Уж к утру близко, сном я позабылся,

Да и не помню хорошенько, спал я
Или не спал. Вдруг вижу: образница
Вся облилася светом; в изголовье
Перед иконами явился муж
В одежде схимника, весь в херувимах,
Благословляющую поднял руку
И рек: «Козьма! Иди спасать Москву!
Буди уснувших!» Я вскочил от ложа,
Виденья дивного как не бывало;
Соборный благовест волной несётся,
Ночная темь колыхнется от звона,
Оконницы чуть слышно дребезжат,
Лампадки, догорая, чуть трепещут
Неясным блеском, и святые лики
То озарялися, то померкали,
И только разливалось по покоем
Благоухание.

А к с ё н о в

Слава в вышних Богу!

Но кто же старец? Рассмотрел ли ты?
Угодников ты подлинники знаешь.

Входит Нефёд.

<ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ>

<Те же и Нефёд.>

Не ф ё д

Где батюшко?

М и н и н

Что надо? Что случилось?..

Не ф ё д

Гонцы от Троицы Живоначальной,
От Сергия-угодника пришли.

М и н и н

От Сергия-угодника? И старец,
Явившийся мне, грешному, был Сергей!

Г о л о с а

Перст Божий! — Божья воля! — Чудеса!
Ещё от нас Господь не отступился.

Нефёд
У них письмо отца архимандрита
И келаря.

Минин
На воеводский двор
Ступай, Пospelов, прямо к воеводе!
Оповести его!

Поспелов уходит.

А вы собирайте
Дворян, детей боярских, и голов,
И сотников стрелецких и казацких,
И земских старост, и гостей, и всяких
Людей служилых к воеводе в дом.
А ты, Нефёд, домой! Веди гонцов!
Как есть с дороги, так пускай и идут.
Теперь в последний раз, друзья, пойду я
Боярам, воеводам поклониться.

Голоса
Господь поможет.— Он тебе поможет.—
Молиться будем! Господа умолим.

Все уходят.

СЦЕНА II

ЛИЦА

ВОЕВОДА.
ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ЗВЕНИГОРОДСКИЙ, товарищ воеводы¹.
АНДРЕЙ СЕМЁНОВИЧ АЛЯБЬЕВ.
БИРКИН.
СЕМЁНОВ.
МИНИН.
АКСЁНОВ.
ПОСПЕЛОВ.
КОЛЗАКОВ.
РОМАН ПАХОМОВ.
ДВОРЯНЕ, ДЕТИ БОЯРСКИЕ, ГОЛОВЫ, СТАРОСТЫ, БОГАТЫЕ
ПОСАДСКИЕ ЛЮДИ.

Большая богатая изба в воеводском доме.

¹ В ТПК, помета режиссёра: Без речей.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

В избу входят постепенно разные лица, всё более пожилые и зажиточные, Аксёнов, Минин, Пospelов, Роман Пахомов. Вновь пришедшие кланяются молча с теми, которые пришли прежде. Говорят шёпотом. Потом входят Воевода, Алябьев, Биркин, Семёнов, Колзаков и несколько народу. Роман Пахомов отдаёт грамоту Воеводе.

Воевода

(Пахомову)

Здорово ли доехал?

Роман Пахомов

Ничего.

Воевода

Ну, молодец же ты, Роман Пахомов!

Хвала и честь тебе! Чай, отдохнуть

С дороги-то захочешь?

Роман Пахомов

Да когда уж!

Велели к вам заехать, да в Казань.

Уж отдохну, вернувшись из Казани.

(Отходит.)

Воевода

Все собрались?

Голоса

Все.

Воевода

(отдаёт грамоту Семёнову)

Читай, Василий!

Семёнов

Сначала тут, как водится, все власти

Казанские и весь народ помянут:

Татары, черемисы, вотяки

И прочие.

(Читает.)

«Не раз мы вам писали

О нашей гибели и разоренье;

И снова молим вас: не позабудьте,

Что вы родились в православной вере,

Святым крещением знаменовались.

Сего-то ради положите подвиг

Страдания вашего за ваших братьев!

Молите всем народом христианским
Людей служилых быть в соединенье
И заодно стоять против врагов
И всех предателей хрестьянской веры.
Вы сами видите, что всем близка
От тех врагов конечная погибель.
В которых городех они владели,
Какое разоренье учинили!
Где Божьи образы и где святыня?
Не всё ли разорили до конца
И обругали наглým поруганьем!
Попомните и смилуйтесь над нами,
Не мешкая, идите в сход к Москве!
И положите подвиг пострадать
Для избавленья православной веры!
Казною и людьми помогите!
О том вас молим много со слезами
И от всего народа бьём челом!»

В о е в о д а

Вели списать ты список слово в слово,
А грамоту отдай свезти в Казань.

М и н и н

А что ответим?

С е м ё н о в

Знают воеводы

Про то, а наше дело будет — слушать.

М и н и н

Послушаем.

В о е в о д а

Мы рады бы идти,

Да нас походы разорили вовсе.

Давно ль ходил князь Александр Андреич.

А л я б ъ е в

И я ходил; без дела не сидели!

Казны да войска просят. Где ж нам взять?

А к с ё н о в

Поищем, так найдём.

С е м ё н о в

А где найдёшь ты?

А к с ё н о в

Промеж себя найдём; сберём, что можем.

С е м ё н о в

Сберёшь ты много!

М и н и н

Сколько ни на есть!

Уж это наше дело.

В о е в о д а

Доброй воли

Я не снимаю с вас. Сбирайте с Богом!

С е м ё н о в

Ну, может быть, кой-что и соберёте;

Что ж делать будете?

А к с ё н о в

Тебя не спросим.

М и н и н

Наймём людей служилых да стрельцов,

Да и пошлём к Москве.

С е м ё н о в

Без воеводы?

М и н и н

Как преж того водил Андрей Семёныч,

Так и теперь ему челом ударим.

А л я б ь е в

Я не пойду, устал.

М и н и н

Андрей Семёныч!

Ты вздумай, если нашим нерадением

Московскому крещёному народу

Конечная погибель учинится,

Иссякнет корень христианской веры,

И благолепие церковей Господних

В Московском государстве упразднится,

Какой ответ дадим мы в оный день,

В день страшного суда?

А л я б ь е в

А кто порукой,

Что наше войско враг не одолеет,

Что врозь оно не разбежится, прежде

Чем мы Москву перед собой увидим?
Не хуже нас ходили воеводы!
Со всех концов бесчисленное войско
Шло под Москву громовой чёрной тучей.
Да не дал Бог, все розно разошлись.
Так как же хочешь ты, чтоб с горстью войска
Я шёл к Москве! Мне с Господом не спорить!

М и н и н

Мы всё на Бога. Сами виноваты,
А говорим: «Бог не дал». Да за что
Ему и дать-то нам! Такое дело
Великое как делалось, сам знаешь.
Когда-то соберутся да пойдут,
Как точно через пень-колоду валят.
А соберутся — споры да раздоры:
Да не о том, кто первый помереть
За Русь святую хочет; разбирают,
Кто старший, набольший, кто чином больше,
Кто стольник, видишь ты, а кто боярин.
Другой боярин-то, гляди, в Калуге
Боярство-то от вора получил.
Да ты не осердись, Андрей Семёныч!

В о е в о д а

За что сердиться! Правду говоришь.

М и н и н

А там и говорят, что не дал Бог.
Что за корысть великим воеводам
За дело земское стоять до смерти!
Им хорошо везде. С царём повздорил,
Так в Тушино — там чин дадут боярский;
Повздорил там, опять к царю с повинной.
И все они, прости меня Господь,
Для временные сладости забыли
О муке вечной. Им ли нас спасать!

Г о л о с а

Что правда — правда. — Что греха таить!

В о е в о д а

Кому ж стоять теперь за Русь святую,
Кузьма Захарьев?

М и н и н

Тем, кто больше терпит,

Кто перед Богом не кривил душой.
Когда народ за Русь святую встанет,
И даст Господь победу над врагом.
Нам дороги родные пепелища,
Мы их не променяем ни на что.
Нам вера православная да церковь
Дороже всех сокровищ на земле.

В о е в о д а

За умноженье наших прегрешений
Господь казнит. Мы знаем то и терпим.
Так не грешно ли против Божьей воли
Нам восставать? Не лучше ли смириться?

М и н и н

Господь не век враждует против нас
И грешнику погибели не хочет.
Враг одолел, творя его веленье,
Смирились мы, и нам Господь пошлёт
Победу на врага и одоление!

А л я б ь е в

Мне следу нет идти, пускай другие.

М и н и н

Ты не пойдёшь, мы без тебя пойдём.
Позволь мне завтра кликнуть клич к народу;
Что соберём, с тем и пойдём к Москве.
По деньгам глядя, принаймём казаков.

Б и р к и н

Не знаю, что вам воевода скажет,
А я б тебе и думать не позволил
Сбивать казаков своевольных в город.
В Казани их пушают понемногу,
Так человек десятка два, не больше.
В тебя не влезешь. Говорят, чужая
Душа — потёмки. Может, ты затеял
Какую смуту аль измену всчать!

М и н и н

Чего не знаешь, ты б не говорил.
Я вот и знаю, да молчу. Ты лучше

Смотрел бы на себя, а не корил
Поклёпом злым людей, себя честнее.
Тебя с собой я не зову к Москве;
Тебе и в Тушине тепло бывало.
Я про тебя скажу такое слово,
Что ты язык прикусишь.

С е м ё н о в
(Воеводе)

Князь Василий

Андреевич, при нас такие речи
Он говорит. Возможно ли терпеть!

М и н и н
(показывая на Биркина)

Ты видишь, терпит.

В о с е в о д а
Замолчи, Кузьма.

М и н и н
Я замолчу, да уж и он не скажет
Ни слова больше, головой отвечу.

С е м ё н о в
Так я скажу. Я замысел твой вижу.
Не смуту, нет, ты смуты не затеешь,
Ты от казны попользоваться хочешь,
Чужой копейкой поживиться, вот что!
Вы все барышники!

М и н и н

Очнись, Василий

Семёнович! Ты старый человек!
По дурости ты это говоришь
Или по злобе на меня — не знаю.
Нет, я души своей не продавал
И не продам. Душа дороже денег,
Мы знаем твёрдо, ты не позабыл ли?
Мы тем живём, что Бог в торгу пошлёт;
К поборам да к посулам не привыкли;
Ты будь покоен, сам я не возьмусь
Ни собирать, ни соблюдать казну.
Мы старикам дадим на сбережение,
Уж только не тебе, ты не взыщи!

А к с ё н о в

Не в тягость служба, коли дело Божье
Да земское.

В о е в о д а

А много ли собрать
Мекаете? Вам это дело ближе,
Виднее.

М и н и н

Прикажи нам кликнуть клич,
Тогда увидим.

С е м ё н о в

Много не сберёте.

А к с ё н о в

Что Бог пошлёт, и тем довольны будем.
Василий княж Андреич, прикажи!

В о е в о д а

Все просите?

Г о л о с а

Все просим.— Все как есть.

В о е в о д а

Ну, кличьте, с Богом!

С е м ё н о в

(Минину)

Соберёшь алтын

За гордость за свою.

М и н и н

Не ошибись!

А к с ё н о в

Благодарим, Василий княж Андреич,
Что ты позволил нам к народу кликнуть
И собирать казну на Божье дело!
За что бы, кажется, благодарить!
Свои мы деньги соберём, положим
Свои труды; да ведь другой, пожалуй,
И помешал бы нам, а ты велишь.
Так уж тебе спасибо и за это!

М и н и н

Князья, и воеводы, и бояре,
И все честные люди, посудите

Своим умом и разумом великим
Мою простую речь! Не обессудьте,
Что я помимо старших затеваю
Такое дело! Я слуга Господень.
Сегодня ночью преподобный Сергей
Мне грешному явился, и велел он
Будить народ и поспешать к Москве.
Когда я близким стал про это чудо
Рассказывать, в тот самый час гонцы
Явились с грамотой архимандрита.
И мнится мне, что сам угодник Сергей
Её прислал. Бояре, воеводы!
Я чудо Божье утаить не смел
И вам поведал всё как перед Богом.
И слушать и не слушать ваша воля;
А мне одно: служить я буду Богу,
Пока исполнится завет Господень,
Пока кремлёвские увижу стены.

Г о л о с а

Иди, иди к Москве, Кузьма Захарыч!
Тебя Господь поддержит, укрепит...

В о е в о д а

И мы по силе — по мочи поможем.

Г о л о с а

Поможем все тебе! — Поможем все!

В о е в о д а

А грамоту снесите к протопопу,
Чтоб завтра за обедней прочитал.
Велите в колокол большой ударить,
Чтобы народу собралось побольше.

С е м ё н о в

А где свинцу да пороху возьмёте?
Без огненного боя как соваться!

М и н и н

Займём в Казани, там в остатке много.

С е м ё н о в

А не сберёшь ты войска, что тогда?

М и н и н

Один пойду.

Семёнов

Один — не ратник в поле.

Поспелов

Ты не один пойдёшь, и мы пойдём.

Посадские, торговые помогут

Вам деньгами, а мы все головами.

Дети боярские

Мы все идём с тобой, Кузьма Захарыч.

Поспелов

Служилые, войские мы люди,

Мы по приказу шли и умирали,

Велят — иди и голову клади;

Теперь без зова я иду, охотой!

Уж умирать — так за святое дело!

Колзаков

Тебя Господь своим сподобил чудом;

Иди же смело в бой, избранник Божий!

И нас возьми! Авось вернётся время,

Когда царям мы царства покоряли,

В незнаемые страны заходили,

Край видели земли, перед глазами

Земля морским отоком завершалась

И выл сердито море-окиян.

Довольно бражничать! Теперь есть дело:

Точить оружие, в поход собираться!

Воевода

И с Богом! Только жаль, что вас немного.

Минин

Да разве враг нас одолел числом?

Он одолел нас Божьим попущеньем.

Не силой силен враг, а Божьим гневом.

Аксёнов

Не войска нужно нам, а благодати.

Минин

Велик Господь, Владыко херувимский!

Прибежище и сила наша в Нём!

Его рука дала врагам победу,

Его рука притупит их мечи.

А к с ё н о в

Давид и мал, да сильного свергает.

П о с п е л о в

Немного храбрых вывел Геден.

М и н и н

Самсон всё войско костью побивает.

А к с ё н о в

От гласа труб валится Ерихон.

К о л з а к о в

С большой ордой побить врага не диво.

М и н и н

Во мнозе Бог! И в мале Бог!

А к с ё н о в

Аминь!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

ЛИЦА

ВОЕВОДА.

БИРКИН.

СЕМЁНОВ.

ПОСПЕЛОВ.

КОЛЗАКОВ.

МИНИН.

АКСЁНОВ.

ТЁМКИН.

ГУБАНИН.

ЛЫТКИН.

НЕФЁД МИНИН.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

МАРФА БОРИСОВНА.

ГРИША, юродивый.

ВСЯКИЕ ЛЮДИ НИЖНЕГО НОВГОРОДА ОБОЕГО ПОЛА. СЛЕПЫЕ.

Площадь в Кремле недалеко от собора. Начинает рассветать. Часть народа толпится на паперти, между ними Губанин. Вбегают Лыткин.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

<Губанин, Лыткин, народ.>

Лыткин

Отцы мои! Вот страсти-то!

(Увидав Губанина.)

Родимый!

Что за напасть, скажи?

Губанин

Кака напасть?

Лыткин

Зачем в большой-то колокол звонили?

Как начали звонить, я так и обмер,

Ну, думаю, беда, опять всполох

От воровских людей.

Губанин

Да ты опомнись!

Перекрестись!

Лыткин

Зачем в большой-то били?

Нет праздника.

Губанин

Чтобы народу больше
Понабралось. От Сергия прислали
К нам грамоту, теперь её читают.

Лыткин

Я сдуру-то подумал, что всполох,
Велел домашним собирать всю рухлядь
Да поскорей за каменную стену.
Тут у ворот под горкой и сложили.

Губанин

Кто о душе, а ты о суете.

Лыткин

Ну, ты ещё меня учить-то молод.

Губанин

Нельзя пройти, а хочется послушать,
Уж ничего б, кажись, не пожалел.

Лыткин

Послушал бы и я. Посторонитесь,
Почтенные! Попробуем пройти.

*Проходят. Народ мало-помалу протесняется в собор. У паперти открывается
кучка слепых, которые были скрыты народом.*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Слепые

(запевают)

Живал себе славен на вольном свету,
Пивал, едал сладко, носил хорошо.
Золотые одёжи богат надевал,
Про милость про Божью богат не давал.
Про нищую братью богат забывал.

*Заря занимается. Народ выходит из собора. Все утирают слёзы. Слышны
голоса: «Подайте слепому, убогому!», «Сотворите святую милостыню».
Мальчишки уводят слепых на паперть. Народ становится стенами,
образуя улицы для выходящих из собора.
Выходят Воевода, Биркин и Семёнов.*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

<Воевода, Биркин, Семёнов и народ.>

Воевода

(утирая слёзы)

Вы видели, как плакал весь народ,
Вы слышали тяжёлые рыдания!
Какие слёзы! Боже! Прав Кузьма:
С таким народом можно дело делать
Великое. Взгляните, эти слёзы —
Не хныканье старух и стариков,
В них сила страшная; омывшись ими,
Народ готов на подвиг. Хоть на битву
Веди его, хоть в монастырь честной,
Хоть на́ небо.

Семёнов

(со слезами)

Великую ты правду,
Андрей Семёныч, говоришь. Я стар,
Заматерел в грехах, а Божье слово
В час утренней молитвы возвышает
Мне душу грешную, и рвутся цепи,
К земле гнетущие!

Воевода

Конец страданию,

Заметно по всему. И страшно будет
Отмщение за пролитую кровь.

Биркин

Потерпят и ещё.

Воевода

Вот ты увидишь,

Что этот день — начало избавленья.
Народ проснулся. Даром так не плачут.
Поверь ты мне: заря освобожденья
Здесь, в Нижнем, занялась на всю Россию.

(Уходит.)

*Входят Аксёнов, Поспелов, Тёмкин, Губанин, Лыткин
и несколько народу.*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

*<Биркин, Семёнов, Аксёнов, Пospelов, Тёмкин, Губанин,
Лыткин и народ.>*

А к с ё н о в

Сейчас наказывал Кузьма Захарьич
Сказать народу, чтоб не расходился.
Пожалуй, после всех и не сберёшь.
Теперь в соборе заказал молебен
Он ангелу-хранителю Косьме
Бессребренику. Вы поговорите
С народом-то, пока молебен кончат.

Тёмкин и Губанин отходят к народу, один в одну сторону, другой в другую.

Т ё м к и н

Почтенные! Маленько подождите:
Кузьма Захарьич хочет говорить.

Г у б а н и н

Коли не в труд, повремените малость:
Кузьма Захарьич приказал просить.

М и н и н выходит из собора.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

<Те же и Минин.>

М и н и н

(с лобного места)

Друзья и братья! Русь святая гибнет!
Друзья и братья! Православной вере,
В которой мы родились и крестились,
Конечная погибель предстоит.
Святители, молитвенники наши,
О помощи взывают, молят слёзно.
Вы слышали их слёзное прошение!
Поможем, братья, родине святой!
Что ж! Разве в нас сердца окаменели?
Не все ль мы дети матери одной?
Не все ль мы братья от одной купели?

Г о л о с а

Мы все, Кузьма Захарьич, все хотим
Помочь Москве и вере православной.

М и н и н

И аще, братья, похотим помочь,
Не пожалеем наших достояний!
Не пощадим казны и животов!
Мы продадим дворы свои и дома!
А будет мало — жён, детей заложим!

Г о л о с а

Заложим жён! — Детей своих заложим!

М и н и н

Что мешкать даром, время нас не ждёт!
Нет дела ратного без воеводы:
Изыщем, братия, честного мужа,
Которому то дело за обычай,
Вести к Москве и земским делом править.
Кто воеводой будет?

Г о л о с а

Князь Димитрий

Михайлович Пожарский! — Князь Пожарский!
Другого нам не надо!

М и н и н

Воля божья!

Пожарского избрали мы всем миром —
Ему и править нами. Глас народа —
Глас Божий. Выборных людей пошлём
Просить и кланяться, чтоб шёл к нам наспех.
Теперь, друзья, несите, кто что может,
На дело земское, на помощь ратным.
Я — Господи, благослови начало —
Свои, коплёные и трудовые,
Все, до последнего рубля, кладу.

Н е с к о л ь к о г о л о с о в

И мы, и мы все за тобой готовы
Отдать свою копейку трудовую!

Д р у г и е г о л о с а

Что деньги! Деньги дело наживное;
Как живы будем, наживём опять.

М и н и н

Да из собора я послал Нефёда,
Чтоб из дому несли, что подороже:
Жены Татьяны подноси и серьги,

Весь жемчут, перстни, ферязи цветные,
Камку и бархат, соболь и лисицу;
Да взяли б у святых икон взаймы,
На время только, ризы золотые.
Пошлёт Господь, оправим их опять.

Г о л о с а

Всё отдадим! — Теперь не до нарядов!
В нарядах суета мирская ходит!

Начинаются приношения.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

<Те же и народ.>

М и н и н

Ты, Пётр Аксёныч, стань, блюда казну!
Ты, дедушко, — не знаю, как назвать-то, —
Постой у денег! Принимайте вместе!

Аксёнов и старик всходят на лобное место и принимают приношения.

Минин сходит.

Б и р к и н

Нет, в Нижнем принялись за дело крепко.
Здесь делать нечего, а подобру
Да поздорову лучше убираться.

С е м ё н о в

(подходит к Минину)

Обидел я тебя, Кузьма Захарыч,
Прости меня!

М и н и н

Господь тебя простит.

С е м ё н о в

Я мнил, смущаю дьявольским прельщением,
Что грубый ты и гордый человек,
Что ради славы суетной ты ищешь
Владычества над равными тебе
И временной корысти. Просвещает
Господь мне очи ныне. Зрю в тебе
Поборника по вере православной,
Ясносиятельной и непорочной,
И кланяюсь тебе, прости меня!

М и н и н
Не у меня, у Господа прощенья
Проси! А я обид твоих не помню.

С е м ё н о в
Ну, и спаси тебя Господь за это!
Не откажите малый вклад принять
От многогрешного раба Василья.

Отходят с Мининым.

Народ более и более теснится у лобного места. Начинают приносить даже вещи, что и продолжается до конца действия.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

<Т е ж е, без Семёнова.>

Г у б а н и н
(Тёмкину)
Пойти домой, принесть своё хоботье!
Оставляю чашку щей да хлеба на день,
С меня и будет.

Т ё м к и н
Погоди, успеешь!
Мы первые пошли на это дело,
Не спятимся. Что, Лыткин замолчал?

Г у б а н и н
Ты знаешь, Лыткина именье близко:
Он в город перенёс, боясь всполоху;
Как давеча к обедне зазвонили
В большое било, он и испугался.

Т ё м к и н
Ну, ладно ж! Погоди, Василий Лыткин!
(Лыткину.)
Ай, Вася! Вот хвалю! Так, брат, и надо!

Л ы т к и н
А что?

Т ё м к и н
Да как же! Ты свои пожитки
Все приволок. Чего-нибудь да стоит.

Л ы т к и н
Да нешто я про вас?

Т ё м к и н

А про кого же?

Л ы т к и н

Я для сохранности принёс.

Т ё м к и н

Ну, полно

Шутить-то с нами!

Л ы т к и н

Да какие шутки!

А вот возьму да и пошлю домой.

Т ё м к и н

Покойников с погосту в дом не носят.

Л ы т к и н

Так что же вы хотите?

Т ё м к и н

Вот покличем

Мы молодцов, перетаскают мигом.

А из мирской казны не отдадут.

Г у б а н и н

Да и просить-то стыдно.

Л ы т к и н

Что ж вы, грабить

Меня хотите?

Т ё м к и н

Как же быть с тобой?

Неволя заставляет, сам доводишь!

Л ы т к и н

Не погубите!

Т ё м к и н

Вот что, брат Василий!

Дай деньгами! Пожитков мы не тронем.

Г у б а н и н

Ведь деньги все с тобой? Боясь всполоху,

Все до копейки из дому унёс?

Л ы т к и н

А много ль?

Т ё м к и н

Всё отдай!

Губанин

Ну, половину!

Лыткин

Ой, много!

Тёмкин

А заспоришь, хуже будет.

Губанин

Ну, третью деньгу дай!

Тёмкин

С лихой собаки

Хоть шерсти клоч.

Губанин

Как на миру решили!

Тёмкин

Развязывай кошель-то, сосчитаем!

Все трое садятся на землю и считают деньги.

Три доли ровно, видишь. Две тебе,

Сбирай в мошну, завязывай потуже!

А третью часть сыпь в шапку, да и с Богом

Пойдём все вместе, отдадим с поклоном.

Подходят к Аксёнову.

Примай-ко, Пётр Аксёныч!

Лыткин подаёт шапку.

Аксёнов

(высыпает деньги и возвращает шапку)

Вот спасибо!

Не ожидал я от тебя, Василий.

Лыткин

Я на мирскую нужду не жалею.

(Отходит.)

Уж только знает грудь да подоплёка,

Как мне легко. Одна теперь надежда —

Богатое приданое мне взять.

Входит Колзиков.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

<Те же и Колзаков.>

Колзаков

(Минину)

А я что дам? До нитки домотался!
А надо бы беречь на чёрный день.
И у меня добра довольно было,
Да сплыло всё. Теперь людям завидно.
Не то завидно, милый человек,
Что хорошо живут да чисто ходят,
А то завидно, что добро несут,
А мне вот нечего. И одежонка
Вся тут. Да! Погоди! Тельник на шее,
Серебряный, большой. Ну, слава Богу!
Нашлось-таки, что Господу отдать.

(Снимает.)

Возьми! Возьми! Пускай хоть раз-то в жизни
Пойдёт на дело и моя копейка.

Входят Татьяна Юрьевна и Нефёд. За ними несут сундуки и ларцы.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

<Те же, Татьяна Юрьевна и Нефёд.>

Нефёд

Как, батюшко, изволил приказать,
Так точно мы, по твоему приказу,
И сделали — всё принесли сюда.

Минин

Вон, видишь, Пётр Аксёныч собирает!
Кладите в кучу, после разберут.

Татьяна Юрьевна

Вот, государь ты мой, Кузьма Захарьич,
Ты приказал жене твоей, Татьяне,
Прислать тебе жемчуг и ожерелья,
И с камешками перстеньки, и всю
Забаву нашу бабью. Я не знаю,
На что тебе! Я всё в ларец поклала,
Не думавши, взяла и принесла.
Ты дума крепкая, Кузьма Захарьич,
Ты слово твёрдое, так что нам думать?

Минин
Сама Петру Аксёнычу отдай!
Татьяна Юрьевна
Всё, государь, исполню, что прикажешь.
(Отдаёт.)

Входит Марфа Борисовна, за ней несут сундуки и ларцы.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

<Те же и Марфа Борисовна.>

Лыткин
Никак весь дом несёт! Прощай, невеста,
Приданое! Останусь ни при чём.
Марфа Борисовна
Богатое наследство мне осталось
От мужа моего и господина.
Отцы и деды прежде накопили,
А он, своим умом и счастьем, много
К отцовскому наследию прибавил
И умер в ранних летах; не судил
Ему Господь плоды трудов увидеть,
Покрасоваться нажитым добром.
Благословенья не было от Бога
Мне на детей — одним-одна осталась
Хозяйкою несчётного добра,
Добра чужого, — я с собою мало
В дом принесла. Искала я родных;
Родни его ни близкой не осталось,
Ни дальней. Вздумала я — догадалась
Раздать казну за упокой души,
И весело мне стало, что заботу
Такую дорожную Бог послал.
И вот, благословясь, я раздавала
По храмам Божьим на помин души,
И нищей братье по рукам, в раздачу,
Убогим, и слепым, и прокажённым,
Сиротам и в убогие дома,
Колодникам и в тюрьмах заключённым,
В обители: и в Киев, и в Ростов,
В Москву и Углич, в Суздаль и Владимир,

На Бело-озеро, в Поморье, в Галич,
И в Грецию, и на Святую Гору,
И не могла раздать. Всё прибавлялось —
То долг несут, то кортому с угодий.
И, не внуши вам Бог такого дела,
Ни в жизнь бы мне не рассчитаться с долгом.
(Отходит к стороне.)

Народу всё больше прибывает на площадь.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Один из толпы
Вот шесть алтын, две деньги!

Другой

Зипунишко!

Подают. К лобному месту подходят толпами.

Голоса

Вот наши деньги, из квасного ряду! —
Из рукавичного! — От ярославцев! —
Костромичи собрали — принимайте! —
Стрельцы Колзакова Баима сотни!

Поспелов

Вот праздник так уж праздник! Ну, веселье!

Минин

Не явно ли благословенье Божье!
Теперь у нас и войско, и казна,
И полководец. Недалёко время,
Когда, вооружась и окрылатев,
Как непоборные орлы, помчимся.
За нас молитвы целого народа,
Детей, и жён, и старцев многолетних,
И пенье иноков, и клир церковный,
Елей лампад, курение кадил!
За нас угодники и чудотворцы,
И легионы грозных сил небесных,
Полк ангелов и Божья благодать!

Вбегает юродивый.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

<Те же и юродивый.>

Г о л о с а

Бежит убогий! — Гриша! — Пропустите!

Ю р о д и в ы й

(на лобном месте)

Вот денежки! Копеечки! Возьмите!

Их много, много!

(Высыпает деньги.)

Г о л о с а

Вот он собирал

Всё на дорогу-то! — Выходит, правда.

Уж эти деньги, братцы, всех дороже.

Ю р о д и в ы й

Темно! Темно! Не вижу ничего!

Где люди? Где земля? Всё вниз уходит.

Повыше бы подняться! Выше! Выше!

Его поднимают.

Я вижу, вижу!..

Г о л о с а

Что ты видишь, Гриша?

Всем сказывай! — Всем говори, что видишь!

Ю р о д и в ы й

Обители, соборы, много храмов,

Стена высокая, дворцы, палаты,

Кругом стены посады протянулись,

Далёко в поле слободы легли,

Всё по горам сады, на церквах главы

Всё золотые. Вот одна всех выше

На солнышке играет голова,

Река, как лента, вьётся... Кремль!.. Москва!..

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

СЦЕНА I

ЛИЦА

МИНИН.
ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.
НЕФЁД.
АКСЁНОВ.
ПОСПЕЛОВ.
СЕМЁНОВ.
ПЛОЩАДНЫЙ ПОДЪЯЧИЙ.
ВЫБОРНЫЕ.
НАРОД.

Горница в доме Минина. Налево дверь в другой покой, прямо — в сени.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

*Минин, Татьяна Юрьевна и Нефёд.
Входят выборные, Семёнов.*

Семёнов

Кузьма Захарыч! Ведомо тебе,
Что мы всем миром посылали к князю
Димитрию Михайловичу в Пурех
Нижегородцев, выборных людей
Из всех чинов, с великим челобитьем.
Князь Дмитрий наше челобитье принял
И приказал сказать всему народу,
Что ради веры пострадать готов.
У сбора же казны и у раздачи
На жалованье ратным людям денег
Приговорили кланяться тебе
И звать к мирскому делу неотступно.

Один из выборных
Уж не впервой тебе, Кузьма Захарыч,
За дело земское руками браться.
Мы много милостью твоей довольны.
И в этом разе ты нас не покинь.

Все кланяются.

Другой выборный
Кузьма Захарыч! Мы к тебе с поклоном,
С великим челобитьем прибегаем.

Все кланяются.

Г о л о с а

Кузьма Захарьич, послужи! — Кому же,
Опричь тебя и некому у нас! —
Все просим: послужи, Кузьма Захарьич!

Кланяются.

М и н и н

Благодарю, что вспомнили меня,
И низко кланяюсь. За честь спасибо!
(Кланяется.)

Есть поумней меня и побогаче,
Да и постарше, прежде тех просите!

Г о л о с а

Нам никого не надо. — Не хотим.

М и н и н

Не бегал я от службы никогда,
Для дела земского бросал заботы
Свои домашние, семью, торговлю.
Вот и недавно подняли мы дело
И малое начало положили
Великому. Жалел ли я себя?
И деньги, и добро принёс я первый.
По-моему-то, всем так подобает;
А может, кто жалеет. Как тут быть!
Как тут орудовать! Один и душу
Рад заложить — другому жаль копейку.
Стань принуждать, его обидишь кровно.
И только грех, да брань, да урекание!
Послужишь Богу, так людей обидишь!
Людям служить, так Богу согрешить!
Кому служить-то: людям или правде?

Г о л о с а

Ты правде послужи, Кузьма Захарьич!

М и н и н

Служил бы правде, силы не хватает.
Последнюю на службе истерял.
Работал много, наработал мало!
Хлопот по горло, дела на алтын!
Любовью начали, свели на ссору!
Хотели волей собирать подмогу,
Теперь хоть силой отымай, так в пору.

Что было силы, послужил народу.
Уж не взыщите, утрудился больно.

(Кланяется.)

Другому кланяйтесь, я не слуга вам!
Последнее вам слово говорю.

В ы б о р н ы е
Прощенья просим!

М и н и н

С Богом оставаться!

Уходят выборные. Входят Аксёнов и Пospelов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

<Минин, Аксёнов, Пospelов, Нефёд, Татьяна Юрьевна.>

М и н и н

Душа моя открыта перед Богом,
Я рад служить, рад душу положить!
Я к делу земскому рождён. Я вырос
На площади, между народных сходов,
Я рано плакал о народном горе,
И не по летам тяжесть земской службы
Я на плечах носил своей охотой.
Теперь зовут меня, а я нейду;
И не пойду служить, пока весь Нижний
В моих руках не будет поголовно
Со всем народом и со всем добром.

Входят двое выборных.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

<Те же и выборные.>

В ы б о р н ы е
Кузьма Захарыч, мы опять к тебе.

М и н и н

Сказал, что не пойду, — чего ж хотите!
Я и в другой раз то же говорю,
Придёте в третий, в третий то же будет.

В ы б о р н ы е уходят.

А к с ё н о в

Постой-ко, я пойду, скажу им толком,
Чтоб отдались тебе совсем на волю
И написали земский приговор,
Как ты велишь.

(Уходит.)

М и н и н

Тогда — другое дело,
И разговор пойдёт другой у нас.

Т а т ь я н а Ю р ь е в н а

Ты рассказал бы, Алексей Михайлыч,
Как принял вас и выборных князь Дмитрий
Михайлович и что он говорил,
А я послушаю.

П о с п е л о в

Изволь, послушай!

Вот, перво-наперво, мы духовенство
Пустили в горницу, а там, честь честью,
Вошли и мы, кто старше, впереди.
Все помолились, низко поклонились.
Князь подошёл к благословенью, отдал
Нам всем поклон и начал говорить,
Что рад гостям и что желает слышать,
Какую нужду до него имеют.
Тут все заговорили. Дьяк Василий
Большую речь держал хитро и складно
И приводил слова святых писаний.
Князь слёзно плакал. Видно, что по сердцу
Ему пришёл наш земский приговор.
«Ступайте в Нижний, говорит, скажите,
Что я за веру пострадать готов
До самой смерти. Только подобает
Между собою из людей посадских
Вам выбрать мужа, чтобы вместе быть
Нам у великого такого дела,
Казну собирать и ратных оделять,
И все дела нам делать заедино!»
И стали наши князю говорить:
«Не знаем мы такого человека!»

М и н и н

(жене)

Они не знают! Слышишь ты, не знают!
Меня от службы земской оттирают,
Иду в холопы к ним — не принимают.

П о с п е л о в

А князь им говорит: «У вас Кузьма
Захарьев, Сухорук, то дело знает;
Он человек бывалый и служилый,
Ему такое дело за обычай!
Его просите! Буде согласится,
И я, не мешкая, собираться буду».
Нас накормили, брагой напоили
И с миром отпустили. Вот и всё.

Н е ф ё д

Вернулись, батюшко, идут опять,
Подьячего ведут со всем припасом.

Входят Аксёнов, подьячий, выборные и народ.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

<Те же, Аксёнов, подьячий, выборные и народ.>

Один из выборных

Вели писать, а мы вперёд согласны
На всякий твой приказ, Кузьма Захарыч.

М и н и н

(подьячему)

Садись, пиши!

Подьячий садится.

Всех помяни вначале!

Дворян, детей боярских, и голов,
И выборных, и старост, и посадских
Всех по порядку напиши, как знаешь.

(Помолчав.)

Пиши, что выбрали меня всем миром
У сбора денег ратным людям быть.

(Помолчав.)

Пиши! И быть нам Кузьме послушным
И не противиться ему ни в чём!
На жалованье ратным людям деньги
Имать у нас у всех беспрекословно!

А не достанет денег — животы,
А животов не станет — жён с детьми
Имать у нас и отдавать в заклад.
(Помолчав.)

Готово?

Подъячий
Написал.

Минин
(народу)
Ну, ладно ль будет?

Голоса
Пусть будет так! Прикладывайте руки!
Прикладывают руки.

Минин
Не премину радеть о земском деле,
А за любовь за вашу бью челом.
(Кланяется.)
Теперь у Господа молить я буду,
Чтоб даровал мне силу мышц, и мудрость
Змеиную, и кротость голубину.

Один из выборных
Готово. Принимай, Кузьма Захарыч!
(Подает приговор.)

Минин
Сбирайтесь в путь, везите с береженьем
И князю Дмитрию отдайте в руки.

Передаёт Нефёду и Пospелову. Они уходят.

О Господи! Благодарю тебя!
(Падает на колени.)

Аксёнов
Давно стоит земля, а не бывало
Такого дела на святой Руси.
И небывалую ты служишь службу.
Прими ж такое звание от нас,
Какого деды наши не слыхали
И внуки не услышат, и зовись
Ты выборным всей Русскою землею!

Голоса
Ты выборный от всей земли великой!

СЦЕНА II

(24 августа 1612 г.)

ЛИЦА

КНЯЗЬ ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ ПОЖАРСКИЙ, воевода Нижегородской рати.
МИНИН.

ПОСПЕЛОВ.

БАИМ КОЛЗАКОВ.

АФАНАСИЙ КОЛОМНА, казацкий атаман из полков князя Трубецкого.

ПАВЛИК.

СТАРИК, странник.

ПЕРВЫЙ } стрельцы.

ВТОРОЙ }

ПЕРВЫЙ } казаки.

ВТОРОЙ }

ДВОРЯНЕ, ДЕТИ БОЯРСКИЕ, СТРЕЛЬЦЫ, КАЗАКИ, ПОЛЯКИ, ВЕНГРЫ
И ЗАПОРОЖЦЫ.

За Москвой-рекой, против Кремля. Направо тын Климентовского острога с бойницами и воротами, налево деревянная церковь св. Климента, прямо земляной вал, за валом, вдали, виден Кремль.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Несколько поляков, венгров, запорожцев, столпившись у церкви, стреляют по острогу. Казаки отстреливаются со стен, делают вылазку и наступают на неприятеля. Подле острога и у церкви несколько убитых и раненых.

Первый казак
(на стене)

Из таборов к нам помощь. Вот Коломна
С своим полком.

Второй казак
(на стене)

А вот ещё подмога!
С дворянами спешит сюда Пожарский.

Коломна с казаками показывается на валу.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

<Те же и Коломна с казаками.>

Коломна
Кричите: «Сергиев!» Святое слово
На помощь нам и на беду врагу.

Казаки

За Сергиев! За Сергиев! Дружней!

(Бросаются на неприятелей, те бегут, они их преследуют; некоторые остаются у острога.)

На валу показываются Пожарский, Минин, Колзаков, Поспелов, дворяне, боярские дети и стрельцы.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

<Те же, Пожарский, Минин, Колзаков, Поспелов, дворяне, боярские дети и стрельцы.>

Князь Пожарский

(оборотясь назад)

Пусть пешие залягут по дорогам,

А конные держитесь у острога.

Казаки

Мы Климентов острог опять отбили.

Минин

И молодцы!

Все сходят с вала.

Казаки

А вы-то что такое!

Богаты вы пришли из Ярославля

И помогать казакам не хотите!

И наги мы, и голодны, и босы,

И умирать всё нам же!

Пожарский

(садясь на бревно)

Полно, друг!

Грешно тебе! Ты видишь, я не прячусь.

С утра дерусь, кольчуги не скидая,

Москву-реку переходил два раза

На помощь вам. Вы сами-то недружно

Встречаете врага. Вы здесь, в остроге,

С поляками дерётесь целый день,

А половина в таборах за пьянством,

Играют в зернь у Яузских ворот.

Минин

Безбожные! Вас келарь Авраамий

Из таборов погнал святой иконой.

К а з а к

Он был и здесь с иконой.

М и н и н

Мы послали.

Он нам служил молебн у Ильи,
Как вы бежать хотели от острожка
И гетмана с запасом пропустить.

К а з а к и

Да, правда! — Он-то нас и удержал.

П о с п е л о в

Ну, воины! Монахи вас храбрее!

П о ж а р с к и й

(строго)

Не ссориться! Не храбростью считаться
Сошлись мы здесь, а помогать друг другу.
(Колзакову.)

Поди, Баим, по сторонам дороги
Расставь своих в крапиве и в кустах.
И бейте из пищалей по обозу,
Коль повезут. По ямам и оврагам
Ты положи засаду!

К о л з а к о в

Эй, за мной!

(Уходит с стрелцами.)

Слышны выстрелы.

К а з а к

Рассыпаны и наши по дорогам,
Лежат во рвах, проезды берегут.

К а з а к и

(со стены)

Никак бегут? Чужие или наши,
Не разберёшь.

К а з а к

Коломна с казаками

Назад бежат.

М и н и н

Погони не видать.

К а з а к

Другие атаманы подоспели
На выручку. Вот драка заварилась.

Входят Коломна и казаки.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

<Те же, Коломна и казаки.>

К о л о м н а

Эх, горячо! Ребята, отдохните!
Умаялись. Челом тебе, князь Дмитрий
Михайлович. Спасибо, что пришли.
Горячий бой кипит. Боюсь, чтоб наши
Не побежали в таборы опять.

(Садится.)

М и н и н

(Пожарскому)

Прости меня, надежда, князь Димитрий
Михайлович, за речь мою! Ты храбрый,
Искусный вождь, а я простой мужик.
Вот речь моя какая: с поляками
Мы бьёмся целый день с утра до ночи
Лицом к лицу; они ловчее нас,
Привычнее, и нам не состоять
От напусков черкасов, угров, немцев.
Мы попусту людей лишь только тратим
И к ночи вовсе выбьёмся из сил,
А той порой они с запасом в город
И подойдут — и нам Кремля не взять.
Затянется опять осада на год.
Пусти меня, я счастья попытаю,
Попробую их сзади обойти,
Отрезать им обратную дорогу,
От Крымского двора зайти. Увидишь,
Что гетман бросит сам свои обозы,
В свой старый стан, к монастырю Донскому,
Покинув всё, спастись побежит,
А в ту пору всей ратью вы и гряньте.
Коль силы нет, нам ум даёт Господь.

П о ж а р с к и й
Ступай, Кузьма, бери кого ты хочешь.

М и н и н
Хмелевского возьму, Пospelов с сотней
Пойдёт со мной, охотники найдутся.
У Крымского двора всего две роты.

П о с п е л о в
Мои готовы, мигом соберутся.

Д е т и б о я р с к и е
И нас возьми с собой, Кузьма Захарыч.

М и н и н
Мне сотни три, а больше и не надо.

П о ж а р с к и й
Ступай, Кузьма, дай Бог тебе счастливо!

М и н и н
Простимся, князь.

Целуются.

Охота есть большая
Служить земле родной. Господь поможет,
Вернуся жив, так ладно; не вернуся,
Так лихом ты меня не помяни.
(Уходит, за ним Пospelов и несколько боярских детей.)

П о ж а р с к и й
Благая мысль пришла Кузьме; я верю,
Что Бог ему поможет. Он задумал
Такое дело, что вождям искусным
И в голову не приходило прежде.

К о л о м н а
Всё дело-то задумали вы ладно.
Простой мужик, а сколько войска набрал,
Богатого и платьем, и казной.
Не то что мы, голодная голутва.
Не надивлюсь, где денег вы набрали,
Кажись, уж Русь разорена дотла.

П о ж а р с к и й
Пора бы вам увидеть, догадаться,
Что в честном деле помогает Бог.

К о л о м н а
Вам хорошо — сполáгоря живётся,
У вас кормы и жалованье ратным,

А мы живём день за́ день, точно птицы,
Сегодня сыт и пьян, и слава Богу,
А завтра сам, как хочешь, промышлай.
Не грабил бы, неволя заставляет.
За что теперь мы бьёмся?

Пожарский

За Москву.

Коломна

Кому она нужнее? Нам, казакам,
Москва не мать, а мачеха. Для вас же
Стараемся, так вы и заплатите
За службу нам.

Пожарский

Мне келарь Авраамий

Уж сказывал, что вы просили денег.
Он хочет вам от Сергия прислать
Оклад с икон и ризы дорогие
В залог за службу в тысячи рублях.
Оклад пропейте, ризы износите!
Довольны ль вы?

Коломна

Греха не побоятся,

Возьмут залог, а лучше бы не брать.
Эх, горе нам! Ты, князь, за что серчаешь?
И в казаках не все равны. Не мы ли
Третьёводня на выручку пришли,
Как гетман вас погнал с Девичья поля?

Пожарский

Да разве ты?

Коломна

Я в первых был, за мною

Другие атаманы. За спасибо,
Не за корысть, мы выручили вас.

Пожарский

Как звать тебя?

Коломна

Коломна, Афанасий.

Пожарский

Прости меня, Коломна, ты в обиду
Не ставь моих речей! Тебе спасибо!

Не для меня, для Бога ты старался,
И Бог тебе заплатит. Вы, как братья,
Спешили к нам на выручку, другие ж
Ругали нас из-за Москвы-реки.
Про них и речь, а о тебе ни слова.
К хорошему дурное не пристанет,
А про воров нельзя не говорить.

(Дворянам.)

Пойдёмте-ка, с острога мы посмотрим,
Не видно ли, что делает Кузьма?
(Уходит в ворота острожка, Коломна за ним.)

Двое стрельцов приводят раненого Колзакова.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

<Колзаков, первый и второй стрельцы и раненые.>

Колзаков

Куда ещё? Довольно! Здесь, у храма,
На паперти меня и положите!

(Садится на паперть.)

Я здесь умру. Попа теперь не сыщешь.

Я во грехах своих покаюсь вам.

Грехи мои великие: я бражник!

И умереть я чаял за гульбой,

Но спас меня Господь от смерти грешной.

Великое Кузьма затеял дело,

Я дал ему последний крест с себя;

Пошёл за ним, Московский Кремль увидел,

С врагами бился так же, как другие,

И умираю за святую Русь.

Скажите всем, как будете вы в Нижнем,

Чтобы меня, как знают, помянули —

Молитвою, винцом иль добрым словом.

Первый стрелец

(утирая слезу)

Ты мученик, тебя Господь простит.

Второй стрелец

(утирая слезу)

А потому ты, ежели за веру,

Сейчас на небеса.

Первый стрелец

(нагибаясь к Колзакову)

И беспрерывно.

Поверь ты мне, Баим! Послушай! Помер!

Снимают шапки.

А добрый был, прими его Господь!

*Выходят Пожарский, Коломна, дворяне, дети боярские
и казаки.*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

*<Те же, Пожарский, Коломна, дворяне, дети боярские,
сотник и казаки.>*

Пожарский

(всходит на вал)

Пальба и пыль от нас, а не на нас.

К монастырю Донскому! Гетман дрогнул.

Скорей коня! Теперь настало время

Ударить враз. Не выдадим Кузьму.

Сбирайте сотни! На конь, и за дело!

Сотник

(на валу)

Живее на конь!

Казаки

Мы за вами разом.

Входит раненый Поспелов.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

<Те же и Поспелов.>

Пожарский

Откуда ты, Поспелов? Ранен?

Поспелов

Ранен.

У Крымского двора мы конных сбили.

С испугу те ударились бежать

И пешую свою стоптали роту.

Ходкевич сам, увидя нас в тылу,

Екатерининский свой стан покинул,

К монастырю бежит со всею силой.

Кузьма Захарыч по пятам за ним,
Лишь я отстал; скакать не стало силы.

Пожарский
Молись! За мной.
(Уходит.)

Входит старик в страннической одежде, через плечо на ремне висит сулея, через другое — сумка с травами и корнями. Нагибается к раненым, прикладывает траву и даёт пить из сулейки.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

<Поспелов и старик-странник.>

Поспелов
(садясь)

От родины далёко,
Без помощи, среди чужих людей
Я встречу смерть. Прощайте, золотые
Мечты мои! Хотелось бы пожить
И выслужить себе и честь, и место
Почётное. Обзавестись хозяйкой
Любимою, любить её, как душу,
Семью завести и вынянчить детей.
Да не дал Бог — судьба не то судила,
Судила мне лежать в земле сырой,
Похоронить и молодость, и силу
Вдали от стен родного пепелища!
В глазах темно, то ночь ли наступает
Иль смерть идёт, не знаю.
(Шепчет.)

Боже, душу
Прими мою и упокой в селеньях,
(падает в изнеможении)
Где праведные...

Старик
(нагибаясь над Колзаковым)

Уж никакое зелье
Поднять тебя не может, божий воин.
(Подходит к другому воину, прикладывает траву к голове.)
Ты две зари носи её на ране,
(даёт корень)

А это жуй поутру, не молясь.
(Подходит к Поспелову, вливает ему несколько капель, тот приходит в чувство.)

П о с п е л о в
Откуда ты? Сам Бог тебя послал.
Ты кто, старик?

С т а р и к
Я странный богомолец,
По таборам хожу; обет я принял
Болящих чад безмездно врачевать.
Открыты мне травы целебной силы,
А кем и как, то знаю я один.

П о с п е л о в
Мне жизнь мила, перед тобой не скрою.

С т а р и к
Ты будешь жив, твоя болезнь не к смерти.
Лицо твоё светло, и жилы бьются.
Кому не жить, тот тёмен, как земля.
Мы все земля, и если наше тело
Темнеть начнёт, так, значит, в землю хочет.
Ты ослабел от ран, и много крови
Ты истерял... Произволением Божиим
Растёт трава, названьем «девесил»,
Недаром ей прозвание такое,
В ком силы нет — прибавит девять сил,
Настой её тебе на пользу будет,
Хлебни его! А рану ты завяжешь.
Плечо твоё уязвлено железом.

(Завязывает руку.)

Входит П а в л и к.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

<Те же и П а в л и к.>

П о с п е л о в
Кто бродит там? Знакомое обличье.

Павлик подходит ближе.

Да это наш, из Нижнего. Ты Павлик
Из биркинских? Ты был в бегах?

П а в л и к
На время,
Не ужился с Кузьмой, — мы нравом разны,
От грубости его я убежал.

У вас за малость попадёшь в застенок,
А я висеть на дыбе не люблю.
В Казани был у Шульгина, там лучше,
Простей живут. Недавно был и в Нижнем
Ненадолго. Вот в таборы попал,
В подъячих я у князя Трубецкого.

П о с п е л о в

Что Нижний наш?

П а в л и к

Стоит на том же месте.

Ругают вас и Минина Кузьму.
Ограбили народ, наговорили
С три короба: «Идём на Божье дело!»
А полгода гуляли в Ярославле
И тратили добро мирское даром.

П о с п е л о в

У нас с тобой ума не хватит, Павлик,
Судить бояр и Минина Кузьму.
А в Нижнем ты знакомых не видал ли?

П а в л и к

А кто твои знакомые? Я знаю
Наперечёт весь Нижний, всех собак,
Не только что людей.

П о с п е л о в

Ну, Пётр Аксёныч?

П а в л и к

А что ему! Живёт да богатеет
На старости неправым барышом.

П о с п е л о в

Не верю я, он честно жил доселе,
Не стать ему под старость начинать
Неправдой жить.

П а в л и к

Не верь, тебе же лучше!

Я не своё: что люди, то и мы.

П о с п е л о в

Не слышал ли чего-нибудь о Марфе
Борисовне?

П а в л и к
Постой-ко, погляжу я,
Да ты никак Пospelов Алексей Михайлыч,
Кузьмы приятель?

(Нагибаясь к нему.)

Ну, он и есть. Ты сватался за нею?

П о с п е л о в
Не отопрусь.

П а в л и к
Ну, видно, надоело
Ей ждать тебя иль разлюбила, что ли,
Я ваших дел не знаю. И хотел бы
Пораздовать тебя хорошей вестью,
Да нечем, друг. За Лыткина пошла.

П о с п е л о в
За Лыткина Василья?

П а в л и к
Да, а что же?
С чего же ей за Лыткина нейти?
Не хуже он дворян малопоместных;
И завсегда при ней; а вас гоняют
Из края в край; ты дома-то и году
Не проживёшь с женой: нужда какая ж
Ей за тебя идти, подумай сам.
(Поспелов опускает голову на грудь.)

С т а р и к
(Павлику)
Поди от нас! Недобрыми вестями
Ты скорбь ему навёл. Печаль болезни
Помощница. Больному утешенье
На пользу лишь, а скорбь ему во вред.

П а в л и к
Совсем умрёт, потеря невелика.
(Уходит.)

С т а р и к
(вслед ему)
Не пожелай и недругу ты смерти!
Мы все равно у Бога на счету.
(Поспелову.)

На эту боль я зелья не имею.
Она идёт от сердца молодого

И помыслов: забвение и время
Врачуют в нас сердечную тревогу.
Садись в седло и в таборы ступай.
Теперь тебе покой и отдых нужен.

П о с п е л о в

За всё добро Господь тебе заплатит
И за меня, честной отец.
(Кланяется.)

Прости!

Странник уходит.

Уж только б мне до Нижнего добраться
Привел Господь да увидеть её.
Припомню ей, как я её увидел,
Как полюбил, спознал тоску-злодейку!
Как я за ней по улицам широким,
По мелким переулочкам ходил,
Чтоб только в очи заглянуть украдкой!
Припомню, как сидели, говорили
Мы в липовом покойчике её.
Припомню, как сулила, обещала
Любить меня и быть моей женой,
Как только время даром протянула,
Как провела меня — и обманула!
Припомню всё! Суди её Господь!
(Идёт к валу.)

*Пожарский, Минин, Коломна, дворяне и дети боярские
показываются на валу.*

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

*<Те же, Пожарский, Минин, Коломна, дворяне,
дети боярские и прочие.>*

П о ж а р с к и й

Враги бегут, покинувши обозы.
Остановить погоню! С нас довольно
На этот день одной победы. Можем
Поспешностью испортить дело наше,
И наша радость обратится в скорбь.
Теперь Москва у нас в руках. С надеждой,
Истомлены трудом, сиденьем долгим,
Болезнями и хлебным оскуденьем,

Голодные враги со стен глядели
На гетмана и чаяли подмоги
И ратными, и коренным запасом.
На их глазах мы гетмана разбили.
В Кремле сидеть им далее нельзя,
Иль умирай голодной смертью. Скоро
Увидим мы московские соборы —
И совершится очищение Руси
От недругов. И начал это дело,
И совершил его не вождь искусный,
Не силою, а смелым дерзновеньем
И замыслом мясник нижегородский
Кузьма Захарьев, Минин-Сухорук.

М и н и н

И замысел, и силу исполнения
Мне дал Господь, Ему же подобает
Хваление и присно и вовеки.
Моё одно — одна любовь святая
К родной стране — я сын её, любовью
Сыновнею горит душа моя!
Услышал я, что кровью и слезами
Исходит Русь, что брат встаёт на брата,
Что Бог забыт, что гаснет пламень веры,
Оставлен храм, кошуном осквернённый,
Что сёла жгут и грабят города,
Покинуты дымящиеся дома,
И человек в лесу таится зверем,
Что стон и плач сирот и горьких вдов,
Как дымный столб, к поднебесью восходит.
И плакал я один за всю Россию,
Всю скорбь её на сердце износил.
И плакал я, прося в слезах у Бога
Не почести, не власти, нет! Просил я
Сподобиться России быть слугою,
Отдать ей всё, отдать ей жизнь свою,
От бед и зол и недругов очистить,
Конец слезам увидеть, успокоить —
И в ней Господне царство обновить.
Нет, мало, нет, любовь моя хотела
Увидеть Русь великою, богатой,
Цветущею привольем на свободе,

Работных чад в поту за тучной жатвой,
И русла рек, покрытые судами,
И правый суд по мирным городам,
И грозный строй несокрушимой рати
На страх врагам, завистливым и гордым,
И на престоле царства милость.
Но жизни срок короток, не дано
Нам в этом мире полного блаженства.
Мы видели начало избавленья,
А остальное пусть увидят внуки.
С утра в ряды мы стали боевые
И кончили победой трудный день.
Заходит солнце, главы золотые
Горят огнём, открытые сердца
Несутся в тишь благодарить Творца,
Из наших душ несётся гимн хвалебный,
Идёмте в таборы служить молебны!

В с е

На молебен. На молебен.

Уходят.

СЦЕНА III

ЛИЦА

<МИНИН>, *думный дворянин.*

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

МАРФА БОРИСОВНА.

ПОСПЕЛОВ.

НЕФЁД МИНИН.

АКСЁНОВ И ПОСАДСКИЕ.

В доме Минина, в Нижнем Новгороде.

(Июль 1613 г.)

Входят Татьяна Юрьевна и Марфа Борисовна (смотрит в окно).

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

<Татьяна Юрьевна и Марфа Борисовна.>

Татьяна Юрьевна

Что часто ты глядишь в окно-то, Марфа
Борисовна? Тебе кого бы ждать!

Сиротка ты, ты горя не видала,
На смертный бой родимых отпуская

И каждый час болея здесь об них,
И радости за то тебе не будет
Родных своих здоровых увидеть.
Хоть тяжело прощанье с милым мужем,
Да ждать его приятно, а дождёшься —
Так радости и счастью меры нет.
А ты у нас отшельница...

Марфа Борисовна

От миру

Не вовсе я отстала. Было время
Тяжёлое, не до мирских утех;
Нужна была молитва наша Богу,
И я жила затворницей, из кельи
Не выходя; теперь пора другая,
Теперь грешно печалиться, все рады,
И я опять живу в своём дому.

Татьяна Юрьевна

Одна живешь, что проку?

Марфа Борисовна

Как же быть-то!

Татьяна Юрьевна

Да замуж бы тебе.

Марфа Борисовна

Да за кого же?

Все прежние знакомые ушли
Москву спасать, иные там побиты,
А кто и жив, так слуху нет про тех.
А новым мне знакомством заводить
Не хочется. Про старое вспомняешь,
Толь хорошо бывало, к новым людям
Мне привыкать уж поздно.

Татьяна Юрьевна

Да, бывала

Весёлая беседа у нас,
И люди-то хорошие всё были,
Вот Алексей Михайлыч запропал
И слуху нет.

Марфа Борисовна

Я слышала недавно,

Да верить ли, не знаю.

Татьяна Юрьевна

Что? А больно

Он тосковал и плакал по тебе.

Ты что ж не шла?

Марфа Борисовна

Дала я обещанье

Великое не думать о мирском,

Пока Господень гнев не утолится.

Татьяна Юрьевна

А, ну, теперь?

Марфа Борисовна

Теперь другое дело,

И от тебя скрывать я не хочу,

Ни за кого, кроме его, не выду,

А за него и рада б, да нельзя.

Знать, сиротой и оставаться.

Татьяна Юрьевна

Что же

Ты слышала?

Марфа Борисовна

Вчера в дворе Гостином

У Лыткина, — ведь тоже мой жених, —

Я встретила знакомого Павлушу,

Он из дьячков, из беглых, говорят,

У Биркина служил, писать проворен,

Потом в Москве, в стану у Трубецкого.

Так сказывал, что Алексей Михайлыч,

Когда дрались у Крымского двора,

Один из всех поворотил коня

И в таборы назад бежал со страха.

И с той поры и стыд, и укоризна

Ему от всех — и стал людей дичиться,

И бражничать, и будто — страшно молвить

По кабакам валяется в ярыжных.

Вот горе-то.

(Плачет.)

А можно ль было думать?

Татьяна Юрьевна

Не верь людям, ни за что оболгут,

А я так жду своих, пришли мне вести,

Что тотчас после царского венчанья
И муж, и сын вернутся. Потрудился
Кузьма Захарыч мой, пора на отдых.
Другую ночь во сне его всё вижу —
Так скоро быть ему.

Марфа Борисовна

Дай Бог дожждаться,

Порадуюсь я радости чужой,
Коль нет своей.

(Взглянув в окно.)

Ах!

Татьяна Юрьевна

Что ты испугалась?

Марфа Борисовна

Сюда идут.

(Уходит в другой покой.)

Татьяна Юрьевна

Да кто идёт, чудная?

Входит Поспелов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

<Татьяна Юрьевна и Поспелов.>

Поспелов

(кланяется и целуется)

Ну, всё ли подобра и поздорову
Вы жили здесь? А мы вас поминали.

Татьяна Юрьевна

Здоровы-то здоровы, да тоскуем
Об вас-то больно. А мой-то где ж?

Поспелов

Замешкались в дороге — завтра будут.

Татьяна Юрьевна

За весточку спасибо, буду ждать.

Молчание.

Ну, что же ты не спросишь о знакомых?

Поспелов

Да не о ком.

Татьяна Юрьевна
Уж будто?

Поспелов

Право слово!

Спросил бы я, да что себя тревожить,
Печаль-тоску на сердце наводить!

Татьяна Юрьевна
Ты спрашивай!

Поспелов

Изволь! Здорова ль Марфа
Борисовна живёт за новым мужем?

Татьяна Юрьевна
Да ты никак рехнулся? Дожидалась
Тебя она. А если мне не веришь,
Спроси у ней, коль хочешь, я поκληчу,
Она у нас.

Поспелов

Родная ты моя!

Покличь её, давно-то не видались,
Взглянул бы я хоть глазом на неё.

Татьяна Юрьевна
Поди-ко ты! Что прячешься-то, Марфа
Борисовна, твой суженый приехал.

Марфа Борисовна выходит и кланяется Поспелову.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

<Те же и Марфа Борисовна.>

Марфа Борисовна
Здоров ли ты?

Поспелов

Теперь здоров.

Марфа Борисовна

А прежде?

Поспелов

Я ранен был, да Бог помог, а пуще
Всё тосковал.

Марфа Борисовна
О чём?

Поспелов

Всё по тебе.

О чём же мне? Не заставляй божиться,
Поверь и так.

Марфа Борисовна

Я верю, что божиться,
Голубчик мой!

Татьяна Юрьевна

Ну, вот и дождалась,
А мне так ждать до завтраго, голубка.

Поспелов

Я обманул тебя, сегодня будут.

Татьяна Юрьевна

Чай, к вечеру?

Поспелов

Приехали, идут,
Встречай поди!

Татьяна Юрьевна

Отцы мои родные!

Ах, батюшки! Бежать хоть приодеться,
Да хлеба-соли взять, на стол поставить,
За батюшкой послать — служить молебен.
(Уходит.)

Поспелов

Я много горя натерпелся, Марфа
Борисовна, пора узнать и радость.
В последний раз тебе я поклонюся,
Скажи ты мне, ты хочешь ли моею
Женою быть и с честными венцами
На головах и с радостью на лицах,
По соболям войти в мой дом просторный,
Жить-поживать и в холенье, и в неге
И за любовь до гробовой доски
Делить и радость пополам, и горе?

Марфа Борисовна

Прошла беда, прошло то время злое,
Когда любовь казалась мне грехом.
Теперь пора весёлая настала,
В миру пожить охота, и любовью
Готова я ответить на любовь.

Послушай, мой желанный! Я по правде
Скажу тебе: ты люб мне, я другого
Хозяина себе и не желаю.

Поспелов

(кланяясь)

Челом тебе! Откладывать не будешь?

Марфа Борисовна

Откладывать и торопить не буду,
Как хочешь сам.

Поспелов

Я мешкать не люблю.

Входит Татьяна Юрьевна.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

<Марфа Борисовна, Поспелов и Татьяна Юрьевна.>

Татьяна Юрьевна

Да ты опять меня не обманул ли?

Поспелов

(показывая в окно)

А ты гляди!

Татьяна Юрьевна

Нефёд бежит, Нефёд!

Входит Нефёд.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

<Те же и Нефёд.>

Нефёд

(кланяется к ногам матери)

Вернулись мы, родимая, здоровья
И радости тебе несём.

Татьяна Юрьевна

Сыночек!

А где же сам?

Нефёд

На улице с народом.

Узнали все и оступили с криком.
Кто за руки берёт, кто обнимает,

Ступить ему ни шагу не дают,
По старостам скорей гонцов послали,
Хотят его честь честью, с хлебом-солью,
У нашего крыльца встречать. Аксёныч
На старости торопится сюда ж.
Ты, матушка, всей радости не знаешь:
Наш новый царь — пошли ему здоровья,
И счастья, и радости Господь —
Пожаловал отца дворянством думным.

Татьяна Юрьевна
Кузьма Захарыч думный дворянин?

Не фёд
Поместье дал ему: село большое,
К нему в придачу восемь деревень
И дом в Кремле, с избой Приказной рядом.

Поспелов
Идут, идут!

*Входит Аксёнов с хлебом-солью, растворяет дверь и становится у порога —
в сенях видна толпа народа. Показывается Минин.*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

<Те же, Аксёнов и Минин.>

Аксёнов
Благословенно буди
Пришествие твоё, спаситель Руси!
Ты нам родной, тебя вспоила Волга,
Взрастил, взлелеял православный мир,
Ты честь и слава русского народа.
Потоль велика Русская земля,
Поколь тебя и чтить, и помнить будет.

Все кланяются. Татьяна Юрьевна бросается к нему.

**ВОЕВОДА
(СОН НА ВОЛГЕ)
<Вторая редакция>**

**Картины из народной жизни XVII века,
в пяти действиях, с прологом**

ПРОЛОГ

ЛИЦА

НЕЧАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ШАЛЫГИН, *воевода.*

ОБЛЕЗЛОВ, *подьячий, товарищ воеводы.*

СЕМЁН БАСТРЮКОВ, *богатый дворянин.*

СТЕПАН БАСТРЮКОВ, *его сын.*

НЕУСТРОЙКО, *ключник воеводы.*

БЕССУДНЫЙ, *шут воеводы.*

НЕЖДАН, *земский староста.*

РОМАН ДУБРОВИН, *беглый посадский.*

ВЛАС ДЮЖОЙ, *богатый посадский.*

НАСТАСЬЯ, *жена его.*

СМИРНОЙ } *посадские из лучших людей.*

ДРУЖИНА }

НЕСМЕЯНОВ, *старик*

БРУСЕНИН } *посадские из средних людей.*

ЦАПЛИН }

ТЫРА

БАИМ, *стрелецкий сотник.*

ГРИШКА ЖИЛКА, *отставной подьячий.*

РЕЗВЫЙ, *слуга Бастрюкова.*

ЩЕРБАК, *разбойник в виде нищего.*

БИРЮЧ.

СЛУГА ВОЕВОДЫ.

ДВОРЯНЕ, СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ, СТРЕЛЬЦЫ, СЛУГИ ВОЕВОДЫ

И БАСТРЮКОВА, КРЕСТЬЯНЕ, ЖЕНЩИНЫ, ДЕТИ, НИЩИЕ, СЛЕПЫЕ

И УБОГИЕ.

Площадь в городе. Налево от зрителей ворота воеводского двора, несколько узких домов, в углу проезд в городские ворота; на заднем плане, за строениями, городская стена, которая постепенно понижается к правому углу; через стену видна Волга и противоположный нагорный берег, направо, на первом плане, высокая приказная изба, за ней площадка, видна часть колокольни, далее спуск к Волге, видны крыши домов.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Неждан, Смирной, Дружина стоят у приказной избы, ближе к авансцене; Несмеянов, Брусенин, Цаплин и Тыра близ воеводских ворот; по сцене, от городских ворот к собору и от собора к воротам, проходят разные люди обоего пола; у колокольни сидят слепые с деревянными чашками и стоят нищие, между ними Щербак. При поднятии занавеса слепые поют, слышны голоса нищих и вожakov слепых: «Слепому, убогому!», «Сотворите святую милостыньку».

Слепые

(поют)

Сходилася правда со кривою,
Кривда правду переспорила.
Пошла правда по поднебесью,
Пошла кривда по сырой земле,
По народу православному:
Оттого суды неправые...

Из приказной избы выходит бирюч, надевает шапку на длинную палку и поднимает её вверх, ребяташки окружают его и смотрят ему в глаза, разиня рот.

Голоса

Бирюч идёт, бирюч! — Снимайте шапки!

Бирюч

Слушайте, послушайте, государевы люди, старшие и меньшие и всякого чина люд, от мала и до велика! По великого государя наказу, ведомо вам буди, чтобы вы, посадские и уездных всяких чинов люди, и сотские, и пятидесятские, и десятские, разбойников, и татей, и смертных убийцев, и ведунов, и всяких воровских людей у себя не таили и не держали и, имая их, приводили к воеводе. А буде ж вы, посадские и уездных всяких чинов люди, забыв страх Божий и не помня душ своих, учнёте разбойников, и татей, и убийцев, и ведунов, и всяких воровских людей у себя держать и таить, и поноровки им чинить, и тем людям от великого государя быть в смертной казни, безо всякого милосердия, а дворы и животы взяты будут на великого государя бесповоротно и розданы в <исцовы иски>. *(Идёт к посаду, дети за ним.)*

Тыра

Проваливай подале, мы слышали!

Брусенин

Не первый раз, не новая новинка!

Цаплин

Мы думали, что свежи, а н всё те же.

Неждан
Разбойников, и татей, и убойцев
В посаде нет, разбойничья приезде
Не держим мы; так непочто и кликать.

Смирной
Да кличь не кличь, немного проку будет,
Коль их не словят. По большим дорогам
Разбойники и днём и ночью грабят,
По Волге нет проезду, по лесам
Становятся станами без опаски.
Вот там бы их и брать живьём руками;
А кликать по торгам — какая польза!

Неждан
Зачем же к нам посажен воевода,
Как не за тем, чтоб татей и убойцев
Разыскивать.

Дружина
Не до воров ему.
Пригожих баб да девок на посаде
Да по клетям добро как раз разыщет,
Не утаишь.

Смирной
Терпенья нам не стало!
Чему не быть, а надоть челобитье
Царю писать.

Дружина
Воров не ловит — горе;
А как поймает — вдвое: он воров-то
Берёт из тюрем на дом, научает
Поклёпом нас, посадских, обносить.
Ты ничего не ведаешь, не знаешь,
А он, по воровскому наговору,
Берёт тебя без сыску и пытается
Без царского указа, — мукой мучит,
Огнём палит.

Смирной
Да с пыток-то поминки
Берёт на нас, на выкуп выпускает.

Дружина
Довольно с нас, два года потерпели,
Пора писать и челобитье.

Неждан

Слышу

Давно уж я, что надо челобитье
Царю послать, да только разговоры,
А дела нет.

Смирной

Москва нам дорогá,

С пустыми-то руками не поедешь.

Дружина

Ну, брат, ау! Коль завязалась драка,
Так не жалей волос. Во что ни станет,
Да только бы избыть его от нас.

Неждан

Московские расходы разверстаем,
Рассудим, что и как, и много ль денег
На проести собрать да на гостинцы.

*Неждан, Смирной, Дружина уходят к собору. Отворяются воеводские
ворота, выходят ключник Неустройко с палкой и слуги с мётлами.*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

*Несмеянов, Брусенин, Цаплин, Тыра, Неустройко, слуги
и народ.*

Неустройко

Живей, живей! Сейчас пойдёт боярин
В собор с гостями. Чтоб у меня кипело!
Ворочайся, да живо! Мнётся, словно
Медведь учёный.

Один из слуг

Как ещё работать!

Гуляем, что ль? А ты возьми-ка мётлу,
Да помети, чем лаять занапрасно.

Неустройко

Разинул пасть-то! Цыц! Не в дармоедах,
Не то что вы, живу у государя:
На части рвусь, куска не доедаю.
А вам одна забота: завалиться
Подальше где, что днём с огнём не сыщешь,
И спать весь день, пока опухнут бельма;
Мол, всё равно: работай не работай,
Накормят даром.

Тот же слуга
Даром и побьют.

Тыра
Ну, видно, их не больно жирно кормят:
У нас в посаде только и воруют,
Что воеводские.

Несмеянов
Коль брюхо сыто,
В чужую клеть за ежей не полезешь!

Брусенин
Какие воры, страсть! Концов не сыщешь.

Неустройко
Ты, смерд, молчи!

Цаплин
А ты что за помещик?

Шут выбегает из ворот, держась за голову.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

*Неустройко, слуги, Тыра, Цаплин, Брусенин, Несмеянов,
шут и народ.*

Шут
Ой, ой, убил, убил, прошиб до мозгу,
Проклятый пёс, паршивая собака!
Издохнуть бы тебе, как бусурману!
И чтоб ни дна тебе и ни покрышки,
Поганому. У! Волк тебя заешь!
(Воет.)

Неустройко
Расплакался, аль подзатыльник дали?

Шут
Тебе-то что, холопья образина!
И он туда ж:
(передразнивает)
«Аль подзатыльник дали?»
Ай, батюшки! Убил, убил по темю.
Костыль сломал, собака!
(Воет.)

Неустройко
Пожалест.

Ш у т
Меня-то, что ль?
Не у строй ко
Нет, костыля-то.

Ш у т

Дьявол!

(Воеет.)

Не у строй ко
(шуту)

Что воешь-то? Какой детёныш малой!
Не всё ль равно тебе, как псу издохнуть
Под палкой ли, иль пьяному под тыном!

Ш у т

Не приставай! Всего изьем зубами.

Слуги смеются.

А вам-то что смешно, холопье стадо?
У вас самих увечья не проходят.

Т ы р а

Влетело, брат!

Ц а п л и н
Влилось.

Б р у с е н и н

Попало ловко!

Т ы р а

Ты к носу три.

Ц а п л и н
До свадьбы заживёт!

Ш у т

Ну, подвернись который, изувечу!
И в волосы, и в бороду вцеплюсь,
Не выпущу; так всё в руках и будет,
Ни волоска живого не оставлю.

Т ы р а

Ну, полно ты! Мы шутим. Ты подумал,
Взаправду, что ль?

Ц а п л и н
Нам что!

Б р у с е н и н

Господь с тобой!

Т ы р а

Обиды нет тебе.

Ц а п л и н

Вестимо, в шутку

Язык чесать.

Б р у с е н и н

Не трожь его, робята!

Т ы р а

А ты скажи нам, милый человек,

За что про что обиду терпишь?

Ш у т

Даром.

Жениться, чёрт, задумал...

Т ы р а

Так. Ну что же?

Ш у т

Дюжова дочь облюбовал.

Ц а п л и н

Ну, знаем.

Ш у т

Я сдуру-то сболтни ему неладно,

Мол, старому жениться ненадолго,

Да часто, мол, и не себе, а людям.

И я-то глуп, шутить связался.

Т ы р а

Верно!

Ты с тем шути, кто любит. Ну, и что же?

Ш у т

Как вскочит он, затрёсся, ровно Каин,

Как волк стучит зубами, словно угли

Глаза зажглись, седая грива дыбом...

Видал ли ты, как окаянных пишут

На папертях? Точь-в-точь.

Ц а п л и н

Какой бедовой.

Не устро́й ко
А вот пойти да скаредные речи
Боярину явить. Бросай, робята!
Боярин вышел.

Ш у т
Братцы, схороните!
Ты р а
Беги скорей, покуда не схватили,
Валяй во все лопатки, не догонят.

Шут убегает.

Ц а п л и н
Стрелой летит. Держи его, робята!

Хохот.

Б р у с е н и н
На лошади, да разве на хорошей,
А на плохой низáчто не догонишь.

Ты р а
Как шкуру-то, робята, соблюдает,
Диви бы бобр сибирской али соболь!

Ц а п л и н
Ему своя-то, надо быть, дороже.

*Входят воевода, Облезлов, несколько дворян, сотник
стрелецкий, несколько стрельцов и слуг.*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

*Воевода, Облезлов, Баим, дворяне, стрельцы, слуги и те же,
и потом Гришка Жилка.*

В о е в о д а
(Облезлову)
Ты говоришь, что местом вышло. Верно.
Воистину.

(Кланяется народу.)

Здорово. Ты послушай!
Поехали мы зверя погонять,
Гляжу: лиса катит из мелколесья
По вырубке в сосняк, вот так и стелет,
Как жёлтый лист по ветру. Вижу, дело
Выходит дрянь; уйдёт, сплутует. Надо

Заворотить, наперерез ударить.
Хлестнул коня по бёдрам.

(Баиму.)

Что за парень
Особняком стоит? Коль наш — не трогай,
А кто чужой, так опроси построже.

Баим отходит.

(Оборотясь к Облезлову, продолжает.)

Проехал я шагов не больше с сотню,
И вдруг мой конь, как вкопанный, ни с места.
Как в землю врос. Уж я его и плетью,
И лаской. Нет, дрожит, трясётся, уши
Насторожил. Я вижу, дело плохо.

Сотник возвращается.

Какой такой?

Сотник

Из наших, из рыбацкой!

Воевода

Ну ладно.

(Облезлову.)

Вот я слез, перекрестился.
Обшёл вокруг три раза, зачурался,
И ничего, — мой конь пошёл как надо.
Так вот и знай, что значит место.

Облезлов

Диво ль!

В большом лесу, где всяка нечисть бродит.
В своём саду я летось заблудился.
Средь бела дня! Немало мы дивились:
Брожу кругом, а выходу не вижу.
Такая страсть, что Господи помилуй —
Не доведи вперёд, умрёшь со страху.
Уж я кричал, кричал, сошлись людишки
Да вывели.

Входит Жилка и кланяется воеводе в ноги.

Воевода

Всего бывает! Что ты?

Ж и л к а
И бьёт челом, боярин, и являет
Твой сирота, былой подьячий Жилка.

В о е в о д а
О чём ещё, анафема?

Ж и л к а
О бое
И грабеже денном и об увечье!

В о е в о д а
Которой раз тебя увечат! Скоро ль
Совсем убьют? Пора бы! Кто же грабил
И бил тебя?

Ж и л к а
Семёна Бастрюкова
Дворовые и скоморохи: Резвый
С товарищи; они ж, боярин, воры,
И картами и зернью промышляют,
И табаком, и воровское держат
И продают, и беглых укрывают,
И на посад насильством в харях ходят
С потехами, и скаредные песни,
И срамные поют, и действия деют,
Тебя ж обносят скаредною лаей
И неудобь-сказася бранью...
В том жалоба моя тебе и явка.

В о е в о д а
А грабежу?

Ж и л к а
Колпак да зипунишко.

В о е в о д а
За что про что?

Ж и л к а
Да якобы с тобою
Я стакался составным челобитьем,
Испродаю посадских и убытчу
Поклёпами.

В о е в о д а
Семёна Бастрюкова
Унять давно пора. Зазнался больно,

На шею сел ко мне. Плутам заступник,
Оберегатель земской. Двум медведям
Не жить в одной берлоге. Челобитье
В избе подай мне завтра. Мы посмотрим,
Велим сыскать и, буде виноваты
Доподлинно, людишек Бастрюкова
Не пощадим.

Ж и л к а
(кланяется)

Ты смилуйся, пожалуй!
И сироту твою не дай обидеть
Ругателям.

Воевода идёт на ступени к собору.

Г о л о с а
(из задних рядов)

Алтынник, кровопивец! —
А крест на нём, робята, есть аль нету? —
Навряд ли уж. Другой татарин лучше.

В о е в о д а
(на ступенях)

Кричат, а что, никак не разберу я.
Да вам чего? Вы говорите прямо,
Поди сюда вперёд и говори!
Из-за людей не слышно. Что ж вы стали?
Ай молодцы! Вы смелые робята!
Из-за людей облает и присядет,
Разинет пасть и тягу. Кукиш кажет
Из рукава, чтоб люди не видали.
Чего же вам? Строптив, сердит я, что ли?
Не милостив? Всё это правда ваша,
Я не святой. А знаете ли, дети,
Писание нас учит покоряться
Властителю и доброму и злему.
Строптивного послушать перед Богом
Угоднее. Иль мнится вам, что власти
Людским хотеньем созданы? Что можно
Без власти жить? Что мы равны? Так знайте,
Звезда с звездой разнствует во славе;
Так на небе, и на земле всё так же:
И старшие, и младшие, и слуги,
И господа, и князи, и бояре,

И Господом венчанные на царство
Великие цари и государи.
За чином чин по лестнице восходит
От нас к царю и от царя до Бога.
И всяка власть от Бога. Власть не судят
Подвластные, а только царь, ему же
(снимает шапку)

Господь вручил нас всех на попечение.
Из-за чего нам ссориться! Вы дети,
Я вам отец! Не лучше ль нам любовью
И миром жить! Ходите по закону —
И вам целей, и мне милей! За что ж
Браниться-то! Нехорошо. Неладно.
(Кивает головой Баиму.)

Пошарь-ко там с своими молодцами,
Не сыщешь ли кого из крикунов.
Да не зевай! Того, Баим, не бойся,
Что в виноватых правый попадётся:
Не виноват — укажет виноватых.
Переловить, связать и запереть
Всех накрепко в сторожню, там рассудим.

*Уходят воевода, товарищ и вся свита, кроме стрельцов.
Баим и стрельцы ходят в народе.*

Голоса

Чего тебе? Ты тише, не толкайся! —
Что за напасть! Да что ж вы, драться, что ли?

*С посаду бежит народ. Бастрюков Семён, Бастрюков Степан
выезжают верхом на лошадях; за ними пешие слуги: Резвый и другие.*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Бастрюков Семён, Бастрюков Степан, слуги и прежние.

Бастрюков Семён
О чём шумят? Чего не разделили?

Бастрюков Степан
Никак Баим посадских обижает.

Голоса

Застой за нас! — Безвинно бьют и мучат.

Бастрюков Семён
Оставь, Баим!

Баим
А ты что за указчик?
Велел сыскать ослушных воевода,
И сыщем их. Пока найдём да свяжем,
Не отступлю.

Бастрюков Семён
А как всполох ударим
На весь посад — и ног не унесёте!
Не мятежи чинить, а для наряду
На городу посажен воевода.
Сбирай стрельцов!

(Посадским.)

Робята, расходитесь!

Расходятся.

Не тронет вас никто.

Баим
Не ты в ответе,
А я, с меня и спросят.

Бастрюков Семён
Ты не бойся,
Я сам скажу в соборе воеводе.
Пусть на меня и сердится, как хочет.
Иди со мной в собор.

Баим
За мной, робята!

*Уходят Бастрюковы, Баим, стрельцы; прислуга уводит лошадей;
посадские идут к городским воротам; навстречу им Влас Дюжой
и Настасья.*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Влас, Настасья и прежние посадские.

Настасья
Вы, смерды, прочь! Не видишь, я иду?
Ты ра
Вот невидаль какая! И почище
Видали мы.

Влас
Иди, как люди ходят.

Н а с т а с ь я
Я кто теперь? Фу! Прочь поди!
В л а с
Настасья,
Уймёшься ты аль нет?

Н а с т а с ь я
Фу! Смерды!
Ц а п л и н
Шире,
Народ, навоз плывёт.

Н а с т а с ь я
Да как ты смеешь?
Ты страдник, смерд!
(Мужу.)
Доправь на нём бесчестье!
Ты знаешь, смерд, я тёща воеводе.

Б р у с е н и н
Ну как не знать!

В л а с
Иди добром, Настасья,
В уме ли ты? При всём честном народе
Стыдишь меня.

Н а с т а с ь я
Толкуй! Ты сам не знаешь,
Какая честь на нас.

Т ы р а
От воеводы
Пристала к вам?

В л а с
Иди! Народ смеётся.
Ишь срам какой! Вот с дурой-то свяжися,
Так, Господи, и жизни-то не рад.

Н а с т а с ь я
Фу! Смерды! Прочь!

Н е с м е я н о в
Иди своей дорогой,
А мы своей; просторно, разойдёмся.

В л а с и Н а с т а с ь я уходят.

389

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Несмеянов, Тыра, Цаплин, Брусенин и потом Дубровин.

Тыра

Ишь, дура-то, за воеводу дочку
Просватала и думает, что тоже
Боярыня; идёт и ног не слышит.

Несмеянов

На радость ли? Заплакать не пришлось бы!
Старик живёт, а жёны молодые
Всё мрут да мрут. Диковина и только!

Тыра

Да ну его!

Несмеянов

Робята, не слыхали ль,
Что Худояр на Волге появился
И станом стал невдалеке?

Цаплин

Так что же?

Тебе-то что ж?

Несмеянов

Разбойник лютый, бают.

Тыра

За что ж его разбойником ты лаешь,
Не знаючи? Какой же он разбойник?
Кого разбил? Тебя?

Несмеянов

Меня не трогал,
Мне грех сказать; не грабил так не грабил.

Цаплин

Так покажи других!

Несмеянов

Чего не знаю —
Не говорю. Казну ограбил, бают.

Тыра

Ты бай не бай — не наше это дело.
Казну разбил, казна про то и сыщет:
А ты не лай разбойником напрасно,
А называй удалым молодцом.

Н е с м е я н о в
Заглазно ничего.

Т ы р а
А ну услышит,
Помилуй Бог!

Н е с м е я н о в
Ты шутишь аль взаправду?
Ц а п л и н
У них везде глаза и уши.

Н е с м е я н о в
Ой ли?

Т ы р а
А вот гляди! Из этих самых нищих
Да из убогих, коль не половина,
Так двое-трое уж наверно есть
Из шайки Худояра.

Ц а п л и н
Беспрерменно.

Н е с м е я н о в
А слышал я, что будто он в Казани
В тюрьме сидел.

Т ы р а
А ты поверил?

Н е с м е я н о в
Слушай!

И будто он достал из печи уголь
И написал косную на полу;
Забрал в неё тюремных всех сидельцев,
Плеснул воды да в Волгу и уехал.
«Лови, держи!» — А их и след простыл.

Б р у с е н и н
Послушать вас, так уши вянут, право!
Обиды да разбои...

Н е с м е я н о в
А про что же
Рассказывать прикажешь? Мы не дети;
Не сказки ж говорить! По всем приметам,
Последние приходят времена:

В народе рознь, раздор, в судах неправда,
От сильных утеснение.

Б р у с е н и н

Тесно стало,
Так в лес ступай, спасайся, рой пещеру.
Ты слышал ли, что в наших палестинах
Подвижник новый объявился?

Н е с м е я н о в

Слышал.

Б р у с е н и н

В овраге монастырском, в диком лесе,
Живёт затворник, хлебом да водой
Питается, а монастырь растёт
Его молитвами и богатеет;
И земли прикупает и луга,
И стены строятся, и колокольня,
И братских келий ряд. Спроси монахов:
«Мол, кто у вас строитель?» — Скажут: Бог.
Бессребреник пустынный из пещеры
На утренней заре на горку выдет,
Благословит работу начатую:
И лес, и камень явятся, и люди
Рабочие сойдутся, и мешками
Несут, неведомо откуда, деньги
На монастырское строенье.

Н е с м е я н о в

Чудо,

Воистину.

Б р у с е н и н

А ты про тесноту.

Заступницы икону принесли
Из дальней пустыни в собор, так видишь:
Народ валит иконе поклониться,
И стар, и мал работу покидают,
Последние несут копейки. Значит,
И вера в нас ещё не оскудела,
И жить ещё на свете можно.

Т ы р а

Верно.

Д у б р о в и н входит и осматривается.

Ц а п л и н

(увидя Дубровина)

Никак чужой? Чего он ищет?

Т ы р а

(подходя к Дубровину)

Дядя,

Ты из какой Литвы, с какой орды?

От дела ты пытаешь али дела

Пытаешь?

Ц а п л и н

Сват! Ты ближний али дальний?

Т ы р а

Каких родов, из коих городов?

Н е с м е я н о в

Не беглой ли? А может, он, робята,

Коня украл аль мужика убил.

Связать его!

Д у б р о в и н

Эх, дедушка, за что же?

Связать меня не хитрость; сам даюсь.

Вязать вяжи, а после не тужи.

Не я один гуляю, нас немало

Останется на воле, всех не свяжешь;

А у тебя домишко на посаде.

(Тихо.)

Поберегай от красных петухов!

Н е с м е я н о в

Да что ты, что ты, милый! Я нарочно

Шутил с тобой, а ты и вправду.

Д у б р о в и н

Полно,

Шутил ли ты? Да ну, я зла не помню:

Я знаю, ты меня не свяжешь.

Б р у с е н и н

Братцы!

Я признаю его!

Ц а п л и н

И мне знакомо

Обличье-то, а как назвать — не знаю.

Дубровин
Я не боюсь и не таюсь: я беглый,
Посадский ваш, Роман Дубровин.

Тыра

Братцы,
И то ведь он. Два года не видались!
Ты где гулял?

Дубровин
На белом свете много
Привольных мест — и Дон, и Волга-мать.
Где я гулял — там нет меня; теперя
Домой пришёл.

Тыра

Ты хочешь объявиться?

Дубровин
Ну, нет, зачем! С женой бы повидаться.
Не знаешь, где жена?

Тыра

У воеводы.

Дубровин
(хватается за голову)
Ужель к нему попала?

Тыра

Взял насильем,
В тюрьму сажал, а из тюрьмы да на дом
Красавицу твою Олёну.

Дубровин

Дьявол!

(Задумывается.)

Вот дело-то какое вышло! Эка
Беда моя! На малый час задумал
Вернуться к вам; придётся оставаться,
С Шалыгиным считаться за жену.
У нас, людей торговых, так ведётся:
Берёшь без торгу, так плати, что спросят.

Тыра

Вестимо так, да что с него возьмёшь-то?

Дубровин

Не деньги ж брать: я денег не возьму;
Жена товар заветный, не продажный.

Тыра

А что завету за жену положишь?

Дубровин

Завет велик положен. На прощанье
С моей Олёной я поклялся Богом,
Родителем, своей души спасеньем,
Что если кто её обидит...

Тыра

Что же

Обидчику?

Дубровин

Я голову сорву

Руками с плеч.

(Помолчав.)

А что, жива, здорова?

Тыра

Тоскует всё да плачет, говорят.

Дубровин

Спасибо вам на добром слове, братцы.

Увидите жену, так поклонитесь!

Мол, жив ещё и помнит. Недалёко

Гуляет, мол; желает повидаться,

Так случая, мол, ищет. Воеводе

Скажи хоть ты,

(Несмеянову)

что собираюсь в гости,

Чтоб припасал, чем потчевать. Прощайте!

(Уходит.)

Несмеянов

Никак ушёл? Поотлегло от сердца, —

Перепугал, проклятый. Что ж, ребята,

Явить аль нет?

Тыра

А нам какое дело?

Как хочешь ты, а мы и знать не знаем.

Поди являй, а в послухи не ставь —

Во всём запрись.

Цаплин

И я.

Брусенин

Мы не видали.

Тыра

Помалчивай, так сам целее будешь.

Выходят из собора воевода, Облезлов, Бастрюковы, дворяне, дети боярские, Баим, стрельцы, слуги. Посадские и народ уходят в глубину площади.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Воевода, Облезлов, Бастрюковы, дворяне, дети боярские, Баим, стрельцы, слуги и прежние посадские.

Воевода

(остановясь, не доходя ворот)

Два раза глуп бывает человек:
С младенчества сперва, потом под старость;
Состареешь и поглупеешь, разум
ОтыметсЯ. Недаром люди стали
Учить меня. Одно и остаётся:
Коль стар и глуп, так умных больше слушай.
Вот я велел переловить Баиму
Ругателей, а Бастрюков наехал,
Прогнал его, — что мы не дело, видишь,
Затеяли, мятеж заводим, буйство.
Челом ему за то, что надоумил.

Бастрюков Семён

Да что ж, и впрямь затеяли не дело.

Воевода

(смеётся)

Да погоди, дай кончить! Я спасибо
Сказал тебе, чего ж ещё! Не в ноги ж...
Другую речь я поведу. Вот, видя,
Что глуп-то я и стар, большое дело
Без вашего, друзья мои, совету
Начать не смею. Что приговорите,
Тому и быть.

Облезлов

Нечай Григорьич, полно
Пытать-то нас. На что тебе советы.
Ты сам умён.

Бастрюков Степан
И мы не дураки.

Бастрюков Семён
В чём дело-то?

Воевода

Не знаю, как сказать!

Попутал грех. И молодых и старых
(снимает шапку и кланяется)

Простить меня прошу. Отцы и братья,
Не осудите! Старому, седому
И стыдно бы, да человек я слабый,
Летами стар, зато душою молод.

Облезлов

Какой старик, ты лучше молодых, —
И стар, да дюж.

Воевода

Без бабы не живётся;

Греха боюсь, — так вздумал ожениться.

Облезлов

И в добрый час.

Воевода

И не о том бы думать,

Молиться бы, да слабость наша.

Бастрюков Семён

Что же

Жениться-то об эту пору! Сколько
Тебе и жить-то! Было две жены,
Чего ж тебе! Не дело так не дело —
Тебе-то блажь, а баба-то засохнет,
За стариком живя.

Воевода

Что значит ум-то!

Не вам чета. И слушать-то отрада.
От умной головы совету много
Хорошего. А вас про что ни спросишь,

Ответу нет; а у него как раз
Умён ответ и скор. Развесьте уши
И слушайте Семёна Бастрюкова!
Уж если он, такой разумный, скажет,
Что не женись, Нечай Григорыч, значит,
Что надобно жениться беспрерывно.

Бастрюков Семён
Ты на смех, что ль?

Воевода
Как хочешь, так и думай;
За что почтёшь, не буду спорить.

Бастрюков Семён
Ладно ж!
Припомни ты! Я сорок лет на службе,
Изранен весь, доспехи боевые
Я сорок лет носил. Литва и немцы
До сей поры боятся Бастрюкова.
Губным служил по выбору, не ползал,
Не кланялся подьячим по приказам,
Не плакался: пустите покормиться!
Своим кормлюсь всю жизнь. Моя обида
Откликнется тебе; держись, да крепче!
В Москве бывал, туда дорогу знаю.

Воевода
Москва Москвой; готовься сам к ответу.
В поместье ты, как в омуте, уселся
И думаешь — ты царь, тебе суда нет.
Мы выведем на свежую водицу.

Бастрюков Семён
Меня?

Воевода
Тебя.

Бастрюков Семён
Нет, руки коротеньки.

Воевода
Длинней твоих. Ты беглых укрываешь,
И зернщиков, и воровское держишь.

Бастрюков Степан
Что ж, батюшка, ты смотришь! Что ж он лает!
Царю челом ударим о бесчестье.

Воевода
Молчи, щенок!

Бастрюков Степан
(бросается на воеводу)
Ах, старая собака!

Его удерживают.

Бастрюков Семён
Царю челом ударим, а покуда
Ты бородой ответишь. Без остатку
Всю выдеру.
(Бросается на воеводу.)

Воевода
Держите их, держите!

Его загораживают.

Облезлов
Семён, уймись! Безлепичное дело
Затеял ты.

Бастрюков Семён
(наступая)
Не я, а он затеял!
Не уступлю, я сам его не хуже.

Голоса
Пречистую, пречистую несут!

*Все снимают шапки, некоторые падают на колени. Воевода, Облезлов
и их свита уходят в ворота. Бастрюковы Семён и Степан стоят,
благоговейно склонив головы.*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА I

ЛИЦА

ВЛАС ДЮЖОЙ.

НАСТАСЬЯ.

ПРАСКОВЬЯ } дочери их.

МАРЬЯ

НЕДВИГА, мамка.

ВОЕВОДА.

ШУТ.

СТЕПАН БАСТРЮКОВ.

РЕЗВЫЙ

КУБАС } слуги Бастрюкова.

ШИШИГА

СЛУГИ ДЮЖОВА И ВОЕВОДЫ; СЕННЫЕ ДЕВУШКИ.

Густой сад. Налево терем с выходом и крыльцом. Направо баня; в глубине стоячий тын, из которого несколько надолб вынута; за тыном, когда он разобран, виден берег Волги.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Резвый, Степан Бастрюков в кустах; Кубас и Шишига у разобранного тына.

Резвый

Кубас, Шишига, забирайте тын,
Да разом в лодку, и лежи как мёртвый!
Да не дремать! По свисту подымайся;
А по второму ты, Кубас, за вёсла;
А ты, Шишига, здесь у лазу будь!

Бастрюков

Да поживей!

Кубас

Ты свистни, а мы смыслим.
Перед тобой, как лист перед травой!

Загораживают тын.

Бастрюков

Спасибо вам, ребята! Услужили!

Резвый

Кому ж служить, как не тебе, боярин!
Одно и дело — веселить да тешить
Тебя, Степан Семёныч.

Бастрюков

Да ещё бы!

Потолок и тешиться, пока живётся.
Ведь снова живём на свете белом.
Не в чернецы ж идти! Теперь забота
Одна в уме; одно и сплю и вижу,
Как Марью Власьевну достать.

Резвый

А мы-то!

Да нас и хлебом не за что кормить,
Коль мы тебе забаву не доставим.
Да будь она за тридевять замками,
За тридесять морями — мы достанем.
Вчера всю ночь работали, пилили
Сосновый тын, шесть игол вынимали,
Да и опять поставили, как было.
И разберём, и заберём в минуту
Широкий лаз, хоть тройкой поезжай.

Бастрюков

А крепко Влас живёт.

Резвый

На всём посаде

Ни у кого нет выше городьбы;
Казну блюдёт.

Бастрюков

Ну, мы казны не тронем.

Резвый

А дочерей уж не взыщи. Боярин,
Никак идут. Схоронимся покуда.

Бастрюков

Куда же нам?

Резвый

Вот баня!

Бастрюков

Ну, и ладно!

Уходят в баню.

*Входят Прасковья Власьева, Марья Власьева, Недвига;
сенные девушки вносят ковры, подушки и разное шитьё.*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Недвига, Прасковья и Марья Власьевны, сенные девушки.

Марья Власьева

Нам в тереме и тесно, да и душно,
Жара, как в бане, а тебе и любо,
Коль у тебя в Петровки стынет кровь.
Ты старая; тебя не манит лето
На волюшку, на шёлковы луга,
В тенистый бор, где белым днём потёмки,
В зелёный сад, где алый цвет цветёт,
Где вишеньё, орешенье назрело,
И налилось, и ждёт девичьих рук.
Мы не старухи, нам без печки жарко,
Не больно мил нам нов-высок терём.

Недвига

Ну, в сад так в сад; мне всё равно, старухе.

Марья Власьева

Что терем, что тюрьма — одно и то же.

Недвига

Ну, будь по-вашему. Вот здесь и сядем.

Садятся; молчат.

Ох, не люблю, когда молчат! В молчанки
Мы, что ль, играть сошлись! Нуте, девки,
Повеличайте молоду княжну.

Прасковья Власьева

Всё величать! Довольно! Надоели.

Недвига

Сказать аль нет? Вестимо, что не дело
Холопское о господах судачить,
И промолчать нельзя.

Марья Власьева
Ну, что такое?

Недвиг
Да всё про то же, всё про жениха-то.
Что у кого, а у меня забота
Одна.

Марья Власьева
Тебе-то что, коль ей по сердцу?

Прасковья Власьева
По сердцу не по сердцу, а пойду
И ох не молвлю!

Недвиг
Думали, гадали
Родимые, да вот и догадались.
Ну ровня ли! Седой как лунь, согнутый,
Глядит медведем, так и хочет съесть.
Одно и лестно, что большой боярин.
Так не с боярством жить, а с человеком.
Как месяц ни свети, а всё не солнце!

Марья Власьева
Ей что ни поп, то батька: всё равно;
Ей лишь бы замуж, разбирать не станет.

Прасковья Власьева
Само собой. Да разве наша воля
Себе мужёв по сердцу выбирать!
Прикажут, и конец; а мил ли, нет ли —
Тебя не спросят.

Марья Власьева
Лучше утопиться.

Прасковья Власьева
Не мы одни, всем девкам та же доля,
А всем топиться — Волгу запрудить.

Марья Власьева
Другая б плакала, а ты так рада.

Прасковья Власьева
О чём, о ком я буду горевать-то?
Боярыней живи да величайся,
Ешь сладкое, медов сычёных вволю,
Гора горой пуховики лебязжи

В опочивальне; хочешь спать, так спи,
А нет — лежи: пусть тонет бело тело
И нежится. Да вот сама увидишь,
Так раздобрею в год, что не узнают.
Работы нет, заботы не бывало!
Сиди как пава, а кругом рабыни
Кроят, и шьют, и строчат во сто рук.
Такая жизнь, что умирать не надо!
Чего жалеть-то? Девичью красу
Да косу русую? Об ней поплачу,
Как расплетут, да по уши повяжут
Волосняком, да бабью кикю взденут.

Недвиг

Тебе с ним жить, ну и живи как знаешь,
Не наше дело, кончен разговор!
Что ж мы начнём? Все песни перепели,
Переиграли игры, разве сказку
Договорить, что даве начинали.
Да с уговором: нё любо — не слушай,
Лгать не мешай!

Прасковья Власьевна

Досказывай хоть сказку.

Марья Власьевна

Ты думаешь, нам очень любви сказки?
От скуки слушаем; одна забота,
Как время скоротать. А вот ты мелешь,
Мы слушаем; так время и проходит.

Прасковья Власьевна

Досказывай Никиту Кожемяку!

Недвиг

Ну, долго ль, коротко ли, в сказке скоро,
На деле-то не вдруг. Ну вот в ту пору
Сидит себе Никита, кожи мнёт.
И держит он, красавицы мои,
В руках двенадцать кож; вдруг царь в кожевню,
Взглянул Никита — так вот и затрёсся;
Со страху ходнем руки заходили,
И разорвал он те двенадцать кож.

Марья Власьевна

Ну, ври ещё!

Недвиг а
Известно, сказка — складка,
А песня — быль: не мимо говорится.

Марья Власьева
Не всякая. Сама же ты певала,
Что воля красным девушкам гулять;
Молодкам миновалася гульба.
Мы девки вот, а всё живём в неволе.

Недвиг а
Досказывать аль нет?
Прасковья Власьева
Ну брось, не надо.
Уж надоело про змеёв-то слушать!

Недвиг а
Чего же вам?

Марья Власьева
Любовную скажи!

Прасковья Власьева
Ты Расскажи, как в тереме высоком
Сидит красавица; замком булатным
Дверь заперта дубовая, и стража
И день и ночь крут терема стоит.
И солнцем не печёт, и буйный ветер
Пахнуть не смеет на неё.

Недвиг а
А дальше?

Прасковья Власьева
А дальше я не знаю; я не стала б
Просить тебя, сама бы рассказала.
Ты знаешь всю, тебе и книги в руки.

Марья Власьева
Как добрый молодец прокрался в терем...
Да ты нам всё рассказывай, как было.

Недвиг а
А мать услышит, кто в ответе будет?

Марья Власьева
Пойдём в малину! Не найдут до завтра.

Недвиг а
Ну, быть по-вашему! Срамницы, право!
Вас хлебом не корми, а дай послушать

Соромских сказок. Да и то сказать —
Назаперти сидим, людей не видим,
Гулять нет воли, миловаться не с кем,
А у живого на уме живое.

Все уходят. Резвый и Степан Бастрюков показываются из бани.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Бастрюков и Резвый.

Резвый

Рассыпались в кустах.

Бастрюков

Мани легонько!

*Резвый свещет. Марья Власьева подходит к тыну, осматривается;
Резвый скрывается, Бастрюков выступает.*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Бастрюков, Марья Власьева, Резвый утына.

Марья Власьева

Вот диво-то! Не с неба ль ты свалился?

Не вихорь ли занёс?

Бастрюков

Да надоело

Через забор вести переговоры.

И видит глаз, да зуб неймёт. Поближе

Хотелось быть; лицом к лицу, бок о бок

Речь тайную, любовную держать

И миловаться, как душе угодно.

Мы разобрали тын.

Марья Власьева

Ты, парень, ловок.

Бастрюков

Ведь рано ль, поздно ль, надо ж будет, Маша,

Тебе покинуть свой терём высокой,

Чужую сторону узнать, — так лучше

С милым дружкой тайком уехать! Разве

Узнаешь думу батюшки-отца

Иль матушки твоей башку пустую?

Загубят век, спихнут за старика

Постылого на горе да на слёзы.

Чего же ждать? Что думать! Свистнуть, что ли?
У нас готово, люди в лодке, сядем
Да и поедем.

Марья Власьевна
Как же, дождайся,
Так и поеду! Нет, ошибся, парень.
Ты поглупей ищи!

Бастрюков
Ты вот как, Маша!
Уж не люб стал?

Марья Власьевна
За что тебя любить-то?
Обманщик ты! О святках было, помнишь,
У нас в дому плясали скоморохи,
Ты мехоношей был, ты что мне баял?
Что ты купецкой сын, Иван Ковригин.
Зима прошла, весна-красна настала,
На дереве у моего окна
Ты по ночам сидел, и коротали
Тайком с тобой весенние мы ночи.
Не раз, не два я спрашивать пыталась
Об имени и отчестве твоём:
Иван Ковригин, только и ответу.
Ну как тебе не грех? Я всё узнала:
Ты не купецкой, а боярской сын
Степан Семёныч, Бастрюковых роду.
И скоморохи-то твои всё слуги,
И сам ты скоморох.

Бастрюков
Тебе же лучше.
Боярской сын — тебе почёту больше,
Со скоморохом веселее жить.

Марья Власьевна
Ну нет, старуха надвое сказала.
Купецкой сын-то женится честь честью.
А у тебя-то, знаю, во дворе-то
Всё краденые девки да молодки;
И я в таких же буду. Нет, зачем же?
А ты женись, как следует, порядком,
Тогда вези, куда душе угодно.

Б а с т р ю к о в

Да я бы рад, да вишь, Нечай Шалыгин
Берёт сестру твою Прасковью замуж,
Он враг заклятый и отцу, и мне;
Не то что сватать, мне нельзя и носу
Показывать.

М а р ь я В л а с ь е в н а

Ну, станем дожидаться;
Мне лет немного; я не перестарок.

Б а с т р ю к о в

Толкуй с тобой; а замуж отдадут?

М а р ь я В л а с ь е в н а

Своей охотой не пойду; а силой
Неволить станут — ну, тогда не знаю,
Быть может, парень, выйдет на твоё;
Тогда ломайте тын, готовьте лодку,
Бери в охапку и тащи домой.

Б а с т р ю к о в

Голубушка!

(Обнимает.)

М а р ь я В л а с ь е в н а

Ты волю-то не очень
Давай рукам, повремени до срока!
Придёт пора, ни слова не скажу,
Твоя же буду.

Б а с т р ю к о в

Жизнь моя, лебёдка!

Пройди весь свет от края и до края,
По всем землям, по всем ордам немирным,
Ищи другого парня, не найдёшь,
Чтоб так любил, как я. Да вот что, Маша,
По-нашему любить, так вот как: видишь
Булатный нож?

(Вынимает нож из-за пояса.)

М а р ь я В л а с ь е в н а

Да что ты! Бог с тобой!

Б а с т р ю к о в

Нет, погоди! Промолви только слово —
И глазом не моргну, по рукоятку
В грудь опущу. Вели!

Марья Власьева
Да верю, верю.

Бастрюков
Убей меня Господь на этом месте!

Марья Власьева
Да лжёшь ли, нет ли: сам ответишь Богу,
А слушать сладко.

Бастрюков
Значит, по рукам?
(*Подает руку.*)

Марья Власьева
Да что уж говорить! Тебя полюбишь,
Так не разлюбишь скоро. Поведёшься
С тобой, так на других потом не взглянешь.
Ишь ты, какой пригожий уродился.
(*Прислушивается.*)

Домой пошли. Пора. Прощай!
(*Идёт. Навстречу ей выходит шут.*)
Ай, ай!

(*Прячется в кустах.*)

Бастрюков
Чего она?

Резвый
Шутило воеводин.
Прячутся в баню.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Шут, потом воевода, Влас с Настасьей и девки.

Шут
Авось-то он смирнее у невесты.
А всё боюсь, душа уходит в пятки.
Бродил кой-где, с неделю укрывался,
А надобно ж когда-нибудь явиться.
Велит сыскать, так не проси пощады.
Ух! Идол! Змей Горыныч! Чудо-юдо!

*Входит воевода, за ним Влас и Настасья; девки несут жбаны,
чары и ковриги.*

Ш у т

(из-за кустов)

Бывает виноватому прощение?

В о е в о д а

Хоть редко, а бывает иногда.

Ш у т

(падая на колени)

Помилуй, дяденька! Вперёд не буду.

В о е в о д а

Вставай, собака. С одного вола

Две шкуры не дерут. Да только помни,

Шутить с оглядкой, как бы не заплакать!

Ш у т

Всем закажу, и недругу, и другу,

Шутить с тобой! А то накладно, дядя, —

Я языком шучу, а ты дубинкой!

В л а с

Покрой ковром беседку-то, Настасья!

Пожалуй, осударь Нечай Григорьич,

Изволь присесть, не нудь боярских ног.

В о е в о д а

(садится)

Мы здесь свои, и вы садитесь рядом.

Вы наречённые мне тесть и тёща.

В л а с

Не подобает нам, с женишкой Настькой,

Перед тобой, высоким воеводой,

Сидеть да барствовать. Нам, тёмным людям,

Холопами твоими быть за счастье;

Родня родней, честь честью, осударь.

Ты погости у нас, а мы послужим.

Н а с т а с ь я

Да ну-ко ты! Служи один, я сяду.

Я экой чести сроду не видала,

Во сне не грезилось; что я за дура —

Привёл Господь сесть рядом с воеводой,

А я не сяду! На-ко, дожидайся!

Сажает сам! Хоть малость посижу-то,

А сколько чести у меня прибудет!

В л а с

Не осуди! Прискорбна головой,
Сызмальства скудоумна, Бог обидел.
Робячий смысл, нелепое творит.

В о е в о д а

Не тронь, сидит.

Ш у т

Я, дядя, тоже сяду.

Понаберись-ко разума-ума
От нас с Настасьей. Хитрое ли дело
Судить, рядить да речи разводить
С боярами да с думными дьяками!
Поговори-ко с нами, дураками.

В л а с

(потчует мёдом)

Откушай, не побрезгай! Чем богаты,
Тем мы и рады.

В о е в о д а

Покажи дорогу!

Допреж хозяина и поп не пьёт;
Клади начин и подноси по ряду!

В л а с

Желаю здравствовать во многи лета!
Храни тебя Господь да царь люби!
Не осуди, что речи не умильны,
Что мы, по простоте своей, не знаем,
Как чествовать и величать тебя.

(Пьёт и наливает.)

В о е в о д а

Спасибо, Влас! Проси теперь хозяйку.

В л а с

(кланяясь)

Хозяюшка!

Н а с т а с ь я

Уж пить ли мне-то, право?

В л а с

Да не дури! Я кланяться не стану —
Примай да бей челом.

Н а с т а с ь я

(берёт чару)

Короток разум

У бабы-то; сказала б, да не знаю,

Грехом обмолвишься, неладно выйдет.

Ну, будь здоров!

(Целуются.)

В о е в о д а

Спасибо и на этом.

В л а с

Теперь сама проси.

Н а с т а с ь я

Покорно просим.

В о е в о д а

В гостях — в неволе. Отказать не смею.

Я выпью!

(Пьёт.)

Знатный мёд, стоялый, крепкий,

Хороший мёд! Ты, Влас, живёшь исправно.

В л а с

Да есть-таки запас про всякий случай:

Для праздников, вот дочери невесты —

Так для родни да для попов пасём

Попотчевать послаще. Всё ж не ровня

Твоим медам боярским; нам далёко

С тобой тягаться, мы живём черно,

Да и сварить-то путно не умеем.

Ты наше малое поставь в большое.

В о е в о д а

Не диво пиво, дорога любовь.

(Отдаёт чару Настасье.)

Недаром говорят: не будь запаслив,

Будь гостю рад.

Ш у т

Я не обсевок в поле,

Такой же гость, а ты меня обносишь!

Пирог с крупой, и мы с рукой, да, видно,

Кого блинками, а меня пинками.

В о е в о д а

Не по губам тебе, язык проглотишь.

Ш у т

Ну, зелена винца!

В л а с

Вот есть в сулейке.

Ш у т

Поклоняйся, а я ломаться стану.

В л а с

Ты сам себя попотчуй, сколько влезет,

Бери совсем. Своя рука владыка.

В о е в о д а

Ты, волчья сыть, медвежья дрань, дорвался!

Смотри не задури!

Ш у т

Я помаленьку.

В л а с

Пей помаленьку, только выпей всё.

Ш у т отходит.

В о е в о д а

Закону нет глядеть невест до свадьбы,

А мне охота; хоть глазком взглянуть бы.

В л а с

Да ты глядел.

В о е в о д а

Не сыто наше око:

Посмотришь раз, манит тебя в другой.

Н а с т а с ь я

Вот женишься, так нагладишься вдоволь:

Неказаному золоту цены нет;

Показано, так всякой цену знает.

В о е в о д а

Здорова? Не скучает?

Н а с т а с ь я

Да с чего ей?

Об чём скучать. В любви держи д а в холе,

Чтоб нам не плакаться.

В л а с

Молчи ты, дура!

Н а с т а с ь я

Да что ты! Что молчать! Я не чужая,
Я мать родная. Ты меня послушай,
Родимый зятюшка, Нечай Григорьич!
Уж чтоб и мне, старухе, был почёт,
Чтоб все таки, от мала до велика,
Мне кланялись, а я чтоб величалась.
Вот я иду, примером, хоть к обедне,
Народ без шапок, с кем заговорила —
Чтоб на колена падал.

В л а с

Ты очнись;
Коль захмелела ты, поди проспись,
Ты голову с меня снимаешь!

Н а с т а с ь я

На-ко!

Я тёща воеводская! Кому же
И величаться, как не мне? Вестимо,
Я в городе большая, больше всех.

В о е в о д а

С тобой начни, до завтра протолкуешь.
А мне пора. Бессудный, собирайся!
Чужа изба засидчива. Прощайте!

Ш у т

(в кустах)

На след попал по красному по зверю.
Ты обожди, я погоню на вас.

В л а с

Переложил хмельного, брешет спьяну.

Ш у т

Вот зверь так зверь: не соболю, не куница,
А красная девица. Эй! Ловите!
Перенимайте на дороге!

Выбегает Марья Власьева.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Воевода, Влас, Настасья, шут и Марья Власьева.

В л а с

Марья!

Ты как зашла?

Марья Власьева

С сестрой гуляли, с няней

Мы даве здесь; оне домой пошли,
А я замешкалась; бегу за ними,
Вдруг он навстречу, я в кусты с испугу
И схоронилась, там и просидела.

Настасья

Вот я тебя! Беги домой, срамница!
Бесстыдница!

Воевода

(берёт за руку Марью Власьевну)

Постой! Какие очи!

Нельзя налюбоваться, наглядеться!
Я много видел на своём веку,
Таких очей не приводилось видеть.
Красавица, ты из какой земли?
Кто породил тебя, кто возлелеял?

Влас

Меньшая дочка, Марья.

Воевода

Вы обманом,

Холопы, смерды, обошли меня:
Похуже сбыть товар, так воеводе,
Получше — дома приберечь. Я знаю
Купецкую замашку. Ты мне враг,
Ты плутовством живёшь, обманым делом!

Влас

Помилуй, осударь, мы без обману,
По старшинству Прасковью выдавали,
Таков у нас обычай.

Воевода

Я Прасковью

И видеть не желаю, врозь всё дело!
И Марью я не выпущу из рук!
Отдайте мне её! Её отдайте!
Её хочу, её беру, отдайте!
Я вас озолочу.

Влас

Твоя есть воля.

Бери хоть эту, коль пришлось по нраву.

Н а с т а с ь я
Да что ты! Что ты! Где ж такой порядок?
Да нѣшто водится?

В о е в о д а
Уйми жену!

В л а с
Да как унять, что делать с ней, боярин?
Бью походя, околотил все руки.
Настасья, слушай! Мил тебе аль нет
Свет белый, вольный? Молви только слово
Противное, убью тебя до смерти!
Молчи да в ноги кланяйся за милость!
Благодарим за честь.

Кланяются.

В о е в о д а
Так рукобитье?

В л а с
Приказывай, велишь — сейчас ударим.

В о е в о д а
Пойдѣм в хоромы, там и порешим.
(Настасье.)
Веди невесту, при огне посмотрим,
Здесь тѣмно стало. Девица-краса,
Ты не слези свои соколы очи,
Ты не труди свою лебяжью грудь!
Не нá горе ко мне пойдѣшь, на радость.

*Все уходят, кроме шута, который остаётся на крыльце.
Выходят Бастрюков и Резвый.*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Бастрюков, Резвый и шут.

Б а с т р ю к о в
Ах, старый пѣс! Ты слышал, Резвый?

Р е з в ы й

Слышал.

Б а с т р ю к о в
Ведь дело дрянь.

Р е з в ы й
Беда ума прикупит.
Ты не кручинься, как-нибудь поправим.

Б а с т р ю к о в
Поправить нечем, надобно украсть.

Р е з в ы й
И я про то же. Лишь бы показалась —
Уж только здесь и видели её.

Б а с т р ю к о в
Да выдет ли?

Р е з в ы й
Да сердце не утерпит.
Урвётся как-нибудь на малой час
Хоть на прощанье вскользь словечко бросить.

Ш у т
Ай, молодцы! Весёлые ребята!
Ну, как теперь: явить ли воеводе,
Да и накрыть удалых молодцев?
Иль зло сорвать — продать его, собаку,
Да послужить ребятам удалым?
Нет, лучше к дяде. Он за эту службу
Не пожалеет горсти серебра.
(Уходит.)

Б а с т р ю к о в
Зевать не надо! Ты гляди, да в оба!
Всю ночь прождать, да только б не с пустыми
Руками нам домой вернуться. Лучше
Не жить на свете, вовсе не родиться!
А уступить нельзя: не мой обычай.

Р е з в ы й
Никак идёт.

Б а с т р ю к о в
Свисти!

Резвый свищет. Марья Власьева на крыльце.

Ты ль это, Маша?

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Бастрюков, Резвый и Марья Власьева.

Марья Власьева
Иду, родной! Иду и ног не чую!
Спаси меня, спаси! Мне всё постыло,
Мне лучше в омут, чем назад в хоромы.

Отец родной и матушка родима
И продали, и пропили меня.

Б а с т р ю к о в
Да где ты?

М а р ь я В л а с ь е в н а
Здесь! Боюсь идти в потёмках.

Б а с т р ю к о в
(в кустах)
Свисти в другой!

Резвый свищет.

Чего со мной бояться?
Душа моя, голубка, полегоньку
Мы на руках тебя снесём до лодки,
Ты разбирается.

Да и прощай, и поминай как звали.

Входят воевода, Влас, Настасья, шут и слуги с фонарями.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Бастрюков Степан, Марья Власьевна, Резвый, воевода, шут, Влас, Настасья, слуги.

Ш у т
Держите!.. Воры!
Р е з в ы й
Осударь, спасайся!

Б а с т р ю к о в
Авось пробьёмся. Мне свою голубку
Неужто бросить!

В о е в о д а
Бросишь поневоле.
И рад бы взять, да руки не достанут.
Вяжите их!

Р е з в ы й
(вынимает саблю)

Поди-ко, сунься кто!

Все отступают. Бастрюков и Резвый отходят к тыну.

Б а с т р ю к о в
Прощай, касатка, не моя — чужая!

Марья Власьева
Ну да, чужая. Пусть владеет силой,
Ни ласки он, ни слова не дожждётся.
Мне что́ сказать, мне чем тебя утешить?
Ему не я, а красота нужна.
Так пусть же силой нас и обвенчают,
Пусть что хотят, то делают; я буду,
Как мёртвая.

Воевода
Так вот, Степан Семёныч,
Ты по каким делам пошёл?

Бастрюков
Ошибся,
Ты не узнал, я не Степан Семёныч.
Бастрюков и слуги входят в лодку.

Воевода
Эй! Люди! В лодки, да в погоню живо!

Один из слуг
Что было лодок, все поотвязали
И по воде пустили. Не в чем ехать.

Резвый
Поедем тихо, и пешком догонишь.

Воевода
Смотри, куда поедут — вверх по Волге
Иль вниз?

Слуга
Ни вверх, ни вниз, даются в реку;
Не видно стало, обняли потёмки.

Настасья
Ну, видели, как девок-то воруют!
Вот и гляди! А как за ней досмотришь!

Воевода
Украсть хитро, как сторожей поставлю!

Настасья
Да просто так, возьмут да и украдут.
Не надивлюсь, когда они спознались.

Влас
А вот пойдём притянем всех к допросу,
Всех нянек, мамок, спросим и её.

Эй, заберите тын, да подоприте
Его путём! Всю ночь ходить дозором!

В о е в о д а

Ну, мы её побережём покрепче.
Ко мне, в мой дом её перевезите,
Что на посаде: он пустой стоит;
Там не украдут; пусть живёт до свадьбы.

Н а с т а с ь я

Как хочешь сам, а мне не уберечь.
Оно и лучше — от беды подальше.
Иди домой! Ах, батюшки, нейдёт!
(Толкает, та понемногу подвигается.)

В о е в о д а

Упрямится. Дай время — обойдётся.

Уходят.

СЦЕНА II

ЛИЦА

СТЕПАН БАСТРЮКОВ.
РОМАН ДУБРОВИН.
РЕЗВЫЙ.
КУБАС И ДРУГИЕ СЛУГИ.

<Сени в доме Бастрюкова.>

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бастрюков, Резвый, Кубас и другие слуги входят.

Б а с т р ю к о в

(садится)

Душа горит, на части сердце рвётся
Ретивое. Куда ты подевалась,
Моя удача, мой талан да счастье?

Р е з в ы й

Степан Семёныч! Выпей хоть маленько,
Облей ты, окати своё сердечко,
Повеселее будет.

Б а с т р ю к о в

На роду ли

Мне так написано, аль доля вышла
Спознаться с горем. Ройте мне могилу,

Дубовую колоду приготовьте.
Желтым песком засыпьте!

Резвый

Нас живыми

Зарыть в могилу надо, что доводим
Тебя до этакой кручины.

Бастрюков
(встаёт)

Слуги

И челядинцы верные мои!
Я вас кормил, и жаловал, и тешил,
С плеча дарил своё цветное платье —
Хоть в жизни раз и вы меня потешьте!
Я в ноги нам ударю, доставайте
Мне Марью Власьевну!

Резвый

Робята, надоть

Хоть умирать, а доставать. Потешим
Боярина. Вели, Степан Семёныч,
Промолвить слово.

Бастрюков
Молви.

Резвый

(кланяется в ноги)

Головы

Повинной не секут, не рубят. Прежде
Ты выслушай, потом казни, как знаешь.
Хоронится у нас от воеводы
Роман Дубровин.

Бастрюков

Ведомого вора

Во двор пустили. Ну как вдруг нагрянут
Да вора вымут на моём дворе!
В ответе я. По грамоте царёвой,
И головой, и животом отвечу,
Поместья отберут на государя
За ваше воровство!

Резвый

Степан Семёныч,

Не вор Дубровин. Тем и провинился,
Что жил богато да жена пригожа;

Его томил в остроге воевода —
Всё денег вымогал. Сбежал Дубровин,
Так он в тюрьму его хозяйку вкинул;
И ночи там она не ночевала,
К себе её в хоромы перевёл.
В бегах был с год Дубровин, вот вернулся,
Сгрустнулось, повидаться захотелось
С женою.

Б а с т р ю к о в

Где ж она?

Р е з в ы й

У воеводы.

Б а с т р ю к о в

Так вы его пустили?

Р е з в ы й

Да боится

К чужим пристать. Да что ж, Степан Семёныч,
Пушай живёт; у нас его не сыщут;
А взыщутся, так мы тогда спровадим,
И след простыл; а нас хоть жги огнями:
И знать не знаем, слыхом не слыхали.
А уж куда на выдумки гораздой!
Потолковать бы с ним о нашем деле,
Худого не придумает.

Б а с т р ю к о в

Зови!

Р е з в ы й

Кубас, беги! Да ты найдёшь?

К у б а с

Пошарю,

Авось найду. Ещё бы не найти!

Я свой, не сыщик.

(Уходит.)

Р е з в ы й

Горе-то убило

Теперь его, а уж куда затейник —

Что слово скажет, то рублём дарит.

Б а с т р ю к о в

Послушаем. Крестами поменяюсь,
Коль мне беду бобами разведёт,
Печаль-тоску на радость поворотит.

Резвый
Кромя его и некому.
Бастрюков
Посмотрим.
Входит Дубровин.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Дубровин.

Дубровин
Здорово, осударь Степан Семёныч!
Бастрюков
Живёшь давно, а глаз своих не кажешь
Хозяину. У нас таких порядков
Не водится меж добрыми людьми.

Дубровин
Да пошто я тебе? Живу я смирно,
Тебя не трогаю. И ты не трогай!
Пришёл не в гости, ни с добром, ни с худом,
Пришёл потиху и уйду потиху.
Пришёл я незван и уйду я незнан,
А за постой скажу тебе спасибо!
Зачем покликал?

Бастрюков
Дело есть, Дубровин.
Не боязно тебе?

Дубровин
Чего бояться?

Бастрюков
Велю связать, да к воеводе.
Дубровин
Шутишь!
Я пуганый, меня не испугаешь.

Бастрюков
И то шучу. И волосом не тронут.
Нужна послуга.

Дубровин
Будет ли под силу?

Бастрюков
А есть охота?

Дубровин
Твой слуга, боярин.

Бастрюков
Не ждал беды, сама беда сыскалась,
Тужить не думал, довелось тужить.

Дубровин
За что про что сыр-бор горит?

Бастрюков
За девуку!
В руках была, да отняли из рук.

Дубровин
Здесь девушки по денежке.

Бастрюков
Не купишь
И тысячей. Слыхал ли ты про Власа
Дюжова?

Дубровин
Кто ж его не знает, плута,
Лисицу старую!

Бастрюков
А дочек видел?

Дубровин
Чтоб не солгать, раз с десять доводилось.
Молва идёт: не знаю, правда ль, нет ли?
Прасковью Власьевну за воеводу
Просватали. Ужель, Степан Семёныч,
Я молвлю не в укор, её жалеешь?
Похаять нечего, с лица красива,
Собой статна, а всё же кус не твой;
Вот Марья Власьевна совсем другая,
Как не родные точно.

Бастрюков
Про неё-то
И говорю, её-то и жалею;
Мы по любви сошлись и сталкивались.

Дубровин
Чего ж жалеть-то? Сватайся порядком,
Не отдадут, возьми без позволения.

Бастрюков
Так и задумал.

Дубровин

Ну!

Бастрюков

Да помешали.

Я за руку, а за другую...

Дубровин

Кто же?

Бастрюков

Всё он же, воевода.

Дубровин

Не татарин:

Не женится на двух.

Бастрюков

Да он раздумал

Прасковью взять. Как увидел меньшую,

Во двор берёт беречь, чтоб не украли.

Дубровин

А надо бы украсть. Ужли уступишь?

Бастрюков

Что уступить, что заживо в могилу!

Мне жизнь не в жизнь! Бесчестье-то бесчестьем,

Да каково, слюбившись, расставаться.

Дубровин

Не плакать стать; слезами не поможешь.

Подумать, да за дело.

Резвый

В добрый час!

Дубровин

(оглядываясь)

Повыстудить бы избу. Лишних за дверь.

Останься, Резвый, ты не помешаешь.

Бастрюков

(слугам)

Идите вон и подождите зову.

Слуги уходят, кроме Резвого.

Дубровин

Боярин, я пришёл не даром. Тоже

Должишко есть; повыправить хочу.

Взаймы жену, без спросу, люди взяли:
Просить по чести — самого посадят,
Что век не вылезешь. Одно осталось —
Своё добро у вора воровать.
Давай уж вместе! Первым делом надо,
Чтоб воевода выехал дня на два,
Хоть за охотой, хоть на богомолье.

Б а с т р ю к о в

Из города не выживешь его.

Д у б р о в и н

А надо бы. Нам только самого-то
Долой бы с глаз, а челядь наша будет.

Б а с т р ю к о в

Хитёр, собака, не обманешь.

Д у б р о в и н

Можно.

На свете нет такого хитреца,
Чтоб не было хитрее. Воевода
Хитёр, да не умён.

Б а с т р ю к о в

Почём ты знаешь?

Д у б р о в и н

Не станет умный с ведунами знаться,
А он без ведуна не ступит шагу.
Во всяком деле, важном и не важном,
Мизгирь ему советчик. Так пристойно ль
Боярину ума-то набираться
От мужика?

Б а с т р ю к о в

А кто таков Мизгирь?

Д у б р о в и н

Известный плут; слывёт за ведуна
У глупого народа. Он немало
Людей изводит порчей, а другого
Не смыслит чародейства. Уж давно бы
Его казнить пора за лиходейство.
Послать в Москву, там суд короток будет,—
Не волоча, сожгут его живого
За волховство. А умный воевода

Его на воле держит, днём и ночью
Во всякий час к себе в покои водит,
По книгам смотрит, в Шестокрыл и в Рафли.
Вот дело-то какое. Поклониться
Приходится.

Б а с т р ю к о в
Кому?

Д у б р о в и н
Да мне.

Б а с т р ю к о в
Изволь.

Р е з в ы й
Постой, Степан Семёныч, ты боярин,
Заставь холопей кланяться ему,
У нас спина гибка.

Д у б р о в и н
Да вас не надо,
Пусть сам поклонится.

Р е з в ы й
На что ж тебе
Его поклоны нужны?

Д у б р о в и н
Сердце тешу.

Я кланялся немало и задаром;
Пускай хоть раз поклонятся и мне.
Я денег не прошу, меня не купишь,
А за поклон я душу положу.

Б а с т р ю к о в
Поклон не в труд и не в бесчестье, если
За дело кланяться и за услугу.
Я поклонюсь, да было бы за что.
(Кланяется.)

Д у б р о в и н
Меня Мизгирь боится; прикажу
Из города спровадить воеводу,
Так он спровадит, а послать деньжонок,
Да припугнуть, да посулить ещё,
Так завтра же ушлёт на богомолье —
И тот пойдёт.

Б а с т р ю к о в
Чем свет пошлю Кубаса.

Р е з в ы й
Я сам снесу.

Б а с т р ю к о в
А много ль денег надо?
Д у б р о в и н
Недорого продаст он воеводу.
Чего не жаль, то и пошли.

Б а с т р ю к о в
Ну, ладно.

Д у б р о в и н
Прости, до завтра!

Р е з в ы й
Ты, Степан Семёныч,
Опочивать ложись!

Б а с т р ю к о в
Вели дать мёду,
Мне не впервой гулять до бела света.

Р е з в ы й у х о д и т .

Ты где бродил?

Д у б р о в и н
Не клином свет сошёлся.

Б а с т р ю к о в
Гулял по Волге?

Д у б р о в и н
Волей и неволей,
В бурлаках...

Б а с т р ю к о в
И в удалых молодцах?

Д у б р о в и н
Всего бывало.

Б а с т р ю к о в
И большой дорогой
В ночь тёмную?

Д у б р о в и н
Придёт пора, покаюсь.
Ни ты чернец, ни мне конец, боярин.

Б а с т р ю к о в
Здесь слух прошёл про Худояра. Слышал?

Д у б р о в и н
Слыхать — слышал.

Б а с т р ю к о в
А может, и видал?
Так правда ли, что он народ не грабит
И на богатых лишь оброк кладёт;
Не жалует служилых и посадских,
И нас, дворян поместных?

Д у б р о в и н
Ты боишься?

Б а с т р ю к о в
Мне что бояться, я живу по правде.

Д у б р о в и н
Так что ж тебе?

Б а с т р ю к о в
Да поглядеть охота.

Д у б р о в и н
Зачем, боярин?

Б а с т р ю к о в
Удаль заставляет.

Д у б р о в и н
Так вот гляди: мы схожи уродились —
И голосом, и волосом, и ростом;
Один в другого удались точь-в-точь.

Бастрюков пристально смотрит на Дубровина.

Ну, что ж задумался?

Б а с т р ю к о в
Да я не знаю —
Вязать тебя за схожесть с Худояром
Иль чествовать и величать за удаль;
Являть ли воеводе, иль медами
Поить тебя сычёными. Спросить бы,
Да некого.

Д у б р о в и н
Ты у души спроси;
Душа вернее скажет.

Б а с т р ю к о в
Правда.
(Стучит по столу.)

Резвый!

Входят Резвый, Кубас и другие слуги.

Вина давайте, мёду. Песни пойте!
Дым коромыслом! С горя загуляем,
А с радости опохмеляться будем.

С л у г и
(поют)

Уж и полно нам, ребята, чужо пиво пити,
Не пора ли нам, ребята, своё затирати?
Солод молод на овине, а хмель на тычине.
Уж и что же вы, ребята, приуныли?
Аль у вас, ребята, денег нету?

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА

ВОЕВОДА.
НЕУСТРОЙКО.
НАСТАСЬЯ.
МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.
НЕДВИГА.
ВДОВА УЛЬЯНА.
ОЛЁНА, жена Дубровина.
ГРИШКА ЖИЛКА.
ШУТ.
ДЕВУШКИ СЕННЫЕ 1-я и 2-я.
МУЖСКАЯ И ЖЕНСКАЯ ПРИСЛУГА.
ДОМОВОЙ.

Светлые сени в доме воеводы на посаде. Прямо входная дверь; налево (от актёров) — дверь в терем, направо три небольших оконца задёрнуты одной тафтяной занавеской; в левом углу изразцовая печь, у печки железная кочерга, по стенам лавки.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входят Настасья, Недвига и девушки.

Настасья
Ну, что ж? Молчит?
Первая девушка
Не молвит ни словечка.

Настасья
Ни с кем?
Вторая девушка
Ни с кем.
Первая девушка
И рта не разевала.

Настасья
Пойти взглянуть. Ахти, напасть какая!
(Уходит в терем.)

Недвига
Напасть и есть! Не хочет слова молвить!
А вы-то дуры! Нет у вас уменья
Повеселить.

Одна из девушек
Коль ты умна, попробуй!
А мы-то уж и пели, и плясали,
На головах вот разве не ходили —
Да не сумеешь, а то бы попытались.

Недвиг а
Толкуй с тобой! Тебе чужая, видно,
А мне своя. Ну как не распотешить!
Охоты нет! Была царёва дочка
На выданье, царевна Несмеяна;
Сидит — не улыбнётся, говорит ли —
Не усмехнётся. Не-в-котором царстве
Нашёлся парень, рассмешил-таки.

Другая девушка
Так парень, а не мы! Чудная, право!

Первая девушка
И ваша бы, пожалуй, рассмеялась,
Как привести ей парня по душе.
Да где же взять?

Недвиг а
Ты по себе не меряй!
Что у самой глаза-то завидуши —
Так не у всех такие.

Первая девушка
Говорить-то
Не хочется. До брани недалёко,
Как свяжешься.

Недвиг а
Знать, нечего?
Первая девушка
Навряд ли!

Недвиг а
Ну, говори!

Первая девушка
С чего она тоскует?
Я слышала, она сбежать собиралась,
Да не дали.

Недвиг а
Так что ж?

Первая девушка
Слюбилась с парнем.

Недвиг а
А вот и врѣшь. Когда ей с ним слюбиться?
Она его в глаза-то не видала.

Первая девушка
Ты говоришь, а кто тебе поверит?
Ну как сбежать, не зная с кем?

Недвиг а
Да так же:
Пришѣл да взял, не станешь упираться,
А взял — повѣл! У бабы волос долог,
А ум короток. Их куда ведут —
Они идут.

Первая девушка
А может, и вправду.

Недвиг а
Вот то-то же! Ты не мели пустого!
Молоть пустое — жернова сотрѣшь.
(Уходит в дверь налево.)

Входит Неустройко. Ульяна растворяет дверь и оглядывает комнату.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Неустройко и девушки, Ульяна.

Ульяна
(грубо)
Кого ещё нелегкая несёт?
Тебе чего? Ты почто тут толчѣшься?

Неустройко
(передразнивая Ульяну)
Чего, чего! Ты рта не разевай
Широко-то! Сейчас боярин будет.

Ульяна
Так что ж тебе?

Неустройко
Так надо приглядеть,
Обрядно ль всё у вас. Я распинался,
Постлал ковры, завесы к окнам вешал,
Полавочники клал на каждой лавке,
Столы сукном завесил.

Ульяна

Погляди!

Разуй глаза! Всё чисто, всё нарядно.
Уйди добром! Не суйся, где не просят,
А то дождёшься брани.

Неустройко

Жениховы

Подарки все порядком я поставил.
Ларцы и зеркала, белила, перстни,
И мыла всякие, и все покупки,
И рухлядь всю расставил и развесил
Лицом на погляденье!

Ульяна

Ну, так что ж?

Неустройко

У вас, гляди, всё в кучу сбито.

Ульяна

Сбито?

Не лучше ль, не дельнее ль твоего
Улажено? Поди-ко ты с ученьем
Из терема-то вон, покуда цел!
Глупей тебя я, что ли?

Неустройко

Что ты знаешь?

Ты как жила? Весь век в курной избе.

Ульяна

В курной избе? В курной? Где кочерга-то?

(Берёт у печки кочергу.)

*Неустройко убегает в дверь. Ульяна бросается за ним с кочергой
и натывается на воеводу.*

Входят воевода и Неустройко.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Воевода, Неустройко, Ульяна и девушки.

Ульяна

Ахти, беда! Боярин! Виновата!

(Кланяется.)

Воевода

Воюешь ты? Воюй! Не надо беса,
Когда ты здесь. Мне того и нужно.

Ты слушай в оба! Не по чести место
Дано тебе. Боярские хоромы
Велика честь для вас, людишек малых.
Ты это чувствуй. Вся твоя забота
Беречь боярышню, от ней ни шагу
Не отходить. Какие будут речи
Меж вами, сказывай! А баб и девок
Не допускай к боярышне с речами.
Блюда за ними крепко. Всё, что нужно,
Через тебя чтоб шло, никак не мимо.
Послужишь честно, честно и отпустим
С большим наделом деньгами и платьем,
И замуж выдам. Дворню созовите!

Неустройко уходит.

И баб, и сенных девок!

Девушки уходят в терем.

Ульяна

Не трудна работа,
И много милости. Продли Бог веку
Тебе на белом свете. Сиротинку
Не забываешь.

Воевода

Дело-то, я знаю,
Тебе по сердцу. Нравом ты свирепа,
Ну и гляди медведем и свирепствуй!
А за оплошку удавлю. Ступай!

*Ульяна уходит. Входят Неустройко и прислужники обоего пола
и кланяются; меж ними Олёна.*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Воевода, Олёна, Неустройко и прислуга.

Воевода

Я жалую вас милостью боярской:
Не красен дом, не весел господину,
И слугам сиротливо без хозяйки,
Боярыни. Благословеньем Божьим
И нашим счастьем мы нашли девицу
Себе по мысли, и понять желаем
Себе в жену, вам в мать и госпожу.

Не устро́йко
Час добрый! Кланяйтесь, благодарите
Боярина.

Кланяются в ноги.

Воевода
Теперь пока, до свадьбы,
Я этот дом со всем добром и с вами
Невесте отдаю.

Не устро́йко
Опять ударьте
Челом ему на милости боярской
И слушайте наказ.

Воевода
Наказ короткой —
Служить боярыне, как мне, со страхом
И вежеством, в грозе и береженье,
Не красть, не лгать, от всякого бесчинства
И пьяного питья блюстись всемерно!
Всё это присказка, а вот и сказка!

(Встаёт.)

Чтоб день и ночь ворота на запоре!
Чтоб день и ночь круг дома сторожа!
Чтоб ни к кому приходу, ни подсылу!
Чтоб санным девкам из ворот ни шагу!
На портомой водить за караулом
Не часто! Слово каждое и дело
Чтоб было мне доподлинно известно!
Не только вести в дом или из дому
Не проносить; а птица пролетела
С чужих хором, чтоб мне про это ведать!
Я бато́гов для вас не пожалею
За малую оплошку; за большую
Казнённым быть нещадно скорой казнью.

Не устро́йко
Челом боярину и вон ступайте.

Кланяются и уходят, кроме Олёны.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Воевода, Неустройко и Олёна.

Воевода

Олёна!

Олёна останавливается.

Ты всё волком к лесу смотришь.
Змейй шипишь. Пора бы уходитьсь,
Забыть про вора-мужа.

О лё н а

Не забуду,

Пока жива.

Воевода

Кто на тебя посмотрит
Со стороны, так скажет, что зарезать
Меня ты хочешь. Грозными очами
Глядишь на нас.

О лё н а

Да что кому за дело
До глаз моих. Гляжу я, как умею.
Живу покорно, голову поклонно
Держу перед тобой; что ни заставишь,
Я делаю, не выхожу из воли.
Чего ж тебе?

Воевода

(Неустройке)

Стеречь её покрепче,
Чтоб не сбежала со двора.

О лё н а

Кто? Я-то?

Куда сбежать? Подумай! Много ль места
Ты мне оставил? Дом стоит покинут
И разорён по милости твоей,
И двор зарос. А где Роман гуляет,
Где буйною головушкой качает,
Печёт ли солнце, дождик ли сечёт
Ясного сокола, в живых ли, нет ли,
И я не знаю, да и ты не знаешь.
Куда ж бежать? Уж разве на погост —
Над матушкой повыла б, что на горе,

На муку зародила, да взглянула,
Хоть издали, на дом пустой — да в Волгу;
Да грех велик. Уж я у вас останусь
Рабой твоей до гробовой доски.
Да буду ждать, чем нас Господь рассудит.
(Уходит.)

Не устройко
Нет зверя злой жены лютее.

Воевода

Правда.

Входит Жилка, Неустройко уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Воевода и Жилка.

Жилка

(кланяясь в ноги)

А я давно ищу тебя, боярин.

Воевода

Откуда ты?

Жилка

Из погреба.

Воевода

Треклятый,

Кой чёрт занёс на погреб?

Жилка

Посадили.

В гостях гостил у Бастрюковых.

Воевода

То-то

И не видать тебя.

Жилка

Голодной смертью

Околевал-сидел, и кнутъем били,

А на тебя, боярин, челобитье

Написано и услао к Москве.

Воевода

А кто писал?

Жилка

Да я.

Воевода
 С ума ты спятил!
 Или об двух ты головах?
 Жилка
 Напишешь
 И на себя, как по бокам с плетями
 С ордынскими стоят.
 Воевода
 А кто поехал?
 Жилка
 По выбору посадские.
 Воевода
 Ну с Богом!
 Широкий путь.
 Жилка
 Роман Дубровин близко.
 Воевода
 И знаешь где?
 Жилка
 У Бастрюковых.
 Воевода
 Точно?
 Жилка
 Хоть умереть, на месте провалиться!
 Воевода
 А вот, дай срок, схожу на богомолье,
 Нагрянем к ним.
 Жилка
 Про Худояра вести.
 Воевода
 Хорошие?
 Жилка
 Остановился станом
 За пустыню. Осиновик-починок
 Слышал когда?
 Воевода
 Ну вот и кстати будет,
 И я иду туда на богомолье.
 Беги скорей, вели собрать Баиму

Стрельцов и всех служилых. Мигом
Лети к нему: чтоб нынче и в поход,
Чтоб догонять меня; у нас и кони
Осёдланы. Не засижусь, я только
Зашёл проститься с тёщей и невестой!

*Жилка уходит. Входят Настасья, Марья Власьева, покрытая
фатой, Ульяна и Недвига.*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

*Воевода, Настасья, Марья Власьева, Ульяна, Недвига
и женщины, потом шут.*

Воевода

Про ласковую тёщу только вспомни,
Она и здесь. Как спали-ночевали?

Целуются.

Настасья

Зятёк поклонистый, живём, покуда
Господь хранит.

Воевода

Садись в передний угол!
Хозяйкой будь.

Настасья

Хозяйка не садится,
Садись ты, гость.

Воевода

Не гость и не хозяин.
Хозяйка вот. Весь дом со всем запасом
Её теперь, а я сюда до свадьбы
Не загляну. Живите как хотите.
Для береженья, для услуги много
Дворовых баб и девок. Был женатый,
Так нужны были, а вдовцом остался —
Куда их деть? Хотел уж по осинам
Развешать их, ан вот и пригодились.
Вот и Ульяна, ей на месте мамки.

Настасья

На всём спасибо! Только ты послушай,
Какое дело! Словно кто испортил
Её у нас. Бывало, день настанет —

Одну её и слышишь: без умолку
Трещит, болтает, прыгает да скачет;
Теперь ни слова, точно как немая,
И уст не открывает, и ни шагу
Не сделает сама, толкнёшь — идёт.
Аль сглазил кто?

Воевода

От глазу и от порчи
Мы слово знаем. Молодо — стыдливо.
Глазам-то стыдно, а душой-то рада.
Девичий стыд до мужнина порога,
Лиха беда порог переступить.

Настасья

Не то что стыд, а норовом такая.
Упрямится.

Ульяна

Устанет — перестанет.

Настасья

Тоскует, что ли? Спрашивать пытали,
Не молвит ничего.

Воевода

Тоску прогоним

Входит шут.

Забавами, да играми, да пляской,
Да песнями. Бессудного покличем.

Шут

Я здесь давно.

Воевода

Тебя-то нам и надо.

Шути, хвостом верти, хоть бесом корчись,
Да только тешь! А я домой поеду.
Хочу пешком сходить на богомолье,
Благословиться. Крепче дело будет.
Да говорят, круг города удалых
Поразвелось, так надо попугать их,
Да кстати уж и зверя попугать.
Дня два проходим, да честным пирком
За свадебку. Прощай, моя зазноба!
Не на́долго прощаемся с тобой,

Немного дней пройдёт до нашей свадьбы,
Но каждый день протянется мне годом:
Я ночью буду утра дожидаться,
Я утром буду вечер торопить.

Н а с т а с ь я

Убить бы день, а ночи не увидишь.

В о е в о д а

Не крой лица, не прячь своих очей
И ненаглядной красоты девицей,
Дай наглядеться, дай на расставанье
Налюбоваться вдоволь про запас.

(Открывает покрывало и смотрит на неё; она закрывается.)

Прощай-ко, тещенька.

Н а с т а с ь я

Прощай, зятёк.

Все кланяются.

Ж е н щ и н ы

В святой бы час, в архангельской.

В о е в о д а

Спасибо!

Н а с т а с ь я

И я домой. Прощай покуда, дочка.

Уходят воевода, Настасья, Недвига, Ульяна и женщины.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Марья Власьевна и шут.

Ш у т

(прыгает)

Ишь скачет как! Пыль-курево стоит.
Прощай, боярин! С Богом, по морозцу!
Уехал дядя! Запили лохмотья,
И загуляли лоскутки. Не страшно!
Хоть пой, хоть плачь! Никто не сымет воли.

(Поёт.)

Ах ты, бедный ёж,
Горемычный ёж,
Ты куда ползёшь,
Куда ёжишься?
Я ползу, ползу

Ко боярскому двору,
Ко высокому терему.
К Марье Власьевне.

(Ёжится и жмётся к Марье Власьевне, она его толкает ногой.)

Спесива ты, дерёшься! А не знаешь,
Как бедного ежа встречают? Слушай:

Как взяли ежа
Во высокий терем,
Как стали ежа
Целовать, миловать,
Оглаживать,
Охорашивать.

Марья Власьевна

(открывает покрывало и сердито смотрит на шута)

Кабы не ты, гуляла б я на воле.
Постылый пёс, тебе бы беса тешить!
Ножа-то нет, зарезала б тебя.

Ш у т

Гляди-кось. Вот так пыл! Чуть жив со страху!
С ковшом на брагу налетели, дядя!
Убил бобра! Нашла коса на камень!
(Уходит.)

Входят Ульяна и Недвига.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Недвига, Ульяна и Марья Власьевна.

Недвига

Господь с тобой! С чего ты загрустила,
Красавица, забавница моя?

Ульяна

И сладу нет. Совсем от рук отбилась;
Хоть молода, а норов стар.

Недвига

Да ты бы

Не всё грозой, а иногда и лаской;
И дуги гнут не вдруг, а прежде парят.

Ульяна

Да парь не парь, а надо будет гнуться,
Не гнуться — сломишься. Она упряма,
А я упрямее.

Недвиг а
Мне что за дело,
Какая ты! Твоё перед тобою.
(*Марья Власьевне.*)
Пришла к тебе, а по́што, и не знаю;
Куда гожусь, туда и деньте. Всё же
Поваднее тебе со мной, старухой!
Люба — оставь, а нет — домой пусти.
Велишь остаться?

Марья Власьевна кивает головой.

И на том спасибо!

Ульяна
Пойду-ко я да челядь попытаю
Проклятую, не спят ли, дармоеды!
Да заперты ль ворота. Ну, людишки!
За ними глаз да глаз, да кнут ременный
В руках держи, а то не поворачишь!
(*Уходит.*)

Недвиг а
Ах, волк те съешь и с по́трохом! Откуда
Такое зелье взяли? На лес взглянет —
Так лес завянет. Невеличка птичка,
А ноготок востёр. Пустили волка
Овец стеречь, небось не отказался,
А говорит: «Что делать! Так и быть,
Уж как не как, а надо послужить».
Работу взять пойти, без дела скучно.

Олёна входит, робко оглядываясь.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Марья Власьевна и Олёна.

Олёна
(*падая к ногам Марьи Власьевны*)
Государыня боярышня,
Есть за мной вина немалая:
На реке платно мыла,
Громко колотила...
Боярышня, есть весточка.

Марья Власьевна
Откуда?

О л ё н а
Степан Семёныч шлёт.

Марья Власьева
Не лжешь, так правда.

О л ё н а
На что мне лгать! На Волге платье мыла
Я на плоту; неведомая жёнка
Рядком пристала, вглядываться стала,
Взглянула раз и два, заговорила:
«Лицо твоё мне, милая, знакомо,
А как назвать, не знаю». Так и так, мол.
«Ну, говорит, тебя-то мы и ищем.
Придешь домой, боярышне тихонько
Шепни, когда улечишь час...»

Марья Власьева
Скорее!
Ну говори ж! Придут да помешают.

О л ё н а
Чтоб завтра в сад, как только солнце сядет,
Ты выходила. Сторожей не бойся!
Всех напойт. На даровое падки,
Весь дом напьётся к ночи. Я нароком
Фату твою из рук пустила в воду,
Чтоб допустили: будто повиниться
Пришла к тебе.

Марья Власьева
(целая её)
Спасибо.

О л ё н а
Ты Ульяну
Уговори, чтоб погулять пустила.
Пусть и сама идёт; из рук не вырвет,
Как молодцы подхватят.

Марья Власьева
Да не пустит
Из терема.

О л ё н а
Ты подари, попробуй.
Чай, есть чего.

Марья Власьевна
Немало дряни. Идут!

Входят Ульяна и Недвига; останавливаются и смотрят.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Марья Власьевна, Олёна, Недвига и Ульяна.

Олёна
(на коленях)

Государыня боярышня,
Есть за мной вина немалая:
На реке платно мыла,
Громко колотила,
Фату твою белую
В воду уронила.
(Кланяется в ноги.)

Марья Власьевна
(с сердцем)

Ну нет! Простить нельзя беду такую.
Какая ты работница! Работать,
Так не зевать по сторонам! Не надо
Твоей работы! Не нуждаюсь. Много
И без тебя народу. За провинность
Не заставлять её работать. В терем
К себе беру. Пусть на меня и служит,
Чтоб от меня не отходила шагу.

Олёна
Во белых руках было,
Да ушло, уплыло.
Хоть казнишь, хоть милуешь —
Я не утаила.

Марья Власьевна
И вместе спать со мной! Да накормите
С боярского стола её. Ступай!

Недвига
Вот, поглядишь, господское-то дело —
Не разберёшь у них, что гнев, что милость.

Недвига и Олёна уходят.

Ульяна
Заговорила? Аль опять надулась?
Житьё мое! Уж нечего сказать!

Вот дитятко на шею навязалось!
Ходи за ней! Она и знать не хочет,
Стоит как пень, ничем не поворачишь.

Марья Власьева уходит.

Сама пошла. Диковина! Посмотрим,
Что будет от неё.

Марья Власьева входит и подаёт с поклоном тафтяную рубашку.

Ну вот спасибо!
Как поглядеть, так ты из умных, девка.
Не вдруг тебя и распознаешь! Право!
Не осердись, что я тебя бранила.
По глупости. Словечка не услышишь
Противного. Ни в чём не поперечу:
Ты добрая. А чай, грешки ведутся
И за тобой. Вы при людях тихони:
По лавочкам, как соловьи по гнёздам,
Смирнёхонько сидите, глазки в землю
Опустите. А дай-ко вам потачку,
Недогляди, откуда прыть возьмётся —
Бойчее баб. Погудки, смех да грохот,
А разговор послушать, уши вянут,
Стыдом сгоришь. Да что кому за дело,
Чем тешатся, не плакала бы только.
Не то беда, что игры да потехи
На разуме у девок! Ну пускай бы
Промеж себя и тешились, так мало —
Утехи нет одним, без парней скучно.
Не правда, что ль? Сама чудила в девках,
Так знаю вас, меня не проведёте.
И ты, как все, не лучше и не хуже,
Да хитрости в тебе уж больно много.

Марья Власьева уходит.

Опять ушла. Ещё не принесёт ли?
А ладно бы! У ней добра-то много,
А мне-то где взять?

Входит Марья Власьева слетником и подаёт с поклоном.

Что ты! Бог с тобою!
Не надо, нет! Куда мне! Совесть зазрит.

Марья Власьева кланяется.

Уж разве взять? Подарок-то хорош.
Непрощеный подарок-то дороже.
И то, возьму. Благодарю покорно!
Да вот беда! Отдаривать придётся.
Я брать беру, а отдарить-то нечем.
Поноровлю за это; что захочешь,
Отказу нет, oprичь того, что в терем
Чужих водить — и затевать не думай!
Да не пушу и самоё из дому.
А в терему что хочешь, то и делай,
Ты госпожа, мы слуги, что прикажешь —
Тому и быть. Чем хочешь, забавляйся.

Марья Власьева уходит.

Куда ты? Стой! Довольно! Эй, довольно!
Послушай-ко! Не надо, не возьму я!
Ахти, грехи! Кто падок на подарки,
Добра не быть. Кому придёт охота
Бросать добро на ветер? Видно, хочет
Купить меня. Не след бы мне и брать-то,
Да как не взять, когда в глаза мне тычет.
Ох, смерть моя! Такой уж скверный норов —
И соблазнюсь, как соблазнюсь! Подарком
Меня и взять, глаза-то завидуши.
Продам тебя, боярин, сердце чует.
Не утерплю, продам. Глядеть не стану,
Зажмурюсь, чтоб не было соблазну.

Зажмуривается. Входят Марья Власьева с телогреей в руках и Олёна.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Марья Власьева, Олёна и Ульяна.

О лёна

Гляди-ка ты, какая телогрея,
И с выпушкой!

Ульяна

(открывая глаза)

Вот чудо так уж чудо!

Неужто мне?

Марья Власьева кланяется.

О л ё н а

Кому же?

У л ь я н а

Дорогая!

Не нам носить.

О л ё н а

Наденешь, так износишь.

У л ь я н а

Ох, каравай-то не по рылу. Где нам!

Уж как тебя благодарить, не знаю

И не умею. Вся твоя. Хоть воду

Вози на мне. Сулил мне воевода,

Да жди-пожди, а он, гляди, обманет;

А ты добрей, ты прежде догадалась.

О л ё н а

Да у тебя и летник — вошвы бархат

На золоте. Тафтяная рубашка

С запястьями.

У л ь я н а

Уж разве нарядиться?

О л ё н а

Ты нарядись, а мы посмотрим.

У л ь я н а

Что ты!

И впрямь пойти.

О л ё н а

Чай, то-то загляденье!

У л ь я н а

Пойдём со мной, ты мне пособишь.

О л ё н а

Можно.

Ульяна и Олёна уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Марья Власьевна

(одна)

Молчать-то я молчу, да больно скучно

Становится. Немного натолкуешь

Сама с собой. Сложу от скуки песню.
Сама спою, сама и слушать буду.
Тихонечко спою, чтоб не слышали.

(Поёт.)

Я по терему хожу,
Я по миленьком тужу,
Тужу, хожу
Да потуживаю.

Уж я сяду, посижу,
В окошечко погляжу,
В окошечко
Во косящатое.

Милый весточку даёт,
Молодого гонца шлёт,
Гонца, гонца
Да молоденького.

Что не быть, да не бывать,
С милым розно не живать,
Мне жить, не жить
Со милым со дружкойм.

Поскачу да попляшу
Во высоком терему,
Вот так, вот так,
Вот и так, вот и так!

(Слышит шорох, садится и молчит.)

Входят Ульяна и Олёна.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Марья Власьевна, Ульяна и Олёна.

О лёна

Куда красно! И посмотреть, так любо.
Красавица, как есть.

Ульяна

Чему дивишься!

И пень хорош в уборе!

О лёна

Не похаять

Тебя и без убора. Всем пригожа:
Собой статна, лицом бела, румяна,
Глаза как вишни, брови колесом.
По красоте твоей за дворянина

Тебе идти. Ты баба молодая,
Чего ж сидеть!

У л ь я н а

Дворяне по дворянам,
А не по нас. А наши-то дворяне
Не родились.

О л ё н а

Как знать, чего не знаешь.

У л ь я н а

Да нечего и знать-то! По одежке
Протягивай и ножки. А дворяне
Хороший кус, да не для наших уст.
Достатков нет, какая я невеста;
С голодным брюхом, да по добрым людям
Похаживай. Чужой-то хлеб не сладок,
Подавишься. Кормить не станут даром;
И угождай на всякого, как знаешь.
Хоть бы вот здесь, смотри за целым домом —
Беда бедой! Будь смирен — так проглотят,
Сердит — проклясть готовы. Вот и казись!
Здесь не люди, а черти! Как шальные,
Проклятые! Кто спит, кто пьяный бродит,
Шатается. Сама за всем и смотришь,
За всякой малостью. А понадейся,
Так пропадёшь, не рада жизни будешь.
Сама запру все выходы, все двери,
Да поперёк порога здесь и лягу.
Один глазок усни, другой пусть смотрит.

Марья Власьевна даёт ей перстень.

Раздобрилась, и не уймёшь. А правду
Сказать тебе, так мне тебя и жалко.

О л ё н а

(вздохнув)

А у нас в саду
Соловей поёт,
Выговорочки
Выговаривает.

У л ь я н а

Послушаем; послушать, что ли, хочешь?

О л ё н а
Сходить бы завтра.

У л ь я н а
Что ж такое! Сходим
В сумеречки. Большой беды не вижу;
В своём саду, а не в чужом. Боярин
И не велел, да мало ль что! Наказы
Легко давать! Не всяко лыко в строку.
Наказ-то знай, а делай как придётся.

Марья Власьевна целует её.

Ну в сад так в сад! Давно бы ты сказала.
Гуляй себе, когда придёт охота;
Хоть днём гуляй, хоть ночью.

О л ё н а

Вот и ладно.

У л ь я н а
Гуляй, гуляй! Авось повеселеешь,
Хоть улыбнись на нас с Олёной!

Марья Власьевна улыбается.

Ишь ты!

Пошло на лад.

О л ё н а

Дай срок, не то увидишь.

Входят Недвига и девушки.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Марья Власьевна, Ульяна, Олёна, Недвига и девушки.

Не д в и г а
Пора и спать. Чего сидеть в потёмках!
Поужинай, чем Бог послал, да на бок
И завались. Без ужина ложиться
Нехорошо бывает, плохо спится,
Да много грезится. А то как знаешь:
Сиди себе. А уж огня не стану
Вздувать теперь.

У л ь я н а

Кто летом зажигает!

Чай, дворня спит?

Недвиг а
И куры, и собаки —
Все спят.

Ол ё н а
И я, боярышня, прилягу.
(Уходит.)

Недвиг а
Ну что ж нейдёшь? Аль спать-то не охота?
Не то что я. Все ноги отходила,
Все кости, все суставы заболели,
Измаялась. Не рассказать ли сказку
Да присказку? Авось тогда задремлешь.
(Садится на скамейку.)

Сумерничать давайте. Мы любили
В сумеречках сидеть с тобой тихонько
И побасёнки баять тихомолком,
А круг тебя как точно кто мурлычет...
Ах, батюшки! Вот так меня и клонит,
Так и валюсь, и тычусь носом. Часом
Совсем усну, так ты меня толкни.

Начинается сказка, начинается сказка.
За тридевять земель,
В тридесятом царстве,
(дремлет)

Жили два брата
Да мать брюхата,
Да отец на днях...

Постой! Не так. Я что загородила,
Не сплю, а бредится. Начну сначала:

Жили да были два брата родные,
У одного брата всего богато,
А другой убогий, а детей у него много.
Говорит богатый бедному брату:
«Сам ты убогий, а детей у тебя много.
Дай ты мне сына, вот тебе жита осьмина,
Вот тебе осьмина, а жене твоей холстина,
А дочери коза, лубяные глаза...»

Да что я, что я вру-то! Сбилась! Тьфу ты!
Пропать тебе! Не то всё! Задремала.
Вот дальше-то забыла, что там было.
Не вспомню ли? Замстилось! Помню только,

Что попросил у брата лошадь бедный,
А волк и съел, оставил хвост да гриву;
И повели дружка к судье Шемяке.

Сидит судья Шемяка, судом судит,
Бороду расчешет, да ус разлощит,
Ус разлощит, глаза вытаращит...

Тьфу! Пропасть! Не налажу, да и только, —
То про Фому начну, то про Ерёму.

*Из-за печки выходит домовой с фонарём.
Недвиг а в полусне машет руками.*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Марья Власьевна, Недвига, Ульяна, девушки (спят) и домовый.

Недвига

Аминь, аминь, рассыпья! Чур меня!
(Засыпает.)

Домовой

Что вечерняя красная зорюшка
Догорает, чуть краюшком теплится,
Загораются частые звёздочки,
Рассаждаются по небу чистому.
Докачались головки, домаялись
До пуховых цветных изголовьицев,
Ходит сон по сениям, по новым дрёма.
Ты поди, сон-дрёма, в головах постой.

По хоромам старым
Я давно брожу;
В тереме чужая,
Дай-ко погляжу.
Новая новинка
К худу иль к добру?
Нет, такая гостья
Нам не ко двору.

Ты на счастье, на радость роженная,
Не про старого мужа рощёная,
Старику-то чернеть да горбы растить,
А тебе-то алеть спелой ягодкой.
Я поглажу тебя лапой бархатной
На богатство, на радость с милым дружком.

Тихой сон-угомон ясным глазынькам,
В изголовье тебе грёзы девичьи.

За сердечным другом
То ли не житьё.
А у нас по дому
Горе да вытьё.
Скрасишь скучный терем
На короткий час,
Да и пуст покинешь
И бежишь от нас.

Запустеет терем, принаклонится,
Заметёт по углам пылью-плесенью,
Понесёт по сениям бранью, руганью,
<Сип да воп> по клетям с перекурами.
Не слышать-то мне смеху весёлого,
Молодого, девичьего, звонкого.
Не слышать по ночам бреду жаркого,
Только старым старухам шлыки сшибать.
(Сшибает шлык с Недвиги и уходит.)

Недвиг а
(впросонках)

Аминь, аминь, рассыпья!

Марья Власьева

Ах, как сладко

Уснула я!

Недвиг а
Аминь, аминь, рассыпья!
(Встаёт.)

Не разберу: во сне ли, наяву ли,
А сбили шлык. Не ты ли пошутила?
Пойдём-ка ужинать да спать ложиться.
Вот день прошёл, до нас дошёл.
(Зевает.)

Ахти мне!

Грехи мои.

(Зевает.)

И-ах... великие!

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА

ВОЕВОДА.

НЕУСТРОЙКО.

СТАРУХА, крестьянка, хозяйка постоялого двора.

ИВАН, её сын.

ГАВРИЛО И КЛИМ, бортники из Нижнего.

СИДОР, лесной промышленник из Унжи.

КУРЧАЙ И КУЛИК, целовальники с казённой рыбой и солью.

СЛУГИ ВОЕВОДЫ.

СОН ВОЕВОДЫ

ЛИЦА

СТЕПАН БАСТРЮКОВ.

РОМАН ДУБРОВИН.

РЕЗВЫЙ И СЛУГИ.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Деревенская изба, направо печь, перед печью люлька с ребёнком, налево стол.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

*Старуха (за люлькой), Гаврило, Клим (за столом ужинают),
потом Иван, Курчай, Кулик и Сидор.*

Гаврило

Вы, тётка, чьи?

Старуха

Поместные крестьяне.

Гаврило

За кем живёте?

Старуха

За мурзой крещёным.

Клим

Хорош до вас?

Старуха

Татарин как татарин.

Где бабе знать! Толкуйте с мужиками.

Вот сын придёт.

Гаврило

Ты внучка, что ли, нянчишь?

А где ж сноха?

Старуха
С ребятами в чулане.
Там четверо у ней, вот пятый в зыбке.

Входит Иван.

Иван
Струга пришли, к ночлегу подвалили.
Слышь, матушка? А с лесу воевода
Валит со всем народом; хочет станом
На берегу остановиться на ночь.

Старуха
Чай, лют?

Иван
Вестимо, лют: на то боярин.
Ты ждёшь купцов, а тут, гляди, нагрянут
Боярские голодные холопья.
Один разор! От них, что от пожару,
Что есть в земле зарыто, то и цело,
А под руку попало, то пропало.
Ахти, беда!

Старуха
Да что у нас и взять-то?

Иван
У нищего суму, и ту отнимут.
Входят Курчай, Кулик и Сидор.
С стругов?

Сидор
С стругов.

Иван
Отколь?

Сидор
Из Унжи будем.

Иван
С лубьём?

Сидор
Нештó!

Иван
А вы, робя?

Курч ай

Мы с низу.

Мы в целовальниках идём в насадах,
С казной.

И в а н

С какой?

Курч ай

С оброчной рыбой в бочках.

Ку л и к

Вы держите аль нет?

И в а н

Чего?

Ку л и к

Вестимо...

И в а н

Вина-то, что ль? Нет, парень, не бывало.
У нас корчмы никто не держит.

Ку л и к

Будто?

И в а н

Да боязно, велик ответ.

Ку л и к

Не бойся,

Не выведем, не сыщики.

И в а н

Ну, право.

Ку л и к

Поди пошарь. Авось найдёшь.

И в а н

Пошарю.

Кажись, что есть; себе берёг на праздник.

(Уходит.)

Курч ай

(Гавриле и Климу)

Хлеб-соль!

Г а в р и л о

Спасибо.

Курч ай

Здравствуйте. Откуда?

Г а в р и л о
Из Нижнего гужом идём в обозе.

К у р ч а й
Далёко ли?

Г а в р и л о
До Ярославля, с мёдом;
Мы бортники.

С и д о р
(подсаживаясь)
Плесни, хозяйка, щец-то!
Да не пустых.

С т а р у х а
Варила со сметками.

Гаврило и Клим встают.

Г а в р и л о
(старухе)
Благодарствуйте. Мы лошадей посмотрим,
Да на печь к вам. Гляди, и полночь скоро.
Часок-другой соснём, да и в дорогу.

Уходят.

С т а р у х а
Большая печь, просторно, полезайте.
Входит Иван с вином в кувшине.

И в а н
Полкружки есть. По чарке будет. Пейте.
К у л и к
Простое?

И в а н
С маком. Люди пьют да хвалят.
К у л и к
(пьёт)
Не похулим и мы. Нельзя не выпить,
Всё на воде.

И в а н
На доброе здоровье!

Едят. Гаврило и Клим входят и лезут на печь.

Старуха
Прибрал в клети?

Иван
В подполицу припрятал.

Стук.

Старуха
Поди, стучат.

Иван
Пушай идут к соседям.
Кого несёт!..

Старуха
Не вдруг пускай. Окликни.

Иван уходит.

Курчай
Ишь, крик какой! Не лучше ль убираться
С добра ума. Хозяйка, не трудись.

Встают. Старуха собирает со стола.

Подальше от греха, здоровей будешь.
Пойдёмте спать в струги. За угощенье!

Уходят Курчай, Кулик и Сидор. Иван входит.

Иван
Хоть в гроб ложись! Боярин к нам постоем,
Опричь хором, со всем двором валится.
Ишь, холодно в палатке, так холопы
По избам рыщут, где теплей да чище.
Уж я молил немало.

Старуха
Воля Божья!
Придёт беда, так отворяй ворота.

Входят Неустройко и слуги.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Иван, старуха, Неустройко и слуги.

Неустройко

Давай огня!

Старуха подаёт лучину, зажигает восковую свечку.

Сдвигайте стол в тот угол!

Ковры, меха стелите, в изголовье

Седло клади!

Иван

(кланяясь в ноги)

Яви такую милость,

Ослободи! Поди к соседям!

Неустройко

Смерды,

Ступайте в хлев! Старуху вон, и с зыбкой.

Слуги подходят к зыбке.

Старуха

Разбойники! Младенца-то не троньте!

Кому помеха ангельская душка!

Входят воевода и слуги.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Воевода, Неустройко, Иван, старуха и слуги.

Старуха

Уйми холопей, закажи им трогать

Младенца!

Воевода

Вон ступайте! Ты, старуха,

Останься здесь с ребёнком. Ближе к детям,

И ангел ближе, место благодатней.

Он не блажит у вас?

Уходят Иван и слуги.

Старуха

В кого родится

Благой у нас, давно мы присмирели.

Воевода
Раздень меня!

Неустройко снимает с него дорожную сулейку; воевода пьёт чарку, потом снимает складень, целует и ставит в изголовье, потом снимает оружие.

Неустройко
Опочивай покойно!
Я в сени спать; понадоблюсь, так близко.
(Уходит.)

Воевода ложится и скоро засыпает.

Старуха
(качает зыбку и поёт)

Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянской сын!
Допрежь деды не видали беды,
Беда пришла да беду привела
С напастями да с пропастьями,
С правежами беда, всё с побоями.
Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянской сын!
Нас Бог забыл, царь не милует,
Люди бросили, людям отдали,
Нам во людях жить, на людей служить,
На людей людям приноравливать.

Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянской сын!
Беду нажили, как изжить будет?
Изживём беду за работушкой,
За немилой, чужой, непокладною,
Вековечною, злою-страдною.

Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянской сын!
Ты спи, поколь изживём беду,
Изживём беду, пронесёт грозу,
Пронесёт грозу, горе минется,
Поколь Бог простит, царь сжалится.

(Засыпает над люлькой.)

Воевода
(во сне)

Сдавил всю грудь, проклятый! Душит, душит,
Вздохнуть не даст ни разу, зачураться!
Ох, смерть моя приходит! Чур меня!

Вся кровь горит, огонь бежит по жилам
И сердце жжёт.

(Просыпается.)

О Господи, помилуй!

(Садится.)

И сон тяжёл, и сонный бред замучил.
С молитвой лёг. Не знаю, что за притча!
И рад не спать, да сон одолевает,
Сомкну глаза, так одолеют грёзы...

Старуха

(впросонках)

Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянской сын!
С тобой сидит бабка старая,
До зари с зари прибаюкивает,
Тихой сон очам наговаривает
Да качку-качалку покачивает.

(Засыпает.)

Воевода

И страшен сон, да милостив Господь.
Сосну ещё немного и в дорогу!
А что-то дома? Надо Бастрюковых
Пугнуть покрепче! Насолили оба.
Отец мутит, а сын ворует девок.
Недогляди немного, и увёз бы
Жемчужину такую, что и в царских
Не сыщется палатах. Да ему ли,
Беспутному, сокровище такое!
Ему бы пить, а красоты девичьей
Не разберёт он, бражник; та ль, другая ль —
Ему одно. Уж он, гляди, за пьянством
И позабыл о ней. А если помнит?
А если помнит? До греха недолго.
Беда моя! Людишки все продажны,
За денежку любого купишь. Каждый
И пьяница, и вор. Зачем заехал
Я в эту глушь? На самых добрых конях
Скачи весь день, так до ночи доскачешь.
А там, гляди, гульба, потеха, пьянство
Во всём дворе. А в терему у Марьи
Чужой сидит хозяином, целует,
Глядит ей в очи, к сердцу жмёт её,

Как у себя, как дома. Либо вовсе
Сманил её и был таков. Немало
Светлиц и повалуш у Бастрюкова,
Зачем ему в чужие красться вором,
Исподтишка, с оглядкой миловаться,
Чтоб люди не видали. То ли дело —
Привёз домой, она не поперечит,
Гуляй душа, никто не помешает.
О, дьяволы! Грызи зубами руки
Да плачь теперь; свою башку седую
Разбей об печку. Дураком родился
И дураком умрёшь. Вот близко локоть,
Да не укусишь. Ты кому поверил?
Кого оставил дом стеречь? Бабёнку!
Она, родясь, алтына не видала:
Достать мошну да позвенеть ей к рылу,
Себя продаст, не только что чужую.
А слуги! Те назло, не из корысти,
Готовы дом поджечь со всех углов.

(Молчание.)

Скачи, Нечай, скачи, приедешь в пору.
Там пир идёт, весь мир гуляет, пляшут,
Здоровье пьют, Нечая поминают:
«Берёт Нечай, да людям. У Нечая
И по губам текло, да не попало».
Да скоро ль утро? Ехать бы, да тёмно
И бездорожье, ноги изломаешь!
Дрожи как лист осиновый, Иудой
Трясись теперь; сиди да утра жди!
Хоть бы колдун какой! Поворожить бы.

(Подходит к старухе.)

Ты ворожишь, старуха?

Старуха

Нам, боярин,
И ворожить-то не о чем. Мы Бога
И так прогневали. А вам, боярин,
Без ворожбы сполагоря живётся.
Ты отойди, здесь ангельское место.

Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянской сын!
Белым тельцем лежишь в люлечке,
Твоя душенька в небесах летит,

Твой тихий сон сам Господь хранит,
По бокам стоят светлы ангелы.

Воевода

(сидится на постель)

А сон опять морит. Прилягу малость.
Забрезжит свет, на коней и в дорогу.

(Засыпает.)

Старуха

Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянской сын!
С тобой сидит бабка старая.
До зари с зари прибаюкивает,
Тихий сон очам наговаривает,
Да качку-качалку покачивает.

(Засыпает.)

*Часть сеней в доме Бастрюковых. Бастрюков Степан с чарой мёду,
Дубровин, Резвый, Кубас, Шишига и слуги одеты гребцами.*

Воевода

Да вот они. Роман Дубровин, Стёпка,
Вы оба тут. Ну, вас-то мне и надо.
Попался, брат Степан! Иди к ответу!

Степан Бастрюков

Повеселей бы что-нибудь, робята!

Резвый

Да вот игра: садись, робята, на пол
Да запоём: «По матушке по Волге!»

Степан Бастрюков

Любимая моя игра. Хмельному
Простору нет в избе, гулять охота.
Вот сядем все, да и поедем. Любо!
Я — атаман, Дубровин — ясаулом.
Я — на корму, он — на нос.

(Резвому.)

Ты с братиной

В серёдку сядь и потчуй всех: направо,
Налево, мне, Дубровину, себе...

Садятся.

Поехали!

Воевода
Далёко не уедешь!

Гребцы
(поют)

Раз первой! Раз другой! Ухнем да ухнем!

Воевода
Ты на пол сел и думаешь, что в лодку!
Дурак, дурак! Вяжите их покрепче!

Гребцы
Раз первой! Раз другой! Ещё маленький разок!

Сени исчезают. Середина Волги, вдали берега. Является лодка, все прибодряются, надевают шапки, берут вёсла. Бастрюков и Дубровин встают на ноги.

Воевода
Уехали! Держите их, держите!

Бастрюков
Кормилица ты наша, мать родная!
Ты нас поишь, и кормишь, и лелеешь!
Челом тебе! Катись до синя-моря
Крутым ярам да красным бережочкам
На утешенье, нам на погулянье!
Недаром слава про тебя ведётся;
Немало песен на Руси поётся,
А всех милей: «По матушке по Волге!»

Гребцы
(поют)

Вниз по матушке по Волге,
По широкой, славной, долгой,
Взбушевлася погода
Немалая, волновая.

Бастрюков
Ты, ясаул, вперёд верней гляди,
И, буде что увидишь впереди,
Рассказывай!

Дубровин
Да впереди-то чёрни.

Бастрюков
В воде-то черти, в берегу-то черви,
В лесах коренья, пенья да сучки,
По городам подьячие крючки.

Хотят словить, да врут, мы погуляем,
По Волге силу-удаль попытаем.

Гребцы
(поют)

Ничего в волнах не видно,
Только видно одну лодку,
Лёгку лодочку косную,
Макарьевску, разъездную.

Бастрюков
Ты, ясаул, вперёд верней гляди,
И, буде что увидишь впереди,
Рассказывай!

Дубровин
Да впереди колода.

Бастрюков
Ну, что колода! Сам я воевода.
А ты гляди по Волге, нет ли встречных
И поперечных?

Дубровин
Есть. Струги гребные.

Бастрюков
Какие, с чем?

Дубровин
Купецкие с товаром,
А царские с казной.

Бастрюков
На них казаки-воры,
А на купецких-то бурлаки хворы.
<Сарынь> на кичку! Стой! Не надо, мимо!
Мы не за тем.

Воевода
Зачем ты едешь, знаю.
Воруй себе, да только не у нас.

Бастрюков
Ты, ясаул, вперёд верней гляди,
И, буде что увидишь впереди,
Рассказывай!

Дубровин
Да впереди-то терем
Расписанный.

Бастрюков
Пригряньте-ко, робята!

Гребцы
Вы приваливай, робята,
Ко крутому бережочку,
Да ко жёлтому песочку,
Ко боярскому подворью.

Показывается терем.

Воевода
Не мой терем, не мой. К чужому едут,
Мой в городе, на лодке не подъедешь;
Я дома сам, чего же мне бояться?
Ловите их, держите! Воры, воры
Наехали. Да что ж вы, спите, что ли?

Гребцы
Ко Нечаеву подворью.
Да ко Марьину здоровью..

Марья Власьева сходит с берега.

А Марьюшка выходила.
Гребцам мёду выносила.
Не прогневайся, хозяин,
Что наехали не званы.

Воевода
Зачем ты здесь? Домой, вернись домой!
Не дам уйти. Шалишь! Не доставайся
Ты никому. Где нож? А вот он, вот он!
Возьмёт ли, нет ли, только не живую.

Гребцы
Вы берите красну девку
Во макарьевскую лодку,
Вы сажайте-ко, робята,
К атаману на колени.

Марья Власьева садится на колени к Бастрюкову. Видение исчезает.

Воевода

(во сне)

В глазах увёз. Меня столкнули в Волгу.
Тону, тону! Спасите! Заливает
Меня всего, под шею подступает.
Ко дну иду. Без покаянья страшно
Мне умирать. Спасите, дайте время
Покаяться, раздать именье нищим,
Посхимиться. Никто не шевельнётся,
На берегу стоят да смотрят. Любо,
Что я тону, как ключ. Вот дно, вот камни
Зелёные, зелёная трава,
Песок зелёный! Братцы, помогите!

Входят Неустройко и двое слуг. В окне утренний свет.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Старуха, воевода, Неустройко и двое слуг.

Неустройко

Будить аль нет?

Слуга

Не трожь, пусть сам проснётся.

Воевода

(во сне)

Тону! Спасите! Господи, помилуй
Раба Нечая! Умираю!

(Просыпается.)

Где я?

(Встаёт.)

Неустройко

Господь с тобой! Мы здесь, в избе.

(Берёт сулейку, складень и оружие воеводы.)

Слуги собирают постель.

Воевода

Проворней!

Коней, коней!

Неустройко

Осёдланы, боярин!

Воевода

Скачи домой живей, чтоб к ночи быть.
Бери людей с собой надёжных. Снился
Мне сон дурной; так я боюсь, здорово ль
И цело ли у нас. По обещанью,
Мне надобно дойти пешком в обитель
Молебен отслужить. Так запоздаю:
Сбираешься зайти на малый час,
А там, глядишь, и до ночи задержат.
(Одевается.)

*Уходят. Гаврило слезает с печи, умывается и выходит за дверь помолиться.
Клим слезает, умывается. Гаврило возвращается. Клим уходит.*

Гаврило

Слава тебе, Господи, до бела света прósпали.

Клим

(возвращается)

Рассвело бело, хоть хлеб ешь.

Старуха

Рушай да кушай на здоровье.

Гаврило

(берёт хлеб на столе и режет)

Господи, благослови!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

ЛИЦА

ВОЕВОДА.
ПУСТЫННИК.
МОНАСТЫРСКИЙ СЛУЖКА.
ЩЕРБАК
КАУРЫЙ
ЗАЯЦ
ВОТРЯ
КАЛГА
ЕРГОЛЬ
СВИТА ВОЕВОДЫ.
ПРОХОЖИЕ БОГОМОЛЬЦЫ.

} разбойники.

Вершина лесного оврага, круто сбегающего к Волге, на нагорной стороне.

На авансцене пещера Пустынника; далее с одной стороны оврага мост на другую, через который идёт дорога в монастырь; перед мостом с дороги тропинка к пещере; далее с одной стороны видно продолжение нагорного берега, на нём вдали из-за лесу видны монастырские стены; другая сторона оврага возвышается и оканчивается крутым обрывом над Волгой; в глубине видна Волга, делающая под монастырём поворот; за Волгой — луговая сторона с кустарниками, озёрками и деревёнками на холмах. При начале действия Волга, противоположный берег и вся даль покрыты туманом.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Щербак сидит на пне. Служка спускается по тропинке с ведром в руках, по мосту проходит толпа богомольцев.

Щербак

Тебе чего тут надо?

Служка

Проходи

Своей дорогой, добрый человек!

Щербак

Да не твоё здесь место; вам обитель
Построена; живёте за стенами,
Тепло и сытно вам; а глушь лесную,
Трущобную, оставьте нам, бездомным,
Обиженным, гонимым. Я хозяин
Лесных болот, оврагов, дебрей диких;
Моё тут место, я его нашёл,
Облюбовал и занял.

С л у ж к а

Ты ошибся.

Ищи другую дебрь, а эту занял
Допрежь тебя молитвенник-пустынник.

Щ е р б а к

Да ты взглядишь в меня! Чего уставил
Глаза-то в землю?

С л у ж к а

Нам не подобает

Глядеть на вас и речи говорить
С мирянами; соблазну мы блюдёмся.

Щ е р б а к

Да ведь и мы-то разговоров длинных
Не жалует; а голову сорвать
Со встречного — вот это наше дело.
И вы того ж с пустынником дождётесь.
Не малый ты ребёнок; что же лезешь
К медведю в пасть! Не с бабою убогой,
Что с кузовком за клюквой да грибами
По лесу бродит, повстречался ты,
А с молодцом удалым.

С л у ж к а

Бог с тобою!

До удали твоей какое дело
Смиренникам? Твои угрозы глупы:
Не смерти мы боимся, а греха.
У нас черёд молитвеннику воду
И хлеб носить, то наше послушанье.
Благословил сегодня настоятель
На этот труд меня, и я пошёл.
Ослушаться пославшего не смею;
Пожалуй, хоть убей. А наш пустынник
Уж заживо лежит в гробу, готов
На Божий суд. Для отдыха и на ночь
Ложится в гроб молитвенник. Коль хочешь,
Поди взгляни в оконце. На молитве
Поклоны правит иль в гробу лежит.

Щ е р б а к

Давай ведро, я сам снесу!

С л у ж к а

Изволь!

Отказывать нельзя, коль есть усердье
Для Бога послужить. Поставь у дверки!
Авось Господь во что-нибудь поставит
Труды твои и за грехи зачтёт.
(Отдаёт ведро и уходит на гору.)

Щербак ставит ведро у двери Пустынника, глядит в окно и в ужасе отступает назад. Из пещеры показывается Пустынник и идёт в гору. Щербак кланяется ему в землю и лежит, пока Пустынник проходит и скрывается в лесу. Из оврага поднимается туман, открывается освещённая ярким солнцем даль: изгиб Волги, нагорный, покрытый лесом берег, на нём в полугоре белеют стены монастырские; на противоположном, луговом берегу окружённые кустарником озёрки, вдали по лесистым холмам несколько деревень и сёл.

Выше тумана, на горе показывается Пустынник и, обратясь лицом к монастырю, становится на колена; туман закрывает его. Из-под мосту, из чащи выходит Дубровин.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Щербак и Дубровин.

Щ е р б а к

Челом тебе, Роман Петрович!

Д у б р о в и н

Здравствуй!

Товарищи все целы, все здоровы?

Щ е р б а к

Здоровы-то здоровы, только скучно:
Работы нет, давно без дела бродим;
Тоска взяла. Зачем ты нас покинул,
Скрываешься?

Д у б р о в и н

Да в городе забота

Была дня на два, на три, да такая,
Что не ордой, а надо одному
Пролезть и вылезть, где ползком, где боком,
Кругом болотца, в задние воротца.

Щ е р б а к

Дуван дуванили, тебе на долю
Бухарский лук.

(Поддаёт кожаный налучник, в нём лук и стрелы.)

Дубровин

(принимая)

Давай сюда, годится.

Щербак

Казны пришлось немного.

Дубровин

И не надо.

Щербак

Камки и бархаты, цветное платье...

Дубровин

И рухляди не надо тоже. С низу
Привольного привезено добра,
Что не прожить. Лежит в укромном месте
Припрятано; а там себе иль людям
Достанется, вперёд не угадаешь.
Далёко наши?

Щербак

Здесь разбродом бродят,
Поразошлись: кто с кузовком на плечах
Грибов да ягод ищет по опушке,
Другой к слепым уселся у ворот
У монастырских с чашкой; кто в чаще,
В малинике присел, туда не ходят
И бабы-то, медведей берегутся;
А кто в челнах на Волге, при запасе,
В береговом таится тальнике.
Идёт большой дорогой воевода,
Как на войну собрался, сбил народу:
Затинщиков, стрельцов и пушкарей.
Уж не за нами ли? Мы мужичонка
Заворотили в лес с дрянным возишком,
С мешком муки; так наказал в опушку
Идти ему да плакать, воеводе
Челом ударить: вот, мол, животишки
Пограбили сегодня ночью воры
И поскакали по дороге в город.
Коль скажешь так, и воз назад воротим,
А нет,— и самому не быть живому.
Да я вперёд по деревням вёрст на семь
Послал молву пустить, что ночью были;

А спросят, мол, куда ушли, скажите
По Волге кверху, в город. Так и случилось:
Поворотил стрельцов назад.

Дубровин

А много ль

Идёт при нём?

Щербак

Десятка два, не больше,

С холопами и челядью.

Дубровин

Немного ж.

Щербак

Теперь в версте они, не дальше. Смотрят
С деревьев наши; чуть вдали завидят,
Придут сказать.

Дубровин

Ударить бы на них

Из-под мосту, стрельцов перевязать,
А воеводу в Волгу.

Щербак

Ты в уме ли?

Да видано ли, слыхано ли дело,
Чтоб зайцы шли войною на собак?
С одним дубьём не сунешься на ратных,
Их голыми руками не возьмёшь.
У нас дубьё, у них, небось, пищали;
Пищальные орехи-то не сладки.

Дубровин

За что же нас удалыми прозвали?
Ужли за то, что грабим беззащитных
Да по ночам ворует из клеток?

Щербак

Умей уйти, как заяц, без оглядки,
От сыщиков и от погони скорой,
Умей украсть и схоронить концы!
Вот наша удаль: бегай, укрывайся
И на рожон не лезть!

Дубровин

А если кликну

Охотников, да посулю на брата

Вина по жбану да пригоршни денег
Серебряных?

Щербак

Не затевай, оставь!

С удалыми с опаской слово молви!
Подумают, что ты подвесь их хочешь.
И не уйти тогда тебе живому.
У нас теперь другая речь пошла:
Пожива есть внизу; от беглых слышно,
Что Астрахань разграблена, и дальше,
К Саратову идёт большая туча
Низовой вольницы. И мы туда же.
Струги у нас готовы, хоть сегодня
Отваливай; тебя лишь дожидались.

Дубровин

Да мне ещё не время.

Щербак

Подождём

Денёк-другой, не к спеху дело; разве
Товарищи не захотят; тогда уж
Как хочешь, сам скажи им. Кликать, что ли?

Дубровин

(садится на пень)

Скликай народ удалый к атаману.

Щербак кричит по-птичьему; из лесу ему откликаются.

Щербак

Заслышали, и отклик есть, — сойдутся.

*Постепенно сходятся: Кауры й, Заяц, Вотря, Калга, Ерголь;
в продолжение сцены подходит ещё несколько.*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

*Дубровин, Щербак, Кауры й, Заяц, Вотря, Калга, Ерголь
и другие разбойники.*

Кауры й

(увидав Дубровина)

Товарищи, вернулся атаман.

Заяц

Челом тебе. Долгонько загостился;
А мы совсем собрались. Едем, что ли?

Вот ря
Да что за спрос! Мы кругом порешили
Сегодня же отплыть.

Дубровин
А вы спросите,
Поеду ль я!

Калга
Да как же не поедешь,
Коль круг решил, ты больше всех не будешь.
По одному мы слушаем тебя,
А скажет круг, так ты его послушай.

Дубровин
Да дело есть большое, вот что.
(Встаёт.)

Братцы,
Товарищи, не первый год гуляем
По Волге-матушке; добра чужого
Награблено, накрадено довольно.
Погуляно, поедено, попито
По горлышко. И век гулял бы с вами,
Не расставался, да такое дело,
Уж рад не рад, а вас покинуть надо
Ненадолго. Щербак за атамана
Послужит вам; так и другим скажите.
В Казани подождите, догоню.
Вернусь — так ваш уж вплоть до самой петли,
А не вернусь — не поминайте лихом!

Кауры й
Ты не бросай совсем-то!

Заяц
Ты заводишь
Какие-то дурацкие порядки:
Сиротами без атамана плыть...

Вот ря
Нигде того не водится.

Калга
Виниться
Не хочешь ли, дьякам в ногах валяться?
Так не помилюют.

Ерголь
Ты не в монахи ль?

Кауры й

Да что за дело у тебя? Не баба ль?
Так лучше брось, продаст ни за копейку.

Дубровин

Галдеть? Душа не терпит. Рассердиться
Недолго мне, да как-то вы уймёте!
Со мной не спорь! Что сказано, то свято,
Тому и быть. Мне надо рассчитаться
За старый долг со здешним воеводой.
Не верите, так дайте мне любого
В товарищи; посмотрит и поможет
С Шалыгиным расправиться. Коля живы
Останемся, тогда вернёмся вместе.

Кауры й

Да так-то так; а без тебя-то горе;
Ты голова, мы руки.

Заяц

Ну, как часом

Попутает нелёгкая, случится,
В тюрьму влетишь?

Дубровин

Довóду, что ль, боитесь?

На вора вор доказчиком не будет.
Да я живой не дамся в руки, знайте!

Щербак

А плыть так плыть. Покуда воевода
К монастырю дойдёт, далёко будем,
За островом. Прощай, Роман Петрович!
Увидимся ль?

Дубровин

Всей силой постараюсь;

А будет то, что будет.

Щербак

В лодки живо!

Несколько разбойников уходят.

Кауры й

Свежеет ветер, будет непогода.

Заяц

Откуда дует?

Кауры й

Сверху.

Калга

Вот и ладно.

Поставим парус, песню заиграем

Весёлую, и поминай как звали.

Вдали гром.

Ерголь

Никак гроза?

Кауры й

С грозою веселей.

Щербак

Кормилец наш, зелёный лес, прощай!

Гроза-подружка, Волга-мать родная

В степной простор удалых понесут.

*Уходят Щербак, Кауры й, Заяц, Вотря, Калга, Ерголь
и другие.*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Дубровин, потом Пустынник и служка.

Дубровин

Одним-один, ни в тех, ни в сех остался;

Лихих людей оставил, к добрым людям

Пристать нельзя. Головушке бездомной

Одно пристанище в миру — тюрьма.

А чтоб сидеть недаром, попытаюсь

Из-за куста злодея пристрелить.

Я ловок был, бывало, в мету бил

Без промаха издалека; до мосту

Близёхонько. Нацелюсь в правый глаз.

Рука не дрогнет, сердце не колыхнет;

Простись, Нечай Григорьич, с вольным светом,

Как тетерев, ты грянешься на землю.

Не ты ль меня пустил по-волчьи рыскать,

Гнездо моё расхитил? Уж не ты ли

И выучил меня по Волге грабить,

В лесных трущобах да в оврагах жить,

Точить ножи булатные и стрелы?

Кажись, что ты? Так сам теперь отведай.

Востра ль стрела, чиста ль моя работа.
Всему пора и время: пожил сладко,
Повластвовал,— теперь пришёл конец.

*Пустынник сходит по тропинке, за ним служба. Туча надвигается;
темнеет; ветер и удары грома.*

Какой-то странник.
(Всматривается и, с ужасом, вскрикивает.)

Батюшко!

(Падает на колени.)

Пустынник

Роман!

Молчание.

Ну, как живёшь?

Дубровин

Нехорошо, родимый.

Пустынник

(строго)

А для чего?

Дубровин

(с мольбой)

Не проклинай! Покаюсь

Во всех грехах перед тобою.

Пустынник

Кайся

Не мне, а Богу!

Дубровин

Я тебе покаюсь.

До Бога нам высоко; мы не смеем
И глаз поднять на небо. Окаянство
Греховное горой лежит на плечах
И вниз гнетёт. Господня милосердия
Не стою я; от грешных уст молитва
Не примется.

Пустынник

А кто же на кресте-то

Разбойника простил?

Дубровин

Да я-то, грешный,

Не хуже ли разбойника того.

Пустынник

Да хоть и хуже, всё ж надёжней к Богу
С раскаяньем вернуться, чем бежать
И прятаться от Господа, как древле
Бежал, трясясь, братоубийца Каин.
А что Олёна?

Дубровин

Отнял воевода.

Пустынник

А ты?

Дубровин

А я в удалых здесь в овраге,
В сыром бору, на Волге...

Пустынник

Проходи!

(Хочет идти в пещеру.)

Дубровин

Постой, отец!

Пустынник

Поди покайся Богу

И брось гульбу, — тогда поговорим.

Дубровин

Покаялся б, душа-то не готова:
Ещё в миру есть счёты да приманки,
Да зло на человека мыслю; душит
Меня вражда, клещами горло давит.
У сердца моего кусок оторван.
Отдай жену по чести воевода,
Тогда смирюсь и зло своё забуду;
Не погонюсь и за обидой, брошу,
Отдам ему обиду. Пусть, собака,
Живёт да беды на голову копит
До царского и Божьего суда.
Тогда покину вольную потеху
И самохотную расправу. Слушай!

Служка

(Дубровину)

Не говори с ним много, он не любит.

Дубровин

Пред Господом творю тебе обеты:
В ваш монастырь великий вклад кладу,

Украшу храм стенным писаньем новым.
Ни денежкой, неправо нажитою,
Не покорыстуюсь. Пришло неправдой,
Пойдёт на дело.

Пустынник

Долго дожидаться.
Откладывая грешить, а добрых дел
Не отлагают. Смерть не за горами,
А за плечьями.

Гром.

Произволением Божиим,
Из малой тучки гром большой бывает.
Взялось в овраге облачко, по ветру
Пошло гулять, и мечет Божьи стрелы,
И роет Волгу до песку. Давно ли
Она струилась тихо ровной гладью,
А в этот час струга большие топит,
И гибнут души. Легче не родиться,
Чем умереть, не помирившись с Богом.
А вдруг помрёшь?

Дубровин

Туда мне и дорога!
Своя вина, так поделом и мука.
В чём Бог застанет, в том меня и судит.
Уж мне давно шатанье надоело.
Душа просила, и в уме бродило
Не смертное убийство, не разбой;
Мой норов крут, душа моя не терпит,
Когда большой молодшего обидит,
Подвластного гнетёт и давит властный.

Пустынник

У властных власть идёт от Бога. Кто же
Тебе позволил стать над властью?

Дубровин

Сердце

Ретивое, что бьётся — не уймётся.
Неправый суд царит на белом свете;
В овечьем стаде волки пастухами;
Кто ж застоит за бедных, беззащитных?
Не мы, так кто ж? Нет власти, есть охота.

Затем-то я тюремное сиденье
Сменял на бор сырой. Про это горе
Я в тёмну ночь над Волгой думу думал
И с соловьями речи говорил.

Пустынник
Об чём тут думать? В мире тесно стало,
Так вон тебе обитель! Успокойся,
Забудь мирскую злобу и молись
За обижающих!

Дубровин
За них молиться?
Да разве мы святые?

Пустынник
Проходи!

Дубровин
Благослови, отец!

Пустынник
Благословляю
Покаяться; а на другое дело
Благословенья нет.

(Уходит в пещеру.)

Служка
Ты здесь пожди!
Честной отец, быть может, что прикажет,
Так я тебе поведаю.

(Уходит в пещеру.)

Дубровин
Дождусь.

Ветер бушует, деревья гнутся, гром чаще и сильнее, проливной дождь.

И клонится, и гнётся лес дремучий,
Прощается со мной. Прощай, дубрава
Зелёная! Я сам тебе челом
Ударюся до матери-земли.

(Кланяется.)

Для всех в тебе есть место: для святого
Пещерника приволье — рой где хочешь,
Живи, молись, спасайся без помехи!
Для грешников овраги да мосты;
Сиди под ним да жди проезжих. Любо!

И мир, что лес; путей-дорог довольно,
Запутаться недолго: иль в чашу
Без выхода, иль в топкое болото
Трясинное по горло забредёшь.
И я бродил окольными путями,
Пока отец не вывел на прямой.

Служка возвращается.

Служка

Молитвенник мне дал приказ такой:
«Скажи ему, чтоб он жену Олёну
Взял за руку и вёл к себе домой».

Дубровин

Да как возьмёшь? Назаперти она.
Замки ломать да с сторожами биться?

Служка

Таков приказ; как хочешь, исполняй!
Я повторю тебе опять сначала
Всё по́рядку, что велено сказать.
«Скажи ему, чтоб он жену Олёну
Взял за руку и вёл к себе домой;
Чтоб старостам в посаде объявился
И сел опять на царское тягло;
Когда устроит дом, чтоб шёл в обитель
И полгода молитвой непрестанной,
И строгим послушаньем, и работой,
В молчании, на монастырской стройке,
Заглаживал грехи свои пред Богом».

Дубровин

Исполню всё. Теперь в посадки много
К своим дворам, на царское тягло,
Приходит нашей братьи. Кто торгует
На воровские деньги, что припрятал.
Другой, гляди, не два, не три убийства
На плечах носит, да живут покойно,
Никто не трогает. Меня подавно
Посадские не выдадут; подъячих
Купить недорого. А там годочек,
Другой пройдёт, доводчиков не бойся.
Живёшь потиху, так в разбое старом
Судить заказано, опричь убийства.
А я не лгу, я рук не кровянил.

С л у ж к а
Ну, Бог тебя благослови! Прощай!
Ты в город, что ль? Так нынче монастырский
Стружок бежит туда; поди, подсадят.
Садись, свезут; а за провоз отдай,
Что на душу тебе Господь положит!

Д у б р о в и н
Так я пойду на вашу пристань.

С л у ж к а

С Богом!

Дубровин идёт по тропинке на гору и переходит через мост; служка идёт за ним, останавливается на мосту и смотрит направо по дороге. По мосту проходит толпа богомольцев. Из-под моста выходят Щербак и Каурый с небольшими тяжёлыми мешками в руках.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Служка (на мосту), Щербак, Каурый, потом Пустынник.

Щ е р б а к
(Каурому)

Поди сюда!

(Указывая пещеру.)

Вот здесь его я видел,
Лежал в гробу, а вышел, так светилось
Лицо его. Кажись, не из трусливых,
А как стоял, так я и пал на месте.

К а у р ы й

Вот чудо-то!

Щ е р б а к

И всякий ужаснётся.

Чему дивиться? Если из иконы
Святой угодник выдет на тебя,
Ведь жутко, брат; а он как есть икона.
И после что ж! Смотрю, пошёл он в гору
И поднялся на облаке над Волгой.
Давай мешок, поставим под оконцем;
Найдёт казну, за нас молиться будет.
Нам только то и нужно. Ставь рядом!

*Ставят у окна мешки с деньгами, из пещеры выходит Пустынник.
Щербак и Каурый, сняв шапки, в испуге отходят.*

Щербак
Уж ты возьми, не погнушайся! Просим!

Кланяются в ноги.

По обещанию.

Каурый
Такой обет мы дали.

Щербак
Вот, видишь ты, мы плыть собрались вниз...

Пустынник
Да бурю Бог послал.

Щербак и Каурый
(вместе)
Ну, вот, так точно.

Пустынник
И начало метать по Волге вас,
И видите, одна косная тонет,
За ней другая.

Щербак
Правда, так и было.

Пустынник
И вспомнили вы Бога.

Щербак
Да, так точно.

Каурый
Ты знаешь всё; и говорить не надо.

Пустынник
А на молитве как вас поминать?

Щербак
Да поминай, как знаешь!

Пустынник
За гулящих,
За вольницу удалую молиться?

Щербак
Ну вот, ну вот, за них-то и молись!

Пустынник
Идите с Богом! Я бесперестанно
Молюсь за вас, чтоб вас Господь наставил.

С л у ж к а
(на мосту)
Спускаются с горы, подходят к мосту.

Пустынник идёт на мост.

Щ е р б а к
Навиделись чудес. Пойдём расскажем!

К а у р ы й
Теперь уж плыть не страшно; не потонем.

Щербак и Кауры й уходят под мост. Воевода подходит к мосту, за ним свита: стрельцы, холопы и разные богомольцы.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Пустынник, служба, воевода, его свита и богомольцы.

П у с т ы н н и к
(на мосту, загораживая воеводе дорогу)
Вернись назад!

В о е в о д а
Да я по обещаенью;
Не бражничать, иду молиться Богу.

П у с т ы н н и к
Вернись назад!

В о е в о д а
Я вклад монастырю
Несу большой.

П у с т ы н н и к
Твои дары напрасны;
Не примутся они. Приятно Богу,
Когда приносят жертвы с чистым сердцем
И сокрушённым духом.

В о е в о д а
Да почём же
Моё ты сердце знаешь, со смиреньем
Иль обуян гордыней я иду?

П у с т ы н н и к
Вернись назад!

В о е в о д а
Нельзя. Народу много
Идёт за мной. Послушаюсь монаха,
Не воеводой, бабой назовут.

Пустынник
Пошлю сказать, чтоб заперли ворота.

Воевода
И запертые мне отворят живо,
Коль прикажу. Запоры не удержат.

Пустынник
А слышал ты, что было в лихолетье,
Когда хотели воровские люди
Ворота монастырские разбить?
Спалило всех огнем небесным. Видишь
Могилы-то в овраге? Это их.

Воевода
А силой взять нельзя, так торговаться
Давай с тобой.

Пустынник
Грехи-то прежде сбудь.
За деньги Бог грехи не отпускает.

Воевода
Чего же ты желаешь от Нечая
Шалыгина?

Пустынник
Раскаянья, смиренья.

Воевода
Раскаянья? Ну, что ж, изволь; покаюсь.
Давно хочу сложить грехов обузу
На шею исповедника. Пойдём!
Веди меня, отец, в свою пещеру!

Служка
Благословишь звонить во все?

Пустынник

Звоните.

*Служка, оборотясь к монастырю, машет рукой. Пустынник и воевода
сходят с моста и входят в пещеру; за ними сходят два стрелца
с бердышами и становятся у пещеры, один близко, другой поодаль; свита
располагается по горе и на мосту: кто садится, кто ложится; в монастыре
начинается звон; богомольцы проходят через мост.*

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЛИЦА

ВОЕВОДА.
БАСТРЮКОВ СТЕПАН.
ОБЛЕЗЛОВ.
ДУБРОВИН.
ШУТ.
МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.
УЛЬЯНА.
ОЛЁНА.
СТОРОЖ.
НЕУСТРОЙКО.
НЕЖДАН.
СМИРНОЙ.
ДРУЖИНА.
ВЛАС.
НЕСМЕЯНОВ.
ПОСАДСКИЕ.
РЕЗВЫЙ.
СЛУГИ БАСТРЮКОВА.
СЛУГИ ВОЕВОДЫ.
СТРЕЛЬЦЫ.
НАРОД.
КУБАС.
ШИШИГА.
ЗОРЯ.

Задний двор: направо заднее крыльцо терема, за теремом проезд с переднего двора, далее угол людской избы; налево забор с калиткой и задними воротами; близ забора дерево, на суку которого повешена деревянная доска, в которую бьют сторожа; в глубине, за лёгкой изгородью, сад.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сторож с дубиной и Резвый входят.

Сторож

Спасибо, брат! Употчевал на славу,
Таких и надо нам. Вся дворня лоском
Теперь лежит.

Резвый

А мы с тобой не пьяны,—
И молодцы-робята.

Садятся на скамью.

Сторож
Ты, выходит,
На службу к нам задаться хочешь, парень,
За нашего боярина?

Резвый
Нешто!
Сиротским делом, что дадут деньжонок,
Возьму, пропью, а там навек кабальный.
Давай попьём.
(Достаёт сулейку и жестяную чарку.)

Сторож
И то гораздо пьяны.
Резвый
Ну вот беда! Проспишься, а назавтра
Опохмелю.

Пьют.
Сторож
Да спать-то не придётся.
Терёнька спит как мёртвый, не разбудишь
Ничем его. Один я на стороже.

Резвый
Да что стеречь в пустом саду? Диви бы
Поспело что! Вот яблоки поспеют,
Тогда беда.

Сторож
Да нешто мы как люди!
Велят тебе беречь пустое место —
И береги. А что украсть-то, парень!
Каб было что, свои б давно украли.
Ну право, так!

Резвый
Давай свою дубину!
Ты ляг, усни, а я стучать примусь;
Послушают и скажут, что исправны.
Да что не пьёшь! Допей, остатки сладки.

Сторож
Осилить ли? Тут много.

Резвый
Поневолься.
Не каждый день вино у нас.

Сторож

Вестимо.

Вон люди в праздник пьют, а мы не так:
У нас когда вино, тогда и праздник.

(Допивает.)

Резвый

(показывая на задние ворота)

Ворота заперты, а прикалиток?

Сторож

Гвоздём забит. Ну, парень, забирает
Меня дюжо. Пьяней вина я, парень.

Резвый

Размок язык, так спи.

(Толкает, тот падает и хочет подняться.)

Небось не встанешь!

Другой медведь того не выпьет, сколько
Сегодня ты. Ай, сторож!

(Замахивается дубиной.)

Ну! Смерти

Аль живота?

Сторож

(в полусне)

Робятушки, он вор!

Робятушки!

Резвый

Немного набормочешь.

Сторож засыпает. Резвый бьёт в доску. Входит Ульяна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Резвый и Ульяна.

Ульяна

У тех ворот два сторожа сидят,
И здесь один, другой лежит, на смену
Готовится. Постукивай почаще,
Чтоб слышать мне, что вы не спите.

Резвый

Ладно.

Ульяна

По голосу-то словно как не наш;
Ты за себя иль за кого другого
На стороже стоишь?

Резвый

Да за Терёнку;

Недужится ему.

Ульяна

А ты-то кто же?

Резвый

Да что с тобой, Ульяна Пантелевна?

Иль не признала? Конюх воеводский

С того двора.

Ульяна

А по чьему приказу

Ты в сторожах стоишь?

Резвый

Мне Неустройко

Приказывал и дал ярлык.

Ульяна

Кажи!

Резвый

Не веришь мне, давай народ разбудим,

И за меня поставь кого другого,

А я в конюшню спать. Скажу спасибо.

Другие спят, а ты гляди, как сыч.

Ты всем взяла: и ростом, и дородством,

И поступью, и уж складна, Бог дал;

Опять с лица: глаза ли взять, иль брови...

Так, кажется, и днём с огнем не сыщешь;

Вот только норы...

Ульяна

Не мели пустого!

Резвый

Мне Бог с тобой; я только, что уж очень

Красавица. Я глаз таких весёлых

Не видывал, речей таких умильных

Не слыхивал. Я правду говорю.

Ульяна

Да вижу я, что правду.

Резвый

Не обидься!

У л ь я н а

Да чем тут обижаться! Эх, мой милый,
На красоту мою никто не льстится.
Ни мужа нет, ни милого дружка.

Р е з в ы й

Ну, мужа-то, известно, без недостатков
Найдёшь не скоро; милого дружка
Скорее не в пример.

У л ь я н а

С оглядкой надо.

Найти найдёшь, да как бы не заплакать:
Другой такой навяжется, что жизни
Не рада будешь.

Р е з в ы й

Как не пожалеешь,

Сердечную, тебя? Ты выходи-ко
Попозже в сад; усядемся рядком,
Поговорим с тобой сиротским делом.

Выходит из терема О л ё н а.

У л ь я н а

И то придём.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Резвый, Ульяна и Олёна.

О л ё н а

Ульяна Пантелевна,

Боярышня тебя зовёт.

У л ь я н а

Иду.

(Уходит в терем.)

Олёна остаётся на крыльце. Резвый идёт к забору и отмыкает калитку.

Р е з в ы й

Ты здесь, Кубас?

Кубас входит в калитку.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Резвый, Олёна, Кубас, потом Дубровин.

Кубас

Мы тут с Шишигой бродим;
У лошадей Зоря.

Резвый

А где боярин?

Кубас

Недалеко гуляет; я с Романом.

Входит Дубровин.

Резвый

(Дубровину)

А ты зачем?

Дубровин

Да за женой пришёл.
Пора домой; довольно погостила
В чужих людях.

Резвый

(Кубасу)

Коней держите ближе
Да бережней; не полошить соседей!

Кубас

Да тут всё глушь, всё задворки выходят,
Собаки нет живой; с лица так людно.

Резвый

Пойти взглянуть на вас.

(Уходит в калитку с Кубасом.)

Дубровин

Заныло сердце.

Олёнушка! Два года не видались,
Вот Бог привел. Я чай, совсем забыла
И бросила Романа своего.
А как мы с ней любовно поживали,
Весь день с утра и до ночи всё смехи
Да радости у нас, налюбоваться
Не можем друг на друга. Люди
Дивуются и говорят, бывало:
«Такой-то смех весёлый у Олёны,
Что слушаешь и сам смеёшься с ней».

Уйдёшь с двора поутру, в лавку сядешь,
А всё с ума нейдёт Олёнин голос,
А всё в ушах весёлый смех звенит.
А тут сама бежит ко мне, подсядет,
Прижмётся вся, полой её закрою
По самую по шею, только щёки
Алеются, да чёрные соколья
Глаза глядят из-под бровей соболевых,
Огнём горят, как звёзды, искры сыплют.
Идут купцы, идут бояре, смотрят,
Дивуются на нас, глядеть им любо,
Как ладно с ней сидим мы и торгуем.

В сад входит шут и прячется в кустах.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дубровин, Олёна, шут в кустах, Резвый укалитки.

Олёна

(бежит к Дубровину)

Роман, Роман!

(Отвернувшись, плачет.)

Дубровин

С чего же ты, Олёна,

Заплакала? От радости иль с горя?

Олёна

Да Господи! Да как же! Не во сне ли?

Взгляни сюда! Роман и есть! Голубчик!

(Припадает к нему на грудь.)

Ну где ж ты был?

Дубровин

В лесах бродил.

Олёна

Да как же

Без крова-то? Весна да осень — дождь,

Зима-то — снег; в лесу-то зверь рыскачий.

На чём прилечь в ночи, а в непогоду

Обсохнуть где?

Дубровин

Да видишь, цел вернулся,

Так что ж тебе? Что было, то прошло.

О л ё н а

Забыл меня, забыл. Да ты бы кликнул
Иль весть прислал: мол, приходи, Олёна,
Так разве б я к тебе не убежала,
Не бросилась, стрелой не полетела?

Д у б р о в и н

Куда ж тебя? В лесу бродить по-волчьи?
Не приведи Господь! Да я б тебя
Из рук своих зарезал, чтоб не знала,
Не ведала ты нашей вольной воли,
Ни нашей злой и неминучей доли.
Да как же мне тебя, мою голубку,
К нечистым псам вести? За что же, веку
Не доживя, тебе в аду кромешном
С злодеями кипеть и видеть, слышать,
Грабёж, делёж, питьё-снетьё хмельное,
Да хриплый крик, да пьяный воп, да драку,
Зуб за зуб брань, ножовые тычки,
Божбу, клятьё, святыни обруганье,—
С чего у нас-то, окаянных, волос
Вздывает дыбом, леденеет кровь,—
Гульба гульбой, а впереди-то пытка.
Обрушит чёрт, наткнёшься на разъезды:
Убьют тебя, так счастье, а как свяжут,
Перекуют попарно да к расспросу
Потянут всех, и ты пойдёшь с ворами
Терпеть безвинно воровскую кару...

О л ё н а

Кто ж мыл, кто шил тебе? Чужие руки
Такие ли, как женины? Кажи-ко
Сорочку-то!

(Плачет.)

Суровая какая.

Такие ли я шила! Ишь ты, ворот
Не вышитый. А я, бывало, шёлком
И рукава, и ворот изошью.
Какой кафтан-то смурый! На бурлаках
Такие-то.

(Плачет.)

Д у б р о в и н

А ты молись-ко Богу,
Что сам-то цел!

О л ё н а

Романушко, по-Божьи,

Скажи ты мне всю правду. Не видались
Два года мы. Ужли ты женской ласки
Не видывал, так сиротой и жил?
Ни девушки, ни бабы не любили
Молодчика тебя? Скажи, мой милый,
Не осержусь.

Д у б р о в и н

Всю правду говорить?

О л ё н а

Ну, говори!

Д у б р о в и н

В сиротской нашей доле

До ласки ли, Олёна? А взгрустнётся,
Бывало, мне, — присядешь, горько всплакнешь,
Придёт ко мне, бывало, пожалеет,
Приластится, лицо и руки лижет
Мой верный пёс, лохматая собака,
Кобель борзой. В глаза ко мне глядит
И плачет сам со мной.

О л ё н а

(бросается к нему на шею)

Роман, сердечный!

(Плачет.)

Так прогони ж свою собаку, злую
Разлучницу. Возьми меня. Собакой
Служить тебе я буду, злое горе
С тобой делить; в глаза глядеть, и плакать,
И ластиться.

Д у б р о в и н

(утирая слезу)

Уж без тебя не выйду

Отсюда я. Не для того нас доля
Свела опять, чтоб снова расставаться.

О л ё н а

(оглядываясь)

Увидят нас с тобой...

Д у б р о в и н

А пусть увидят;

Мне велено прийти и взять тебя.

О л ё н а
А кто ж велел?

Д у б р о в и н
Отец.

О л ё н а
Его ты видел?

Д у б р о в и н
Привёл Господь. И ты его увидишь.

О л ё н а
Возьми меня скорей, Роман, возьми.
Не надоем тебе, не надокучу.
Прикажешь мне — я подойду, погонишь —
Я прочь пойду, и слова не услышишь.

Д у б р о в и н
А у тебя и не спрошу, Олёна,
Как ты жила, чтоб сердца ретивого
Не натрудить. И так уж всё изныло.
Я знаю, ты меня не променяешь
Ни на кого охотой, про насильство
Не сказывай! Себя не пожалею,
Да и тебя. Таков уж мой обычай;
Как словно что внутри-то захохочет,
В глазах туман кровавый да ножи
Мерещатся. Молчи, Олёна, лучше!

О л ё н а
Романушко, не думай! Воевода
И плакал-то, и пыткой-то стращал,
Я напрямик ему сказала: руки,
Мол, наложу, отстань. Три дня не ела,
Голодной смертью помереть хотела, —
И унялся. На чёрную работу
Послал меня; а я тому и рада.
Боярышню привёл, так взяли в терем,
По нраву ей пришлась.

Д у б р о в и н
Веди скорее
Боярышню. Калитку вам отворим.

О л ё н а
Ступай, Роман, и за забором жди,
А здесь не стой! С боярышней Ульяна,

Сердитая такая: как увидит
Тебя в саду, весь дом поднимет криком.
Прощай пока.

Дубровин
Ну, с Богом.
Олёна

Дожидайтесь.

Уходят Дубровин и Резвый в калитку, а Олёна в терем.

Шут
Ну, дядюшка, прости с своей невестой!
Женили нас с тобой! Ты где гуляешь,
Своей беды не знаешь? Что ж мне делать?
Будить народ начать? А ну, услышит
Олёнин муж, да выдадут людишки
Меня ему? Начнёт меня он резать,
Пороть ножом на части по суставам.
Ой, батюшки, не буду! Вот что лучше:
Направлю я стопы свои подальше,
Покуда цел.

Входит Неустройко.

Наткнулся на кого-то.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Шут, Неустройко, потом Резвый.

Неустройко
Бессудный, ты?

Шут
А где Нечай Григорьич?

Неустройко
В монастыре остался.

Шут
Ты потише,
Не разбуди! Ты видишь, все заснули.
(Показывая на сторожа.)

Ты как прошёл?

Неустройко
В ворота.

Ш у т

Кто же отпер?

Не у с т р о й к о

Два сторожа сидят; не спят, не дремлют.
А хуже сонных тычутся.

Ш у т

Послушай!

Все сторожа пьянёхоньки, Дубровин
И Бастрюков на задворках гуляют,
Сейчас придёт боярышня; калитка,
Вот видишь, та не заперта. Промедли
Ты час ещё, и поминай как звали.

Неустройко хочет подойти к калитке.

Не отходи от терема, убьют.
Ты здесь один?

Не у с т р о й к о

На улице оставил

Людей, стрельцов; двором прошёл тихонько
И сказывать не приказал.

Ш у т

Пошли-ко

В обход стрельцов на задворки. Без шуму
Пускай идут; а сам беги скорее
К Облезлову. Он рядом здесь пирует.
Там пир идёт на весь крещёный мир;
Там всех найдёшь, посадских и служилых,
И я там был, мёд-пиво пил — прогнали.
Бери народ и самого проси:
Одним-то нам не справиться.

Не у с т р о й к о

Идём.

Неустройко и шут уходят. Резвый входит и садится на скамью.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Р е з в ы й

(один, поёт)

Я на камушке сижу,
Я топор в руках держу.
Ай ли, ай люли,
Огород горожу!

Огород горожу,
Всё капустку сажу.
Ай ли, ай люли,
Всё кочаненькую!
У кого нету капусты,
Просим к нам в огород.
Ай ли, ай люли,
Во девичий хоровод.

Выходят из терема Ульяна, Марья Власьевна и Олёна.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Резвый, Ульяна, Марья Власьевна, Олёна.

Ульяна

И крепко мы и весело живём:
Во всех углах по сторожу.

Олёна

Весёлый,

И в доску бьёт, и песенки поёт.

Ульяна

Пришла ж тебе охота! Не слыхала,
Как соловей поёт. Велико диво!
У вас в саду, чай, много.

Олёна

Всё же люблю

Послушать их весенней-то порой.

Ульяна

Так слушала б из терема. Гулянки
Всё на уме.

Олёна

Когда ж и погулять-то.

Гуляй, пока заботы нет, а после
И не придётся: в тереме запрут.

Ульяна

Так добрые-то люди днём гуляют,
А ночью спят.

Олёна

Мы выпасться успеем.

Мы круглый год всё спим. Ночей-то много,

А соловьи поют до Петрова дня,
Перестают потом.

Ульяна

И вам не страшно

Ночной порой в саду?

Олёна

Чего ж бояться?

Вот говорят, что будто бука ходит,
Да врут, поди. Не малые мы дети.

Ульяна

Ну, вот пришли, развесили мы уши,
А соловей-то где ж?

Резвый

Сейчас услышишь.

(Свищет.)

*Калитка отворяется, Марья Власьева и Олёна убегают,
Резвый за ними. Всад входят Неустройко, Облезлов, Неждан,
Смирной, Дружина, Влас Дюжой, Брусенин, Цаплин, Тыра,
другие посадские, стрельцы и народ, слуги воеводы
и сенные девушки.*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

*Ульяна, Неустройко, Облезлов, Неждан, Смирной, Дружина,
Дюжой, Брусенин, Цаплин, Тыра, посадские, стрельцы,
народ, слуги воеводы и сенные девушки.*

Ульяна

Ушли, ушли. Держите их!

Неустройко

Держите!

Ульяна

Ахти, беда! Никак на грех вернулся
Боярин наш?

Неустройко

Боярин не вернулся,
Да легче вам не будет. Перевяжем
И до него рассадим по чуланам,
И сторожей приставим понадежней.

Ульяна

(наступая на Неустройку)

Меня в чулан, меня? Да ты в уме ли?
Тебя связать, ты сторожей-то ставил,
Воров таких же, как и сам.

(Кланяется Облезлову.)

Суди нас,

Сейчас суди! Ты вместо воеводы
Остался здесь. Да ты суди по правде,
Лихим ворам не делай поноровки!
Коль у тебя есть совесть, коли носишь
На шее крест, вели его держать,
Покуда я не выскребу когтями
Бесстыжих глаз его! Потом рассудишь.
Кто прав из нас, кто виноват.

Неустройко

Постой!

Коль нас судить по правде, надо камень
Потяжелей надеть тебе на шею,
Да за ноги, да в Волгу; а потом уж
Судить тебя!

Вбегают Марья Власьева, за ней шут.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

*Ульяна, Неустройко, Облезлов, Неждан, Смирной, Дружина,
Дюжой, Брусенин, Цаплин, Тыра, Марья Власьева, шут,
посадские, стрельцы, народ, слуги воеводы,
сенные девушки, потом Степан Бастрюков, <воевода>.*

Ульяна

Недалеко ушла.

(Берёт Марью Власьевну за руку.)

Задумала хитро, да как ни бегай,
А рук моих тебе не миновать.
Держите-ко её покрепче, девки!

Неустройко

(шуту)

Ну, что ж вы там? Людишек Бастрюкова
Побрали всех?

Ш у т
И всех перевязали
Одним концом; как жемчуг нанизали
На ниточку.

Не у строй ко
Дубровина Романа?

Ш у т
Тому почёт особый. Впятером
Насилу одолели.

*Стрельцы вводят связанных Резвого, Кубаса, Шишигу, Зорю,
Олёну и Дубровина.*

Вот они!

Не у строй ко
А Бастрюков Степан?

Ш у т
К нему не скоро
Подступишься.

Вбегает Степан Бастрюков, отмахиваясь саблей.

Ба с т р ю к о в
Не подходи никто!
Не тронь меня холопскими руками,
По локоть отрублю.

Об л е з л о в
Его оставьте!
Он не уйдёт и сам. Степан Семёныч,
Негоже, брат, дворянам-то служилым
С холопами да с беглыми людьми
Ночным разбоем промышлять.

Ба с т р ю к о в
Разбоем
Живёте вы с Шалыгиным;
Не на разбой, мы за своим пришли.

Об л е з л о в
С холопами твоими суд короток:
Велю их бить нещадно батошьём,
Дубровина в тюрьму до воеводы...
А как тебя судить, не знаю, право.

О л ё н а
(Дубровину)

Убей меня!

Д у б р о в и н
И рад бы я, да связан.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и воевода.

С л у г а
Наехал сам боярин воевода.

Входит воевода, долго осматривается.

В о е в о д а
Ты здесь, Облезлов; мне тебя и надо.
В Москву гонца пошли, не медля, завтра ж,
Отписывай, что наш, мол, воевода
Нечай Шалыгин, убоясь Бога
И страшного суда Его, поволит
От суетного мира удалиться,
Изведать труд подвижнической жизни
И дней своих остаток посвятить
Служенью Богу в иноческом чине.

О б л е з л о в
Нечай Григорыч, что ты!

В о е в о д а
Слушай дальше!
Сдаю тебе печать городовую
И всякую казну, и все запасы:
Наряд, и зелье, и свинец; а буде
Чего сполна не сыщется, отвечу
Казной своей; по искам, челобитьям
За прежние убытки и обиды
Обиженным уплачиваю вдвое.
Так и пиши! Ты судишь тут, я вижу.
Суди, суди!

О б л е з л о в
Я без тебя судья,
А при тебе — товарищ. Сам суди!

В о е в о д а
Никто себя не судит. Вместе с ними
В ответе я перед твоим судом.

Облезлов
А что не так я рассужу?
Воевода
Поправим,
Ошибка в грех не ставится.

Облезлов
Изволь!

Степан Бастрюков
На воеводу челобитчик я.
Вели пустить Дюжова дочку Марью;
Она моя невеста; он насильно
Увёз её.

Облезлов
А чья она невеста —
Мне как узнать? Отца и мать мы спросим.

Степан Бастрюков
Спроси у ней.

Облезлов
Да нешто девка знает,
Кто ей жених? Её ли это дело?
К кому пойдёшь?

Марья Власьева
К Степану Бастрюкову.

Облезлов
А всё отца и мать спросить.
Степан Бастрюков
Мы спросим
Опосле их; а я возьму покуда
К себе её. Пойдёшь?

Марья Власьева
Пойду.

Степан Бастрюков
Вот видишь,
Сама идёт, так разговор короток.

Неждан
Да вот отец! Спросить его.

Дюжой
Да что уж!
Коль здесь украл, так нам с женой подавно
Не убережь. Пушай берёт.

Степан Бастрюков
Спасибо!

Дю ж ой
А всё-таки по чести, чин по чину
И с рукобительем взять из дому лучше.

Степан Бастрюков
На всё готов. Бери её с собой,
А завтра жди меня на рукобителье.
(Облезлову.)

Вели пустить людей моих на волю,
Меня суди, они не виноваты.
Они рабы, по моему приказу
За ней пришли, а их перевязали.

Облезлов
Пустите их!

Степан Бастрюков
(всем кланяется)
На свадьбу приходите!
Поклон и вон.
(Уходит, слуги за ним.)

Не устрой ко
А ведомого вора,
Дубровина Романа, тоже пустишь?
Воевода
А ты спроси, кого Дубровин грабил?

Облезлов
Посадские! Кого Дубровин грабил?

Неждан
Не грабил нас.

Смирной
Не знаем.

Облезлов
А убийства?

Неждан
Не ведаем, и слыхом не слыхали.

Облезлов
А воровства с поличным?

Дружина

Не видали.

Смирной

На воровстве не пойман. Воевода
В тюрьме его тогда держал напрасно.

Облезлов

(Дубровину)

Ты был в бегах?

Дубровин

Я бегать — бегал точно,
Не буду лгать. Теперь домой пришёл
И сесть хочу на старом пепелище,
На царское тягло.

Облезлов

Уж я не знаю,

Каким судом и как его судить.

Воевода

Аль ты забыл царёв наказ о беглых?
Указано повсюду воеводам
Их сыскивать и на посад сажать.
Устраивать строением, буде надо,
И отдавать за крепкие поруки,
Чтоб им, живя в посаде, не сбежать
И подати платить царёвы вместе
С посадскими, и быть во всякой службе
С посадскими ж, в ином чину не стать,
И ни за кем бы им не заложиться,
И льготы им давать.

Облезлов

А на поруки

Возьмёт ли кто Дубровина?

Воевода

Да я

Беру его.

Посадские

Мы все, мы всем посадом,
Берём его.

Облезлов
Я чаю, крепко будет
С поруками такими.
(Слугам.)

Развяжите
Дубровина.

Дубровин
Вели пустить Олёну.
Облезлов
Твоя она, так и бери.

Олёна
Роман,
Где голову приклоним?
Неждан

На посаде
Дворов немало; приютим, покуда
Отстроитесь.

Облезлов
(Неждану)
Подайте завтра запись
Поручную по нём. Теперь не время
Дела вершить; на это день, а ночью
Себе и людям надо дать покой.
Прощай, Нечай Григорьич! Расходитесь!

Воевода
Посадские и все честные люди,
Не надолго я к вам вернулся; вскоре
Переберусь в обитель; кто обижен,
Кто изубытчен мною, приходите:
За всё воздам смиренно и с молением
Простить меня и отпустить обиды.

Посадские
Господь тебя прости, а мы прощаем.

НАБРОСОК

<ФРАГМЕНТ ДРАМЫ, ПОСВЯЩЁННОЙ КСЕНИИ ГОДУНОВОЙ>

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

1-я. АКСИНЬЯ БОРИСОВНА.

2-я. МАТЬ ЕЁ.

3-я. ПРОКОФЬЕВНА.

4. УЛЯША } сённые девушки.

5. АКУЛЯ }

6. ИВАНУШКА.

ДЕВУШКИ И РАЗНАЯ ПРИСЛУГА.

Сцена представляет терем Аксиньи Борисовны. У задней стены стол для работы и различного рода няльцы; направо от зрителей двойное окно; налево разные вещи для туалета и дверь.

ЯВЛЕНИЕ 1-е

*Прокофьевна и девушки.
Прокофьевна раздевается и всхлипывает. Молча.¹*

Уляша

Мамушка!

(молч<ание>)

А мамушка

Прокофьевна!

Прокофьевна

Ох! Да когда вы отстанете?

Да когда вы отвяжетесь,

Непутёвые?

Уляша

Да за что же ты, мамушка,

Так осердилась?

Что тебе попритчилось!

Целое утро ходишь, насупившись,

Ласкового слова не вымолвишь?

Али тебе дурной сон² пригрезился,

Али тебя, мамушка,

Обидел кто?

¹ Было: [Прокофьевна (оправляется перед зеркалом) молча.]

² Слово вписано над строкой.

Бывало, только и
слышно, что твой
голосок!¹

Прокофьевна
Да, до того мне теперь,
Чтобы с вами растобарывать,
Только ретивое надрывать.²
Вам, девкам, ни что дееся,
А каково мне-то, горемычной.
Ох! Уж никто-то моей беде не пособит,³
Знать, уж судьба моя такая⁴ злосчастная,
Уж такая моя участь горькая⁵.

(Плачет.)

Акуля
И, полно, мамушка, перестань!
Что плакать-то — только Бога гневить!
Али тебе не житьё! Али тебя не любят!
Не жалуют! Да и княжна-то Аксинья Борисовна⁶
В тебе душеньки не чаёт.

Прокофьевна
Ах, вы глупые, неразумные,
То-то вот и горе-то моё:
Растила, растила её белую лебёдушку,
Красное моё солнышко,
А довелось-таки видеть на старости,
Как выдают её, мою голубушку,
За немца некрещёнова.

Акуля
И что ты, мамушка!
Да говорят, что он в нашу веру
Окрестится.

Прокофьевна >
Да окрестится! Да уж как ты его
Не крести! А уж всё не русской человек.
Уж немец так немец и есть.

¹ Фрагмент: Али тебе дурной сон ~ голосок! — *вписан позднее на л. 2.*

² Было: [Говори, пожалуй, хоть с утра до вечера
Да что проку-то.]

³ Вместо: Вам, девкам ~ не пособит — *было: Вам моей беде не пособить.*

⁴ Слово *вписано над строкой.*

⁵ Было: [горемычная]

⁶ Начато: [не ча<ет>]

И обычай¹ не тот,
И статья-то не наша, не русская.
Уж немец что за человек.
Так, бог знает что.
Уж как мне это не любо.

У л я ш а

Да куда ж ты, мамушка, ходила-то?²

П р о к о ф < ъ е в н а >

Да вот моя Аксиньюшка-то
На немца-то поглядеть
Хорошенько наказывала.
Так на площадь ходила³
Поглядеть на него поближе
Да ей рассказать.

Д е в < у ш к и >

Ах! Прокопьевна,
Скажи, голубушка,
Каков немец-то?⁴

¹ Исправлено из первоначального: обычай-то

² Было: [Да куда ж ты, мамушка, собираешься? Куда тебя Бог несёт!]

³ Было: [Так иду на площадь-то]

⁴ Было: [Ах! Прокофьевна, погляди да и нам скажи, голубушка, каков немец-то?]

ВАРИАНТЫ
КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧ МИНИН, СУХОРУК
<Первая редакция>

Первоначальный список действующих лиц I действия (РГБ)

Лица

Козьма Захарьич Минин, Сухорук, *земский*¹ *староста Нижнего посада.*

Иван Иванович Биркин, *стряпчий.*

Василий Семенов, *дьяк.*

[Баим Колзаков, *сотник стрелецкий*]

[Князь] Алексей Михайлович.

Петр Аксенов, *посадский.*

Гриша, *юродивый.*

Роман Пахомов, *боярский сын* } *гонимы.*

Родион Мосеев, *посадский*

Пав[лик]ел Темкин } *посадские.*

Вас[я]илий Лыткин

Сем[а]ен Губанин

[Ивашко Худопер, *крестьянин Шереметева*] Павлик².

Марфа [Романовна] Борисовна³, *богатая вдова.*

Жители Нижнего Новгорода обоего пола.

Черновая редакция 4-го явления I действия

Голоса

— К<узьма> З<ахарьич> идет! — К<узьма> З<ахарьич> идет!

Все кланяются.

Лыткин

[Вот идет] К<узьма> З<ахарьич>ч!

*Аксенов, Поспелов, Лыткин и несколько торговцев
выходят из лавок.*

Минин

(Лыткину)

А, милый человек! Как поживаешь?

Лыткин

Нешто-таки живем; а все тоска,

Кузьма Захарьич. [Не больно радуется]

¹ Слово вписано над строкой.

² Слово вписано над строкой.

³ Слово: Борисовна — вписано над строкой.

[Душою беспокоен] Веришь ли ты¹, руки
От дела отымаются, и хлеб
На ум нейдет.

М и н и н

Да, годы испытанья²

Послал Господь.

(Задумывается.)

А к с е н о в

Скажи, К<узьма> З<ахарьич>³,

Хоть⁴ нам что-нибудь; сладка твоя беседа.

М и н и н

Дурные вести из Москвы.

А к с е н о в

Мы знаем.

М и н и н

Осиротела Русь! Ни воеводы,
Печальника о нас, сиротах бедных,
Ни патриарха, ни царя. Как стадо
Без пастыря, мы бродим, злым волкам-
Губителям добыча.

1 - й

Бить волков!

М и н и н

Легко сказать!⁵ А чем же бить? Где руки?
Где взять казны?

2 - й

Собрать, Кузьма Захарьич]

М и н и н

Да много ли сберешь! На разговоры
Все тороваты, а коснись до [денег] дела,
[Так будет жаль] Так вот и нет. Тогда не то что денег,
И тех, что посулили, не найдешь.

1 - й

А ты не обижай, Кузьма Захарьич!

¹ Слова: ли ты — вписаны над строкой.

² Далее: [Нам Бог послал]

³ В начале стиха было: [Ну что]

⁴ Слово вписано над строкой.

⁵ Перед: Легко сказать! — вписано на полях: Чистыми руками. Пора идти на выручку Москвы.
Душа кипит

М < и н и н >

Не обижаю, к слову говорю.
Да если и сберем, какая польза?
Что делать с деньгами?

2 - й

[Заруцкому да князю Трубецкому] В Москву послать!

М < и н и н >

[Кому?] Зар<уцкому> да Труб<ецкому>?
Они вам и спасибо-то не скажут.
Нет, надо погодить собирать казну.

Н а р о д

Так как же быть?

М < и н и н >

[Я сам, друзья, не знаю.

Одно теперь] Надеяться на Б<ога>
Да денежку на черный день пасти!
[Да быть готовым,
Да ждать со страхом и молитвой часу,
Когда, по Божьему велению, грянет
Небесный гром над вражьими¹ главами]
Господь не век враждует против нас
И [до конца] грешнику погибели не хочет.
Одно, друзья: надеяться на Б<ога>,
Креста не целовать. Да быть готов<ым>.
Понад<обится>, — ден<ьги> все отд<ай>,
Душ<а> тв<оя> нуж<на>, — отд<ай> и душу!²
Придет пора, молитвой и слезами
Святителей и праведных людей
Разящий гнев Господень утолится
И нам, смиренным, снидет благодать.
Его рука дала врагам победу,
Его рука притупит их мечи.
Господь смиряет и Господь возносит,
[Нашлет беду и от беды спасет]
Введет в беду и изведет из бед.
Враг одолел, творя Его веленье,
[И на врага пошлет Он одоление]
Смирились мы, и нам Господь пошлет
Победу на врага и одоление!

¹ Далее: [полками]

² Фрагмент: Одно, друзья ~ отд<ай> и душу! — вписан на полях.

< Народ >

Учи нас, вразумляй, К<узьма> З<ахарь>ч!

< М и н и н >

Не унывать, друзья, и быть готовым.
Нам надобно, когда приспееет время,
А время[-то] нам [сам] Господь укажет.
Тогда собирать казну на помощь ратным!
Сбирать людей на выручку Москвы!
И пусть тогда, кто носит крест на теле,
Приносит в сбор все животы свои,
Душа твоя нужна, — отдай и душу!

(Оглядываясь и тихо.)

Я посылал проведать в города
Поволжские, и те хотят быть с нами
В любви, в совете и в соединеньи.
На разорителей хрестьянской веры
Единомышленно идти готовы.
Но об одном прошу, друзья,
Что слышали, то умерло.

1 - й

Зачем

Таиться нам, К<узьма> З<ахарь>ч?

М < и н и н >

Святое дело чистыми сердцами
Хотим поднять и возлелеять дело,
Не осквернить его молвою праздной
И чистыми руками завершить,
Коли поможет нам наш Царь Небесный.

В с е

— Господь поможет! — Он тебе¹ поможет [нам]!
Молиться будем! Господа умолим!

М < и н и н >

А главное, креста не целовать
Ни Владиславу, ни кому другому
Из иноземцев; ждать, кого на царство
Пошлет Господь и выберет земля.

*Выходит Марфа Борисовна [и князь Дмитрий Петрович],
за ней две женщины с мешочками денег одевают нищих. М < и н и н >
выходит из лавки.*

¹ Слово вписано над строкой.

Первоначальный список действующих лиц 1-й сцены III действия (РГБ)

Лица

Биркин.
Семенов.
Минин.
Поспелов.
Аксенов.
Темкин.
Губанин.
Лыткин.
Нефед, сын Минина.
Павлик.
Марфа Борисовна.
Татьяна Юрьевна.
Народ: мужчины и женщины.

Первоначальный план 2-й сцены III действия (РГБ)

Роман Пахомов рассказывает про Москву. Явл<ение> 1. Народ. 2. Минин и гонец. 3. [Воеводы] Бирк<ин> и Сем<енов>. 4¹. Воеводы.

Первоначальный список действующих лиц V действия (РГБ)

Лица

Минин.
Татьяна Юрьевна.
Нефед.
Аксенов.
Поспелов.
Семенов.
Выборные.

Первоначальный список действующих лиц эпилога (РГБ)

Лица

Князь Дмитрий Михайлович Пожарский, воевода ополчения, собравшегося в Нижнем.
К<узьма> З<ахарьич> Минин, Сухорук, выборный от всего русского народа.
Аксенов.
Поспелов.
Марфа Борисовна.
Татьяна Юрьевна.
Лапша.
Юродивый.
Весь народ и войско.

¹ В автографе ошибочно: 3.

С. 8 23—24 мостки с навесом ~ и раздвижные стулья. / мостки для пешеходов; у растворов скамьи и стулья.

26—30 В Гостином дворе ~ крайнюю лавку / Посадские [и некоторые] в лавках, [некоторые сидят или стоят] у лавок; [у задних лавок несколько народу торгуют] проходят несколько человек, некоторые останавливаются у лавок и покупают разные вещи¹. Петр Аксенов сидит на крайней справа лавке на скамье. Входит Василий² Лыткин, [выходит из] отпирает³ лавк[и] у

С. 9 8 каких вестей / [чего такого] каких вестей⁴
16 Может, что и есть / [Да поверить страшно, что] Может, что и есть⁵

32 Ой! Ужли? Ах, грех какой! /
(всплеснув руками)

[Ужли! Как праведный Господь их терпит! Как попускает!] Ужли? Ах, грех какой! [Как попускает]⁶

34 Как терпит праведный Господь злодеям! /
[За грехи за наши святой Владыко муку принимает] Как терпит Прав<едный> Господь злодеям!⁷

37—38 Вот до чего дожить ~ всё ли тихо? /

Темкин и Губанин [сходят из лавок и подходят к ним] подходят из лавок⁸.
Вот до чего привел Господь дожить.
Изменники да ляхи государство
В конечную погибель привели.

[<Губанин>

Какие вести?

<Темкин>

Что случилось?

Лыткин⁹

Разве не слыхали?]

Поборника по вере православной

Отцом отца, Святого Патриарха

¹ Слова: и покупают разные вещи — вписаны над строкой.

² Слова: Входит Василий — вписаны над строкой.

³ Слово вписано над строкой.

⁴ Слова: каких вестей — вписаны над строкой.

⁵ Слова: Может, что и есть — вписаны над строкой.

⁶ Слова: Ужли? Ах, грех какой! [Как попускает] — вписаны на полях.

⁷ Слова: Как терпит Прав<едный> Господь злодеям! — вписаны на полях.

⁸ Слова: подходят из лавок — вписаны над строкой.

⁹ Перед: Лыткин — [Губанин]

Богоотступники креста Христова
В темнице в смертной тесноте содержат.
Безбожники!

[Губанин
Мы слышали!]

<Темкин>

Ну, дай Бог здоровья ему¹.
А что у нас народ?

<Лыткин>

Покуда... тихо.

<Губанин>

Известно, невидаль.²

С. 10 2—3 Здесь тишь да гладь ~ живём за воеводой /
1) Князь Ал<ександр> Ан<дреич>³ крепко...⁴

Опричь того, друзья,
Народу... много утверждает

Стоять за веру

2) Как за стеной живем за [князь Васильем
Андреичем]⁵ воеводой

11—13 *Слов:* Сам знаешь ~ Печалится один за всех. — *нет*.
17 *дорог* / [нужен] *дорог*

19—34 Он твёрдо, неослабно ~ Всё слушал бы, кажись /
[Кабы не он, Бог знает] Кабы не он, не знаю⁶
[С утра до поздней ночи] Он много здесь добра
Посеял; весь народ им держится.

По улицам да по базарам ходит;

Разумными речами утверждает

Стоять за веру. Только и отрады,

Что с ним поговорить. По вечерам

[Мы сходимся так] Нас человек пяток к нему сойдется.

И слушаешь

С. 11 9 да вот что, друг / да вот что, Вася

11 язык некстати долог /

язык [что колокольной — с утра до вечера болтать
готов] некстати долог

¹ Реплика вписана со знаком вставки.

² Фрагмент: А что у нас ~ невидаль. — вписан на полях.

³ Слова: Князь Ал<ександр> Ан<дреич> — вписаны на полях.

⁴ Угол листа оборван.

⁵ Далее: [Князь Ал<ександр> Анд<реич> крепко держит
Наш Нижний]

⁶ Слова: Кабы не он, не знаю — вписаны на полях.

¹³ дело осрамляют / дело [оскверняют] осрамляют

²⁴ После: Затеи-то велики — [у нас]

²⁵ После: А что даст Бог, увидим — [меж¹ собой]

^{28—33} Что стон и плач ~ как бы ополчиться /

Ну и толкуем, глупый человек²,

Что легче смерть от острия меча,

Чем видеть, [поругание] как ругаются³ святыней;

Что стон и плач сирот и горьких вдов

[Бессчастных, коротко тебе сказать]

Как дымный столб на небеса⁴ восходит [на небеса]

[Короче, други]

Вот и толкуем, как бы [Русь] ополчиться⁵

Между 38 и 39

[Аксенов

Не страшной неволи]

С. 12 ^{5—16} Да ты крещён ~ Подходят Тёмкин и Губанин. /

А вера? Аль тебе

Дороже веры животы твои?

А братия? А слезные писанья

От Троицы, из-под Москвы? Небось

И это ничего! Пусть умирают

В неволе! Нам тепло да сыто здесь?

Так пусть же. Ты крещен аль нет?

Лыткин

[Ты] Так обижа[ешь]ть! Я [к тому сказал,

Я и не прочь] от миру не прочь.

Уж коли все, и я.

Аксенов

Смотри же, брат!

Подходит Губанин и потом Темкин.

¹⁸ Репарки: Те же, Тёмкин и Губанин. — нет.

^{21—31} За барышами ездил ~ людей морочить! /

[Ну, как дела?] За барышами ездил, с татарами торговал?

Губанин

Знаю.

Темкин

Ну, как дела? Чай, мошну-то туго набил?

¹ Далее: [себя]

² Слова: Ну и толкуем, глупый человек — вписаны над строкой.

³ Слова: как ругаются — вписаны над строкой.

⁴ Слова: на небеса — вписаны над строкой.

⁵ Слово вписано над строкой.

Лыткин

Да, набил, как же! Ты спроси, свои-то целы ли.

Губанин

И как это тебе только не стыдно так говорить!

С. 13

7—12

Нечего в чужой мошне ~ душа-человек! /
Считай свои, чужие нечего!

Губанин

(указывает на А<лексея> М<ихайловича>)

Вон хороший человек идет.

Темкин

Душа-человек.

12—13

много проще / проще

20

Пришёл тебя проведать. / 1) [К тебе иду]; 2) ◇

С. 14

3—5

Божьи люди ~ К святому патриарху /
[перед нами] Божьи люди [Идут на]

Между врагов бестрепетно проходят к патриарху

9

не томи / [говори] не томи

12—19

Прокоп Петрович Ляпунов убит ~ Для дела земского! /
Есть слухи верные, что под Москвой
Прокоп Петрович Ляпунов убит
Казаками.

Аксенов

Да что же за напасть

Такая!

[1 -й¹

Дядинька, да правда это?

2 -й²

Кузьма Захарыч обо всем известен.³

Так спросим у него.

1 -й⁴

Спросить и надо.

А то, пожалуй ведь, наскажут много.]

Губанин

Вот беда! Поверить страшно,

А не верить грех.⁵

24

Теперь такое / [Ах, брат Семен] Теперь такое
[Осиротела Русь]

Между 26 и 27

¹ Перед: 1 -й — [Темкин]

² Перед: 2 -й — [Аксенов]

³ Перед: Кузьма Захарыч обо всем известен. — [Не знаю. Рано утром весть пришла]

⁴ Перед: 1 -й — [Губанин]

⁵ Слова Губанина: Вот ~ грех. — вписаны на полях.

- ³² *После:* И до конца нас хочет погубить. —
Осиротела Русь! Ни [патриарха] воеводы,
Печальника о нас, сиротах бедных¹,
Ни патриарха, ни царя. Как стадо
Без пастыря, мы бродим, злому волку-
Губителю добыча. Бить волков!
- ³⁴ времена плохие! / тяжки времена.
- ³⁵ *После:* Москва разорена, — [целуют]
- ⁷ А сын Жигмонтов, Владислав-царевич /
А Жигмонтов сын, царевич Владислав
- ^{12—13} А что же рать ~ Что воеводы? /
1) А что ж та рать, что под Москвою в сборе?
Что воеводы?

<Поспелов>

Да ты потише.

<Аксенов>

Чего таиться нам? Кого бояться?

<Поспелов>

Да все-таки.²

2) А что же рать, что под Москвою в сборе?

Что всех волнует? Неужто так стоит? Что воеводы?³

^{19—20}

Аксёнов

Ужли ж совсем оставили Москву? /

Лыткин

[Кто ж остановит под Москвой?

Неужто все ост<авили>]

Ужли ж совсем оставили Москву?

²⁷ Они-то? Целовали /

(в сердцах)

А Трубецкой с Заруцким цаловали

Между 31 и 32

У нас взялись за дело! Что Бог даст!

И горячо взялись!

Лыткин

Да что ж за дело?

Аксенов

Великое и праведное дело

[Очистить землю русскую хотим]

¹ Слова: Печальника о нас, сиротах бедных — вписаны над строкой.

² Фрагмент: Да ты потише. ~ Да все-таки. — вписан на полях.

³ Вариант записан на отдельном листе со знаком вставки.

Толкуем, как бы нам очистить Русь
От иноземцев и воров. Покуда
Мы втайне держимся, а потом сошлемся
Со всей землей. Помалкивай, брат Вася.
[Замкни уста. Мы чистыми сердцами
Хотим поднять и возлелеять дело,
Не осквернить его молвою праздной
И чистыми руками завершить,
Как помогает нам наш Царь Небесный!]

Лыткин

[Молчать-то научился наш Акимыч.
А вы уж не побрезгайте и мной.
Душа моя и животы, — все ваше] А кто орудует?

Акс<енов>

Кузьма Захарыч!

И все, в ком есть душа и страх Господень.¹

³² *Вбегают юродивый. / Вбегают Гриша.*

³⁴ *Те же и юродивый. / Те же и Гриша.*

С. 16 ⁶⁻⁷ В монастыре обеденку ~ пели, поминали... /

[У Благовещенья стоял обедню.

Подайте на дорогу]

В монастыре обеденку стоял,

И панихиду пели, поминали...²

[Некотор<ые> из толпы

(подают)

Помолись за нас.]

[Аксенов] Лыткин

(подает)

[Аль] Вправду ты [в дорогу] куда собрался, Гриша?

¹⁹ Он, говорят, был добрый. Я поплакал /

Все плакали, и я об нем поплакал

²³ *(Подаёт и уходит в лавку с Аксёновым.) / (Уходит в лавку с Аксеновым и А<лексеем> М<ихайловичем>.)*

²⁸ Всё песками / [По полям] Все песками

С. 17 ⁴ *Перед:* Что он говорит? —

Да, праведная речь.

Друзья, смекайте

⁷ *После:* что это вскоре —

Случится с нами. Долго ль до греха

В такое время. Враг недремля ходит.

¹ Вариант вписан на полях со знаком вставки.

² Слова: И панихиду пели, поминали... — вписаны на полях.

- 13 Убогой он у нас и малоумный. /
Убогий ведь.

[<Губанин>

Подчас убогой скажет,
Что умному и в разум не придет,
Мирским не занят]

- 14—18 Юродивый ~ (*Бежит по сцене.*) /

1) Гриша

Пойдет народу много.

Ох, весело! [По селам, городам,
В честных обителях со звоном встретят
И со слезами радоваться будут.]

(*Отходит к стороне и садится.*)

2) <Гриша>

[Вы слышали, что так стоят все храмы
Без богомольцев и без¹ пения]

Без пенья храмы и без богомольцев.

Плачут² пустые...

А разве можно, разве Бог попустит,

Чтоб храм стоял без богомольцев и без пенья! Вот!

Л<ыткин>

Да, много храмов пусты.

Гр<иша>

Нет, нет!³

- 19 *Все расходятся по лавкам. Входят Биркин и Семёнов. /*

[*Все расходятся по лавкам*] Сем<енов>

и Бир<кин> вых<одят> [из Кремля].

Все кланяются и расх<одят>ся по лавкам.

- 23—24 Ну вот, Иван Иванович ~ благодетеля не стало. /

Гриша

Подайте на дорогу.

Сем<енов>

Бог подаст!

(*На время сцены по заднему плану прох<одят> разн<ые> лица.*

*Гриша собир<ает> деньги и потом уходит)*⁴

[Так] Ну вот, Иван Иванович, твоего
Отца и благодетеля [убили] не стало.

¹ Далее: [службы]

² Слова: Без пенья храмы и без богомольцев. Плачут — вписаны над строкой.

³ Вариант вписан на отдельном листе со знаком вставки.

⁴ Ремарка вписана на полях.

- 32 А всё-таки тебе он благодетель /
А все-таки теб[я]е он [в люди вывел] благодетель¹
35 гордыня обуяла / гордыня [одолела] обуяла²
С. 18 6—8 такого воеводу. ~ Гресишь, Иван Иванович! /
такого [человека] воеводу.
[Не надо] Сам виноват! Гресишь, Ив<ан> Иванович.
[Нет, не его вина, что он убит]
Его ж убили, он же виноват?
15 *После:* Мы молоды с тобой и однородны. —
[Всему виной диавольская прелесть]
16 *После:* А виноват во всём злохитрый враг —
[И в прелести смятется вся земля
За умноженья наших прегрешений]
17 *Перед:* ненавистник — [искони]
27 шатости не замечаешь /
шатости³ [ты] не замечаешь [смуты]
31 А знаешь что? / [А я так вижу] А знаешь что?⁴
С. 18—19 32—2 *Текста:* Ведь Нижний ~ Как хочешь понимай! — *нет.*
С. 19 19—20 не стану ~ ссориться не след /
не буду
Шутить с тобой. А все-таки⁵
23 что пугаешь / [тебе пугать] что пугаешь⁶
35—37 Всегда толпою ~ собираются к нему. /
Всегда за ним
Толпа народу ходит, шепчут что-то
И по ночам собираются к нему.
[Из городов⁷ поволжских приезжают
Посадские с какими-то вестями]
С. 20 4 Ты не спорь со мной; разведай лучше! /
[Надобно приглядывать за ними]
Ты не спорь со мной, а разузнай.
21 *После:* молчать заставлю. —
Не дам же волю мужику.
Биркин
Еще бы!

¹ Слово вписано над строкой.

² Слова: гордыня [одолела] обуяла — вписаны над строкой.

³ Слово вписано над строкой.

⁴ Фраза вписана на полях.

⁵ Вариант вписан на полях.

⁶ Вариант вписан на полях.

⁷ Далее: [из деревень соседних]

27—30 Я при царе Иване ~ да зуб за зуб. /
[Великие у нас бывали ссоры¹,
Ты рассуди! Ну как-таки² позволить³,
Чтобы мужик⁴ указывал тебе!
Да это лучше не живи на свете]
Я при царе Иване начал службу,
В дьяках состарился и поседел.
[А он воюет, да и на поди!]
Уж мы с Кузьмой не первый год воюем.⁵

[Биркин]

Ты слово, а он десять, да зуб за зуб.

32 *После:* так будет помнить. —

[Я зубы на него давно грызу]

34 Ну, и тебя так честит изрядно /

Ну, и тебя [не больно уважает] так честит изрядно

C. 21 ³ *После:* Насильно мил не будешь! — [Ты послушай]

⁶ Некстати говорливы! / Беды от них дождешься.⁶

22 ударю воеводе. /

ударю [князь Василью

Андреичу, просить защиты буду] воеводе.

Биркин

Ты погоди!

Семенов

Что ждать, Ив<ан> Иваныч?

Чего?

[Биркин

Мы на другом его поймаем]

28 *Перед:* Его теперь и знать я не хочу —

[Уж и не знаю. Что хочешь,

То с ним и делай. Он меня обидел]

C. 21—22 ^{38—4} Волк травленный ~ как огня боится. /

[Из петли где-то вырвался, а служит

Мне хорошо, да и писать горазд.]

Волк травленный, от петли увернулся.⁷

¹ *Далее:* [Я зубы на него давно грызу]

² *Далее:* [мужик]

³ *Далее:* [А норовит указывать]

⁴ *Слова:* Чтобы мужик — *вписаны над строкой.*

⁵ *Фраза вписана на полях.*

⁶ *Вариант вписан на полях.*

⁷ *Фраза вписана над строкой.*

- [В дьячках¹ он где-то² был, проворовался.
Хотели вешать, он и³ задал тягу.]
Теперь веревки как огня боится.
[Вон идет] Он из дьячков из беглых, был в подьячих,
Проворовался в чем-то; присудили
Его повесить, он и задал тягу.⁴
- С. 22 11 Ну, и писать горазд, мне то и нужно. /
[Мне хорошо, ну и писать горазд]
Ну, и писать горазд, мне то и нужно.
18 Так вместе и пойдём! / Так вместе [Я туда ж] и пойдём!
19 *Из Кремля выходит Минин ~ несколько посадских. /
Минин выходит из Кремля в сопровождении
неск<ольких> посад<ских> и торг<овых> людей.*
21—33 *Те же и Минин. ~ На ум нейдёт! /
Аксенов, Поспелов, Лыткин и несколько тор-
говцев выходят из лавок.*
- С. 23 25—26 беды бояться. ~ наша вся надежда /
боятся их.
Одна надежда нам на Ермогена.
А на него-то наша вся надежда
- С. 23—24 38—1 *Слов: Не обессудьте ~ из ума нейдёт. — нет.*
- С. 24 3 *на все стороны / в стороны по лавкам*
4—6 *Минин и Аксёнов ~ трое стрельцов. /
Минин и Аксенов садятся у лавки Аксенова.*
8 *Те же, Колзаков и стрельцы. / Входит Колзаков.*
16 *После: Грозен царь стоит. —
Нам идти ль, не идти ль
На Иртыш на реку,
Под Тобол городок.*
32 *После: Вот что! —
[Был помоложе, дело делал]*
- С. 25 2 *Какой я воин, братец! / Какой я воин! Срам!*
4 *Отходит со стрельцами / Отходит*
5—12 *Фрагмента: Стрельцы ~ навстречу. — нет.*
19—20 *Привёл Господь. ~ каждый день бываю /
[Я не пропускаю] Привел Господь.
Пока есть силы, каждый день [хожу] бываю*
25 *После: Я панихиду — [слушал].*

¹ Далее: [<1 нрзб.>]

² Слова: он где-то — вписаны над строкой.

³ Далее: [убежал]

⁴ Вариант вписан на полях со знаком вставки.

- 30 *После: (Плачет.)* — [Ах, горе! *(Плачет.)*]
 35 Как услышала в церкви / Как услышала [так и] в церкви
 37 Прихожу / [Дома уж] Прихожу
 4 *После: оделить* — [чем Бог послал]
 14 Гонцы сегодня / Гонцы [в ночь] сегодня
 15 *Перед: надо бы* — [соберемся в избу читать письмо]
 18 Так ты попозже! / Так [вечером] ты попозже!
 37 *Слов: Аксёнов и Пospelов выходят к Минину.* — *нет.*
 38 *После: Павлик пробирается в лавку к Лыткину.* —

Явление восьмое.

Минин, Аксенов и А<лексей>М<ихайлыч> к нему подходят.

- 13—15 Святая женщина. ~ Господу хвала. /
 Святая женщина. [Когда бы] Не много
 Таких [мужчин побольше, как она.
 Любовь ее не знает меры, сердце
 О всех болеет, обо всем печется] [у нас] на белом
 свете¹.

Вся жизнь ее есть [подвиг. Овдовела
 Она еще] Господу хвала².

- 22 *После: Её копейка.* —

Акс<енов>

[Богата очень]

- 24 *После: Кто ж её не знает!* —

[М<инин>

Да ей Б<ог> послал
 Огромное богатство,
 Добра³ несчетно⁴. Только не своим
 Она зовет его.⁵ Другой⁶ жалеет
 Дать⁷ корку хлеба, а она тоскует,
 Что мало знает бедных, что не всем
 Равно
 Доходит помощь]

- 26—27 На вольном свете ~ что грешить /
 [Я] На свете вольном много [пожил я] лет я маюсь⁸
 [А не привел Бог, не хочу] А что грешить

¹ Слова: [у нас] на белом свете — *вписаны над строкой.*

² Слова: Господу хвала — *вписаны над строкой.*

³ Далее: [без счету]

⁴ Слово *вписано над строкой.*

⁵ Далее: [Другому]

⁶ Слово *вписано над строкой.*

⁷ Далее: [нищим]

⁸ Слова: лет я маюсь — *вписаны над строкой.*

Между 15 и 16

- ³⁴ *Перед*: Постой! Что за народ? — *вписано на полях*:
[*Стучится некто*]
- ⁶ Держать такую дрянь / Держать [в дому такого человека]
такую дрянь
- ¹² Я живу с краю, ничего не знаю /
[Все может быть, все может быть.
Ничего я, братцы мои] Я живу с краю, ничего¹ не знаю
- ^{21—22} Такие страсти ~ делать. /
Такие страсти
На[нас нагнал]говорил, не знаешь, что и делать.
[Минин
Ты мне не попадайся.
Лыт<кин>
Боимся разоренья.
М<инин>
Кто боится?
Лыт<кин>
Да все боимся.
Народ
Мы боимся Бога.
М<инин>
Опомнитесь! О чем вы говорите!
В темнице и в неволе патриарх.
Поборника по вере православной,
Отцам отца святого патриарха
В темнице в смертельной тесноте содержат.
Он из темницы умоляет [вас] нас
Стоять за веру крепко, неподвижно
А мы, <2 нрзб.> на свободе.
Его слова становим ни во что.
А Кинешма, а Лух, а Городец,
А Юрьевец омылися в крови.
Свою вину сторицей искупили
И встали все как человек один²]
- ^{24—25} Как только вам не грех ~ Бездельных, шлюющихся! /
[Вседушно помереть хотят за веру.
Все пробудились точно ото сна
И от <1 нрзб.> клятвы отказались.

¹ Слова: Я живу с краю, ничего — *вписаны над строкой*.

² Два последних стиха *вписаны на полях со знаком вставки*.

А мы шатаемся, воришкам верим]
Как только вам не грех¹ воришек слушать,
Бездельных, шлюющихся! Явится время
С. 31—32^{31—1} Да кто ж ему поверит ~ и выберет земля. /

[Народ
Учи нас, вразумляй, Кузьма Захарыч,
Мы бьем челом!

Минин
Креста не целовать!]
Да кто ж ему поверит! — Зря болтает! —
Учи нас, вразумляй, Кузьма Захарыч!

Минин
Одно вы помните и зарубите
С. 32³ После: Другого нет у нас. — [Приказу слушаться]
⁸ и вам объявим / и [скажем] вам объявим
¹⁰ несколько человек / несколько народу²
²⁷ Ремарки: Все кланяются. — нет.
С. 33¹¹ Место в Кремле близ воеводского дома. /
Кремль. Ворота близ воеводского двора.
¹³ стоят возле дома / у ворот
²⁷ промышлять на супостата. / дело делать.

Темкин
Какое дело?

А<ксенов>
Сбираться понемногу: казну копить, ратных людей
сбирать.
³¹ Не давали ему путём слова вымолвить. / Путём слова
вымолвить не давали.
^{35—36} Я бы их отчитал; так бы и вцепился. / Ах, кажется, та-
ких людей зубами бы загрыз.
С. 34^{2—3} Как это у людей стыда нет в глазах! / Как им людей-то
не стыдно!
⁴ После: Семёнов и Минин. — [Тем<кин> и Губ<анин>].
^{8—9} Наслушались мы вдоволь ~ Сыт ли ты, Иван Иванович? /
[Ну что, Ив<ан> Ив<аныч>, разговору
Наслушались мы вдоволь разговору
[Довольно было? Сыт ли?] Сегодня.
Сыт ли ты, Иван Иванович?

¹ Слова: Как только вам не грех — вписаны над строкой.

² Вариант вписан на полях.

- 11 От ваших разговоров / От [этих] ваших разговоров
 16—18 Нас, дураков ~ Да слушали. / [Кабы не ты]
 Нас, дураков, разумными речами,
 Так [уши и] и сидели все¹, развеся уши,
 Да [одного и] слушали.
- С. 35 7 Ведь ты ещё не воевода! /
 [Ты воевода, что ли, что тебе]
 Ведь ты еще не воевода!
- 12—18 И говорить я буду ~ меня заставить трудно. /
 [чтоб разуместь, дан разум,
 Чтобы учить добру, чтоб славить имя Божье]
 И говорить я буду²
 На площади, и в храме, и в избе
 За веру православную [язык мой] стою я.
 [Пускай увидят, как колокол набатный
 И в малодушных веру утверждает.
 Не за дурное что. Молчать нельзя мне.
 Мне грех молчать!
 Пусть мой язык, как колокол набатный,
 Зовет народ на праведную месть
 И малодушных в вере утверждает]
 И пробуждать, как колокол воскресный,
 Сердца уснувшие. Вы подождите,
 Я зазвоню не так. Не хочешь слушать,
 Я не неволю: не любо — не слушай,
 А замолчать меня заставить трудно.³
- С. 36 35 *Перед:* Знать, им не жаль — [Что делать?]
 3 *После:* слезами — О бедных братьях сердцем поболеть.
- 16—19 Народ страдает ~ рассеян розно. /
 [Один народ лишь чист и непорочен.
 Народ, что стадо, нужен вождь ему.
 Но и народ есть стадо без вождя]
 Народ страдает, кровь отмщенья просит,
 На небо вопиет. А кто подымет,
 Кто поведет народ? Он без вождя,
 Как стадо робкое, рассеян розно.⁴
- 20—23 *Фрагмента:* Вождя ~ Господь по нашей вере. — *нет.*

¹ Слова: и сидели все — вписаны над строкой.

² Слова: И говорить я буду — вписаны над строкой.

³ Слова: И пробуждать ~ заставить трудно. — вписаны на полях.

⁴ Слова: Народ страдает ~ рассеян розно. — вписаны на полях.

- 26 *После:* Бог воздвигал вождей и из народа. —
Нет помощи земной, попросим чуда;
И сотворит Господь по нашей вере.
- 28 Он переносит тягостную кару. /
[Народ такую кару переносит]
Он переносит тягостную кару.¹
- 34 что зверь / как зверь
- С. 37 5 труд тяжёлый / труд [дневной] тяжелый
9 труд безмерный / труд непосильный²
- 18 И рвут мне сердце, душу жгут огнём /
[И жгут мне душу]
И рвут мне сердце, душу жгут огнём³
- 23—27 Готов орлом лететь ~ грозит вам Минин. /
[Готов один начать святое дело!
Мне Бог поможет, я не ослабею!
Я чувствую, на то есть воля Божья!
Со всех сторон мне шепчут голоса:
Осиротела Русь!]
Готов орлом лететь на супостата,
Забрать под крылья угнетенных братий
И грудью в бой кровавый и последний.
Час близок! Смерть злодеям! Трепещите!
Из дальнего Кремля грозит вам Минин.⁴
- 33 И с вами / [Я] И с вами
- 34 *Слов:* Печальную и длинную затянем. — *нет.*
- 37 И позабудет / И [в тихом плесе] позабудет⁵
- С. 38 1 и станет слушать / и [рукавом] станет слушать⁶
6 Над новою расшивой с топорами /
[За топорами] Над новою расшивой с топорами⁷.
7 И понесётся песня, и прольётся /
И понесется песня, [и пройдет] и прольется
- 12—13 *Фрагмента:* Со всех сторон мне шепчут ~ на то есть
воля Божья!» — *нет.*
- 26—33 *Просторная бревенчатая светлица. ~ с резьбой. /
Просторная светлица. В правой стене 3 маленьких
окна; на левой стороне перегородка с решетчатым*

¹ Фраза вписана над строкой.

² Вариант вписан на полях.

³ Вариант вписан на полях.

⁴ Фрагмент: Готов орлом ~ грозит вам Минин. — вписан на полях.

⁵ Слово вписано над строкой.

⁶ Слова: станет слушать — вписаны над строкой.

⁷ Слова: Над новою расшивой с топорами — вписаны над строкой.

расписным верхом; в заднем конце перегородки узенькая дверь; за дверью резной и расписанный снизу до половины разными красками столб, в котором утверждён верхний брус перегородки; прямо за столбом и до самого угла печь из расписных изразцов по задней и по правой стене лавки; с правой стороны большой дубовый стол¹; у перегородки небольшая приставная скамья и раздвижной столик; на нем большая книга с <I нрзб.>; у задней стены пьльцы.

³⁵ После: и потом Марфа Борисовна. —

[М<арфа> Б<орисовна> сидит на скамье с левой стороны и в задумчивости облакачивается на книгу. Подле нее на низенькую скамейку садится Домна и вяжет чулок. У задней стены на лавках и скамьях сидят девушки и шьют в пьльцах]

С. 40 ⁴⁻⁶ Марфа Борисовна ~ на низенькой скамейке. /
Марфа Борисовна выходит в задумчивости из-за перегородки и садится.

Явл<ение> второе.

Те же и М<арфа> Б<орисовна>.

С. 42 ¹⁹ шириночка в руке / в руке шириночка
¹³ Меня от грехов не спасут. /

[Взирать я на вас не хочу]

Меня от грехов не спасут.²

¹⁶ Не станут со мною на суд. /

[Как птица в пустыню лечу]

Не станут со мною на суд.

³⁷ Кувшинников и Лапша /

Иван Кувшинников и Григ<орий> Лапша

С. 43 ²⁻³ Ремарки: Марфа Борисовна ~ Лапша и юридический. — нет.

⁵ Покорно просим. / Прошу садиться.

³⁶ Садится. / Садится [с другой стороны].

С. 44 ⁸⁻⁹ Лет с восемь ~ он ещё ребёнком /
[С детства] [Еще ребенком] Лет с восемь
Тому, к нам в город он еще ребенком³

¹⁸ После: к ростовским чудотворцам — [ходил не раз]

²⁷ Неразговорчив он /

[Он разговорчивый] Неразговорчив он

¹ Слова: с правой стороны большой дубовый стол — вписаны над строкой.

² Стих вписан над строкой.

³ Слова: Тому, к нам в город он еще ребенком — вписаны над строкой.

- 33—34 *на оловянной тарелке. Марфа Борисовна берёт стопку. / и достает из поставца оловянную тарелку. Марфа Борисовна берет стопку, ставит ее на тарелку.*
- С. 45 ⁶ *и хочет поставить / и [ставит] хочет поставить*
⁹ *допивает / допивает и ставит*
- С. 45—46 ^{37—2} *Входят Аксёнов и Пospelов. ~ Аксёнов и Пospelов. / Входят Аксенов и Пospelов и кланяются.*
- С. 46 ⁹ *После: и молча приглашает садиться. — Акс<енов> и А<лексей> М<ихайлович>, поклонившись, садятся. (Молчание.)*
¹⁵ *Садятся. Марфа Борисовна подвигает скамейку / Марфа Борисовна подвигает скамейку*
²⁵ *После: Ну, так начнём — [с того]*
- С. 47 ⁴ *основанье крепко / [дерево и] основанье крепко*
⁶ *А корени не будет / А [только] корени не будет*
¹³ *Москва нам мать! / Москва нам [мать родная] мать!*
^{19—20} *А разве дети ~ В беде и горе? / [Кому ж спасти теперь ее из плена Как не детям] А разве дети могут мать покинуть В беде и горе?*
³⁰ *После: За веру православную — [Господь]*
³⁶ *Перед: Спроси, о ком — [Мы всю надежду]*
³⁸ *После: Да о Пожарском князе. — [Не дал Бог]*
- С. 48 ¹² *После: Известно, бить — [бить их! Все подвинемся, все встанем Я за своих ручаюсь балахонцев.]*
¹⁷ *После: простору просит — вписано на полях: У нас в деревне волк ребят <пожр>ал. Вот и убили, и в гнезде нашли Младенческие кости, одежка... Так матери накинудись и грызли Убитого зубами за ребят.*
^{21—22} *Слов: Благословясь, да с Богом, ~ Не мешкая! — нет.*
^{27—34} *Друзья, поверьте мне ~ Да поразмыслить. / [А кто ж нас поведет] Мне слышать весело такие речи. Душа моя растет, и слезы льются От радости; а все-таки Аксеныч Нам правду молвил. Надо рассудить.*
- Аксенов
- Да поразмыслить. Не такое дело,
 Чтоб торопиться.

- С. 49 ³ Прежде нужны деньги / [нам всего нужнее
Казна] Прежде нужны деньги¹
- ¹⁴ Кого излюбим, тот у нас и будет. /
Кого пошлет Г<осподь>, тому и быть.
- С. 50 ³⁵ О тебе нет речи! / [Об тебе нет речи!] Речь не о тебе²
- ¹ С чем тут приниматься! / С чем тут начинать!
- ³ Самих себя / [Тебя] Самих себя
- ¹¹ После: Заруцкому да Трубецкому? — [Они нам]
- ¹⁵ Просил их порадеть о земском деле /
И много говорил, и со слезами
- ²¹ Когда уж власти не хотели слушать /
А нам без них и начинать нельзя
- ²⁴ После: ближних забывая. —
[Мы не готовы
Учить, и не готов народ нас слушать]
- ²⁶ Так что же делать нам, Кузьма Захарыч? /
Так [как же быть] что же делать?
- С. 50—51 ^{28—19} Самих себя сначала приготовить ~ Польются в души, и /
[Призвать на помощь Бога]
Молитвой и постом очистим души
И призовем на помощь Бога им.
[И с Божьей помощью пойдем к народу
И всех святых Его]
Он даст нам разум, даст нам силу слова,
[Он ниспошлет очам] Сухим очам он даст³ источник
слез;

Тогда пойдем будить уснувших братьев
И Божьим словом зажигать сердца
[Окаменелые в бедах и в горе⁴].
Себя забудь и дел своих не делай!
На улицу, [торг и в храм] на площадь, на базары,
(Встают.)
Где есть народ, туда и ты иди!
Мы кликнем клич по дальным городам;
А по окольным разойдемся сами,
И будем ждать, пока
- С. 51 ³¹ крест на теле / крест на [шее] теле
- ³⁵ Помолимся! /
[Помолимся и воздадим хвалу!] Хвала творцу!

¹ Слова: Прежде нужны деньги — вписаны над строкой.

² Слова: Речь не о тебе — вписаны над строкой.

³ Слова: Сухим очам он даст — вписаны над строкой.

⁴ Стих вписан на полях и вычеркнут в ходе дальнейшей работы.

- С. 52
- 4 *Перед:* За угощение! — [Благодарим тебя]
9 *Перед:* За ласковое слово. — [Благодарим]
16 *Ремарки:* Марфа Борисовна ~ девушки. — нет.
19 Да и сама приди! / Да и сама иди!
22 *Ремарки:* (Уходит.) — нет.
23 *Ремарки:* Молчание. — нет.
- С. 53
- 2—6 один обычай. ~ сиротой остался, Марфа Борисовна. /
один обычай.
[Отцы и деды наши¹ жили вместе²,
И вместе с Волхова³ на Волгу
Мы⁴ принесли обычай молодецкий
И головы опальные свои.
Все померли. Родные померли. Я здесь один.]
Родных, что было, примерли давно,
Я круглым сиротой остался, Марфа
Борисовна.
10 *Перед:* И, что ты! — (громко)
15 *Перед:* Ну, люб, так ладно. —
[Мой нрав тебе известен. Дома кроток,
А на войне с врагами лютый зверь.
Так то же был и твой покойник]
35—38 По соболям ~ Делить и радость пополам, и горе. /
По [бархату] соболям войдем в мой дом просторный
Жить-поживать и в холенье и в неге,
[Пойдем к налою⁵ свяжем души клятвой.
Давай делить] И за любовь⁶ до гробовой доски
Делить и радость пополам и горе.⁷
- С. 54
- 4 ровно как злодею / ровно [вострой саб<лей>] как злодею
9 *После:* счастья не сули! — [К слезам привыкла]
14 Хозяина себе и не желаю. /
Хозяина [другого] себе и⁸ не желаю.
24 *Перед:* Я, может —
[Ты не обидься на мои слова]

¹ Далее: [были дружны]

² Слова: жили вместе — вписаны над строкой.

³ Далее над строкой: [пришли на Волгу]

⁴ *Перед:* Мы — [И]

⁵ *Далее:* [и в начинанье честном]

⁶ Слова: И за любовь — вписаны над строкой.

⁷ Вариант вписан на полях.

⁸ Слова: себе и — вписаны над строкой.

29—30 Голубушка! ~ тебе бы только ласку! /
 Голубушка! [Да жалко мне тебя] [Жаль тебя, сиротку]
 Зачем себя ты губишь?
 [Кто тебя здесь пожалеет?]
 Жаль! [Молодость твою мне жаль]
 К таким годам тебе бы только ласку!

38 *После:* Ну, будет! —
 Ну будет, будет, Алексей Михайлыч!
 Не до того мне.¹

С. 55 ¹ *Слов:* Не до того мне, Алексей Михайлыч! — *нет.*

23—27 А как же их не слушать! ~ чистой уберечься! /
 А как [его] же мне не слушать!
 В миру живешь, [за что его обидеть] с людьми;
 по-мирски²

И надо жить, [да и за что обидеть
 Такого человека. Юность! Юность!
 Когда пройдешь ты. Тяжело бороться] все видеть
 и все слышать³.

Куда бежать от суеты [житейской] мирской!
 [И от] Как от соблазна чистой [сохраниться] уберечься!

31 *После:* уголок — [Мерцающей лампадки освещенье]
 34 увидала / [обрела] увидала

С. 55—56 ^{38—26} чем с тобой, бороться. ~ (*Закрывает лицо руками.*) /
 чем с [тобой] собой, бороться.
 Куда нейду, соблазн за мною [ходит] следом;
 Напрасно я фатой широкой крою
 И блеск очей и [красоту лица] белое лицо:
 [Один лишь взгляд и грех в душе посеян]
 [В чужой душе] [Соблазн и грех⁴ в его душе посеян]
 Стоит немой и, не моргая глазом]
 Подует ветер, так ли распахнется,
 И мигом грех в чужой душе посеешь.
 И видишь юношу, стоит он нем⁵,
 Другого взгляду [ждет] ловит, сам готовит
 В своем уме [чарующие речи] лукавые [слова] приветы.
 Вот по следам идет и шепчет в уши,
 Завешенные жемчугом, и жемчуг

¹ Фраза вписана над строкой.

² Слова: с людьми; по-мирски — вписаны над строкой.

³ Слова: все видеть и все слышать — вписаны над строкой.

⁴ Слова: Соблазн и грех — вписаны над строкой.

⁵ Фрагмент: Подует ветер ~ стоит он нем — вписан на полях.

И слабый ум все более слабеет,
И сладок грех является тебе;
И слушаешь, боишься оглянуться³,
Как точно двое за тобой идут:
Один лицо приветливое кажет
[И красоту и юность, а другой]
И ненаглядную красу, и юность
И молча улыбается. Другой же
Чернее ночи, и глаза, как угли,
Горят во лбу, и длинный хвост [влачится по земле]
тащится.

(Задумывается.) Опускает голову на руки.)

³²⁻⁴¹ *Текста песни:* Юность, моя юность ~ смирить! — нет.

²⁵ Разве ты нашего Ивана Ивановича не знаешь? /

³⁵ подошли человек с пяток / подошли человек с десятка

² **МЫ ЕМУ СЛУГИ ВЕРНЫЕ /**

мы с Ив<аном> Ив<анычем> ему верные слуги

ОТПУСТИЛ МЕНЯ. ТОЛЬКО НЕ ВЕДЕЛ ЕМУ НАВСТРЕЧУ

⁷ Никак он идёт! Ой, схоронимся. / Никак Ив<ан>

-16 Всё замолчало ~ а глаза сияют /

[Народ примолк, и только по углам

Сторонки, меж собой со чем-то сцепуи.

² Слово вписано над строкой.

⁴ Фраза вписана над строкой.

Молчание такое ж, как постом
Великим, и такое же говенье
На лицах видно. Бледные сияют
Все лица, и в глазах какой-то блеск
Особенный заметен. Плохо дело!]

(Примолкли все.)

Все замолчало, как постом Великим;
На всем какое-то говенье видно;
Бледнеют лица, а глаза сияют.¹

¹⁸ оравой / [гурьбою] оравой²

²⁰ После: Пускай идут —

[Тогда просторней³ и способней будет
За дело взяться. Привести к присяге
Царевичу весь город⁴. Да казакам
Ворота городские распахнуть —
Сберутся мигом, — да мордву поднять,
Пройти по Волге вплоть до Ярославля;
Упрямых перевешать, остальных
Пригнать к присяге палкой, как баранов,
Потом послать к царевичу с повинной
(Чтоб нас пожаловал, вины нам отдал),
Что мы ему во всем прямить готовы
И над изменой промышляем крепко.
Такой прислуге будет рад царевич:

Тогда и воеводой можно сесть
Здесь, в Нижнем, и попасть в бояре прямо,
Из стряпчих-то в бояре — хорошо бы] /
^{22—23} Не знаю, что мне делать! ~ никто не хочет слушать. /

[Здесь делать нечего! Один немного
Наделаешь! Товарищей искал
Да не нашел. Никто не хочет слушать]
Не знаю, что мне делать! Не найдешь
Товарищей; никто не хочет слушать.⁵

^{27—29} Нет, здесь не тяга! ~ Тому не в первый /
Мне только бы начать, а то поддержат
(Друг и приятель Никанор Шульгин

¹ Фрагмент: *(Примолкли ~ глаза сияют. — вписан на полях.*

² Слово вписано над строкой.

³ Далее: [нам да]

⁴ Далее: [Пособрать
Казаков да поднять кругом
Пошире]

⁵ Вариант вписан на полях.

- C. 59
- 8
сочтёмся дома / сечется [после] дома
- 11 После: Есть письмо — [От Никанор Иваныча Шульгина]
- 15 Берёт и читает. / Читает.
- 17—18 После: не пишет всего — [да и писать нельзя]
- 26—27 он ловит рыбу ~ к телу ближе /
[он] мол, ловит рыбу втихомолку,
И что, мол, своя рубашка к телу ближе
- 32 После: приходи сказать! — Уходит.
[Ему легко, он вместо воеводы.
А тут что сделать, коль не удастся
Махнуть в Казань³, там есть благодприятель]
- 33 Ремарки: Павлик уходит. — нет.
- C. 60
- 17—18 Судья предстанет ~ всю жизнь строчили /
[Грозен
Судья, а грешными делами свиток
Исписан длинный]
Судья предстанет, свиток развернут,
Что злые мурины всю жизнь [писали] строчили
- 33 И все вы, точно мухи в сентябре /
[Да и на всех на вас] И все вы
- C. 61
- 9 Пойдём! Есть дело /
[Мне до тебя есть] Пойдем! Есть дело⁴
- 14 У нас так праздник / У [Бога] нас так праздник⁵
- C. 62
- 20—22 Спасибо, что избавил ~ по-твоему-то как же /
Спасибо, что [подумал
И за меня. По-твоему-то как же] избавил⁶
Меня от тяжкой думы, от заботы!
Позволь спросить, по-твоему-то как же⁷
- 26—27 Сиротским делом ~ поклониться /
[Родительской могилке поклониться]
Сиротским делом сходим на могилку
Родителям почившим поклониться⁸

¹ Скобки поставлены А. Н. Островским.

² Слова: Ему не в первый — *вписаны на полях*.

³ Далее: [к нему]

⁴ Слова: Пойдём! Есть дело — *вписаны над строкой.*

⁵ Вариант вписан на полях.

⁶ Слово вписано над строкой.

⁷ Два стиха: Меня ~ как же — вписаны на полях.

⁸ Слова: Сиротским ~ поклониться — *вписаны над строкой.*

- С. 63 7—10 Утешила меня ~ без перемолку. /
 [Утешила, дай и тебе здоровья.
 От сердца отлегло, а то, как голубь,
 Так и колотится без перемолку]
 Утешила меня ты. Точно камень
 Лежал на сердце, отлегло теперь.
 А то, бывало, сердце, ровно голубь,
 Так и колотится без перемолку.¹
- 14 Кого же мы / Кого [ж бояться нам] же мы
 19 *После:* Чего ещё? — [мы дожидаться будем?]
 23 без помехи, на досуге /
 [будет время] без помехи, на досуге²
 25 выходит / [идет и] выходит
- С. 64 34 *Качает головой и задумывается. / Молчание.*
 С. 64—65 39—2 Как вкопанный ~ не подымались /
 [Как стал на место, не сводя очей]
 Как вкопанный, он не сводил с иконы³
 Очей; [рука сложенными перстами
 Не подымалась к ясному челу]
 Крестом сложенные персты
 До ясного чела не подымались
- С. 65 30 И до свету / И до [утра] свету
 С. 66 2 *После:* На место свято — [помолиться].
 15 *Аксёнов, Тёмкин, Губанин, Лыткин, народ. /*
Лыткин и разные [лица] торг<овые> и по-
сад<ские> люди.
 18 давайте поговорим толком! /
 [вот и потолкуем] давайте толком поговорим.
 24 *Перед:* Тебе только всё разговаривать — Спорщик⁴.
 29 *После:* особенно Кузьме Захарьичу — да вам, дедушке
 П<етру> А<ксены>чу.
 29 Он о земском деле печалится / Они об нас пекутся,
 [об деле] о земском деле печалются
- С. 67 8 *Разговор в толпе. / Между собой.*
 15 *После:* против всех пойдёшь? — Ах, стыд, право!
 26 *После:* да и собирать — [казну].
 28 в рукавичном ряду / в [вязаночном] рукавичном ряду
 30 Толкуют и в хлебном. / Толкуют⁵ и в [мучном] хлебном.

¹ Фрагмент: Утешила ~ без перемолку. — *вписан на полях.*

² Слова: без помехи, на досуге — *вписаны над строкой.*

³ Слова: Как вкопанный, он не сводил с иконы — *вписаны над строкой.*

⁴ Было: [Губ<анин>]

⁵ Слово вписано над строкой.

- 31 И рыбаки. / И у рыбаков.
 С. 68 18 После: Ну и умирай — с миром.
 18 Ну, умирай! /

Голоса

А для чего и живем-то? Известно, для того, чтоб умирать.

- 27 После: Да ведь это разор! —

Губ<анин>

Вот пословица-то не мимо говорится: [паршивая овца все стадо портит] в семье не без уroda. Вот уж правда-то. Как это стыда нет у людей.

Между 32 и 33

Губ<анин>

Ты, дедушко, так и скажи К<узьме> З<ахарьичу>, пусть не кручинится.

- 34 Перед: Есть тут кто-нибудь из немцев? — (в толпе)
 С. 69 4 Да! / Согласен.
 9 Брось ты его! / Оставь его!
 13 Кузьма Захарьич идёт! / Кузьма Захарьич!
 14 Входит Минин. Все кланяются. / Все кланяются.

<Голоса>

Какой невеселый!

- 22 Вестей довольно. /

[Что день, то вести] Вестей довольно.

- 26 Перед: Всё одно и то же — [Пишут]

- 30 После: идти готовы. — [Ну, слава Богу]

- С. 70 15 Все обнищали. / Все об[еднели]нищали.

- 28 Не пойдёт никто / Не пойдете вы

- С. 70—71 37—1 в изголовье ~ явился муж /
 некий муж

Между иконами и изголовьем

- С. 71 2 После: весь в херувимах — (Снимают шапки.)

- 5—6 Я вскочил от ложа ~ как не бывало /

Я [быстро встал] вскочил от ложа, [все исчезло]

Виденья дивного как не бывало¹

- 16—17 Слава в вышних Богу! ~ Рассмотрел ли ты? /

[Велик Господь] Слава в вышних Богу!

Но кто же [был тот муж] старец? [Ты] Рассмотрел ли ты?

- 19 Входит Нефёд. / Входит сын Минина Нефед.

- 21 Ремарки: Те же и Нефёд. — нет.

- 23 Где батюшко? /

(спрашивает у народа)

Где [же] батюшко?

¹ Стих вписан над строкой.

²¹ *Ремарки: Все уходят. — нет.*

С. 73

¹² ПОСАДСКИЕ ЛЮДИ / торговые люди

^{15—17} *В избу входят постепенно ~ Говорят вполголоса. /*

1) [В избе несколько народу: входят новые лица. В продолжение этого и следующего явления народ постоянно подходит] В избу постепенно входят¹: [торговые люди], дворяне, дети боярские, и торговые люди; все более пожилые² и [богатые] по виду зажиточные. Те, которые после всходят, со всеми раскланиваются³.

2) В избу входят постепенно⁴: дворяне, дети боярские, стрелецкие головы, посадские люди, все более пожилые и, по виду, зажиточные. Вновь пришедшие молча кланяются с теми, которые пришли прежде. Все стоят кучками, говорят вполголоса.

[(В 1-й кучке.)

Один

И дома-то нужно, и сюда-то зовут, не разорваться же! Думаю так, сюда нужнее.

Другой

Само собою. И у меня дома-то не совсем ладно: жена разнедужилась. Надо быть, ночью Бог пошлет.

(Во 2-й кучке.)

Один

Меня ныне на именины звали.

Другой

А у нас так и вовсе свадьба. Пир великий. Еще поспеем.

(В 3-й кучке.)

Один

Торгую я дом.

Другой

Кое место?

Третий

Не купи дом, купи соседа.

(Входят новые лица.)

Один

(из вновь пришедших)]⁵

¹ Слова: постепенно входят — вписаны над строкой.

² Слова: дворяне, дети боярские ~ все более пожилые — вписаны над строкой.

³ Слова: со всеми раскланиваются — вписаны над строкой.

⁴ Слово вписано над строкой.

⁵ Вариант написан на отдельном листе.

Голоса

Зачем нас собирают? ~ Подожди малость, всё узнаем. /

[Один из вошедших
(из людей, которые прежде пришли)]

1-й

Зачем нас собирают? [Что] Аль беда какая?

[2-й

Уж не всполох ли от воровских людей?]

Старик

(из прежде пришед<ших>)

Нет, грамоту из Сергиева монастыря привезли. П<етр> А<кимыч> ска-
зывал, так должно читать будут.

Голоса

Верно нелегко, коли грамоты пишут?

3-й

Какая легость! Видимая смерть! Москва вся повыжжена, [наше войско]
наша рать разошлась, а к врагу на подмогу сила подходит.

1-й

Что же в грамоте пишут?

2-й

Вот прочитают, так узнаешь.

3-й

Подожди малость, все узнаем.

[Один
(из вошедших)]

Мне Нефед Минин попался, говорит, грамоту будут читать.

Голос

Уж слышали.

1-й

А К<узьма> З<ахарьич> будет?

3-й

Как не быть.

2-й

Уж больно хорошо он говорит, да жаль, не дают.

3-й

Надо за него постоять.

Голоса

— Не дадим в обиду. — Нет, пушай все говорит]¹

¹ Фрагмент вписан на полях со знаком вставки и вычеркнут в ходе дальнейшей работы.

С. 73 24—25 (Входит Аксёнов.) ~ грамоту? /

А<лексей> М<ихайлович> и несколько молодых боярских детей.

1 -й

Кто привез грамоту?

31—32 Сам великий ~ Так и пишет /

Сам великий господин св<ятой> патриарх Ерм<оген> называет их, его да Родиона Мосейча, бесстрашными людьми. Так и пишет в грамоте

35 Говорят, Пахомов / Говорят, он

36—37 Аксёнов / Старик (строго)

С. 74 10—11 Роман Пахомыч, здравствуй! ~ устал? /

А, Роман Пахомыч, здравствуй! — Роман Пахомыч, здравствуй! — Как тебя Бог милует? — Здорово ли доехал?

[А<лексей> М<ихайлыч>] Посп<елов>

Роман, здравствуй, друг любезный!

Роман Пахомов

*[(Держит себя прямо, говорит ровным однотонным голосом, в лице постоянно одно выражение, но не угрюмое и не бесстрастное, а то твердое, какое бывает у людей, закаленных в опасностях)]*¹

Здравствуй.

А<лексей>М<ихайлыч>

Чай, устал?

35 После: Эка причина! —

Роман Пахомов

От <1 нрзб.> тоже несколько народу. Говорят, <1 нрзб.> идет.

Голоса

А воровства, предательства не слышать?

<Роман Пахомов>

Мало. Да и то не воровство, а так — слабость.² Немногие люди за предателями идут, все больше патриарху последуют, только неясвенно стоят — боятся.

С. 75 12 Перед: Содом! — Одно слово

13—14 Колзаков и несколько народу. / Колзаков и другие головы стрелецкие. Все кланяются.

16—17 Те же, Алябьев, Биркин ~ некоторые садятся / Воевода садится за стол; [все] прочие усаживаются

31 Ремарки: (Отходит.) — нет.

С. 76 2 Ремарки: (отдаёт грамоту Семёнову) — нет.

¹ Ремарка вписана на полях.

² Фраза вписана над строкой.

[Соединитесь все,

Забыв обиды]

16 *Перед:* Вели списать — Что ж делать?19 *Перед:* А что ответим? — [И только]

29—30 И я ходил ~ Где ж нам взять? /

И я ходил [немало. Где же взять

Казны, да и людей наберешь]

[Мы дома] без дела не сидели.

[Чем можем служим]

Казны да войска просят. Где ж нам взять? ¹

36 Промеж себя найдём; сберём, что можем. /

[Кой что собрали, соберем еще]

Промеж себя найдем; сберем, что можем.

38 Да много ль денег? /

[А много ль сбор] Да много ль денег?

2 Сколько ни на есть! /

[Тысяча рублей] Сколько ни на есть!

6 Сбирайте с Богом! / Сбирайте [деньги] с Богом!

25 Московскому крещёному народу /

Московскому [святому государству] крещеному народу

7 *После:* И с русскими — [людьми Волги]

26 видишь ты / [разбирают] видишь ты

29 *Перед:* дойдёт до драки — [и разойдутся]

3 С царём повздорил / Повздорят с царем

35 *После:* сторицей искупили. — *вписано на полях:*

Вседушно постоять хотят за веру.

35 Сбивать казаков своевольных в город. /

Сбивать казаков в город да стрельцов.

[Как на тебя надеяться]

3 *После:* Ты хочешь —

[За нас за маленьких людей сражаться]

7 *Перед:* Постой, Иван Иваныч! — [Не обижай меня]

11 Поклёпом злым людей, себя честнее. /

[Других] Поклепом злым людей, [тебя] себя честнее.

31 Я замысел твой вижу. /

Я [умысел твой знаю] замысел твой вижу.

35 *После:* Вы все барышники! — Христопродавцы!

Я всех вас знаю.

37 *Перед:* Очнись, Василий — Ты¹ Фрагмент: [Мы дома] ~ взять? — *вписан на полях.*

- С. 83 ³⁶ *После:* Все, все, Андрей Семёныч! —
Вели, А<ндрей> С<еменыч>, просим все!
- С. 84 ¹¹ За что бы, кажется, благодарить! /
 ²² Оно бы кажется, за что благодарить!¹
 ²² Не своя гордыня / [Воля не моя] Не своя гордыня
 ³³ утаить не смел / утаить [пред вами] не смел
- С. 85 ^{33—34} Мы по приказу шли ~ и голову клади /
Велят — иди, и голову клади.
Мы по приказу шли и умирали.
- С. 86 ^{2—11} *Слов Колзакова:* Тебя Господь ~ собирать! — *нет.*
 ¹³ *Перед:* И с Богом! —
 [Сбирать сберем, да я боюсь, что мало]
 ^{28—31} Поспелов ~ костью побивает. /
 Минин
Самсон все войско костью побивает.
 Поспелов
Не много храбрых вывел Гедеон.
 ^{34—37} Колзаков ~ И в мале Бог! /
 А<лексей>М<ихайлыч>
С большой ордой побить врага не [чудо] диво.
 Акс<енов>
[А может быть и много соберется.
Пристанут по дороге.
 М<инин>
 Все равно!
И много и не много, все пойдем!
Во мнозе Бог! И в мале Бог!]
Вписано на полях:
 Колзаков
С большой ордой побить врага не диво.
 Минин
Во мнозе Бог! И в мале Бог!
- С. 87 ¹⁶ *Перед:* ВСЯКИЕ ЛЮДИ — [Народ. Нищие]
 ¹⁸ *После:* Площадь в Кремле — [Рассветает]
 ^{20—21} Часть народа толпится ~ Вбегает Лыткин. / [Хвост
народу, слепые] Хвост народу у собора. [Лыткин] Гу-
банин между ними. Лыткин вбегает.
 ²³ вот страсти-то / сердце не на месте

¹ Вариант вписан на полях.

- 37 читать будут / читают
 3 *Перед:* волоочь в город наспех. — захватить
 4 *После:* и складывают — рухлядь-то.
 6 Как тебе не стыдно! / Как не стыдно тебе людей-то!
 10 а добра-то что / а что добра-то
 12 *Перед:* На Москве больше — Ужель, что
 14 Значит, терпи! / Значит, [терпеть нужно] терпи!
 15 *После:* Отошла обедня-то? — Аль нет?
 19 *Перед:* Уж как хочется послушать! — [То есть]
 21 *После:* Протеснимся как-нибудь. — [(*Проходят.*)]
 23—24 *Народ мало-помалу ~ народом. / Народ еще более подвигается, так что на сцене остается мало. Открывается кучка слепых, которые сидят близ паперти.*
 34 *После:* Закричит убогий громким голосом. —
 Помнишь ли ты, братец, <2 нрзб.>?
 [Явление второе]

- 35—36 *Народ выходит ~ милостынью!» / Народ выходит. Все утирают слезы. Слышны голоса: «Подайте слепому, убогому! Подайте слепому [Христа ради]!»*
 6 *После:* Да и было отчего — плакать.
 6 как на ладонке / как на ладони
 11 *После:* всё наше государство — [Российское]!
 12 Каково это слово! /
 [Что же] Каково это слово! Каково слышать!
 15 *Перед:* эти слова — [правила]
 17 этак не то что / этим не то что
 18 *После:* Проходят четверо. — Еще двое подходят.

1 -й

На горе, на горе мы родились. Деда, прадеды жили, ни об чем не тужили. Царь сидел на Москве [хоть и грозный да] православный [за веру радел], церкви цвели благолепием. А теперь что!

2 -й

Погоди, не ропщи! [Бог даст, все поправится, опять по-старому пойдет. Жить только надо получше. Бога не гневить!]

Проходят. Подходят кучей [5] 4 человек.

- 23 А кто же прочь? Да хоть сейчас умирать! /

А кто [ж откажется. Мы готовы] же прочь? Да хоть сейчас [так бы и полетел] умирать!

Между 27 и 28

[5 - й

Отчего это, братцы, когда наплачешься досыта, как тебе легко станет.]

²⁸ *Ремарки: Проходят. Две женщины. — нет.*

³⁰ Ни в жизнь / Отродясь

³⁵ *Выходит народ и становится стенами /*

Выходит много народу, все останавливаются стенами

- С. 90 ^{5—17} Вы видели, как плакал ~ хоть в монастырь честной /
[Ты прав, Кузьма, народ у нас хороший,
С таким народом можно дело делать,
Уменье нужно, как его вести;
Он кроток, как дитя, <1 нрзб.> он плачет;
Но этот плач не слабость, он слезами]
[Не ожидал я зрелища такого.
Какие слезы! Плачет весь народ
От мала до велика]
Вы видели, как плакал весь народ,
Вы слышали тяжелые рыдания!
Какие слезы! Боже! Прав Кузьма:
С таким народом можно дело делать
Великое. Он кроток, как дитя,
Он плачет. Но, [не слабость] взгляните, эти слезы —
Не хныканье старух и стариков;
В них сила страшная; [народ слезами] омывшись ими¹,
Очистившись слезами он выходит;
Он чист и тверд, как камень самоцветный;
[Об чем он плакал? Суету мирскую
Он смыл слезами] помыслов житейских
Он сбросил тяжесть
И суеты², и будничных забот,
И вышел [жить] непорочен: хоть [на войну с врагами]
на битву³
Веди его, хоть в монастырь [святой] честной.
²⁸ вижу ясно / вижу [вдалеке] ясно⁴
³¹ Страдал народ; теперь конец страданью /
Терпел народ; теперь конец терпенью
- С. 91 ⁵ *После:* Взойдѣт и солнце — [скоро]
⁷ *Перед:* Кабы нам твоими — [Даст ли Бог дожить?]
^{15—16} *Лыткин и несколько народу. / Лыткин и народ.*
^{21—31} Выходишь от обедни ~ опять отяжелеешь. / [Выхо-
дишь от обедни <1 нрзб.> помолившись, так легко,

¹ Слова: Не хныканье старух ~ омывшись ими — вписаны над строкой.

² Слова: И суеты — вписаны над строкой.

³ Слова: на битву — вписаны над строкой

⁴ Слово вписано над строкой.

утренний воздух в душу льется. Золотая за¹орается>
 заря. Так легко, так спокойно все. День пойдет с его
 заботами, и отяжелеет душа¹]
 Выходишь от обедни, помолясь
 С усердием и досыта поплавав,
 И так тебе легко на сердце станет;
 И под ногами ты земли не чуешь,
 [Идешь и под собой] И ног не слышишь; и заря-то ярче
 Горит на небе, точно сладкий мед,
 [Глотаешь] Пьешь воздух утренний. Такое диво²!
 Какая легость для души молитва!
 Взятся бы с места, да и полетел!³
 А день придет — забота за заботой
 Навалятся, опять отяжелеешь.

- 33 *После: утром человек помягче — [голова яснее]*
 С. 91—92 37—1 *Сейчас наказывал ~ чтоб не расходился. /*
[Вот для того] Сейчас меня просил Кузьма Захарыч
Сказать народу, чтоб не расходился.
[Он что-то хочет]
 С. 92 4 *Перед: Теперь в соборе — [Я сам]*
 16 *После: Минин выходит из собора — без шапки, с ним*
несколько народу.
 20 *(с лобного места) / (всходит на лобное место). Все*
снимают шапки.
 22—25 *Друзья и братья! ~ молитвенники наши /*
[Поможем] Друзья и⁴ братья! Православной вере,
В которой мы родились и крестились,
[Не предадим врагу на поруганье]
Конечная погибель предстоит⁵.
Святители, [и богомольцы] молитвенники⁶ наши
 30 *Не все ль мы дети / Не все ль мы [братья] дети*
 33 *Мы все, Кузьма Захарыч, все хотим /*
Кузьма Захарыч, все, все хотим
 С. 93 1—3 *Не пощадим казны ~ А будет мало: жён /*
[Не отдадим] Не пощадим⁷ казны и животных!
[Дома, дворы свои и жен не пожалеем]

¹ Фрагмент: [Выходишь ~ душа] — вписан на полях и вычеркнут в ходе дальнейшей работы.

² Далее: [Петр Акимыч]

³ Фрагмент: Какая легость ~ да и полетел! — вписан на полях.

⁴ Слова: Друзья и — вписаны над строкой.

⁵ Слова: Конечная погибель предстоит — вписаны над строкой.

⁶ Слово вписано над строкой.

⁷ Слова: Не пощадим — вписаны над строкой.

- Мы продадим дворы свои и дома!¹
 А будет мало: жен [своих]
- 7 Что мешкать даром, время нас не ждет! /
 [А Бог даст, братья, соберем казну]
 Что мешкать даром, время нас не ждет!
- 22 Просить и кланяться, чтоб шёл к нам наспех. /
 [Просить и кланяться к нему пошлем
 Мы выборных людей и духовенство]
 Просить и кланяться, чтоб шел к нам наспех.
- С. 94 8 *Ремарки: Начинаются приношения. — нет.*
 10 *Перед: Ты, Пётр Аксёныч — (Аксенову)*
 13—14 *входят на лобное место ~ Минин сходит. /*
всходят на возвышение. Минин сходит. Начинают
приносить деньги и вещи.
 17—18 *а подобру ~ лучше убираться. /*
махну в Казань,
Там люди проще, может и удастся.
(Уходит.)
- 29 Владычества над равными тебе /
 [Над равными и высшими господства]
 Владычества над равными людьми
- С. 95 10—11 *Ремарки: Народ более ~ до конца действия. — нет.*
 33 Ты свои пожитки / [Все] Ты [свое добро] свои пожитки
 36 Да нешто я про вас? / Да нешто я [для] про² вас?
 38 А про кого же? / А [для] про³ кого же?
- С. 96 7 Да какие шутки! / Я и не [шучу] намерен
 16 А из мирской казны не отдадут. /
 Уж из мирской казны назад не отдадут.
 24 Неволя заставляет / Мы поневоле, ты и
 26 *Перед: Ты скупостью своей — [До этого]*
 31 *После: Нет, уйдешь! —*
Л<ыткин>
Так как же быть?
Т<емкин>
 Подумай хорошенько!
- С. 97 15 *После: Ну, третью деньгу дай! — Как положили*
 22 *Развязывай кошель-то, сосчитаем! /*
Развязывай мошну, давай считать.

¹ Фраза вписана над строкой.

² Слово вписано над строкой.

³ Слово вписано над строкой.

- С. 98
- 23 *Ветрое садыся на землю и считают деньги. / Лыткин достаёт мошну. Садыся на землю и считают. <3 нрзб.> откладывают <1 нрзб.>.*
- 24 *Слов: Три доли ровно, видишь. Две тебе — нет.*
- 26 *А третью часть / Вот третья часть!*
- 29—30 *Примай-ко, Пётр Аксёныч! ~ подаёт шапку. / (Лыткин подает шапку.) Примай-ко, Петр Аксёныч!*
- 2 *Я на мирскую нужду не жалею. / [На Божье де<ло>]*
Я на мирскую нужду не жалею.
- 6 *Ремарки: (Уходит.) — нет.*
- 25 *После: и моя копейка. — (Уходит.)*
- 28 *Те же, Татьяна Юрьевна и Нефёд. / [Жена Мина и сын]*
- 30 *Перед: Как, батюшко, изволил — (отцу с поклоном)*
- 35 *После: после разберут. — (Несут.)*
- С. 99
- 5 *И с камешками / И [перстеньки] с камешками*
- 16 *за ней несут сундуки и ларцы. / за ней несут несколько сундуков и ларцов. Народ расступается.*
- 22 *Перед: прежде накопили — [много]*
- С. 100
- 5 *Сиротам и в убогие дома / В монастыри, в убогие дома не рассчитаться / не [расквита<ться>] рассчитаться*
- 14 *Ещё немного / Ещё [довольно] немного*
- 17 *Одних угодий хватит на прожиток. / Одних угодий хватит на про[корм]житок. ([Подают] Аксёнов принимает ларцы.)*
- 20 *Вот вы какие! / Вот [ведь] вы какие!*
- С. 101
- 2 *и пожить-то вместе / и пожить[-то вместе] с тобою*
- 9 *Бог даст, вернёшься! / Бог даст, [воротиться] вернёшься!*
- 12 *Скорее голову свою положишь. / Когда вернёшься. Голову положишь*
Скорее, чем домой к тебе вернёшься.
- 20—21 *А всё-таки, пока живёшь ~ Жениться бы. / За дело земское, да и жениться Хотелось бы.*
- С. 102
- 29 *После: А не твоё — [об этом не печалься]*
- 6 *точно подкошённая / 1) [все одно скошенная]; 2) ◇*
- 23 *После: (Отходит.) — Подходит Т<атьяна> Ю<рьевна>.*
- 32—33 *Да в монастырь ~ Пройти отсюда прямо / Да прямо [в Зачатьевский] в монастырь*

Народу можно.

С. 103 ⁷ После: в Воскресенский — [в Зачатьевский]¹⁷ После: Греха-то больше — [Тогда]²⁴ будто по рукам / [слово у<ж>] будто¹ по рукам

С. 103—104

^{37—1} Рассердишь. ~ грех один. /

[Его] Рассердишь. [Будет гнев на сердце]

Держать. За что ж я так в грех введу]

Кроток он теперь и смирен;

Пожалуй, в гнев его введешь и в злобу,

И будет только грех один.²С. 104 ⁵ Дорога дальняя — меня забудет. /

[Пойдет в поход] Дорога трудная — меня забудет.

[Там]

⁸ Народу всё больше прибывает на площадь. /

Прибывает народ. Двое подходят.

¹⁰ Перед: Вот шесть алтын — [Примите]¹³ Подают. К лобному месту подходят толпами. /[Кучка торговых людей] Подходят торг<овые> люди
кучками.*Между 18 и 19* Ремарка: [Молча] <1 нрзб.> молча подают.²⁰ После: Ну, веселье! —

[Ни в жизнь не видел я такого торжества!]

²⁴ Теперь у нас и войско, и казна /

[С таким народом можно дело делать]

Теперь [все будет] у нас и войско, и казна

³³ И пенье иноков, и клир церковный /И [старцев] пенье иноков, [и фимиа] и клир церковный³С. 105 ² Ремарки: Те же и юродивый. — нет.⁹ Ремарки: (Высыпает деньги.) — нет.^{30—31} На солнышке играет голова ~ Кремль!.. Москва!.. /

На солнышке [играет] сияет голова,

Река бежит извивами... Москва!..

(Картина.)

¹ Слово вписано над строкой.² Фрагмент: Кроток он ~ один. — вписан на полях.³ Вариант вписан над строкой.

- С. 106 ¹² Горница в доме Минина. ~ прямо — в сени. / Чистая [комната] [изба] горница¹ в доме Минина. Налево дверь в [избу] другой покой², прямо — выходная.
¹⁵ После: у притолоки — боковой двери.
²¹ Перед: живы и здоровы! — [Бог хранит пока]
²⁸ Ну, что ж? / Ну, что?
³² сидит горюет / сидит [да плачет] горюет³
- С. 107 ^{14—15} Татьяна Юрьевна и Нефёд уходят ~ из боковой. / Уходит в среднюю дверь⁴. Татьяна Юрьевна за ним. Минин выходит из боковой двери.
³⁰ Ты мне скажи, на сердце легче будет. / Ты мне скажи, [полегчает] на сердце легче будет.

[М<инин>

Да, П<етр> А<ксеныч>, загляни мне в душу
 И горе горькое увидишь сам.

Аксенов

Не знаю, говори!]

- С. 108 ³⁴ После: Упало сердце ретивое, кровь — [От ужаса]
¹³ и погреби / и [задави] погреби
¹⁵ Всё нажитое / [Мое именье] Все нажитое
^{19—20} Слов: Страшно молвить! Аксёныч, страшно молвить! — нет.
²² в сухое лето, вянет / [в начале самом] в сухое лето⁵ вянет [погибает⁶]
^{26—27} И зимним ~ волоса. / И дыбом поднялися волоса.
- С. 109 ^{6—7} Меня на части. ~ не о земском деле. / [Как будто я радел лишь о себе, А не о деле земском]
 Меня на части. Точно о себе
 Радею я, а не о деле земском.
²¹ Без устали, без отдыха работать! / За дело земское работать безустанно!⁷
³⁴ Казны собрать алтына не сумеют / [Еще ни гроша не сум<ели>]
 Казны собрать алтына⁸ не сумеют

¹ Слово вписано над строкой.

² Слова: другой покой — вписаны над строкой.

³ Слово вписано над строкой

⁴ Слова: в среднюю дверь — вписаны над строкой.

⁵ Слова: в сухое лето — вписаны над строкой.

⁶ Слово вписано над строкой.

⁷ Вариант вписан на полях со знаком вставки.

⁸ Слова: Казны собрать алтына — вписаны над строкой.

39—40 Не дай Бог слышать ~ Греха такого! /
[Кузьма! Мы тонем <1 нрзб.>]
Не дай Бог слышать, а не то что видеть
Греха такого!¹

С. 110 ³ Видать не раз / Не раз видать
8—17 Перекрестясь, да с берега ~ да сыщет лодку! /
[С крутого брега, исполнен силы,
Он кинулся, и к берегу другому
Плывет он] Плывешь так² весело; на полдороге
[Не стало сил] Вдруг страшно станет³, ищ[е]шь [он]
ты глазами.

Где ближе берег. [Плыть ему вперед
Иль воротиться
Назад. Там шире обе половины] Смотришь ты вперед,
Там столько же, как с берега казалась
И вся река; назад — [еще пошире] там вдвое шире.
Кричать нет пользы, берега [крутые] пустые
Ответа не дадут; а кто услышит,
Так скоро ль добежит [отыщет] да сыщет лодку!

21—23 пролетели чайки ~ и плёсо зарябилось /
пролетели [птицы] чайки

С зловещим криком; облачко нашло
[Закрыло] На⁴ солнышко, и плесо⁵ зарябилось
[Все плесо]

Между 27 и 28 [Мы начали. Господь благословил
Начало наше]

²⁸ *Ремарки: (Задумывается.) — нет.*

³³ *После: Покаяюсь, был — [и много говорили]*

С. 111 ¹ про всё по ряду / про все по[дробно] ряду
Между 3 и 4 [Нельзя же вдруг поверить мужику.
 Я перед⁶ князем все, как на ладони
 И выставил⁷]

¹ Вариант вписан со знаком вставки.

² Слова: Плынешь так — вписаны над строкой.

³ Слова: Вдруг страшно станет — вписаны над строкой.

⁴ Слово вписано над строкой.

⁵ Слово вписано над строкой.

⁶ *Далее:* [ним, что было на душе,
Все высказал. Как наши воеводы
Лишь силою да храбростью берут]

⁷ Слова: князем все ~ и выставил — *вписаны над строкой.*

29 Наскажут на меня, а он поверит /
 [Кто знает, что ему наскажут наши]
 Наскажут на меня, а он поверит
 С. 112 4—5 А он и тут. ~ Здорово ль съездили? /
 [Поспелов
 Приехали]

Аксенов

Здорово ль съездили?

18—22 Вот, перво-наперво ~ подошёл к благословенью /
 [Вот, перво-наперво¹, вперед честь честью
 Пустили духовенство², стариков
 А там и мы гурьбой. Все помолились
 И поклонились низко. Подошел
 К благословенью князь. Тогда Василий
 Семеныч с речью выступил]
 Вот, перво-наперво, мы духовенство
 Пустили в горницу, а там, честь честью,
 Вошли и мы; кто старше, впереди.
 Все помолились, низко поклонились.
 Князь подошел к благословенью, [начал
 Нас спрашивать, зачем]³

С. 112—113

38—1 И все дела нам делать ~ князю говорить /
 [И стали наши князю] И все дела нам делать заедино».
 И стали наши князю говорить

С. 113 6 *После:* не принимают. — Ах, бедная головушка моя!

29—35 Да не смущаюсь ~ (*Решительно.*) /
 Да не смущаю[т]сь
 [Меня коварные и лстивые]
 Коварными и лстивыми словами!
 [Храни уста мои, да не промолвлю]
 Они придут!

С. 114 38 *Перед:* Крепись, Кузьма! — [Ну что ж]
 2 *Перед:* Да будет воля Божья! — [Ну что ж они нейдут?]

9 Все двери отворите и зовите! /
 Все двери отворите и просите
 [Гостей в покои, мы их встретим здесь].
 (*Нефед уходит.*)

¹ *Далее:* [вошли и отдали поклон]

² *Далее:* [а за ним]

³ *Фрагмент:* Вот, перво-наперво ~ зачем] — *вписан на полях.*

- 11 Теперь я лишнее бревно в избе. /
Я теперь¹ лишнее бревно [во всех покоях] в избе.
- 12—13 (Уходит в боковую дверь.) ~ выборные и народ. /
(Уходит за дверь.)
- 15 Минин, Аксёнов, Семёнов, выборные и народ. /
Минин, Аксенов и выборные, дьяк Семенов.
- 18 Что мы всем миром посылали к князю /
Что [мы, нижегородцы] мы всем миром² посылали
к князю
- 22 Да будет ведомо тебе, что стольник /
Да будет ведомо тебе, что [князь] стольник
- 31 из лучших из посадских /
[по выбору] из лучших из посадских
- 36 И звать к мирскому делу неотступно. /
[Чтоб ты свой подвиг службе положил]
Просить тебя, чтоб положил³ ты подвиг
Страдания по вере православной⁴.
Тебе такое дело за обычай.
- С. 115 17—18 *смотрят из боковой двери / показываются в двери*
22 *Ремарки: (Кланяется.) — нет.*
31 Свои домашние, семью, торговлю /
[О доме, о семье и о торговле]
Свои домашние, семью, торговлю
- С. 116 6 всем так подобает / всем так [должно] подобает
18 силы не хватает / [кабы силы были, только силы мало⁵]
23 Хотели волей / [Божились] Хотели волей
28—30 (Кланяется.) ~ (передним) / [Голоса] Задние
33 Передние (кланяются) /
[Выборные] Передние (с поклоном)
- С. 117 37 После: Где другому сделать! — [Не сумеет]
3 Так гнева не держи! / Так [лучше ты скажи,
Мы повинимся] гнева не держи!
Вину и виноватого поведай!⁶
19 После: Не в час пришли —
[вы поторопились. Немного погодите]

¹ Слово вписано над строкой.

² Слова: мы всем миром — вписаны над строкой.

³ Над строкой вписаны слова: ты принял — оставшиеся не зачёркнутыми в ходе дальнейшей работы.

⁴ Слова: ты подвиг ~ по вере православной — вписаны на полях.

⁵ Слова: только силы мало — вписаны над строкой.

⁶ Фраза вписана на полях.

- 29 (у боковой двери) / (у внутр<енней> двери)
 34—36 Я вырос ~ о народном горе /
 [От колыбели] Я вырос
 [До седых волос] На площади, между народных сходов.
 Я [в избу земскую вбегал мальчишкой] рано плакал
 о народном горе
- С. 118 27 затворяет дверь / затворяет за собою дверь
 С. 119 4 Слов: Довольно слёз ~ нужна нам твёрдость! — нет.
 8 И сам собирайся / И [будь готов] сам собирайся
 Между 13 и 14 Рemarka: [Нефед уходит в дверь]¹
 37 Я не своё хотенье исполняю /
 Я не [свою творю, Господню волю] свое хотенье
 исполняю
- С. 120 4 Входят Аксёнов, подьячий, выборные и народ. /
 Аксенов, подьячий, выборные.
 9 На всякий твой приказ, Кузьма Захарыч /
 На все, что ты прикажешь написать
 27 После: Иметь у нас и отдавать в заклад —
 Чтоб ратным людям скудости не стало.
- С. 121 10—15 Готово. ~ (Падают на колени.) /
 (подавая приговор)
 Готово. Принимай, Кузьма Захарыч!
- Минин
 (берет)
 Не мне! Не мне! Скорей везите к князю.
 О Господи! Благодарю тебя!
- Отд<ает> Нефеду и Поспелову; они уходят.
 (Падают на колени.)²
- 18 Такого дела на святой Руси /
 Такого дела [что теперь мы видим] на святой Руси³
 21 Какого деды / [Котор<ого>] Какого деды
 25 После: от всей земли великой! — Минин кланяется.
- С. 122 15 Часть Нижнего посада та же / Часть Нижнего поса-
 да, сцена та же
 17—18 Посадские; впереди Аксёнов ~ из Кремля. /
 Толпы народа, [жена Минина, Марфа Борисовна]
 Аксенов, Лапша проходят в Кремль и из Кремля.

¹ Вариант вписан на полях и позже вычеркнут.

² Слова: Отд<ает> ~ на колени.) — вписаны на полях.

³ Слова: на святой Руси — вписаны над строкой.

20—27 Отпели ~ проводим с хлебом с солью /
[Молебен] Отпели, ратных людей благословляют
да кропят.

1 - й

Значит, скоро пойдут?

2 - й

Теперь скоро.

1 - й

Ишь ты, наши нижнепосадские согласились [честь честью] с хлебом-
солью проводить.

2 - й

Уж это как и водится.

1 - й

На Нижнем посаде все и дело-то началось, с Гостиного двора пошло.

2 - й

Здесь кашу-то заварили, а гляди, что [из того] вышло.

Аксенов

(Латие)

Честь честью, мы [их встретим] проводим [в дорогу]
с хлебом с солью

С. 122—123

34—39

Ну да, на Ярославль ~ помогает. /
[Рекой польется¹ наше ополчение
На ваши города, на Ярославль²,
И села, как ручьи в него вольются,
И все расти и разрастаться будет,
И вдруг широким половодьем хлынет
На златоглавую Москву и смое
Врагов губителей с лица земли.

Лапша

Хлопот-то вам куда, чай, много было
Собрать такую силу?

Аксенов

Ну, нельзя же!

Вот перво-наперво послали к князю
Пожарскому мы выборных людей.

¹ Перед: Рекой польется — было:
[По берегу нагорному польется
Рекою рать]

² Слова: На ваши города, на Ярославль — вписаны со знаком вставки.

Сказать ему, что выбран всем народом
Он воеводою и чтобы шел скорее
Из Пуреха для ради ратных дел.
Князь честно принял выборных и долго
Беседовал и видно, что по сердцу
Ему пришел наш земский приговор.
Ступайте в Нижний, говорит, скажите,
Что я за веру пострадать готов
До самой смерти. Только изберите
Между собою из людей посадских
Такого мужа, чтобы вместе¹ быть
Нам у великого такого дела,
Казну собирать и ратных оделять,
Чтоб не испортить доброго начала,
Чтобы не <1 нрзб.>²
А ты послушай, уж Кузьма-то прежде
У князя был. Я верно говорю.
И сговорились с князем укрепить
Народ покрепче в этом деле. Знаешь,
Народ волна — прихлынет и отхлынет.
И стали³ наши князю говорить:
«Не знаем мы такого человека!»
А князь им говорит: «У вас Кузьма
Захарьев, Сухорук, то дело знает;
Он человек бывалый и служилый».
Послы приехали и рассказали,
Что слышали от князя. Всем народом
Нижегородским⁴ пошли к Кузьме
Захарьичу. Просили со слезами.
И не один, а много раз просили.
Как сделали мы выборным К<узьму>,
И полились к нам деньги отовсюду.⁵]
Ну да, на Ярославль пойдут сначала.
И любо, братец, будет посмотреть!
Как есть, река польется. Ваши села
И города, что мелкие ручьи
Воды прикопят, взбухнет, пополняет,

¹ Далее: [делать]

² Слова: Чтоб не испортить ~ Чтобы не <1 нрзб.> — вписаны над строкой.

³ Перед: И стали — [Вот]

⁴ Далее: [просить Кузьму]

⁵ Слова: Как сделали ~ отовсюду. — вписаны на полях.

И вдруг широким половодьем хлынет
На супостатов веры православной,
Снесет и смоем их с лица земли.

Лапша

Я с решемскими тоже потянуся.
Хоть кучка малая, а все помога.
Хлопот-то вам куда, чай, много было
Собрать такую силу?

Аксенов

Ну, нельзя же!

Вот перво-наперво пришли смоляне,
Потом из Доргобужа да из Вязьмы.
Бродили бедные; везде их гнали:
Как дома-то у них поразорили,
И в Ярополч, и в Арзамас садились;
Вот к нам пришли и с нами заедино
Хотят идти отмстить за кровь свою.
Потом коломенцы пришли, рязанцы,
За ними ополчение из Украйны,
Казаки и стрельцы, что при Василье
В Москве сидели. И своих довольно.
Охотой шли, никак не остановишь!
И чудо, брат, откуда что бралось!
Так и плывет, так и плывет богатство;
Со всех сторон казна, лишь принимай!
Кузьма кормы и жалованье ратным
Сам раздавал. И, Божьей благодатью,
Так и спорилось всё в его руках.
Другие нищие пришли, босые,
Без одежки; посмотри теперь!
Разбогатели, раскормились живо,
Все молодцами смотрят, — загляденье!
Поверишь ли, коня сегодня купит,
Дня через три его и не узнаешь;
Хозяин не узнает, хоть божись,
Так раздобрееет. Смотрим да дивимся.
Уж истинно, что Бог избрал Кузьму!
Умен и счастлив, да при всем при этом
Благословенье Божье помогает.

⁵ Из ворот выходит Марфа Борисовна ~ Поспелов. /
Из Кремля выходит Марфа Борисовна, Поспелов.¹

^{10—12} Москву увидишь ~ Отправляйся с Богом! /
Ну вот ты и идешь, А <лексей> М <ихайлыч>!
Дай Бог тебе счастливого пути!

²¹ После: заглянуть украдкой! —
Как по ночам глядел с горы кремлевской
Через овраг на твой высокий терем.
Бывало воску ярого свеча,
Как звездочка, чуть брезжится в окошке, —
И знаю я, что на молитве строгой
Перед иконами ты молишься всю ночь.

²⁷ время даром протянула / даром время протянула

²⁸ Как провела меня — и обманула! /
1) Тянула, обманула!² 2) ◇

¹⁰ Перед: благословеньем. — святым

¹³ Подходит Татьяна Юрьевна. / Татьяна Юрьев-
на подходит к М <арфе> Б <орисовне>.³

¹⁷ После: только до Оки — [проводит]

^{22—31} Только бы взглянуть ~ стану навещать. /
[Хочется] Только бы⁴ взглянуть
Теперь на Божьих воинов. Из дома
[Как войско пронеслось на избавленье
Родной земли. Молитву прошептать]
Сегодня вышла я в последний раз.
Вот постою с народом и глазами
Своими посмотрю, <1 нрзб.> сила
Пойдет на Русь святую избавленье
И в монастырь, не заходя домой.

Татьяна Юрьевна

[Зайду к тебе] Без мужа скучно, стану заходить
И навещать тебя [в монас <тыре>]. Прощай, покуда!

³⁵ Выходят князь Пожарский ~ войско. / Выходят По-
жарский, Минин, головы, и сотники, и войско.⁵

⁹ Рemarkи: (Подаёт хлеб-соль.) — нет.

¹³ Перед: Челом вам бьём — [С поклоном вам подносим]

¹⁴ Пожарский принимает хлеб-соль и / Пожарский берет

¹ Рemarkа вписана на полях.

² Вариант вписан на полях.

³ Рemarkа вписана на полях.

⁴ Слова: Только бы — вписаны над строкой.

⁵ Рemarkа вписана на полях.

²⁸ После: И проводили — честью.

³² И во вся роды, в будущие веки /
К навечной похвале нам учинится,
И во вся роды, в будущие веки,
[Воспоминания об нас]

С. 126—127

^{37—4} Войско трогается. ~ юродивый вооружённый. /
Выбегает Гриша с копьем в руках.

С. 127 ^{8—9} Трубы, колокольный звон ~ через сцену. / Войско трогается. Трубы, колокольный звон.

Варианты белого автографа (БА), театральной писарской копии (ТПК), журнала «Современник» (Совр.)

Список действующих лиц I действия (БА)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

(25 августа 1611 года)

Лица

Козьма Захарыч Минин, Сухорук, земский староста Нижнего посада.
Иван Иванович Биркин, стряпчий, присланный в Нижний Ляпуновым для совету.

Василий Семенов, дьяк.

Алексей Михайлович [Пригожев] [Пригожий] Поспелов, боярский сын.

Петр Аксенов, старик, богатый торговый человек.

Баим Колзаков, стрелецкий голова.¹

Роман Пахомов, боярский сын } гонцы из Москвы.
Родион Мосеев, посадский }

Василий Лыткин (лет пятидесяти) }
Павел Темкин (лет тридцати пяти) } торговые люди.
Семен Губанин (около двадцати) }

Гриша, юродивый мальчик.

Павлик (писчик), писарь Биркина.

Марфа Борисовна, богатая вдова.

Всякие люди нижегородские обоего пола.

С. 9 ²³ Слов: Михайло Салтыков да вор Андронов — нет.
(Совр.)

³⁴ После: Как терпит праведный Господь злодеям! —
[За грехи за наши святой
Владыко муку принимает] (БА)

¹ Слова: Баим Колзаков, стрелецкий голова. — вписаны на полях.

- 36 *После: всем беда! —*
 [Вот до чего привел Господь дожить, —
 Изменники да ляхи государство
 В конечную погибель привели] (БА)
- С. 10 12—13 Не радует ничто. ~ Печалится один за всех. /
 [Не радует ничто. Какое сердце <нрзб.>. О земском деле
 Печалится один за всех]
 Не радует ничто. О земском деле
 Печалится один за всех.¹ (БА)
- 23 *После: В народе крепость! —*
 [А по вечерам
 Сбираемся к [тому] нему² или другому,
 [Постарше кто] К кому постарше³, да и ведем беседу.
 Кто слушает да плачет в уголку,
 Кто говорит, да что-то мало слышно
 Чужих. Зачем? Все больше он один.
 Мы слушаем, да так и не ушел бы]
 Вот какова его беседа! (БА)
- С. 11 27 что православным тесно /
 [Как лев, зияет, бесом вооружаем⁴] что православным
 тесно [жить на свете] (БА)
- С. 12 8 Из-под Москвы? / [От] Из-под Москвы? (БА)
- 26 *Перед: Хорошо ли —* [Ну, как по<торговал>] (БА)
- С. 15 7 А сын Жигмонтов, Владислав-царевич /
 Жигмонтов сын, царевич Владислав (БА)
- С. 17 9 Нет, надо быть / Нет, надо [полагать] быть (БА)
- С. 18 7 Его ж убили, он же виноват! /
 [Сам виноват] Его ж убили, он же виноват!⁵ (БА)
- С. 23 6 *Перед: Надеяться на Бога —*
 [Я сам, друзья, не знаю.
 Одно теперь: надеяться на Бога
 Да ждать со страхом и молитвой часу,
 Когда, по Божьему веленью, грянет
 Небесный гром над вражьими полками] (БА)
- 26 А на него-то наша вся надежда /
 [Одна надежда нам на Ермогена]
 А на него-то наша вся надежда (БА)

¹ Стихи: Не радует ~ за всех. — вписаны на полях.

² Слово вписано над строкой.

³ Слова: К кому постарше — вписаны над строкой.

⁴ Слова: Как лев ~ вооружаем — вписаны над строкой и зачёркнуты в ходе дальнейшей работы.

⁵ Стих вписан на полях.

С. 23—24 ^{38—2} Не обессудьте, что ~ потолкуем, Пётр Аксёныч! /
 Пойдем-ка потолкуем, Петр Аксеныч! (БА);
 Не обессудьте, что сказал вам мало
 Хорошего. Не я тому виною.
 Что слышал, то и вам передаю.

Акс<енов>

Вот правда, что беда одна не ходит,
 А за бедой валит беда другая,
 Оглядываться только поспевай.

Минин

Друзья, молитесь о душе Прокопа
 Петровича. Он мученик за нас
 Новопреставленный, теперь он близок
 Престолу Божию. Завидна доля
 Многострадальная, того, кто душу
 Свою за други за своя положит. (ТПК)

С. 24 ⁴ Минин и Аксёнов всходят на мостки / входят на мостки
 (БА, ТПК, Совр.)

^{11—13} Нам на Волге жить ~ На Яик идти /
 Нам на Волге [быть] жить,
 Все ворами слыть.

[Нам идти] На Яик идти (БА)

С. 25 ² Какой я воин, братец! Срам! /

Какой я воин! Братец, срам! (БА)

С. 29 ¹² приголубит / приласкает (БА)

С. 32 ²⁶ Ремарки: (Кланяется.) — нет. (БА)

²⁷ Ремарки: Все кланяются. — нет. (БА)

С. 36 ^{20—21} Слов: Вождя, печальника ~ другого? — нет. (БА, ТПК)

^{24—28} Молиться надо! ~ Он переносит тягостную кару. /

Читаем мы в бытописаньях старых,
 Что в годы тяжкие народных бедствий
 Бог воздвигал вождей и из народа.
 И вождь, избранник, выводил народ
 Из плена и из рабства и на степень
 Высокую, врагам на зависть ставил
 Не за свои грехи, а за чужие.
 Молодший, угнетенный люд страдает
 И переносит муку без конца. (ТПК)

С. 37 ² Возможно ли, что / Возможно ль, что (Совр.)

С. 44 ² Ступай-ко в кухню / Ступай-ко в избу (ТПК)

- С. 50 20 *После: Не ведаю, за что напасть такая! —*
 [а нам без них и начинать нельзя] (БА)
- 21—24 *Фрагмента: Когда уж власти ~ забывая. — нет. (ТПК)*
- 28—31 Самих себя сначала ~ молиться /
 [Самих себя¹ сначала приготовить
 Должны мы: помыслы² постом очистить души,]
 [Молитвой речь и разум укрепить
 И призовем на помощь Бога. Сил...]
 Самих себя сначала приготовить
 Должны мы: помыслы постом очистить,
 [Молитвой речь и разум укрепить]
 Говеньем волю утвердить на подвиг
 И скорому помощнику молиться³ (БА);
 Теперь одно: будить уснувших братий
 И божьим словом зажигать сердца.
 А для того, чтоб нам народ поверил,
 Самих себя сначала приготовить
 Должны мы; помыслы постом очистить,
 Говеньем волю утвердить на подвиг
 И скорому помощнику молиться (ТПК)
- 34—35 *Фразы: Тогда пойдём будить ~ сердца. — нет. (ТПК)*
- С. 51 3 Не всем под силу / Не всем [доступна] под силу (БА)
 12 тогда покинь / тогда [бросай] покинь⁴ (БА)
- 16—19 Тогда пошлём по дальним ~ Польются в души /
 [Мы кликнем клич] Тогда пошлем по дальним городам;
 А по окольным разойдемся сами
 [И будем ждать, пока] И наших уст смиренные глаголы
 Польются в души⁵ (БА)
- С. 55 26 от суеты мирской / от суеты житейской (БА)
- С. 58 18 Пойти к Москве / Пойдти к Москве (Совр.)
 33 моего холопа / моего гонца (БА)
- С. 68 18 Ну, умирай! / Умирай! (БА)
- С. 73 13 Большая богатая изба / Большая изба (БА)
- С. 81 35 казаков своевольных в город /
 казаков в город да стрельцов (БА)
- С. 87 20 на паперти у собора / на паперти и у собора (БА)
- С. 89 6 как на ладонке / как на ладони (БА)

¹ Далее: [мы прежд<е>]

² Далее: [молитвой и]

³ Фрагмент: Самих себя ~ молиться — вписан на полях.

⁴ Слово вписано над строкой.

⁵ Слова: И наших уст ~ польются в души — вписаны над строкой.

- С. 94 ²⁹ над равными тебе / над равными [тебе] людьми (БА)
 С. 96 ³¹ После: Нет, уйдёшь! —
- Лыткин
- Так как же быть?
- Темкин
- С. 97 ²² Подумай хорошенько! (БА)
 ²² Развязывай кошель-то /
 Развязывай [мошну, давай считать] кошель-то (БА)
 ²³ После: считают деньги. —
 [Две части отдают Лыткину] (БА)
 ²⁶ Перед: А третью часть — [Вот] (БА)
- С. 100 ^{23—30} Слов: Ты мне теперь ~ будешь же женою. — нет. (ТПК)
 С. 108 ²⁷ подбирает / поднялся (БА)
 С. 113 ^{32—35} Да не отдамся весь ~ (Решительно.) /
- Да не легко предамся
 В чужую волю скорыми речами!¹
 Они придут! (БА)
- С. 115 ²² Ремарки: (Кланяется.) — нет. (БА)
 С. 116 ²⁸ Ремарки: (Кланяется.) — нет. (БА)
 С. 119 ⁴ Фразы: Довольно слёз ~ твёрдость! — нет. (БА)
 С. 120 ^{2—3} Реплики Поспелова: Идут ~ припасом. — нет. (Совр.)
 С. 126 ³⁷ Ремарки: Войско трогается. — нет. (БА)
 С. 127 ⁴ Слова: вооружённый — нет. (БА)
 ^{8—9} Слов: отряд за отрядом, из Кремля проходит через
 сцену — нет. (БА)

¹ Слова: Да не легко ~ речами! — вписаны на полях.

ВОЕВОДА
(СОН НА ВОЛГЕ)
<Первая редакция>

Первоначальный план пьесы (РГБ)

[Акт 1-й

Сад. Дочери. Комната в доме боярина. (Скоморохи).

Акт 2-й

Палаты Воеводы. Ворожба. Охота. Шут. Сцена молчания при матери. Женщина. Приказ ей. (Разбойники [и шут]).

Акт 3-й

Терем: сцена с вдовой. Сцена с служанкой, опять с вдовой. [Сад] — Сон.

Акт 4-й

Изба — во сне разные виды — поют лодку.

Акт 5-й

Двор. переходы]

Первоначальный список действующих лиц пролога (РГБ)

Нечай Григорьевич Шалыгин, воевода.

Облезлов, подьячий, товарищ воеводы.

Семен Бастрюков, [стольник] вотчинник и помещик¹.

Степан Бастрюков, [дворянин] его сын.

Неустройко, ключник воеводы.

Бессудный, шут воеводы.

Неждан, земский староста.

Роман Дубровин, беглый посадский.

Влас Дюжой, богатый посадский.

Настасья, жена его.

[посадские] [Неждан]

Смирной }
Дружина } *посадские из лучших людей.*

Несмеянов, старик.

[Дураков<?>] Брусенин }
Цапля }
Тыра } *посадские из средних людей.*

Баим, стрелецкий сотник.

Гришка Жилка, отставной подьячий.

Бирюч.

¹ Над строкой вписано: богатый дворянин, бывший губной староста

*Первоначальный список действующих лиц
1-й сцены II действия (РГБ)*

Сцена I-ая

Лица

Воевода.
[Дворецк<ий>] Неустройко.
[Жена Вл<аса>] Настасья.
Мар<ья> Вл<асьевна>.
Вдова Ульяна.
Мизгирь, [ворожея] колдун.
Олена, жена Дубровина.
Гришка Жилка.
Шут.
Прислуга и стража.
Женщины и девки.

*Первоначальный список действующих лиц
2-й сцены II действия (РГБ)*

Сцена II-ая

Лица

Дубровин.
Бастрюков Степан.
Резвый.
Пустынник.
[Разб<ойники>]
[Нищие и убогие]
Щербак. Ясаул.
Бурый
Заяц
Вотря
Калга
Ерголь
} *разбойники.*
[Двор<ецкий>] Неустройко.
Свита воеводы.
Прохожие.
Нищие и [б]убогие. Крестьянин.

Первоначальный список действующих лиц III действия (РГБ)

Действие III-е

Лица

Марья Власьевна.
Вдова [Ульяница] Ульяна.
[Нянька] Недвига.
Олена.
Домовой.
Девушки.

Первоначальный список действующих лиц IV действия (РГБ)

Действие IV-е

Лица

Воевода.
[Ключник] Неустройко.
Старуха [хозяйка] крестьянка, хозяйка постоянного двора.
Иван, ее сын.
Гаврило } бортники из Нижнего.
Клим }
Сидор, лесной промышленник из Унжи.
Курчай }
Кулик } целовальники с казенной рыбой и солью.
Слуги Воеводы.

Сон воеводы

Лица

Большой боярин, старик.
Семен Бастр<юков>.
Думный дворянин } из приказа Костромской четверти.
Дьяк }
Несытов } дворяне.
Поджарый }
Дворяне и разные дворцовые чины.

Действие V-е

Лица

Воевода.
Бастрюков Семен.
Бастрюков Степан.
Облезлов.
Поджарый, *новый воевода*.
Дубровин.
Шут.
Марья Власьевна.
Ульяна.
Олена.
Сторож.
Слуги воеводы.
Стрельцы.
Народ.

Варианты чернового автографа

С. 131 ³⁻⁷ По великого государя наказу ~ приводили к воеводе. / [Ведомо вам буди] По великого государя наказу, ведомо вам буди, чтобы вы, [городские] посадские и уездных всяких чинов люди и соцкие, и пятидесяцкие, и десяцкие, разбойников, и татей, и смертных убойцев, и ведунов, и всяких воровских людей у себя не таили и не держали и, имая их, приводили к [губным старостам и] воеводе.

⁷ После: А буде ж вы — [градские]
Между 18 и 19 [Голоса]

Старая погудка на новый лад. — Слышали мы эту песню не один раз! — Эки новинки рассказывает. — Мы думали свежи, ан все те же!

Староста Неждан

На посаде татей и разбойников и смертных убойцев нет и разбойничья приезду никто не держит и разбойной рухляди никому не привозят, а¹ по-нуждают <?> лихие люди из уезда (да по пустошам собравшись станами стоят). Там бирючами бы и кликали.

Смирной

Да что проку кликать-то! Надоть ловить, а не кликать! На уезде по селам да по деревням разбойники грабят и разбивают денно и ночью и по пу-

¹ Далее: [ведут разбой]

стошам собрались станами стоять, тут кличем не возьмешь, а надоть их имать, да и всё тут.

Дружина

А кому имать? Стрельцов и всяких служилых людей мало. Губной стар<оста> за ранами больше лежит, а встанет, так чуть ноги волочит. Воеводе в городе да на посаде делать нечего, вот они и кличут, будто что делают.

Неждан

Так воевода б и сыскивал, он во все дела приметывается.

Дружина

Сыскивать! Он и сыскал их-то, кое-кого пораспустил за поминки. Поминков имеет по сту рублей и больше.

Смир<ной>

Нет, он сыщик. Он сыскивает¹. Только что сыскивает-то?

Друж<ина>

Девок да жёнок на посаде сыскивает, вот какой он сыщик.

Нежд<ан>

В том бы еще беды не очень много. То не беда, что во ржи лебеда, а вот беда, что он посадских <нрзб.> и мучит напрасно.

Смир<ной>

И я про то ж. Ты говоришь, воевода не сыскивает, а я говорю, сыскивает, по нашим клетям да по чуланам добро наше сыскивает, на это его будет <?>.

Нежд<ан>

Привяжется, так без сыску сам отдашь, только отпусти душу на покаянье. Терпежу не стало. Чему ни быть, а надоть царю челобитье писать.

Друж<ина>

Храни Господи всякого²: от него никто не спасет. Сам научает тюремных сидельцев наговаривать всякое воровство на лучших людей, для своей бездельной корысти.

Нежд<ан>

В добрый час молвить, в худой промолчать. Ты ничего и не ведаешь, а он стакався с ворами с подговорщиками, берет тебя без поличного и пытает без царского указу; мучит и ломает и огнем жжет по язычной молке.

Смир<ной>

Да с пыток поминки берет и на выкуп выпускает. Бьет и продает напрасно.

¹ Далее: [без дела не сидит]

² Было: От него храни, Господи, всякого

Нежд<ан>

Сколько хошь терпи, ан лучше не будет; и то два года терпели. Надоть писать челобитье.

Друж<ина>

Давно уж я слышу от тебя, что надоть, давно вы с земским старостой собираетесь, а всё не пишешь.

Смир<ной>

Москва дорого стоит. Московская волокита дойма.

Нежд<ан>

Уж ау, брат! Началась драка, так не жaley волос. Разверстаем. Во что б ни стало, только б избыть его.

Друж<ина>

Пойдем в земскую избу, потолкуем всем миром. Надоть будет голов — позовем и целовальников, он всех своим приметыванием избидел, да обратъ выборных, с кем челобитье послать.

Смир<ной>

А напишет земский дьячок, он писывал, знает, как.

(Уходят на посад; отворяются воеводские ворота, выходят ключник Неустройко с палкой и слуги с метлами.)

²⁵ Земский староста / [Неждан]

³¹ Коль не ловить. По сёлам, по деревням /
[Ловить бы их. По большим дорогам]

С. 133 ⁹ Староста / [Друж<ина>]

¹² Уж только бы избыть его от нас /
[Избыть бы как его от нас]

С. 134 ⁹ *Перед: слуги и народ.* — [посадские]

С. 138 ⁸ Я сдуру-то сболтни ему неладно /
1) А я-то сдуру и сболтни неладно; 2) ◇

¹⁶ Как вскочит он, затрёсся / [Ну что ж? Вскочил]

С. 139 ¹⁶ воевода, Облезлов, несколько дворян / воевода,
[товарищи Воеводы, дьяк] Облезлов, Баим, не-
сколько дворян

¹⁹ Воевода, Облезлов, Баим ~ стрельцы / Воевода,
[Дьяк,] Облезлов, Баим, дворяне, дети боярские,
[сотник,] стрельцы

²² (Облезлову) / [(Дьяку)] (Облезлову)

³⁴ (Баиму.) / [(сотнику)] (Баиму.)

С. 140 ⁶ Сотник возвращается / [(Возвр<ащается> сотник)]
²² (Облезлову.) / (Дьяку.)

³¹ И бьёт челом / [Я] И бь[ю]ет челом

- С. 141 12 И на посад / И [по домам] на посад
 33 Унять давно пора / Давно унять пора¹
 34—36 На шею сел ~ Не жить в одной берлоге. /
 [Пораспустил людишек]
 [Вот где сидит он мне] Плутам заступник,
 Оберегатель земской. Двум медведям
 Не жить в одной берлоге.
- С. 142 11 А крест на нём / [Есть] А крест на нем
 12 Навряд ли уж. / [Ну уж] навряд ли уж.
- С. 143 10 *(Кивает головой Баиму.) /*
 1) *(Качает головой.); 2) (Качает головой Баиму.)*
 21 *Баим / [сотник] Баим*
- С. 144 5 сыскать / [найти] сыскать
 9 После: А как всполох ударим — [Отступишься]
 19 Баим / [Сотн<ик>] Баим
 30 *Баим / [сотник] Баим*
 36 Перед: Вы, смерды, прочь! — С дороги
- С. 145 9 Уймёшься ты аль нет? / Уймёшься [ль] ты аль нет?
- С. 146 7 **ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ** / Явление VI
 17 Тех жён обеих / [Он жен-то так]
- С. 147 2 За что ж его / За что ж[е ты] его
 9 Так покажи других! / 1) Ну укажи других; 2) ◇
- С. 148 3 убил / [зарезал]
 7 Связать недолго / Связать [меня] недолго
 17 полно ты / [чёрт с тобой]
- С. 149 15 да на дом / [взял] на дом
- С. 150 3 ты / [брат] ты
 13 *Выходят из собора ~ Бастрюковы / Выходят: воевода,*
 Облезлов, Бастрюков Семен, Бастрюков Степан
 16 **ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ** / Явление VII
 21 *Перед: Два раза — [Друзья мои, плохое дело старость!]*
 26 *Перед: а говорят — Приказ даешь²*
- С. 151 13 умнее всех / умнее [нас] всех
 17 Что смыслим / [Как] Что смыслим
- С. 152 13 А вас / А [к вам] вас
 14 а только друг за друга / [от старых³ до меньшого]
 16 Умён ответ и скор / Ответ умен и скор⁴

¹ *Сверху цифрами указан новый, окончательный порядок слов.*

² *Вариант остался незачёркнутым.*

³ *Было: [старших]*

⁴ *Сверху цифрами указан новый, окончательный порядок слов.*

- С. 153 ⁵ ты царь / [что] ты царь
³⁰ *Ремарки: (Бросается на воеводу.) — нет.*
- С. 154 ¹⁶ **ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ** / Явление VIII
³⁵ Староста / [Неждан]¹ Староста
- С. 155 ²² Ко мне во двор / [А мы пошлем]
- С. 156 ^{16—18} *Густой сад. ~ виден берег Волги. / 1) Сад. Терем, баня, тын, за которым берег Волги; 2) Густой сад. Налево терем с выходом и крыльцом, направо баня, в глубине стоячий тын, из которого несколько надолб вынуто; [за <нрзб.> виден] за тыном [берег и Волга начинает виднеться], когда [тын] он разобран, виден берег Волги.*
²⁰ *Резвый, Степан Бастрюков в кустах / [Теренька] Резвый, Степан² Сем<еныч> Бастрюков (в кустах)*
²³ Степан Семёныч / [Борис Петрович]
²⁴ В саду души не видно. /
 1) Не видно ни души; 2) Живой души не видно; 3) ◇
- С. 156—157 ^{36—15} Кубас, Шишига ~ Услужили! /
 Кубас, Шишига [заберете тын,
 Ложитесь в лодку, чем-нибудь покройтесь
 Да не дремать. По свисту поднимайся:
 Один у лазу, а другой за весла³.
 Бастр<юков>
 Да живо!
- Кубас
- Только свистни, а мы смыслим,
 Перед тобой, как лист перед травой.]
- Баст<рюков>
- Спасибо вам, ребята! Услужили⁴.
- С. 157 ^{18—19} Аль ты нас ~ голодно живём? /
 [Служить-то больно весело тебе]
^{29—33} Бастрюков ~ Не в чернецы ж иди! /
 1) [Бор<ис>] Ст<епан> Баст<рюков>
 Потóль и тешиться, покуда живы.
 Ведь одна́ живем на свете [только].
 Не в черенцы ж иди [в мой-то лета]!
 2) ◇

¹ *Здесь и далее перед:* Староста — [Неждан]

² *Было:* [Борис]. *Далее в ремарках имя:* Борис — *исправлено на:* Степан.

³ *Было:* Один [сюда, другой садись за весла]

⁴ *Было:* Спасибо [Резвый! Сослужил мне службу]

как на [веселье,

На званный пир] потеху

9—10 Там что ~ покуда / [Когда что будет, а теперь]

16 Коль мы / Кол[и]ь мы

17 полны сени / пол[о]ны [двор] [клет]и сени

19—20 за тридевять замками ~ мы достанем /

[за тридевять земель,

За тридесять морей, и то достанем]

22 игол вынимали / [надолб повалили]

26 тройкой поезжай / [в колымаге въеду]

С. 159 15—18 Марья Власьева ~ стынет кровь.¹ /[2-ая²

Все в терему! Нам в терему-то скучно!]

19—23 не манит лето ~ орешенье назрело /

[весна] не манит

На волю [вольную], на шелковы луга,

В [зеленый сад] тенистый бор, где белым днем потемки,

В зеленый сад, где [маков] алый цвет,

Где вишенья, орешенье [попело] назрело

27 Недвига / [Стар<уха>] Недвига

29 Сенные девушки / Дев<ушки>

31 Купавшись / Купавшись

С. 160 5 Ты, Марья Власьева / Ты, [Анна] Марья Власьева

12—13 оборони Создатель ~ долго ль до греха! /

[в саду свободно ходит.

Ведь долго ль до греха]

21 его не к месту / 1) не надо было; 2) его не надо; 3) ∅

23 Перед: И на помине-то — [А] [Он]

23 легок бывает / легок [живет] бывает

30—31 Прасковья Власьева ~ Надоели. /

[1-ая³

Ну, что за величанье!] Надоели.

С. 161 35 Боярыней живи да величайся /

Живи [себе] да величайся [барством]

С. 162 2 А нет — лежи / Нет [так] лежи

3 Перед: Да вот сама увидишь — [Ты только посмотри]

5 Работы нет, заботы не бывало! /

[Заботы нет, работы никакой]

¹ Фрагмент: Нам в терему ~ стынет кровь. — вписан на полях л. 10 со знаком вставки.² Здесь и далее: 2-ая — исправлено на: М<арья> В<ласьева>.³ Здесь и далее: 1-ая — исправлено на: Прасковья > Власьева >.

- 7 Кроят, и шьют / Шьют и кроют¹
 15 *После:* разговор! — [Ну слушайте, да только не мешайте.]
 31—32 Ну, долго ль ~ На деле-то не вдруг. /
 [Вот] Ну, долго ль, коротко ли, в сказке скоро,
 А в деле-то не вдруг.
- С. 163 12 *Перед:* Досказывать — [Тебе бы только спорить!]
 28 А дальше? / [Ну,] а дальше [что]?
 35 как было /
- [не смея
 И слова утаить, все как что было]
- После* 37 [Пр<асковья> В<ласьевна>
 Скорей возмись. Поставим сторожей.
 Ну где ей услыхать?]
- С. 164 7—9 Всё взаперти ~ на уме живое. /
 [Людей не видим, погулять нет воли²,
 Помиловаться не с кем, так хоть сказкой
 Отводим душу. Горькое житье!]
- 9 *После:* А у живого на уме живое. —
 Придет пора, — из головы не выбьешь
 Запретной думки. Тоже жаль и вас.
 Да что же делать! Ну пойдём хоть сказкой
 Потешим душу. Горькое житье!
- 17 Помани / Помани [попробуй]
 25 *Бастрюков выступает* / [Борис] *Бастрюков вы-
 ходит.*
- 29—30 Вот диво-то! ~ Как занесло? /
 [Ты как попал? Откуда занесло?]
 [Откуда, парень, занесло тебя?]
- 34 вести переговоры / переговоры вести
- С. 165 5 Ты, парень, ловок. / 1) Какой ты ловкий! 2) Ты ловок,
 парень.
 10 тишком / [спознаться да бежать] тишком
 13 за старика / за [старым] старик[ом]а
 15—26 Свистнуть, что ли? ~ За что тебя любить-то? /
 [Только] свистнуть,
 Там [у меня] готово, люди в лодке, только
 Сесть да поехать.

¹ Сверху указан новый, окончательный порядок слов.

² Над строкой: Все взаперти: [живых] чужих людей не видим

- М<арья> В<ласьевна>
 Как же, дожидайся,
 Так и пойду! [Нет, не на ту напал]
 Ты поглупей ищи.
- Бор<ис>
 [Так] Ты вот как, Маша,
 Я не люб, что ль?¹
- М<арья> В<ласьевна>
 [Да как] За что тебя любить-то?
- 29 *Перед:* О святках, помнишь — [Ты что сказал]
 31 мне баял / [сказал]
 33 *После:* весна-красна настала —
 [Ты сколько просидел ночей коротких]²
- С. 166 4—5 Ты не купецкой ~ Бастрюковых роду. /
 Ты не купецкий, а боярский сын
 [Борис] Степан Семеныч [Тем] Бастрюковых роду.
 14 женится честь честью / [честным венцом покроет]
 15 во дворе-то / [полон двор]
 17 *После:* Нет, зачем же? — [Уж лучше]
 21 Так батюшке скажу, поправят завтра /
 Так [завтра] батюшке скажу, поправят завтра
 28—29 нельзя и носу
 К вам показать /
 [к вам и носу
 Казать нельзя]
- С. 167 36 *Перед:* Своей охотой — [Ну нет]
 13—14 Пройди весь свет ~ ордам немирным /
 [Пройдешь весь свет, а не найдешь другого,
 Чтоб так любил, как я тебя люблю]
 16—18 любил, как я. ~ Булатный нож? /
 [любить умел, как я умею] и любил! Да вот что,
 Маша, [видишь]
 По-нашему любить, [так уж любить!] так вот как:
 видишь³
- Булатный нож?
- 31 *Перед:* Да лжешь ли — [Мне слушать хорошо]

¹ Было: [Давно ли] Маша,
 Я не люб стал?

² На полях вписано: [Где купцу взять столько денег, сколько ты мамкам переплатил <?>, сидя на дереве у моего окна]

³ Строка вписана на полях л. 13 об. со знаком вставки.

*Шут. Пот<ом> Воевода, Влас и Настасья и девки
[несут жбаны и чаны и ковр<иги>. Уходят.*

Шут

Наша взяла. Цел-целехонек! Пронесло тучу грозную. Не сберись он к невесте, долго бы мне кругом двора ходить. Сунешься в ворота-то, да и назад, словно тебя обожжет кто. Уж и так-то я язык налаживал, и этак-то, как повиниться, а все¹ зубы стучат, душа в пятки просится. Эх злющий! Змей Горыныч! Вижу, к невесте поехал, я за ним переулками да по над заборами. Знаю, что у невесты ласков бывает, не прибьет. Только что он расселся, а я бух в ноги: дяденька, прости! Воевода здесь! У невесты-то он авось смиреннее. Ух! Чудовище! Змей Горыныч!]

С. 169 ^{6—12} Шут ~ как бы не заплакать! /

Шут

(падает [в ноги] на колени)

Дяденька, прости! Вперед не буду.

Воевода

(толкает ногой)

Вставай! [Не бойся!] С одного вола
Двух шкур сымать не стану. Только помни,
Шути с оглядкой, как бы не заплакать.

¹⁵ А то накладно, дядя / Нет, сила не равна

²⁶ Не подобает нам / Не подобает [мне] нам

²⁹ *Перед:* Нам, тёмным людям — [Холопье дело]

С. 170 ⁵ *Перед:* Бог обидел — [осударь]

¹² *Перед:* Хитрое ли дело — [Знаю, ты горазд]

¹⁴ С боярами да с думными дьяками! /

С боярами [с дворянами], с дьяками!

¹⁷ *(потчует мёдом)* / *(потчует)*²

²³ и подноси по ряду /

[а мы уж за тобой] [да и давай по ряду]

²⁴ Влас / Влас [*(пьет)*]

³¹ Воевода / Воевода [*(пьет)*]

С. 171 ⁵ *(берёт чару)* / *(берет чарку)*

^{7—8} да не знаю ~ неладно выдет. /

[да боюсь,

Обмолвишься, не складно скажешь]

²⁷ Попотчевать послаще. Всё ж не ровня /

[Чего] Попотчевать послаще. Все ж[е] не [чета] ровня

¹ *Далее:* [страшно]

² *Над ремаркой:* *(потчует)* — *вписано:* берет у [слуг] девки

- С. 172 ³⁴ (*Отдаёт чару Настасье.*) / (*Отдает чарку Настасье.*)
⁵ *Перед:* Я не обсевок в поле — [А мне-то что ж]
⁶ обносишь / [не просишь] обносишь
¹⁸ Покланяйся / [Ты потчивай] Покланяйся
²⁰ Ты сам себя попотчуй, сколько влезет /
(под<ает> сулейки)
 [Уж] Ты сам себя попотчуй, [мне не жалко] сколько
 влезет
- С. 173 ¹² Ты, боярин / Ты [смотри], боярин
¹⁸ Да что ты! Что молчать! Я не чужая /
 1) Да что молчать! Я не чужая [ей], что ты!
 2) ◇
²⁴ *Перед:* хоть к обедне — [все без шапок]
³⁴ мне / [нам с тобой]
³⁷ *Перед:* С тобой начни — [Величайся]
 С. 174 ⁹ *Перед:* Эй! Ловите! — [Не уйдешь!]
¹³ *шут и Марья Власьевна / Шут, девки*
и Марья Власьевна
²⁰ бегу / [иду]
^{28—33} Какие очи! ~ кто возлелеял? /
 [Налюбоваться]
 Нельзя! Глядеть — не наглядеться! Чудо!
 Я много видел на своем веку,
 А красоты такой не только видеть,
 Ни написать, ни в сказке ни сказать
 Нельзя. Ты чудо божье! Сна мечтанье]
- С. 175 ^{2—3} Вы обманом ~ обошли меня /
 [Как вы смели,
 Холопы, смерды, обмануть меня]
⁵ *Перед:* Я знаю — [Кому же]
⁶ *Перед:* Ты мне ворог — [Для кого же]
¹⁰ выдавали / [отдаем]
^{13—18} Я Прасковью ~ Я вас озолочу. /
 1) Если хочешь¹,
 Чтоб я простил тебя, не заикайся
 О старшей.
 2) Врозь все дело!
 Я не дурак! Кто видел раз меньшую,
 Тот старшей не возьмет.²

¹ Над строкой вписано: Я Прасковью

И видеть не [хочу] желаю.

² Вариант вписан на полях л. 15 об. со знаком вставки.

3) Врозь все дело!
И Марью я не выпущу из рук,
Моя она, моя,
Отдайте мне ее! Ее отдайте!
Ее хочу, ее беру [женою]. Отдайте!
<нрзб.>

Лица румянец свежий
<нрзб.> Её. Её.
Я вас озолочу.¹

4) ∅

- 28 *После:* что делать с ней — [не знаю]
30 *Перед:* Настасья, слушай! — [Ребячий смысл]²
32 *Перед:* Противное — [Мне поперек]
37 Так рукобитье? / Так [по рукам] рукобитье?
С. 176 ² *Перед:* велишь — [мы хоть]
Между 8 и 9 [Не плачь, не на горе идешь, на радость]
15—20 Бастрюков ~ Ведь дело дрянь. /

Бастрюков
[Ну, Резвый, слышал?

Резвый
Слышал, все до слова.³

- Бастрюков
Бедая моя! Что делать?]
27 *Перед:* Лишь бы показала — [Только б]
32 Да сердце не утерпит. /
[Ну как не показаться,
Чай, сердце не утерпит]
34 *После:* словечко бросить. — [А все покажется]

С. 176—177

- 37—6 Ну, как теперь ~ (*Уходит.*) /
Ну как теперь? [Пойтить] Сказать ли [к] Воеводе,
Да изловить удалых молодцов?
Иль зло сорвать — продать его, собаку,
Да удалым робятам послужить⁴.
[Нет, лучше к дяде. За мою заслугу]
[А воевода за такую службу]

¹ Фрагмент: И Марью я не выпущу из рук ~ Я вас озолочу. — вписан на полях л. 15 об. со знаком вставки.

² Вариант вписан над строкой.

³ Было: Слышал, осударь.

⁴ Сверху цифрами указан новый, окончательный порядок слов в стихе.

Нет, лучше к дяде. Он за эту службу
Не пожалеет горсти серебра.

(Уходит.)

Бор<ис>

Душа горит, на части сердце рвется
Ретивое. Куда ты подевалась,
Моя удача, мой талант да счастье?
Аль приугасла, али закатилась,
Звезда моя несчастная? [Нет, Резвый,
Уж лучше вы меня похороните]¹

С. 177 9 Всю ночь прождать /
Всю ночь прожд[е]шь ать
26 После: и пропили меня. — [(Бросается к Борису.)]

С. 178 34 После: Чего со мной бояться? — (Нежно.)
1 Мы на руках тебя снесём до лодки /
[Я на руки тебя возьму, стой!]
Берись за шею, на руках снесу]
17 да руки не достанут / да руки [коротки] не достанут
28 Мне что сказать, мне чем тебя утешить? /
1) Что мне сказать, чем мне тебя утешить? 2) ◇

С. 179 34 Степан Семёныч / [Борис] Степан Семеныч
30 Его путём! Всю ночь ходить дозором! /
Из сада, да всю ночь ходить дозором!
33 Ко мне, в мой дом её перевезите /
1) Ко мне её, в мой дом перевезите; 2) ◇

С. 180 3 от беды / от греха
5 (Толкает, та понемногу подвигается.) / Толк<ает>.
18 Сени в доме Бастрюкова. / [Светлица] Сени в доме
[Темрюковых] Бастрюковых.

20 Бурый и Зоря (настраивает гусли). / Максим Бурый
и Иван Зоря (гусли настраивает).
22—36 Давно у нас старый барин ~ поклоном не отделаешься. /
1) А на́долго [старый боярин в Москву поехал]?
Бурый

А кто его знает? Челобитную повез на воеводу. Вести-
мо, [в Москве волочут долго] скоро не выпустят, да он
масла с собой повез.

Зоря

Зачем?

¹ На полях л. 16 помета, относящаяся к фрагменту: Душа горит ~ меня похороните] — В след<ующую> сцену.

Бурий

Подъячих смазывать.

2) ◇

С. 181 29 на всякий случай / про всякий случай
3—4 чтоб не забыли ~ и вас покормливаю. / [Знамо скоро
из Москвы не выпустят, доколе будут тягаться, чья
мошна перетянет]

14 Степан Семёныч / Борис Сем<еныч>

17 Да с кем он поехал? / Да он с кем поехал?

21 рыщут / свищут

25 робята / ребята

30 Бастрюков / [Борис] Бастрюков

31 (садится) / (садится к столу)

С. 182 3 Степан Семёныч / [Борис Петрович] Степан Семеныч

4 своё сердечко / сердечко

5 повеселее / [полегче]

7—8 На роду ~ написано /

[Али] на роду

Мне писано

9—12 Ветру не развеять ~ песком засыпьте! /

1) Ройте мне могилу,
Дубовую колоду [пр]изготовьте,
Желтым песком засыпьте!

2) Ветру не развеять
Моей кручины. Да на тоску
Я полюбил тебя, мою голубку,
Чтоб ты не мне, а старому досталась
На посмеянье.

Где <нрзб.>¹

3) ◇

19—21 Слуги ~ и тешил /

1) [Эй челядь!]

Я вас кормлю, и жалую, и тешу

2) ◇

23—25 Хоть в жизни раз ~ Мне Марью Власьевну! /

1) Теперь меня потешьте: доставайте
Мне Марью Власьевну!

2) Хоть в жизни раз и вы меня потешьте!
Я в ноги [поклонюсь] вам ударюсь <?>, доставайте
Мне Марью Власьевну!

¹ Фрагмент: Да на тоску ~ Где <нрзб.> — вписан на полях л. 17 об. и в ходе дальнейшей работы зачёркнут.

- 29 Вели, Степан Семёныч /
 Вели, [Борис Петрович] Степан Семеныч
 32 *Перед:* Молви. — [Говорить] [говори]
 35 *Перед:* Головы —
 [Здесь во дворе]
 [Сказать допреж <?>, у нас Роман Дубровин
 Хоронится]
- С. 183 4—9 А ну, как вдруг нагрянут ~ За ваше воровство! /
 1) Чья голова в ответе
 За ваше воровство? Моя, не ваша.
 2) А ну как вдруг нагрянут
 [Губные старосты и <нрзб.>]
 Да вора возьмут на моем дворе.
 В ответе я. По грамоте царевой
 И головой и животом ответчу,
 Поместья отберут на Государя
 За ваше воровство
- 11 Степан Семёныч / [Борис Петрович] Степан Семеныч
 12 Тем и провинился / Тем провинился
 16 томил / [держал]
 18 в тюрьму его хозяйку вкинул / [хозяйку взял его в острог]
 21 В бегах был с год Дубровин, вот вернулся /
 1) Дубровин бегал год, потом вернулся; 2) ♦
 23 с женою / [с хозяйкой]
 31 Да боится / Побойтся
- 34—36 А взыщутся ~ слыхом не слыхали. /
 [Начнут искать, так мы тогда спровадим.
 Веселый был, теперь убило горе]
- С. 184 6—9 Да ты найдёшь? ~ Авось найду. /
 [Стрелой лети! Ты знаешь?
 Кубас
 Ну как не знать! На сеннице пошарю,
 Авось найду]
- 15 Что слово скажет / 1) Что скажет слово; 2) ♦
 18 коли беду мою / коли беду [поможет] мою
 19 Печаль-тоску / [Мою] печаль-тоску
 24 *Входит Дубровин.* / *Вход<ят> Дубр<овин> и Кубас.*
 34 Да пошто я тебе? / Да пошто я [пойду] тебе?
- С. 185 2 Пришёл потиху и уйду потиху /
 Пришел [тихонько] потиху и уйду [тихонько] потиху

29—30 Не ждал беды ~ довелось тужить. /
[Спознался, сталкивался я с девицей,
Красавицей. Гадал и дни и ночи
В своем веселом доме жить с хозяйкой
Поехали за ней¹.

Дубровин

Ну!

Бор<ис>

Опоздали]

[И не искал беды: беда сыскалась.
Не знал, как тужат, довелось тужить]

34 После: За девку —

[Насильно сговорили.

Дуб<ровин>

За кого?]

С. 186 ² Перед: Не купишь — [Какие?]

³ После: про Власа — [Добрынина] [Кунаева] [Каурова]
[Ковригина] [Пыляева]

6—12 Кто ж его ~ правда ль, нет ли? /

[Слыхали. Ну] Кто ж его не знает плута,
Лисицу старую.

[Борис] Бастр<юков>

А дочек видел?²

[Дуб<ровин>

Да у него их две³, одну сосватал
За воеводу, старшую, Прасковью]

16—17 с лица красива ~ статна /

собой статна,

С лица красива⁴

24—27 её-то и жалею ~ Чего ж жалеть-то? /

Ее-то мне и жалко.

Мы по любви сошлись да сталкивались,
[Чтоб ей бежать⁵ со мной. Женюсь ли, нет ли,

На совесть отдала. Да я б женился.

Любовь-то не пожар, а загорится,

Так не потушишь. Весело сходиться,

А расходиться каково!]

¹ Было: Поехал я

² Было: Я [дочку] дочек знаю.

³ Далее над строкой: [За воеводу

Просватали Прасковью, что постарше]

⁴ Сверху цифрами указан новый, окончательный порядок слов в стихах.

⁵ Было: Чтоб с ней бежать

- [Зачем же
Вам расходиться]
Чего ж жалеть-то?
- С. 187 10 Во двор берёт беречь / [К себе] во двор берет беречь
16 *После:* расставаться — [Мне все одно]
20 Не сложить же руки /
[Так надо постараться] Не сложить же руки
33 *После:* я пришёл недаром — [в город]
35 В займы жену / 1) Жену займы; 2) ◇
- С. 188 2 Давай уж вместе! / [Так мне уж к стати]
6 *Перед:* Как выживешь его? — [А как ты]
16 в Шестокрыл и в Рафли / 1) в рафли, в шестокрыл; 2) ◇
26 *После:* Я сам схожу. — [Я знаю, как сказать]
28 большака-то / [самого-то] большака-то
- С. 189 2 Вели-ко дать медку! / [Вели нам меду дать]
14 И в удалых молодцах? / И в молодцах?
22 Ни ты чернец, ни мне конец /
[Ты не] Ни ты чернец, [мне не] ни мне конец
31 *Перед:* служилых да подьячих — [помещиков]
- С. 190 2 *Перед:* Мне что — [Я для крестьян хорош, я не обидчик]
26—30 Уж и полно нам, робята ~ денег нету? /
Уж и что же вы, робята, приуныли,
Аль у вас, робята, денег нету,
Уж и полно нам, робята, чужо пиво пити,
Не пора ли нам, робята, свое затирати?
Солод молод на овине, а хмель на тычине.
- С. 191 15 *Светлица* / [Горница]
17 *Воевода и Неустройко ~ один слуга. / Воевода и [Двор<ецкий>] Неустройко¹ входят; [прислуга] за ними один слуга.*
23—24 Завесы к окнам ~ с кружевами! /
[Скамьи и лавки
Завесить! Гости будут]
- С. 192 6 *После:* Не красен дом, не весел — [без хозяйки]
13 *После:* Кланяйтесь, благодарите — [И слушайте наказ]
22 ему на милости боярской / [боярину] на милости [его]
- С. 193 5 *После:* За малую оплошку —
[бить нещадно
Велю батожьями]

¹ Здесь и далее: Двор<ецкий> — исправлено на: Неустройко.

- С. 194 ²⁴ *Перед:* Меня ты хочешь — [Кого-нибудь]
²⁵ *Перед:* Глядишь на нас — [Ты мне грозишь]
³³ Чего ж тебе? / 1) Чего тебе еще? 2) ◇
- С. 194 ^{3—4} Много ль места ~ оставил? /
 [Где приклонить
 Головушку могла]
¹⁵ Да грех велик / [Кабы не грех]
²² Боярин, Мизгиря пригнали /
 [Мизгирь пришёл за сторожами]
- С. 196 ² Что хочешь, господине? / [На что меня зовете]
⁷ Слуга ты дьявольский! /
 [Наследник Сатаны] Слуга ты дьявольский!
¹² *После:* там суд короток — [будет
 За волховство]
¹⁶ Несть власти надо мною /
 [На все есть воля Божья] Несть власти надо мною
²⁵ Медвежий рот имею / [Рот у меня медвежий]
^{30—36} Бес падох на седины ~ подать сюда! /
 [Мудреную работу
 Ты задаешь, да ничего, осилим.¹
 Ты к ней лицом, она к тебе затылком.
 Поправим дело. Дай же меду чарку.
 Наговорю на нем]
- С. 198 ⁵ В отъезд тебе из городу, дня на два /
 [Да отъезжай] В отъезд тебе из городу, дня на два [иль
 на три]
- С. 199 ¹⁰ Неустройко / [Ключ<ник>] Неустройко
²¹ *Воевода, Ульяна и Неустройко. / Воевода,
 [Тыра] Ульяна и Неустройко.*
²⁶ людишек малых / [маленьких] людишек малых
³⁵ Через тебя чтоб шло / 1) Чтоб шло через тебя; 2) ◇
- С. 200 ^{9—10} Дело-то, я знаю ~ по сердцу. /
 Дело-то [такое] я знаю
 Тебе по [нраву] сердцу.
^{11—12} Глядишь медведем ~ не взять. /
 Глядишь [серdito] медведем, ни грозой, ни лаской
 [Тебя не уломаешь, режь на части]
 Ничем не взять.
¹⁸ Отдай ей мёд. / Отдай ей [чарку] мед.
³² занёс на погреб / занес [тебя] на погреб

¹ *Далее:* [Наговорю на меде]

На возрасте¹, боясь людской неправды
И зависти, и властного насильства,
Я разделил² по бедным всё наследство
Отцовское, а сам остался нищ.
И рай обрёл в убежище пустынном,
И возлюбил пустытника житье.
О Господи, прости мой грех великий.

*Уходит в пещеру.*³

27—31 *Дубровин, Бастрюков, Резвый и Пустынник. ~*
На клик иди. /

[Дубровин, Борис и Резвый.

Дубров<ин>

Я вылезу, а вы плывите дальше,
Придет тальник, подзатеряйтесь с лодкой
Тут недалеко.⁴ Птичий свист услышишь,
Иди один, боярин, он пусть в лодке
Останется]

С. 207—211

34—24 *Пустынник выходит. ~ Уж не за нами ли? /*
[Из пещ<еры> выход<ит> Пуст<ынник>]
Пуст<ынник> выход<ит>.

Пуст<ынник>

Ты здесь опять? Гуляешь на свободе⁵?
И не страшит тебя святое место,
И не уймут тебя земные власти?
Не закуют, на цепи не посадят?

Дубр<овин>

Не столько ловят, сколько нас гуляет.

Пуст<ынник>

Ты жив еще? Земля сырая терпит
Твои грехи?

Дубр<овин>

Ты видишь, жив покуда.⁶

¹ *Перед:* На возрасте — [Как к]

² *Далее:* [отцовское]

³ *Ремарка вписана на полях л. 24 со знаком вставки.*

⁴ *Далее:* [Время будет — кликну]

⁵ *Было:* [ты на воле]

⁶ *Фрагмент:* Ты здесь опять? ~ жив покуда. — вписан на полях л. 24 со знаком вставки.

Пуст<ынник>

[Пока есть время,
Господь все ждет тебя. Он долго терпит]
Покайся!! Горе, если смерть застанет
Тебя в грехах! Живи со мной в пещере;
Ко мне и зверь бестрепетно приходит,
А от тебя и человек со страхом
Отходит прочь.

Дубр<овин>

Отец, ты в мире не жил,
Мирской заботы-тяготы не знаешь.
Я Богу грешен [знаю окаянство
Великое мое, да не пришла
Еще пора покаяться, есть счеты]
И рад бы каяться, да не готова
Душа: в миру есть счеты да приманки,
Да зло на человека мыслю,
Душит меня вражда! [А дай мне срок, управлюсь,
Дай воротить мне кровное, родное]
Не погонюсь и за обидой, брошу,
Отдам ему обиду. Пусть, собака,
Живет [себе] да беды на голову копит
[Для] До Божьего и царского суда.
Тогда покину вольную потеху
И самохотную расправу. Слушай!
Вот видит Бог, тебе обет кладу:
Построю монастырь; в своем приходе,
Коль приведет Господь свой дом увидеть
И сызнова по-старому зажить,
Украшу храм стенным писаньем новым.
Ни денежкой, неправо нажитою,
Не покорыствуюсь. Пришло неправдой,
Пойдет на дело.

Пуст<ынник>

Не² за горами,
А за плечами [смерть]. Легче не родиться,
Чем умереть, не помирившись с Богом.
А вдруг помрешь?

¹ Далее: [во время] [Поздно будет]

² Перед: Не — вписано: Смерть

Своя вина, так [по вине] поделом¹ и мука.
 В чем Бог застанет, в том [пус<кай>] меня² и судит.
 Не все же зло, и доброго немало
 Случалось делать; сколько ни потянет,
 Во что ни постаноят, все же легче.
 Уж мне давно [гулянье] шатанье³ надоело,
 [Давно хотел покинуть темный лес,]⁴
 [Не то] в уме бродило: [не разбою,
 Не смертного убийства]⁵
 [Я не] затем-то я тюремное сиденье
 Сменял на бор сырой⁶. Про это горе⁷
 Я в темну ночь над Волгой думу думал
 И с соловьями речи говорил.
 Да не нашел я по сердцу удалых,
 Все голь кабацкая, убойцы, воры,
 Вином и кровью пьяные. По локоть
 В крови их руки, головы похмельны,
 [Я не таков, я рук не кровянил]⁸
 Я им не ровня, я затем и с [долу] низу
 Поближе⁹ к [<нрзб.>] дому приплыл
 [Не сменится ль злодей наш Воевода,
 Так я б опять на старом месте зажил]¹⁰
 Ты не дивись, на белом свете много
 К своим дворам, на царское тягло
 Приходит нашей братьи. Поживают

¹ Слово вписано над строкой.

² Слово вписано над строкой.

³ Слово вписано над строкой.

⁴ Над строкой и на полях листа вписано со знаком вставки:

Давно хочу покинуть нож булатный.
 И грех большой, и впереди-то пытка,
 Да кнут, что по заказу гнут. Не сладко.

⁵ Фрагмент: [Не то] в уме ~ убийства — исправлен на:

Душа просила, и в уме бродило
 Не смертное убийство, не разбой

⁶ Было: [дремучий]

⁷ Было: И про горько <?> горе

⁸ Над строкой вписано: А я живу — и в ходе дальнейшей работы зачёркнуто.

⁹ Над строкой вписано: Привольного

¹⁰ На полях вписано со знаком вставки:

Чтоб бросить их и сесть опять в посаде,
 Лишь, дал бы Бог, сменился воевода.

И в ус не дуют. Кто торгует
На воровские деньги, кто припрятал.
Другой, гляди, не два, не три убойства
На плечах носит, да живут покойно,
Никто не трогает. Меня подавно
Посадские не выдадут, подъячих
Купить не дорого. А там годочек,
Другой пройдет, доводчиков¹ не бойся.
[Когда <?>] живешь потиху, так в разбое старом
Судить заказано, oprичь убойства.
Мой норов крут, душа моя не терпит,
Когда большой меньшого² обидит,
Подвластного гнетет³ да давит властный.

Пуст<ынник>

У властных власть [его за каждый волос
Подвластного судом осудят]⁴. Кто же
Тебе дозволит стать над властью?

Дубр<овин>

Сердце

Ретивое, что бьется — не уймется.
Кто ж застоит за бедных, беззащитных,
Неправый суд царит на белом свете.
В овечьем стаде волки пастухами.
[Ужли ж оставить, бросить их, покинуть?]⁵
Не мы, так кто ж? Нет власти — есть охота.
А я не лгу, я рук не кровянил.⁶

Пуст<ынник>

Ну, Бог тебя благослови! Смотри же,
Я буду ждать.

Дубр<овин>

Приду, отец, и скоро.

*Пуст<ынник> уходит. Дубровин подход<ит> [к чаще и свистит].
Выход<ит> [Калга] Щербак.*

¹ Было: [и доводу]

² Исправлено на: молодшего

³ Над строкой вписано: теснит — и в ходе дальнейшей работы зачёркнуто.

⁴ Над строкой вписано: идет от Бога

⁵ На полях помета: сильнее!

⁶ Стих вписан на полях со знаком вставки.

Явление III.

Дубровин и [Калга] Щербак.

Дуб<ровин>

Где наши?

[Калга] Щербак

Все в лесу в разброде бродят.

Велишь позвать?

Дуб<ровин>

Не надо!

Щербак

Бережемся.

[Так бережемся. Кто куда попало]

Поразошились кто с кузовком на плечах

Грибов да ягод ищут по опушке,

Другой к слепым уселся на мост с чашкой,

Кто в чаще, кто [за Волгой]

При лодках, при запасе. Воевода

Идет большой дорогой целой ратью,

[С запасами] Близ ста голов, со всяким ратным боем.

Как на войну собрался, сбил народу,

Затинщиков, стрельцов и пушкарей;

Пищали, бердыши несут, ослопы,

Рогатины, луки и самопалы

Звериные и весь запас воинский.¹

Уж не за нами ли?

С. 211 ²⁸ *Перед:* Отвесь бы в сторону. — [Так надо бы]

³⁴ И поскакали / И [по]ускакали

³⁵ *Перед:* Коль скажешь так — [Мол]

³⁷ Да я вперёд / [А] Да я [послал] вперед

³⁸ Послал молву ~ были /

Молву пустил, что утром были [воры]

С. 212 ⁶ хоть тысячу народу / хоть тысячу [сгони] народу

⁹ *После:* С береженьем — [лучше]

^{17—23} Вовсе ~ есть дело /

[До вас ли мне теперь.

Щерб<ак>

Да знаем. Эх, Роман Петрович, с бабой

Поводишься, сам бабой будешь. Бабий

Язык продаст]

¹ Фрагмент: Как на войну ~ запас воинский. — вписан на полях л. 25 об. со знаком вставки.

- Дубр<овин>
Щербак, [ты слушай
Моих речей] мне в городе есть дело
28 Казну дувань / [Бери] казну [мою] дувань
- С. 212—213
35—3 Да и тебе бы с нами. ~ к другой работе привыкать. /
[А как же ты?
- Дубр<овин>
Как придется. Не знаешь
Своей судьбы. Ни с чем вернусь, так <нрзб.> с вами буду,
А не вернусь, не поминайте лихом]
Да и тебе бы с нами.
- Дубр<овин>
Не узнаешь
Своей судьбы. Вернусь ни с чем, так с вами ж,
Ни с кем другим [разбоем промышлять]¹.
Некраденый кусок приестся скоро,
Не стать к другой работе привыкать.²
- С. 213
7 В яру / В [земле] яру
18—19 себе иль людям ~ вперед не угадать. /
себе [ли] людям
Достанется, [на церковки <?> пойдет] вперед не уга-
дать
- 28—32 Кто поближе ~ Ерголь. /
Кто тут близко
Из наших?
- Щерб<ак>
Бурой <?>, Заяц, Вотря, Тонкий,
Калга, Ерголь.
- С. 214
35 Приказ отдать / Приказ отдам
3 *Перед*: И отклик тоже — [Клик птичий]
10 *Перед*: Не тронь. — [Наш]
11 *После*: Пригоден — [мне]
18 *После*: Товарищи —
[Пришла пора такая,
Что рад не рад, а расставаться надо]
24 не ордой / не [гурьбой] ордой
27 *Перед*: Уж рад — [Что]

¹ Над строкой вписано: опять за ту ж работу

² Фрагмент: Не узнаешь ~ работе привыкать. — вписан на полях л. 25 об. со знаком вставки.

- С. 215 ⁸ *Перед:* Рассердиться — [Аль забылись]
¹⁸ *Перед:* влетишь — [попасть]
²⁸ *Дубровин и Бастрюков за дерево / Дубровин и [Бор<ис>] Бастрюков за дерево*
^{34—35} Ай ли, ай люли ~ горожу! /
1) Да на камешке тешу.
Огород горожу.
Все капустку¹ сажу.
2) ◇
- С. 216 ⁷ Нищие / [Слепые] Нищие
¹⁵ *Всходят на мост воевода, за ним стрельцы / Входят Воевода [и свита], за ним стрельцы*
^{17—19} *Слов: ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ ~ Бастрюков и Щербак. — нет.*
²³ *(поднимая его) / (подымая его)*
²⁴ *Перед:* Не кланяйся! — [Мне кланяться не подобает]
- С. 217 ⁷ *Перед:* Теперь отыди с миром — [Иду молиться Богу]
⁸ А я иду молиться Богу / 1) Иду молиться Богу; 2) ◇
¹⁵ *(Даёт из мешка.) / (Достает из мешка и дает.)*
²⁰ *Перед:* В монастыре звон. — [Все всходят на мост]
- С. 218 ⁹ *После:* Терем в доме воеводы. — [Много окон, изразцовая печь освещена фонарем]
¹¹ *Входят Недвига и девушки. / [Марья Власьевна, Ульяница и Нянька (входят)] Недвига и девушки (входят).*
¹⁴ *Перед:* Нет у вас уменя — [не повеселите]
¹⁹ *Перед:* разве не ходили — [только]
²⁵ *После:* царевна Несмеяна — [Никто-таки не мог ее]
³⁰ Так парень, а не мы! / 1) То парень, а то мы! 2) ◇
³⁴ Да где же взять? / Да где ж [нам] взять?
³⁷ у самой / у [тебя] самой
- С. 219 ⁶ Знать, нечего? / Знать, нечего сказать-то?
⁸ Навряд ли! / Навряд ли так!
¹³ Она сбежать сбиралась / 1) Сбежать сбиралась, с парнем; 2) ◇
²⁴ *Перед:* Ну как сбежать — [Да]
²⁸ А взял — повёл / 1) Взял до повел; 2) ◇
³⁰ Они идут / Оне идут
³⁶ *После:* Девушки уходят. —
[М<арья> В<ласьевна> остан<авливается>,
молча ожидает]

¹ В автографе: капустку

- С. 220 ² Недвига, Ульяна и Марья Власьевна. / [Те же]
⁹ И сладу нет. / 1) С ней сладу нет; 2) ◇
¹³ Не всё грозой / 1) Гроза грозой; 2) ◇
³¹ Велишь остаться? / 1) Остаться, что ли; 2) ◇
- С. 220—221
^{35—2} Пойду-ко я ~ а то не поворачишь! /
 [Пойти взглянуть на дворню, все ли дома¹,
 Да заперты ль² ворота, да не спят ли,
 Кто у чего поставлен на стороже.
 За ними глаз да глаз. А не усмотришь,
 Введут в беду. На мне боярин спросит]
- С. 221 ⁵ съешь / съе[л]шь
- С. 222 ² Шепни / [Скажи] Шепни
⁵ Ну говори ж! / Ну [ж] говори ж!
⁵ После: помешают. — [Скорей! Скажи придет]
- ^{23—24} Да ~ терема. /
 [С ней не сладишь!
 Змея змеей]
- С. 223 ²⁹ Перед: Мало ль дряни. — [Много]
¹⁰ Перед: Чтоб от меня — [И]
^{14—15} Хоть казнишь ~ Я не утаила. /
 Хоть [сердита <?>] казнишь, хоть милуешь,
 [От тебя] Я не потаила.
¹⁸ После: Ступай! — [(Олена уходит)]
²⁶ После: Аль опять надулась? — [(Смотр<ит> в лицо)]
²⁹ Перед: И не было печали — [Вот]
³² ничем не поворачишь / 1) когда-то шевельнется; 2) ◇
³⁴ Сама пошла. Диковина! Посмотрим /
 [Никак пошла. Посмотрим, что-то будет]
- С. 224 ^{4—6} Не осердись ~ не поперечу /
 [Ты не сердись, что я тебя бранила.
 Не знала ведь. Словечка не услышишь
 Противного. Все будет по тебе]³
¹⁰ По лавочкам / 1) Все по местам; 2) ◇
¹³ откуда прыть возьмётся /
 1) Так наравне с самими <?>; 2) ◇
²⁰ После: так мало —
 [Неправда, что ль? Ну и отыщут парня]⁴

¹ Над строкой вписано: [Пойду-ко я людишек попытаю]

² Далее: [все двери и ворота]

³ Далее на л. 28 об. вписан со знаком вставки к явлению VII фрагмент: Уж только, девушка, у вас людишки ~ не рада жизни будешь.

⁴ Над строкой вписано: [Ведь шутки да]

- 25—26 Ну оттого и веры ~ чудила в девках /
[Так вот оне какие
Бедовые. Сама была я в девках]
- 36 Не надо, нет! Куда мне! /
[Нет, не возьму] Куда мне! Нет, не надо!¹
- С. 224—225
- 38—2 Подарок-то хорош. ~ Благодарю покорно! /
[Хорош подарок больно]
Непрошенный подарок! Да не знаю
Чем отдарить тебя. Любя подарки]
- С. 225
- 7—9 и затевать ~ что хочешь, то и делай /
[или самой ходить
Из терему, а то] что хочешь, делай.
- 16 После: Добра не быть. —
[Недаром сердце чувствует
Недоброе]
- 20 скверный норов /
[подлый норов:
Ничем меня не взять, ни страх, ни ласка]
- 26—27 *(Зажмуривается.) ~ и Олёна. / [М<арья> В<лась-евна> входит; стоит зажм<урившись>, потом откр<ывает> один и дивится <?>]*
- 37 кланяется / кланяется ей
- С. 226
- 7 Наденешь, так износишь. /
1) Надень, так и износишь; 2) ◇
- 13 После: Да жди-пожди — [ты прежде]
- 18 С запястьями. /
[Поди надень. Я пособию одеться
И поглядим. Чай то-то загляденье]
- С. 227
- 2—3 Сама спою ~ не слышали. /
1) Тихонечко, чтоб люди не слышали.
2) Тихонечко спою, чтоб не слышали.
Сама спою, сама и слушать буду.
- 30 Куда красно! / [Вот хорошо] Куда красно!
- С. 228
- 5 Дворяне по дворянам / Дворяне[-то] по дворянам
- 23 Перед: Как шальные — [в доме служат]
- 27 Перед: не рада жизни будешь. — [Да не на ту напали]
- 30—35 И ночь-то не придётся ~ другой пусть смотрит. /
[Кругом запру все двери.
Нет выхода из терема, а ночью]

¹ Сверху цифрами указан новый, окончательный порядок слов.

Здесь на пороге лягу.

(М<арья> В<ласьевна> уходит.)

Что за диво!

С. 229 12 Один глазок усни, другой пусть смотрит]
Что ж такое! / Что ж [пожалуй] такое!

15 *Перед:* И не велел — [Хоть]

С. 231 36 *Перед:* Пора и спать. — [Ложитесь]

18 *Перед:* Из двери — [Из-за печки]

21 *После:* Домовой —

[(подходит с фонарем к М<арье> В<ласьевне>)]

24 частые звёздочки / 1) звездочки частые; 2) ◇

С. 231—232

41—3 Старику-то чернеть ~ с милым дружкой. /

Я поглажу тебя лапой бархатной

(проводит рукой над ней)

На богатство, на радость с милым дружкой.

Старику-то чернеть [черной тучею] да горба растить,

А тебе-то алеть [алой зорькою] спелой ягодкой.

С. 232 13 *Перед:* И бежишь — [Да]

С. 234 22 Боярские голодные холопыя / 1) Боярские холопыя; 2) ◇

25 *Перед:* А под руку — [Что]

С. 235 20—31 И с бочешной ~ и больше. /

И с бочешной [и в проредях живу]

Ведем. Теврюг <?> и осетров]

Ив<ан>

А стерлядок?

Кур<чай>

[Да нешто с низу возят стерлядей?

Не возим с низу, пошто?

Ив<ан>

А пошто нет?

Кур<чай>

Добротой

Не выходит, ваши лучше¹⁾

Не водим мы. А как по верхним плесам,

Каков улов?

Ив<ан>

Нешто-таки.

¹ Вместо: Добротой ~ лучше — было: [Да не выходит, скупят <?> ваши лучше]

Кур<чай>

А мерны?¹

Ив<ан>

Да всякие² — и в стрелку есть, и больше.

[Вы для чего ж покинули шалады?

Кур<чай>

Гребцы при них, стрельцы для береженья.

Мы в целовальниках на ём. Что, парень]

С. 237 ⁹ Ты на троих / 1) На четверых; 2) ◇

С. 238 ⁷ *Перед:* Пущай идут к соседям — [Кого несет?]

¹⁰ Не вдруг пускай / Не [отпирай] вдруг пускай

¹⁶ *Старуха собирает* / *Хоз<яйка> сбир<ает>*

²⁸ *После:* отворяй ворота. —

[А не попустит Бог, свинья не съест]

²⁹ *Входят Неустройко и слуги. / Входят [Ключник]*

Неустройко и слуги.

³⁴ *Перед:* подаёт лучину — [вдувает]

С. 239 ³² Вспомнила Егорья? /

[Юрьев день осенний

Все на уме. Старо, а не забыто]

С. 240 ³⁵ помнить будут / [не забудут] помнить будут

²⁰ царь не милует / [люди бросили] царь не милует

^{26—35} Беду нажили ~ царь сжалится. /

[Ты спи, поколь изживем беду,

Гроза пройдет, гроза минется.

Поколь³ Бог простит, царь сжалится.

Изживем⁴ ее всю, пронесет грозу.

Велика беда, как изжить до конца?

Беду нажили, как изжить будет?

Изживем беду⁵ за работушкой.

Летом страдаю, в зиму <нрзб.>

За немилой, чужой,⁶ непокладною,

Вековечную злою страдною]

С. 241 ⁶ *Перед:* И слёзы, слёзы — [Я слез и крови]

⁷ Сиротские, напрасные / 1) Напрасные, сиротские; 2) ◇

⁸ и стон стоит / и [вопиют на небо] стон стоит

¹ Было: А мера?

² Было: Есть всякая

³ *Перед:* Поколь — [Нас]

⁴ *Далее:* [беду]

⁵ *Далее:* [по работушкам]

⁶ *Далее:* [неуст<анною>]

- ¹⁰ Довольно мук, и палачей гоните! /
[И палачи.] Довольно мук [и пыток]
- ¹⁵ После: И денежки серебряные —
[Будем
Сбирать на счет <?>. Скорей собирайте]
- ¹⁷ Вот с мехами / 1) Вот мехами [их]; 2) ◇
- ²⁵ И сон тяжёл, и сонный бред замучил. /
[Тяжелый сон. Тяжелым бредом мучит]
- Между 28 и 29 *Ремарка: (сидит на постели)*
- С. 242 ¹² После: Не первый раз —
[бывало.
Мне замолить грехи, мне только б душу
Свою спасти, очистить покаяньем,
Чтоб умереть <нрзб.>]
- ¹⁶ дворцовые чины / дворцовые чины, бояре и дворяне
- ²¹ По лестнице / По лестниц[ам]е
- ²⁴ Ступени тёр / [На лестнице]
- ^{36—37} Великое ~ чинит. /
[Чинит великое. Убытки и продажи
Напрасные]
- С. 243 ¹⁰ Перед: Нельзя без челобитьев. — [Есть много]¹
- ³⁶ Семён / [Степан] Семен
- С. 244 ^{7—8} Да что ~ не стало / [От тесноты его житья не стало]
- ³⁷ Поджарый / [Облезлов] Поджарый
- ³⁸ Перед: подходят и кланяются — [Двое]
- С. 245 ³ Перед: Несытов —
[Двор<яне> оба]
- ^{16—18} Поджарова. ~ в губные выбирают. /
Облезлова.
[(показ<ывает> на одного из двор<ян>)]
Он прохарчился больно.
[А в приставы для сыску Бастрюкова]
- ²⁰ едут / ед[ет]ут
- ^{27—28} Приятелю-дьяку ~ не пожалеют /
[Приятели дьяки и доброхоты
Не выдадут. Не всякий сон да ведущ <?>]
[Приятелю Дьяку и всем приказным.
Ужли ж они меня не пожалеют?]
- ³² спать спокойно / спать покойно
- ³⁴ Сосну ещё — и в город. / 1) Усну часок, да в город; 2) ◇

¹ Над строкой: [На всех вам <нрзб.>]

- С. 246 9 Из города / Из городу
18 Глядит ей в очи, к сердцу жмёт её /
[В глаза глядит и к сердцу прижимает]
33 *Перед:* Она, родясь — [Которая]
34 *Перед:* ей к рылу — [погромче]
- С. 247 27—30 С тобой сидит ~ покачивает. /
1) Над тобой сидит бабка старая,
От зари до зари прибаюкивает,
Тихий сон очам наговаривает,
Тихо качку-качалку покачивает.
2) ◇
- С. 249 35 Да вот они. / Да вот [вы] они.
9 А всех милей: «По матушке по Волге!» /
1) А нам милей про матушку, про Волгу
2) ◇
- С. 251 29 *После:* Любо — [Знать вам]
36 Неустройко / [Ключник] Неустройко¹
- С. 255 7 Тут много. / Тут [чарки с две] много.
15 (*Допивает.*) / (*Отпивает.*)
24 Размок язык / 1) Язык размок; 2) ◇
35 *После:* Робятушки! — (*Засыпает.*)
- С. 256 31 и до ночи всё смехи / 1) бывало ты смеешься; 2) ◇
38 поутру / [бывало] поутру
- С. 257 1 *Перед:* Олёнин голос — [твой звонкий]
3—4 сама бежит ~ её закрою /
1) и ты бежишь ко мне, подсядешь,
Прижмешься вся, полой тебя закрою
2) ◇
11 с ней сидим мы и торгуем / 1) мы сидим с тобой торгуем;
2) ◇
36 *Перед:* с ворами — [безвинно]
С. 259 27 (*бросается к нему на шею*) / (*бросается к нему*)
30 *После:* Так прогони ж — [ты]
31 *Перед:* Разлучницу. — [Мою]
32 злое горе / 1) горе, радость; 2) ◇
- С. 261 8 А ну / А [вдруг] ну
9 *Перед:* да выдадут — [нас]
- С. 262 14 и посмотри / [а сам смотри]
- С. 264 16 Красавица моя! / Защечочу тебя.
- С. 266 27 бежать / бе[гу]жать

¹ Далее везде *перед:* Неустройко — [Ключ<ник>]

- С. 267 ⁵ Поджарый / [Облезлов] Поджарый
 ²⁶ К Степану Бастрюкову. / [К нему]
 ²⁸ А всё отца и мать спросить. /
 1) А все и мать, отца спросить.
 2) ◇
- С. 271 ³ В прошлом таком-то году / В прошлом сто пятьдесят
 таком-то году
 ¹⁵ После: не бывают, и ты, Нечай — [берешь тех жен к себе
 в хоромы, а других]
 ^{18—19} После: призываешь к себе на двор — [шлющего человека
 из подьячих Гришку Жилку]
 ²⁶ плутости / [плутовства] плутости

Варианты авторизованной писарской копии

Список действующих лиц пролога

Пролог

Лица

Нечай Григорьевич Шалыгин, *воевода*.
 Облезлов, *подьячий, товарищ воеводы*.
 Семен Бастрюков, *вотчинник и помещик*.
 Степан Бастрюков, *его сын*.
 Неустройко, *ключник* } *воеводы*.
 Бессудный, *шут* }
 Неждан, *земский староста*.
 Роман Дубровин, *беглый посадский*.
 Влас Дюжой, *богатый посадский*.
 Настасья, *жена его*.
 Смирной } *посадские из лучших людей*.
 Дружина }
 Несмеянов, *старик*.
 Брусенин } *посадские из средних людей*.
 Цапля }
 Тыра }
 Баим, *стрелецкий сотник*.
 Гришка Жилка, *отставной подьячий*.
 Бирюч.
 Дворяне, дети боярские, посадские, стрельцы, служилые люди, воеводские
 слуги и всякий народ, слуги Бастрюковых. — Резвый.

Список действующих лиц 2-й сцены II действия

Сцена II-ая

Лица

Дубровин.
Бастрюков Степан.
Резвый.
Пустынник.
Щербак, ясаул.
Бурый }
Заяц } *разбойники.*
Вотря }
Калга }
Ерголь }
Воевода.
Неустройко.
Свита воеводы.
Прохожие.
Нищие и убогие.
Крестьянин.

Список действующих лиц V действия

Действие V-е

Лица

Воевода.
Бастрюков Семен.
Бастрюков Степан.
Облезлов.
Поджарый, *новый воевода.*
Дубровин.
Шут.
Марья Власьевна.
Ульяна.
Олена.
Сторож.
Слуги воеводы.
Стрельцы.
Народ.

С. 130

³¹ *Ремарки: Действие происходит в большом городе на Волге, в половине XVII столетия. — нет.*

³⁵ *земский староста / земской староста*

- С. 131 ¹⁵ учнёт укрывать / учнут укрывать
¹⁸ *Идёт к посаду / Идет в посад*
- С. 141 ⁸ они ж, боярин, воры / они же воры
- С. 144 ⁹ всполох ударим / всполох ударят
- С. 147 ²⁹ *Ремарки: (подходя к Дубровину) — нет.*
³⁵ али дальний / или дальний
- С. 148 ³ аль мужика убил / иль мужика убил
²⁸ Обличье-то / Обличье-то его
- С. 149 ¹¹ *(хватается за голову) / (хватаясь за голову)*
- С. 150 ¹³ *Выходят из собора / Входят*
²⁰ *(остановясь, не доходя ворот) /*
(останавливается, не доходя ворот)
- С. 153 ³⁰ *Ремарки: (Бросается на воеводу.) — нет.*
- С. 154 ⁸ И вас бы звал к себе / И вас бы звал
- С. 155 ²² Ко мне во двор / Ко мне на двор
- С. 159 ⁷ *За сценой песня девушек. / Девушки (за сценой поют).*
- С. 163 ¹⁰ а всё / и все
- С. 164
Между 9 и 10 [Придет пора, — из головы не выбьешь
Запретной думы. Тоже жаль и вас.
Да что же делать! Ну пойдем хоть сказкой
Потешим душу. Горькое житье!]
- С. 165 ¹² Иль матушки твоей / И матушки твоей
- С. 167 ^{4—5} Голубушка! *(Обнимает.) / (Обнимает.)* Голубушка!
¹⁹ *Ремарки: (Вынимает нож из-за пояса.) — нет.*
- С. 170 ¹⁷ *(потчует мёдом) / (потчует)*
- С. 171 ^{19—21} Я выпью! ~ Знатный мёд /
Я выпью! Знатный мед
(пьет)
³⁴ *(Отдаёт чару Настасье.) / (Отдает чарку Настасье.)*
- С. 173 ³⁷ С тобой начни / С тобой [почти] начни
- С. 174 ⁶ брешет спьяну / брешешь спьяну
¹⁹ они домой пошли / оне домой пошли
²² И схоронилась / И схоронилася
²⁴ срамница / страмница
- С. 179 ⁴ *Ремарки: Бастрюков и слуги входят в лодку. — нет.*
⁹ И по воде пустили /
И [на] по воде спустили
³⁰ Его путём! Всю ночь ходить дозором! /
Из саду, да всю ночь ходить дозором!

- С. 180 ³ от беды / от греха
 ⁵ (Толкает, та понемногу подвигается.) / (Толкает ее.)
²⁰ Бурый и Зоря (настраивает гусли). / Максим Бурый и Иван Зоря.
²⁴ да поста / до поста
- С. 181 ¹⁴ а я уж гусли наладил / а уж я гусли наладил
 ²⁹ Те же, Бастрюков, Резвый, Кубас и Шишига. / Бастрюков, Резвый, Кубас, Шишига, Бурый и Зоря.
- С. 182 ¹⁰ Тоски-кручины / Моей тоски-кручины
- С. 183 ²³ С женою / С женой
 ²⁵ Где ж она? / Где же она?
- С. 184 ²⁴ Входит Дубровин. / Входят: Дубровин и Кубас.
 ²⁶ Те же и Дубровин. / Те же, Дубровин и Кубас.
- С. 187 ¹² уступишь / 1) упустишь; 2) ◇
 ³⁴ Должишко / Д[ели]олжишки
- С. 192 ³ Входят прислужники обоего пола / Входят прислужники
- С. 194 ²⁸ Стража вводит Мизгиря. / Мизгиря вводит стража.
- С. 196 ⁷ Слуга ты дьявольский! / Слуга дьявольский!
 ⁹ пока в тебе нужда есть / пока в тебе есть нужда
 ¹⁶ Несть власти / Нет власти
- С. 199 ¹⁷ Поди, не бойся. / Пойди, не бойся.
- С. 202 ¹⁴ А я иду туда / И я туда иду
^{29—30} потом шут, Ульяна и женщины / потом шут и Ульяна
- С. 205 ²⁷ она его толкает / но она его толкает
- С. 206 ²⁹ через реку мост / через речку мост
^{29—30} идёт дорога к мосту / идет дорога
^{32—33} Ремарки: Прохожие ~ к монастырю. — нет.
- С. 207 ²³ (Молчание. Уходит в пещеру.) /
 (Молчание.)
 Люблю подчас припомнить я бывшее
 И про себя на память перебрать
 Прошедшее, людям не в укоризну,
 Не в похвалу себе. Придут на память
 И детские счастливые года,
 И веселей на сердце, обновится
 В твоих очах земля, и с умилением
 На дело рук Создателя глядишь.
 (Молчание.)

От юности цветущей, в отчем доме,
 Я красной девой цвёл, стыда румянец
 Не погасал на миг в моих ланитах.
 Любил терпеть, сносить обиды, плакать
 За всех обиженных, за всех молиться,
 И ото всех в дому обидим был.
 На возрасте, боясь людской неправды
 И зависти, и властного насилья,
 Я разделил по бедным все наследство
 Отцовское, и сам остался нищ.
 И рай обрел в убежище пустынном,
 [И возлюбил пустытника житье.
 О Господи, прости мой грех великий]
Уходит в пещеру.

С. 208 ¹ После: И не уймут тебя земные власти? —
 [Не закуют и на цепь не посадят?]
 8—23 Дубровин ~ Извлекший меч. /

Дубровин

Ты видишь, жив покуда.
 [Гулящий человек <?>]
 Приветь меня, отец, хорошим словом,
 Благослови, а не кляни. Не сделал
 Тебе дурного я.

Пустынный

Не мной ты создан.
 Не мной и суд свершится над тобой.
 Я не сужу, а лишь молюсь и плачу
 Да Божьему дивлюсь долготерпенью.
 Мне жаль тебя. Мы оба беглецы.
 Ты злом за зло, обидой за обиду
 Греховному и суетному миру
 Воздать желаешь; я молюсь о нем.
 Не обнажай меча! Мечом погибнет
 Извлекший меч. Смири свою гордыню,
 Кичливость сердца укроти молитвой.
 Приди ко мне.
 [Покайся, горе, если смерть застанет
 Тебя в грехах!]¹

С. 210 ¹⁶ сменился воевода / сменился б воевода

¹ Фрагмент: [Гулящий ~ в грехах!] — вписан на отдельном листе со знаком вставки и от-
 меткой на полях: к 43 листу

- С. 211 ¹² с кузовом / с кузовком
- С. 213 ²⁸ Кто поближе / Кто тут близко
- С. 230 ³¹ Каурой, Заяц, Вотря / Бурой¹, Заяц, Вотря, Тонкий
- С. 231 ¹³ И я, боярышня, прилягу. / И я, боярышня, пойду прилягу.
- С. 231 ²³ краюшком / краешком
- С. 232 ²³ *(Шибаёт шлык с Недвиги и уходит.) /*
(Шибаёт шлык Недвиги и уходит.)
- С. 237 ¹⁵ Благодарствуйте. / Благодарствуйте.
- С. 240 ²³ По чарке будет. / Гляди, по чарке будет.
- С. 240 ²³ приноравливать / приноравливаться
- С. 242 ⁴ С тобой сидит бабка старая /
1) Старая сидит с тобой бабка; 2) ◇
- С. 243 ¹³ За воевод дьяки всегда заступа /
1) За воевод всегда дьяки заступа; 2) ◇
- С. 246 ⁶ И позабыл о ней / И позабыл об ней
- С. 255 ⁹ Из города / Из городу
- С. 255 ⁴ исправны / исправный
- С. 255 ⁵ Допей, остатки сладки. / Да пей, остатки сладки.
- С. 256 ¹⁵ *(Допивает.) / (Отпивает.)*
- С. 256 ^{31—33} Весь ~ в сытость / Весь день с утра и до ночи все смехи
- С. 261 ²⁶ Ты как прошёл? / 1) Как ты прошел? 2) ◇
- С. 264 ^{15—16} И умирать тебе ~ Красавица моя! /
И умирать тебе [придется] веселой смертью,
Зашекочу тебя.
- С. 267 ^{31—32} *Недвига, сенные девушки и женщины / сенные*
девушки и женщины
- С. 267 ¹⁶ с посадскими людьми / с посадскими людьми
- С. 271 ³ таком-то году / сто пятьдесят таком-то году
- С. 271 ⁷ а посадским и всяких чинов / а посадских и всяких чинов
- С. 271 ²⁹ на тебе взять вдвое / взять на тебя вдвое
- С. 271 ³⁴ и мягкую и всякую рухлядь / и мягкую всякую рухлядь

¹ Далее по тексту: Каурый / Бурой

КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧ МИНИН, СУХОРУК

<Вторая редакция>

Драматическая хроника в пяти действиях, в стихах

Варианты цензурной писарской копии (ГТБ)

- С. 284 22 шатости / ша[л]тости
- С. 290 29—30 Слова: да зови ~ вместе — *зачёркнуты карандашом.*
- С. 295 После 23 Все
 Благословен Господь.
- С. 296 17—22 Песня: Пустыня прекрасная! ~ В безмолвные недра свои! — *зачёркнута карандашом.*
- С. 298 22—24 Слова: избавиться заботы ~ и молятся сироты — *зачёркнуты карандашом.*
- 34—35 Слова: А пусть болтают ~ да и разойдёмся — *зачёркнуты карандашом.*
- С. 299 2 И выйдет / И выдет
- С. 303 4 Слова: И по Оке, и воры вас боялись — *зачёркнуты карандашом.*
- 29 Слово: Откладывать — *зачёркнуто карандашом.*
- С. 304 5 Слова: Прежде нужны деньги — *зачёркнуты карандашом.*
- С. 307 19—20 Слова: Мы после ~ Алексей Михайлыч! — *зачёркнуты чёрными чернилами.*
- С. 308 1—2 Слова: В миру живёшь ~ всё видеть и всё слышать. — *зачёркнуты карандашом.*
- С. 311 25—27 Слова: Новгородские ~ и до широкой Камы — *зачёркнуты карандашом.*
- 37—38 Фрагмент: Час близок! ~ грозит вам Минин. — *зачёркнут карандашом.*
- С. 312 2—18 Фрагмент: Тогда я к вам приду ~ пока стоит земля. — *зачёркнут карандашом.*
- С. 315 23 Ремарка: Лыткин уходит. — *зачёркнута карандашом.*
- 34 После: Павлик убегает — [за Лыткиным]¹
- С. 317 30 Фраза: Других таких не сыщешь. — *зачёркнута карандашом.*
- 35—36 Слова: Я, точно подкошенная трава ~ без солнца вяну. — *зачёркнуты карандашом.*

¹ Слова: [за Лыткиным] — *зачёркнуты карандашом.*

- С. 318 ^{1—2} Слова: без помехи, на досуге. Ступай себе! — *зачёркнуты карандашом.*
- С. 322 ^{11—15} Фрагмент: Ночная темь ~ то померкали — *зачёркнут карандашом.*
- С. 325 ²¹ подлинники / [подлинники] лики¹
^{5—12} Фрагмент: Вы сами видите, что всем близка ~ Попомните и смилуйтесь над нами — *зачёркнут карандашом.*
- С. 327 ^{20—34} Фрагмент: Другой боярин-то, гляди, в Калуге ~ Им ли нас спасать! — *зачёркнут красными чернилами.*
- С. 329 ^{3—4} Слова: Тебя с собой я не зову ~ тепло бывало. — *зачёркнуты карандашом.*
- С. 330 ¹⁵ Василий княж Андреич, прикажи! /
[Василий княж Андреич,]² прикажи!
²⁹ Благодарим, Василий княж Андреич /
Благодарим, [Василий княж Андреич,]³
- С. 330—331 ^{38—30} Фрагмент: Князья, и воеводы, и бояре ~ Чтобы народу собралось побольше. — *зачёркнут карандашом.*

С. 332

Между 14 и 15

Все

Аминь!

- С. 339 ¹⁶ *всходят / входят*
- С. 343 ^{33—35} Фрагмент: И с камешками перстеньки ~ На что тебе! — *зачёркнут карандашом.*
- С. 344 ^{15—25} Фрагмент: Отцы и деды прежде накопили ~ В дом принесла. — *зачёркнут карандашом.*
^{29—33} Фрагмент: И весело мне стало ~ И нищей братье по рукам, в раздачу — *зачёркнут карандашом.*
- С. 344—345 ^{37—2} Фрагмент: В обители ~ И в Грецию, и на Святую Гору — *зачёркнут карандашом.*
- С. 345 ^{30—31} Слова: И пенье иноков, и клир церковный ~ курение кадил! — *зачёркнуты карандашом.*
- С. 346 ^{После 31} Все
Москва! Москва!
- С. 349 ⁹ С Богом оставаться! / [С Богом] Счастливо оставаться!
³⁴ Ремарки: Вы борные уходят. — *нет.*
- С. 350 ⁶ Ремарки: (Уходит.) — *нет.*

¹ Слово вписано над строкой.

² Слова: [Василий княж Андреич,] — *зачёркнуты чёрными чернилами.*

³ Слова: [Василий княж Андреич,] — *зачёркнуты чёрными чернилами.*

- С. 354 ⁹ *После:* И разговор пойдёт другой у нас. — [(Уходит.)]¹
²³ И наги мы, и голодны, и босы /
И [наги] бедны² мы, и голодны, и [босы] сиры³
- С. 355 ⁹ *Слова казаков:* Да, правда! — Он-то нас и удержал. —
зачёркнуты карандашом.
- С. 356 ²³ *Слова:* От напусков черкасов, угров, немцев — *зачёр-*
кнуты карандашом.
²⁸ *Стих:* Затянется опять осада на год. — *зачёркнут ка-*
рандашом.
³¹ *Стих:* Отрезать им обратную дорогу — *зачёркнут ка-*
рандашом.
^{34—35} *Слова:* В свой старый стан ~ Покинув всё — *зачёркну-*
ты карандашом.
- С. 357 ^{18—19} *Слова:* Охота есть большая ~ земле родной. — *зачёр-*
кнуты карандашом.
- С. 359 ^{2—5} *Фрагмент:* Вы, как братья ~ а о тебе ни слова. — *зачёр-*
кнут карандашом.
⁹ Пойдёмте-ка, с острога / Пойдем[те-ка, с острога]
с вала⁴
- С. 361 ^{15—27} *Фрагмент:* Прощайте, золотые ~ (*Шепчет.*) — *зачёр-*
кнут карандашом.
- С. 362 ⁵ Я странный богомолец / Я странн[ый богомолец]ик
^{15—22} *Фрагмент:* Кому не жить, тот тёмен, как земля. ~ при-
бавит девять сил — *зачёркнут карандашом.*
- С. 363 ^{1—6} *Фрагмент:* У вас за малость ~ В подъячих я у князя
Трубецкого. — *зачёркнут карандашом.*
^{21—35} *Фрагмент:* А кто твои знакомые? ~ Я не своё: что
люди, то и мы. — *зачёркнут карандашом.*
- С. 365 ^{15—19} *Фрагмент:* Как я за ней по улицам ~ Мы в липовом
покойчике её. — *зачёркнут карандашом.*
²¹ *После:* Любить меня и быть моей женой, — (*Встает.*)
- С. 365—366 ^{37—6} *Фрагмент:* С надеждой ~ Иль умирай голодной смер-
тью. — *зачёркнут карандашом.*
- С. 366 ^{28—31} *Фрагмент:* Что стон и плач сирот ~ Всю скорбь её
на сердце износил. — *зачёркнут карандашом.*
- С. 367 ^{7—19} *Фрагмент:* Но жизни срок короток ~ На молебен.
На молебен. — *зачёркнут карандашом.*

¹ Ремарка зачёркнута чёрными чернилами.

² Слово вписано над строкой.

³ Слово вписано над строкой.

⁴ Слова: с вала — вписаны над строкой.

С. 368—369

^{12—10} *Фрагмент:* Нужна была молитва наша Богу ~ А, ну, теперь? — *зачёркнут карандашом.*

С. 369 ¹⁴ кроме его / кроме [его] Пospelова¹

¹⁸ Что же / [Что же] А разве что²

^{25—26} *Слова:* У Биркина служил ~ в стану у Трубецкого. — *зачёркнуты карандашом.*

^{31—34} *Фрагмент:* И с той поры ~ По кабакам валяется в ярыжных. — *зачёркнут карандашом.*

С. 372 ^{38—40} *Фрагмент:* Теперь пора весёлая настала ~ Готова я ответить на любовь. — *зачёркнут карандашом.*

С. 373 ¹⁹ А ты гляди! / [А ты гляди!] Ну, слышишь!³

¹ Слово вписано над строкой.

² Слова: А разве что — вписаны над строкой.

³ Фраза: Ну, слышишь! — вписана над строкой.

<Вторая редакция>

Варианты чернового автографа

- ¹ Далее в 1-м явлении I действия: Неждан / [Староста] Неждан

21—22 Настасья ~ Молчит? /

[Недвиги] Настасья

[Так все и молчит?]

Ну что ж? молчит?

28 *После:* Ни с кем. —

[Уж третий день молчит] [С тобой не говорила]

30 *Перед:* И рта не развала. — [Как привезли]

32 *Перед:* Ахти / [Что за]

С. 434 24—27 Ульяна ~ тут толчешься? /

[Неустройко

Ульяна где?

1-я д<евушка>

Сейчас ее покличут <?>.

(В дверь налево.)

Поди скорей, Ульяна Пантелевна, тебя зовут...]

Ульяна

(грубо)

Кого еще нелегкая несет?

Тебе чего? Ты почто тут толчешься?

39 *После:* Столы сукном завесил. —

[Жениховы подарки все по терему расставил]

С. 435

Между 30 и 31

[Ахти беда! Боярин! Виновата!]

С. 436

13 Дворню созовите! /

[Созвать всю дворню] Дворню созовите!

С. 471

4 *Перед:* Мне сон дурной — [Дурное мне]

5 *После:* И цело ли у нас. — [А я останусь]

С. 472

Между 1 и 2

<План>

[Явл<ение> 1. Щербак и служка. — 2-е. Щерб<ак>

и Дубровин. — 3-е. Дубровин и Пустынник. —

4. Дубров<ин> (один). — 5. Дубров<ин> и разбойни-

ки. — 6. Дубровин и Пустынник. — 7. Дубров<ин>

и Ерголь — Воевода и Пустынник]

2—22 *Фрагмента:* ЛИЦА ~ покрыты туманом. — нет.

- 24—25 *Щербак сидит ~ толпа богомольцев. / Щерб<ак> — Служка (с вёдрами).*¹
- 36 *После: Обиженным, гонимым. —*
[Мое тут место, я его нашел,
Облюбовал и занял. Ты взглядися,
Лесных болот, оврагов, дебрей диких]
- С. 473 30 На этот труд меня / Меня на этот труд
35 Коль хочешь / [Святой] Коль хочешь
36 Поди взгляни в оконце /
1) [Чтоб если смерть застанет]
Взгляни, поди [и если]
2) ∅
- С. 474 4 Для Бога / [На] Для Бога
5 поставит / [поставит] положит
8—17 *Щербак ставит ~ выходит Дубровин. / Входит Дубров<ин>.*
24—26 все здоровы? ~ только скучно /
все здоровы? [Далеко наши?]
Щ<ербак>
Здесь разбродом [бродят] ходят²
Здоровы-то здоровы, только скучно
28 Зачем / [Да что] С чего
31—33 Да в городе забота ~ надо одному /
1) Да в городе [есть дело] забота
Дня на два, на три. Век гулял бы с вами,
Не расставался, да такое дело³
2) ∅
- С. 475 39 *Ремарки: (Подает ~ стрелы.) — нет.*
2 *Ремарки: (принимая) — нет.*
22 кто в чаще / кто в [опушке] чаще
26 *После: В береговом — [раkitнике]*
- С. 476 25 Их / [Нет] А
- С. 477 14 дожидались / ждут

¹ На л. 6 об. написан новый вариант ремарки и начала явления:

[Служка хочет идти на гору. Из-под мосту входит Щербак.

Явление.

Служка, Дубров<ин>, Щербак.

Щербак

(Служке)

Постой-ко, брат!]

² Вариант вписан на полях л. 2 об. со знаком вставки.

³ Слова: Дня на два ~ такое дело — вписаны на л. 2 об.

- 16 *Перед:* Да мне ещё не время. — Плывите.
- 21 Как хочешь, сам скажи им. Кликать, что ли? /
Как знаешь, так и говори. Покликать?
- 23—24 (*садится* ~ к атаману. /
Скликать народ удалый к атаману.
(*садится на пень*)
- С. 479 11 посмотрит / [и пусть его] посмотрит
35 *Ремарки:* Несколько разбойников уходят. — *нет.*
- С. 480 13—15 *Слов Щербака:* Кормилец наш ~ удалых понесут. — *нет.*
23 Головушке бездомной / Бездомной голове
- С. 480—481 31—2 Простись, Нечай Григорьич ~ пожил сладко /
Как тетерев, он грянется на землю.
Простись, Нечай Григорьич, с вольным светом.
- С. 481 4—5 *Слов:* Туча надвигается ~ удары грома. — *нет.*
Между 14 и 15 (со слезами)
17 *Ремарки:* (строго) — *нет.*
20 *Ремарки:* (с мольбой) — *нет.*
31 *После:* И вниз гнетёт. —
[Мои молитвы слушать
Не станет Бог]
- 32—33 *Слов:* от грешных ~ Не примется. — *нет.*
38 Да я-то, грешный / И я не лучше
- С. 481—482 39—6 Не хуже ли разбойника ~ А что Олёна? /
Не хуже ли разбойника того.
- Пустынник
[А где Настасья] [А где Татьяна]¹
[Олена где] А что Олена?
- С. 482 12—13 здесь в овраге ~ на Волге... /
1) в [темном лесе] овраге здесь.
К Степану Тимофеичу зовут. — Собрались.
Из малой тучи гром большой бывает
2) ◇

¹ Варианты вписаны на л. 2 об.

- 20—23 Поди покаяйся ~ Покаялся б /
 1) Покаяйся прежде Богу.¹
 <Дубровин>
 И рад бы я
 2) ∅
- С. 483 13 *После:* в овраге облачко — [и плачет]
 15 И роет Волгу до песку. Давно ли /
 По Волге стрелы, в этот самый час
 И роет Волгу до песку, давно ли
 [Она тиха² была, а в этот час]
- С. 484 6 Об чём / О чем
 18—21 Благословляю ~ *в пещеру.* /
 Когда оставишь
 Гульбу свою, тогда благословишься
 На честное житье. — Приди ко мне.
(Уходит.)
 23—29 Ты здесь пожди! ~ *проливной дождь.* /
 Ты, брат, [меня] дождись!
 Быть может, что святой отец прикажет
 Так я тебе поведаю.
 Дубр<овин>
 Дождусь.
(Слуга уходит.)
- С. 485 34 *Ремарки:* *(Кланяется.)* — нет.
 38 *После:* Для грешников — [гуляющих есть]
 1—6 И мир ~ на прямой. /
 1) Но <нрзб.> широкий белый свет,
 И много в нем дорог, бери любую,
 И я пытал окольными путями,
 Пока Господь не вывел на прямой.
 2) И мир, что лес; путей-дорог довольно,
 Запутаться недолго: иль в [болото] чашу
 Без выхода, иль в топкое болото
 Трясинное по горло забредешь.
 И я бродил окольными путями,
 Пока отец не вывел на прямой.

¹ На л. 5 об. записан другой вариант этой реплики:

Поди покаяйся Богу

И брось гульбу, — тогда и приходи.

² Было: [жила]

- 18 *Перед:* Всё по́рядку / [Мне сказаны слова такие, слушай]
 25 и работой / и [молитвой] работой
 26 на монастырской стройке / на стройке монастырской
 27 *После:* Заглаживал — [в молитве непрестанной]
 С. 486 5 а за провоз отдай / а за [дорогу дай] провоз отдай
 11—19 *Дубровин идёт ~ Поди сюда! /*

Дубровин и служка входят по тропинке на гору, Дубровин переходит мост, а служка стоит на мосту и смотрит направо. Из-под моста выходят Щербак и Каурый.

Явление.

Щербак, Каурый, служка, пустынник.

Щербак
 (Кауруму)

Иди сюда!

- 23 Кажись, не из трусливых / Уж я не из трусливых
 24 так я и пал на месте / так и упал на месте
 32—34 И после ~ под оконцем / Неси сюда, поставим у порога
 С. 487 3 *Ремарки:* Кланяются в ноги. — нет.
 12 *Ремарки:* (вместе) — нет.
 29 как знаешь / как хочешь
 36 Идите с Богом! / [Ступайте] Идите с Богом!
 С. 488 9—14 *Фрагмента:* Щербак ~ воеводе дорогу) — нет.
 25 дары напрасны / 1) напрасны жертвы; 2) ◇
 27 с чистым сердцем / с сердцем чистым
 28 духом / сердцем
 37 Идёт за мной. Послушаюсь /
 За мной идет. Коль слушаюсь
 С. 489 2 Пошлю сказать / Поди скажи
 4 мне отворят живо / двери мне растворят
 14—25 Давай с тобой. ~ грехов обузу /
 Начнем с тобой.

<Пустынник>

Раскайся!¹

<Воевода>

Ну отец, изволь, покаюсь.
 Чего же ты желаешь от Нечая
 Шалыгина?

<Пустынник>

Раскаянья, смиренья.

¹ На полях л. 6 записан другой вариант реплики: Грехи-то сбудь.

<Воевода>

[Вот страсти-то! Пойдем-ка, порасскажем <?>]

[И р<ад>] [Я рад] Давно [уж] хочу стряхнуть грехов

обузу

²⁹ *Перед:* Благословишь / [Велишь звонить в колокола?]
^{33—36} *сходят два стрельца ~ через мост. / сходит стрелец с бердышем и становится у нещеры, Служка с мосту машет рукой, в монастыре начинается звон. Свита располагается на горе и на мосту, кто сидит, кто лежит. Занавес.*

С. 491

⁴⁰ у нас / у вас

С. 493

⁷ Да что с тобой / Да что[й-то ты] с тобой

¹⁹ народ / [его] народ

²³ и ростом, и дородством /

и [складом, и сноровкой] ростом и дородством

²⁴ и уж складна / и уж [с лица] складна

^{31—32} Мне Бог с тобой ~ Красавица. /

1) Я только, что уж очень

Красавица; а мне Господь с тобой.

2) ♦

³⁶ Да вижу я, что правду. /

[Обиды нет] [Да я не обижаюсь]

Да вижу я, что правду. [Эх, милый мой]

С. 494

²¹ И то придём. / И то [приду, да не одна] придем.

³⁰ к забору / к [воротам] забору

³⁰ После: и отмыкает калитку. —

[Олёна

Готовы что ль?

Резвый

Готовы, за забором.

Спрошу пойду, погоду <?> маленько]

³³ *Кубас входит в калитку. /*

Входят Кубас и [Дубровин] и остаются у калитки.

С. 495

² *потом Дубровин / Дубровин, (потом Шут)*

¹² *(Дубровину) / (Роману)*

С. 501

²⁴ Он рядом здесь пирует. /

[Там пир идет на славу] Он рядом здесь пирует.

²⁷ мёд-пиво пил — прогнали /

1) мед-пиво пил.

Неустройко
Прогнали,

Как водится?

2) ◇

С. 503 19—20 *слуги воеводы и сенные девушки / сенные
девки*

24 *сенные девушки / сенные девки*

34 *Перевяжем / [Что того] Перевяжем*

С. 504 18 *Коль нас судить по правде, надо камень /*

1) Коль нас судить с тобой, так надо камень; 2) ◇

24—27 *Ремарки: Ульяна, Неустройко ~ <воевода>. — нет.*

С. 505 9 *Перед: Насилу одолели. / [И то его]*

С. 506 14 *наш, мол / прежний*

16—17 *поволил ~ удалиться /*

желает

Мирскую суетную жизнь оставить

19—20 *посвятить ~ в иноческом чине /*

доживать

В смиренном сане инок

29 *Перед: Казной своей — начато: [Добр<ом>]*

С. 508 5 *И с рукобительем взять из дому лучше /*

1) Из дому взять бы лучше; 2) ◇

7 *Бери её с собой / [Пойдешь] Бери ее [себе] с собой.*

8 *жди меня на рукобителье. /*

1) по рукам.

(слугам)

За мной, робята.

2) ◇

9—17 *(Облезлову.) ~ (всем кланяется) /*

[Поклон и вам!]

(Кланяется всем.)

С. 509 18 *Аль ты забыл царёв наказ о беглых? /*

1) А есть наказ о беглых, аль забыл? 2) ◇

Варианты театральной писарской копии (ТПК₁); (ТПК₂)

С. 375 37 *площадка / соборная площадка*

38 *крыши домов / кровли домов (ТПК₂)*

С. 376 23 *Перед: Слушайте — помета: говорить пореже (ТПК₂)*

25 *чтобы вы / что[бы] вы (ТПК₁); что вы (ТПК₂)*

С. 377 11 *живьём / живых*

- С. 378 ²⁰ разыщет / разыщут
 С. 379 ¹⁶ проести / проестки
 С. 380 ⁹ не полезешь / не полезет
²¹ Влилось. / [Влилося.]
³¹ всё / вся
 С. 381 ³² Ни волоска / Ни волоса
 С. 384 ³¹ затрёсся / затрясся (ТПК₂)
²⁹ Колпак / Кафтан (ТПК₂)
³⁴ стакався / стакавшись (ТПК₂)
³⁶ Поклёпами / Покорами
 С. 385 ¹⁷ есть аль нету / есть аль нет
 С. 388 ²² Стыдишь меня / Стыдить меня
 С. 395 ¹¹ теперя / теперь (ТПК₂)
 С. 400 ⁹ *Ремарки: Его удерживают. — нет.*
 С. 401 ²² Резвый / Резвой¹
 С. 402 ¹⁷ За тридесять морями / За тридевять морями
 С. 405 ¹⁸ начинали / начинала
 С. 414 ^{32—36} Настасья ~ Чтоб нам не плакаться. /
 Влас
 Да с чего ей?
 Об чем скучать. Растет, толстеет, всходит,
 Как на дрожжах опара.
 Настасья
 Ты, боярин,
 Не обижай! В любви держи да в холе,
 Чтоб нам не плакаться.
 С. 420 ³¹ досмотришь / усмотришь
 С. 424 ¹⁹ незнан / негнан
 С. 426 ¹⁵ *После: Как увидал меньшую —*
 Так подавай ее, а ту не надо.
 С. 428 ³ в Шестокрыл и в Рафли / в шестокрыл и рафли
³² *Ремарки: (Кланяется.) — нет.*
 С. 437 ²⁹ птица пролетела / птица прилетела
 С. 439 ²³ занёс / занес тебя
 С. 441 ¹³ Как спали-ночевали? / Как спали, ночевали?(ТПК₂);
 Как спали, почивали? (ТПК₂)
³⁴ на месте мамки / на место мамки
 С. 442 ³⁵ попутать / погонять (ТПК₂)
 С. 448 ²³ не плакала / не плакали (ТПК₂)

¹ Далее в I действии до IV явл.: Резвый / Резвой

- С. 449 ³⁴ (открывая глаза) / (открыв глаза) (ТПК₁); (открывает глаза) (ТПК₂)
- С. 455 ²⁴ После: в головах постой. — (Пауза.) (ТПК₂)
³⁶ А тебе-то алеть / А тебе алеть
- С. 457 ⁷ бортники / батраки
²⁰ Курчай, Кулик и Сидор / Курчай и Сидор (ТПК₂)
²⁹ Клим / [Клим] Гаврило (ТПК₂)
- С. 458 ³⁷ А вы, робя? / А вы, робя? Отколь¹ (ТПК₁);
 [А] вы, робя? [отколь?] (ТПК₂)
- С. 460 ¹⁷ Благодарствуйте. / [Благодарствуйте]
- С. 464 ³⁸ так до ночи доскачешь / до ночи не доскачешь.
- С. 467 ¹⁹ Челом тебе! / Че[го ж]лом тебе! (ТПК₂)
- С. 468 ² силу-удаль попытаем / силу, удаль попытаем (ТПК₂)
- С. 471 ⁶ дойти пешком в обитель / зайти пешком в обитель (ТПК₂)
- С. 472 ²¹ озерками / церквами (ТПК₂)
- С. 473 ¹³ и мы-то / мы-то
¹⁹ с кузовком / с кузовом
²⁰ бродит / ходит
- С. 476 ¹ кажите / скажите
³⁷ не лезть / не лезь
- С. 480 ⁸ Ерголь / [Ерг<оль>] [Калга] Вотря (ТПК₂)
²⁰ После: Дубровин — (один) (ТПК₂)
- С. 481 ¹² Молчание. / (Помолчав.) (ТПК₂)
- С. 487 ¹² Ремарки: (вместе) — нет. (ТПК₂)
- С. 490 ²⁸ задними воротами / резными воротами (ТПК₂)
- С. 492 ^{23—24} После: Робятушки, он вор! — слова: Робятушки! — нет.
- С. 494 ³⁰ отмыкает калитку / отколачивает калитку
- С. 496 ¹³ и прячется в кустах / и прячется в кусту
- С. 497 ¹⁶ питье-снетъё хмельное / питье, литье хмельное
²⁹ кто шил / кто ж шил (ТПК₂)
³² (Плачет.) / (Плача.) (ТПК₂)
- С. 503 ^{18—19} Дружина, Влас Дюжой ~ другие посадские /
 Дружина, Тыра, другие посадские (ТПК₂)
- С. 504 ¹³ когтями / ногтями (ТПК₂)
²⁵ Цаплин / Цапля² (ТПК₂)
- С. 506 ⁵ И рад бы я, да связан. / И рад бы, да я связан.
¹⁰ долго осматривается / и долго осматривается
- С. 508 ⁵ из дому / из дома
⁹ Ремарки: (Облезлову.) — нет.

¹ Слово вписано карандашом.

² Далее: Цаплин / Цапля

КОММЕНТАРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЬЕСЫ А. Н. ОСТРОВСКОГО (1861—1865)

В середине XIX века, в условиях общественных реформ, в России заметно усилился интерес к прошлому страны. Активная деятельность различных научных обществ, публикация многочисленных исторических материалов, развитие исторической науки, связанное с именами К. Д. Кавелина, С. М. Соловьёва, Н. И. Костомарова, И. Е. Забелина, — всё это создавало атмосферу глубокого научного поиска, искренней любви к своему отечеству. В эти годы предметом наиболее пристального внимания стали важнейшие политические и социальные перемены, проявление народной активности на разных исторических этапах. Не случаен интерес к периоду правления Ивана Грозного, к Смутному времени, к годам петровских преобразований, к Отечественной войне 1812 года.

В процесс осмысления русской истории и народного характера включилась и литература. Исторические темы волновали Л. А. Мея, А. К. Толстого, Н. А. Чаева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Н. Толстого и др. Каждый писатель шёл своим путём, и каждый по-своему отразил историю. Своё веское слово сказал и А. Н. Островский, перу которого принадлежат исторические пьесы: «Козьма Захарыч Минин, Сухорук», «Воевода (Сон на Волге)», «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», «Тушино», «Василиса Мелентьева» (в соавторстве с С. А. Геденовым), «К омик XVII столетия».

Островский всегда проявлял интерес к прошлому, внимательно читал исторические труды, пытаясь глубже понять государственную и частную жизнь людей минувших эпох. Обращение к исторической тематике объясняется ещё целым рядом причин. Будучи обиженным отношением театральной администрации к своим произведениям, он принимает решение не писать более для театра, о чём поведал в письме к Ф. А. Бурдину от 25 сентября 1866 года: «...при моём положении в литературе, играть роль вечно кланяющегося просителя тяжело и унизительно. <...> Современных пизз я писать более не стану, я уж давно занимаюсь русской историей и хочу посвятить себя исключительно ей — буду писать хроники, но не для сцены».

Но не только это объясняет решение драматурга. Он всегда оставался страстным борцом за демократический театр, выступая с просветительских позиций. У него уже сложилось представление о сценическом искусстве и о задачах драматургии. В «Записке о положении драматического искусства в России в настоящее время» Островский писал: «Ещё сильнее действуют на свежую публику исторические драмы и хроники: они развивают народное самопознание и воспитывают сознательную любовь к отечеству. <...> Историк передает, *что было*; драматический поэт показывает, *как было*, он переносит зрителя на самое место действия и делает его участником события». Исторические сюжеты дают возможность писателю сказать о народе нечто иное по сравнению с тем, что могли выразить сюжеты на современные темы.

Написанию исторических произведений предшествовало у Островского тщательное изучение различных исторических материалов. «История государства Российского» Н. М. Карамзина, труды И. Е. Забелина, С. М. Соловьёва, А. П. Щапова, «Летопись о многих мятежах», «Акты археографической экспедиции», «Акты исторические», «Акты, относящиеся до юридического быта Древней России», «Иное сказание о самозванцах», «Никоновская летопись», «Собрание государственных грамот и договоров» — далеко не полный перечень того, с чем внимательно

ознакомился драматург¹. Глубоко проникая в особенности жизненного уклада прошлого, Островский включал в тексты пьес грамоты, указы, вводил в состав действующих лиц шутов, скоморохов, юридических, глашатаев.

Важнейшие исторические и политические проблемы осмысливаются драматургом в их тесном единстве с повседневной жизнью русских людей. Они показаны не только в ситуации подъёма патриотических или свободолюбивых настроений, но и в семейных заботах, в интимных переживаниях, оставаясь самими собою, разными и узнаваемыми. Это качество придало пьесам Островского особую яркость, красоту, сочность, теплоту и живость. Кроме того, Л. М. Лотман обращает внимание на то, что «в отличие от большинства современных ему русских писателей, Островский видел Россию не как страну деревень и усадеб, а как страну древней, исконной городской культуры»².

Исторические хроники «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» и «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» историко-литературными нитями связаны с трагедией «Борис Годунов» Пушкина и с художественным опытом Шекспира, воплотившими принцип творческой свободы. О сознательном следовании традициям Пушкина говорит и то, что хроники написаны белым пятистопным ямбом. Уже первая из них — «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» (1861) — вызвала среди критиков споры. Отрицательные оценки сводились к тому, что в пьесе на историческую тему отсутствует яркий трагический герой, недостает эффектности в действии и построении произведения. Другие критики упрекали автора в том, что на первый план выдвинуты народные массы и человек из народа. Третий не устраивал довольно заметный религиозно-мистический элемент. Решительно вступились за «Минина» П. В. Анненков, назвавший хронику драмой нового типа³, и Ап. Григорьев, поставивший автора в один ряд с Шекспиром⁴.

Недоумения рецензентов можно объяснить тем, что Островский нарушил существовавшую традицию, в соответствии с которой на историческом материале создавались трагедии или хроники трагедийного типа, как, например, у Шекспира. Островский представил историю не в столкновении выдающихся личностей и исключительных характеров, которые проявили бы себя в эффектных эпизодах, не в острой борьбе социальных и политических коллизий эпохи, а, как подметил Анненков, в эпически развёрнутом изображении исторических событий.

Для хроники Островский выбрал очень важную страницу из эпохи Смутного времени, когда особенно наглядно проявилась активная роль патриотического движения в борьбе с польской интервенцией 1611—1612 годов, — сбор народного ополчения в Нижнем Новгороде. Такая тема требовала адекватного и необычного для Остров-

¹ Об источниках исторических пьес А. Н. Островского см.: *Кашин*. <Т. 1.> С. 153—184; *Бочкарев*. С. 54—56; *Уманская М.* Русская историческая драматургия 60-х годов XIX века. Вольск, 1958. С. 129—130; *Лотман Л. М.* Козьма Захарьич Минин, Сухорук. <Комментарий> // *ПСС-12*. Т. 6. С. 564—565; *Виноградов А. А.* Об исторических источниках хроники А. Н. Островского «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» // *Филология: научные исследования*. М., 2018. № 4. С. 287—295.

² *Лотман Л. М.* Русская историко-филологическая наука и художественная литература второй половины XIX века // *Русская литература*. 1996. № 1. С. 32.

³ *Анненков П. В.* О «Минине» г. Островского и его критиках // *РВ*. 1862. № 9. С. 397—412.

⁴ *Григорьев А.* По поводу одного, мало замеченного современного критиком явления. Письмо из Оренбурга к Н. Косице. (Письмо первое) // *Якорь*. 1863. № 2. Март. С. 21—24.

ского сценического решения: до сих пор драматург изображал, как правило, частные формы жизни, писал пьесы со сравнительно ограниченным количеством персонажей, а в «Минина» он включил массовые сцены, передающие настроение, переживания, образ мыслей нижегородцев. Драматург показал не безликую и статичную массу, а сознательно действующих людей, среди которых выделились индивидуализированные лица: степенный и рассудительный Аксёнов, стыдливый Губанин, жадный и эгоистичный Лыткин, любитель поспорить Тёмкин и др.

В жизни народа бывают переломные периоды, когда он начинает остро чувствовать свою причастность к истории, к судьбе страны. Островский показывает, как все социальные слои объединились в порыве освободить Россию от иноземцев, в чём проявились их лучшие качества. Нижний Новгород изображён городом, вобравшим в себя дух вольных городов Новгорода и Пскова. И. Е. Забелин в работе «Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время» писал: «В общих чертах “Смута” представляет явление весьма своеобразное. Это не революция, не перестановка старых порядков по-новому. Это только глубокое потрясение, великое “шатание” именно государства в сказанном смысле: ибо в это время всесторонним банкротом оказался не народ, а само правительство, сама правящая и владеющая власть, и в соей единице, и в общем составе своих представителей, между тем, как народ-то именно обнаружил такое богатство нравственных сил и такую прочность своих исторических и гражданских (именно гражданских) устоев, какую в нём и предполагать было невозможно»¹. Борьбу нижегородского ополчения Островский трактует как национально-освободительное движение и как борьбу за «молодшую, обидимую братью». Такой подход весьма красноречиво свидетельствует о взглядах автора, для которого народ — понятие не социальное, а национальное. Это простой люд, купечество, бояре, воевода Алябьев, князь Пожарский. Сходным было отношение к народному вопросу и у Л. Н. Толстого, который решал его не с классовых, а с более широких историко-национальных позиций, включая в понятие народ всех людей, которых объединяет чувство любви к России. Именно эта мысль с особой силой звучала у Толстого в романе «Война и мир».

В соответствии с законами жанра в исторической хронике события выстроены в хронологической последовательности, а «организующей силой сюжета предстает сам ход времени, которому подвластны действия и судьбы персонажей»². Сюжет строится по принципу чередования сцен, действие свободно перемещается из интерьера на городскую площадь. Драматург не просто создаёт образ народа, а отражает движение раскрепощённого коллективного разума и развитие чувства патриотизма и национальной свободы. Поэтому важнейшая роль в пьесе отведена массовым сценам, каких ранее у Островского практически не было. В художественной форме воскрешая события 1611—1612 годов, он отражает народную боль, вызванную нависшей над Москвой и всей Россией угрозой. При этом крупные мазки, общие черты не стирают, а, напротив, выявляют индивидуальное.

В исторической драме массовая сцена, как правило, связана с решением драматургом темы народа, проблемы его участия в истории. В русской исторической драматургии народ нередко предстаёт силой, активно включающейся в борьбу за святую вольность («Марфа Посадница, или Покорение Новгорода» Ф. Ф. Иванова),

¹ Забелин И. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1896. С. 1.

² Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 487.

в борьбу против тирании («Радамист и Зенобия» А. С. Грибоедова, «Аргивяне» В. К. Кюхельбекера), против притеснителей-иноземцев (пролог к трагедии «Богдан Хмельницкий» К. Ф. Рыльева, «Альфред» Н. В. Гоголя). В массовых сценах отображается психология не отдельной личности, а группы людей и подчас — целого народа. Таким сценам отдавали должное ещё А. П. Сумароков, В. Т. Нарежный, Ф. Ф. Иванов.

Так, в трагедии Иванова народ предстаёт в образе хора, открывающего действие. На фоне ударов вечевого колокола звучат слова, передающие вольнолюбивый настрой новгородцев:

Глас, любезнейший народу!
Гнусна рабства грозный враг!
Глас, вещающий свободу
И тиранам грозный страх.
Век по стогнам раздавайся
И свободу здесь тверди,
В сердце вольном отзывайся
И блаженство нам блюди¹.

Народ требует от посланника Ивана III смириться перед вольным городом: «Смирись перед ним! Иль смерти ты страшись!»². Различные реплики, отдельные «голоса из народа» передают общую готовность жителей Новгорода «за вольность умереть», «сразиться с Иоанном»³.

Стремление выделить отдельных представителей из народа сказалось на построении массовой сцены у Рыльева в прологе к «Богдану Хмельницкому». Здесь уже появляются определённые лица, каждое со своей судьбой, бедой, просьбой, с которой он идёт к еврею Янкелю. Рылееву важно было показать, как зреет общий протест украинского народа, страх перед которым начинают испытывать его притеснители. В пушкинском «Борисе Годунове» сконцентрировался опыт предшественников, обогащённый новым творческим методом и гением автора. Поэт отразил и бедственное положение народа, и разные этапы народного протеста, и то, как ловко манипулируют им все, кто рвётся к власти, понимая, что для достижения своих честолюбивых замыслов они должны опереться на активную поддержку народа. Проблему участия масс в историческом процессе Пушкин рассматривает в широком плане, глубоко осмысливая различные политические коллизии, охватывая художническим взором разные сферы общественной жизни. Трагедия «Борис Годунов» для будущих поколений русских драматургов явилась не только этапным произведением, но и образцом художественного осмысления истории России. Интерес к народному движению проявил и К. С. Аксаков. В драме «Освобождение Москвы в 1612 году» народ показан, как замечает М. Ю. Карушева, по принципу хора, что подчинено идеологической позиции автора: «По мнению славянофила-драматурга, Русь победила внешних и внутренних врагов, преодолела политический хаос благодаря общинному строю жизни. Общинность и соборность — два столпа русской национальной жизни, источник духовной силы»⁴. Значительная роль сценам

¹ *Иванов Ф. Марфа Посадница, или Покорение Новагорода. Трагедия в стихах, с хорами, в пяти действиях. М., 1809. С. 5.*

² Там же. С. 13.

³ Там же. С. 28.

⁴ *Карушева М. Ю. Славянофильская драма. Архангельск, 1995. С. 176.*

с участием народа принадлежит в драмах Л. А. Мей. Народ как активная историческая сила появляется у драматурга в «Сервилии» — здесь автор выводит на сцену римских граждан. Можно сказать, всё первое действие пьесы — это изумительная по красоте массовая сцена, посредством которой Мей воспроизводит быт, нравы, характеры людей древнего Рима. Жестокостям, террору, несправедливостям противостоит учение христианства, оказавшееся таким жизнеспособным, что никакая сила не смогла пресечь его. Не случайно в финале драмы Мей народ требует, чтобы во время суда над философами-стоиками было учтено мнение рядовых римлян. Центральной в драме «Псковитянка» является сцена веча; псковский люд показан в движении и разногласии. Каждая реплика и каждая ремарка передают общее волнение, вызванное известием о разгроме Новгорода и походе Грозного на Псков.

«Козьма Захарыч Минин, Сухорук» — пьеса с центральным героем-резонёром. Козьма Минин, нижегородский мясник, выдвинутый народом за его честность, патриотизм, ораторский дар, организаторские способности, является идейным и композиционным центром произведения. Минину принадлежат очень важные слова о России, он объединяет людей и организует ополчение. Минин — подлинно народный герой, настоящий лидер, признанный согражданами. Он показан в гуще нижегородского люда, как среди наиболее бедной её части, так и в окружении знати. В этих сценах драматург передаёт настроение, характеры, направление мыслей нижегородцев. Можно сказать, что хроника построена по принципу *crescendo*, когда от сцены к сцене нарастает напряжение. В третьем явлении второго действия Козьма говорит о необходимости для успеха дела обратиться к народу:

Себя забудь и дел своих не делай!
На улицу, на площадь, на базары,
Где есть народ, туда и ты иди!

Всё действие четвёртого акта происходит на площади в Кремле. Стержнем этой части хроники является реакция народа на грамоту, доставленную из Сергиева монастыря. Из различных реплик создаётся калейдоскоп лиц, мнений, оценок, атмосфера тревоги, понимания, сколь сложна ситуация, когда «Москва гибнет», «гибнет вера православная».

Рядовые горожане готовы за Москву, за государство, за православную веру «до смерти стоять». Православному сознанию присуще убеждение в вечной жизни души. Земная жизнь — это лишь подготовка к вечности, когда за все земные деяния придётся держать ответ перед Богом. И люди готовы в ответственный момент за веру православную «хоть сейчас умирать». Они твёрдо убеждены: «Потому, коли ты за веру пострадал, небесное царствие наследуешь». А в третьем явлении воевода даёт народу характеристику:

С таким народом можно дело делать
Великое. Он кроток, как дитя,
Он плачет. Но, взгляните, эти слёзы —
Не хныканье старух и стариков;
В них сила страшная...

В пятом явлении Минин обращается к народу: «Поможем, братья, родине святой!» И в ответ нижегородцы клянутся: «Всё отдадим! — Теперь не до нарядов! В нарядах суета мирская ходит!» И до конца четвёртого действия продолжается сбор средств

на ополчение, когда люди несут «сундуки и ларцы», когда юродивый отдаёт свои последние копейки.

В тяжёлую годину общее становится личным, личное — общим. Островский изображает жизнь героев, которая имеет открытый характер и проходит на миру. Положив в основу произведения исторический факт (сбор нижегородского ополчения), драматург создал пьесу, максимально приближённую к народному мироощущению и отразившую коренные качества народного характера. Правда, хроника несколько отягощена пространными монологами Минина, мистическими элементами, персонажам недостаёт живости, психологической глубины, что и вызвало упреки у части критиков. Так как пьеса к постановке была запрещена, через шесть лет Островский написал новую редакцию и как новое произведение направил её в драматическую цензуру. Во второй редакции он смягчил религиозные и социальные мотивы, добавил эпизоды битвы нижегородцев под Москвой и возвращение ополченцев в Нижний Новгород. Изменена и развязка любовной интриги. В новой редакции Марфа Борисовна не удаляется в монастырь (как в первой редакции), а даёт согласие боярину Поспелову стать его женой. Самое значительное изменение выразилось в том, что в новой редакции действие завершается избранием на русский престол Михаила Романова.

Ещё в 1850-е годы (под впечатлением организованной Морским министерством этнографической экспедиции по Волге) у Островского возник замысел пьесы «Воевода», которая была написана в 1864 году. Кроме исторических материалов в общем узоре пьесы нашли место бытовые и лирические песни, былина, сказка, обрядовая поэзия, духовные стихи, пословицы, поговорки, народная драма «Людка» — они оказались необходимы для точного и яркого воспроизведения эпохи середины XVII столетия и обогатили поэтику жанра лирико-бытовой драмы.

В «Воеводе» переплетены две творческие тенденции: расширение темы исторического смысла частной жизни человека и углубление политической линии. Бытовые и внутриобщественные отношения не просто выстраиваются автором на историческом материале, а осмысливаются в рамках определённой политической системы, которая основана на произволе и деспотизме воевод. Воеводы обладали практически неограниченной властью, о чём историк В. О. Ключевский писал: «Воевода не собирал кормов и пошлин в размерах, указанных уставной грамотой, которой ему не давали; но не были воспрещены добровольные приносы “в почесть”, и воевода брал их без уставной таксы, сколько рука выможет. В своих челобитных о назначении соискатели воеводских мест так напрямки и просили отпустить их в такой-то город на воеводство “покормиться”»¹.

Воевода Нечай Шалыгин изводит людей незаконными действиями, неограниченная власть позволяет ему мучить народ поборами, оскорблениями, вмешиваться в дела горожан и в их семейную жизнь. На это самовластье люди отвечали разбойничеством или пустынноничеством — своеобразной формой протеста в XVII столетии. Ушёл в разбойники Роман Дубровин (у него воевода увёл жену Ольгу в свой терем) и под именем Худояра прославился как предводитель разбойников. Автор несколько романтизирует своего героя: он не обижает обидимых, «рук не кровянит; а на богатых кладёт оброк, служилых да подьячих не жалует». Поддерживает Романа и Степан Бастрюков, которого воевода разлучил с его невестой, прельстившись её красотой.

¹ Ключевский В. О. Курс русской истории: в 9 т. Т. 3. М., 1988. С. 140.

Широкая историческая панорама жизни XVII века дополняется намёками на восстание Степана Разина, на окончательное закрепощение крестьян. В этом отношении знаменательна сцена на постоялом дворе, где старуха, качая младенца, поёт песню о бедственном положении народа.

Бунтарский дух народа воплотился в сильных, вольнолюбивых характерах. Но Островский истинным бунтарям противопоставляет воров, мошенников, которых власть всячески поддерживает и на которых опирается в борьбе с теми, кто оказывает сопротивление беззаконию и деспотическому произволу (об этом говорится, в частности, в прологе). Люди, живущие в большом волжском городе, наделены жизнелюбием, смекалкой, выдумкой. Чтобы одурачить воеводу, они наряжаются скоморохами, крестьянами, хитрят, ловчат. Бойкие на язык, горожане сохранили остроту чувства и трезвость ума. Ситуация толкает их на различные мистификации, увёртки, уловки.

Персонажи показаны в нерасторжимой связи с верованиями, обрядами, приметами, а также с природой. Роман Дубровин над Волгой «думу думал» и «с соловьями речи говорил». Вспоминая о муже, Олёна горюет:

А где Роман гуляет,
Где буйною головошкой качает,
Печёт ли солнце, дождик ли сечёт
Ясного сокола...

Прочно вошла в сознание героев Волга. На её берегу разворачивается действие, по Волге плывут лодки со слугами Степана Бастрюкова, намеренно уронила в реку фату Олёна, чтобы встретиться с Марьей Власьевной. Волга — река вольных людей, протестующих против деспотизма Нечая Шалыгина.

Колоритны в пьесе и персонажи, и природа. Островский, можно сказать, живописует обстановку, он расширяет функции ремарки, превращает их в выразительные многоплановые описания. Ремарки в «Воеводе» превращаются в узорчатые картины. Городская площадь показана с Гостиным двором, с городской стеной, которая «постепенно понижается к правому углу». Каменная ограда, ворота, крыши домов — реалистический образ города, за которым «видна Волга». В других сценах ремарки содержат описание ущелья в лесу с конкретными деталями (гора, овраг, монастырь) или сада Власа Дюжого («терем с выходом и крыльцом», тын, «виден берег Волги»). Многоплановое пространственное решение отличает и сцену сна домового. Так тщательно драматург продумывает убранство сцены, декорации, не отделяя текст от сценического искусства. Декорации, по мнению Островского, «необходимы не только для блеска обстановки, но и для правдоподобия изображаемой в пьесе жизни», о чём он писал в «Записке по поводу проекта “Правил о премиях императорских театров за драматические произведения”»: «Как в жизни мы лучше понимаем людей, если видим обстановку, в которой они живут, так и на сцене правдивая обстановка сразу знакомит нас с положением действующих лиц и делает выведенные типы живее и понятнее для зрителей».

Благополучная развязка (Роман Дубровин соединяется с Ольгой, а Степан Бастрюков — со своей невестой Марьей Власьевной) не означает конца тревогам: хотя Нечая Шалыгина сменил другой воевода, никто не уверен в его справедливости и честности; напротив, боятся, как бы новый не оказался ещё хуже.

Пьеса «привела в умиление» И. С. Тургенева. «Эдаким славным, вкусным, чистым русским языком никто не писал до него! <...> Какая местами пахучая, как наша русская роща летом, поэзия! Хоть бы в удивительной сцене “Домового”. Ах, мастер, мастер, этот бородач! Ему и книги в руки. <...> Сильно он расшевелил во мне литературную жилу», — признаётся писатель в письме к И. П. Борису от 16 марта 1865 года¹.

Без особых препятствий комедия была разрешена к постановке, а её сюжет привлёк внимание композиторов П. И. Чайковского и А. С. Аренского, написавших оперы, и в обоих случаях сам Островский принимал участие в составлении либретто.

И. А. Овчинина

В состав 4-го и 5-го томов вошли произведения А. Н. Островского на историческую тему. В 4-м томе представлены драматическая хроника «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» (1-я и 2-я редакции), комедия «Воевода (Сон на Волге)», а также написанная в 1885 году 2-я редакция пьесы «Воевода (Сон на Волге)» и сохранившийся черновой набросок задуманной в 1850-е годы драмы, посвящённой Ксении Борисовне Годуновой. Тексты для 4-го тома подготовили А. А. Виноградов («Козьма Захарьич Минин, Сухорук» — 1-я редакция, «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» — 2-я редакция), Е. Н. Белякова («Воевода (Сон на Волге)» — 1-я редакция, «Воевода (Сон на Волге)» — 2-я редакция), А. С. Перникова («Фрагмент драмы, посвящённой Ксении Годуновой»). В подготовке и написании комментариев принимали участие А. А. Виноградов («Козьма Захарьич Минин, Сухорук» — 1-я редакция, «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» — 2-я редакция), Е. Н. Белякова («Воевода (Сон на Волге)» — 1-я редакция, «Воевода (Сон на Волге)» — 2-я редакция), И. А. Овчинина («Козьма Захарьич Минин, Сухорук» — 1-я редакция), А. С. Перникова («Фрагмент драмы, посвящённой Ксении Годуновой»). Указатель имён составлен Д. М. Аникиной и И. П. Вербой. Редакция издания выражает искреннюю благодарность редактору тома И. П. Вербе.

¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. Т. 6. М., 1989. С. 124.

КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧ МИНИН, СУХОРУК

<Первая редакция>

Впервые опубликовано: *Современник*. 1862. № 1. С. 5—116.

Рукописные источники:

— черновой автограф (ЧА): РГБ. Ф. 216. М. 3095. Ед. хр. 1. Л. 1—48;

— белой автограф (БА): РГБ. Ф. 216. М. 3244. Ед. хр. 1. 10 л.; М. 3095. Ед. хр. 1. Л. 49—86;

— цензурная писарская копия (ЦПК): СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 5 б. Д. 16. 64 л.;

— театральная писарская копия (ТПК): ГТБ. Шифр: 25252. 102 л.

Печатается по тексту издания: *Островский А. Н. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4.* СПб., 1867. С. 111—261 — со следующими основными исправлениями:

С. 12

^{34—35} *Вместо:* как Истинным... — как перед Истинным... (по ЧА, БА, *Совр.*)

С. 19

¹⁷ *Вместо:* подвохом — подвалом (по ЧА, БА, ТПК, ЦПК)

С. 20

²⁰ *Вместо:* Да у меня горлом не возьмёшь! — Да у меня ведь горлом не возьмёшь! (по ЧА, БА, ТПК, ЦПК, *Совр.*)

С. 21

⁵ *Вместо:* Новгородским духом — Новгородским духом (по ЧА, БА, ЦПК)

С. 27

⁹ *Вместо:* Нельзя нейдти. — Нельзя нейти. (по ЧА, БА, ТПК, ЦПК)

С. 50

²² *Вместо:* В бедах и горе — В бедах и в горе (по ЧА, БА, ТПК, ЦПК, *Совр.*)

С. 59

³³ *Вместо:* Выходит Семёнов. — Входит Семёнов. (по ЧА, БА, ТПК, ЦПК, *Совр.*)

С. 69

^{36—37} *После:* И алую точки по капле кровь! — (*Задумывается.*) (по ЧА)

С. 87

²⁹ *Вместо:* так и обмер — так я и обмер (по ЧА, БА, ТПК, ЦПК)

С. 88

¹⁷ *После:* Грамоту читают! — (*Подвигаются к собору.*) (по ЧА)

С. 93

²⁶ *Вместо:* коплёные трудовые — коплёные и трудовые (по ЧА, БА, ТПК, ЦПК)

С. 95

¹⁴ *Вместо:* Пойдти домой — Пойти домой (по ЧА, БА, ТПК, ЦПК, *Совр.*)

С. 106

¹⁵ *Вместо:* у притолки — у притолоки (по ЧА, БА)

С. 117

^{17—18} *После:* плясать по вашей дудке! — Раз кланялись, поклонитесь в другой! (по ЧА, БА, ЦПК)

С. 121

¹⁸ *Вместо:* Такого на святой Руси — Такого дела на святой Руси (по ЧА, БА, ТПК, ЦПК, *Совр.*)

Интерес к событиям прошлого проявлялся у Островского с ранних лет: в гимназии этому способствовали уроки словесности П. М. Попова, в Московском университете — лекции профессоров Д. Л. Крюкова по истории Древнего мира, Т. Н. Грановского по европейскому Средневековью, М. П. Погодина по русской истории. Уже в середине 1840-х гг. Островский размышляет о создании сочинения на историческую тему. Так, на полях рукописи «Две биографии» (1846) имеются записи: «Александр Македонский»; «Последний день Помпеи» (*ИРЛИ*. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 4 об.); в 1849 г. появляются черновые наброски к драмам об Александре Македонском и о Борисе Годунове¹; в 1855 г., по свидетельству С. В. Максимова, Островский начинает работу над пьесой «Козьма Захарыч Минин, Сухорук» (*Восп.* С. 75).

Эпоха Смутного времени привлекала многих писателей. В результате сложилось два типа сюжетов: в одних произведениях прославлялся подвиг Ивана Сусанина и восшествие на престол Михаила Романова, а в других воссоздавалась история освобождения Москвы от польской оккупации сквозь призму летописных источников². Задумав пьесу о возникновении ополчения в Нижнем Новгороде, драматург принципиально обращается к жанру хроники; легенда же об отважном крестьянине оказывается в стороне от его интересов. Современник вспоминает такой рассказ Островского: «Ведь вот наш костромич Сусанин не шумел: выбрал время к ночи, завёл врагов в самую лесную глушь; там и погиб с ними без вести, да так, что до сих пор историки не кончили ещё спора о том, существовал ли ещё он в самом деле на белом свете. А Прокопию Ляпунову понадобилась верёвка на шею, чтобы растрогать...» (*Восп.* С. 75). В «Записке о положении драматического искусства в России в настоящее время» (1881) Островский пишет: «Не всякий человек растрогается, прочитав, что Минин в Нижегородском кремле собирал добровольные приношения на священную войну, что несли ему кто мог, и бедные и богатые, что многие отдавали последнюю копейку; но тот же самый простой человек непременно прослезится, когда увидит Минина живого, услышит его горячую, восторженную речь, увидит, как женщины кладут к его ногам ожерелья, как бедняки снимают свои медные кресты с шеи на святое дело».

Прежде чем приступить к сотворению «живого» героя, Островский внимательно изучает исторический контекст. М. И. Семевский в письме к Г. Е. Благосветлову от 19 ноября 1855 г. писал: «Был у Островского. Застал его за выписками из актов Археографической комиссии. Толковали о множестве ныне изданных материалов отечественной истории... Островский, любя отчизну, ревностно занимается памятниками нашей старины» (*Восп.* С. 135).

В *ИРЛИ* в архиве А. Н. Островского хранится рукопись из 23 листов, являющаяся подготовительным материалом к созданию хроники (*ИРЛИ*. Ф. 218. Оп. 1.

¹ См. об этом: *Ревякин А. И.* Неоконченные произведения А. Н. Островского «Лиса Патрикеевна» и «Александр Македонский» // Учёные записки Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потёмкина. Т. 20. Кафедра русской литературы. Вып. 2. М., 1953. С. 87—104.

² Эти сюжеты нашли отражение в опере К. Кавоса «Иван Сусанин» (1815), в опере М. И. Глинки «Жизнь за царя» (1836), в драме Н. А. Полевого «Костромские леса» (1841); в трагедии М. М. Хераскова «Освобождённая Москва» (1758), в трагедии М. В. Крюковского «Пожарский, или Освобождённая Москва» (1807), в исторической пьесе С. Н. Глинки «Минин» (1809), в драматической хронике А. А. Шаховского «Смоляне в 1611 году» (1834), в драме Н. В. Кукольника «Рука Всевышнего отечество спасла» (1836), в драматической хронике К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году» (1850).

Ед. хр. 14). На титульном листе рукой Островского сделана надпись: «Козьма Минин. Чин выборного всей землёю русской». Рукопись представляет собой выписки сведений из следующих книг: Иное сказание о самозванцах // *Временник Московского общества истории и древностей*. Кн. 16. М., 1853; *Оболенский М. А.* Новый летописец и при нём дополнения, и предисловие // *Временник Московского общества истории и древностей*. Кн. 17. М., 1853; *Летопись о многих мятежах*. СПб., 1771; *Забелин И. Е.* Важный хронограф особого состава // *Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым*. Кн. 1. Отд. VI. М., 1850; *Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею*. Т. 2. СПб., 1841; *Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук*. Т. 2. СПб., 1836. Выписки, судя по почерку, внесены разными людьми, отдельные фрагменты, несомненно, принадлежат Островскому. Большую часть материалов занимают выписки из *АИ*, относящиеся к 1608—1609 гг., что в некоторой степени отразилось в воспоминаниях героев драмы о боевом прошлом. Из событий, изложенных в документах периода 1611—1612 гг., драматург выбрал несколько ярких эпизодов (например, сбор пожертвований, выход ополчения из Нижнего Новгорода в Ярославль), а также имена действующих лиц: Григорий Лапша и Иван Кувшинников (*Оболенский М. А.* Новый летописец и при нём дополнения, и предисловие. С. 100), Василий Семёнов (*АИ*. Т. 2. № 115. С. 141), Васька Лыткин, Семён Губанин (*ААЭ*. Т. 2. № 188. С. 323).

Н. П. Кашин, изучая творческую историю драмы, высказал мнение о том, что в основе драматической хроники лежит статья П. И. Мельникова-Печерского «Нижний Новгород и нижегородцы в Смутное время» (1843): «... в ней автор нашёл обстоятельное изложение всего хода исторических событий. Кроме того, она, надо полагать, повлияла на выработку общей точки зрения у автора на изображаемые события и на личности Минина и Биркина» (*Кашин Н. П.* Драматическая хроника Островского «Козьма Захарыч Минин, Сухорук» и её источники. СПб., 1910. С. 180). Анализируя летописные хроники, Н. П. Кашин выяснил также, что исторические прототипы имели другие герои: Иван Биркин (*ААЭ*. Т. 2. № 201. С. 248; *АИ*. Т. 2. № 286. С. 347), Пётр Оксёнов (*ААЭ*. Т. 2. № 201. С. 251), Роман Пахомов и Родион Мосеев (Там же. № 176. С. 301; № 194. С. 243), «писчик» Павлик (*АИ*. Т. 2. № 203. С. 234), стрелецкий сотник Баим Калзаков (*ААЭ*. Т. 2. № 142. С. 257). Таким образом, в процессе подготовительной работы Островский пользовался как летописными документами о Смутном времени, часть из которых представлена в рукописи «Козьма Минин. Чин выборного всей землёю русской», так и различными исследованиями на эту тему (см. об этом: *Уманская М. М.* Русская историческая драматургия 60-х годов XIX века. Вольск, 1958. С. 107—140; *Степанов А. Н.* А. Н. Островский и его библиотека // *Библиотека А. Н. Островского* (описание). Л., 1963. С. 9—11; *Литвиненко Л. С.* Историческая драма А. Н. Островского. Истоки. Традиции. Новаторство: на материале пьесы «Козьма Захарыч Минин, Сухорук»: дис. канд. филол. наук. Киев, 1978. С. 37—73).

Наброски первых сцен, сделанные, вероятно, в конце 1855 г.— начале 1856 г., придали Островскому уверенность в скором завершении драмы, он даже обещает отдать её в ближайший выпуск зарождающегося славянофильского журнала «Русская беседа». «К святой неделе¹ я, даст Бог, напишу... окончательно», — сообщал

¹ То есть к 15 апреля.

он М. И. Семевскому (*Восп.* С. 141). Но чем больше драматург погружался в исторический материал, тем сложнее представлялись отношения между событиями, что требовало создания новых сюжетных линий и уточнения прежних. 18 апреля 1856 г. Островский отправляется в этнографическую экспедицию по Волге, где продолжает работать над пьесой. «Что же касается до драмы его “Минин”, — извещал Семевский 15 июня 1856 г. Г. Е. Благосветлова, — то, сколько можно было заметить, Александр Николаевич, придавая ей особенно серьезное значение, трудится над ней не торопясь, по пословице: поспешишь — людей насмешишь» (Там же. С. 152). Слухи об исторической драме Островского, которая давно должна быть закончена, но никак не завершалась, достигли И. С. Тургенева. В письме от 7 ноября 1856 г. он спрашивает драматурга: «...а что Ваш Минин? Эту вещь Вы непременно должны сделать — кроме Вас её сделать некому — и надо, чтобы она у Вас вышла капитальною вещью. ...ни в одном из наших писателей русский дух не веет с такой силой, не играет так, как в Вас. Подарите нас всех и меня в особенности “Мининым”; — а мы Вам поклонимся все в пояс» (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. Т. 3. М., 1987. С. 146).

По условиям «Обязательного соглашения», подписанного между Н. А. Некрасовым и А. Н. Островским в феврале 1856 г., новое сочинение драматурга должно было появиться в одном из первых номеров «Современника» за 1857 г. В письме к Некрасову от 1 августа 1856 г. Островский сообщает о том, что «бережёт» драму для журнала, но к концу года становится ясно, что она далека от завершения. 14 декабря 1856 г. драматург пишет И. И. Панаеву о начале работы над комедией «Праздничный сон — до обеда», а уже 18 января 1857 г. отправляет экземпляр этой небольшой пьесы в «Современник». Работал ли Островский над хроникой с декабря 1856 г. по декабрь 1857 г., неизвестно. В письме от 8 марта 1857 г. М. Н. Островский спрашивает брата: «Что твоя драма “Минин”? Подвигается ли?» (*ЛН.* Кн. 1. С. 237). Долгое молчание драматурга начинает беспокоить Н. А. Некрасова. «...Александр Николаевич, отзовитесь, — просит он в письме от 26 сентября 1857 г. — Ей-богу, очень в сию минуту важен вопрос — написали ли Вы что-нибудь? пишете ли? и когда примерно можете прислать готовую вещь?» (*Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Т. 14, кн. 2. СПб., 1999. С. 93). Вскоре Островский отдаёт в «Современник» комедию «Не сошлись характерами» (опубликована в № 1 за 1858 г.), а в письме к редактору этого журнала от 2 декабря 1857 г. прозрачно намекает: «Я теперь готовлю Вам вещь довольно большую по объёму». По всей видимости, с декабря 1857 г. по август 1858 г. Островский усиленно работает над текстом драмы: в приписке к письму Некрасову от 24 января 1858 г. драматург уточняет: «Я постом¹ окончу “Минина” непременно»; 27 июля 1858 г. просит И. Ф. Горбунова сообщить графу Г. А. Кушелёву-Безбородко «по секрету, что пишется “Минин” и что он может попасть в “Русское слово”». Во второй половине июня 1858 г. Островский продаёт право на издание своих ранних сочинений Г. А. Кушелёву-Безбородко и начинает заниматься подготовкой текстов. Работа над хроникой затянулась: в период с 1859 по 1860 г. драматург периодически просматривает созданный материал, дописывает сцены, правит отдельные реплики и фразы. Сохранилось свидетельство К. В. Загорского о том, что в конце 1860 г. на квартире Н. И. Давыдова после одного из спектаклей Островский «сообщал своим близким знакомым план пьесы “Минин, Сухорук”, которую он в то время кончал»

¹ В 1858 г. Великий пост длился с 15 февраля по 3 апреля.

(Восп. С. 365). Таким образом, работа Островского над текстом драмы продолжалась, с учётом перерывов, фактически пять лет.

Ча является многослойным; наибольшую сложность вызвали первые три действия. Первое действие первоначально состояло из пяти явлений, но вскоре Островский существенно перерабатывает весь текст: разделяет 1-е явление на 1-е и 3-е, полностью переписывает 4-е явление, дописывает 2-е, 7-е, 9-е и 10-е явления. По ходу этой переработки менялся характер отдельных персонажей. Так, Лыткин из храброго нижегородца превращался в скупого и мелочного торговца (в дальнейшем все его патриотичные высказывания перешли к Пospelову), а речь Минина постепенно очищалась от излишних жалоб на жизнь. Несколько реплик главного героя были перенесены в последующие сцены: например, слова Минина о том, что нужно «знамения просить у Бога» (Ча: 4 явл., I д.), перешли в 3-е явление 2-й сцены II действия; а его уверение, что другие города поддержат восстание нижегородцев (Ча: 4 явл., I д.), в 7-е явление 1-й сцены III действия. Работа драматурга над усилением патриотических качеств у Минина продолжилась во II действии, изобилующем политическими монологами: «Не замолчу. На то мне дан язык...» (2 явл., I сц., II д.); «Знать, им не жаль ни крови христианской...», «И вправду. Нам теперь одна надежда...» (3 явл., I сц., II д.). По ходу развития сюжета Островский продолжал вносить изменения в характеры действующих лиц. Например, первоначально Пospelов в своих высказываниях избегал православной риторики; его реплика: «Мы не покидали...» (3 явл., 2 сц., II д.) — в Ча делится между Кувшинниковым («Им отвечать ~ За веру православную сложить») и Лапшой («Господь не принял»).

Первоначально III действие не имело деления на сцены и начиналось с диалога между Биркиным и Павликом (2 явл., I сц., III д.). Затем на отдельном листе был написан текст 1-го явления, т.е. сцена между Павликом и Лыткиным, что обусловило изменение нумерации последующих явлений; 8-е явление, где Нефёд сообщает отцу о гонцах от «Троицы Живоначальной», входило в Ча в состав 7-го явления и было выделено как отдельное явление только в белой рукописи. Не сразу сложились диалоги Марфы Борисовны с Пospelовым и с Татьяной Юрьевной (Ча: 4 и 5 явл., III д.), а также беседа Минина с Аксёновым (Ча: 7 явл., III д.). Четвёртое действие в Ча начиналось с подробного описания сцены народных волнений на нижегородской площади, впоследствии перенесённой во 2-ю сцену III действия. После реплики из народа: «Нет, пушай всё говорит!» — в рукописи значится: «Явл<ение> 2-е». Разделение 1-го явления на 1-е и 2-е обусловило изменение нумерации последующих явлений: 3-е явление, где Роман Пахомов рассказывает о положении в Москве, стало 2-м, а 4-е, включающее разговор народа с воеводой, 3-м явлением. Текст этого действия также имеет множество правок, а весь диалог между Мининым и Биркиным (3 явл., II сц., III д.) вписан на полях.

Автор не сразу определился с финалом драмы. Первоначально V действие хроника заканчивалось православным молебном и восклицанием Гриши: «Река бежит извирами... Москва!..» (Картина.); затем появилось новое пятое действие, т.е. сцена выборов, что изменило порядок и нумерацию предыдущих действий: прежнее пятое действие стало четвёртым, а четвёртое вошло в состав третьего, разделённого, вероятно, по этой причине на две сцены. В тексте IV и V действий особых разночтений нет, но некоторые реплики сложились не сразу. Например, воспоминание Минина: «И ног не слышишь; и заря-то ярче» (4 явл., IV д.), его рассуждение: «Плывёшь так

весело...» (2 явл., V д.); рассказ Пospelова: «Выходишь от обедни, помолясь...» (4 явл., IV д.), его реплика: «Вот, перво-наперво...» (3 явл., V д.). Не исключено, что первоначально драма заканчивалась сценой выборов, т.е. пятым действием. После слов: «Ты выборный от всей земли великой!» — в *ЧА* проведена горизонтальная черта, и сделана запись: «Конец». Эпilog написан на отдельных листах; здесь под последней ремаркой также вписано: «Конец». В тексте эпилога наибольшей правке подверглись высказывания Аксёнова из I-го явления: «Ну да, на Ярославль прямой дорогой...»; «Ну, нельзя же!...». Справа от реплики Пожарского: «Нижегородцы! Мы за вас идём...» — имеется ссылка на исторический документ: «стр. 269. № 210. А.А.А. Т. II» (*ЧА*: 4 явл., эпилог). В этой связи Н. П. Кашин заметил: «...речь Пожарского в драматической хронике представляет по существу простое, но конечно сокращённое переложение его речи, как она написана в актах. Прибавлено только обращение к нижегородцам с заявлением, что войска идут за них биться, жизни не жалея, да самая речь приняла форму обращения...» (*Кашин*. <Т. 1.> С. 154—155).

Осенью 1861 г. Островский переписывает пьесу набело. На первом листе *БА* имеется дата: «15 октября 1861 г.». Вероятно, к этому времени относится воспоминание П. Д. Боборыкина: «Он работал тогда над своим “Мининым”, отделывал его начисто; но первая половина пьесы была уже совсем готова. Он сейчас же начал говорить мне о своём герое, как он его понимает, что он хотел в нём воспроизвести. Замысел его нельзя было не найти верным и глубоко реальным. Минин — по его толкованию — простой человек, без всякого героического налёта, без всякой рисовки, тогдашний городской обыватель, с душой и практической сметкой. В его хронике нижегородский “говядарь” сбивается с этой бытовой почвы, и автор заставляет его произносить монологи в духе народнического либерализма. Но, судя по тем сценам, какие Островский мне прочёл, — а читал он, особенно свои вещи, превосходно, — я был уверен, что лицо Минина будет выдержано в простом, реальном тоне» (*Восп.* С. 186). 26 октября 1861 г. Островский пишет начальнику репертуарной части петербургских императорских театров П. С. Фёдорову: «...на днях я оканчиваю “Минина”, который мне стоит многолетних трудов и которого я мечтал видеть нынешней зимой на сцене». В тот же день он сообщает И. Ф. Горбунову: «Через месяц я буду в Петербурге с “Мининым”». Во второй половине ноября — начале декабря Островский обещает Ф. А. Бурдину: «Как только “Минин” будет готов, я буду в Петербурге». Работа над пьесой была закончена 9 декабря 1861 г., о чём свидетельствует дата на последнем листе *БА*. В процессе работы Островский окончательно определился с ходом драматического повествования (обозначены границы явлений во втором и третьем действиях) и характерами действующих лиц, что отразилось на перераспределении реплик между Мининым, Аксёновым и Пospelовым, между Тёмкиным и Губаниным; отдельные явления подверглись сокращению, другие, напротив, были дополнены. Например, в конце II действия появилась песня девушек: «Юность, моя юность...» (5 явл., 2 сц., II д.), а в финале драмы символичное напутствие народа: «Прощайте, Божьи воины! — Помогите вам Господь! — Вы за нас страдалцы; а мы за вас богомольцы!» (4 явл., эпилог).

В первой половине декабря 1861 г. Островский читает драму в Москве в кругу близких людей (см. письмо Островского к Б. Н. Алмазову от первой половины декабря 1861 г.), 24 декабря выступает с «Мининым» на творческом вечере у Н. А. Некрасова, а 15 января 1862 г. — на вечере в пользу литературного фонда в зале Бенардаки

(см. об этом: *Блинчевская М. Я.* «Козьма Захарыч Минин, Сухорук» и Некрасов (к истории первой публикации хроники) // *Наследие А. Н. Островского и советская культура*. М., 1974. С. 160—172). В декабре 1861 г. драматург представляет пьесу в театральную цензуру (*ТПК*), на Уваровский конкурс (*ЦПК*) и в журнал «Современник». Тексты копий незначительно отличаются от беловой рукописи: многие фразы, зачёркнутые в *БА*, теперь отсутствуют; появились дополнения, направленные на усиление мотивации поведения героев. В частности, возникла фраза Минина, отражающая перелом в настроении всех нижегородцев: «Довольно слёз, теперь нужна нам твёрдость!» (6 явл., V д.); дважды вводятся упоминания о трагических последствиях гибели Прокопа Ляпунова (6 явл., I д.; 3 явл., 2 сц., II д.).

На титульном листе *ТПК* имеется запись: «13 июля 1863 г. № 472. По журналу Театрально-литературного комитета 13 июля 1863, одобрено к представлению. За председателя комитета, А. Краевский». 7 октября 1863 г. пьеса вновь была на рассмотрении в комитете и снова получила высокую оценку цензора. В частности, И. А. Нордстрем отмечает: «Восстанием нижегородцев для очищения Русской земли от внешнего врага исключительно руководят религиозные чувства. Сам Минин не предпринимает ничего без благословения Церкви и согласия гражданского начальства, так что неизбежный в этой драматической хронике демократический элемент уступает религиозным мотивам и покрывается высокой целью этого народного движения: восстановления государственного строя России на монархическом начале. Пьеса исполнена искренних и высоких патриотических чувств» (*РГИА*. Ф. 780. Оп. 1. № 40. 1863. Л. 162). Однако управляющий III Отделением генерал-майор А. Л. Потапов даёт заключение: «Вследствие словесного объяснения с г. министром императорского двора <В. Ф. Адлербергом> запретить» (Там же. Л. 160—161)¹. Несмотря на позднюю дату в резолюциях, текст *ТПК* наиболее близок к *БА*, имеет поправки, которые отсутствуют и в *ЦПК*, и в экземпляре, переданном в «Современник». В начале XX в. на титульном листе *ТПК* появилась ещё одна запись: «Сочинение» А. Островского пересмотрено 31 августа 1904 г. чл-еном <совета> И. М. Литвиновым и разрешено с искл<ючениями>». При этом в тексте *ТПК* красными чернилами зачёркнута лишь часть диалога между Лыткиным и Аксёновым: «Теперь такое время, Пётр Аксёныч ~ И до конца нас хочет погубить» (*ТПК*: 3 явл., I д.).

Пьеса была представлена на Уваровский конкурс, о чём свидетельствуют записи на титульном листе *ЦПК*: «№ 1214. Декабря 30, 1861 года»; «Печать позволяется с тем, чтобы по опечатанью было представлено в Цензурный комитет узаконное число экземпляров. Санкт-Петербург. Декабря 30 дня, 1861 года. Цензор В. Бекетов»; «Получено 30 декабря. VI Уваровский конкурс. № 6». В 1862 г. премия литераторам не присуждалась, поскольку, по мнению К. С. Веселовского, ни в одной из пьес не было «того сочетания всех необходимых качеств драматических произведений, которое давало бы право признать её достойною Уваровской награды» (*Веселовский К. С.* Отчёт о пятом присуждении наград графа Уварова, читанный в публичном заседании Императорской Академии Наук // Отчёт о пятом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1862. С. 2). В рецензии П. В. Анненкова, посвящённой победителю шестого Уваровского конкурса, есть оговорка о том, что в «Минине» «драматический элемент

¹ См. об этом: *Свободов А. С.* Образы Минина и Пожарского у А. Н. Островского: две редакции «Козьма Захарыч Минин, Сухорук» // *Литературный сборник: Труды Горьковского гос. пед. ин-та*. 1940. Вып. 8. С. 75—103.

был так слаб, что помешал многим отдать справедливость этому произведению, как поэтическому осуществлению народных понятий об истории» (Анненков П. В. «Грех да беда на кого не живёт», драма в четырёх действиях, соч. А. Островского // Отчёт о шестом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1863. С. 39).

Несмотря на корректорскую правку, текст «Современника» имеет ряд опечаток; в частности, отсутствуют слова Аксёнова: «Михайло Салтыков да вор Андронов» (1 явл., I д.), реплика Пospelова: «Идут опять, и Пётр Аксёныч с ними...» (6 явл., V д.). Большинство этих неточностей исправлено при публикации пьесы в собрании сочинений Островского под редакцией Д. Е. Кожанчикова (1867); лишь фраза Аксёнова: «Раз кланялись, поклонитесь в другой!» (4 явл., V д.) — отсутствует и в этом издании, и во всех последующих (впервые восстановлена по рукописным автографам в ПСС-12).

А. А. Виноградов

Первый отклик на пьесу содержался в том же номере «Современника», где она и была напечатана. Редакция не стала давать развёрнутой оценки, а лишь ограничилась небольшой заметкой, предвещающей публикацию, общим тоном и самим фактом издания причислив творение Островского к литературным явлениям, заслуживающим внимания. Ещё до публикации Островский прочёл пьесу сначала у Некрасова 24 декабря 1861 г., а затем, 15 января 1862 г., — в зале Бенардаки на литературном вечере в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам, о чём и сообщалось в журнале «Современник»: «Литературные чтения даются чуть не ежедневно в пользу разных воскресных школ, бедных студентов и т. д. Последнее чтение в пользу нуждающихся литераторов и учёных было особенно замечательно: г. Островский прочёл своего *Минина*. — Об этом замечательном произведении нам нечего говорить; читатель прочтёт драматическую хронику г. Островского в этой же книжке «Современника»» (<Панаев И. И.> Петербургская жизнь. Заметки Нового Поэта // *Совр.* 1862. № 1. Современное обозрение. С. 95).

Горячо поддержал пьесу, услышанную в чтении автора, и анонимный рецензент газеты «Русский мир»: «Произведение это, говорим смело, замечательно в высшей степени». Заметив, что в хронике нет «одного общего строя исторической драмы», критик признаётся в том, что находится под сильным впечатлением от пьесы и пишет о её несомненных достоинствах: «Есть места, где действительно видишь движение всей массы народа в одну из величайших эпох нашей истории; есть места лирические, есть и просто нравоописательные сцены. Но что с первого раза поражает... более всего, это язык, язык, какого не бывало ни в одном произведении, законченный, верный и укладывающийся в стих с лёгкостью языка пушкинской «Русалки»» (Театральная и музыкальная хроника // *Русский мир*. 1862. № 3. 20 янв. С. 77).

По мнению В. К. Ржевского, пьеса «Козьма Захарыч Минин, Сухорук», в которой ярко выражено патриотическое чувство, стоит в одном ряду с драмой Н. В. Кукольника «Рука Всевышнего отечество спасла» и «является как перл, как камень самоцветный, среди бледных, полинялых произведений, коими наполнена первая книжка «Современника»» (Василий Заочный. <Ржевский В. К.> Обозрение литературных журналов за январь 1862 г. // *Северная почта*. 1862. № 45. 28 февр. С. 1).

Но в целом критика встретила хронику очень холодно. Драматурга упрекали в ходульности образов, в отсутствии живых характеров, конфликта, подлинного драматизма.

Так, П. И. Мельников-Печерский в статье «Наши журналы» (*Северная пчела*. 1864. № 67. 10 марта. С. 265—267) пишет об отсутствии действия, излишнем лиризме, о явном преувеличении религиозного чувства у нижегородцев, которые за два года до описываемых событий сжигали и грабили церкви, о неверном изображении Минина. Критик упрекает Островского в поверхностном знании истории, что проявилось в смешении Ландеха и Пуреха, в том, что к Пожарскому ездил дворянин Ждан Болтин, а не посадские люди, в том, что для похода на Москву нижегородцы наняли изгнанных поляками жителей других мест¹.

Суров был и автор рецензии в журнале «Русское слово», скрывшийся за подписью В. Б.—на. Социологизированный и идеологизированный подход критика сказался на оценке драматической хроники, где вместо живых образов он видит лишь «бледные тени», «скелеты, поднятые из могил и названные женскими именами», которые «говорят текстами и думают одними молитвами, как будто в них нарочно замерли все другие стороны жизни», не вызывая «ни сочувствия, ни особой антипатии к себе» (В. Б.—на. Новая литературная реакция («Князь Серебряный» А. К. Толстого) // *РСЛ*. 1863. № 2. Отд. II. С. 21). По сути, критик не принимает как таковое произведение на историческую тему, считая, что драма и роман могут интересовать читателя «ярким и точным воспроизведением самых мелких подробностей отжившей эпохи», без которых поэту негде взять «обильные краски для освещения мёртвых характеров и самых интимных отношений семейной и общественной жизни» (Там же. С. 22). Но, по убеждению рецензента, невозможно «искренно сочувствовать тому, что давно обратилось в прах» и не может потрясти в авторе «ни одной живой фибры, обрисовать перед ним ни одного живого образа» (Там же. С. 21). И вообще настоящий художник не может вдохновиться «пыльными листами рукописей или остатками давно угасшей жизни» вместо «действительного мира, чувствующего и мыслящего подобно ему» (Там же. С. 22).

Позиция критика газеты «День» основана на том, что быт русского народа — «исключительно сельский быт», и «для изображения нижегородских граждан и диктаторской власти Минина недостаточно было полного понимания» современного драматургу городского быта. Поэтому, по мнению рецензента, в пьесе переданы лишь внешние приметы времени (разорение земли, жалобные грамоты патриарха, опасение иноземных врагов, продажность бояр и проч.) при отсутствии настоящих характеров. И все «неземные добродетели Минина плохо вяжутся с чисто материальными выгодами, которых он должен быть главнейшим толкателем и представителем». А характер Марфы Борисовны получился неубедительным и непривлекательным: «Не понятна в молодой цветущей женщине какая-то холодная, католическая экзальтация, столь чуждая нашему народу» (Н. С. К. <Козлов Н. С.> Отступники // *День*. 1862. № 43. С. 19).

Отдавая должное Островскому, который «начал выводить на сцену живые лица, взятые из действительной русской жизни, заставил говорить их живым русским языком», критик «Отечественных записок» В. К. Иванов в «Минине» не видит «ни хроники,

¹ По замечанию Н. П. Кашина, «данные для этих подробностей» А. Н. Островский нашёл в статье П. И. Мельникова «Нижний Новгород и нижегородцы в Смутное время», другая же его статья «Несколько новых сведений о Смутном времени, о Козьме Минине, князе Пожарском и патриархе Ермогене», в которой исправлены некоторые неточности, «осталась драматургу неизвестной» (Кашин. <Т. I.> С. 194—195).

ни драмы», ни самого Минина (*Иванов В. К.* «Козьма Захарьич Минин, Сухорук». Драматическая хроника (1611—1612). В пяти действиях. С эпилогом, в стихах. Сочинение А. Н. Островского («Современник». 1862 г.) // *ОЗ*. 1862. Т. 143, № 8. С. 215). Иванов категорически не принимает форму пьесы, видя в ней «неудачное покушение на стихотворство», «шероховатое сочетание строк» (Там же. С. 218). По его мнению, все характеры неубедительны, ни одно лицо не представляет «русского человека эпохи» (Там же. С. 246). Марфа Борисовна является лишним персонажем, так как она никакого участия не принимает в действии и лишь кокетничает с Пospelовым, желая окружить себя поклонниками, чем напоминает рецензенту современную женщину. Как и Мельников-Печерский, Иванов несправедливо пишет о недостаточном знании драматургом эпохи, считая, что автор ограничился лишь несколькими страницами исторического труда С. М. Соловьёва и «не мог уяснить себе великой личности Минина», поэтому хроника «потеряла и историческое, и драматическое значение» (Там же. С. 244). Несоответствие героя пьесы, представшего «неудачно сочинённым», ритором, «с широковежательною, но лишённую истинного чувства и силы речью», Минину историческому, а также искажённое представление о прошлом проявилось, как полагает рецензент, в преувеличении религиозного элемента и в непонимании автором того, что все поступки Минина, человека «с непоколебимым характером и несокрушимой силою воли», были следствием «глубокого внутреннего сознания, а не... видения» (Там же. С. 245, 244).

Похожие упреки в адрес Островского и его пьесы высказывает Н. Ф. Щербина. Пьеса ему показалась скучной и написанной однообразным языком. Отметив, что в ней «нет ни драматических положений и столкновений, ни постепенного возрастания драматического интереса», критик определяет её как диалогическую хронику (*Омега Н.* <Щербина Н. Ф.> «Козьма Захарьич Минин-Сухорук». Драматическая хроника, в пяти действиях, с эпилогом, в стихах. Сочинение А. Н. Островского («Современник». 1862 г.) // *Бд Ч*. 1862. Т. 171. Современная литература. С. 14). Главный же герой, Минин, изображён «решительно больным, расстроенным ипохондриком», что противоречит и истории, и «идее драмы» (Там же. С. 20, 21). Из всей пьесы критик как наиболее удачное место выделяет разговор Минина и Пospelова в 8-м явлении I действия, где отображена «русская жизнь, русские нравы, русская речь» (Там же. С. 16).

С. С. Дудышкин отметил, какие затруднения стояли перед драматургом: «неустановившийся взгляд на эпоху», «обширность картины, в которую всё входит от царя до последнего крестьянина и казака», «все насильственные основы государства лопаются, выступает на сцену далёкая старина, со своими ещё не забытыми преданиями, верованиями». Критик «Отечественных записок» заметно упрощает содержание пьесы, считая, что Островский «взялся изобразить маленький уголок... большой картины»: действие не выходит за пределы Нижнего Новгорода, борьба «совершается в душе Минина и ограничивается одним вопросом: идти или не идти на Москву?». Религиозный мотив придал действию однообразный характер: «Все... точно выпущены из монастыря и в земском деле видят одно религиозное дело. Религиозное видение заставляет Минина, как Орлеанскую Деву, идти на Москву; религиозное чувство удерживает Марфу Борисовну выйти замуж... Религиозное чувство, вторично, в лице юродивого мальчика, который наяву видит из Нижнего главы Москвы, подвигает нижегородцев решиться на подвиг. Всё здесь сводится к одному концу. Этим-то религиозным чувством подвигается Нижний Новгород

на то историческое событие, которое решает судьбу России». В восприятии пьесы Дудышкин солидарен с Ивановым. Критик, у которого сложились свои представления об истории и о Минине, словно вступает в заочный спор с Островским: «... всего этого религиозного настроения мало, чтоб лицо Минина было ясно перед читателем. <...> Упущено то положение Руси, когда Минин *легко мог* двинуть силы свои на Москву; упущено единогласное желание всей земли, подготовленное Ляпуновым, отстаивать свои права. Упущена из виду сама земля — это второй недостаток» (<Дудышкин С. С.> Новости русской литературы. (Козьма Захарьич Минин-Сухорук, новая драма г. Островского) // ОЗ. 1862. Т. 140, № 1. С. 354). Кроме того, Минин, как убеждён Дудышкин, слишком многословен, ему недостаёт той энергии характера, которая бы вызвала доверие у народа и которая могла бы объяснить его особую роль в истории. Не спасает пьесу «плавный, могучий, звучный» язык: «Но так как этим языком, хотя и прекрасным, говорят одно и то же, в течение шести действий; так как во всё время в Нижнем нет никаких событий... нет разнообразия характеров, и всё подёрнуто одним религиозным колоритом — то шесть действий хроники наконец *утомляют* слушателя», — полагает критик (Там же. С. 355).

Свою оценку хронике дал И. С. Тургенев, отметив как несомненные художественные достоинства, так и недостатки. В письме к Ф. М. Достоевскому от 2 марта 1862 г. он писал: «Стихи удивительные, язык прекрасный — но где жизнь, разнообразие и движение *каждого* характера, где драма, где история, наконец? Я совсем другого ожидал от Островского — я никак не думал, что и он станет вытягивать каждый характер в одну струнку. Есть места чудесные — над всем произведением веет чем-то чистым, русским, мягким — но этого мало... особенно от Островского этого мало» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. Т. 5. М., 1988. С. 27).

Отрицательно отозвался о пьесе и приверженец реальной критики Д. И. Писарев в статье «Мотивы русской драмы», поставив хронику Островского на один уровень с пьесой Н. В. Кукольника «Рука Всевышнего отечество спасла». Писарев не увидел в хронике глубоких общественных проблем, а отметил лишь то, что «на первом плане колоссальный Минин, за ним его страдания наяву и видения во сне, а совсем назади два-три карапузика изображают русский народ, спасающий отечество» (РСл. 1864. № 3. Отд. II. С. 37).

По мнению А. С. Суворина, которое он высказал в газете «Петербургские ведомости» (1866. № 330. С. 2), для пьесы, отличающейся «несомненным поэтическим обаянием и редкой прелестью стиха», неудачным является выбор места действия «для обрисовки характера Минина», так как «настоящая борьба» происходила в Ярославле: «Здесь был разгар жизни, здесь решался великий вопрос о том: быть Руси или не быть... Нижний и Москва — пролог и эпилог великой драмы, кончившейся избранием на престол Михаила Фёдоровича, самая же драма происходила в Ярославле» (Суворин А. С. Театральные очерки. СПб., 1914. С. 13, 14).

С исторической хроники о Минине, как пишет Н. С. Лесков, началось явное падение таланта драматурга, который «утомлял читателей своею длиннотою и скукою», и только «ревностные поклонники г. Островского упивались пленительной сладостью его стиха в этом произведении» (М. С. <Лесков Н. С.> Русский драматический театр в Петербурге // ОЗ. 1867. Т. 171, № 3. С. 36).

Диссонансом хору этих критиков прозвучали голоса А. А. Григорьева и П. В. Анненкова, по достоинству оценивших хронику Островского.

В статье «Стихотворения Н. Некрасова» А. А. Григорьев причисляет «Минина» к крупным литературным явлениям, «важным и знаменательным» (*Григорьев А. Стихотворения Н. Некрасова // Время. 1862. № 7. С. 1*), и сетует на то, что ничего не сказали о пьесе «специалисты дела, т.е. знатоки истории эпохи междоусарствия», а «неспециалисты могли разразиться только весьма краткою, но вместе с тем замечательною ерундою», которую он называет пренебрежительно «дрязгами» (Там же. С. 2). Ошибочность современной критики Григорьев видит в том, что она исповедует идеалы литературного славянофильства, либо западничества, либо некоей «общей идеи» (Там же. С. 25), игнорируя особенности литературного творчества. Григорьева глубоко задело недоброжелательное, несправедливое и подчас высокомерное отношение критиков к драматургу. Страстно отстаивая Островского, рецензент отмечает, что он совершенно понятен «несколько уже развившейся душе», а «не тому народу», который себе создали эти хулители Островского (Там же. С. 28). Приверженец органической критики, Григорьев силу Островского усматривает прежде всего «в органической связи с жизнью, действительностью, народностью» (Там же. С. 33).

В другой статье Григорьев призывает к уважительному отношению к драматургу, создавшего пьесу «Козьма Захарыч Минин, Сухорук» — произведение великое, «явление небывалое, может быть, начало целого ряда небывалых явлений, и мыслящий человек обязан обойтись с ним по крайней мере “бережно”» (*Григорьев А. По поводу одного, мало замеченного современною критикою явления // Якорь. 1863. № 2. С. 21*). Отвечая тем, кто писал «ерунду», затевал «дрязги», критик даёт очень высокую оценку 5-му акту, говоря об «изумительной целостности исторической картины, где... даже частный эпизод любви сливается с целым в тоне и колорите», восторгаясь речью, «высоко поэтической», с «новой своей правдой». Григорьев резко возражает Щербине, которому хотелось «подорвать авторитет» Островского: «Он даже для этого за изучение старых памятников принялся; — ну и понарвал из них кой-чего для подтверждения своих выводов» (Там же. С. 23). Для Григорьева, в отличие от «неспециалистов», все персонажи хроники — «живые личности, с известными отметками, а не куклы с ярлыками на лбу», и все они «говорят то, что могли говорить, и так, как они могли говорить», в чём невозможно сомневаться при всей разнице взглядов «на эпоху междоусарствия» (Там же. С. 24).

П. В. Анненков в оценке «Минина» исходил из того, что в хронике драматург запечатлел «святое» событие, «чтимое народной памятью» и ставшее частью духовной жизни народа, а святость ограждает происшедшее «от всех возможных открытий и убеждений» (*Анненков П. В. О Минине г. Островского и его критиках // РВ. 1862. Т. 41, № 9. С. 397, 398*). Статья проникнута стремлением Анненкова уважать талант, право писателя на творческий вымысел, учитывать специфику художественного произведения. По его убеждению, поэт не должен «вызывать на смотр все элементы, из которых сложилось событие», он лишь обязан разрабатывать ту сторону события, «которой общим голосом приписывается наибольшая творческая сила» (Там же. С. 401)¹. Ошибка критиков, по мнению Анненкова, состояла в скептицизме,

¹ Как справедливо замечает В. В. Тихомиров, «главный оценочный критерий Анненкова в характеристике Островского — достоверность, соответствие характеров, их поступков традициям, верованиям народа, этическому идеалу» (*Тихомиров В. В. Русская литературная критика середины XIX века: теория, история, методология. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. С. 109*).

в стремлении «изменить смысл исторического события и лица» сообразно со своими взглядами, делать «психические открытия на основании догадок и тёмных намёков собственного опыта», что искажает смысл художественного произведения. Ответил Анненков и на упреки в однообразии, в отсутствии яркой индивидуализации персонажей: «Однообразная духовная физиономия есть своего рода помазание, возлагаемое на все лица, приобщённые к святому делу» (Там же. С. 402). Анненков решительно встаёт на сторону драматурга, терпеливо объясняя специфику действия и конфликта пьесы. Островский как драматург должен был «ограничить себя», отказавшись от «употребления своих сил в возможной для них полноте». Поэтому «борьба и столкновение интересов, составляющих жизнь драмы, поглощены здесь единодушием общего настроения» (Там же. С. 403), а истинный поэт «не может не идти с народом» (Там же. С. 404). Мало того, «покинуть народ или предание в то время, когда они делают самое Небо участником подвига, значило бы изменить собственному знамени» (Там же). Этим качеством, сделавшим драму «поэтической думой целой страны», по Анненкову, хроника Островского напоминает испанскую религиозную драму. Критикам, ожидающим увидеть в «Козьме Захарыче...» шекспировскую свободу и шекспировские страсти, Анненков доказывает, что сила Островского состоит в умении «прилично держать себя в сфере свободного творчества», при этом не подражая ни испанским авторам религиозных драм, ни Шекспиру, ни Шиллеру (Там же. С. 407). Внешне подчинившись народному преданию, народной оценке, Островский «оставил за собой замечательную *цельность* вдохновения, столь редкую в нашем искусстве», проявившуюся в стройности речи, в живописности и выразительности стиха. Анненков недоумевает, почему критики обрушились на драматурга, ориентировавшегося на высокие нравственные идеалы и обратившегося «к поэтическому воссозданию идеалов семейного и гражданского быта, некогда существовавших в стране», и подчёркивает, что Островский не отображает историю целиком, а передаёт нравы, понятия, общую атмосферу, «верования эпохи» через поступки персонажей, их речь, через описание обстановки, через мельчайшие бытовые подробности (Там же. С. 408).

Неприятие критиками лица Минина Анненков объясняет влиянием западных историков, западных авторов различных дипломатических, политических и других документов, которые невозможно применить для художественного воссоздания изображаемой Островским эпохи. Драматург «сохранил Минину его эпическую физиономию», соответствующую «историческим свидетельствам и народному представлению» (Там же. С. 410). Подводя итог, Анненков замечает, что пьеса Островского — «первый серьёзный опыт русской *исторической* драмы после “Бориса Годунова” Пушкина» (Там же. С. 412).

Хотя царь подарил драматургу перстень, к постановке на сцене пьесы была запрещена за совершенно очевидное отношение автора к народному патриотическому движению и к чуждой подлинным интересам страны знати.

С. 8. *Земский староста* — выборное лицо для ведения дел земства — выборного органа местного самоуправления в центральных губерниях дореволюционной России.

Дьяк — в XIV—XVII вв. должностное лицо, возглавлявшее канцелярии разных ведомств.

Боярский сын — мелкий помещик, находившийся на военной и гражданской службе.

Стрелецкий сотник — начальник сотни в стрелецком войске.

Посадский — житель посада, торгово-ремесленной части города за пределами городской стены.

Гостиный двор — торговые ряды, лавки с товарами в специальном здании.

Растворы — отверстия, образуемые при открытии двустворчатого окна, двери, ворот; складные двери.

Зипун — старинная верхняя крестьянская одежда в виде кафтана без воротника.

Решма — старинное село, расположенное на правом берегу Волги в 25 км к востоку от Кинешмы. Славилось производством холстов и сукна.

С. 9. ...*Святого патриарха Ермогена / Михайло Салтыков да вор Андронов ~ свергли...* — Гермоген (Ермоген) — патриарх Московский и всея Руси эпохи Смутного времени (1606—1612), противник Семибоярщины. Горячо призывал народ сопротивляться польской интервенции. В феврале 1612 г., не дожив до освобождения Москвы, умер в заточении. Михаил Глебович Салтыков в 1606 г. присягнул на верность Лжедмитрию II. Фёдор Иванович Андронов (ум. 1613) — московский купец-кожевник. В 1610 г. бежал к польскому королю Сигизмунду III, всячески заставлял москвичей присягать польскому королю, вместе с Салтыковым участвовал в отстранении от патриаршества Гермогена, активно преследовал противников поляков (см.: ААЭ. Т. 2. № 170; ПСС-12. Т. 6. С. 571).

С. 10. *Воевода* — в Российском государстве глава местного военно-административного управления. Кроме «фратных» воевод (начальников войска), были воеводы «городовые» — «начальники городов с уездами, соединявшие в своих руках власть военную и гражданскую. Жили воеводы на воеводском дворе. Воеводская служба считалась очень выгодною» (*Словарь к пьесам*. С. 32).

Как за стеной ~ Алябьевым. — Алябьев Андрей Семёнович — военный деятель и воевода в Нижнем Новгороде (1611—1613). В 1608—1609 гг. стоял во главе Нижегородского ополчения.

...*Мордва да черемиса задурила...* — Речь идёт об участии мордвы, черемисов, т. е. марийцев, в крестьянском восстании под предводительством Ивана Болотникова в 1606 г.

С. 12. *Рцы слово твёрдо...* — Рцы, слово, твёрдо — славянское название букв: Р, С, Т. Здесь означает: держи слово твёрдо.

Чай, мошну-то туго наколотил? — В значении: набить мошну, разбогатеть. Мошна — мешок для денег, кошелёк.

Харчи — еда, пища.

С. 13. *Отписки* — здесь: грамоты, содержащие необходимую информацию, распространявшиеся вместе с устными сообщениями через послов в различных городах.

Сряжаются... — Срядаться — снаряжаться, собираться.

С. 14. *Прокоп Петрович Ляпунов* — рязанский дворянин, в 1611 г. вставший во главе ополчения против польской интервенции. К Рязанскому ополчению присоединились казаки князя Дмитрия Трубецкого, а также атаманов Просовецкого и Заруцкого. В Москве антипольское восстание возглавил князь Дмитрий Пожарский. Ляпунов вместе с Трубецким и Заруцким возглавили Земское правительство. Но между дворянами и казаками возникли глубокие разногласия, которыми воспользовались противники Ляпунова, изготовившие подложную грамоту. Ляпунова обвинили в измене и казнили. В результате Первое ополчение распалось.

Целуют крест неведомо кому! — Целовать крест — здесь: присягать на верность.

С. 15. *Еретикам, латинцам да вoram...* — Еретики — последователи ереси, отступники от господствующей религии; латинцы — здесь: католики; вoры — здесь: предатели.

Новгород Великий / Из Швеции царевица зовёт... — Н. М. Карамзин писал о событиях 1609 г., когда правительство Василия Шуйского дало согласие на то, чтобы прислать в Россию шведское войско: «Ненависть к ляхам кипела во всех сердцах; ненависть к шведам была только историческим воспоминанием новгородским — и даже Новгород, как уверяют, мыслил в случае крайности поддаться скорее шведам, нежели Сигизмунду. <...> Желая утвердить вечную дружбу с нами, шведы в сие время продолжали бессовестную войну свою в древних областях Новгородских» (Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 12. СПб., 1892. С. 195).

...*А сын Жигмонтов, Владислав-царевич...* — 4 февраля 1610 г. избранное для переговоров с польским королём Сигизмундом III посольство, состоявшее из М. Г. Салтыкова, дворян и московских дьяков, заключило под Смоленском договор, в соответствии с которым московским царём был признан королевич Владислав. После свержения с царствования Василия Шуйского и внезапной смерти М. В. Скопина-Шуйского 17 августа 1610 г. в Москве был подписан договор, означавший признание царём Владислава.

...*во Пскове новый вор...* — В 1611 г. дьякон Сидор объявил себя царевичем Дмитрием.

...*Маринкин сын, Иваишко, тоже царь.* — После казни Ляпунова Марина Мнишек добилась того, чтобы князь Трубецкой и атаман Заруцкий объявили её сына Ивана наследником русского престола.

Князь Трубецкой — Трубецкой Дмитрий Тимофеевич (ум. 1625), русский военный и политический деятель. В 1608 г. примкнул к Лжедмитрию II. В 1611 г. присоединился к Первому ополчению против поляков. В 1612 г. вместе с князем Д. М. Пожарским возглавил временное русское правительство (см.: Советская историческая энциклопедия. Т. 14. М., 1973. Стлб. 471—472).

...*атаман Заруцкий.* — Заруцкий Иван Мартынович (ум. 1614) — политический авантюрист, предводитель казачьих отрядов. До 1607 г. был в войске И. И. Болотникова, потом ушёл к Лжедмитрию II, возглавил отряд донских казаков. Был пожалован в бояре. В 1611 г. примкнул к Первому ополчению. В 1612 г. переметнулся к Лжедмитрию III, в чём лицемерно раскаялся. Предпринял попытку организовать заговор против князя Д. М. Пожарского, подослав к нему агентов (см.: Советская историческая энциклопедия. Т. 5. М., 1964. Стлб. 626).

С. 16. *К честным обителям.* — К монастырям.

С. 17. *Понеже* — потому что, так как.

С. 18. *И по Писанию, блажен тот муж, / Кто к нечестивым на совет не ходит.* — Почти дословный псалом из Псалтири: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей» (Пс. 1:1).

Дьявольская прелесть — т. е. соблазн, соращение.

...*смятется вся земля.* — Т. е. пришла в смятение, волнение, беспорядок.

Приказ — здесь: орган центрального управления.

С. 19. *Зане* — так как, потому что, ибо.

...*подвалом пахнут.* — Т. е. темницей.

С. 20. ...*при царе Иване*... — Речь идёт о царе Иване IV Грозном (1530—1584).
...*Тушиным корит*... — В 1608—1610 гг. в Тушине располагалось войско Лжедмитрия II, что способствовало превращению села в город, где сосредоточились антиправительственные силы. В марте 1610 г., когда тушинцы были оттеснены, Тушино было сожжено, а сам Лжедмитрий бежал в Калугу.

С. 21. *Новгородским духом так и пахнет*. — Намёк на новгородскую вольницу.
Посулы — здесь: взятки.

...*челом ударю*... — Челом ударить — обратиться с прошением.

С. 22. ...*был в подъячих*... — Подъячий — писец, делопроизводитель, помощник дьяка в приказной канцелярии в России XVI—XVIII вв.

С. 23. *Адамант* — алмаз, бриллиант. Здесь употребляется «переносно о человеке твёрдой воли» (*Словарь к пьесам*. С. 2).

...*Он Златоуст второй*... — Иоанн Златоуст (ок. 347—407), богослов, автор сочинений на библейские темы, проповедник. Приняв иночество, четыре года провёл в уединении, два года — в полном безмолвии, работая над богословскими сочинениями. В 381 г. был рукоположён в сан диакона, а затем — в пресвитеры, на которого возложили обязанность выступать с проповедями. В течение двенадцати лет Иоанн проповедовал Слово Божие, производя на современников сильное впечатление своими речами. Со временем имя стало нарицательным, обозначающим человека, наделённого красноречием (см.: *ЭСБЭ*. Т. 13А. СПб., 1894. С. 668—671; *Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°»*. Т. 22. М., 1914. С. 640). Выражение «Златоуст второй», относящийся к Гермогену, Островский, вероятно, взял из исторических материалов (см., напр.: *ААЭ*. Т. 2. № 185, 188).

С. 24. «*Нам на Волге жить*...» — Этот фрагмент полностью совпадает с текстом исторической песни о Ермаке, которую И. Железнов привёл в статье «Сказания уральских казаков» (см.: *БдЧ*. 1861. Т. 164, № 3. С. 52; *ПСС-12*. Т. 6. С. 573).

Яик — река Урал.

Под Казань идти, / Грозен царь стоит. — В песне отражён исторический факт — взятие Казани войсками царя Ивана IV Грозного в 1552 г.

Аз есмь... — Я есть.

...*Царю Ивану царства покоряли*. — Речь идёт о покорении Казанского и Астраханского ханств, Западной Сибири и других территорий.

С. 25. «*Нам идти ль, не идти ль*...» — Этот фрагмент отличается от текста песни о Ермаке, приведённой в статье И. Железнова, но явно перекликается с текстом, опубликованным П. В. Киреевским (*Песни, собранные П. В. Киреевским*. Вып. 6. М., 1864. С. 37):

Идти ль, не идти ль, братцы, нам —

На Иртыш-реку:

Мы возьмём, братцы, Тобол-город...

Но, по предположению Л. М. Лотман, Островский мог сам «в таком виде» записать эту песню (см.: *ПСС-12*. Т. 6. С. 573).

С. 26. ...*из Балахны*... — Балахна — город, расположенный на правом берегу реки Волги, в 34 км от Нижнего Новгорода.

С. 30. *Чернеть* — чернь, простой народ.

Вяземский — Вяземский Семён Юрьевич — пермский воевода. В Смутное время поддерживал Лжедмитрия II. Во главе тушинского похода осаждал Нижний

Новгород. В январе 1609 г. был схвачен в плен и затем повешен (см.: Славянская энциклопедия. XVII век: в 2 т. / авт.-сост. В. В. Богуславский. Т. 1. М., 2004. С. 295).

...с подсылком... — Т. е. «с поручением что-н. выведать» (*Словарь к пьесам*. С. 154).

С. 33. *Диви бы* — если бы, пусть бы, хорошо бы.

С. 34. *Краснобай* — говорун, любитель красивых бессодержательных фраз.

С. 36. *Только чистый может / Святное дело честно совершить*. — Здесь речь идёт о том, что только чистые помыслы ведут к хорошим поступкам. Минин опирается на Евангелие от Матфея, применяя известные библейские образы: «Если око твое будет чисто, то всё тело твое будет светло; если же око твое будет худо, то всё тело твое будет темно» (Мф 6: 22—23).

Он без вождя, / Как стадо робкое, рассеян розно. — В Евангелии сказано: «Видя толпы народа, Он сжалился над ними, что они были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря» (Мф 9: 36).

Вождя, печальника о нас, убили... — Речь идёт о Прокопе Петровиче Ляпунове (см. комментарий на с. 648).

Нет помощи земной, попросим чуда; / И сотворит Господь по нашей вере. — Минин напоминает о чудесном исцелении слепых: «Тогда Он коснулся глаз их и сказал: по вере вашей да будет вам» (Мф 9: 29).

С. 37. ...на супостата... — Т. е. на врага, злодея.

...в тихом плёсе... — Плёс — широкий участок реки, со спокойным течением, между изгибами, перекатами.

С. 38. ...Над новою расшивой... — Расшива — большое деревянное парусное судно, с острым носом и кормой.

С. 40. ...И в наше время чудо совершилось. — После загадочной смерти в 1591 г. сына царя Ивана IV Грозного, чтобы успокоить народ, среди которого распространялись слухи о чудесном спасении царевича Дмитрия Ивановича, в 1606 г. по приказу Василия Шуйского его тело было перенесено из Углича в Москву: «Посла ж царь Василий грамоты во все грады, объявляя всем, яко царевич Димитрий несть жив, но убиен, и как перенесение мощей его Бог прослави знаменьями и чудесы, и яко мощи его всеми видими в церкви Архистратига Михаила стоят, и дабы воровство Гришки Отрепьева познали и царевичем вящши не нарицали...» (Новый летописец, составленный в царствование Михаила Феодоровича, издан по списку кн. Оболенского. М., 1853. С. 77).

Шириночка — ширинка; здесь: платок.

С. 42. *«Пустыня прекрасная...»* — Творческая обработка различных вариантов духовного стиха «Царевич Иосаф» (см.: Бессонов П. Калики переходные. Ч. 1. М., 1861. С. 205—234; ср.: ПСС-12. Т. 6. С. 562).

Чертоги — роскошные здания, богато убранные помещения.

Ризы — здесь: одежда.

С. 43. ...*Садись вперёд. ~ Садись, я за тобой*. — На Руси всегда строго соблюдалось старшинство, однако без особого приглашения гостю не рекомендовалось садиться на почётное место, ближе к хозяину. В Евангелии сказано: «Когда позовут тебя на пир, не садись на почётном месте, вдруг из числа приглашённых будет кто-то тебя почтеннее, и подойдёт к тебе хозяин и скажет: “Уступи ему место!” — и тогда придётся тебе со стыдом перейти на последнее место. Но, если тебя пригласят, сядь войдя на последнее место, и когда придёт пригласивший тебя и скажет тебе: “Друже,

садись выше!" — тогда почтут тебя остальные гости. Так и всякий, кто возносится — смирится, а смиренный вознесётся» (Лк: 14, 8—11).

С. 44. *Медку пожалуйте...* — Здесь: мёд — хмельной напиток.

С. 47. *Ты сам ходил с Алябьевым по Волге / И по Оке...* — Алябьев Андрей Семёнович — нижегородский воевода. Во главе нижегородского войска воевал с тушинцами на территории между Волгой и Окой. Усмирил Балахну, Ворсму, Павлов, Муром. 30 августа 1611 г. послал казанцам грамоту, в которой призывал не признавать русским царём сына Марины Мнишек (см.: *Русский биографический словарь*. Т. 2. С. 78).

Мы с Репниным ходили и к Москве... — Репнин Александр Андреевич (ум. 3 янв. 1612) — князь, воевода. В 1608—1611 гг. был воеводой в Нижнем Новгороде и остался верен присяге на верность царю Василию Ивановичу Шуйскому. В марте 1611 г., во время Первого ополчения, во главе войска выступил из Владимира в Москву, чтобы «очищать Московское государство от Литвы» (*Русский биографический словарь*. Т. 16. С. 74).

Не было стратигов. — Стратиг — предводитель, полководец, руководитель.

С. 48. *Пожарский ранен, Ляпунов убит.* — Пожарский Дмитрий Михайлович (1578—1642), князь. В марте 1611 г., сражаясь с поляками, был тяжело ранен в Москве (см.: Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времён многих случаев, по преставлении царя Иоанна Васильевича. СПб., 1771. С. 220—223); Ляпунов — см. комментарий на с. 648.

С. 49. *...тороваты...* — Тороватый — щедрый.

С. 51. *Молись да жди, пока Господь сподобит ~ Что двинутся...* — Эти слова Минина отсылают к 17 главе Евангелия от Матфея: «Иисус же сказал им: по неверию вашему; ибо истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас» (Мф: 17, 20). Только истинная вера поможет обрести силу и одержать победу над врагами Родины. Минин, наделённый православным сознанием, в очередной раз напоминает нижегородцам о Священном Писании.

Мы будем знамения просить у Бога... — Знамение — здесь: предзнаменование.

С. 56. *«Юность, моя юность — молодое время! ~ Не знаю, как быти, чем коня смирити!»* — Песня написана на основе духовных стихов. И в этой песне, и в монологе Марфы Борисовны можно заметить явные переключки с текстом, опубликованным В. Д. Бонч-Бруевичем в составе бегунских стихов, основные мотивы которых определил И. И. Срезневский: «бегство от мира, пустыня, скитания, монастырь, обуздание плоти, безобразие и девство, святая жизнь, польза учения» (Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола / под ред. В. Д. Бонч-Бруевича. СПб., 1908. Вып. 1. С. 231). Так, в песне имеется почти дословное совпадение с опубликованными стихами (Там же. С. 241):

Не знаю, как и быти, чем коня смирити,
Чем коня смирити, в руках вождей нету!
Юность ты моя, юность, младое моё время,
Как я тебе буду младой угождати?

С. 58. *...От польских латников.* — Латник — воин, одетый в латы.
...Ещё при Шуйском. — Т. е. при царе Василии Ивановиче Шуйском.

С. 65. *Соборный ранний благовест* — мерный звон в один колокол, извещающий о начале церковной службы в соборе — в главном христианском храме города.

С. 66. ...*третью деньгу*. — Как видно из подготовительных материалов к пьесе, Островский внимательно изучил статью И. Е. Забелина, из которой узнал о «Хронографе князя М. А. Оболенского», где содержатся сведения об этом историческом факте, решении отдать «третью деньгу» после обращения Минина к нижегородцам: «И собрав к себе единомысленники. Приде к земским старостам и нача говорити: “Господие мои и вси православные! Долго ли быти во вдовстве царствующему граду Москве?” <...> И он рек: “За помощию Божию ополчимся мы войско Нижегородское противу сопостат; хотя мы и все неискусны тому делу, станем на торгах кликать вольных служилых людей. <...> ...Аз убогий с товарищами своими, а числом нас 100, 5 сот, а в зборе у нас денег 1700, а брали третью деньгу, у ково руб. взяли 10 алтын, а у ково 3 руб. и у того взяли рубль, а у кого 30 руб., у того 10 рублей; а у меня убогого было 300 рублей, и аз 100 рублей в зборные деньги принес: потому ж и вы сотворите”. И все вопиша: буди по глаголу твоему» (см.: *Забелин И. Е. Важный хронограф особого состава* // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. Кн. 1. Отд. VI. М., 1850. С. 35—36).

С. 71. ...*Перед иконами явился муж / В одежде схимника, весь в херувимах...* — Не исключено, что о явлении Минину во сне святого Сергия Островский мог прочитать в статье П. И. Мельникова «Нижний Новгород и нижегородцы в Смутное время»: «Здесь, когда рассуждали о мерах для пробуждения нижегородцев ко всеобщему восстанию, Минин встал и, как вдохновенный, сказал: “Св. Сергий явился мне сегодня ночью и повелел возбудить уснувших. Прочтите грамоты архимандрита Дионисия в соборе, а там что будет Богу угодно”. Биркин усомнился в справедливости слов Минина, но был обличён им» (*ОЗ*. 1843. Т. 129, № 7. Отд. II. С. 23).

Гонцы от Троицы Живоначальной... — В конце 1611 г. нижегородцы получили грамоту из Троице-Сергиева монастыря, в которой содержался призыв собрать ополчение и помочь освободить Москву (см.: *ОЗ*. 1843. Т. 129, № 7. Отд. II. С. 23—24).

У них письмо отца архимандрита / И келаря. — Архимандрит — высшее звание монашествующего священника; келарь — заведующий монастырским хозяйством монахов.

С. 73. ...*грамоту из Сергиева монастыря привезли.* — Грамота — «в старину всякий письменный акт: указ, письмо» (*Словарь к пьесам*. С. 45).

Сам великий господин патриарх называет их, его да Родиона Мосеича, бесстрашными людьми. — В грамоте патриарха Гермогена содержится просьба «прислати прежних же... бесстрашных людей свияженина Родиона Мосеева да ратмана Пахомова» (*ААЭ*. Т. 2. № 194. С. 243).

С. 76. *Вотяки* — удмурты.

С. 76—77. «*Не раз мы вам писали ~ И от всего народа бьём челом!*» — Здесь Островский передаёт содержание «Воззвания архимандрита Троицко-Сергиева монастыря Дионисия и келаря Авраамия к казанцам» (*ААЭ*. Т. 2. № 190; см. также: *ПСС-12*. Т. 6. С. 574).

С. 79. ...с *окольниковым*... — Окольниковый — один из высших боярских чинов.

...*Из Суздаля с Андреем Просовецким*... — Просовецкий Андрей Захарович, деятель Смутного времени, поддерживающий Лжедмитрия II, но выступавший за изгнание поляков. С начала 1611 г., прибыв в Суздаль, стал помогать владимирцам

в борьбе с королевичем. В марте 1611 г. польские войска учинили разгром в Москве, побив около 70000 человек. Войско Просовецкого двинулось из Суздаля на помощь москвичам, но вынуждено было отступить (см.: *Русский биографический словарь*. Т. 15. С. 69—72).

...*С Романова...* — Романов — город, расположенный в 40 км от Ярославля вверх по Волге. С 1822 г., после объединения с Борисоглебском — Романов-Борисоглебск. В 1918 г. переименован в Тутаев.

...*с татарами-мурзами...* — Мурза — у татар: низший дворянский титул.

...*С Коломны и с Зарайска князь Пожарский...* — Коломна — город Московского княжества, расположенный между Москвой и Рязанью, у впадения реки Москвы в Оку; Зарайск — город Московского княжества, расположенный в 145 км к юго-востоку от Москвы. В 1611 г. Пожарский с войском выступил на Москву из Зарайска, примкнувшего к Первому ополчению.

...*вёл галицких людей...* — Галицкие люди — жители Галича, города, расположенного в 120 км к северо-востоку от Костромы.

Князь Александр Андрейч — князь Репнин (см. комментарий на с. 652).

С. 80. *Вон Кинешма, и Лух, и Балахна, / И Юрьевец омылися в крови...* — Кинешма, Лух, Балахна, Юрьевец — города, пострадавшие от польско-литовской интервенции.

Обыдёнкой — в течение одного дня.

С. 82. *Всчать* — всчинать, т. е. начинать, затевать.

С. 85. *Велите в колокол большой ударить...* — Большой колокол, который в основном употребляется при церквях, зазывая на богослужение, информирует также об особом событии и зовётся «Божьим гласом» (см.: *Даль*. Т. 2. С. 139).

С. 86. ...*морским отоком...* — Оток — большой залив.

Давид и мал, да сильного свергает. — Имеется в виду ветхозаветное повествование о победе юноши-иудея Давида над вооружённым до зубов великаном-филистимлянином Голиафом, которого тот сразил пращей.

Геден — в Библии иудейский судья, воин, с отрядом, состоящим из 300 человек, напал на врагов и освободил израильтян от угнетения мadianитянами.

Самсон — «герой ветхозаветных преданий, наделённый невиданной физической силой» (Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. Т. 2. М., 1994. С. 402).

От гласа труб валится Ерихон. — Иерихон — город на западном берегу реки Иордан. Согласно библейской легенде, по приказу Иисуса Навина, священнослужители, сопровождавшие его войско, дули в трубы, от громких звуков которых город пал.

С. 87. *Всполох* — тревога.

С. 88. *«Живал себе славен на вольном свету ~ Закричит убогий громким голо-сом».* — Почти дословный вариант начала духовного стиха о Лазаре, записанного А. А. Григорьевым, от которого Островский мог его услышать, и напечатанного П. И. Якушкиным (см.: Народные русские песни из собрания П. Якушкина. СПб., 1865. С. 44). Стихи о Лазаре, где критикуется чёрствость, бессердечие, жадность, были хорошо известны современникам Островского (см.: *Бессонов П.* Калики перекрестные. Ч. 1. М., 1861. С. 43—97).

С. 92. *Аще* — если.

С. 93. *Поднизи* — нити с нанизанными бисером, жемчугом и другими драгоценными камнями на старинном женском головном уборе, спускающиеся на лоб и виски.

Ферязь — мужская и женская распашная одежда без воротника и перехвата в талии.

С. 94. *Камка* — шёлковая цветная ткань с узорами.

Риза — здесь: оклад, т. е. металлическое украшение, которым обкладывается либо вся икона, либо её края.

С. 95. *Хоботье* — пожитки.

Било — колокол.

С. 98. *Подоплёка* — здесь: подкладка у рубахи от плеч до половины груди и спины.

Тельник — нательный крест.

С. 100. ...*кортому с угодий*... — Кортома — арендная плата, плата за наём.

С. 103. *Воскресенский* — Воскресенский женский монастырь в Нижнем Новгороде.

С. 104. *Алтын* — старинная русская монета достоинством в три копейки.

Две деньги — деньги — монета в полкопейки.

Ков — коварный замысел.

Иноки — православные монахи.

Клир церковный — духовенство.

Легионы — здесь: огромное количество.

С. 105. *Слободы* — торговые или промышленные сёла, посёлки.

С. 108. *Сельный цвет* — полевой цветок.

С. 110. *Тальник* — кустарниковая ива.

С. 114. *Пурех* — город, расположенный в 83 км к северу от Нижнего Новгорода.

С. 116. *Уреканье* — поправки, укоры.

С. 119. *Брань не страшна, на вороту не виснет.* — Поговорка, означающая, что ругань вреда не причинит. Буквально: брань к вороту (к части одежды вокруг шеи) не пристаёт.

С. 120. *Имать* — здесь: брать, ловить (*Даль*. Т. 2. С. 42).

С. 123. *Доргобуж* — город, расположенный в 113 км от Смоленска. В 1609 г. был захвачен поляками.

Вязьма — город, расположенный на реке Вязьме в 176 км от Смоленска.

Ярополч — центр волости, находившейся на ямской дороге Москва — Нижний Новгород. В 1703 г. был уничтожен пожаром, после чего началось усиление могущества прилегавшей к Ярополчу Вязниковской слободы.

...*Казаки и стрельцы, что при Василье / В Москве сидели.* — Речь идёт о времени правления царя Василия Ивановича Шуйского в 1606—1610 гг.

С. 124. ...*в липовом покойчике*... — Т. е. в покое — в горнице, в небольшой комнате.

И. А. Овчинина

ВОЕВОДА (СОН НА ВОЛГЕ) <Первая редакция >

Впервые опубликовано: *Современник*. 1865. № 1. С. 165—300.

Рукописные источники:

— черновой автограф (ЧА): РГБ. Ф. 216. М. 3249. Самая ранняя из сохранившихся рукописей, отражающая разные стадии работы драматурга над текстом;

— цензурная писарская копия (ЦПК): ГТБ. I.1.4.42. С карандашной пометой «суфлёрская». Текст ЦПК в целом совпадает с текстом «Современника»;

— театральная писарская копия (ТПК): ГТБ. I.1.4.43. Режиссёрский экземпляр. Её текст совпадает с текстом суфлёрского экземпляра и с текстом «Современника»;

— авторизованная писарская копия (АПК): МТ. № 996. Содержит правки Островского, в основном устраняющие ошибки переписчика.

Печатается по тексту журнала «Современник» со следующими основными исправлениями:

С. 132

²⁶ *Вместо:* молвке — молке (по ЧА, АПК, ЦПК)

С. 138

³³ *Вместо:* робята — работу (по ЧА, АПК, ЦПК)

С. 144

²⁸ *Восстановлена ремарка:* (стрельцам) (по ЧА, ЦПК)

С. 147

² *Вместо:* разбойником ты — разбойником-то (по ЧА, АПК)

С. 173

²⁹ *Вместо:* ты — так (по ЧА)

С. 187

³⁶ *Вместо:* посадят — засадят (по ЧА)

С. 189

²⁹ *Вместо:* грабил — грабит (по ЧА)

³⁰ *Вместо:* кровянил — кровянит (по ЧА)

С. 208

² *Восстановлен стих:* Не закуют и на цепь не посадят? (по ЧА, АПК)

С. 221

⁷ *Вместо:* Не велика — Невеличка (по ЧА)

С. 231

³⁴ *Восстановлена ремарка:* (Смотрит.) (по ЧА)

С. 232

²¹ *Восстановлена ремарка:* (вздыхает) (по ЧА, ЦПК)

С. 257

²⁴ *Вместо:* вопль — воп (по ЧА, АПК, ЦПК)

С. 265

³⁶ *Восстановлена ремарка:* (Её держат.) (по ЧА)

С. 271

¹¹ *Вместо:* молвке — молке (по ЧА, АПК, ЦПК)

Первое упоминание о работе над комедией относится к 1860 г. В письме к И. И. Панаеву от 28 августа Островский говорит о своём намерении «окончить поскорее» пьесу «Сон на Волге» (ЛСС-12. Т. 11. С. 127), замысел которой, вероятно, возник под влиянием поездки драматурга по Волге в качестве участника литературной экспедиции, организованной Морским министерством. Ещё ранее, в письме к Н. А. Некрасову от 25 сентября 1857 г. Островский сообщал о том, что у него «готовится целый ряд пьес под общим заглавием “Ночи на Волге”», одна из которых была обещана им в «Современник» «в конце октября или в начале ноября» (Там же. С. 97). Комедия «Воевода» оказалась единственной написанной из всех пьес задуманного цикла.

С. В. Максимов рассказывал, что во время литературной экспедиции драматургу «приснился поэтический “Сон на Волге”, и восстали из гроба живыми и действующими “воевода” Нечай Григорьевич Шалыгин с противником своим — вольным человеком, беглым удалцом, посадским Романом Дубровиным, во всей той правильной обстановке старой Руси, которую может представить одна лишь Волга, в одно и то же время и богомольная и разбойная, сытая и малохлебная» (*Русская мысль*. 1890. № 2. С. 40). Работа над пьесой продолжалась несколько лет, до конца 1864 г.

В процессе работы над пьесой драматург не раз вносил изменения в текст, производил перестановку или корректировку отдельных сцен. Островский не предполагал начинать пьесу с пролога, мысль о котором появилась лишь после написания I действия. Об этом свидетельствует тот факт, что в первоначальный план пьесы, где названы пять актов, пролог не входил (см. раздел «Приложения. Другие редакции и варианты»). План расположен на листе под номером 1, исправленном затем на номер 10 и помещённом уже после пролога. На обороте 9-го листа Островский вставляет ремарку: «Действие происходит около половины XVII века в большом городе на Волге. Между прологом и I действием проходит 10 дней». Написав 1-е и 2-е явления I действия, он затем меняет их местами. Монолог Степана Бастрюкова («Душа горит, на части сердце рвётся...») был перенесён из 7-го явления 1-й сцены во 2-е явление 2-й сцены с пометкой: «В след<ующую> сцену». Разговор посадских в прологе сначала был написан в прозе, затем переписан в стихотворной форме, полностью воспроизводившей все события и нюансы речи героев, содержащиеся в прозаическом варианте текста. Именно в прологе была заявлена тема сопротивления «земщины» воеводе. Круг действующих лиц, очерченных в нём, по всей видимости, определился сразу, но корректировался по мере оформления текста.

Значительные исправления в *Ч4* относятся к составу и к именам действующих лиц пьесы. Так, в числе персонажей 2-го явления I действия назван Терёнька, но затем его имя вычеркнуто. Степан Бастрюков именовался то как Борис Сем<ёныч>, то как Борис Петрович. При этом герой носил фамилию Темрюков. Воевода Шалыгин первоначально имел имя Бакай. Марья Власьева сначала была Анной Власьевной. В 1-м явлении 2-й сцены в качестве действующих лиц названы Максим Бурый и Иван Зоря, которые в тексте нигде не фигурируют. Для отца Марьи Власьевны Островский долго искал имя, перебирая фамилии (Добрынин, Кунаев, Кауров, Ковригин, Пылаев), пока, наконец, не остановился на окончательном варианте — Дюжой. В перечне лиц II действия Мизгирь был назван как «ворожея», затем слово «ворожея» исправлено на «колдун». В III действии вдова Ульяна сначала именовалась Ульяницей, а Недвига — нянькой. Не сразу определился драматург со статусом Неждана, не являвшегося старостой в первом слое *Ч4*. Это обозначение появилось на позднем этапе работы. Примечательна реплика Дружины, обращённая к герою в ответ на замечание Неждана, что «надоть писать челобитье»: «Давно уж я слышу от тебя, что надоть, давно вы с земским старостой сбираетесь, а всё не пишешь». Семён Бастрюков значился как «стольник», затем — «вотчинник и помещик», в окончательном тексте он «богатый дворянин, бывший губной староста».

На всех этапах работы над пьесой драматург большое внимание уделял характерам действующих лиц, усиливая или ослабляя те или иные качества. Вначале Степан Бастрюков был подчас излишне импульсивным, эмоциональным, порывистым. Постепенно эти черты сглаживались, герой становился более сдержанным,

решительным и мужественным. В 8-м явлении 1-й сцены I действия после отчаянных слов героини: «Отец родной и матушка родима / И продали, и пропили меня», — следовала ремарка (*Бросается к Борису*), не вошедшая в печатный текст. В этом диалоге драматург отказался от ремарки (*Нежно*), характеризующей речь героя к возлюбленной, и заменил его ответ на реплику Марьи Власьевны («Боюсь идти в потёмках»): «...полегоньку / Я на руки тебя возьму, стой! / Берись за шею, на руках снесу», — на более подходящий к ситуации и краткий: «...полегоньку / Мы на руках тебя снесём до лодки». Нередко драматург шёл по пути сокращений реплик, придавая им более конкретный и точный смысл, пробуя разные варианты. В частности, многословное высказывание Недвиги («Да и то сказать, / Людей не видим, погулять нет воли, / Помиловаться не с кем, так хоть сказкой / Отводишь душу. Горькое житьё!») драматург в окончательном варианте заменяет на более ёмкую и выразительную реплику, передающую сострадание няньки к девушкам: «Всё взаперти: чужих людей не видим, / Гулять нет воли, миловаться не с кем» (2 явл., 1 сц., I д.). В свою очередь, образ беглого посадского Романа Дубровина Островский стремился показать как можно ярче и эффектнее, подчёркивая решительность и вольнолюбивое настроение героя. Так, драматург на полях автографа, напротив слов Дубровина («Кто ж застоит за бедных, беззащитных, / Неправый суд царит на белом свете. / В овечьем стаде волки пастухами»), ставит помету: «Сильнее!!!» (Л. 25).

Характер героини также претерпел изменения. Так, в поведении Марьи Власьевны сначала преобладало безоглядное доверие к своему избраннику. Она соглашается бежать без венца, целиком полагаясь на честность Бастрыкова, о чём тот сообщает в разговоре с Дубровиным: «Мы по любви сошлись да столковались, / Чтоб ей бежать со мной. Женюсь ли, нет ли, / На совесть отдала». В окончательную редакцию текста эти слова не вошли.

В процессе работы Островский постепенно отказывался от излишней демонизации образа воеводы. Драматург вычёркивает в прологе слова о том, что он, кроме девок, «сыскивает» и чужих жён, мучит посадских напрасно, «ломает и огнём жжёт». Пометка в *ЧА* свидетельствует о том, что, работая над текстом V действия, Островский обратился к 4-му тому «Актów исторических», где под № 182 опубликована «Царская грамота Енисейскому таможенному и заставному голове Фёдору Звягину о поручении ему в управу тамошних первостатейных посадских людей, с изъятием их из подведомства воеводы Голохвастова за разные обиды и притеснения» (*АИ*. Т. 4. С. 246—248). Эта ссылка, по мнению Н. П. Кашина, стоит «на первом месте по важности»: «Приведённая грамота... могла дать довольно материала для образа воеводы: здесь ярко обрисовывается и его самоуправство, и поборы, и притеснения, и оговор при помощи подкупленных людей, и захват чужих жён, а также есть упоминание и об охоте, что могло заставить драматурга вложить в уста Шалыгина рассказ о случае, бывшем с ним на охоте. Этой же грамотой... могли быть навеяны такие лица, как “былой подъячий” Жилка и Олёна, жена Дубровина... Но что касается личности воеводы, то нужно отметить, что воевода Голохвастов отличается более отрицательными чертами, чем Шалыгин: он не только захватывает чужих жён в отсутствии их мужей, но даже “отдаёт их на блуд” и сделал себе из этого доходную статью...» (*Кашин*. <Т. 1.> С. 204, 208).

Созданию «Воеводы» предшествовало изучение исторических документов и материалов, ссылки на которые указаны в *ЧА*. Так, в тексте монолога Романа Дубровина

«Сердце / Ретивое, что бѣётся — не уймётся» (2 явл., 2 сц., II д.) над зачёркнутыми словами героя «Я не таков, я рук не кровавил» поставлен значок, указывающий на примечание, расположенное под чертой в самом низу листа: «4 Т<ом> А<кт>в> А<рхеографической> Э<кспедиции> 209 стр. Царск<ая> грам<ота> в Бежецкий Верх на Городецк». Напротив записи отмечено: «2-й акт» (Л. 25). В данном случае речь идёт о «Царской грамоте в Бежецкий Верх на Городецк о содействии государеву сыщику в поиске и искоренении разбойников и всяких воровских людей» (ААЭ. Т. 4. С. 209). Комментируя эту ссылку, Н. П. Кашин пишет: «Из настоящей грамоты почти дословно заимствована речь бирюча, которой открывается I явление I действия, равно как ею же была навеяна самая мысль ввести бирюча: как мы уже знаем, указ велено было “вычитать по многие дни”. Также она могла навести на мысль поселить возвратившегося из бегов Романа Дубровина у Бастрюковых. Это, в свою очередь, привело к тому, чтобы Степан Бастрюков обратился к Дубровину за помощью, и таким образом создались второе и третье явления второй сцены I действия» (Кашин. <Т. I.> С. 211). Речь Бирюча, о которой упоминает Кашин, открывает не 1-е явление I действия, а 1-е явление пролога. Возможно, Островский пришёл к решению включить в текст повествования материал грамоты в ходе работы над II действием.

В 1-м явлении IV действия ЧА на полях есть ссылка («249 <страница>. 3 Т<ом> А<кт>в> А<рхеографической> Э<кспедиции>») на «Царскую жалованную грамоту крестьянам Борисоглебской слободы об освобождении их от податей, городского дела, ямской гоньбы и от платежа пошлин и мыта городу Романову» (ААЭ. Т. 3. С. 249). Помимо упомянутого обращения драматурга к 4-му тому «Акт^{ов} исторических...», в рукописи имеется ссылка на запись от 14 декабря 1636 г. 2-го тома «Акт^{ов}, относящихся до юридического быта древней России» и на 3-й том ААЭ. Ссылка на «Акты, относящиеся до юридического быта древней России» относится к реплике Дубровина, который в разговоре со сторожем говорит о намерении поступить на службу к боярину (1 явл., V д.). В то же время документ содержит в себе сообщение о том, как «Понкратей Нестеров сын Харитонов, родиню Костромского уезда занял есми... три рубля денег Московского серебра ходячего», а за рост предстоит ему «у князя Андрея Офонасьевича Козловскаго служить во дворе по вся дни» (Акты, относящиеся до юридического быта древней России / под ред. Н. В. Калачова. Т. 2. СПб., 1864. С. 26). На основе исторических материалов можно предположить, что действие пьесы происходит в верховьях Волги, вблизи Ярославля и Костромы. Смещённому с должности воеводе вменяется в обязанность ехать к «великому государю, к Москве и, приехав, явиться в костромском приказе» (5 явл., V д.). Согласно свидетельству чиновника российского Посольского приказа Гр. Котошихина (конец 1650-х — нач. 1660-х гг.), в ведении костромского приказа находились «города Ростов, Ярославль, Кострома и иные» (Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. 2-е изд. СПб., 1859. С. 89)¹. В пользу того, что действие пьесы происходит на Костромской земле, свидетельствует и тот факт, что в тексте содержатся топонимы, обозначающие названия расположенных в этой местности водоёмов и населённых пунктов: река Унжа, город Галич.

Среди исторических источников комедии особое место принадлежит «Домострою», где содержатся сведения о положении женщины в семье. Островский использовал

¹ С. Н. Дурылин полагал, что Островский в «Воеводе» «рисует тот же Нижний Новгород», что и в «Минине» (Дурылин С. Н. А. Н. Островский: очерк жизни и творчества. М.; Л., 1949. С. 83).

и описание средневекового русского города, содержащееся в работе Н. И. Костомарова «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях» (СПб., 1860. С. 10—19). Очевидно и знакомство драматурга с книгой того же автора «Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях» (СПб., 1862), подробно описывающей различные аспекты торговой жизни русских городов. В. А. Бочкарёв в качестве источников, послуживших исторической основой для написания «Воеводы», называет также «Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года», работы А. П. Шапова¹ и И. Е. Забелина² (см.: Бочкарёв. С. 64—65).

В качестве фольклорных источников, оказавших влияние на общий строй и язык «Воеводы», следует назвать лирические и бытовые песни и плачи, песни и предания о Кудеяре и Степане Разине, народную драму «Лодка», представлявшую собой инсценировку песни «Вниз по матушке по Волге» и имевшую одним из своих названий «Степан Разин»³. В речи героев пьесы можно заметить множество реминисценций из былин, сказок, календарной и свадебной обрядовой поэзии, заговоров, духовных стихов, пословиц и поговорок.

Текст АПК, хранящийся в библиотеке музея Малого театра, содержит правки Островского, в основном устраняющие мелкие ошибки переписчика. За незначительными исключениями текст АПК совпадает с текстом «Современника». Некоторые расхождения содержатся во 2-й сцене II действия. В АПК монолог Пустынника (1 явл.) включает в себя воспоминания о былом, об «отчем доме», о «юности цветущей», содержащиеся в ЧА и не вошедшие в первопечатный текст. Далее между лл. 42 и 43 вложен лист с отметкой Островского: «к 43 листу», где записан вариант фрагмента диалога Дубровина и Пустынника из 2-го явления со слов «Приветъ меня, отец» до слов «Отходит прочь». Очевидно, что работа над поиском более точных и ёмких речевых форм оставалась актуальной для драматурга даже на стадии подготовки комедии к театральной постановке.

ЦПК с карандашной пометой «суфлёрская», находящаяся в Санкт-Петербургской государственной Театральной библиотеке, не имеет расхождений с первопечатным текстом. На первом листе содержится запись: «Д<ирекция> и<мператорских> т<еатров> 17 янв<аря> 1865 г. № 5». Вверху листа написано: «По реестру Н. Р. Ч. от 16 января 1865 года за № 1395 С. П. По журналу Театрально-Литературного комитета 16 января 1865 г. одобрено к представлению. С. Петербург. 25 января 1865 г. Цензор действ<ительный> стат<ский> сов<етник> Нордстрем». Текст хранящегося в ГТБ режиссёрского экземпляра «Воеводы» (ТПК) также совпадает с текстом «Современника».

7 января 1865 г. Островский окончил «Воеводу», после чего читал её «в Москве в нескольких домах и кружках» (Коган. С. 138). О «чтении г. Островским в зале Театральной дирекции новой своей комедии» свидетельствует редактор «Петербургского листка» В. М. Сикевиц, присутствовавший 22 января по приглашению Ф. А. Бурдина и на втором чтении «у одного из артистов Александринского театра» (Чтение новой

¹ См.: Шапов А. П. Русский раскол старообрядства. Казань, 1859; Он же. Древние пустыни и пустынножители на северо-востоке России. СПб., 1860; Он же. Земство и раскол. Вып. 1. М., 1862.

² См.: Забелин И. Е. Домашний быт русских царей. Т. 1. М., 1862.

³ См.: Крупянская В. Ю. Народная драма «Лодка», её генезис и литературная история // Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР. Вып. 3. М.; Л., 1947. С. 70—73.

комедии // *Пб. листок*. 1865. № 12. 24 янв. С. 3). В заметке «Петербургского листка», автором которой является, возможно, редактор газеты, отмечено, что «пьеса богата рядом прелестнейших художественных положений и декоративно-поэтических картин; стих необычайно лёгок, язык Островского, сценические положения в высшей степени эффектны; некоторые персонажи комедии, в особенности самый герой её, в высшей степени типичны» (Там же). Позже В. М. Сикевиц опубликовал воспоминания, в которых подробно описал все детали этого вечера: «Мы молча уселись на стульях у стенки против Островского, который вынул из портфеля, внесённого сюда хозяином, толстую тетрадь, налил в стакан, хлебнул глоток воды и начал так: «Воевода, или Сон на Волге; комедия в пяти действиях». С того момента, как мы уселись, в комнате и без того царил абсолютная тишина, а тут при провозглашении названия пьесы все мы затаили, как говорится, дыхание». Эффект от чтения превзошёл все ожидания: «Тут со всех сторон понеслись к нему выражения благодарности и восторга. Опытные артисты сразу подчеркнули некоторые выдающиеся места пьесы, особенно самый сон воеводы, который должен быть изображён в лицах, за прозрачной кулисой.

— Это совершенно новый приём, новая вещица, — говорил Леонидов, — это произведёт громадный, небывалый эффект» (*Сикевиц В. М.* Былые встречи. Литературный вечер // *ИВ*. 1893. № 5. С. 385, 387).

Публикация пьесы вызвала противоречивые отклики. В письме к И. С. Тургеневу от 13 февраля 1865 г. Ф. М. Достоевский упомянул о первой реакции читателей: «...одни говорят, что это лучшее, что написал Островский, другие не знают, что сказать» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 28, кн. 2. Л., 1975. С. 113).

В одном из первых отзывов, помещённых в газете «Голос» (1865. № 52. 21 февр. С. 1), отмечалось, что новая комедия Островского представляет собой бытовую пьесу, лишённую драматизма. С большим сочувствием воспринял «Воеводу» А. С. Суворин. Критик пишет о поэтичности языка, проявившейся в «речи домового над уснувшей Марьей Власьевной» и «в колыбельной песне старухи-крестьянки над внуком». Более критично отзывался Суворин о сне воеводы: «Замысел поэтический очень хорош: тут и страшный мучитель, и ребёнок в люльке, и старушка-крестьянка, напевающая унылую песню, хватающую за сердце; и сцена, где просится на кормление с этого унылого люда; и удаль русских молодцов, этих «удалых разбойников», которых народная песня, по понятной причине, всегда идеализировала, — всё это задумано хорошо, но исполнение не совсем удачно и отзывается декорацией» (*А. И* — *н.* <Суворин А. С.> «Воевода, или Сон на Волге» // *Рус. инвалид*. 1865. № 44. 27 февр. С. 3). Отмечая положительные стороны комедии, Суворин особенно подчеркнул мастерство автора в изображении характеров воеводы и Дубровина. По мнению критика, новая пьеса стала заметным шагом вперёд по сравнению с исторической хроникой «Козьма Захарьич Минин, Сухорук», но она не лишена серьёзных недостатков. «Из женских личностей ни одна не выделяется, кроме Олёны, да и то не совсем. <...> В комедии много песен, даже чересчур много; есть места, вовсе ненужные для хода драмы и только растягивающие её в ущерб общей гармонии» (Там же).

Положительно отзывался о «Воеводе» рецензент «Отечественных записок», заметив, что «лучший акт всё-таки третий, а именно то место, где автор с полной смелостью таланта, живём вводит домового в число действующих лиц русской семьи XVII столетия. Это место, принадлежащее таланту г. Островского, есть вместе с тем

и глубоко историческое, хотя и не записанное ни в какой летописи» (Литературная летопись // *ОЗ*. 1865. Т. 159. № 3. Март. С. 71).

Сочувственный отзыв о «Воеводе» оставил И. С. Тургенев, в письме к И. П. Борогову от 16 марта 1865 г. признавший, что новая пьеса Островского привела его в умиление (см. об этом выше на с. 634).

Корреспондент журнала «Русская сцена», скрывшийся за подписью А. Х., критично отзывался о новой пьесе Островского: «Величие эпохи и её смысл оказались не по плечу даровитого автора» (*А. Х. Драматическая библиография. «Воевода (Сон на Волге)». Комедия в пяти действиях, с прологом, в стихах, А. Н. Островского // Русская сцена. 1865. № 3. Март. Театральное обозрение. С. 574*). Автор статьи утверждал, что «для читателя от начала до конца остаётся темна сама идея» комедии, главный вопрос которой — вопрос о роли воеводства «в нашей истории» (Там же. С. 581, 583). Объективная картина правления воевод видится автору статьи следующим образом: «Не имея юридического образования, они не могли творить правого суда; смотря же на свою должность, как на кормление, они страдали лихоимством» (Там же. С. 583). Критик считает, что Островский, изображая своего героя, не представил объективные причины, заставившие его быть таковым, и тем самым отступил от исторической правды. Кроме того, рецензент отмечал целый ряд художественных недочётов пьесы: «ей не хватает целостности», лица «очерчены очень слабо», «портреты вышли неоконченными. Самому главному лицу — воеводе и тому недостаёт рельефности, или, лучше сказать, типичности» (Там же. С. 584—585). Из всех героев комедии автор статьи выделил одного Дубровина: «В нём довольно ярко выразился тот тип удалого атамана-разбойника, который сохранился в народных сказках и песнях; тип, в котором рядом со страшными и тёмными чертами встречаются черты того молодчества и удалы, которые дышат чем-то геройским, сглаживающим и самые неприятные оттенки» (Там же. С. 585). Наименее удачным критик посчитал IV действие комедии, которое на сцене «должно будет выйти весьма забавно. <...> Что значит этот пророческий сон воеводы? Что хотел сказать и показать им автор? <...> И в какое смешное положение будет поставлен актёр, которому придётся бредить? Ещё нелепее должна будет выйти сцена щекотания. И не остроумно, и не назидательно...» (Там же. С. 586). Новую комедию Островского рецензент назвал неудачною, заметив, что «воссоздание исторических эпох, видимо, не удаётся автору» (Там же. С. 587).

Оценку «Воеводе» дал и Д. И. Писарев в статье «Прогулки по садам российской словесности» (*РСЛ*. 1865. № 3. Отд. II. С. 1—58). По мнению Писарева, к новой пьесе следовало бы написать предисловие, поскольку «автор должен был объяснить русской публике, что такое он хотел выразить своим новым произведением и с какой стати он его написал. Сама комедия на эти вопросы не даёт решительно никакого ответа» (Там же. С. 23). Главными недостатками «Воеводы» названы построение сюжета, который «изумляет читателя своей несообразностью», несуразности диалогов и изобилие «вводных лиц» (Там же. С. 24, 25). Критик отмечает: «Но г. Островский и этим не удовлетворился: для большей фантастичности он устроил так, что пророческие сны воеводы разыгрываются перед глазами всех зрителей. <...> Через это комедия начинает смахивать на волшебную оперетку и получает для райка удвоенную занимательность» (Там же. С. 25).

Сотрудники «Современника» не раз выражали несогласие с негативной оценкой пьесы, пытаясь смягчить излишнюю категоричность критиков. В февральском

номере журнала «Воевода» упоминается как положительный пример поэтического осмысления исторической действительности в связи с разбором рассказа Н. И. Костомарова (<Пыпин А. Н.> Сын. Рассказ из времён XVII века. Н. И. Костомарова. СПб., 1865 // *Совр.* 1865. Т. 106. № 2. Современное обозрение. С. 305). Пыпин утверждал, что в «Воеводе» правдиво отображена историческая эпоха, представление о которой «Островский приобрёл путём того же изучения старины, которое дало содержание и рассказу г. Костомарова». При этом «Воеводу» отличает большая художественная выразительность: «Картина г. Островского гораздо выше в поэтическом отношении, она мягче по своему колориту...» (Там же).

В апрельском номере «Современника» был опубликован ответ на критику Д. И. Писарева (Русская литература // *Совр.* 1865. Т. 107. № 4. С. 296—297). Автор публикации обвинил автора «Прогулок по садам российской словесности» в «глупости», поскольку «более деликатного выражения» невозможно найти «для обозначения упрёка», какой критик «Русского слова» делает Островскому «за то, что он ввёл в своё произведение домового и сбывшиеся сны, и тем якобы содействовал распространению суеверий и предрассудков. Ведь это всё равно, как если бы кто-нибудь стал упрекать Крылова за то, что у него в баснях осёл говорит и действует по-человечьи» (Там же. С. 297).

25 января за подписью И. Нордстрема «Воевода» разрешён к постановке театральной цензурой (РГИА. Ф. 780. Оп. 1. Д. 42. Л. 27—27 об.). В тот же день драматург сообщает М. В. Васильевой (Островской): «Пьеса сегодня вышла из цензуры, пропущена вся» (ПСС-12. Т. 11. С. 198). Комедия готовилась к постановке в Александринском театре, Островский присутствовал на первых репетициях, затем на время уехал в Москву (см.: *Коган.* С. 138—139).

По требованию В. В. Самойлова, согласившегося играть роль Шалыгина, драматург был вынужден сократить монолог спящего воеводы¹. В письме к актёру (начало апреля 1865 г.) Островский сообщал: «Я сделал сокращения, которые Вы считаете нужными. <...> Мне кажется, этих сокращений будет достаточно; впрочем, если Вы найдёте нужным сократить ещё что-нибудь, то уведоьте меня» (ПСС-12. Т. 11. С. 202). Однако в середине апреля «Ф. Бурдин уведомляет Островского, что премьера “Воеводы” откладывается вследствие того, что декорации и машины ещё не готовы» (Коган. С. 139). Драматург возвращается в Петербург и активно участвует в процессе подготовки спектакля. По обыкновению он проходит роли с каждым артистом в отдельности. «Одну половину дня отнимают репетиции, а другую читаю роли то с тем, то с другим», — сообщает он М. В. Васильевой (Островской) в письме от 23—24 апреля 1865 г. (ПСС-12. Т. 11. С. 203).

Первое представление «Воеводы» состоялось в присутствии автора 28 апреля 1865 г. на сцене Мариинского театра в бенефис Е. В. Владимировой (Владимировой 1-й) со следующим составом актёров: Шалыгин — В. В. Самойлов, Семён Бастрюков — Л. Л. Леонидов, Степан Бастрюков — А. А. Нильский, Роман

¹ По замечанию Н. Г. Михновец, «у столичных премьеров 1850—1870-х гг. не было бережного отношения к слову, к слову бытописателя Островского в частности. Блестящий актёр Александринского театра В. В. Самойлов, виртуозно владея техникой исполнения, с текстами Островского обращался весьма небрежно. По воспоминаниям современников, премьер позволял себе отказываться от обширных монологов из комедий Островского и не всегда знал текст» (Михновец Н. Г. А. Н. Островский и Александринский театр // А. Н. Островский. Материалы и исследования: сборник научных трудов. Вып. 3. Шуя, 2010. С. 214).

Дубровин — Ф. А. Бурдин, Бессудный — П. И. Зубров, Неустройко — А. А. Алексеев, Неждан — В. Я. Полтавцев, Облезлов — П. П. Пронский, Дюжой — П. И. Григорьев (Григорьев 1-й), Настасья — Ю. Н. Линская, Несмеянов — П. Я. Петровский, Брусенин — И. И. Николаев, Цаплин — Г. Н. Жулин, Тыра — И. Ф. Горбунов, Гришка Жилка — В. Р. Шемаев, Резвый — В. И. Васильев, Прасковья — М. А. Александрова (Александрова 1-я), Марья — Е. В. Владимирова (Владимирова 1-я), Недвига — П. К. Громова, Буров — П. Бубнов, Зоря — Н. О. Петров, Ульяна — Е. М. Левкеева, Мизгирь — П. С. Степанов, Олёна — Е. И. Подобедова (Подобедова 2-я), Домовой — Н. Р. Надеждин, Старуха — Н. П. Воронова.

29 апреля 1865 г. Островский с удовлетворением пишет М. В. Васильевой (Островской) о первой постановке: «...пьеса имела успех огромный, — меня вызывали после 3-го действия 5 раз, в 4-м действии в половине во всём театре поднялся крик автора, так что чуть не остановили представления, но я не вышел, а выходил после, — в конце вызывали единодушно всем театром несколько раз» (*ПСС-12*. Т. 11. С. 204). После премьеры артисты Александринского театра перед отъездом драматурга в Москву поднесли ему в дар альбом со своими портретами (*Коган*. С. 139). Однако театральная критика не была единодушна в оценке спектакля.

П. В. Анненков посвятил разбору «Воеводы» большую статью, помещённую в двух номерах «Санкт-Петербургских ведомостей». Критик высоко оценил вклад Островского в развитие русской литературы, особенно подчеркнув тот факт, что драматург значительно раздвинул границы «нашей комедии»: «Известно, что кроме эпического элемента народной поэзии, народной думы, введённого им с самого начала своей деятельности, он допустил в неё русский ландшафт и заставил её выражать ту природу и местность, посреди которых она сама развивается» (*Анненков П. «Воевода, или Сон на Волге» // СПбВед. 1865. № 107. 2 мая. С. 1*). По мнению критика, новая комедия представляет собой гармоничное сочетание поэтической формы и богатого содержания, правдиво отображающего исторические реалии русской действительности: «Ныне г. Островский является с “комедией”, которая ещё в большей степени, чем все предыдущие, употребляет в дело побочные эффекты и пользуется свободой, открытою автором для этого рода произведений вообще, но “комедия”, вместе с тем, построена ещё на юридическом материале и связывается с историей России и с её не очень давним прошлым» (Там же). «Воевода» является даже не комедией, а «драматической хроникой, только не историко-политического содержания, а бытового и историко-юридического», в которой «поразительно и ярко представлен г-ном Островским гражданский быт многочисленных жертв кормления, со всеми чертами, которые стоят за ними по юридическим актам и документам, с ябедою и униженной мольбой перед властью, насылающей им египетское испытание в виде администраторов, с отчаянным удалством, пытающимся создать вокруг себя вольный беспечальный мир... наконец, с разбойничеством, которое становится единственным средством обрести равноправную жизнь и спастись от насилия». Недоверие критика вызывают сцены ворожбы, где «простая выписка нелепых заклинаний и различных форм старого волхования, вложенная в уста колдуна Мизгирия... дала ему скорее маскарадную, чем живую физиономию». Под сомнение поставлен и финал пьесы, поскольку «приказная бумага, целиком выписанная из какого-нибудь сборника и заключающая в себе отрешение от должности», не может «служить приличным орудием для развязки художественной драмы» (Там же).

Из всех героев пьесы Анненков особенно выделил образ воеводы как наиболее удавшийся Островскому: «Тяжёлое впечатление производят на зрителя меняющиеся краски этого страшного лица, которое способно медленно, расчётливо наслаждаться ненавистью, соединять холодную иронию с безграничным распутством, похожим на болезнь, и принимать смиренный вид в минуту сильнеешего разгара страсти. <...> Это также и психический этюд у г. Островского, но, как этюд, Воевода уже выделяется из юридической хроники и становится характером, не связанным ни с какою известною эпохой, местностью и обстановкой...». Однако «автор навязал воеводе Шалыгину одно из очень редких преступлений, так редких, что оно походит на анекдот уголовного характера — страсть, в порыве ревности и злобы, шекотать своих жён до смерти. Можно было бы примириться с анекдотом, если бы особенность злодейской склонности отразилась какою-либо крупною чертой в нравственной физиономии воеводы; но этого нет, и зрителю, морально к ней нисколько не подготовленному, остаётся на долю только изумление». «Как бы то ни было, — резюмирует Анненков, — правы ли или неправы мы в последних замечаниях, достоверно одно: юридическая сторона хроники-комедии развита у г. Островского чрезвычайно полно и эффектно... При всём том, настоящее своё значение и всю свою обаятельную силу пьесы г. Островского получает совсем не из этого источника, а из другого, ему чуждого и противоположного, именно — из вымысла, который, смеем сказать, сообщает хронике и необходимую правдоподобность» (Там же).

Анненков находит художественно убедительной фантастическую часть пьесы, которая «служит оправданием её историческому элементу и при случае с полным успехом и с полной достоверностью становится прямо на её место. Чтò вышло бы, например, из воеводы Шалыгина, если бы автор захотел сохранить ему только те черты, которыми характеризуются воеводы вообще в юридических свидетельствах, если бы не подверг его глубокому психическому анализу, просто как человека. <...> Всю действительность и историческое значение приобрёл он только тогда, когда коснулась до него фантазия автора» (*СПбВед.* 1865. № 109. 4 мая. С. 1). «Убедительным примером того, что чистый вымысел способен в некоторых случаях на ту же самую услугу относительно понимания и представления исторической эпохи, как и любой исторический факт, может служить в четвёртом действии комедии сцена постоянного двора, куда прибывает воевода Шалыгин на ночлег», — замечает критик. Особенно выделяет он тот эпизод, где старуха затягивает «чудную, необычную, *политическую* песню»: «Автор собрал в ней, по поэтическому инстинкту и прозрению, всё то, что смутно, в виде предчувствия, могло жить в душе каждого человека из простонародья, чего ни один из закрепощённых не умел представить себе целостно и определённо, но что заставляло всех их волноваться, бежать на края земли, предаваться всякому обманщику и укоренять в государстве смуты, разбои, секты, самозванства» (Там же).

Высоко оценив «поэтические мотивы», звучащие в комедии, Анненков приходит к убеждению «в невозможности повстречаться с настоящею драмой на этой мягкой, рыхлой почве». В то же время, вполне закономерным кажется критику, что «рядом с такою же жизнью непременно должны возникать крайности, как естественный, законный вид реакции против её томительного, сладкоудуряющего и расслабляющего характера». Потому вполне логично, как считает критик, обращение драматурга к разбойничеству «мирных граждан, хороших людей, которым только невыносимое

состояние общества вложило в руки кистей, что создало и высшее центральное управление»: «Весьма замечательно, что попытка оторвать от массы или толпы одно лицо и поставить его в представители нравственного положения, какое может быть приписано им только в целом их составе, не удалось даже и такому огромному таланту, как г. Островский. Объясняется это... тем, что в народе есть много представлений, понятий и убеждений, которые выдерживают критику и могут быть логически и морально оправданы, когда живут в виде общего достояния, разложенные на весь мир, но которые не поддаются никакому олицетворению, или, будучи олицетворены, теряют свой смысл, нравственное значение и убедительность» (*СПбВед.* 1865. № 109. 4 мая. С. 1).

Другую причину, обусловившую ослабление драматического конфликта, Анненков видит в обрисовке характера Дубровина: «Худояр г. Островского имеет несчастье быть мыслящим человеком и отчасти психологом. Анализ, производимый им в сцене с пустынноиком (действие II, сцена II) над собственной своей нравственной природой, гораздо более отымает у него, чем даёт ему жизни и выразительности» (Там же). Однако неудача образа благородного разбойника во многом способствовала успеху комедии, поскольку сделала невозможным выражение и закрепление в типе Дубровина свойств «настоящего “драматического” характера», зарождающегося на «несколько опошленном в сценическом отношении грунте разбойничества». <...> В нынешнем своём виде комедия-хроника не имеет ни одного пункта, на котором бы плотно сосредоточилось столько элементов, сколько нужно для зарождения и вспышки драмы, и комедия остаётся с главным, наиболее обаятельным и наиболее важным характером — характером *домашней истории стародавней Руси*» (Там же).

Завершая разбор комедии, Анненков особенно отметил её язык, поставив в заслугу Островскому отказ «от соблазна щеголять виртуозными своими способностями на трудном инструменте стихотворной речи. Усвоив себе живописность народного слова, он сообщил стиху и сдержанность этого слова, по временам самый лаконизм его, так способствующий *образному* выражению мысли. Ныне г. Островский передаёт уже стихом не только присловья и фигуральные обороты народной речи, но и те руссизмы её, которые, не имея своего собственного, самостоятельного смысла, выражают в известных случаях тончайшие, едва уловимые оттенки чувства или представления. <...> Написанная таким стихом комедия г. Островского, кроме всего другого, представляет ещё пример безыскусственного народного говора, помирённого с литературною, тщательно выработанною художническою формой» (Там же).

Спустя 40 лет обозреватель «Ежегодных императорских театров» подчеркнул значимость рецензии Анненкова и в целом согласился с его оценкой пьесы, признав, что Островский «показал в ней впервые совершенно оригинальные стихотворные приёмы, отражающие его личность как поэта», что «написанная таким стихом» комедия Островского «представляет ещё пример безыскусственного народного говора, согласованного с литературной, тщательно выработанной литературной нормой» (Обозрение деятельности Московских театров. Драма // *ЕИТ*. Вып. 15, ч. 1. Сезон 1904—1905. С. 147).

Более критичная оценка первой постановки «Воеводы» прозвучала в рецензии корреспондента газеты «Голос», который отмечал, что дирекция театра «сделала всё, что от неё зависело, для успеха «Воеводы». <...> Декорации и костюмы превосходны; костюмы даже слишком великолепны и не оставляют желать ничего лучшего. Для

хорового пения призваны к участию хористы из русской оперы, музыка аранжирована прекрасно», и «если пьеса будет держаться на сцене, то она многим будет обязана постановке» («Воевода, или Сон на Волге» // *Голос*. 1865. № 125. 7 мая. С. 1). По наблюдению критика, большую часть спектакля публика находилась «в безмолвии и недоумении, что всё это означает и что из всего этого имеет выйти?» (Там же. С. 2). Главным недостатком пьесы отмечается отсутствие действия и обилие монологов. Особенно затянутой рецензент считает сцену встречи Дубровина с Пустынником во 2-й сцене II действия: Дубровин «говорит длинные монологи», Пустынник «говорит монологи несколько короче монологов Дубровина». Однако «на публику эти монологи не действуют»: «Виновата ли публика? По-нашему, нет, потому что монолог не действие, и монологам сочувствуют и аплодируют только при условии, чтоб они вытекали прямо из действия, а не из одного риторства. Тут же зритель видит Дубровина, только говорящего, но ничего не делающего и ничем не доказавшего перед зрителями своего права говорить так, а не иначе» (Там же). Весь второй акт, как утверждает рецензент, лишён сценического движения, и даже его эффектный финал не спасает ситуации: «...Щербак же садится на камень, плетёт лапти и поёт; на мосту в то же время поют нищие; идёт боярин с слугами и стрельцами через мост; вдали слышен звон колоколов. Эта минута очень эффектна, и в опере она, обставленная музыкально, произвела бы фурор; тут же публика, утомлённая целым актом, не подвинувшим действие почти ни на шаг вперёд, осталась совершенно равнодушною и безмолвствовала, когда опустился занавес. Хор, музыкальный эффект, колокольный звон, воевода в своём богатом наряде — весь этот эффект, как ненужный для движения, прошёл даром и совершенно справедливо... Но впереди ещё целые три акта» (Там же). В третьем акте неоправданно растянутыми и ненужными кажутся критику эпизоды подкупа Ульяны и песни домового: «Совершенно непонятно, для чего введена эта сцена домового в пьесу. Неужели опять для обрисовки домашнего быта? Эпизод этот в чтении, конечно, поэтичен, но на сцене домовые вообще не удаются; миф этот существует в народе как нечто совершенно не поддающееся воплощению, и пригоден разве только в балете». Гораздо большее впечатление на зал, по наблюдениям рецензента, произвела сцена сна воеводы: «Публика, приведённая в восторг сценой на Волге, вызывает автора» (Там же).

Неубедительным показался критику образ Дубровина, уверяющего, что он «рук не кровянил»: «...предводительствуя шайкой разбойников XVII века и разбивая боярские дворы... — он чист от крови? Что ж он только командовал да смотрел, как другие руки кровянят? В таком случае, едва ли его выбрали бы атаманом в тот век...» (Там же). Образом, лишённым внутренней логики, назвал критик и фигуру воеводы Шалыгина: «Воевода, по приказу автора, должен быть злой, стяжательный, притеснитель народа и пр. и пр. Но почему мы это знаем? Во все пять актов, с прологом, воевода как воевода, не делает ни одного возмутительно-неправого поступка, с точки зрения XVII века», поскольку девок ворует и Бастрюков, а денег для раздачи в Москву он так и не собрал (Там же). Основные недостатки комедии объясняются в статье неверным выбором сюжета: «Итак, на чём же построена пьеса? Да ни на чём более, как на вопросе: за кем быть замужем Марье Дюжой — за воеводой или за Степаном Бастрюковым? В сущности, этот сюжет взят автором произвольно; это не результат творчества, а просто нитка, на которую, как сушёные грибы, нанизаны обычаи и порядки домашней жизни XVII века. <...> Драмы,

движения, полного, живого воплощения лиц — нет; всем пожертвовано для домового, колдуна, сказок и прочего» (*Голос*. 1865. № 125. 7 мая. С. 3).

Критические ноты в оценке «Воеводы» только усиливались с течением времени. Так, корреспондент московского журнала «Развлечение» замечал, что на публику спектакль производил «такого рода действие, какое производят препараты из опиума на страждущих бессоницею» (*Московский наблюдатель* // *Развлечение*. 1865. Т. 14. № 36. 11 сент. С. 174). Тем же настроением проникнута и эпиграмма П. А. Каратыгина:

Как пойдёт наш «Воевода»,
Все кричали наперёд:
«Посмотрите, что дохода
Он театру принесёт!»
Ожиданья были долги,
Результат короток был:
Вот явился «Сон на Волге»
И чуть всех не усыпил!
Просмотреть такую скуку —
Не последняя из мук...
Часто сон бывает в руку,
А уж этот вон из рук¹.

Обозреватель газеты «Санкт-Петербургские ведомости» главную неудачу спектаклей усматривал в посредственной игре актёров и выдерживал благожелательный тон в отношении «замечательной, хотя и не совсем сценической пьесы» (*А. Петербургские заметки* // *СПбВед*. 1865. № 258. 3 окт. С. 1). В рецензии, написанной после шестой постановки комедии на сцене Александринского театра, сообщалось, что впечатление от «превосходной пьесы» Островского по-прежнему сильно, однако «многочисленные действующие лица «Воеводы» были представлены или уж слишком посредственно, или даже ниже чем посредственно». Так, игра актрисы Вороновой вызвала досаду («Можно сказать без всякого преувеличения, что ни один человек из всей публики... не расслышал и двух слов в тех песнях, которые она пела у люльки крестьянского младенца»), а публика показала «грубое и оскорбительное непонимание пьесы»: «Мы очень рады за г. Островского, что он не был на представлении «Воеводы»...» (Там же).

В репертуаре театра комедия продержалась недолго и вскоре была снята².

Труппой московского Малого театра комедия «Воевода» была впервые представлена на сцене Большого театра 9 сентября 1865 г. со следующим составом актёров: Шалыгин — П. М. Садовский, Семён Бастрюков — С. В. Шумский, Степан Бастрюков — Н. Е. Вильде, Роман Дубровин — К. Н. Полтавцев, Бессудный — В. И. Живокини, Неустройко — Н. Никитин, Неждан — Е. О. Петров, Облезлов — К. П. Колосов, Дюжой — В. А. Дмитриевский, Настасья — С. П. Акимова, Дружина — Д. В. Живокини (Живокини 2-й), Несмеянов и Гаврило — А. Ф. Федотов, Брусенин —

¹ Эпиграмма написана в 1865 г. Впервые опубликована в журнале «Русская старина» (1880. № 3. С. 658). В журнальной публикации 3-я строфа заменена строкой точек. Печ. по кн.: *Шевляков М. В.* Русские остряки и остроты их. СПб., 1899. С. 53.

² Одну из причин невозможности возобновления «Воеводы» и ряда других пьес в репертуаре Александринского театра Островский видел в ограниченности его актёрского состава, о чём заявил в не опубликованной при жизни «Записке по поводу «Правил о премиях императорских театров за драматические произведения»».

Кремнев, Цаплин — А. М. Пономарёв, Тыра — М. И. Лавров (Лавров 2-й), Гришка Жилка — Н. М. Никифоров, Резвый — А. А. Рассказов, Прасковья — А. П. Савина, Марья — А. И. Колосова, Недвига — Е. Н. Васильева (Васильева 1-я), Бурый — Семёнов, Зоря — Третьяков, Ульяна — В. В. Бороздина, Мизгирь — П. Г. Степанов, Олёна — М. В. Васильева (Васильева 2-я), Домовой — М. Н. Владыкин, Старуха — Л. П. Никулина-Косицкая, сын её — Миленский, Баим — Матвеев, Шишига — Воронский, Кубас — Душкин, Бирюч — Миленский.

Спектакль выдержал пять постановок и был снят с репертуара в связи с тяжёлой болезнью К. Н. Полтавцева — исполнителя роли Романа Дубровина¹.

Судя по отзывам театральной критики, постановка эта успеха не имела. «Томление и скука, видимо, овладели публикой, значительная часть которой разъехалась после четвёртого акта», — писал обозреватель газеты «Современная летопись»² (Н. Н. «Воевода, или Сон на Волге» // *Современная летопись*. 1865. № 35. Сент. С. 6—10). Заметив, что «в основе пьесы положена борьба, которая и до сих пор ещё не утратила своего значения и интереса: борьба между бюрократией и земством», критик, тем не менее, назвал «Воеводу» комедией «сомнительной актуальности», в которой «изображение нравов впадает в тенденциозную карикатуру; развития действия и характеров нет» (Денисюк Н. Ф. Критическая литература о произведениях А. Н. Островского. Вып. 2. М., 1906. С. 312, 308, 309). Главный недостаток произведения, в котором «нет исторической правды и драматического действия», критик увидел в том, что «автор пожертвовал фабулой обстановке и, вместо действия, наполнил её тенденциозными изображениями быта». Пьеса воспринимается им как лишь этнографический этюд, в котором действие, «обещающее, судя по прологу и первому акту, повести к сильным и широким коллизиям, постепенно, с каждым новым актом, всё более и более ослабевает и к концу сводится на нет», а «борьба между Шалыгиным и Бастрюковым не выдержана» (Там же. С. 312, 313). Примеры исторической неправды автор статьи находит в недостоверности психологической обрисовки характеров. Разбирая сцену первой встречи воеводы с Марьей Власьевной, закончившейся решением Шалыгина отвергнуть свою первую невесту, её сестру, и забрать Марью Власьевну в свой дом, рецензент пишет: «Тут большая несообразность: объявленный женихом Прасковьи Власьевны воевода, несмотря на всё своё самодурство, покоряется обычаю и отказывает себе в удовольствии бывать в её обществе... и Дюжой, как видно, строго в этом случае стоит за обычай. Но вот Шалыгин увидел Марью; он отвергает первую свою невесту, сам объявляет себя женихом Маши, и эту последнюю, в противность всем обычаям и нравам, берёт к себе в дом. Дюжой ни в чём ему не перечит. Шалыгин, для верности, мог приставить караул к дому невесты, но взять её к себе — это так противоречило обычаям и нравам, что Дюжой никак не мог согласиться с первого же слова, да и подумать-то об этом трудно было даже Шалыгину: обычай был тогда всесилен и над самыми неограниченными из деспотов. Далее, как мог так легко отнестись Дюжой к оскорблению, нанесённому его дочери? Наречённая невеста отвергнута — это ужасное, несмыслимое пятно. Правда, взрывом своей ярости воевода мог запугать Власа, и в чтении эта

¹ В последний раз К. Н. Полтавцев исполнял роль Дубровина в комедии Островского «Воевода» 24 сентября 1865 г.; 29 декабря 1865 г., 42-х лет от роду, он умер в Москве.

² Газета «Современная летопись» являлась воскресным прибавлением к «Московским ведомостям».

минута кажется не столь несообразной, как на сцене, где ярости не заметно и следа у актёра, исполняющего роль Шалыгина. Как бы то ни было, чувствуя сам неловкость положения, в котором не было и необходимости... автор скрыл от нас дальнейшую судьбу Прасковьи Власьевны: она так же выбывает из действия, как выбыл Семён Бастрюков...» (*Денисюк Н. Ф.* Критическая литература о произведениях А. Н. Островского. Вып. 2. М., 1906. С. 315).

К недостаткам пьесы автор статьи относит присутствие в ней «лишних» и невыразительных персонажей. Так, образ «настоящего сказочного домового» не имеет «хоть какое-нибудь отношение к главному действию» (Там же. С. 318). Образ хозяйки постоялого двора, где ночует Шалыгин с дружиной, видится критику не таким выразительным, как казался при чтении: «Образ этой старухи (г-жа Никулина-Косицкая) и трогательная песня её над колыбелью младенца производят в чтении лучшее впечатление, чем на сцене, где, благодаря монотонному напеву и чрезмерной длине песни, он наводит неодолимую скуку на зрителей, состязаясь в этом отношении с непомерно-длинным и монотонным бредом Шалыгина, доказывающим только одно, что воеводу мучат угрызения совести, а это и без того само-собою разумеется» (Там же. С. 319). Недостоверным и бессмысленным показался критику и финал пьесы, ещё более затруднивший её понимание. Обобщая впечатления от представленной комедии, автор статьи замечает, что «вся драма не имела ровно никакого смысла»: «...если автор счёл нужным или возможным дать благополучный исход своей пьесе, в таком случае напрасно выражать сомнение в будущем и давать почувствовать, что перемены в положении не будет никакой; если же автор именно имел в виду ту мысль, что воеводское управление всегда останется плохим и тягостным, и на этом безвыходном положении основывал все перипетии и всю фабулу своей пьесы, — в таком случае невозможно и бессмысленно её благополучное окончание» (Там же. С. 321).

Подробное описание московской постановки «Воеводы» представлено А. Н. Баженовым в нескольких номерах журнала «Театральные афиши и антракт»¹ (1865. № 229. 15 сент. С. 2—3; № 230. 16 сент. С. 3—4; № 231. 17 сент. С. 3—4). Начав разговор с читателем с утверждения, что на современное искусство «нашёл как будто какой-то столбняк и это состояние оцепенения всего чувствительнее даёт себя знать на современном театре, на произведениях драматической поэзии», театральный обозреватель включил в число таких произведений и последние пьесы Островского: «Представитель нашей современной драматургии, Островский, в последнее время или с странною лёгкостью скользит по поверхности современной жизни в своих скороспелых мелких произведениях, или просто отворачивается от неё и обращается к жизни прошедшей» (*Баженов А. Н.* Сочинения и переводы. Т. 1. М., 1869. С. 495—496). Пьеса «Воевода» оказалась, наконец, сыграна труппой Малого театра, и теперь, «стало быть, более, чем когда-нибудь настало время высказаться о ней» (Там же. С. 498). Главным недостатком «Воеводы», по мысли Баженова, является то, что в ней «описательный элемент в значительной степени преобладает над драматическим, т. е. развивающимся в действии, и содержание поглотилось обстановкой» (Там же. С. 502). Элементами, задерживающими общее движение пьесы, критик считает эпизоды с домовым: «Вводить в драму элемент чудесного можно только

¹ В статье А. Н. Баженова «По поводу представления “Воеводы”» отмечено: «Напечатано» в *Антракте* 15, 16 и 17 сент-ября 1865 г., №№ 108, 109 и 110» (*Баженов А. Н.* Сочинения и переводы. Т. 1. М., 1869. С. 494).

с большою осторожностью. <...> Домовой... несмотря на прекрасную, глубоко поэтическую думу, с которой обходит он терем и спящих в нём, — лицо совершенно лишнее, ни к чему не нужное, и введённое в драму бесцельно» (Там же. С. 504).

Лишённым психологической достоверности кажется критику образ Пустынника: «Он гордится подвигом своего отшельничества. Ему приятно сопоставлять себя с разбойником, чтобы показать своё превосходство над ним; под личиною смирения он хочет явить ему в себе недостигаемый пример земного подвижничества» (Там же. С. 502—503). Баженову импонирует образ Марьи Власьевны: «Природный ум и сметливость, впечатлительная душа, девичья резвость и недевичья твёрдость воли — вот те элементы, из которых сложился очень полный и светлый характер её». Но в то же время характер этот, по мысли критика, до конца не определён, поскольку автор не показал, «как, при каких условиях мог сложиться он в стенах родительского дома, бок о бок с радикально противоположным характером Прасковьи Власьевны» (Там же. С. 508).

Неудачным драматургическим решением, по Баженову, является картина сна воеводы: «...если на сцену выводится сон, то это делается, конечно, не для того действующего лица, которому он снится, а для зрителей... стало быть, это делается для полноты иллюзии. Но возможна ли какая-нибудь иллюзия, когда перед зрителем раскрыта картина сна, но этой картине недостаёт главного действующего лица? <...> Спящие на сцене и видящие сны действующие лица только тогда могут оставаться спокойно на своих местах, когда не видят себя участниками в действии сна» (Там же. С. 505). Художественные просчёты привели к тому, что «томление и удущье от действующих лиц... драмы буквально и всецело сообщалось зрителям и тяжело читавшаяся драма его ещё тяжелее смотрелась» (Там же).

При этом Баженов высоко оценил постановку «Воеводы» на московской сцене, где пьеса «нашла себе очень удовлетворительное исполнение»: «Личность воеводы, самая законченная в пьесе и очень крупная личность, обозначилась довольно ярко и определительно в исполнении г. Садовского, который был верен всем основным чертам характера роли. Суровость и неизменная утрюмость Шалыгина, крайности, до которых доходит он в крайних проявлениях своих ничем не сдерживаемых страстей, твёрдая и полная готовность идти наперекор силе обстоятельств, — всё это нашло себе очень удачное выражение у артиста» (Там же. С. 507). Отмечена игра А. И. Колосовой, сумевшей «объединить все разнообразные положения своей роли, наложив на них оттенок детски-наивного и правдивого простосердечия, отчего самая злость её отзывалась чем-то милым и слишком задушевным», и актёрская работа Живокини, который «успел игрою своею вызвать зрителя на сострадание к личности шута, потому что очень удачно передал то болезненное, постоянно раздражающее Бессудного чувство, которое даёт себя хорошо заметить и в смехе, и в шуточках его» (Там же. С. 508). С удовлетворением Баженов заметил, что весь актёрский ансамбль был хорошо сложен и каждый из актёров глубоко чувствовал свою роль: «Надменность и ненависть к Шалыгину, две единственные почти черты нешироко задуманного и наскоро набросанного характера Семёна Бастрюкова нашли себе нужное выражение у г. Шумского. — Гг. Полтавцев и Вильде были также на своих местах в ролях Степана Бастрюкова и Дубровина... — Г. Степанов был очень характерен в роли Мизгиря; в каждом слове его слышалась та злость, которую этот колдун питает к воеводе и которую, пользуясь своим положением, хочет сорвать на нём» (Там же).

Менее выразительна была С. П. Акимов в роли жены Дюжого, недоставало убедительности А. А. Рассказову в роли Резвого, Е. Н. Васильевой «не совсем удалась роль болтливой Недвиги», М. В. Васильева «была не на месте в роли Олёны, хотя сделала для неё всё, что могла». Замечания у Баженова вызвало оформление спектакля. Хотя декорации были «верны эпохе и с этой стороны безупречны», однако они «донельзя бедны аксессуарами» именно потому, что аксессуаров боялись и намеренно избегали декораторы, зная, что «на этом пункте всего скорее может обозначиться их поверхностное знакомство с эпохой» (*Баженов А. Н. Сочинения и переводы. Т. 1. М., 1869. С. 509*). Говоря о костюмах, Баженов замечает: «Костюмы монтированы с большою осмотрительностью, но и тут дело не обошлось без ошибок. <...> Костюм, надетый в прологе на воеводе, представлял какую-то странную помесь русского костюма с персидским или турецким. <...> Шапка, надетая при этом костюме, скорее походила на чалму, точно так же, как и шапка Семёна Бастрюкова» (Там же. С. 510).

Судя по отзывам критиков, московская премьера «Воеводы» не давала надежды на счастливую сценическую судьбу комедии. Театральный обозреватель журнала «Развлечение» не без иронии пишет: «Что можно сказать про Воеводу? Вот что: Помните ли вы, читатель, дни своего детства? Если помните, то верно не забыли и сказок, которые вам сказывала ваша няня и под которые вы так скоро и сладко засыпали. Если вы хотите снова испытать это приятное чувство, ступайте в театр, когда дадут “Воеводу”...» (*Я. Московский наблюдатель // Развлечение. 1865. № 39. 2 окт. С. 219*).

В памяти современников сохранился казусный случай, связанный с этой постановкой. На одном из спектаклей П. М. Садовский (Шалыгин) в сцене поэтического «сна» действительно заснул, и его не могли пробудить ни суфлёр, ни помощник режиссёра. По свидетельству артиста Де-Лазари, в тот же вечер между драматургом и П. Садовским произошёл разговор, в ходе которого Островский полусерьёзно укорял своего друга: «Ах, Пров Михайлович, бога вы не боитесь!.. И что вы делаете?.. Грешно — не хорошо!.. Пьесу мне жаль!.. Себя самого — жаль, но больше всего: жаль мне вас... Губите вы самого себя и дело, которому мы с вами так честно, добросовестно служили. Сбились вы, Пров Михайлович, и сбились совсем!.. Не можете вы теперь отличить дня от ночи, белого от чёрного. Да... грустно, тяжело мне; но что же делать? Надо подумать, чем заслужить вашу милость. Подумаю, да и напишу вам другого “Воеводу”. Воеводу, похожего на вас, который давно уже забыл: когда ночь?.. когда день?.. Живёт ли он, умер ли?» (*Восп. С. 392*).

На страницах журнала «Будильник» была опубликована театральная фантазматическая за подписью Г. Ж. под названием «Ужасная ночь на берегах Стикса. Фантастическое представление в ночь на 26 февраля 1867 г. по окончании театрального сезона» (*Будильник. 1867. № 12. 31 марта. С. 108—109*). В число героев сатирического представления, действующими лицами которого были тени из репертуара русского театра, оказался включён и Нечай Шалыгин. С мрачным видом он произносил свой монолог: «Мои страдания очень долги: / Не мылся я давно, не стригся, / И сняты сны мне не на Волге, / А на берегах унылых Стикса... / Меня хоть автор долго нежил, / Но долго я на сцене не жил». Воеводу, равно как и тени героев других пьес, Харон не берёт на свой паром, вынося суровый приговор отечественной драматургии: «Вернись-ка лучше снова в свет, / Репертуарная дешёвка!...» (Там же. С. 109).

В 1869 г. П. И. Чайковский написал на сюжет комедии «Воевода» оперу. В 1890 г. композитор А. С. Аренский, сделав незначительные заимствования из либретто, составленного при участии драматурга для оперы Чайковского, написал новую оперу

«Сон на Волге». Премьера её состоялась 21 декабря 1890 г. на сцене Большого театра и имела большой успех у зрителей.

В 1870 г. в Малом театре сцены из «Воеводы» были сыграны учащимися Императорского московского театрального училища. Постановка имела успех. «Разнообразный состав спектакля и самое *исполнение* настолько *замечательны* по отношению к сценическому искусству и к нашему театральному училищу,— писал рецензент журнала “Развлечение”, — что поверхностный отзыв об успехах воспитанниц этого училища мог бы показаться более чем предосудительным» (А. В. Театральные заметки // *Развлечение*. 1870. № 14. 4 апр. С. 231).

«Хотя “Воевода” и оказался по отношению к цензуре гораздо счастливее многих предшествовавших ему пьес Островского, беспрепятственно достигнув обеих столетних сцен, однако... счастье изменило ему в том, что он заслужил всего более — изменило в успехе», — отмечалось в одном из театральных обзоров в начале XX в. В больших провинциальных городах пьеса пользовалась успехом у публики. Правда, не обошлось без неприятностей: в 1875 г. поставленная в Казани комедия «вызвала даже целую сенсацию, благодаря чему, после второго представления была снята с репертуара по распоряжению губернатора, покойного Скарятин, усмотревшего в ней “опасный революционный элемент”» (Обзор деятельности Московских театров. Драма // *ЕИТ*. Вып. 15, ч. 1. Сезон 1904—1905. С. 147).

С. 130. *Подьячий* — см. комментарий на с. 650.

Товарищ воеводы — здесь: помощник воеводы. *Воевода* — см. на с. 648.

Губной староста — в Московском государстве XVI—XVII вв. должностное лицо, стоящее во главе губного правления, которое ведало судом и расправой по уголовным делам, совершённым в подчинённом ему округе (см.: *Самов*. С. 109).

Ключник — служащий приказа (официального учреждения) или дворцового ведомства, ведавший продовольственными запасами и ключами от мест их хранения.

Посадский. — Посадскими называли людей из торговцев или ремесленников, живущих в городах (посадах, слободах). Посадские люди несли государственное тягло (налоги, торговые пошлины, натуральные повинности). Посад — часть городского пространства: «В нашей старой Руси поселение, подобное тому, что в настоящее время называется городом, состояло нередко из трёх частей: град или город, посад и слободы. Посад разделялся на две части: острог или укрепленная часть околородного поселения и посёлок вне острога или собственно посад, а за ним слободы» (*Костомаров Н. И.* Очерки домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1860. С. 9).

Стрелецкий сотник — см. комментарий на с. 648.

Бирюч — в допетровской России вестник, глашатай, объявлявший народу официальные постановления и распоряжения.

Приказная изба — орган местной государственной власти.

С. 131. *Слушайте, послушайте, государевы люди...* — почти дословное воспроизведение фрагментов «Царской грамоты в Бежецкий Верх на Городецк о содействии государеву сыщику в поиске и искоренении разбойников и всяких воровских людей» от 1667 г. (см.: *ААЭ*. Т. 4. С. 209—211).

...и сотские, и пятидесятские, и десятские... — выборные лица из мещан или крестьян от каждого сотого, пятидесятого, десятого двора для выполнения административного надзора.

Тать — вор, похититель.

Ведун — колдун.

Понаровка — поблажка, потачка (см.: *Сомов*. С. 394).

С. 132. *Поминки* — здесь: взятки.

...по воровской язычной молке... — Язычная молка — свидетельское показание, донос, наговор, поклёп при допросе.

С. 133. *Сберём голов, таможенных, кабацких.* — Таможенный голова — выборное должностное лицо в Московском государстве, отвечающее за сбор таможенных пошлин. Кабацкий голова — в Московском государстве выборное лицо, заведовавшее кабаками. Срок службы таможенных и кабацких голов составлял, обыкновенно, год (с сентября по сентябрь).

Опять бы нам губных. — Т. е. губных старост, выборных представителей земской власти вместо назначаемых из Москвы воевод.

С. 134. *Отымалка* — тряпка, которой берут горшок из горячей печи (см.: *Сомов*. С. 330).

С. 135. *Клеть* — здесь: чулан, кладовая.

Ежа — еда.

С. 138. *Скарედный* — здесь: оскорбительный.

Доказчик — доносчик.

С. 140. *Зачураться* — произнести слова заговора против нечистой силы.

С. 141. ...и зерню промышляют... — Зернь — здесь: старинная игра в кости.

...в харях ходят... — Харя — здесь: маска.

С. 142. *Алтынник* — мелкий торговец, корыстный человек.

Посульщик — взяточник.

С. 143. *Сторожня* — здесь: арестантская.

С. 144. *Всполох* — тревога, переполох, суматоха.

...а для наряду... — Т. е. для порядка.

С. 145. *Страдник* — здесь: мужик, холоп.

Доправь на нём бесчестье! — Т. е. взыщи по суду за оскорбление.

С. 146. ...Худояр на Волге появился... — Худояр (Кудеяр) — легендарный разбойник, атаман, герой русского фольклора (с XVI в.). Легенды о Кудеяре (Худояре) использованы драматургом при создании образа Дубровина.

С. 147. ...А ты не лай разбойником напрасно... — парафраз строк песни о разинской дружине: «Мы не воры, не разбойнички, Стеньки Разина мы помощнички»¹ (*Голубинцев Н. И.* Песни донских казаков. М., 1911. С. 14). См. также: *Лозанова А. Н.* Народные песни о Степане Разине. Саратов, 1928. С. 221, 211; Волжские песни. Куйбышев, 1938. С. 58.

А говорят, что в Нижнем был пошман... — Намёк на легенду о чудесном бегстве из тюрьмы Степана Разина, обладавшего волшебными силами (см.: Сказание о Разине // *Костомаров Н. И.* Бунт Стеньки Разина. СПб., 1859. С. 234; Песни и сказания о Разине и Пугачёве. М.; Л., 1935. С. 74).

¹ Другие варианты см.: *Листопадов А. М.* Песни донских казаков / под общ. ред. Г. Сердюченко Т. 1, ч. 2. М., 1949. С. 82—83. № 92; Собрание русских народных песен. Тетрадь 1-я. Тексты и мелодии собрал и музыку аранжировал для фортепиано и семиструнной гитары Михаил Стахович. СПб., 1851. С. 2—3; Песни о старом и новом / сост.: В. Смирнов-Ульяновский, А. Пономарьков. Саратов, 1938. С. 4—5.

- С. 150. *Послухи* — в Древней Руси свидетели на суде (см.: *Сомов*. С. 228).
- С. 152. *Приказ* — учреждение, ведавшее отдельной отраслью управления в Московском государстве XVI—XVII вв. (см.: *Сомов*. С. 410).
- С. 153. *Безлепичное дело* — недостойное, некрасивое дело.
- С. 154. *Грабёж и бой* — здесь: донос, обвинение в разбое.
Кружечные дворы — здесь: питейные дома, кабаки (см.: *Сомов*. С. 400).
- С. 157. *...в кружалах*. — Здесь: в кабаках.
Не в чернецы ж иди! — Чернец — монах.
- С. 159. «*На море утушка купалася...*» — народная свадебная девичья песня. По свидетельству П. И. Чайковского, «Утушка» была хорошо известна Островскому (см.: Островский и русские композиторы. М.; Л., 1937. С. 147).
- Петровки* — пост перед днём святых Петра и Павла.
- С. 162. *Волосник* — повязка на волосы, обвитая вокруг головы, которую женщины надевали под платок или под кокошник.
Кика — старинный праздничный головной убор замужних женщин.
Досказывай Никиту Кожемяку! — Имеется в виду летописный рассказ о юном киевском богатыре, победившем печенежского силача и спасшем родной город (см.: Полное собрание русских летописей. Т. 1. СПб., 1846. С. 52—53). Сюжет получил развитие в сказке о Никите Кожемяке, победившем дракона и спасшем девушку (см.: *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. 5-е изд. Т. 1. М., 1957. С. 327—328).
- С. 164. «*Боялися девки да серого волка...*» — разбойничья, «удалая» песня. Очевидно, запись самого Островского. Варианты этой песни есть у А. И. Соболевского (*Соболевский*. Т. 4. № 707. С. 561) и у П. В. Киреевского (*Киреевский П. В.* Песни: в 2 ч. Ч. 2. М., 1929. С. 117).
- С. 165. *Мехоноша* — ряженный, несущий мешок с угощениями.
- С. 168. «*В тереме девушка умывалася...*» — см. выше комментарий к песне «На море утушка купалася...».
- С. 172. *Сулейка* — бутыл, фляга, «горлатая посуда» (см.: *Даль*. Т. 4. С. 359).
Закону нет глядеть невест до свадьбы... — Согласно обычаям, на Руси жених был последним из семьи, кому позволялось увидеть невесту. «Жених не имел права сам видеть невесты до брака... <...> Обманутый жених мог жаловаться духовным властям; производился розыск... и если обман открывался, то виновного наказывали кнутом и брак расторгали; но это случалось очень редко; гораздо обыкновеннее подводило дело так, что жених поневоле должен был жить с своею суженой, и ему тогда говорили позднее нравоучение: “не проведав подлинно, не женись!” ...Поэтому некоторые женихи, чувствуя в себе довольно силы и значения перед семьёю невесты, настаивали, чтоб им самим дозволено было видеть невесту, и родители позволяли, если дорожили женихом...» (*Костомаров Н. И.* Очерки домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1860. С. 158—159). Сведения об обычае не смотреть невест и нарушении этого обычая ради знатных и влиятельных лиц А. Н. Островский мог получить также из книги Г. К. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» (СПб., 1859. С. 5, 124—125). В черновой рукописи «Воеводы» дана ссылка на второе издание (СПб., 1859).
- С. 180. *За неделю русальной, да поста неделя, вот и считай.* — Русальная неделя, следующая за праздником Троицы. «...С Духова-дня (перед праздником Пятидесятницы) более в лес не ходят порозь, тут гуляют русалки» (см.: *Даль*. Т. 4. С. 114).

С. 181. «*Уж и что же вы, робята, приуныли?*» — Вариант этой разбойничьей, «удалой» песни записан А. И. Соболевским (*Соболевский*. Т. 6. № 458. С. 366):

Что же вы, робята, приуныли?
Иль у вас, молодые, денег нету?
Седлайте, робята, себе коней,
Своему атаману — пару в дрожки.

С. 185. *Послуга* — услуга.

С. 188. *Шестокрыл* и *Рафли* — гадательные книги, запрещённые православной церковью.

С. 190. «*Уж и полно нам, робята, чужо пиво пити...*» — Вариант песни помещён в «Сборнике песен Самарского края» В. Г. Баренцева (СПб., 1862. С. 50—51), а также в сб.: *Соболевский*. Т. 4. № 151. С. 117.

С. 192. *Портомой* — место на реке, где полощут бельё (см.: *Сомов*. С. 397).

С. 202. *Починок* — небольшое селение, выделившееся из большого поселения или возникшее в результате переселения жителей из другой местности (см.: *Сомов*. С. 403).

С. 205. «*Ах ты, бедный ёж...*» — Игровая песня (см.: *Чулков М. Д.* Новое и полное собрание российских песен. Ч. 4. М., 1780. № 78. С. 74—76). Ср.: *ПСС-12*. Т. 6. С. 590.

С. 210. *Тягло* — здесь: налог, оброк.

Доводчик — доносчик; довод — донос.

С. 211. *Затинчик* — стрелок, «воин при затинной пищали, длинном крепостном орудии, которое устанавливалось в затине», т. е. на особом месте внутри крепостной ограды (см.: *Словарь к пьесам*. С. 70).

Бердыш — топор на длинном древке.

Ослоп — старинное ударное оружие, дубина, толстый конец которой утыкан железными остриями или окован железом (см.: *Сомов*. С. 326).

Самопал — старинное гладкоствольное фитильное ружьё без замка (см.: *Сомов*. С. 471).

С. 212. *Казну дуванить...* — Дуванить — делить.

К казакам ~ там что-то заварилось. — Намёк на восстание Степапа Разина.

С. 213. *Всё на полдень...* — Т. е. на юг.

С. 218. *Была царёва дочка ~ царевна Несмеяна...* — краткий пересказ волшебной сказки «Несмеяна-царевна» (см.: *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. Вып. 6. М., 1861. С. 283—285).

С. 220. *Шугай* — род суконной, ситцевой, шёлковой или парчовой короткополой кофты с рукавами, с отложным круглым воротником и с застёжками, «с перехватом и ленточной оторочкой кругом» (см.: *Даль*. Т. 4. С. 647).

С. 221. «*Государыня боярышня...*» — Вероятным источником послужила народная песня, варианты которой записаны А. И. Соболевским (см.: *Соболевский*. Т. 4. № 638—643. С. 496—501):

Девка, стоя на плоту,
Мыла шёлкову фату.
Мыла, мыла, колотила,
Фату в воду уронила;
За фатой в воду скочила,
Чулочки обмочила,
Башмачки обронила...

- С. 224. *Летник* — женская летняя одежда с длинными рукавами.
- С. 225. *Выпушка* — обшивка, кант.
- С. 226. *Вошва* — лоскут дорогой ткани, вшитый в платье для украшения.
- С. 227. *«Я по терему хожу...»* — Стилизация плясовой песни, созданная Островским.
- С. 229. *«А у нас в саду...»* — Варианты песни см.: *Соболевский*. Т. 4. № 848—850.
- С. 671—674.
- С. 232. *Шлык* — чепец, колпак.
- С. 233. *Унжа* — одно из древнейших поселений Макарьевского района Костромской области.
- Целовальник* — сборщик пошлин, продавец и хранитель казённого имущества (см.: *Словарь к пьесам*. С. 227).
- С. 234. *Струга* — речные суда, гребные или парусные.
- С. 235. *Лубьё* — лубяной товар, изделия из тонких слоёв дерева.
- Насад* — речное судно.
- С. 236. *У нас корчмы никто не держит.* — Корчма — здесь: тайно приготовленное вино, продажа которого была запрещена: «У кого корчму вымут впервые, или кто на продажу вино курит: и на тех впервые заповеди правити по пяти рублей а на питухах по полуполтине на человеке» (Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. М., 1907. С. 188).
- Гужом* — конной тягой.
- С. 237. *Варила со снетками.* — Снеток, снет — мелкая промысловая и дешёвая рыба (см.: *Словарь к пьесам*. С. 196).
- С. 239. *Зыбка* — люлька.
- ...давно мы присмирели ~ Вспомнила Егорья? — Речь идёт о Юрьевом дне. В этот день, 26 ноября (9 декабря), крепостным крестьянам разрешался переход от одного помещика к другому ввиду окончания полевых работ. Борис Годунов это право отменил.
- С. 240. *Складень* — здесь: складная икона.
- «Баю-баю, мил внучоночек...»* — Текст песни принадлежит Островскому, мотив песни, по свидетельству Н. А. Кропачёва, «подслушан» драматургом в Костромской губернии: «Он с голоса сообщил его композитору В. Н. Кашперову, и тот переложил его на ноты» (*Кропачёв Н. А.* А. Н. Островский на службе при императорских театрах. М., 1901. С. 19).
- С. 242. *Постельное крыльцо* — крыльцо дворца, на которое был прямой ход из царских покоев, здесь выслушивались просители, принимались челобитные.
- С. 246. *Повалуша* — общая спальня (см.: *Сомов*. С. 370).
- С. 248. *Любимая моя игра.* — Имеется в виду инсценировка песни «Вниз по матушке по Волге» (см.: *Крупянская В. Ю.* Народная драма «Лодка», её генезис и литературная история // Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР. Вып. 3. М.; Л., 1947. С. 71; *Берков П. Н.* Русская народная драма. М., 1953. С. 24).
- Братина* — здесь: ковш.
- С. 249. *Черни* — плоские низкие берега.
- Лодочка косая* — лёгкая лодка для быстрых переездов.
- Макарьевская* — сделанная в Макарьево Нижегородской губернии.
- С. 250. *Сарынь на кичку!* — По преданию, это возглас волжских разбойников, которые, овладев кораблём, приказывали таким образом экипажу отправляться на кичку, на нос корабля, чтобы те не мешали грабить (см.: *Сомов*. С. 473).

С. 252. *Рушай да кушай на здоровье.* — Рушать — резать.

С. 254. *Полчетверта рубля* — 3 рубля 50 копеек.

С. 255. *Прикалиток* — дверь для пешего в воротах или рядом с ними (см.: *Даль*. Т. 3. С. 416).

С. 258. ...*кафтан-то смурый!* — Т. е. из некрашеной тёмной шерсти.

С. 270. *И ни за кем бы вам не заложиться.* — Т. е. не найти защиты.

С. 271. *В прошлом таком-то году...* — Текст отчасти воспроизводит царскую грамоту енисейскому таможенному голове Звягину «о поручении ему в управу посадских людей, с изъятием их из-под ведомства воеводы Голохвастова, за разные его обиды и притеснения» (*АИ*. Т. 4. № 182. С. 346).

Е. Н. Белякова

КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧ МИНИН, СУХОРУК

<Вторая редакция>

Впервые опубликовано: *Просв.* Т. 4. С. 139—250.

Рукописные источники:

- цензурная писарская копия (*ЦПК*): *ГТБ*. Шифр: 1.6.4.90. 49 л.;
- авторизованная писарская копия (*АПК*): *МТ*. Шифр: 2296. 58 л.;
- театральная писарская копия (*ТПК₁*): *ГТБ*. Шифр: 1.6.4.91. 125 л.;
- театральная писарская копия (*ТПК₂*): *МТ*. Шифр: 2296.2. 54 л.

Печатается по тексту издания: *Просв.* Т. 4. С. 139—250 — со следующими основными исправлениями:

С. 285

¹⁰ *Вместо:* подвохом — подвалом (по *ЦПК*, *ТПК₁*)

С. 297

²³ *Вместо:* Чему же ты смеёшься — Да чему же ты смеёшься (по *ЦПК*, *ТПК₁*)

С. 301

³⁴ *Вместо:* подвигает скамейку — подвигает скамеечку (по *ЦПК*, *АПК*, *ТПК₁*, *ТПК₂*)

С. 316

²³ *Вместо:* уж и забыл — уж позабыл (по *ЦПК*, *ТПК₁*)

С. 332

²² *Вместо:* морским потоком — морским отоком (по смыслу)

С. 367

^{17—19} *После:* служить молебны! — Все. На молебен. На молебен. (по *ЦПК*)

Летом 1866 г. Островский вновь обращается к теме освобождения Москвы от польской оккупации, к событию, истоки которого были отражены в исторической хронике «Козьма Захарьич Минин, Сухорук». Размышляя над ходом истории, драматург решает переработать прежний текст, добавить к нему несколько боевых сцен под Москвой, чтобы театральная публика могла «видеть на деле, как совершилось спасение Руси» (см. письмо Островского к В. В. Самойлову от 22—23 октября 1866 г.). 8 сентября драматург просит Ф. А. Бурдина переговорить с начальником репертуара

петербургских императорских театров П. С. Фёдоровым и выяснить, «не может ли пройти “Минин” совершенно переделанный так, что будет почти новая пьеса». В ответном письме от 11 сентября Бурдин заверил Островского, что Фёдоров согласился принять пьесу, если она станет более сценичной и её постановка «не будет требовать больших расходов» (*Бурдин*. С. 42). Вскоре драматург получает письмо от артиста Александринского театра С. Я. Марковецкого с просьбой отдать ему новую пьесу для бенефиса, назначенного на конец октября (Там же). «Разумеется, я согласился,— пишет Островский в письме к В. В. Самойлову от 4—5 декабря 1866 г.,— потому что в таком деле никому не отказываю и всегда отдаю первому, кто попросит».

В начале второй половины сентября хроника была написана в черновом виде, «на клочках» и требовала чистовой отделки. 24—25 сентября Островский высылает две копии второй редакции «Минина» в Петербург с небольшой, но важной припиской. «Перечитай хорошенько “Минина”,— просит он Бурдина,— посылается нечитанный, некогда было».

Черновой автограф второй редакции «Минина» не сохранился, текст пьесы приводится по писарским копиям. По сравнению с первой редакцией, опубликованной в «Современнике», первые четыре действия хроники претерпели изменения, связанные с сокращением длинных реплик и отдельных сцен; во II действии произошла перемена сцен: беседа заговорщиков в светлице Марфы Борисовны стала предшествовать собранию «близ воеводского дома» в Кремле. Из прежнего V действия и эпилога драматург оставил только три явления V действия, преобразовав их в отдельную (первую) сцену. К этой картине он добавил две новые: «Битва под Москвой» и «Возвращение в Нижний». Усилена любовная интрига, ослаблен религиозный лейтмотив драмы: сокращены песня Марфы Борисовны о пустыне и рассказ Минина о ночном видении, полностью исключён разговор «двоих» у собора о народном плаче. Характеры главных героев подверглись корректировке: после победы над врагом Марфа Борисовна отказывается от мысли уйти в монастырь и соглашается стать женой Пospелова, а Минин демонстрирует твёрдость в принятии решений и воинскую доблесть. В новую редакцию не вошли его высказывания о страданиях народа («Не за свои грехи, а за чужие...»), о предательстве бояр («...а то так в Польшу. / Да и целуют крест кому попало...»), об отсутствии патриотизма у богатых людей («Соблазну власти я не поддавался...»)¹.

3 октября 1866 г. пьеса была принята к рассмотрению цензурным комитетом. 7—10 октября Островский просит Бурдина: «...если “Минин” пройдёт и его дирекция

¹ Разночтения двух редакций хроники подробно освещаются в ряде статей: *Кашин Н. П.* Драматическая хроника Островского «Козьма Захарыч Минин, Сухорук» и её источники // *Кашин*. Т. 2. С. 153—203; *Шамбинаго С. К.* Из наблюдений над творчеством Островского // *Творчество А. Н. Островского: Юбилейный сборник*. М.; Пг. 1923. С. 241—284; *Кашин Н. П.* К истории текста хроники А. Н. Островского «Козьма Захарыч Минин, Сухорук» // *Сб. ст. к 40-летию учёной деятельности академика А. С. Орлова*. Л., 1934. С. 579—590; *Свободов А. С.* Образы Минина и Пожарского у А. Н. Островского: две редакции «Козьма Захарыч Минин, Сухорук» // *Литературный сборник: Труды Горьковского гос. пед. ин-та*. 1940. Вып. 8. С. 75—103; *Машинский С. И.* Об исторических хрониках Островского // *А. Н. Островский — драматург. К 60-летию со дня смерти. 1886—1946*. М., 1946. С. 132—160; *Кубиков И. Н.* Заметки о драматической хронике Островского «Козьма Захарыч Минин, Сухорук» // Там же. С. 161—179; *Бочкарёв*. С. 331—354; *Уманская М. М.* Русская историческая драматургия 60-х годов XIX века. Вольск, 1958. С. 113—140.

примет, то первое дело — не просите никакой постановки. Декорации и костюмы все есть; Кремль может идти из “Воеводы”, да и всё прочее можно набрать». В ответном письме от 12 октября Бурдин сообщает: «“Минин” выглянул на свет Божий, он пропущен Цензурой, чтобы Дирекция опять не наделала пакости, я прямо представил его в главное управление печати, не только не показывая Фёдорову, но даже ни слова не говоря об этом» (*Бурдин*. С. 47). Осторожность Бурдина объясняется подковёрными играми в театральном мире. Так, в 20-х числах октября перед самой премьерой была запрещена комическая опера Ж. Оффенбаха «Грузинки, или Женский бунт» (см.: Там же. С. 51). «Я боюсь, — пишет Островский Бурдину 23—24 октября, — не грозит ли “Минину” судьба “Грузинки”. Если нет, то нельзя ли его пустить в ход поскорее. Это нужно мне для Москвы» (*ЛСС-12*. Т. 11. С. 232).

29 октября 1866 г. пьеса была одобрена к представлению, о чём свидетельствуют записи на титульном листе *ЦПК*: «3 окт. 1866 г. По реестру Н. Р. Ч. от 29 октября 1866 г. за № 1694. По журналу Т. Л. Комитета 29 октября 1866 одобрено к представлению. Председатель комитета П. Юркевич»; «К представлению дозволено. С. Петербург. Октября 1866. Цензор драматических сочинений действительный статский советник П. Фридрихсберг»¹. Внизу листа есть цензурская помета красными чернилами: «с исключениями». Этими же чернилами во 2-й сцене III действия вычеркнута часть диалога между Мининым и воеводой: «Другой боярин-то ~ Им ли нас спасать!» (Л. 27 об.). Об этой небольшой правке Бурдин сообщал Островскому в конце октября: «Едва я выхлопотал Минина, где сделана одна небольшая пометка в разговоре Минина о боярах» (*Бурдин*. С. 48). Кроме этой пометки, *ЦПК* имеет позднюю режиссёрскую правку серым карандашом, нацеленную на сокращение реплик Минина, Марфы Борисовны, Пospelова. Например, серым карандашом полностью вычеркнуты песня о пустыне, рассказы Минина о бурлацкой песне, о явлении Сергия Радонежского (см. раздел «Приложения. Другие редакции и варианты»). Подобные режиссёрские «вольности» существенно облегчали смысловую нагрузку пьесы, что негативно отражалось на её художественных и сценических достоинствах. Первоначально акты и сцены в *ЦПК* не делились по явлениям; это было сделано позже чёрными чернилами, вероятно, по режиссёрскому экземпляру Александринского театра (*ТПК*).

Тексты *АПК*, *ТПК*, *ТПК*, незначительно отличаются от *ЦПК*. На первом и последнем листах *АПК* написана резолюция: «С цензурованным экземпляром» верно. 1 дек. 1866. СПб. Режиссёр Воронов». На последнем листе *ТПК*, поставлена дата: «Москва. 24 ноября 1866 г.». Большинство правок, сделанных в *ЦПК* красными чернилами и серым карандашом, совпадает с режиссёрскими и суфлёрскими пометами и зачёркиваниями. Например, во всех копиях значительному сокращению подверглось размышление Минина о народной доле («И вправду. Нам теперь одна надежда»); та часть диалога между Мининым и Биркиным, которая была зачёркнута цензором в *ЦПК*, в *АПК* и *ТПК*, зачёркнута серым карандашом, в *ТПК*, полностью отсутствует; в *ЦПК* и *ТПК*, «Голоса» в 6-м явлении 1-й сцены III действия распределены на 19 персонажей: «Перст Божий!» (1—6 голоса); «Божья воля!» (7—10 голоса); «Чудеса!» (11—14 голоса); «Ещё от нас Господь не отступился» (15—19 голоса). В отличие

¹ См. об этом: *Ревякин А. И.* А. Н. Островский и цензура // Учёные записки Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потёмкина. М., 1955. Т. 48. Вып. 5. С. 283—297; *Ревякин А. И.* Искусство драматургии А. Н. Островского. М., 1974. С. 275—280.

от ЦПК, во всех театральных копиях отсутствуют заключительные реплики от имени народа в конце I, III и IV действий; в ТПК, вычеркнута сцена видений Гриши в конце IV действия; в ППК, почти вся гражданская лирика зачёркнута красным карандашом — режиссёр явно пытался выделить отношения Марфы Борисовны и Пospelова. На последних листах этой копии содержатся планы сценического оформления всех пяти действий, которые могут представлять интерес для историков театра.

Первоначально роль Минина Островский планировал отдать В. В. Самойлову. «Лицо Минина прямо подходит к Вам; прочтите пьесу, Вы убедитесь в том сами, — писал ему драматург 22—23 октября 1866 г. — Я помню картину М. И. Скотти — “Битва под Москвой”, которую он писал для Лобкова, там лицо Минина, энергический жест его и вся фигура совершенно напоминают Вас. Переделывая теперь для сцены своего Минина, я не раз мечтал, что, если Бог приведёт и будем мы живы и здоровы, — Вы воскресите Минина в Нижнем, на том самом месте, где воспоминание о нём ещё так живо. Это будет полное торжество и моё и Ваше. Мы поставим настоящий памятник Минину, гораздо лучше того, который торчит верстой среди крапивы, вопреки здравому рассудку... Помогите мне! Возьмите на себя моего “Минина”, — без Вас он погиб, а с ним погибли и мои надежды. Если Вы заметите в своей роли какие-нибудь неловкости для себя, переделайте, как найдёте удобнее» (ЛСС-12. Т. 11. С. 231). 4 ноября драматург получает от брата, М. Н. Островского, тревожное письмо: «Твой “Минин” идёт 9 декабря. Самойлов от роли Минина окончательно отказался; затем роль эта должна быть отдана или Леонидову или Бурдину. <...> ...По моему мнению, тебе надо отдать роль Минина Бурдину, который, к слову сказать, из кожи лезет, чтобы устроить твои дела с дирекцией и вообще сделать тебе приятное, и который, конечно, уже постарается, чтобы “Минин” был поставлен <и с репетован> как следует» (ЛН. Кн. 1. С. 251). После некоторых колебаний, связанных с ожиданием письма от Самойлова, драматург согласился с М. Н. Островским. «Ты плут, Феденька, — высказывал он Бурдину в письме от 8—9 ноября. — Ты знаешь, что я не откажу ни в чём брату, и забежал к нему. Отчего ты не просил меня прямо? <...> ...Вот тебе мой дружеский совет, который ты сам прими так же дружески. Оставь ты свою сентиментальность, брось бабью расплываемость, будь на сцене мужчиной твёрдым, лучше меньше чувства и больше резонёрства, но твёрдого. Минин не “Дева Орлеанская”, т. е. не энтузиаст, он также и не плакса; он резонёр в лучшем смысле этого слова, т. е. энергический, умный и твёрдый» (ЛСС-12. Т. 11. С. 239). Между тем Самойлов, действительно отказавшийся от роли Минина, выразил желание играть юродивого, однако, по словам Бурдина, дирекция не захотела платить артисту «50 р<ублей> серебром за 18 стихов» (Бурдин. С. 57). В конце ноября Островский получил от Самойлова долгожданное письмо. Но теперь, когда уже все роли были розданы и репетиции подходили к завершению, драматургу оставалось лишь указать актёру на нелепое стечение обстоятельств. «Мне очень жаль, — пишет он 4—5 декабря 1866 г., — что по случаю моего “Минина” произошло недоразумение, в котором я, впрочем, не виноват ни сколько. <...> ...Я написал Вам письмо, в котором я отдавал роль Минина в полное Ваше распоряжение. После этого я был совершенно покоен и рассчитывал, что при Вашем содействии пьеса должна иметь успех непременно. Вдруг получаю короткое уведомление: “...день представления приближается, Василий Васильевич положительно отказался от роли”. Что мне было делать? Остановить представление пьесы я считал себя не вправе и потому отдал распределение ролей на волю

бенефицианта. <...> С Вашим участием успех был верен; — а без Вас бог знает что ожидает мою драму, на которую потрачено столько труда и сердечной теплоты» (*ПСС-12*. Т. 11. С. 245).

Премьера пьесы состоялась в Петербурге в Александринском театре 9 декабря 1866 г., в бенефис С. Я. Марковецкого. На первом листе *ЦПК* напротив действующих лиц вписаны фамилии актёров, участвующих в спектакле: князь Пожарский — А. А. Нильский, Воевода — Л. Л. Леонидов, Минин — Ф. А. Бурдин, Биркин — П. П. Пронский, Семёнов — П. И. Григорьев (Григорьев 1-й), Поспелов — П. И. Малышев, Аксёнов — И. И. Сосницкий, Колзаков — П. С. Степанов, Лыткин — П. И. Зубров, Тёмкин — И. Ф. Горбунов, Татьяна Юрьевна — П. К. Громова, Марфа Борисовна — Е. В. Владимирова (Владимирова 1-я), Гриша, юродивый — Н. Ф. Са-зонов, Павлик — С. Я. Марковецкий.

На следующий день после премьеры М. Н. Островский сообщал брату о том, что пьеса имела успех у зрителей (см.: *ЛН*. Кн. 1. С. 252). Рецензент «Петербургского листка» отмечал: «...хроника смотрелась на этот раз не без удовольствия, потому что народные сцены поставлены были чрезвычайно хорошо, исполнялись дружно, быстро, как говорится, без сучка и задоринки. Сцены 4-го действия, когда носились народом на площадь пожитки, вызвала самые шумные рукоплескания. По окончании драматической хроники был потребован, хотя и не очень дружно, автор, но его в театре не оказалось» (Наше житьё-бытьё // *Пб. листок*. 1866. № 179. 11 дек. С. 2). Однако бывалые театралы сразу обратили внимание на старые декорации и плохую игру актёров. О том, что хроника произвела на зрителей «весьма утомительное впечатление», писал «Антракт» (*П—н*. Петербургский театр // *Антракт*. 1866. № 49. 21 дек. С. 7). На то, что драма «не картинна, лишена фантазии», указывала «Петербургская газета» (*Саша*. Судьбы русской исторической драмы // *Пб. газета*. 1867. № 187. 16 дек. С. 2). Рецензент «Недели», называя постановку «просто прискорбной», пояснял: «Старые, сборные костюмы, небрежная постановка народных групп, непростительно вялое исполнение сцен народных приношений и сцены битвы под Москвой — всё это доказывало величайшую небрежность» (*Посторонний*. Театральная хроника // *Неделя*. 1866. № 41. 18 дек. С. 648). Скоро стало ясно, что надежды Островского сделать из прежнего «Минина» «живую и сценичную пьесу» (см. письмо Островского В. В. Самойлову в начале второй половины сентября 1866 г.) не оправдались. М. А. Загуляев в своём небольшом отзыве на премьерный спектакль подвёл итог: «Успеха на сцене хроника эта не имела почти никакого, по двум, весьма понятным причинам: во-первых, потому что она сама по себе вовсе не сценична, и осталась несценичною даже и после нарочно сделанных в ней для сцены переделки и сокращений, а во-вторых, потому что она была разыграна и обставлена самым жалостным образом. <...> О воспроизведении характера эпохи, между прочим, прекрасно очерченной автором, не было и помину, а сцена жертвований нижегородского народа была поставлена так неловко, что на втором представлении вызвала в публике... смех» (*Л. Х.* <Загуляев М. А.> Вседневная жизнь // *Голос*. 1867. № 1. 1 янв. С. 2).

Ф. А. Бурдин, принимавший участие на всех этапах подготовки спектакля, сообщал автору пьесы 10 декабря, что «“Минин” прошёл лучше, чем мы могли надеяться. Несмотря на очень малое время для постановки, всего 7 репетиций, народные сцены вышли очень гладки, живы и одушевлены. У меня прошёл с наибольшим успехом

монолог во 2 акте, принятый с громадным энтузиазмом, и я был вызван два раза. Сцены в суде, приношений, а также и при выборе в избе принимались хорошо» (*Бурдин*. С. 58). Публика, в отличие от исполнителя главной роли, скептически отнеслась к его игре: «Роль Минина взял на себя г-н Бурдин, и до того изуродовал, до того исказил её, что в его исполнении не осталось следа от типа, мастерски очерченного и задуманного автором... Беда в том, что он просто выкрикивает его <монолог> с обыкновенными фокусами, так метко прозванными покойным Аполлоном Григорьевым “бенгаликой” и “бурдинизмом”. Грустно, тяжело становится и за артиста, и за драму при виде такого чудовищного непонимания замысла автора» (*Посторонний*. Театральная хроника // *Неделя*. 1866. № 41. 18 дек. С. 648). В «Петербургской газете» появилась даже версия о том, что Бурдин получил роль Минина благодаря знакомству с Островским: «Что за странное кумовство! иного слова мы не знаем для определения сих родственно-любовных отношений между автором и актёром. Ведь уж, кажется, пора бы г. Островскому убедиться в отсутствии всякого драматизма в г. Бурдине» (*Пб. газета*. 1867. № 187. 16 дек. С. 2). М. Н. Островский подробно описал впечатление, производимое на зрителей игрой Бурдина: «Бурдин в некоторых местах был сносен; в других был просто ужасен. Я нарочно ездил на репетицию, чтобы дать ему совет. Я указывал на необходимость отказаться от обычных его слезливых нот и завывания. Вообще репетиции шли недурно: он играл довольно сдержанно. На представлении же, подобно райской птице Сириш, сам себя забыл и пошла писать. Не говоря уже о том, что он сам себе верен не был: являлся то грубым мужиком, то слезливой бабой, то восторженным героем, — в некоторых местах он до того завывал, что превосходил сам себя. Когда он кончает сцену словами “О, господи! благослови начало!”, он упал на колени и зарыдал, прорывавши несколько секунд, он произносил означенные слова и снова начал рыдать. Мне так было за него совестно, что не мог смотреть на сцену» (*ЛН*. Кн. 1. С. 252). То, что Бурдин вышел за рамки обозначенного в пьесе характера, отмечалось не только в печати (см.: *Пб. листок*. 1866. № 179. 11 дек. С. 2; *Антракт*. 1866. № 49. 21 дек. С. 7), но и самим Островским: «Любезный друг Фёдор Алексеевич, я слышал, что ты при следующих представлениях “Минина” был гораздо сдержаннее, и за это тебе большое спасибо. Вся ошибка твоя была в том, что ты переиграл» (письмо Островского Ф. А. Бурдину от второй половины декабря 1866 г.). Об остальных актёрах, по замечанию сотрудника «Голоса», «и говорить нечего: они играли “Минина” в том же тоне, как исполняют “Мазепу”, “Ермака” и прочие исторические пьесы того же достоинства» (*Голос*. 1867. № 1. 1 янв. С. 2). Рецензенты отметили удовлетворительное исполнение своих ролей Зубровым, Сосницким, Горбуновым (см.: *СПбВед*. 1866. № 330. 11 дек. С. 2; *Пб. листок*. 1866. № 179. 11 дек. С. 2), а игра Владимировой произвела на одного из критиков поразительное впечатление. «В особенности хороша была г-жа Владимирова, — отмечал он, — и мы дивились, откуда берётся у неё такая типичность в изображении русской женщины. Ни одной фальшивой ноты в голосе, ни одного неверного жеста не могли мы подметить» (*Неделя*. 1866. № 41. 18 дек. С. 648).

20 января 1867 г. пьеса была представлена в Москве на сцене Большого театра в бенефис П. М. Садовского. Роли распределялись следующим образом: Минин — П. М. Садовский, князь Пожарский и Аксёнов — В. А. Дмитриевский, Воевода — С. В. Шумский, Биркин — М. И. Лавров (Лавров 2-й), Семёнов — Е. О. Петров, Поспелов — Н. Е. Вильде, Лыткин — Д. В. Живокини (Живокини 2-й), Тёмкин —

А. Ф. Федотов, Татьяна Юрьевна — Н. В. Рыкалова, Марфа Борисовна — М. В. Бахметьева (Васильева 2-я), Гриша — П. Я. Рябов, Павлик — Н. М. Никифоров.

Отзывы московской критики почти не отличались от петербургской. Рецензенты также ссылались на «недостаток действия, отсутствие интриги, лёгкий абрис характера действующих лиц, недостаток эффектов» (*С. П. Московская жизнь // Голос*. 1867. № 24. 24 янв. С. 2). «Давно не случалось нам выносить из театра такого тяжёлого впечатления, — сетовал анонимный критик “Русских ведомостей”. — Тут всё соединилось вместе, чтобы спектакль совершенно не удался... Скука была неизъяснимая» (*Московский театр // Рус. вед.* 1867. № 11. 26 янв. С. 5). В немалой степени этому способствовали сами артисты: «Глядя на них... нам думалось всё, что они сами не знали, как проиграть эту длинную драму... Все они ровно передвигались по сцене, в пояс кланялись друг другу при каждом входе, иногда горячо говорили свои монологи и, опять раскланявшись в пояс, уходили со сцены — и больше ничего» (Там же). П. М. Садовского обвиняли в том, что он «был совершенно не на своём месте... он не играл вовсе: он только декламировал, обращаясь постоянно к публике» (*Голос*. 1867. № 24. 24 янв. С. 2). А. Н. Баженов заметил, что из Марфы Борисовны «вышла какая-то мямля и плакса» (*Баженов А. Н. Московский театр // Антракт*. 1867. № 4. 26 янв. С. 6). Анонимный обозреватель «Русских ведомостей» обратил внимание на то, что В. А. Дмитриевский «и стариком-нижегородцем в начале пьесы, в каком-то кафтане, и в доспехах кн. Пожарского, в кольчуге и шишаке в конце пьесы, был всё одним и тем же лицом» (*Рус. вед.* 1867. № 11. 26 янв. С. 6).

При жизни Островского в Москве на сцене Большого театра пьеса прошла 4 раза (последний спектакль состоялся 19 января 1867 г.), в Петербурге в Александринском театре — 6 раз (последнее исполнение сцен из драматической хроники — 10 мая 1877 г.). Тенденция включать сцены из хроники в состав сборных спектаклей продолжилась в будущем. Иногда это решение театральной дирекции возмущало зрителей. «Две картины из “Минина” Островского — этого было просто мало, — досадовал Э. А. Старк в своём отзыве на сборный спектакль 1913 г. — Положим, здесь веет настоящим талантом, а превосходный монолог Минина в первой из поставленных картин не лишён силы настроения и чисто театрального пафоса, но от постановки только двух отрывков, конечно, пострадала цельность драматургического таланта» (*Зигфрид. <Старк Э. А.> Театр и музыка // СПбВед.* 1913. № 44. 23 февр. С. 7). Н. А. Россовский, посмотрев сборный спектакль в честь 300-летия царствования Дома Романовых (реж. А. И. Долинов), негодовал: «Искромсать пьесу Островского нужно было, видите ли, для того, чтобы поставить вновь написанное престарелым Чаевым “сказание в лицах”»: “Избрание на царство Михаила Фёдоровича Романова”» (*Россовский Н. Театральный курьер (Александринский театр) // Пб. листок*. 1913. № 52. 22 февр. С. 6). Впрочем, современники отмечали, что Александринский театр на этом представлении был переполнен, а среди зрителей было много священников. «Особенные восторги публики, — вспоминала М. Г. Савина, — вызвала пьеса Островского “Минин Сухорук”. Патриотические сцены заставили рукоплескать весь театр... Мы на сцене зажили какой-то исключительной жизнью... Появление Государя Императора ещё более усилило подъём патриотического чувства как в публике, так и среди исполнителей» (Театр и музыка (Заслуженная артистка М. Г. Савина о спектакле в Александринском театре) // *НВ*. 1913. № 13275. 25 февр. С. 6). Среди актёров отличились Н. Н. Ходотов, который в роли юродивого «был отмечен большим

любовным пониманием русской души и родной истории» (З. Б. *Театр и музыка // Россия*. 1913. № 2233. 24 февр. С. 8) и М. Г. Савина, давшая «живой портрет инокини Марфы» (*Смоленский. <Измайлов А. А.> У рампы // Биржевые ведомости*. 1913. № 13413. 22 февр. С. 4). И. И. Судьбинин, игравший Минина, «далеко не нашёл в себе тех сил и того темперамента, какие тут решительно необходимы» (*СПбВед*. 1913. № 44. 23 февр. С. 7). «Для этой роли, — утверждал обозреватель “Петербургского листка”, — нужен артист-трагик, с громким, звучным голосом, актёр вроде Каратыгина 1-го, а у талантливого г. Судьбинина голосовые средства уже расшатаны, в них не слышится металл, сила, эффект вдохновения» (*Пб. листок*. 1913. № 52. 22 февр. С. 6). Последующие представления также прошли без особого успеха. «...На сцене Александринского театра всё было чинно и благородно, — пишет рецензент под инициалами N. N. о мартовской постановке. — Отечество гг. артисты любили умеренно без особенной пылкости. Энтузиазм, стихийная заразительность массовых движений, истерия, овладевающая толпой, — всё это надо было предположить. Самое расположение толпы на сцене было лишено динамики» (*N. N. Хроника. Александринский театр // Театр и искусство*. 1913. № 9. 3 марта. С. 198).

В конце сентября 1913 г. на сцене Михайловского театра был дан ещё один сборный спектакль. Режиссёр Ю. Л. Ракитин на фоне «красиво расписанной стены в упрощённой постановке» представил сцены из исторических произведений А. С. Пушкина, А. Н. Островского, А. А. Голенищева-Кутузова. По наблюдению З. Б., простота оформления оказалась «вредна» для полноты восприятия: «Так случилось с пятым действием сцены второй “Козьмы Минина”: князь Пожарский и Минин, окружённые десятком-двумя неподвижных воинов-статистов, не вызывали подъёма, не дышали необходимой здесь живой, тёплой правдой» (З. Б. *Театр и музыка // Россия*. 1913. № 2416. 29 сент. С. 4). Сборный спектакль на сцене Малого театра также не вызвал успеха среди публики: «Падарин свёл к нулю роль Минина. У артиста нет ни трагизма, ни глубокого чувства. Сонно, равнодушно, по-ученически читал он свои монологи. Вполне подходящими г. Падарина партнёрами были гг. Красовский, Гундунов, Желябужский и т. д. Зрители не досмотрели до конца представления...» (*Ежов Н. Театр и музыка // НВ*. 1914. № 13820. 2 сент. С. 6). Рассуждая над неудачами, преследующими хронику на театральных подмостках, П. П. Конради пришёл к выводу о том, что проблема кроется в профессиональном мастерстве исполнителей. «Островского надо играть, то есть уметь играть, — пишет критик. — Тут никакими “настроениями” не обойдёшься. Тут нужен столь же самобытный, самородный, русский талант, что был у Островского. Тут нестерпим самонадеянный нерусский акцент, неверное ударение, непростая манера, всякий намёк на сценическое позёрство. Савина, Варламов, Давыдов — “секрет”, как играть Островского, остался теперь, кажется, только у них» (*Конради П. Театр и музыка // НВ*. 1914. № 13819. 1 сент. С. 5).

Всего с 1886 до 1917 г. пьеса (в обеих редакциях) прошла 105 раз, причём большинство постановок разыгрывалось на сцене народных театров: в крестьянском театре в Воронежской губернии (1888), в Московском Общедоступном театре «Скоморох» (1890), в народном театре Верхнеудинска (1907). Традиционно постановка всей пьесы или её части сопровождалась исполнением народного гимна, о чём всегда с воодушевлением писали рецензенты (см.: *Пб. листок*. 1913. № 52. 22 февр. С. 6; *Россия*. 1913. № 2233. 24 февр. С. 8). Так, театральный обозреватель газеты «Новое время» отмечает: «Публика была патриотично настроена. Она требовала исполнения гимна

после некоторых действий и по окончании спектакля... В антрактах раздавалось громкое, единодушное “ура”. Гимн был пропет 27 раз» (Театр и музыка // *НВ*. 1913. № 13275. 25 февр. С. 6). Патриотичный настрой пьесы обусловил её возрождение в предвоенное и военное время: в 1940 г. — в Тюменском театре, в 1944 г. — в Костромском театре имени А. Н. Островского (реж. А. С. Михайлов). В современной России пьеса была разыграна 21 мая 2016 г. (в день памяти К. Минина) на сцене Молодёжного театра ЦРТДиЮ «Можайский» (реж. О. А. Хальчевская), а 4 ноября 2016 г., в День народного единства, актёры Московского государственного историко-этнографического театра представили хронику на сцене концертного зала «Театральная хормина» дворца Алексея Михайловича (реж. М. А. Мизюков).

Современники, сравнивая сюжеты обеих редакций хроники, находили театральную версию столь же «скучной, плохо тематически сделанной, изобилующей длинными монологами и слабой “действием”» (*Импр. <Бентовин Б. И.> Театр и музыка // Новости и биржевая газета*. 1904. № 242. 2 сент. С. 4). Критика решила, что Островский изменил финал драмы с единственной целью угодить цензуре. «Мы невольно спрашиваем себя, — задавался вопросом А. С. Суворин, — зачем эта переделка? Что выиграла от неё драма? Несколько хороших стихов разве?.. Если не для Поспелова приделана третья картина пятого действия, то неужели для нравоведения? Напоминая собою множество других произведений, в которых выводится солдаты, возвращающиеся на родину, эта последняя картина даже вредит смыслу пьесы». Отдавая должное мастерству Островского-художника, подчёркивая «несомненное поэтическое обаяние и резкую смелость стиха», автор «Недельных очерков» отмечал, что главная ошибка Островского заключается «в выборе драматического момента»: «Мгновенная вспышка патриотизма недостаточна для драмы, задавшейся изображением великого события в русской поэзии, события вполне народного... Нижний и Москва — пролог и эпилог великой драмы, кончившейся избранием на царство Михаила Фёдоровича, самая же драма происходила в Ярославле» (*Незнакомец. <Суворин А. С.> Недельные очерки и картинки // СПбВед*. 1866. № 330. 11 дек. С. 2).

С. 353. *Тын Климентовского острога* — временный населённый укреплённый пункт, обнесённый частоколом из заострённых сверху брёвен высотой 4—6 м. Назван по имени православного Храма Священномученика Климента, Папы Римского (1762—1774), «что в Ордынцах» (см.: *Аверьянов К. А. История московских районов: энциклопедия*. М., 2005. С. 112). Утром 24 августа 1612 г. русские войска занимали следующие позиции: «Многие конные сотни со стороны Пожарского были выдвинуты вперёд за Земляной вал, чтобы принять на себя первый удар гетмана. Трубецкой стоял в Замоскворечье у Лужников. Его казаки защищали Климентовский острожек, где у них было несколько пушек, и также стояли по рву Земляного города вместе с ратниками Пожарского» (*Бибииков Г. П. Бои русского народного ополчения с польскими интервентами 22—24 августа 1612 г. под Москвой // Исторические записки*. М., 1950. Т. 32. С. 186).

Табор — здесь: «стан, становище, бивак, лагерь, обоз на стойке, шатры бродячего народа, привал переселенцев, переночное селенье» (*Даль*. Т. 4. С. 385).

Кричите: «Сергиев!» — один из русских боевых кличей. А. Палицын, описывая сражение 24 августа 1612 г., отмечает, что казаки «с радостью скоро поидоша на бой, Бога в помощь призывающе и чудотворца Сергия, единогласно кличуще ясаком:

“Сергиев! Сергиев!” Егда же прииде келарь в станы казачьи, и ту обрете их многое множество: овых пиющих, а иных играющих зернию. Келарь же сих множае первого поучив, казаки же вси изидоша из станов своих со оружием и повелеша звонити, кличуще ясак: “Сергиев! Сергиев!” И поидоша вси на бой» (*Палицын А.* Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря от поляков и литвы и о бывших потом в России мятежах. М., 1822. С. 276). О. А. Курбатов, анализируя тактику ведения боя в условиях гражданского противостояния в начале XVII в., отмечает: «Ситуация, когда обе стороны в войне состоят из соотечественников и единоверцев, не имеющих отличий во внешнем виде и образе боя, вынуждает искать новые способы опознавания “свой — чужой”. <...> ...Многие сигналы подавались просто голосом. В последнем случае сигнал превращался в своего рода боевой клич, присущий всему войску или отдельным его подразделениям, который и помогал им ориентироваться, где свой, а где враг. Зачастую это было слово, отвечавшее на вопрос “Ты чей?” (“Царёв”, “Царёв-Государев”, “Сергиев”))» (*Курбатов О. А.* Военная история русской Смуты начала XVII века. М., 2014. С. 74—75).

С. 354. *Богаты вы пришли из Ярославля...* — 22 августа 1612 г. гетман Ходкевич напал на ополчение Пожарского, стоявшее на левом берегу Москвы-реки, возле Новодевичьего монастыря. Пока шла битва, казаки Трубецкого, находившиеся на правом берегу, стояли в совершенном бездействии. При этом они, как отмечает летописец, «яко псы лаюции, поношаху, глаголюще: богаты пришли из Ярославля и сами едины могут отбиться от гетмана» (*Оболенский М. А.* Новый летописец и при нём дополнения, и предисловие // *Временник Московского общества истории и древностей российских.* Кн. 17. М., 1857. Отд. 2. С. 155).

Играют в зернь у Яузских ворот. — Зернь — старинная игра в кости. Яузские ворота — одна из десяти «воротных» башен крепостной стены вокруг Китай-города. П. В. Сытин связывает её строительство в 1586—1593 гг. с опустошительным набегом на Москву крымского хана Девлет-Гирея в 1571 г. (см.: *Сытин П. В.* Из истории московских улиц. М., 1958. С. 119).

Вас келарь Авраамий / Из таборов погнал святой иконой. — 24 августа 1612 г. Авраамий Палицын (ок. 1550—1626) обратился к казакам с лстивой речью, уверяя, что «от них начася дело доброе, ставших крепко за истинную православную Христианскую веру, и раны многи приемлюще, и глад и наготу терпяще, и прослывшие во многих дальних государствах своею храбростию и мужеством» (*Палицын А.* Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря от поляков и литвы и о бывших потом в России мятежах. С. 274—275). Эти слова тронули казаков; они отвечали, что готовы сражаться с неприятелем.

С. 355. *...у Ильи...* — Т. е. в церкви пророка Божия Ильи, построенной в конце XVI в. в Обьденском переулке. Авраамий Палицын свидетельствует, что 24 августа служил в этом месте молебен: «...тогда старец с прочими молебная совершающе пред образом Святыя и Живоначальныя Троицы и Пречистыя Богородицы и великих чудотворцов Сергия и Никона, молящеся о побеждении на враги на месте, идеже был обыденный храм во имя святого пророка Ильи» (*Палицын А.* Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря от поляков и литвы и о бывших потом в России мятежах. С. 273—274).

...из пицалей... — Пицаль — здесь: старинное ружьё и пушка мелкого калибра.

С. 356. *От Крымского двора...* — Двор на правом берегу Москвы-реки, где в XVI—XVIII вв. жили представители крымского хана (см.: *Сытин П. В.* Из истории московских улиц. С. 462).

В свой старый стан, к монастырю Донскому... — Донской монастырь был построен в 1592 г. на месте разгрома крымского хана Казы-Гирея; располагается вблизи современной Малой Калужской улицы. Не сумев одолеть войско Пожарского 22 августа 1612 г., гетман Ходкевич «ста на горе Поклонной, а оттуда прешед, ста у обители, нарицаемой Донския» (*Оболенский М. А.* Новый летописец и при нём дополнения, и предисловие // *Временник Московского общества истории и древностей российских.* С. 255). С. М. Соловьёв считает, что этим манёвром гетман надеялся «пробиться к городу по Замоскворечью через нынешние Ордынскую и Пятницкую улицы; очень быть может, что он не надеялся встретить сильного сопротивления со стороны стоявших здесь казаков Трубецкого, ибо видел равнодушие их накануне; он мог надеяться, что ополчение Пожарского захочет отомстить казакам и не двинется к ним на помощь» (*Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён: в 29 т. Т. 8. СПб., 1896. С. 1031).

С. 357. *Голутва* — здесь: беднота, нищие.

Сполагоря — т. е. «с небольшими заботами, льготно, легко» (*Даль.* Т. 4. С. 295).

С. 358. *Как гетман вас погнал с Девичья поля?* — Девичье поле — равнина перед Новодевичьим Богородице-Смоленским монастырём, построенным в 1524 г. Во время нападения Ходкевича на полки Пожарского 22 августа 1612 г. лишь отдельные атаманы Трубецкого, в числе которых был и Афанасий Коломна, бросились на помощь, «глаголюще к Трубецкому: в вашей нелюбви к Московскому государству и ратным людям пагуба точию чинится» (*Оболенский М. А.* Новый летописец и при нём дополнения, и предисловие // *Временник Московского общества истории и древностей российских.* С. 255).

С. 360. *Екатерининский свой стан покинул...* — т. е. укреплённый лагерь около церкви великомученицы Екатерины (XVI в.) на улице Ордынке. Когда Минин, следуя намеченному плану, перешёл реку и устремился на две польские роты, те испугались и, «не дожидавшись ещё дела, дрогнули и побежали, конные потоптали пеших. Козьма ещё прытче погнал за ними... Гетман не выдержал этого натиска, — дрогнул и побежал со всем войском, оставив храбрым в добычу свои таборы со всеми запасами» (*Забелин И. Е.* Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1896. С. 105).

С. 361. *Суля* — см. комментарий к слову *Сулейка* на с. 675.

С. 364. *Благоприятель* — приятель, хорошо знакомый, доброжелательный человек. Ср., напр., в «Записках из мёртвого дома» Ф. М. Достоевского: «Тут у меня ещё двое благоприятелей, говорит, тоже у генерала Кукушкина служат» (*Достоевский Ф. М.* Собр. соч.: в 30 т. Т. 4. Л., 1972. С. 163).

С. 369. *...в ярыжных.* — Ярыжный, ярыга — здесь: пьяница, беспутный человек.

С. 374. *...дворянством думным.* — Думный дворянин — придворный чин в Русском государстве в XVI—XVII вв. «Сим именем назывались они потому, — поясняет Г. П. Успенский, — что были членами тайной государственной думы или Совета, в котором вместе с боярами и окольничими присутствовали. Они были люди испытанные в делах и производились в чин сей либо по известности о их качествах из стольников, дворян и думных дьяков и даже из княжеских и других знатнейших

фамилий, хотя изредка» (*Успенский Г. П.* Опыт повествования о древностях русских Гавриила Успенского, Императорского Харьковского университета п.о. профессора истории, статистики и географии Российского государства и разных учёных обществ члена: в 2 ч. Ч. 1. Харьков, 1818. С. 161). Сведения о присвоении Минину почётного звания Островский мог заимствовать из статьи П. И. Мельникова-Печерского: «Минин получил звание думного дворянина, дом в Нижнем и поместье в Березопольском Стану: село Богородское, 8 деревень (Цепелева, Высокого, Осиновка, Песошная, Баклановка, Коростелиха, Дикое-Рамень и Выболова) и 3 пустоши (Окуловская, Орлова и Зинова-Дуброва)» (*Мельников П.* Нижний Новгород и нижегородцы в Смутное время // *ОЗ.* 1843. Т. 29. Отд. II. С. 30).

А. А. Виноградов

ВОЕВОДА (СОН НА ВОЛГЕ) <Вторая редакция >

Вторая редакция «Воеводы» при жизни автора не была опубликована. Впервые появилась в печати в 1890 г. (*Островский А. Н.* Сочинения. 9-е изд. Т. 4. М.: Изд-е книжного магазина В. Думнова, 1890. С. 271—407).

Рукописные источники:

— черновой автограф (ЧА): РГБ. Ф. 216. М. 3097. Ед. хр. 5. Папка 1. На л. 1 помета: «Позднейшая переделка “Воеводы” 1885 года»;

— театральная писарская копия (ТПК₁): МТ. № 5976. Режиссёрский экземпляр с поправками Островского, устраняющими ошибки переписчика. На титульном и на последнем листе цензорская надпись: «К представлению дозволено. С.-Петербург. 22-го ноября 1885 года. Цензор драматических сочинений Кейзер фон Нилькгейм»;

— театральная писарская копия (ТПК₂): МТ. № 1072. Суфлёрский экземпляр, текст которого во многом совпадает с текстом режиссёрского экземпляра;

— цензурная писарская копия (ЦПК): ГТБ. 28209. № 5044. С правкой автора. Вверху титульного листа дата: «22 ноя<бря> 1885». Внизу цензорская надпись: «К представлению дозволено. 23 ноября 1885 г. Цензор драматических сочинений» Кейзер фон Нилькгейм».

Печатается по тексту ЦПК со следующими основными исправлениями:

С. 402

³³ Вместо: шут — идут (по ТПК₁, ТПК₂)

С. 403

⁵ Вместо: питьё — шитьё (по ТПК₁, ТПК₂)

С. 407

⁴ Вместо: У живого — А у живого (по ТПК₁, ТПК₂)

С. 410

²² Вместо: Что — Чего (по ТПК₁, ТПК₂)

С. 414

¹¹ Вместо: медвежья дрань — медвежья дрань (по ЧА, ТПК₁, ТПК₂)

- С. 421
²² Восстановлена ремарка: *Сени в доме Бастрюкова.* (по ТПК₁, ТПК₂)
- С. 426
¹⁸ *Вместо:* упустишь — уступишь (по ЧА)
- С. 445
²² *Вместо:* Не велика — Невеличка (по ЧА)
- С. 446
¹¹ *Вместо:* так — мол (по ТПК₁, ТПК₂)
- С. 455
⁵ *Вместо:* разгладит — разлощит (по ЧА, ТПК₁, ТПК₂)
- С. 456
¹⁴ Восстановлены слова: сип да воп (по ТПК₁, ТПК₂)
- С. 458
¹⁵ *Вместо:* посадные — голодные (по ЧА, ТПК₁, ТПК₂)
- С. 460
¹⁷ *Вместо:* Благодарствуйте. — Бладарствуйте. (по ЧА)
- С. 467
³⁶ *Вместо:* черти — черни (по ТПК₁, ТПК₂)
- С. 468
²⁹ Восстановлено слово: Сарынь (по ТПК₁, ТПК₂)
- С. 495
¹⁷ *Вместо:* Во чужих — В чужих (по ТПК₁, ТПК₂)
- С. 497
¹⁷ *Вместо:* вопль — воп (по ЧА, ТПК₁, ТПК₂)
- С. 504
²⁷ Восстановлено слово: в о е в о д а (по ТПК₁, ТПК₂)

В 1885 г. Островский существенно переработал текст пьесы для её постановки на сцене московского Малого театра. В одном из сохранившихся номеров «Современника» рукой автора сделаны корректурные отметки и правки в тексте первой редакции (см.: РГБ. Ф. 216. М. 3097. Ед. хр. 5. Папка 2). Более сценичная и динамичная вторая редакция «Воеводы» должна была явить пример спектакля, созданного под руководством режиссёра-драматурга, 1 января 1886 г. вступившего на пост заведующего репертуарной частью московских императорских театров.

Другой причиной, побудившей Островского к переработке комедии, стало ужесточение цензурной политики. В 1881 г. цензура перешла в ведомство Министерства внутренних дел, а принятое в том же году «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» заметно ограничивало деятельность общественных институтов. Возможно, в силу этих причин во второй редакции «Воеводы» автор смягчил остроту социального конфликта. Особое значение в комедии приобрела фигура смиренного Пустынника, кардинально изменившего финал истории. Под влиянием мудрого старца и разбойник Роман Дубровин, и сластолюбец Нечай Шалыгин добровольно выбирают путь покаяния и искупления прошлых грехов.

Однако ещё из ЧА первой редакции комедии видно, что драматург большое внимание уделял характеру Пустынника. В рукописи содержится не вошедший

в печатный текст монолог старца, воссоздающий историю его иноческого пути: «Любил терпеть, сносить обиды, плакать / За всех обиженных, за всех молиться, / И ото всех в дому обидим был. / На возрасте, боясь людской неправды / И зависти, и властного насилия, / Я разделил по бедным всё наследство / Отцовское, а сам остался нищ» (Л. 24). Судя по этому монологу, Островский стремился создать образ монаха-пустынника, являвшего собой духовный ориентир для других героев пьесы. Фрагмент монолога, содержащий элементы автобиографии старца, не вошёл в текст пьесы.

Характер работы над образом Шалыгина свидетельствует о намерении драматурга уйти от гротескного изображения фигуры воеводы к психологической обрисовке характера и душевного мира героя. Во второй редакции пьесы те черты в характере Шалыгина, которые указывали на его способность к нравственной оценке действительности, выражены с ещё большей степенью отчётливости. И проявлены они в тех эпизодах, где возникает образ Пустынника, под непосредственным влиянием которого Шалыгин неожиданно для читателя встаёт на путь духовного спасения и совершает подвиг смирения.

Ча второй редакции пьесы предваряет незавершённая надпись, сделанная драматургом в верхней части листа и обозначенная как «Речь артистам»: «От вас не потребует таланта больше того, что вы имеете. От вас потребуются, чтобы вы употребляли его весь и чтобы употребляли на доброе и честное дело: а доброе и честное не такие большие требования, которые было бы трудно исполнять. Итак, начнём служ<ить> велик<ому> искусству, посвятим...»

Первоначально драматург составил план IV действия, который он впоследствии зачеркнул. Судя по этому плану, IV действие должно было включать в себя 8 явлений. В основе 3-го явления была сцена «Дубровин и Пустынник», ставшая впоследствии основой 4-го явления. 4-е явление, озаглавленное в Ча «Дубровин один», в окончательный текст не вошло. Скорее всего, в процессе написания пьесы два явления (3-е и 4-е) были объединены в одно. 5-е явление «Дубровин и разбойники» в окончательном тексте стало 3-м. Вместо него в 5-м явлении представлены «Служка, Щербак, Каурый, потом Пустынник». 6-е и 7-е явления («Дубровин и Пустынник» и «Дубров<ин> и Ерголь») не вошли в окончательный текст, а 8-е явление («Воевода и Пустынник») стало 6-м. Авторский замысел претерпел существенные изменения в процессе написания черногового варианта текста, поскольку в самой рукописи после всех правок вместо предполагавшихся изначально восемью осталось лишь шесть явлений IV действия.

Невзирая на ужесточение цензурных притеснений, во второй редакции Островский явно намекает на восстание Степана Разина. На вопрос Пустынника о своих дальнейших действиях Роман Дубровин прямо называет имя Разина: «К Степану Тимофеичу зовут». Реплика эта не вошла в окончательный текст, но вряд ли главной причиной отказа от открыто звучащего разинского мотива было желание Островского обойти цензуру. По справедливому замечанию Л. М. Лотман, «разинская тема не только не ослабла во второй редакции, но кое-где прозвучала более определённо, чем в первой» (ПСС-12. Т. 6. С. 581).

После того как в 1885 г. Островский существенно переработал текст пьесы, она была поставлена в Москве на сцене Малого театра в бенефис г. Рыбакова 19 января 1886 г. Роли исполняли: Шалыгин — А. П. Ленский, Семён Бастрыков —

М. П. Садовский, Степан Бастрюков — А. И. Ожин, Роман Дубровин — К. Н. Рыбаков, Бессудный — Н. И. Музиль, Неустройко — В. А. Макшеев, Неждан — Н. М. Никифоров, Дюжой — И. Н. Греков, Настасья — С. П. Акимова, Несмеянов — К. П. Колосов, Брусенин — Н. Д. Папков, Цаплин — А. М. Невский, Тыра — М. И. Лавров (Лавров 2-й), Гришка Жилка — П. Я. Рябов, Резвый — Д. В. Живокини (Живокини 2-й), Прасковья — О. П. Владимирова, Марья — И. П. Уманец-Райская, Недвига и Старуха-крестьянка — О. О. Садовская, Олёна — М. Н. Ермолова, Домовой — А. П. Щепкина.

Подготовка спектакля проходила при участии драматурга, посвятившего работе с артистами немало сил и времени. Актёр А. П. Ленский вспоминал об этом периоде: «Когда покойный Александр Николаевич Островский назначил мне роль Воеводы в своей пьесе того же названия, я спросил у него, чего он желал бы от меня по части грима. Островский сказал: “Что хотите, то и делайте — дело ваше. Только не гримитесь свирепым. Я себе его представляю, — продолжал он, — весьма благообразным стариком. Нечай Шалыгин — такой же, как и все бояре того времени, не лучше, не хуже; и до него были такие же воеводы, были такие же и после него. Запарывать насмерть своих холопей, грабить посадских, забирать у них жён — дело обычное; найдись такой, что не делал бы этого, — он был бы исключением»» (*Ленский А. П. Статьи. Письма. Записки. 2-е изд. М., 1950. С. 84*).

В дневниковых записях драматурга за январь 1886 г. сохранилось несколько упоминаний о подготовке спектакля: «11/23. Суббота. Почти весь день на репетиции “Воеводы”. Разбирали костюмы, неуменье шить русские костюмы; их должны шить портные, которые шьют кучерам»; «18/30. Суббота. Малый театр. Генеральная репетиция “Воеводы”. Выдаются: Рыбаков, Садовский, Ожин. Садовская очаровательна. Декорации художественны» (*ПСС-12. Т. 10. С. 432, 433*). Постановка комедии в новой редакции имела успех у зрителей. Через несколько дней после премьеры Островский отмечает: «Успех пьесы идёт крещендо» (Там же. С. 434), а спустя две недели ещё раз записывает в дневнике: «Малый театр. “Воевода”. Нравится всё более и более» (Там же. С. 435).

С. В. Флёров, печатавшийся под псевдонимом С. Васильев, в статье «Театральная хроника. Малый театр. “Воевода” А. Н. Островского», опубликованной в двух номерах газеты «Московские ведомости», отмечает: «Перенесённая из громадной оперной рамы Большого театра в уютную рамку специальной драматической сцены, пьеса А. Н. Островского впервые придвинулась к зрителям на расстояние, какое необходимо для полного уразумения всех подробностей художественного произведения» (*М. вед. 1886. № 36. 5 февр. С. 4*). Рецензент положительно отзывался о произведённых изменениях в тексте, отметив, что новая редакция пьесы «поэтичнее и глубже первой». Но недостаток её в том, что она стала «менее сценична»: «Я утверждаю, что изменив конец и порвав его органическую связь с прологом, в котором обиженный старик Бастрюков грозит найти на воеводу суд в Москве... автор ещё более заставил выступить самую слабую сторону пьесы: недостаточную яркость дурных сторон воеводы» (*М. вед. 1886. № 38. 8 февр. С. 5*). Успех пьесы у публики Флёров связывал с качеством постановки, находя её чрезмерно эффектной: «Тут есть солнечный восход в тумане, яркий солнечный свет, нахождение тучи, гроза, прояснение неба и опять солнечное сияние». Такая динамика световых эффектов, по мнению критика, легко «может наскучить», тогда как «музыкальные нумера», включённые в ткань спектакля, напротив, «вызывают живой отклик зрителей» (*М. вед. 1886. № 36*).

5 февр. С. 5). Колыбельная песня старухи-крестьянки названа в рецензии «маленькой жемчужиной»: «Трудно представить себе, как неотразимо запечатлевается в слухе эта простая, задушевная мелодия...» (Там же). Критик отмечал слаженную игру актёров: Рыбаков «прекрасно ведёт очень трудную роль Дубровина», Садовская «вполне художественно воплощает образ старой няньки в первых двух действиях и старухи-бабки в третьем действии»; «дышащую правдой жанровую фигуру» создаёт Рябов в роли отставного подьячего Жилки». Критично отнёсся Васильев к идее отдать роль Домового женщине-актрисе: «Я совершенно не согласен со внешним обликом Домового. Его играет г-жа Щепкина, и это уже достаточно уяснит вам, что Домовой является в виде крохотного старичка. Старичок этот отличается необыкновенною юркостью. Он порывисто, дробно семеня ножками, на кончиках пальцев перебегают из одного угла в другой, порывисто поднимает вверх свой фонарик, порывисто заглядывает в лицо спящей Марьи Власьевны и порывисто исчезает. <...> Чудесно задуманный художественный эффект совершенно терялся... Домовой не гном и не *Kobold*¹; он слышит в народе дедушкой и хозяином...». Также И. П. Уманец-Райской не удалось создать достоверный образ Марьи Власьевны, а Садовский «не на месте старика Бастрюкова», поскольку у артиста «добродушно-простоватый» тип лица, а в голосе «слышится деланный, детский бас» (Там же). Воевода в исполнении А. П. Ленского — «умный и властный старик, горячий и страстный, второй экземпляр Мазепы». Но ему «следовало бы... дать резче почувствовать волка под овечьей шкурой» (*М. вед.* 1886. № 38. 8 февр. С. 5).

Вторая редакция «Воеводы» в постановке Островского на сцене Малого театра прошла 12 раз. После смерти драматурга и до 1900 г. пьеса была показана театральному зрителю 56 раз. С неизменным успехом шла комедия в провинциальных театрах Нижнего Новгорода, Воронежа, Пензы, Казани, Уфы, Перми и других российских городов.

Е. Н. Белякова

<ФРАГМЕНТ ДРАМЫ, ПОСВЯЩЁННОЙ КСЕНИИ ГОДУНОВОЙ>

Впервые опубликовано (не полностью): *Ревякин А. И.* Неоконченные произведения А. Н. Островского «Лиса Патрикеевна» и «Александр Македонский» // Учёные записки Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потёмкина. Т. 20. Кафедра русской литературы. Вып. 2. М., 1953. С. 97—98.

Рукописный источник:

— черновой набросок (ЧН) на листе ЧА комедии «Свои люди — сочтёмся!» (*ИРЛИ*. Ф. 218. Оп. 1. Л. 241—243).

Печатается по тексту ЧН.

В верхней части листа расположено название «Лиса Патрикеевна», вычеркнутое в дальнейшем. Исходя из трагического содержания отрывка, можно допустить, что оно относилось к некоему первоначальному замыслу, так и нереализованному.

¹ Kobold (нем.) — чертёнок.

Набросок можно датировать лишь приблизительно, опираясь на период, пока автограф комедии «Свои люди...» находился у Островского — с конца 1849 г. до ноября 1855 г.

В этом тексте драматург впервые наметил тот период русской истории, к которому впоследствии будет обращаться в своих хрониках. Основным персонажем задуманной драмы должна была стать дочь Бориса Годунова — княжна Ксения. Её трагическая судьба заинтересовала драматурга. Сначала потеряв жениха, затем отца, она осталась совсем одна в Москве, захваченной Лжедмитрием. Отец Марины Мнишек подозревал Самозванца в связи с несчастной женщиной и потребовал её отправки за пределы города, что и было сделано. Под именем Ольги она стала послушницей Белозерского монастыря, где провела остаток своей жизни.

В сохранившемся фрагменте драмы основными героями предстают прислужницы княжны и её мамка. Прокофьевна отправляется на площадь, чтобы посмотреть на встречу датского герцога Иоанна, наречённого жениха Ксении. Как известно, по обычаям того времени, ни невеста, ни жених не могли видеть друг друга до обручения. Естественно, что Аксинья Борисовна, не имея возможности присутствовать при выходе своего жениха, пожелала узнать о нём через свою мамку.

Русская история и особенно период царствования Бориса Годунова интересовали Островского ещё со времён университетской жизни, когда он слушал лекции профессора М. П. Погодина, известного своими восторженными отзывами о правлении Годунова — «просветителя и борца с родовитым консервативным дворянством» (*Ревакин А. И. Незаконченные исторические произведения А. Н. Островского «Лиса Патрикеевна» и «Александр Македонский» // А. Н. Островский, А. П. Чехов и литературный процесс XIX—XX вв. М., 2003. С. 125*). После знаменитой литературной экспедиции, организованной Морским ведомством, у драматурга появился интерес к жанру драматической хроники. Вдохновившись видами Волги, Островский запланировал написать несколько подобных произведений, сюжеты которых были позаимствованы из Смутного времени и других периодов русской истории. Вернувшись из экспедиции, Островский погрузился в изучение различных исторических документов и начал подбор фактов для будущих пьес. Возможно, замысел пьесы о Ксении Годуновой возник при чтении фрагмента из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, повествующего о событиях 19 сентября 1602 г.: «Но жених не видел Ксении, веря только слуху о прелестях ея, любезных свойствах, достоинствах, и не обманываясь. Современники пишут, что она была среднего роста, полна телом и стройна; имела белизну млечную, волосы чёрные, густые и длинные, трубами лежащие на плечах,— лицо свежее, румяное, брови союзные, глаза большие, чёрные, светлые, красоты несказанной, особенно когда блистали в них слёзы умиления и жалости; не менее пленяла и душою, кротостью, благоречием, умом и вкусом образованным, любя книги и сладкие песни духовные. Строгий обычай не позволял показывать и такой невесты прежде времени; сама же Ксения и царица могли видеть Иоанна скрытно, издали, как думали его спутники. Обручение и свадьбу отложили до зимы, готовясь к тому вместо пиров молитвою: родители, невеста и брат ее поехали в Лавру Троицкую» (*Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1892. Т. 11. С. 30*).

Можно предположить, что в этой пьесе Островский, как и Пушкин в «Борисе Годунове», планировал отвести основную роль народным характерам. Недаром

первые лица, появляющиеся перед зрителем, — это прислуга и мамка, говорящие между собой прекрасным народно-песенным языком.

С. 511. *Попритчилось* — померещилось, показалось.

С. 512. *Растобарывать* — разговаривать о том о сём; болтать, от безделья рассуждать о чём придётся (см.: *Даль*. Т. 4. С. 74).

Ретивое — здесь: сердце.

Аксинья Борисовна — Ксения Борисовна Годунова — царевна, дочь царя Бориса Годунова.

...Как выдают её, мою голубушку, / За немца некрещёнова. — Предположительно, речь идёт о сватовстве эрцгерцога Максимилиана Эрнста Австрийского (см.: *Александренко В. Н.* Материалы по Смутному времени на Руси XVII в. // *Старина и новизна*. Кн. 14. М., 1911. С. 306—308).

Да говорят, что он в нашу веру / Окрестится. — Одним из условий помолвки был переход жениха в православие. Именно из-за этого договор не состоялся (см.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. 2-е изд., испр. Т. 11. СПб., 1824. С. 35).

А. С. Перникова

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

АПК — авторизованная писарская копия.

БА — беловой автограф.

ТПК — театральная писарская копия.

ЦПК — цензурная писарская копия.

ЧА — черновой автограф.

ЧН — черновые наброски.

МЕСТА ХРАНЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

ГТБ — Санкт-Петербургская государственная Театральная библиотека. Отдел редкой книги, рукописных, архивных и иконографических материалов.

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук.

МТ — Спецбиблиотека Государственного академического Малого театра.

РГБ — Российская государственная библиотека. Научно-исследовательский отдел рукописей (до 1992 — *ГБЛ* — Государственная библиотека им. В. И. Ленина).

РГИА — Российский государственный исторический архив.

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ, ГАЗЕТЫ

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук. Т. 1—4. СПб., 1836.

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. 2—4. СПб., 1841—1842.

БдЧ — журнал «Библиотека для чтения».

ЕИТ — Ежегодник императорских театров.

ИВ — журнал «Исторический вестник».

М. вед. — газета «Московские ведомости».

НВ — газета «Новое время».

ОЗ — журнал «Отечественные записки».

Пб. газета — газета «Петербургская газета».

Пб. листок — газета «Петербургский листок».

РВ — журнал «Русский вестник».

Рсл. — журнал «Русское слово».

Рус. вед. — газета «Русские ведомости».

Рус. инвалид — газета «Русский инвалид».

Совр. — журнал «Современник».

СПбВед. — газета «Санкт-Петербургские ведомости».

- Бочкарёв — Бочкарёв В. А.* А. Н. Островский и русская историческая драма // Учёные записки Куйбышев. гос. пед. ин-та им. В. В. Куйбышева. Вып. 13. Куйбышев, 1955.
- Бурдин — А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин.* Незданные письма: Из собр. Гос. театр. музея им. А. А. Бахрушина. М.; Пг., 1923.
- Восп.* — А. Н. Островский в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1966.
- Даль — Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1880—1882.
- Кашин — Кашин Н. П.* Этюды об А. Н. Островском: в 2 т. М.: Типолитограф. т-ва И. Н. Кушнерёв и К°, 1912.
- Коган — Коган Л. Р.* Летопись жизни и творчества А. Н. Островского. М.: Гос. изд-во культур.-просвет. лит., 1953.
- ЛН — Литературное наследство.* Т. 88: А. Н. Островский. Новые материалы и исследования: в 2 кн. М.: Наука, 1974.
- Неизд. письма —* Незданные письма к А. Н. Островскому. М.; Л.: Academia, 1932.
- Просв. — Островский А. Н.* Полное собрание сочинений: в 10 т. СПб.: Просвещение, 1904—1909.
- ПСС-12 — Островский А. Н.* Полное собрание сочинений: в 12 т. М.: Искусство, 1973—1980.
- Русский биографический словарь —* Русский биографический словарь: в 25 т. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1896—1913.
- Словарь к пьесам — Ашукин Н. С., Ожегов С. И., Филиппов В. А.* Словарь к пьесам А. Н. Островского. М.: Веста, 1993.
- Соболевский — Соболевский А. И.* Великорусские народные песни: в 7 т. СПб.: Гос. тип., 1895—1902.
- Сомов — Сомов В. П.* Словарь редких и забытых слов. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1996.
- ЭСБЭ —* Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: в 86 т. СПб.: АО «Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон», 1890—1907.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аверьянов К. А. 686
 Авраамий Палицын 653, 686, 687
 Адлерберг В. Ф. 641
 Акимова С. П. 668, 672, 692
 Аксаков К. С. 630, 636
 Александр Македонский 636
 Александренко В. Н. 695
 Александрова М. А. (Александрова 1-я) 664
 Алексеев А. А. 664
 Алексей Михайлович (Романов), русский царь 686
 Алмазов Б. Н. 640
 Алябьев А. С. 648, 652
 Андронов Ф. И. 648
 Аникина Д. М. 634
 Анненков П. В. 628, 641, 642, 645—647, 664—666
 Аренский А. С. 634, 672
 Афанасьев А. Н. 675, 676
 Ашукин Н. С. 697
 Баженов А. Н. 670—672, 684
 Баренцев В. Г. 676
 Бахметьева М. В. (Васильева 2-я) см. Островская М. В.
 Бекетов В. Н. 641
 Белякова Е. Н. 634, 678, 693
 Бенардаки 640, 642
 Бентовин Б. И. 686
 Берков П. Н. 677
 Бессонов П. А. 651, 654
 Бибилов Г. П. 686
 Благосветлов Г. Е. 636, 638
 Блинчевская М. Я. 641
 Боборыкин П. Д. 640
 Богуславский В. В. 651
 Болотников И. И. 648, 649
 Бонч-Бруевич В. Д. 652
 Борисов И. П. 634, 662
 Бороздина В. В. 669
 Бочкарев В. А. 628, 660, 679, 697
 Брокгауз Ф. А. 697
 Бубнов П. 664
 Бурдин Ф. А. 627, 640, 660, 663, 664, 678—683, 697
 Варламов К. А. 685
 Васильев В. И. 664
 Васильева Е. Н. (Васильева 1-я) 669, 672
 Васильева М. В. (Васильева 2-я) см. Островская М. В.
 Вербя И. П. 634
 Веселовский К. С. 641
 Вильде Н. Е. 668, 671, 683
 Виноградов А. А. 628, 634, 642, 689
 Владимирова Е. В. (Владимирова 1-я) 663, 664, 682, 683
 Владимирова О. П. 692
 Владислав 649
 Владыкин М. Н. 669
 Вольф М. О. 697
 Воронов 680
 Воронова Н. П. 664, 668
 Воронский 669
 Вяземский С. Ю. 650
 Геденонов С. А. 627
 Гермоген (Ермоген) 648, 650, 653
 Глинка М. И. 636
 Глинка С. Н. 636
 Гоголь Н. В. 630
 Годунов Борис Фёдорович, русский царь 636, 677, 694, 695
 Годунова Ксения Борисовна, царевна 634, 693—695
 Голенищев-Кутузов А. А. 685
 Голохвастов 658, 678
 Голубинцев Н. И. 674
 Горбунов И. Ф. 638, 640, 664, 682, 683
 Грановский Т. Н. 636
 Греков И. Н. 692
 Грибоедов А. С. 630
 Григорьев А. А. 628, 645, 646, 654, 683
 Григорьев П. И. (Григорьев 1-й) 664, 682
 Громова П. К. 664, 682
 Гундуров 685
 Давыдов В. Н. 685
 Давыдов Н. И. 638

- Даль В. И. 654, 655, 675, 676, 678, 686, 688, 695, 697
 Девлет-Гирей 677
 Де-Лазари 672
 Денисюк Н. Ф. 669, 670
 Дионисий 653
 Дмитриевский В. А. 668, 683, 684
 Дмитрий Иванович (Рюрикович), царевич 651
 Долинов А. И. 684
 Достоевский Ф. М. 645, 661, 688
 Дудышкин С. С. 644, 645
 Думнов В. 689
 Дурылин С. Н. 659
 Душкин 669
 Ежов Н. М. 685
 Ермак 650
 Ермолова М. Н. 692
 Ефрон И. А. 697
 Железнов И. 650
 Желябужский 685
 Живокини В. И. 668, 671
 Живокини Д. В. (Живокини 2-й) 668, 683, 692
 Жулин Г. Н. 664
 Забелин И. Е. 627, 629, 637, 653, 660, 688
 Загорский К. В. 638
 Загуляев М. А. 682
 Заочный Василий *см.* Ржевский В. К.
 Заруцкий И. М. 648, 649
 Звягин Ф. 658, 678
 Зубров П. И. 664, 682, 683
 Иоанн IV Васильевич (Иван Грозный), русский царь 627, 631, 650, 651
 Иванов В. К. 643—645
 Иванов Ф. Ф. 629, 630
 Измайлов А. А. 685
 Иоанн Златоуст 650
 Кавелин К. Д. 627
 Кавос К. А. 636
 Казы-Гирей 688
 Калачов Н. В. 637, 653, 659
 Карамзин Н. М. 627, 649, 694, 695
 Каратыгин В. А. (Каратыгин 1-й) 685
 Каратыгин П. А. 668
 Карушева М. Ю. 630
 Кашин Н. П. 628, 637, 640, 643, 658, 659, 679, 697
 Кашперов В. Н. 677
 Кейзер фон Нилькгейм Е. И. 689
 Киреевский П. В. 650, 675
 Ключевский В. О. 632
 Коган Л. Р. 660, 663, 664, 697
 Кожанчиков Д. Е. 642
 Козлов Н. С. 643
 Козловский А. О. 659
 Коломна А. 688
 Колосов К. П. 668, 692
 Колосова А. И. 669, 671
 Конради П. П. 685
 Косица Н. 628
 Костомаров Н. И. 627, 660, 663, 673, 674, 675
 Котошихин Г. К. 659, 675
 Краевский А. А. 641
 Красовский 685
 Кремнев 669
 Кропачёв Н. А. 677
 Крупянская В. Ю. 660, 677
 Крылов И. А. 663
 Крюков Д. Л. 636
 Крюковский М. В. 636
 Кубиков И. Н. 679
 Кукольник Н. В. 636, 642, 645
 Курбатов О. А. 687
 Кушелёв-Безбородко Г. А. 638
 Кушнерёв И. Н. 697
 Кюхельбекер В. К. 630
 Лавров М. И. (Лавров 2-й) 669, 683, 692
 Левкеева Е. М. 664
 Ленский А. П. 691—693
 Леонидов Л. Л. 661, 663, 681, 682
 Лесков Н. С. 645
 Лжедмитрий II 648—650, 653
 Лжедмитрий III 649
 Линская Ю. Н. 664
 Листопадов А. М. 674
 Литвиненко Л. С. 637
 Литвинов И. М. 641
 Лобков 681
 Лозанова А. Н. 674

- Лотман Л. М. 628, 650, 691
 Ляпунов П. П. 636, 641, 645, 648, 649, 651, 652
 Максимилиан Эрнст Австрийский 695
 Максимов С. В. 636, 657
 Макшеев В. А. 692
 Малышев П. И. 682
 Марковецкий С. Я. 679, 682
 Матвеев 669
 Машинский С. И. 679
 Мей Л. А. 627, 631
 Мельников-Печерский П. И. 637, 643, 644, 653, 689
 Мизюков М. А. 686
 Миленский 669
 Минин К. З. 629, 636, 643—645, 653, 686, 688, 689
 Михаил Фёдорович (Романов), русский царь 632, 636, 645, 651, 684, 686
 Михайлов А. С. 686
 Михновец Н. Г. 663
 Мнишек М. Ю. 649, 652, 694
 Мосеев Р. 653
 Музиль Н. И. 692
 Надеждин Н. Р. 664
 Нарезный В. Т. 630
 Невский А. М. 692
 Незнакомец *см.* Суворин А. С.
 Некрасов Н. А. 638, 640—642, 646, 656
 Нестеров П. Х. 659
 Никитин Н. 668
 Никифоров Н. М. 669, 684, 692
 Николаев И. И. 664
 Николай II 684
 Никулина-Косицкая Л. П. 669, 670
 Нильский А. А. 663, 682
 Нордстрем И. А. 641, 660, 663
 Оболенский М. А. 637, 651, 653, 687, 688
 Овчинина И. А. 634, 655
 Ожегов С. И. 697
 Омега Н. *см.* Щербина Н. Ф.
 Островская М. В. 663, 664, 669, 672, 684
 Островский М. Н. 638, 681—683
 Отрепьев Г. Б. (Лжедмитрий I) 651, 694
 Оффенбах Ж. 680
 Падарин 685
 Панаев И. И. 638, 642, 656
 Папков Н. Д. 692
 Пахомов 653
 Перникова А. С. 634, 695
 Петров Е. О. 668, 683
 Петров Н. О. 664
 Петровский П. Я. 664
 Писарев Д. И. 645, 662, 663
 Погодин М. П. 636, 694
 Подобедова Е. И. (Подобедова 2-я) 664
 Пожарский Д. М. 629, 636, 640, 641, 643, 648, 649, 652, 654, 679, 686—688
 Полевой Н. А. 636
 Полтавцев В. Я. 664
 Полтавцев К. Н. 668, 669, 671
 Пономарёв А. М. 669
 Пономарьков А. 674
 Попов П. М. 636
 Потапов А. Л. 641
 Пронский П. П. 664, 682
 Просовецкий А. З. 648, 653, 654
 Пугачёв Е. И. 674
 Пушкин А. С. 628, 630, 647, 685, 694
 Пыпин А. Н. 663
 Разин С. Т. 633, 660, 674, 676, 691
 Ракитин Ю. Л. 685
 Рассказов А. А. 669, 672
 Ревякин А. И. 636, 680, 693, 694
 Репнин А. А. 652, 654
 Ржевский В. К. 642
 Россовский Н. А. 684
 Рыбаков К. Н. 691—693
 Рыкалова Н. В. 684
 Рылеев К. Ф. 630
 Рябов П. Я. 684, 692, 693
 Савина А. П. 669
 Савина М. Г. 684, 685
 Садовская О. О. 692, 693
 Садовский М. П. 691—693
 Садовский П. М. 668, 671, 672, 683, 684
 Сазонов Н. Ф. 682
 Салтыков М. Г. 648, 649
 Салтыков-Щедрин М. Е. 627
 Самойлов В. В. 663, 678, 679, 681, 682
 Свободов А. С. 641, 679

- Семевский М. И. 636, 638
 Семёнов 669
 Сердюченко Г. 674
 Сигизмунд III 648, 649
 Сикевич В. М. 660, 661
 Скарятин 673
 Скопин-Шуйский М. В. 649
 Скороходов И. Н. 697
 Скотти М. И. 681
 Смирнов-Ульяновский В. А. 674
 Соболевский А. И. 675—677, 697
 Соловьёв С. М. 627, 644, 688
 Сомов В. П. 673—677, 697
 Сосницкий И. И. 682, 683
 Срезневский И. И. 652
 Старк Э. А. 684
 Стахович М. А. 674
 Степанов А. Н. 637
 Степанов П. Г. 669, 671
 Степанов П. С. 664, 682
 Суворин А. С. 645, 661, 686
 Судьбинин И. И. 685
 Сумароков А. П. 630
 Сусанин И. 636
 Сытин П. В. 687, 688
 Тихомиров В. В. 646
 Токарев С. А. 654
 Толстой А. К. 627, 643
 Толстой Л. Н. 627, 629
 Третьяков 669
 Трубецкой Д. Т. 648, 649, 686—688
 Тургенев И. С. 634, 638, 645, 661, 662
 Уманец-Райская И. П. 692, 693
 Уманская М. М. 628, 637, 679
 Успенский Г. П. 688, 689
 Федотов А. Ф. 668, 684
 Фёдоров П. С. 640, 679, 680
 Филиппов В. А. 697
 Флёров С. В. 692
 Фридберг П. И. 680
 Хальчевская О. А. 686
 Херасков М. М. 636
 Ходкевич Я. К. 687, 688
 Ходотов Н. Н. 684
 Чаев Н. А. 627, 684
 Чайковский П. И. 634, 672, 675
 Чулков М. Д. 676
 Шамбинаго С. К. 679
 Шаховской А. А. 636
 Шевляков М. В. 668
 Шекспир У. 628, 647
 Шемаев В. Р. 664
 Шиллер Ф. 647
 Шуйский Василий Иванович, русский
 царь 627, 628, 649, 651, 652, 655
 Шумский С. В. 668, 671, 683
 Щапов А. П. 627, 660
 Щепкина А. П. 692, 693
 Щербина Н. Ф. 644, 646
 Южин А. И. 692
 Юркевич П. И. 680
 Якушкин П. И. 654

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

«Козьма Захарьич Минин, Сухорук». <Первая редакция> <i>Страница авторской рукописи (РГБ)</i>	С. 39
«Козьма Захарьич Минин, Сухорук». <Первая редакция> <i>Страница авторской рукописи (РГБ)</i>	С. 41
«Воевода (Сон на Волге)». <Первая редакция> <i>Страница авторской рукописи (РГБ)</i>	С. 195
«Воевода (Сон на Волге)». <Первая редакция> <i>Страница авторской рукописи (РГБ)</i>	С. 197
«Козьма Захарьич Минин, Сухорук». <Вторая редакция> <i>Страница авторизованной писарской копии (МТ)</i>	С. 279
«Воевода (Сон на Волге)». <Вторая редакция> <i>Страница авторской рукописи (РГБ)</i>	С. 389
«Воевода (Сон на Волге)». <Вторая редакция> <i>Страница авторской рукописи (РГБ)</i>	С. 391

СОДЕРЖАНИЕ

СОЧИНЕНИЯ (1861—1865)	5
Козьма Захарьич Минин, Сухорук <Первая редакция>	7
Воевода (Сон на Волге) <Первая редакция>	129
ПРИЛОЖЕНИЯ. ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ	275
Произведения, не опубликованные при жизни А. Н. Островского	277
Пьесы	277
Козьма Захарьич Минин, Сухорук <Вторая редакция>	277
Воевода (Сон на Волге) <Вторая редакция>	375
Набросок	511
<Фрагмент драмы, посвящённой Ксении Годуновой>	511
Варианты	514
Козьма Захарьич Минин, Сухорук <Первая редакция>	514
Воевода (Сон на Волге) <Первая редакция>	571
Козьма Захарьич Минин, Сухорук <Вторая редакция>	611
Воевода (Сон на Волге) <Вторая редакция>	615
КОММЕНТАРИИ	625
И. А. Овчинина. Исторические пьесы А. Н. Островского (1861—1865)	627
Козьма Захарьич Минин, Сухорук <Первая редакция>	635
Воевода (Сон на Волге) <Первая редакция>	655
Козьма Захарьич Минин, Сухорук <Вторая редакция>	678
Воевода (Сон на Волге) <Вторая редакция>	689
<Фрагмент драмы, посвящённой Ксении Годуновой>	693
Условные сокращения, принятые в данном томе	696
Указатель имён	698
Список иллюстраций	702

Научное издание

Островский Александр Николаевич

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ВОСЕМНАДЦАТИ ТОМАХ**

Том 4

**СОЧИНЕНИЯ
1861—1865**

Редактор тома

Овчинина Ирина Алексеевна

Подписано в печать 20.10.2021. Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 44. Тираж 300 экз.
Заказ 369.

ООО «Костромаиздат». 156000, Кострома, ул. Горная, 20а.
ИД «Линия График Кострома». 156000, Кострома, ул. П. Щербины, 9а.

